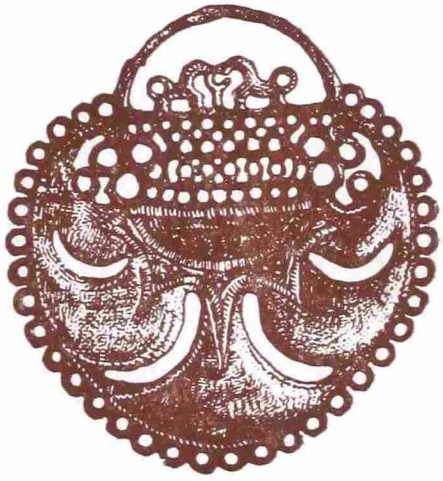
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2

1981

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2
1981

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)
И. И. Артеменко, *В. Д. Блаватский*, *Н. Н. Гурина*,
Л. В. Кольцов (отв. секретарь), *В. В. Кропоткин*,
Л. Р. Кызласов, *В. М. Массон*, *Р. М. Мунчаев*,
А. П. Окладников, *Б. Б. Пиотровский*,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора),
А. А. Формозов

СОДЕРЖАНИЕ

Крайнов Д. А. (Москва). К вопросу о происхождении волосовской культуры . . . 5
Аль-Наджар Мухаммед (Иордания, г. Амман). Памятники культуры ранней бронзы на территории Иордании (К вопросу о начале бронзового века Палестины) . . . 21
Шелов Д. Б. (Москва). Еще о боспорских монетах периода денежного кризиса III в. до н. э. . . . 31
Хожаниязов Г. (Нукус). История развития фортификации античного Хорезма . . . 43
Каспарова К. В. (Ленинград). Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры . . . 57
Тимощук Б. А., Русанова И. П., Михайлина Л. П. (Львов, Москва). Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины V—X вв. . . . 80
Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. (Ленинград). Согдийский город в начале средних веков (Итоги и методы исследования древнего Пенджикента) . . . 94
Макаров Н. А. (Москва). Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей . . . 111

Публикации

Буров Г. М. (Симферополь). Фрагменты саней с поселений Вис I (мезолит) и Вис II (I тысячелетие н. э.) . . . 117
Масимов И. С. (Ашхабад). Новые находки печатей эпохи бронзы с низовий Мургаба . . . 132
Никитин В. И., Черняков И. Т. (Николаев, Одесса). Курлозский клад эпохи поздней бронзы . . . 151
Афанасьев Г. Е., Козенкова В. И. (Москва). О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска . . . 161
Корякова Л. Н., Стефанов В. И. (Свердловск). Городище Инберень IV на Иртыше . . . 178
Белоцерковская И. В. (Москва). Керамика некоторых поселений раннего железного века на верхней Упе . . . 197

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1981 г.

Голенцов А. С., Петерс Б. Г. (Москва). Керамические клейма из раскопок Феодосии 1975—1977 гг. 207
Пуцко В. Г. (Калуга). Каменный рельеф из киевских находок 223
Сергина Т. В. (Москва). Поливная посуда из Смоленска 233

Заметки

Матюхин А. Е., Григорьева Г. В. (Ленинград). Технология изготовления наконечников из позднепалеолитической стоянки Корпач 245
Тимофеев В. И., Филиппов А. К. (Ленинград). Три изделия из рога северного оленя, найденные в Юго-Восточной Прибалтике 251
Жилин М. Г., Фролов А. С. (Москва). Мезолитическая стоянка Ладыжино III (по материалам раскопок 1976 и 1977 гг.) 255
Курбансахатов К. (Ашхабад). Антропоморфные изображения на пряслице энеолитического времени из Южного Туркменистана 260
Ильюков Л. С. (Ростов-на-Дону). Бронзовый топор из Прикубанья . . . 264
Монахов С. Ю. (Саратов). О штампах для клеймения херсонесских амфор 265
Железчиков Б. Ф., Пятых Г. Г. (Уральск, Москва). Среднесарматские погребения I Сорочинского могильника (Оренбургская область) 271
Гаджиев М. С. (Москва). Глиняные котлы IV—VI вв. из Дербента 276
Красильников К. И., Руженко А. А. (Ворошиловград). Погребение хирурга на древнеболгарском могильнике у с. Желтое 282
Чариков А. А. (Калинин). Статуя музыканта XII в. 289
Алешковский П. М., Чернов С. З. (Москва). Археологический комментарий к берестяным грамотам № 550 и 568 291
Абызова Е. Н. (Кишинев). Кашинный сосуд из Старого Орхея 296
Халимов Н. Б. (Ашхабад). Надгробие XIV века из Куня-Ургенча 298
Посредников В. А. (Донецк). Большеларьякское городище 299

Критика и библиография

Кольцов Л. В. (Москва). Tarrête J. Le Montmorencien. X-e Supplement á «Gallia Préhistoire». Paris, 1977 307
Бродянский Д. Л. (Владивосток). Андреева Ж. В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век (I тысячелетие до н. э.—VIII в. н. э.). М., 1977 311

Хроника

Памяти Варвары Андреевны Ильинской 317
Памяти Юрия Владимировича Кухаренко 318

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 2
1981

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Krainov D. A. (Moscow). On the Origin of the Volosovo Culture 5
Al-Nadjar Mohammed (Amman, Jordan). Monuments of the EBA I in Jordan 21
Shelov D. B. (Moscow). Once More on the Bosporan Coins of the Period of the 3rd Century B. C. Monetary Crisis 31
Khozhaniyazov G. (Nukus). Development of the Ancient Khwarezm Fortification System 43
Kasparova K. V. (Leningrad). The Formation of the Zarubintsy Culture and Its South-Western Links 57
Timoshchuk B. A., Rusanova I. P., Mikhailina L. P. (Lvov, Moscow). Some Results of Investigation of Slavic Sites of the 5th-10th Centuries A. D. in the Northern Bukovina 80
Belenitsky A. M., Marshak B. I., Raspopova V. I. (Leningrad). Sogdian Town in the Early Middle Ages 94
Makarov N. A. (Moscow). Stone Pillows in the Graves of Town Cemeteries of Ancient Russia 111

Publications

Burov G. M. (Simferopol). Sledge Fragments from the Settlements of Vis I (the Mesolithic) and Vis II (1st Millennium A. D.) 117
Masimov I. S. (Ashkhabad). New Finds of the Bronze Age Seals from the Lower Murgab 132
Nikitin V. I., Chernyakov I. T. (Nikolaeyev, Odessa). The LBA Kuryachie Lozy Hoard 151
Afanasyev G. E., Kozenkova V. I. (Moscow). On the Recently Discovered Funeral Complexes of the Pre-Scythian Period in the Kislovodsk Environs . . 161
Koryakova L. N., Stefanov V. I. (Sverdlovsk). The Fortified Settlement Inberen IV on the Irtysh River 178
Byelotserkovskaya I. V. (Moscow). Pottery from Early Iron Age Settlements on the Upper Upa River 197
Golentsov A. S., Peters B. G. (Moscow). Pottery Stamps from the Digs of 1975—1977 in Theodosia 207
Putsko V. G. (Kaluga). A Stone Relief from Kiev 223
Sergina T. V. (Moscow). Glazed Pottery from Smolensk 233

Notes

Matyukhin A. E., Grigorieva G. V. (Leningrad). The Technology of Manufacturing Arrowheads from the Late Palaeolithic Site of Korpach 245
Timofeyev V. I., Filippov A. K. (Leningrad). Three Reindeer Artifacts from the South-East of the Baltic Region 251
Zhilin M. G., Frolov A. S. (Moscow). The Mesolithic Site Ladyzhino III . . . 255
Kurbansakhatov K. (Ashkhabad). Anthropomorphic Drawings on the Aeneolithic Whorl from Southern Turkmenistan 260
Ilyukov L. S. (Rostov-on-Don). Bronze Axe from the Kuban River Area 264
Monakhov S. Yu. (Saratov). Seals of Chersonese Amphorae 265

Zhelezchikov B. F., Pyatykh G. G. (Uralsk, Moscow). The Mid-Sarmatian Burials of the Sorochinsk Burial Ground I (Orenburg District) . . . . .
Gadjiev M. S. (Moscow). The 4th-6th-Century Clay Cauldrons from Derbent
Krasilnikov K. I., Ruzhenko A. A. (Voroshilovgrad). A «Surgeon's» Burial in the Ancient Bulgarian Burial Ground at the Village Zholtoe . . . . .
Charikov A. A. (Kalinin). The 12th-Century Statue of a Musician . . . . .
Aleshkovsky P. M., Chernov S. Z. (Moscow). Archaeological Commentary to the Burch-Bark Scrolls Nos. 550 and 568 . . . . . .
Abyzova E. N. (Kishinev). The «Kashin» Vessel from Staryi Orkhei . . . .
Khalimov N. B. (Ashkhabad). The 14th-Century Grave-Stone from Kunya-Urgench . . . . . .
Posrednikov V. A. (Donetsk). The Bolshoi Lariyak Fortified Settlement . . .

Reviews of Literature and Bibliography

Koltsov L. V. (Moscow). Tarrête J. Le Montmorencien. X-e Supplement à «Gallia Préhistoire». Paris, 1977 . . . . . .
Brodyansky D. L. (Vladivostok). Andreyeva Zh. V. The Primoriye Territory in the Period of the Primitive-Communal System. The Iron Age (1st Millennium B. C.-8th Century A. D.), Moscow, 1977 . . . . . .

Chronicle

In Memory of V. A. Ilyinskaya . . . . . .
In Memory of Yu. V. Kukharenko . . . . . .

Д. А. КРАЙНОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Волосовская культура была впервые выделена В. А. Городцовым на основе раскопанных им стоянок Волосовской и Панфиловской [1]. Материалы, добытые в первой из них, он отнес к неолитическому времени (V тысячелетие до н. э.) и назвал эту культуру волосовской, а материалы второй датировал эпохой палеометалла (2500—2000 гг. до н. э.) и назвал эту культуру панфиловской [2]. При сравнении этих комплексов В. А. Городцов пришел к заключению об их генетической связи. Впоследствии исследователи объединили эти памятники и близкие к ним в одну волосовскую культуру. Дальнейшими исследованиями волосовских памятников было выяснено их более широкое распространение. Теперь они известны не только на Оке, Верхней Волге, Западе и Северо-Западе Центра Европейской части СССР, но и в Среднем Поволжье.

Однако, несмотря на обширную литературу и расширившиеся масштабы исследований новых памятников, многие вопросы волосовской культуры остаются нерешенными. Это вопросы ее ареала, хронологии, периодизации, локальных вариантов, происхождения и др. Особенно же остро стоит вопрос происхождения волосовской культуры.

Недостаточная изученность хронологии и периодизации этой культуры, а также установления последовательности в смене неолитических культур, предшествовавших волосовской, привели к возникновению различных гипотез о ее происхождении. Одни исследователи связывали волосовскую культуру с местным волго-окским неолитом [3], другие — с волго-камским или камско-уральским неолитом [4], третьи указывали на связь с прибалтийскими неолитическими культурами, и, наконец, высказывались взгляды о связи с ямной культурой и с белевской. В основном к настоящему времени выявились две точки зрения на происхождение волосовской культуры: 1) волго-окское и 2) камско-уральское.

И. К. Цветкова, поддерживая первую точку зрения, на основе скрупулезного изучения керамики пришла к выводу, что волосовская культура своим происхождением связана с волго-окскими культурами с ямочно-

---

[1] *Городцов В. А.* Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. Древности, т. XXIV. М., 1914; *его же.* Панфиловская палеометаллическая стоянка.— Тр. Владимирского государственного областного музея, вып. II, 1926.

[2] *Городцов В. А.* Панфиловская палеометаллическая стоянка..., с. 19, 20.

[3] *Городцов В. А.* Панфиловская палеометаллическая стоянка...; *Брюсов А. Я.* Очерки истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; *Цветкова И. К.* Племена рязанской культуры.— В сб.: Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М., 1970, с. 132—139; *ее же.* Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля Залесского.— Тр. ГИМ, вып. 37, 1960; *Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII. В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

[4] *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970; *его же.* О древнейших финно-уграх и древних финнах между Уралом и Балтикой.— В сб.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972; *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966; *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л., 1972.

гребенчатой керамикой [5]. По ее мнению, волосовская керамика Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья по примесям, орнаменту, наличию малоорнаментированной и неорнаментированной посуды, господству плоскодонных сосудов и другим признакам относится к более позднему времени. Расселение же волосовцев шло скорее с Оки на Среднюю Волгу под давлением поздняковских племен в третьей и четвертой четверти II тысячелетия до н. э.

Поиски решения проблемы происхождения финно-угров на территории Восточной Европы привели к возникновению гипотезы о происхождении волосовской культуры из уральско-камского региона. Впервые эту гипотезу высказал О. Н. Бадер [6]. Позднее вместе с А. Х. Халиковым О. Н. Бадер стал искать «корни» волосовской культуры в волго-камской неолитической культуре [7]. По их мнению, волосовские племена на грани III и II тысячелетий распространились из Волго-Камья на Оку и Верхнее Поволжье, где они заняли территорию населения с ямочно-гребенчатой керамикой и постепенно ассимилировали его. В дальнейшем они распространились на запад вплоть до Прибалтики и на северо-запад до Карелии и Беломорья. В своей позднейшей работе О. Н. Бадер несколько изменил свой взгляд, назвав прибалтийские и северо-западные племена уже не волосовскими, а близкими им. О. Н. Бадер видел в волосовских поселениях Центра Русской равнины следы мощной уральской (древнефиннской) миграционной волны, а в их обитателях — древнейших предков волжских и окских финнов [8].

П. Н. Третьяков также связывал происхождение волосовской культуры с уральско-камскими неолитическими племенами, одна из групп которых продвинулась из области бассейна Камы на Оку и принесла туда гребенчатую орнаментику керамики и прямоугольные жилища. Волосовцы, по его мнению, являются протофиннами, расселившимися далеко на запад. П. Н. Третьяков считал, что «расселение уральско-камских племен на Нижней Оке и Верхней Волге было, очевидно, не единичным явлением, не одной волной, а многократным процессом» [9]. Однако, отрицая связь волосовцев с местным ямочно-гребенчатым неолитом, он все же считал, что местные неолитические племена не исчезли, а сыграли хотя и подчиненную, но значительную роль в дальнейшей этнической истории Волго-Окской области.

А. Х. Халиков, развивая дальше эту гипотезу, пытается обосновать переход западнокамских неолитических племен к ранней волосовской стадии (майданской) и их дальнейшее развитие в Прикамье и экспансию волосовцев в Волго-Окское междуречье и дальше к западу, северо-западу и на север [10]. Однако, как и упомянутые выше исследователи, он никак не объясняет причин такой колоссальной экспансии волосовцев. В ряде своих статей и работ В. П. Третьяков также развивает гипотезу их восточного происхождения [11].

---

[5] *Цветкова И. К.* Племена рязанской культуры, с. 132—139; *ее же.* Новый памятник волосовской культуры..., с. 54.

[6] *Бадер О. Н.* Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947—1952 гг.).— Уч. зап. ПГУ, т. IX, вып. 3. Харьков, 1953; *его же.* У истоков финно-угорской культуры в Восточной и Северной Европе. Тезисы докладов и сообщений археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков. М., 1966, с. 96.

[7] *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы; *его же.* О древнейших финно-уграх..., с. 10—22; *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

[8] *Бадер О. Н.* О древнейших финно-уграх..., 1972.

[9] *Третьяков П. Н.* Ук. соч., с. 55.

[10] *Халиков А. Х.* Ук. соч., с. 127—170.

[11] *Третьяков В. П.* Неолитические племена Волго-Окского междуречья. Автореф. канд. дис. Л., 1966; *его же.* Культура ямочно-гребенчатой керамики..., с. 119—134.

В. М. Раушенбах связывает происхождение волосовцев с уральскими племенами типа поселений горбуновской культуры [12]. А. Я. Брюсов впоследствии также стал поддерживать гипотезу восточного происхождения волосовцев [13].

В. В. Никитин высказал недавно мнение, что формирование волосовской культуры в Волго-Окском междуречье происходило на местной неолитической основе, но при сильном влиянии пришлых с востока элементов прафинно-угров [14]. Наконец, к защитникам восточного происхождения волосовских племен надо отнести и С. В. Студзицкую [15].

Доводы о восточных связях волосовцев, приведенные О. Н. Бадером, А. Х. Халиковым и другими исследователями, в свете новых данных вряд ли могут быть приняты. Таблица сходства ряда элементов волосовской, турбинской и неолитической волго-камской культур, предложенная О. Н. Бадером как «бесспорное» доказательство [16], не может служить основой для решения вопроса о происхождении волосовской культуры из Волго-Камья.

Во-первых, преобладание гребенчатых или зубчатых мотивов орнамента наблюдается не только в волго-камской, турбинской и волосовской культурах. Они существовали в раннем неолите, в днепродонецкой, нарвской, верхневолжской и других культурах Восточной Европы, и нет надобности искать их только в Волго-Камье. Во-вторых, орнамент в виде «шагающей гребенки» также присущ не только волго-камскому неолиту, но и другим указанным ренненеолитическим культурам. В-третьих, прямоугольные жилища также были известны и на территории Центра Русской равнины еще в мезолите, и они могли послужить прообразом волосовских жилищ. Что же касается присутствия в волосовских погребениях монголоидного, скорее *лапоноидного* антропологического типа, то и этот довод не свидетельствует в пользу восточного происхождения волосовцев, так как так называемые «монголоидные черты» (лапоноидные) свойственны древнему населению лесной полосы Восточной Европы со времени палеолита и мезолита [17]. Наконец, вторжение волосовских племен в Волго-Окское междуречье и их дальнейшее расселение на огромной территории и ассимиляция ими или изгнание местного населения, жившего здесь искони, не оправдано ни мотивами давления избытка населения, ни резкими природными изменениями и никакими другими причинами. Кроме того, вряд ли можно допустить при охотничье-рыболовческом хозяйстве такую огромную, ничем не объяснимую экспансию волосовских племен с территории Волго-Камья, тем более что ранневолосовские памятники здесь насчитываются единицами, а 80% поселений относится к поздневолосовскому времени. Вряд ли также можно допустить миграцию волосовских племен на грани III и II тысячелетий на Оку и Верхнюю Волгу, когда в это время с запада в восточном направлении шло встречное передвижение воинственных фатьяновских скотоводческих племен. Если принять происхождение волосовцев от волго-камских племен, то как тогда объяснить происхождение от тех же камских неолитических

---

[12] *Раушенбах В. М.* Стоянка Николо-Перевоз II на р. Дубне в Московской области.— В кн. Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969.

[13] *Брюсов А. Я.* Восточная Европа в III тыс. до н. э.— СА, 1965, № 2, с. 50; *его же.* Проблема происхождения культур каменного века в северной части Европейской территории СССР.— СА, 1968, № 4, с. 10—13.

[14] *Никитин В. В.* Ахмыловское II поселение. Археология и этнография Марийского края, вып. 2. Йошкар-Ола, 1977, с. 41, 42.

[15] *Студзицкая С. В.* Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы.— В кн. Экспедиции Государственного Исторического музея за 1969. Доклады на сессии ученого Совета ТМ, 5—7 февраля 1969 г. М., 1969, с. 23—45.

[16] *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы, с. 35.

[17] *Гохман И. Е.* Некоторые проблемы расогенеза на территории лесной полосы Восточной Европы. Доклад, прочитанный на расширенном заседании Сектора палеолита ЛОИА АН СССР 28.XI.77 г. в Ленинграде.

племен культур, отличных от волосовских (лёвшинской, турбинской и др.), и наличие ранних волосовских памятников на Средней Суре [18], где не было камских неолитических племен? Так же необъяснимо возникновение у волосовцев раковинной примеси в керамике, которой нет у волго-камских племен, отсутствие погребений у волосовских племен Среднего Поволжья, отсутствие многих форм орудий, которые встречаются в ранних волосовских памятниках Волго-Окского междуречья, и т. д. Можно еще указать и на спорность доводов в выделении «ранних» волосовских памятников в Нижнем Прикамье и на Средней Волге. Наконец, все построения защитников восточного (волго-камского) происхождения волосовцев рушатся в связи с новыми данными по хронологии волосовской культуры. Поэтому надо искать иное решение вопроса происхождения волосовской культуры.

Благодаря исследованиям последних лет верхневолжских многослойных поселений, открытию новой ранненеолитической верхневолжской культуры [19] и установлению новой хронологии волосовской культуры методом C_{14} придется пересмотреть с новых позиций проблему происхождения волосовской культуры и вопрос о смене культур неолита и энеолита Центра Русской равнины. Раскопки многослойных поселений, особенно торфяниковых (Ивановское III, VII, Языково I, Сахтыш I, Ронское I и др.), показали следующую закономерность в смене культурных комплексов данного региона: внизу над мезолитическими слоями (Ивановское III, Ивановское VII, Золоторучье III, Пеньково, Федюково I и др.) залегали культурные остатки верхневолжской ранненеолитической культуры, над ними располагались культурные комплексы с ямочно-гребенчатой керамикой. В верхних горизонтах этого слоя всюду появляется так называемая редкоямочная, с фигурным ямочным орнаментом и гребенчатыми узорами тонкостенная керамика, отнесенная мной к протоволосовскому этапу позднего неолита. Над этими культурными остатками располагаются волосовские комплексы с круглодонной керамикой с раковинной примесью. Выше идут горизонты с развитой и поздней волосовской керамикой. Такая последовательность в смене культурных комплексов устанавливается стратиграфически по всей территории Центра Русской равнины. Такая же закономерность в смене культурных комплексов прослеживается и в Прибалтике, где слои с нарвской керамикой сменяются слоями с гребенчато-ямочной керамикой, выше которой залегают культурные комплексы типа культуры «пиестиня», близкие волосовским культурным комплексам. Эта последовательность в смене культур подтверждается и новой хронологией указанных культур [20]. Раньше волосовская культура датировалась исследователями рубежом III и II тысячелетий и до последней четверти II тысячелетия до н. э. Теперь же радиокарбоновым, палинологическим, стратиграфическим и другими современными методами фиксируется совершенно иная хронология и периодизация волосовской культуры.

Радиокарбоновым методом C_{14} дата волосовской культуры устанавливается с середины III тысячелетия и до конца первой четверти II тысячелетия до н. э. На стоянке Сахтыш VIII ранневолосовский слой датируется 4400±60 (ЛЕ-1427) до нашего времени, т. е. 2420 г. до н. э.

Для стоянки Модлона получены три даты по C_{14}. Это: 4850±150 и 4360±100 до нашего времени (2870, 2380 гг. до н. э.) и 3960±120 (1880 г. до н. э.) [21]. На стоянке Владычино-Береговая верхний горизонт раннего волосовского слоя датируется 4300±60 до нашего времени, т. е.

---

[18] *Халиков А. Х.* Ук. соч., с. 149.

[19] *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская ранненеолитическая культура.— СА, 1977, № 3, с. 42—68.

[20] *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Ук. соч., с. 44—49.

[21] *Ошибкина С. В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978, с. 127.

2320 г. до н. э.[22] На стоянке Языково I поздневолосовский слой датируется по C_{14} 4100±40 (ЛЕ-1082) до нашего времени (2220 г. до н. э.). Протоволосовский слой стоянки Ивановское III датируется по C_{14} 4800±250 (ГИН-241) до нашего времени (2820 г. до н. э.). Таким образом, уже эти даты, взятые из различных памятников, опровергают прежнюю хронологию.

Ранние памятники культуры с пористой керамикой, близкие волосовской культуре, датируются по C_{14}: 4520±120 (ЛЯ-748), 4670±150 (ЛЯ-750), 4780±225 (ТА-6), 4350±200 (ТА-4) [23]. Эти даты подтверждают нашу точку зрения на удревнение волосовской культуры.

Палинологические данные по стоянкам Ивановское III, Языково I и Сахтыш I фиксируют то же время для волосовской культуры, т. е. начало и середину суббореального периода, относимых палеогеографами к середине III и началу II тысячелетий до н. э.

Очевидно, протоволосовский этап позднего неолита следует отнести к концу первой четверти III тысячелетия до н. э., а возможно, и к более раннему времени, начало волосовской культуры — к середине III тысячелетия, а ее поздний этап — к концу первой четверти II тысячелетия до н. э. На многих стоянках Верхнего Поволжья в поздневолосовских слоях встречаются обломки фатьяновской керамики, каменные сверленые топоры и другие вещи фатьяновской культуры, датируемой по могильникам (Волосово-Даниловский и Тургиновский могильники) около 1800 г. до н. э. Этим же временем по C_{14} датируются и могильники с боевыми топорами в Прибалтике. Эти даты идентичны датам по C_{14} поздних волосовских слоев. Не исключено, что самые поздние волосовские памятники просуществовали до середины II тысячелетия до н. э., особенно в восточной части ареала волосовской культуры.

До открытия верхневолжской культуры вопрос о местном происхождении волосовской культуры не мог быть решен положительно. Теперь же при сравнительном анализе верхневолжской и волосовской керамики выявляется удивительное сходство не только ряда элементов, но и отдельных композиций орнаментики керамики этих культур. Как в той, так и в другой культуре зубчатый узор является основным и доминирующим элементом орнаментики. Наблюдается сходство и отдельных композиций зубчатого орнамента (рис. 1, *8, 16, 36, 42, 43*). Близки и оттиски в виде «шагающей гребенки» (рис. 1, *22, 29*). Для верхневолжской и волосовской культур характерен и нарезной (прочерченный) элемент орнамента. Эти узоры как у той, так и у другой культуры сходны между собой не только по технике нанесения, но и по композиции рисунка (например, мотив прочерченной ромбической сетки — рис. 1, *3, 11*, а также прочерченные линии, расположенные под углом друг другу,— рис. 1, *6, 14*). Особое сходство наблюдается в нанесении елочных узоров (рис. 1, *1, 9, 2, 10, 35, 41*). Сходен, а иногда идентичен и так называемый пунктирный орнамент (рис. 1, *31—33, 37—39*). Близки также и узоры в виде ногтевидных насечек (рис. 1, *17, 18, 24, 25*), треугольных, овальных, каплевидных, мелкоямчатых вдавлений (рис. 1, *19, 26, 23, 30*). Особо следует отметить идентичность композиционных узоров с включением в качестве разделителей мотивов другого характера (рис. 1, *19, 20, 21, 26—28, 34, 40*). Кстати, такая композиция встречается и в Волго-Камье и в Волго-Окском междуречье. Верхневолжскую и волосовскую культуры сближают и такие общие признаки, как наличие сквозных отверстий под венчиком в определенном, одном и том же месте (рис. 1,

---

[22] *Цветкова И. К.* Погребения на стоянке Владыченская-Береговая. Тр. ГИМ, вып. 51. М., 1980.

[23] *Лозе И. А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской низменности. Рига, 1979, с. 121—123.

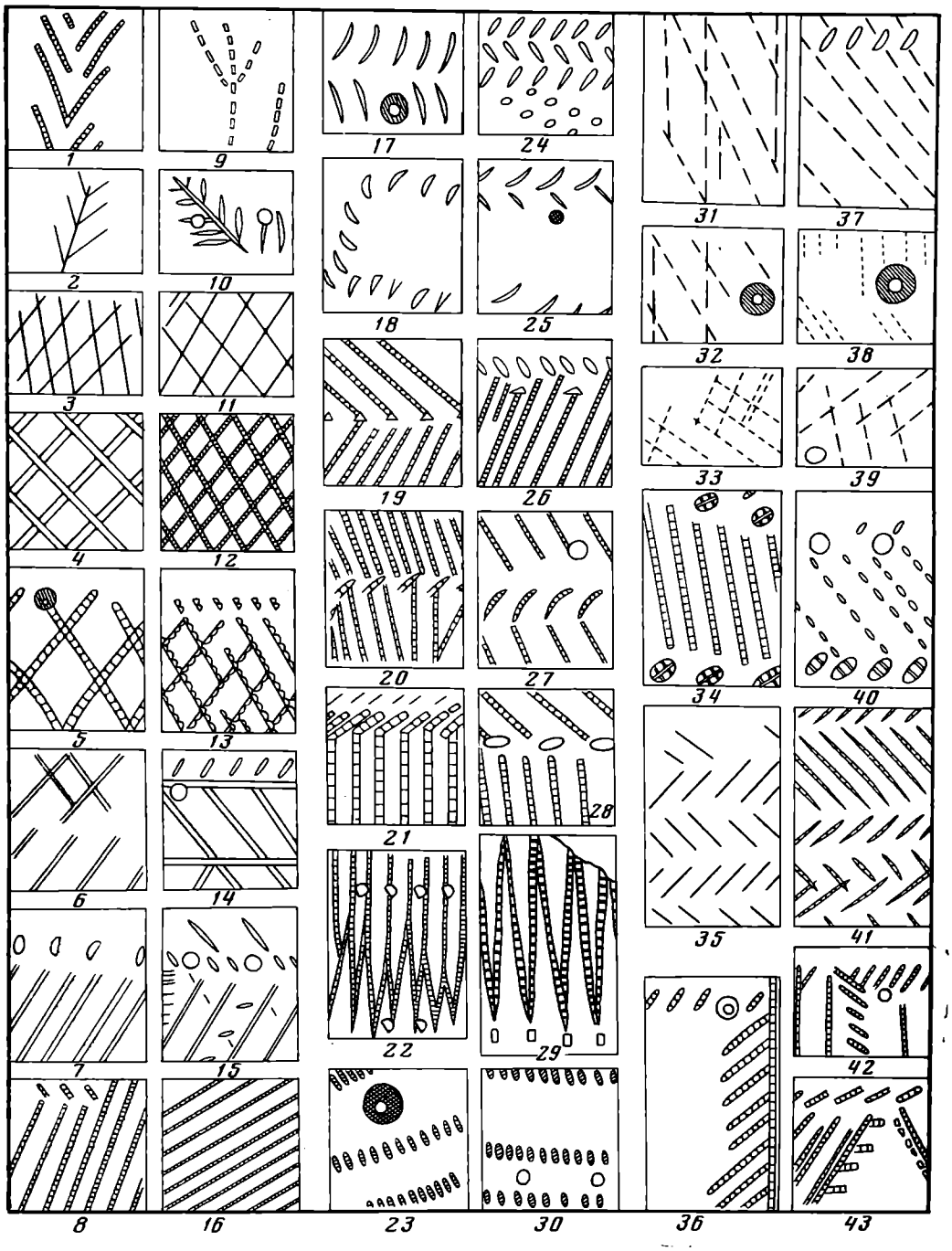


Рис. 1. Сравнительная таблица элементов орнаментики волосовской и верхневолжской керамики. *1—8, 17—23, 31—36* — образцы орнаментики волосовской керамики из стоянок Сахтыш I, VIII и Стрелки I; *9—16, 24—30, 37—48* — образцы орнаментики верхневолжской керамики из стоянок Сахтыш I, VIII

32, 38), присутствие штриховки на внутренней стороне в виде расчесов, нанесенных зубчатым штампом, и «пустых мест» на орнаментальном поле. Одним из важных факторов родства указанных культур являются общие основные примеси в тесте керамики (органическая, «птичий помет», шамот, дробленая раковина). Указанные нами признаки сходства свидетельствуют о генетической связи носителей верхневолжской и волосовской культур. Возможно, они относятся к одной этнической общности, так как близость орнаментации их керамики, как никакой другой

элемент материальной культуры, может служить определением этноса [24]. Следует также указать на преемственность и сходство форм костяных орудий и особенно присутствие призматических пластинок в «волосовском кладе» [25] и наконечников стрел на пластинках и пластинчатых отщепах, найденных на волосовских поселениях Верхней Волги. Наряду с этим наблюдается и совпадение ареалов верхневолжской и волосовской культур и их локальных вариантов. Необходимо также отметить и близость керамики верхневолжской культуры с ранненеолитической керамикой Нижнего Прикамья, т. е. близость основы, на которой возникли волосовские древности и в том и в другом регионе.

Однако вряд ли происходил непосредственный переход от верхневолжской культуры к волосовской, так как между ними имеется значительный хронологический разрыв и, кроме того, в волосовской культуре встречаются элементы, связанные не с верхневолжской, а с культурой ямочно-гребенчатой керамики. Очевидно, кроме верхневолжского основного компонента в происхождении волосовской культуры участвовала и культура с ямочно-гребенчатой керамикой. Недаром П. Н. Третьяков писал при решении вопроса о происхождении волосовской культуры, что «местные племена отсюда не исчезли при этом без следа. Их следует рассматривать как субстрат, сыгравший хотя и подчиненную, но все же значительную роль в дальнейшей этнической истории Волго-Окского междуречья» [26]. Сюда же следует отнести и доводы И. К. Цветковой о значении племен рязанской культуры в сложении окских волосовцев. До открытия нами верхневолжской культуры и я придерживался гипотезы местного происхождения волосовских памятников Верхнего Поволжья от культуры с ямочно-гребенчатой керамикой (льяловской), но под сильным влиянием культур Прибалтики. Теперь становится очевидным, что кроме верхневолжской культуры вторым компонентом в происхождении волосовской культуры были и культуры с ямочно-гребенчатой керамикой.

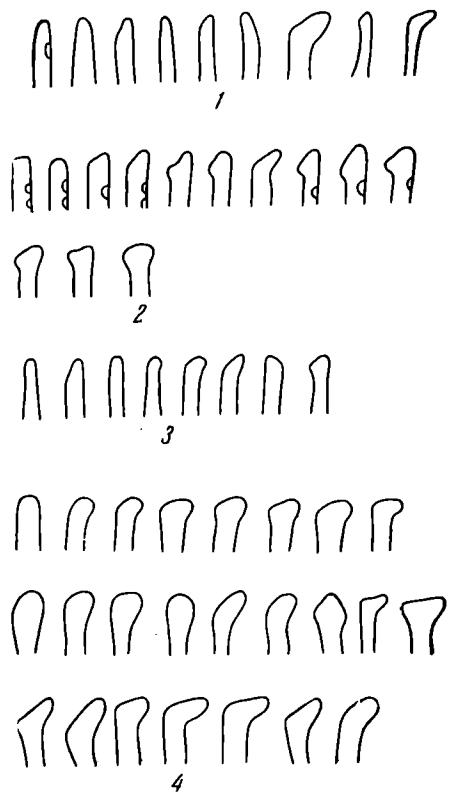


Рис. 2. Венчики керамики из стоянки Сахтыш I. *1* — верхневолжская культура, *2* — льяловская, *3* — протоволосовская, *4* — волосовская культура

В ямочно-гребенчатой керамике на позднем этапе ее развития есть сходные элементы с ранневолосовской керамикой. Это прежде всего полуяйцевидная форма сосудов с округлым дном (рис. 3, *3*) и венчики с тенденцией утолщения наружу (рис. 2, *2*). Есть близость и в орнаментике (рис. 3, *3*, *6*): наличие и в той и в другой элементов в виде ромбических, елочных, рамчатых, гребенчатых, ямчатых и других узоров. Кстати, ранняя волосовская керамика Верхнего Поволжья имеет значительный процент ямочного и ямчатого орнамента (рис. 3, *1*—*7*). Крем-

[24] *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР.— МИА, № 29, 1952, с. 64—77.
[25] *Цветкова И. К.* Волосовский клад.— Тр. ГИМ, вып. XXIII, 1957, табл. VIII.
[26] *Третьяков П. Н.* Ук. соч., с. 56.

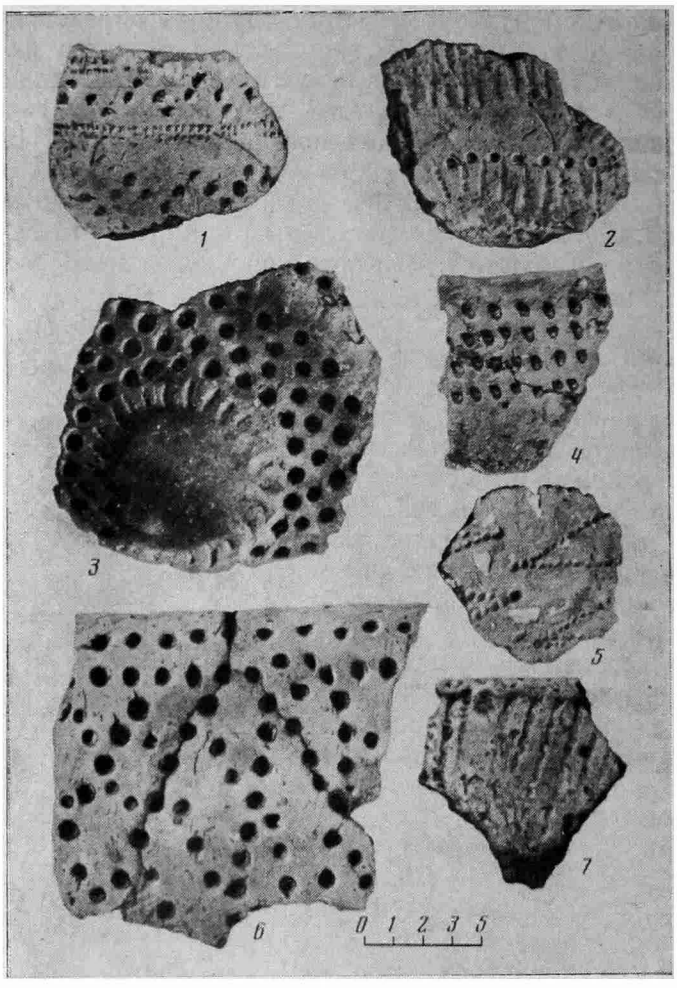


Рис. 3. Образцы ямочной и ямчатой орнаментики волосовской керамики из стоянок Сахтыш I и Стрелка I.
1, 2, 5 — Стрелка I; *4, 6, 7* — Сахтыш I

невая индустрия (техника обработки и формы орудий) ранней стадии волосовской культуры идентична индустрии культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Волосовские поселения Верхней Волги и Оки располагаются непосредственно на местах предшествующих неолитических поселений. Наблюдается одинаковое соотношение количества костей и особей промысловых животных у позднеолитических и волосовских племен, те же методы охоты и рыбной ловли. Есть преемственность и в искусстве, например в изображениях водоплавающих птиц на ямочно-гребенчатой и волосовской керамике, в скульптурных фигурах голов водоплавающих птиц в неолитических слоях и волосовских на стоянках Сахтыш I и др. Близость наблюдается и в формах прямоугольных жилищ. Прямоугольные жилища прослежены в поселениях с балахнинской и льяловской ямочно-гребенчатой керамикой. Существование в волосовских поселениях жилищ овальной и прямоугольной форм свидетельствует о двойственной основе волосовской культуры.

Приведенные факты показывают, что культуры с ямочно-гребенчатой керамикой вошли одним из компонентов в волосовскую культуру. Очевидно, последняя могла возникнуть только на основе местного гибридного «протоволосовского» этапа позднего неолита, возникшего в результате смешения верхневолжской культуры с культурами ямочно-гребенчатой керамики (льяловская, рязанская, балахнинская). Процесс

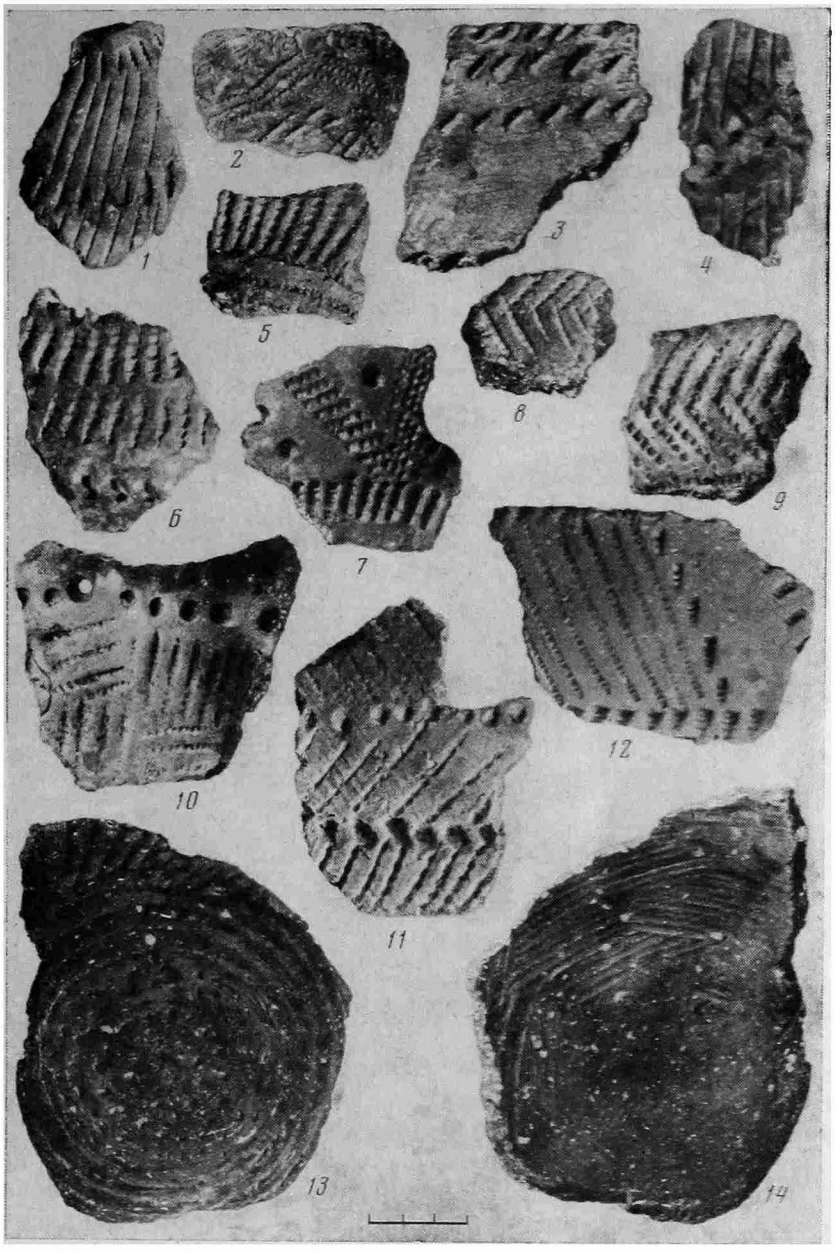


Рис. 4. Протоволосовская керамика. *1—11*, *13*, *14* — стоянка Ивановское VII; *12* — стоянка Сахтыш II

смешения культур наблюдается в это время и в Прибалтике (нарвская и гребенчато-ямочная), и в Среднем Поволжье (волго-камская и балахнинская). Здесь также в процессе смешения возникают гибридные культуры, близкие волосовской.

«Протоволосовские» горизонты позднего неолита прослежены на многих многослойных поселениях Верхней Волги (Ивановское VII, Сахтыш I, Сахтыш II, Сахтыш VIII и др., рис. 4; 5). Наиболее характерным «протоволосовским» памятником является торфяниковая стоянка Ивановское VII [27]. Здесь в одном и том же слое обнаружена керамика трех типов (рис. 4, *1—14*): 1) тонкостенная с ямочным и ямчатым орнаментом с примесью или песка-дресвы или раковины; орнамент двоякого характера — типичный поздеямочный (фигурный) и ямочный, нанесен-

[27] *Крайнов Д. А.* Работы Верхневолжской экспедиции.— АО — 1974. М., 1975, с. 64.

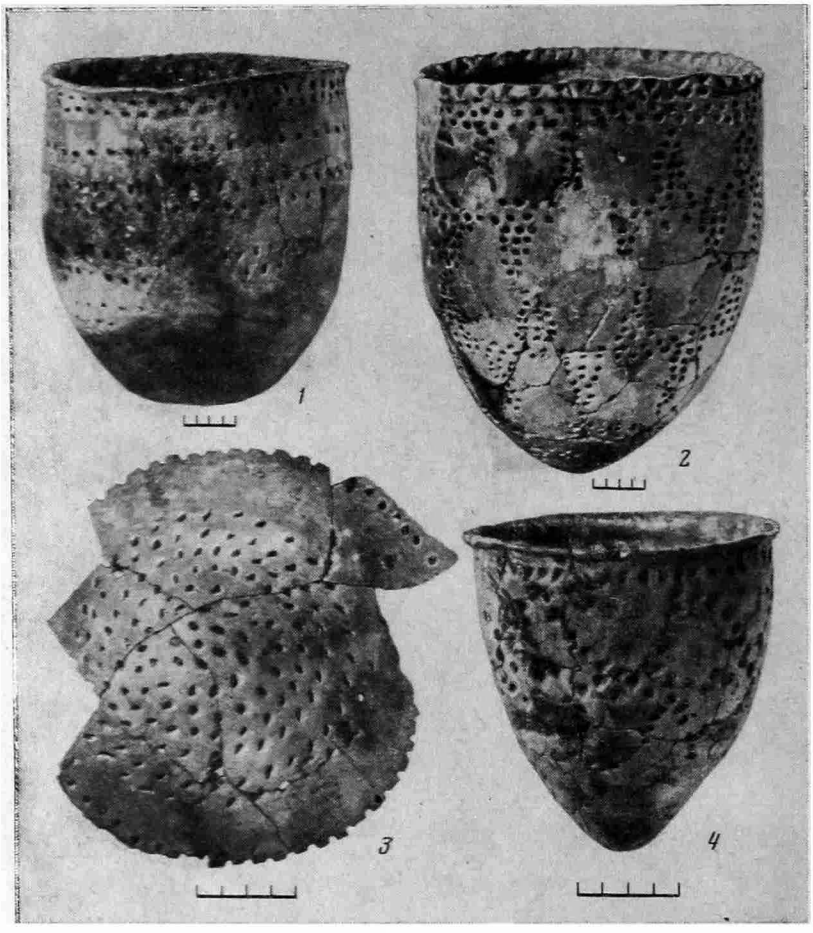


Рис. 5. Протоволосовские сосуды из III строительного горизонта жилища стоянки Сахтыш I

ный тычковым инструментом; 2) тонкостенная керамика с гребенчатым орнаментом с примесью раковины (рис. 4); 3) тонкостенная керамика со смешанной примесью — дресвы и раковины.

Микроскопический анализ этой керамики, произведенный лабораторией ИА АН СССР (А. А. Бобринский, Ю. Б. Цетлин), позволил установить в ней две культурные традиции: использование в качестве примесей, во-первых, пресноводных моллюсков с дробленой раковиной и, во-вторых, крупной дресвы. Присутствие здесь же смешанного рецепта (крупной дресвы и дробленой ракушки) указывает на смешение носителей двух традиций. По заключению лаборатории, процесс смешения находился на начальной стадии, так как чистые рецепты значительно преобладают над смешанными. Над этим «протоволосовским» слоем располагался слой с типичной волосовской керамикой, костяными скульптурами водоплавающих птиц и погребениями. Этот слой является дальнейшим звеном в развитии волосовской культуры. Выше на Суходоле и у его подножия были прослежены три более ранних слоя: мезолитический, верхневолжский и ямочно-гребенчатый.

На стоянке Сахтыш I протоволосовский слой прослежен в жилище с четырьмя строительными горизонтами [28]. Он характеризуется такой же керамикой, как и на стоянке Ивановское VII (рис. 5, *1—4*). Стратиграфически он следует непосредственно за строительным горизонтом с ран-

[28] *Крайнов Д. А.* Исследования Верхневолжской экспедиции.— АО — 1972. М., 1973, с. 69.

ним льяловским комплексом с ямочно-гребенчатой керамикой. Над протоволосовским строительным горизонтом размещался ранневолосовский строительный горизонт жилища с круглодонной керамикой с раковинной примесью. На стоянке Сахтыш VIII прослежено такое же стратиграфическое положение ямочно-гребенчатого комплекса — прото- и ранневолосовского. Такое же чередование наблюдалось и на других многослойных поселениях Верхнего Поволжья.

Выше мы упоминали, что близкая смена культур прослеживается в Прибалтике, на северо-западе лесной территории Европейской части СССР, на Оке и в Волго-Камье. Здесь, как и на Верхней Волге, культуры с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой сменяются волосовской культурой и близкой к ней культурой с «пористой керамикой», возникшей в результате смешения нарвской культуры с культурой гребенчато-ямочной керамики. В «гибридных» культурах Прибалтики прослеживаются общие черты с волосовской в примесях и орнаментике керамики, предметах искусства, погребениях и пр. Близость волосовской культуры с ними дала повод ряду исследователей видеть в них потомков волго-камских племен, достигших берегов Балтики, но эта близость объясняется, как мы теперь знаем, иными причинами.

Таким образом, фактический материал опровергает гипотезу о возникновении волосовских племен только в Прикамье и миграцию их на Оку, Верхнюю Волгу и Северо-Запад. Очевидно, волосовская культура является результатом дальнейшего развития местных неолитических племен.

На Верхней Волге она развивается на основе смешения двух культур — верхневолжской и ямочно-гребенчатой (льяловской) с доминантной первой, на Оке — верхневолжской и рязанской культур. Вероятно, такая же картина наблюдается и при возникновении западных и северо-западных волосовских памятников (Репище, Иловец, Бологое, Коломцы, Модлона и др.).

В Волго-Камье и Средней Волге волосовская культура возникает также на основе смешения двух культур с доминантной волго-камской. Следует указать, что в этом регионе она появляется только там, где наблюдаются контакты ранней волго-камской (близкой верхневолжской) и культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Выше по Каме, где нет этих контактов, возникают другие культуры, отличные от волосовской, типа левшинской, турбинской и др. Что касается большого количества поздних волосовских памятников, выявленных в некоторых регионах (Марийской АССР, Костромского Поволжья и более северных областей), они могли появиться там в результате расселения волосовских племен. У некоторых исследователей возникал вопрос: почему памятники волосовской культуры отсутствуют на территории Верхней Оки и Верхней Десны? Этот факт использовался защитниками восточного происхождения волосовцев как один из важных аргументов, опровергающих их местное происхождение. По этому поводу П. Н. Третьяков писал, что важным обстоятельством для обоснования гипотезы о расселении на запад уральско-камских племен является отсутствие на Десне памятников «уральско-камского или волосовского типа», и «если бы культура волосовского типа со всеми складывающими ее элементами была не пришлой, а местной культурой, то она появилась бы не только в восточной части, но и в западной части Волго-Окской неолитической области. Этого, однако, здесь не наблюдалось» [29]. Теперь и этот аргумент отпадает, так как на этой территории не было верхневолжской и ямочно-гребенчатой культур типа волго-окских (льяловской, рязанской, балахнинской), и, естественно, здесь не могла появиться и волосовская культура. Следует отметить, что некоторые элементы в материальной и духовной культуре

[29] *Третьяков П. Н.* Ук. соч., с. 36.

волосовцев были получены с Запада из Прибалтики. Это, как уже было сказано ранее: раковинная примесь в керамике, штриховка внешней поверхности сосудов, каменные кольца, некоторые формы костяных орудий, черешковые топоры и пр. О тесных связях с прибалтийскими родственными племенами свидетельствует наличие в волосовских памятниках балтийских янтарных украшений и другие данные, упомянутые в нашей статье. Однако, несмотря на эти связи, нельзя согласиться с некоторыми авторами [30], связывающими происхождение волосовской культуры с Прибалтикой.

Обе гипотезы, как восточного, так и западного происхождения волосовской культуры, опровергаются и огромной территорией распространения волосовских поселений, и наличием ее локальных вариантов.

Ареал волосовской культуры, или, вернее, волосовской культурно-исторической общности, оказался значительно шире, чем это представлялось раньше. Наряду с компактной группой памятников Нижней и Средней Оки, а также Нижней Камы и Среднего Поволжья наблюдается скопление памятников в Ивановской, Владимирской, Московской и Ярославской областях, причем здесь, как и на Оке и Среднем Поволжье, есть поселения различных хронологических этапов. В Костромской области пока известно только несколько поздних стоянок. В Калининской области открыты и ранние, и поздние памятники, как и в Новгородской области. В Вологодской области находится известная стоянка Модлона. Возможно, здесь будут открыты и другие волосовские памятники, так как на некоторых стоянках найдены валикообразные топоры, топоры карельского типа, «рубанки» (Krummeisse) и другие вещи, встречающиеся на волосовских поселениях.

Сходные с волосовскими и одновременные им поселения и могильники обнаружены в Эстонии и Латвии; на некоторых из них встречена типичная волосовская керамика. Если их и нельзя считать волосовскими, то во всяком случае можно отнести к родственной группе. О. Н. Бадер, А. Х. Халиков и П. Н. Третьяков упоминают о памятниках Карелии и Беломорья с волосовскими чертами в материальной культуре [31].

Таким образом, выясняется широкое распространение памятников волосовской культурно-исторической общности — от Прибалтики до Камы и от Вологды до Пензы (рис. 6). Это по существу почти вся лесная и часть лесостепной территории, занятой прежде культурами с ямочно-гребенчатой керамикой. Трудно себе представить, что на таком огромном пространстве распространилась одна культура. Очевидно, здесь мы имеем дело с несколькими одновременными родственными культурами и их локальными и хронологическими вариантами, представляющими единую большую историко-культурную общность. П. Н. Третьяков на составленной им карте отметил памятники Волго-Окского района (собственно волосовские), западные и восточные (средневолжские) разными значками. Этим он подчеркнул их различие и собственно волосовскими назвал только волго-окские памятники, а остальные — «близкими волосовским» [32]. В. В. Никитин объединяет большую группу волосовских памятников в Марийском Поволжье в средневолжский вариант волосовской культуры [33].

Таким образом, новейшими исследованиями установлен огромный ареал волосовской культуры или общности. Уже одно это обстоятельство является отрицанием миграции волосовских племен из Волго-Камья.

---

[30] *Никитин А. Л.* Существовала ли волосовская культура? — СА, 1974, № 2.

[31] *Бадер О. Н.* О древнейших финно-уграх..., с. 26; *Халиков А. Х.* Ук. соч., с. 167; *Третьяков П. Н.* Ук. соч., с. 58, 59.

[32] *Третьяков П. Н.* Ук. соч., с. 52, рис. 13.

[33] *Никитин В. В.* Некоторые особенности материальной культуры волосовских памятников Марийского Поволжья. Куйбышев, 1976, с. 21, 22.

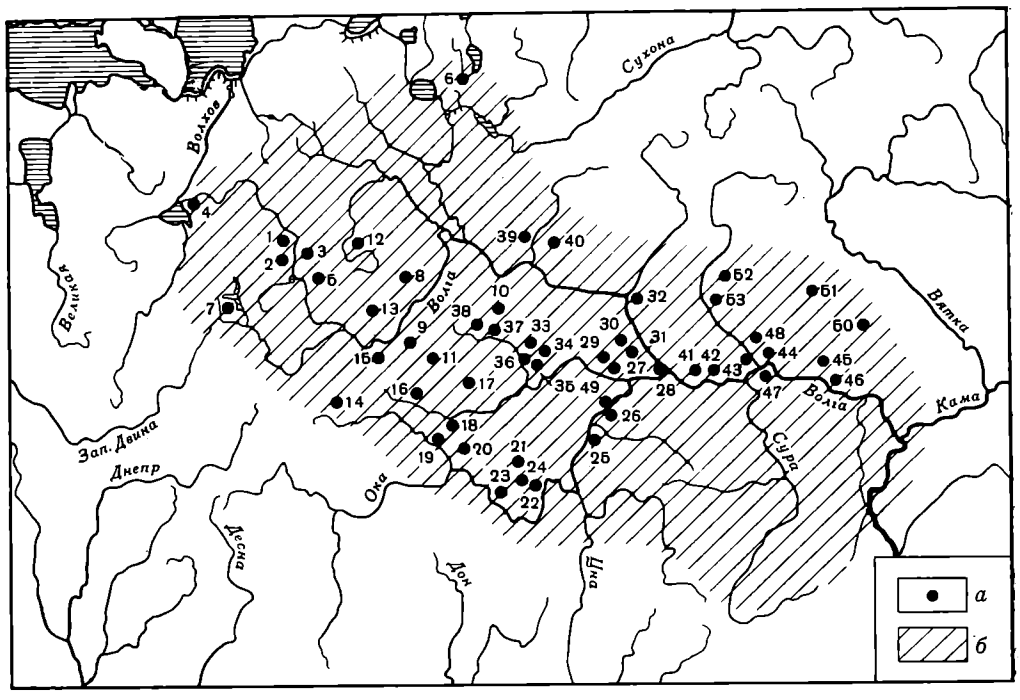


Рис. 6. Карта распространения основных памятников волосовской культуры. *1* — Репище; *2* — Бологое; *3* — Кончанское; *4* — Коломцы; *5* — Иванково I; *6* — Модлона; *7* — Ронское; *8* — Языково I; *9* — Польцо; *10* — Уница; *11* — Вашутино; *12* — Иловец; *13* — Петровские озера; *14* — Тростенское озеро; *15* — Никола-Перевоз; *16* — Буньково; *17* — Заречье; *18* — Маслово болото; *19* — Коренец; *20* — Ушмар; *21* — Владычино; *22* — Ибердус; *23* — Черная гора; *24* — Панфилово; *25* — Легалин Бор; *26* — Волосово; *27* — Володары; *28* — Гавриловка; *29* — Холомониха; *30* — Стрелка I; *31* — Толстуха; *32* — Сокольское; *33—36* — Сахтыш I, II, VII, VIII; *37—38* — Ивановское III, VII; *39* — Борань; *40* — Станок; *41* — Безводная; *42* — Удельно-Шумецкая; *43* — Майданская; *44* — Руткинская; *45* — Сумская; *46* — Обсерватория III; *47* — Токаревская; *48* — Ахмыловское II; *49* — Подборица-Щербининская; *50* — Яндашево; *51* — Кубашево; *52—53* — Выжумское I, II

Не менее важным фактором в этом отношении является и наличие локальных вариантов волосовской культуры, в которых имеются памятники различных этапов ее развития — от самых ранних (протоволосовских) до самых поздних.

Локальные варианты волосовской культуры еще недостаточно изучены. Сейчас пока можно говорить о пяти вариантах: средневолжском, окском, верхневолжском, западном и северо-западном. Не исключено, что их будет больше.

За последнее время в Куйбышевской, Саратовской и Оренбургской областях были открыты и исследованы поселения, близкие волосовским памятникам. Судя по предварительным данным [34], эти поселения разновременны. Ранние относятся ко второму этапу древнеямного времени (начало III тысячелетия до н. э.), а поздние — к полтавкинской культуре. Сейчас еще трудно судить об их характере и принадлежности к культурно-этнической волосовской общности. Однако следует отметить, что в Среднем Поволжье между Куйбышевым и Казанью были обнаружены также и памятники, близкие ранненеолитическим верхневолжской и волго-камской культурам, что может указывать на местное происхождение поселений, близких волосовским.

---

[34] Сведения о новых волосовских памятниках лесостепной части Среднего Поволжья упоминаются в тезисах докладов на Оренбургской конференции в феврале 1980 г. «Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы». Оренбург, 1980.

Таким образом, исследованиями последних лет на огромной территории центра Европейской части СССР выявлены волосовские и близкие к ним памятники, относящиеся, очевидно, к разным культурным вариантам большой волосовской общности. Все предварительно названные нами варианты, несмотря на некоторые различия, имеют много общих черт, указывающих на генетическую связь населения, оставившего их [35]. Близкое сходство отдельных элементов волосовской культуры с одновременными культурами Прибалтики, а также тесные связи их заставляют предполагать родственную близость населения, жившего в III и начале II тысячелетий до н. э. в Центре Русской равнины — от Прибалтики до Волго-Камья.

Отнесение племен волосовской культуры к протофиннам было одним из основных аргументов у защитников гипотезы происхождения волосовцев из Волго-Камья, так как считалось, что прародиной финно-угорской этнической общности было Приуралье и Зауралье. Однако в свете новейших археологических, антропологических и других данных процесс становления и развития протофиннов представляется по-иному. Очевидно, он протекал на территории Восточной Европы в сложном переплетении населения различных культур и этнических групп эпох мезолита, неолита и бронзового века, пока не сформировался в железном веке в достоверных прафиннов — представителей городищенских культур с текстильной и рогожной керамикой.

Что же касается отнесения волосовцев к протофиннам, то вряд ли сейчас можно безоговорочно согласиться с этим положением. Поскольку, как мы уже говорили, волосовская культура возникла в результате смешения верхневолжской культуры (а в Волго-Камье — волго-камской, близкой верхневолжской) с культурами с ямочно-гребенчатой керамикой (льяловской, балахнинской, рязанской), постольку и состав населения волосовской культуры будет неоднородным, а смешанным, что подтверждается антропологическим материалом из волосовских погребений. На более чем 20 поселениях Верхней Волги, Оки и севера центра Русской равнины (Сахтыш I, II, VIII, Стрелка I, Языково I, Репище, Кончанское, Модлона, Иловец, Володары, Волосово, Панфилово и др.) были обнаружены отдельные погребения и могильники, отнесение которых к волосовской культуре не вызывает сомнений. Исследование черепов из этих погребений показывает смешанный антропологический тип, состоящий из чистых европеоидов и европеидов с примесью монголоидности или лапоноидности [36].

Такая же картина наблюдается и в погребениях Прибалтики, относящихся к культурам с пористой керамикой, родственным волосовской культуре [37]. Кстати, количество черепов из волосовских погребений Волго-Окского междуречья, относящихся к чистым европеоидам, доминирует над черепами с монголоидными признаками, так же как и верхневолжский археологический компонент является основным в образовании волосовской культуры.

Кроме того, монголоидная или лапоноидная примесь в антропологическом типе волосовцев могла появиться на данной территории и в Прибалтике значительно раньше — в палеолите или мезолите. Наряду с этим оспаривается и монголоидность антропологического типа волосовцев. И. Е. Гохман считает эту примесь не монголоидной, а лапоноидной, являющейся у волосовцев местной, а не принесенной с востока [38]. Очевид-

---

[35] Мы не отрицаем и наличие в волосовской культуре хронологических локальных вариантов. Их дальнейшее выделение является очередной задачей изучения данной культуры.

[36] *Герасимов М. М.* Восстановление лица по черепу.— Тр. ИЭ АН СССР, т. XXVIII, 1955; *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М.— Л., 1948, с. 93.

[37] *Денисова Р. Я.* Антропология древних балтов. Рига, 1975.

[38] *Гохман И. Е.* Ук. доклад.

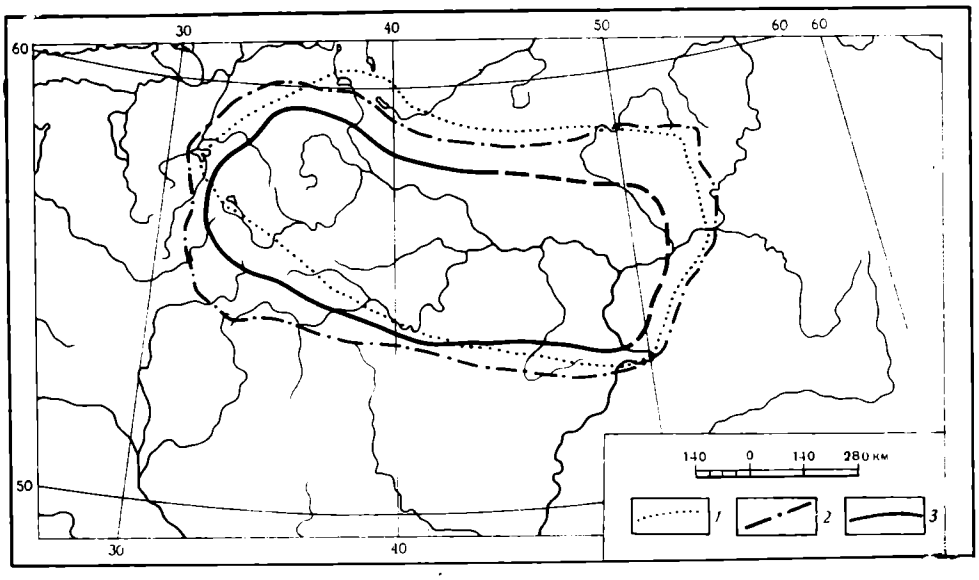


Рис. 7. Карта ареалов волосовской, верхневолжской и фатьяновской культуры

но, волосовцы в основном принадлежат к этнической группе северных европеоидов, потомков носителей верхневолжской культуры, являющейся основой в создании волосовской культуры, а лапоноидность они могли получить от второго составного компонента — носителей культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, относящихся, вероятно, к другой этнической общности.

Возможно, быстрое распространение фатьяновских племен на территории позднего этапа волосовской культуры в первой четверти II тысячелетия до н. э. объясняется родственностью тех и других племен. Ареалы памятников волосовской и фатьяновской культур совпадают (рис. 7). На поздних волосовских стоянках Верхнего и Среднего Поволжья появляются фатьяновские вещи и ощущается влияние фатьяновцев [39]. Кроме того, в волосовских погребениях стоянки Сахтыш II [40], Панфиловской стоянки [41] и др. найдены черепа с ярко выраженной долихокранией, близкой фатьяновскому антропологическому типу, который рядом исследователей относится к протобалтскому типу [42]. С другой стороны, в фатьяновских погребениях (Тимофеевского и Волосово-Даниловского могильников) встречается антропологический европеоидный тип, близкий волосовскому [43].

Таким образом, нужно признать, что волосовцев нельзя считать протофиннами, и тем более пришлыми с востока. В дальнейшем в результате сложного смешения и взаимодействия потомков культур с ямочно-гребенчатой керамикой, поздневолосовской, фатьяновской, культур конца эпохи бронзы и раннего железа в центре Русской равнины образовались ранние городищенские культуры, в основном финноязычные, но с примесью балтских компонентов, оставшихся от фатьяновцев. В Прибалтике происходило подобное же смешение, приведшее в северной части к образованию

---

[39] *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура II тысячелетия до н. э. М., 1972.

[40] *Крайнов Д. А.* Раскопки Сахтышских стоянок.— АО — 1978. М., 1979, с. 66.

[41] *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы; *Городцов В А.* Панфиловская палеометаллическая стоянка.

[42] *Денисова Р. Я.* Антропология древних балтов.

[43] Особенно близки черепа из погр. 1. Тимофеевского фатьяновского могильника и из волосовского погр. 12 стоянки Сахтыш II (по предварительному определению Р. Я. Денисовой и Г. В. Лебединской).

культур финноязычных, а южнее — балтских. В контактных же зонах наблюдалось смешанное население. Последующая история указанных регионов является историей славян, балтов и финнов.

D. A. Krainov

ON THE ORIGIN OF THE VOLOSOVO CULTURE

Summary

The emergence of different hypotheses on the origin of the Volosovo culture is due to our inadequate information on its monuments, the chronology and periodisation of this culture and the sequence of the Neolithic cultures preceding it. The most popular among them is one on the massive migration of the Volosovo culture tribes from the area of the Volga and Kama rivers. The latest archaeological investigations over a broad territory have put forward a new periodisation and a new dating of the Volosovo culture — from the second quarter of the 3rd millennium to the end of the first quarter of the 2nd millennium B. C.— and have determined with more precision the area of this culture. Besides, comprehensive investigations of the multilayer peatbog settlements in the centre of the Russian Plain made it possible to establish the presence of a formerly unknown Lower Neolithic culture at the upper reaches of the Volga and the sequence of the Neolithic cultures in the region. All this greatly contributed to the solving of the problem of the origin of the Volosovo culture. Analysing the Lower Neolithic materials representing the Volosovo culture and the pit-comb ware cultures the author establishes the fact of their continuity and the simultaneous emergence of the Volosovo culture sites in different regions. It was a result of the intermixing of the Lower Neolithic cultures (population of the upper Volga, the Narva and the Volga and the Kama regions) with the pit — comb ware cultures (population of the Lyalovo, Ryazan, Balakhna and other sites). All the local variants of the Volosovo culture demonstrate the combination of these two components. From this follows that there were no massive migrations of the Volosovo culture tribes from the eastern part of the Volga and the Kama region. The emergence of the Volosovo culture over a vast territory was a result of complicated intermixing and development of the Upper Neolithic tribes. The author considers the question of the ethnic affiliation of the Volosovo culture tribes to be a controversial one and does not agree with the supposition that they were proto-Finns. He considers them to be mixed Europeoid component predominating.

АЛЬ-НАДЖАР МУХАММЕД

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ИОРДАНИИ

(К вопросу о начале бронзового века Палестины)

До сих пор одной из важнейших проблем первобытной археологии Палестины [1] является переход от халколитической культуры к культуре ранней бронзы I.

Дискуссионным является вопрос о нижней границе бронзового века. Одни ученые предлагают начинать его с момента упадка гхассульской культуры; по мнению других, культура ранней бронзы I не следовала непосредственно за гхассульской и между ними был хронологический разрыв в 400 лет. Дискуссионной является не только проблема начала бронзового века Палестины, но и внутренняя его периодизация. В историографии это выражается в разных наименованиях начального его периода, именуемого мной в дальнейшем ранней бронзой I (рис. 1).

Этот период называют по-разному: верхнехалколитическим [2], протогородским [3], первым периодом ранней бронзы [4]. В результате создается терминологическая путаница, ибо первый период ранней бронзы у Р. де Во не совпадает с первым периодом ранней бронзы у К. Кеньон или у П. Лэппа.

Здесь уместно вкратце вспомнить основные вехи изучения этого периода. В своей книге, посвященной изучению керамики первого периода ранней бронзы Палестины, написанной в 1937 г., Ж. Райт [5] различал два новых типа керамических изделий, появившихся после гхассульской культуры IV. Первый тип, получивший широкое распространение на севере Палестины, отличающийся красной и светлой керамикой, Ж. Райт назвал культурой Эздрелона. Для второго типа, местом распространения которого были центральные районы Палестины, характерна расписная керамика, орнаментация которой состояла в основном из групп параллельных линий, образующих различные геометрические формы.

Ж. Райт исходил из того, что эти два типа керамики существовали отдельно и ни в одном районе Палестины не встречались совместно. Ке-

[1] В западной историографии название «Палестина» обозначает территории, расположенные как к западу, так и к востоку от р. Иордан.

[2] *Albright W.* Some Remarks on the Archaeological Chronology of Palestine before 1500 B. C.— In: Chronologies in Old World Archaeology. Chicago, 1965; *Vaux R. de.* Palestine in the Early Bronze Age.— In: Cambridge Ancient History, vol. I, ch. 15. Cambridge, 1966; *Mellaart J.* The chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia. Beirut, 1966.

[3] *Kenyon K.* Archaeology in the Holy Land. N. Y., 1960; *Hennessy J.* The Foreign Relations of Palestine During the Early Bronze Age. London, 1967.

[4] *Wright G.* The Archaeology of Palestine.— In: The Bible and the Ancient Near East. N. Y., 1961; *Amiran R.* Ancient Pottery of the Holy Land. Jerusalem, 1969; *Lapp P.* Palestine in the Early Bronze Age.— In: Near Eastern Archaeology in the Twentieth Century. N. Y., 1970.

[5] *Wright G.* The Pottery of Palestine from the Earliest Times to the End of the Bronze Age. New Haven, 1937.

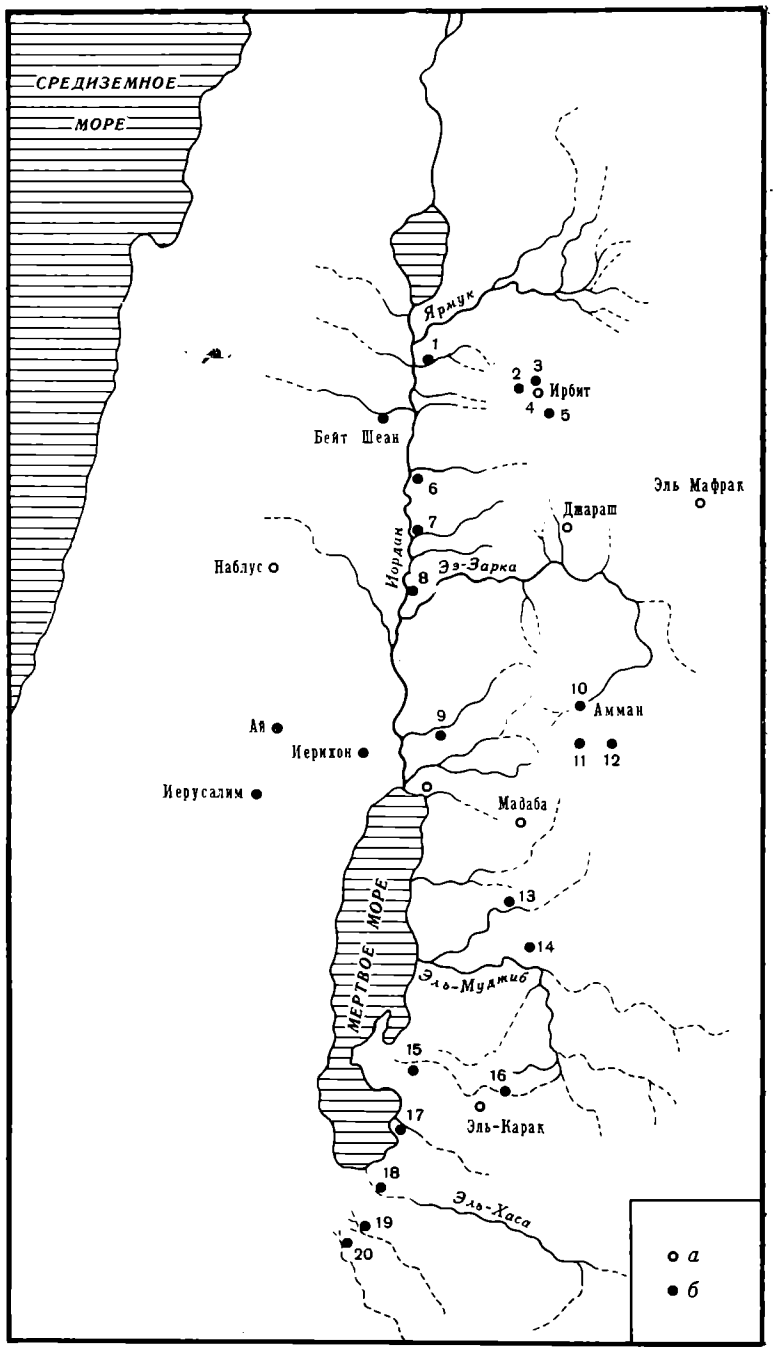


Рис. 1. Поселения ранней бронзы Иордании. *1* — Аш-Шуна (север), *2* — Ашаир (Телль), *3* — Аргуб ад Дахр, *4* — Ирбид, *5* — Хусон (Аль), *6* — Абу Хабиль, *7* — Саидия (Телль), *8* — Ум Хамад Шарги, *9* — Аш-Шуна (юг), *10* — Амман, *11* — Джава, *12* — Сахаб, *13* — Хербет Искандер, *14* — Араир, *15* — Баб Аддира, *16* — Адер, *17* — Нумейра, *18* — Ас-Сафи, *19* — Фифа, *20* — Ханазир. *а* — современные города, *б* — поселения ранней бронзы I

рамику второго типа (расписная) Ж. Райт считал основой, на которой развивалась керамика ранней бронзы. Поэтому первый тип («культура Эздрелона») он именовал керамикой позднего халколитического периода, и лишь второй — керамикой первого периода ранней бронзы.

Однако в 1946 г. археологические раскопки под руководством Р. де Во [6] в местечке Телль Фариа (близ Наблуза) доказали сосущест-

[6] *Vaux R. de.* Op. cit.

вование в одном поселении обоих типов керамики. При этом Р. де Во относил оба типа керамических изделий к верхнему халколитическому периоду.

Та же картина повторилась при раскопках Аргуб Аддахр в 1956 г.[7], севернее Аш-Шуны, где была найдена вместе керамика обоих типов, также отнесенная к верхнему халколиту.

В 1957 г. в своей книге, посвященной археологическим раскопкам Иерихона, К. Кенион [8] ввела новый термин — «протогородской период», который употребляется до сих пор. По мнению К. Кенион и на основе результатов археологических раскопок Иерихон не был заселен в период гхассульской культуры вплоть до 3200 г. до н. э. В ее аргументации первостепенное значение придается керамике из погребений этого периода.

В Иерихоне К. Кенион не удалось найти типичных образцов северной группы керамики (культура Эздрелона), однако в результате раскопок там были выделены два характерных типа керамики. Первый получил название «керамика протогородского периода А», второй — «керамика протогородского периода В». Образцы типа А были получены главным образом из погр. А 94. Там были найдены керамические сосуды, очень напоминавшие керамику Телль Фариа (Наблуз), в свою очередь связанную с керамикой Эздрелона. Тип В представлен в погр. А 13, где было найдено множество образцов расписной керамики (центральная группа по Ж. Райту), рис. 2.

В самом слое керамика второго типа располагалась стратиграфически выше керамики первого типа. Из этого К. Кенион сделала вывод, что первый тип является более древним. В целом заключение К. Кенион относительно соотношения этих керамических групп сводится к следующему. Если относить керамику погр. А 94 к «протогородскому периоду А», керамику погр. А 13 к «протогородскому периоду В», а керамику Эздрелона к «протогородскому периоду С», то окажется, что группы А и В представлены в Иерихоне VII—VI в определенной хронологической последовательности, а группа С отсутствует совсем.

В центральных районах Палестины тоже встречаются группы А и В совместно, а в Телль Фариа мы встречаем сочатание групп В и С. В более северных районах группа С встречается вместе с гхассульской керамикой.

Ж. Райт вернулся к этому вопросу в 1958 г.[9] и на основе археологических раскопок в Телль Фариа сделал вывод, что нет достаточного основания разделять керамику Эздрелона (С, по Кенион) и расписную керамику центральных районов (В, по Кенион) на два типа, что эти две группы должны обозначаться одним термином — «керамика верхнего халколита» или керамика «I периода ранней бронзы». Спустя несколько лет он окончательно определил этот тип керамики как керамику «I периода ранней бронзы» [10].

С этим не согласился В. Олбрайт [11]. Согласно его точке зрения, эти два типа керамики существовали раздельно, особенно если внести одну поправку, которая заключается в том, что керамика Эздрелона разделяется на две подгруппы (серая лощеная керамика и керамика со светлым ангобом). В. Олбрайт считает, что северная группа хронологически не совпадает с расписной керамикой центральных районов. Что касается Р. де Во, то он продолжал утверждать, что все эти типы керамики относятся к верхнему халколиту [12].

---

[7] *Parr P.* A Cave at Arqub el Dhahr.— ADAJ, III, 1956.

[8] *Kenyon K.* Digging up Jericho. London — Bonn, 1957.

[9] *Wright G.* The Problem of the Transition between the Chalcolithic and Bronze Ages.— Eretz Israel, 1958, № 5.

[10] *Wright G.* The Archaeology of Palestine...

[11] *Albright W.* Op. cit.

[12] *Vaux R. de.* Op. cit.

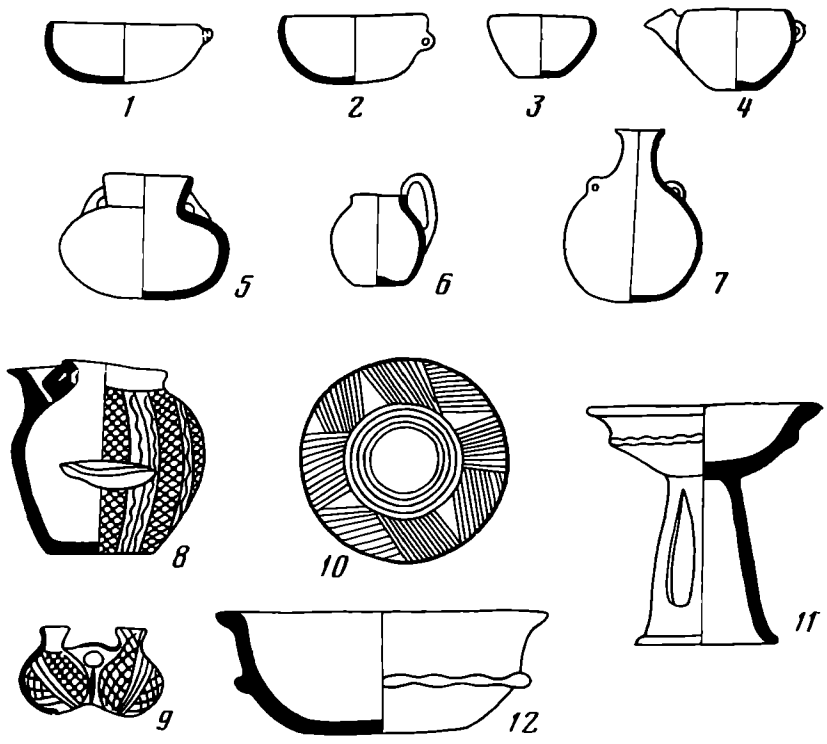


Рис. 2. Керамика ранней бронзы I. *1—7* — краснолощеная; *8—10* — расписная; *11, 12* — керамика Эздрелона

Д. Мелларт в 1966 г. назвал период, о котором здесь идет речь, «верхним халколитом» [13]. По его мнению, первые группы северо-восточных иммигрантов достигли севера Палестины в XXXII в. до н. э., а возможно, и несколько раньше. Они и были носителями культуры Эздрелона, занявшими всю северную часть Палестины вплоть до Иерихона. Побережье Палестины, центральные и южные ее районы оставались, по мнению Д. Мелларта, гхассульскими. В самостоятельную группу им выделена керамика Ум Хамад Шарги (светлая керамика), которая встречается исключительно в долине р. Иордан. Он считает, что этот тип керамики был местной вариацией керамики Эздрелона.

Третий тип керамики, по Д. Мелларту,—«красная лощеная керамика и ангобированная керамика», лучшие образцы которой были получены из поселения Телль Фариа. Д. Мелларт считает, что этот тип керамики был прототипом керамики ранней бронзы. В названном поселении были найдены «сирийские бутылкообразные сосуды», которые позже получили большое распространение во всех районах Палестины, Иордании, Ливана и Сирии (прежде всего в Хаме и Умоке). Свое происхождение этот тип керамики ведет с севера. Четвертую группу составляет расписная керамика центральных районов, которая, по Д. Мелларту, является последним по времени типом позднего халколита.

В своей работе, вышедшей в 1967 г., ученик К. Кенион Дж. Хеннеси [14] писал, что керамику Эздрелона нельзя считать самостоятельной группой, ибо она встречается с керамикой «протогородских периодов А или В» или же сразу с обоими. Дж. Хеннеси разделил рассматриваемый нами период на «протогородской А», «протогородской В» и первый период ранней бронзы.

---

[13] *Mellaart J.* Op. cit.
[14] *Hennessy J.* Op. cit.

В течение 1965—1968 гг. П. Лэпп проводил раскопки в Баб Аддира. В результате этих раскопок были получены новые данные по первобытной истории этого района, однако в связи со смертью П. Лэппа они опубликованы не полностью. Но уже из публикаций 1966[15], 1968[16], 1970 гг.[17] явствует, что это поселение начиная со второго периода ранней бронзы и вплоть до конца ранней бронзы III, когда оно было разрушено полностью, было опоясано крепостной стеной с башнями.

Большой интерес вызывают могильники, окружающие укрепленный поселок с трех сторон. По оценке П. Лэппа, там имеется более 20 тыс. гробниц (останки почти полумиллиона человек) и более 3 млн. керамических сосудов и черепков. Эти могильники использовались в течение почти целого тысячелетия, и поэтому они имеют особое значение для изучения последовательности культур в этом районе. П. Лэпп соглашается с выводами К. Кенион о том, что тип керамики «протогородского периода А» из погр. А 94 предшествует по времени типу Б из погр. А 13. Однако в отличие от К. Кенион он определил их как керамику ранней бронзы I*a* и керамику ранней бронзы I*b*. По его мнению, в рамках керамики ранней бронзы I*a* имеется две подгруппы (красная лощеная и серая лощеная керамика).

Что касается следующего периода, С (по К. Кенион), то П. Лэпп, как и Дж. Хеннеси, не считает керамику «протогородского периода С» самостоятельной группой. Керамику из погр. А 108 в Иерихоне П. Лэпп выделил в самостоятельную группу и назвал керамикой ранней бронзы I, которая следует за керамикой «протогородских периодов А и В» (по К. Кенион и Дж. Хеннеси), которую П. Лэпп назвал керамикой ранней бронзы I*c*. Она состоит главным образом из красноглиняных лощеных блюд и бутылкообразных сосудов.

За ранней бронзой I*a*, *b*, *c* (3150—2850 гг. до н. э.) следует ранняя бронза II (2850—2550 гг. до н. э.). Этот период характеризуется появлением укрепленных поселений, часть которых перерастет в города. Раньше считалось, что строительство их распространялось постепенно с севера на юг и связано с появлением новых этнических групп в этом районе. Теперь на основе материалов археологических раскопок (Баб Аддира, Арад и др.) доказано, что в этих местах укрепленные поселения были одновременны северным и выросли они из поселений ранней бронзы I.

Местное население состояло главным образом из ханаанейцев. Раньше считалось, что эти семитские племена появились в этом районе после амморитов — около 1500 г. до н. э. Однако раскопки в Угарите, которые начались в 30-х годах и продолжаются по сей день, свидетельствуют о том, что состав населения этого региона в течение II тысячелетия до н. э. был однородным и включал главным образом ханаанейцев.

Большое значение для выяснения этого вопроса имеют документы, обнаруженные в ходе археологических раскопок в Сирии в местечке Телль Мардих в 1975 г. (в р-не Алеппо). Предварительная обработка и расшифровка этих документов свидетельствуют о том, что на этом месте находилась столица ханаанейского царства Эбла. Период его наивысшего расцвета падает на вторую половину III тысячелетия до н. э., по могуществу и культуре оно не уступало Аккадскому государству в Месопотамии.

Расцвет палестинских и иорданских поселков и городов падает на II (2850—2550 гг.) и III (2550—2275 гг.) периоды ранней бронзы. Крепостные стены, ворота и архитектура этих городов были обследованы и описаны Р. де Во[18]. Большинство ученых сходятся на том, что полити-

---

[15] *Lapp P.* The Cemetry at Bab edh — Dhra, Jordan.— In: Archaeology, XIX, 1966.

[16] *Lapp P.* Bab edh — dhra Tomb A76 and Early Bronze I in Palestine. —BASOR, CLXXXIX, 1968.

[17] *Lapp P.* Palestine...

[18] *Vaux R. de.* Op. cit.

ческая власть здесь существовала в виде полисов (городов-государств), однако П. Лэпп придерживался другой точки зрения. По его мнению, во II и III периодах ранней бронзы на территории Иордании и Палестины существовало единое государство. Но приводимые им доводы не очень убедительны, и этот вопрос еще нуждается в дальнейшем исследовании.

Дискуссионным является не только начальный этап ранней бронзы, но и финальный ее период. Впервые он был назван Ж. Райтом [19] IV периодом ранней бронзы (2350—2200 гг. до н. э., по Ж. Райту). Это название долго не оспаривалось, однако оно было отвергнуто К. Кенион [20] после ее раскопок в Иерихоне. По мнению К. Кеннон, этот и последующий за ним период (средняя бронза I — 2200—2000 гг. до н. э., согласно хронологии Ж. Райта) нельзя отнести ни к ранней, ни к средней бронзе, К. Кенион назвала их «переходными периодами от ранней бронзы к средней А и В». П. Лэпп назвал этот период «переходным бронзовым периодом А и В» [21]. Однако в дальнейшем он отказался от этого названия и определил этот период как «IV период ранней бронзы» [22].

IV фаза ранней бронзы характеризуется полным разрушением иорданских и палестинских городов. Р. Амиран в своей книге подчеркнула, что этот период нуждается в тщательном археологическом изучении, без которого невозможно составить верное представление о важнейших социальных и экономических процессах, происходивших в то время в Восточном Средиземноморье.

Самой приемлемой для нас является периодизация ранней бронзы, предложенная П. Лэппом в его статье, опубликованной в 1970 г.[23]: ранняя бронза I*a* — 3150—3050 гг. до н. э.; ранняя бронза I*b* — 3050—2950 гг. до н. э.; ранняя бронза I*c* — 2950—2850 гг. до н. э.

Ниже будут охарактеризованы основные памятники Иордании, содержащие материалы раннего бронзового века.

Пещера Аргуб Эль-Дахр [24]. Пещера находится недалеко от г. Ирбида на севере Иордании. Классифицировать материалы этой пещеры очень трудно, однако, судя по керамике, можно заключить, что среди них многие относятся к периоду позднего халколита — ранней бронзы.

Часть этих материалов можно отнести к периоду ранней бронзы II—III. Обращает на себя внимание тот факт, что по месту расположения в этой пещере так называемая керамика Эздрелона должна бы преобладать. Однако на самом деле среди керамических материалов, найденных здесь, доминирующими являются расписные керамические сосуды, относящиеся к южной группе («протогородской период В» по К. Кенион, ранняя бронза I по Ж. Райту и ранняя бронза I по П. Лэппу).

Этот факт лишний раз свидетельствует, что разделение керамики ранней бронзы I на северную и южную группы является условным, и подтверждает гипотезу П. Лэппа и Я. Хеннеси о том, что керамика Эздрелона не является самостоятельной группой, а лишь частью керамики ранней бронзы I*a*.

Такая же картина наблюдается в поселениях Аш-Шуна (север) [25], расположенном в 6 *км* к югу от р. Ярмук, Ум Хамад Шарги [26] — в 25 *км* к югу от Аш-Шуна (север) и в поселении Аш-Шуна (юг) [27] — примерно в 53 *км* к югу от Ум Хамад Шарги. В первом и во втором

---

[19] *Wright G.* The Pottery of Palestine...
[20] *Kenyon K.* Digging up Jericho...
[21] *Lapp P.* The Dhahr Mirzbaneh Tombs. New Haven, 1966.
[22] *Lapp P.* Palestine...
[23] Ibidem.
[24] *Parr P.* Op. cit.
[25] *Dornemann R.* The Cultural and Archaeological History of Trans Jordan in the Bronze and Iron Ages. Chicago, 1970.
[26] The Archaeological Heritage of Jordan. Amman, 1973.
[27] Ibidem.

поселениях встречаются совместно керамические группы B и C (по К. Кенион), а во втором доминирующей является светлая керамика, которая, по мнению Д. Мелларта, представляет собой местную вариацию керамики Эздрелона.

Хербет Искандер. Поселение Хербет Искандер расположено примерно в 15 *км* к югу от г. Мадаба и находится на северном берегу Вади Аль-Вала (приток Вади Аль-Мужиб). Оно было обнаружено в 1877 г., однако первые попытки его исследования были предприняты лишь в 1939 г.[28] На основе исследования фрагментов керамики, собранных на поверхности, Н. Глюк отнес это поселение к периоду ранней бронзы IV — средней бронзы I, согласно терминологии Ж. Райта.

Предварительные раскопки (две траншеи заложены в восточной и северной части поселения) [29] показали, что поселение было укреплено крепостной стеной, ширина которой достигала 10 *м*. В траншее № 1 мощность культурных напластований достигает 3 *м*, и здесь могут быть выделены три слоя. Первый относится к халколиту, второй в обеих траншеях по предварительным данным отнесен к периоду позднего халколита — ранней бронзы. Третий, судя по керамическим изделиям, относится к периоду ранней бронзы IV [30] (ранняя бронза — средняя бронза, по К. Кенион).

Археологические раскопки в поселении Хербет Искандер были продолжены в 1960 г. под руководством П. Парра [31]. Они дали значительную коллекцию керамических изделий периода ранней бронзы.

Баб Аддира. Поселение расположено на восточном побережье Мертвого моря, примерно в 13 *км* к северо-западу от г. Керака. Впервые оно было исследовано В. Олбрайтом в 1924 г., и это были вообще первые археологические раскопки, проведенные на территории Иордании [32]. Результаты этих раскопок, однако, из-за отсутствия необходимых хронологических эталонов в данном районе были опубликованы лишь 20 лет спустя, когда В. Олбрайт при помощи сравнительного анализа керамики Баб Аддира с керамикой Иерихона, Телль Мерсима, а также Адера (близ г. Керака) датировал эти материалы XX в. до н. э.[33]

Раскопки были продолжены лишь в 1965 г., когда Департамент древностей Иордании принял решение возобновить их. С 1965—1968 гг. они проводились под руководством П. Лэппа и вновь, как мы уже говорили, были прерваны в связи с его смертью. Результаты раскопок этого чрезвычайно интересного укрепленного поселка раннего бронзового века не были полностью опубликованы. П. Лэпп успел опубликовать, как мы уже упоминали, лишь две статьи [34], и одна статья была опубликована после его смерти, в 1970 г.[35]

В 1973 г. раскопки в Баб Аддира были продолжены [36]. Разведовательные работы проводились под руководством В. Раста и Т. Шауба. Раскопки были проведены в районе, расположенном к югу от Баб Аддира. Здесь найдены могильники, относящиеся к периоду ранней бронзы I. Этими же исследователями были возобновлены раскопки и самого Баб Аддира. В 1975 г. они проводились в четырех районах [37]: 1) к северо-востоку от поселения, где была обнаружена оборонительная башня; фундамент ее был построен из камня, а сама башня из сырцового кирпича;

---

[28] *Glueck N.* Exploration in the Eastern Palestine III.— AASOR, 1939, XVIII—XIX.
[29] *Parr P.* Excavations at Khirbet Iskander.— ADAJ, 1956, III.
[30] Ibidem.
[31] Ibidem.
[32] *Albright W.* Early Bronze Pottery from Bab ed Dra in Moab.— BASOR, 1944, 95.
[33] *Albright W.* Op. cit.
[34] *Lapp P.* The Cemetry... *Idem.* Bab edh Dhra Tomb A76...
[35] *Lapp P.* Palestine...
[36] *Rast W., Schaub T.* Survey of the Southeastern plain of the Dead Sea.— ADAJ, 1974, XIX.
[37] *Moawiyah Ibrahim.* Excavations in Jordan in 1975.— ADAJ, 1975, XX.

2) вдоль крепостной стены с южной ее стороны; 3) вдоль западного участка стены, где была обнаружена другая башня из камня и сырцового кирпича; 4) в северо-западной части поселения, где были обнаружены жилые дома, разрушенные, по-видимому, в результате сильного пожара.

Раскопки 1975 г. выявили также остатки небольшого поселения к северо-востоку от Баб Аддира (в 0,5 *км*). Там были найдены остатки домов из сырцового кирпича, а также различные керамические сосуды. Сравнительный анализ этих материалов показывает, что они относятся к последнему периоду ранней бронзы. По всей вероятности, это поселение принадлежит племенам, которые и разрушили Баб Аддира.

В 1970 г.[38] раскопки проводились как на территории поселения Баб Аддира (в некоторых местах которого мощность культурного слоя достигала 5 *м*), так и к юго-западу от него, где были открыты могильники различных периодов бронзового века начиная с древнейшего. В этих могильниках были найдены многочисленные керамические и базальтовые сосуды, которые ориентировочно отнесены к периоду ранней бронзы I. Другой тип некрополей — кирпичные прямоугольные погребальные дома — относится к середине III тысячелетия до н. э. Раскопки в Баб Аддира продолжаются и в настоящее время.

Нумейра. Поселение Нумейра[39] расположено примерно в 13 км к югу от Баб Аддира на южном берегу вади Нумейра. Как и Баб Аддира, это поселение было расположено в холмистой местности. С восточной и южной сторон оно отделено от других холмов глубокими обрывами. На юго-западе поселения до сих пор сохранились остатки крепостной стены. С этой же стороны обнаружены могильники с каменными гробницами (цистами).

Крепостная стена сооружена из больших неотесанных камней и достигает в ширину 2,5 *м*. В качестве стоительного материала были использованы известняк и песчаник, которыми богат этот район. Вся южная и западная стороны поселения перекрыты развалом крепостной стены. К востоку от поселения обнаружено большое скопление камней. Такое же скопление камней обнаружено к западу от поселения Баб Аддира, в Фифе и Ханазире. Возможно, эти скопления камней являются остатками боевых или наблюдательных башен.

Поселение Ас-Сафи. Это поселение расположено примерно в 12 *км* к юго-западу от поселения Нумейра на северном берегу Вади Хеса и было обнаружено задолго до проведения археологических раскопок в 1973 г. Ас-Сафи является стратиграфически самым сложным из всех поселений в этом районе, так как оно было заселено не только в период ранней бронзы, а также в железном веке вплоть до византийского и еще более поздних периодов.

В. Олбрайт в ходе исследования этого района обнаружил византийские и арабские предметы (Хербет Шейх Исса 1924 г.[40] и Тавахин Ас-Суккар 1926 г.[41]). Поселение периода ранней бронзы находится к юго-западу от поселения Тавахин Ас-Суккар. Ключом к исследованию Ас-Сафи в период ранней бронзы являются расположенные вокруг поселения[42] многочисленные могильники, обнаруженные в ходе раскопок в 1973 г.

Впервые эти могильники были упомянуты Ф. Франком в 1932 г.[43] Ф. Франк писал, что в юго-западном направлении от Каср Ат-Туба (Тавахин Ас-Суккар) им обнаружены могильники, которые он не пытался датировать. Однако Н. Глюк в своем описании археологических памятников этого района относил их к периоду ранней бронзы [44].

[38] *Moawiyah Ibrahim.* Excavations in Jordan.— ADAJ, 1977—1978, XXII.
[39] *Rast W., Schaub T.* Op. cit.
[40] *Albright W.* The Archaeological.
[41] *Albright W.* The Jordan Valley in the Bronze Age.— AASOR, 1926, № 6.
[42] *Rast W., Schaub T.* Op. cit.
[43] *Frank F.* Aus der Araba I.— ZDPV, 1934, № 57.
[44] *Glueck N.* Exploration in Eastern Palestine II.— AASOR, 1935, № 15.

Поселение Фифа. Поселение расположено примерно в 9 *км* к юго-западу от поселения Ас-Сафи, в холмистой местности. Оно также было впервые упомянуто Ф. Франком в 1934 г.[45] В результате археологических раскопок в 1973 г.[46] был обнаружен большой могильник к востоку от поселения. Он расположен на площади 1,5 *км* с востока на запад и 0,5 *км* с севера на юг. По своим размерам он не уступает могильнику в Баб Аддира. Обнаружены также небольшие могильники и к северу от поселения. Типичной формой погребального сооружения во всех случаях являются каменные цисты.

Поселение расположено в холмистой местности к западу от могильника. Оно опоясано крепостной стеной из камней, остатки которой вскрыты вокруг поселения. Около восточной части стены обнаружено большое скопление камней, которые, по всей вероятности, остались от наблюдательной башни. Характерно, что фрагменты керамики периода ранней бронзы обнаружены в восточной части поселения, в то время как на западном участке преобладает керамика более поздних периодов (римского, византийского и арабского).

Аль-Ханазир. Поселение находится в 6 *км* к юго-западу от Фифы. По размеру оно уступает предыдущим поселениям этого региона.

Поселение обнаружено Ф. Франком в 1932 г.[47] В 1935 г. Н. Глюк обследовал его и назвал Роджм Ханазир, однако ни Ф. Франк, ни Н. Глюк не могли определить его места в системе поселений ранней бронзы в долине р. Иордан. Ф. Франк в 1934 г. писал, что среди фрагментов керамики, найденных в Ханазире, отсутствуют римские и что эти черепки, по всей вероятности, относятся к более раннему периоду. Поселение было опоясано крепостной стеной, о чем свидетельствуют камни, разбросанные вокруг него. К юго-востоку от поселения обнаружено, как и около других поселений этого района периода ранней бронзы, большое скопление камней, по-видимому, остатки наблюдательной башни. По всей вероятности, это было самое южное из поселений периода ранней бронзы на территории Иордании.

Бронзовый век в истории Древнего Востока охватывает период с конца IV тысячелетия и вплоть до XII в. до н. э. Этот период был ознаменован важнейшими социально-экономическими и политическими процессами, и прежде всего становлением древнейших государств в этом регионе. Что касается Иордании и Палестины, то, как было отмечено выше, одной из важнейших проблем их первобытной истории является проблема хронологии и периодизации, которая до сих пор остается дискуссионной.

На наш взгляд, наиболее приемлемой периодизацией бронзового века является предложенная П. Лэппом. Хронология памятников рассматриваемого региона базируется не только на относительных, но и на абсолютных датах, полученных в результате радиоуглеродного анализа образцов из погр. А 94 Иерихона (вторая половина IV тысячелетия до н. э.).

Установлено, что все ступени развития периода ранней бронзы полностью представлены на территории Иордании. Поселения, относящиеся к периоду ранней бронзы, встречаются на севере, в центральных районах, а также на юге Иордании. Правда, здесь нужно отметить, что в основном эти поселения были расположены в долине р. Иордан, однако это не означает, что они отсутствовали во внутренних районах Иордании. Общим для всех этих поселений является, во-первых, их преимущественное расположение поблизости от источников воды. Топография поселений и общий их характер свидетельствуют о том, что основным занятием населения района в то время было земледелие и скотоводство,

---

[45] *Frank F.* Op. cit.
[46] *Rast W., Schaub T.* Op. cit.
[47] *Frank F.* Op. cit.

вопрос о конкретном характере которых еще нуждается в дальнейшей разработке. Во-вторых, все поселения расположены в хорошо защищенных районах, на холмах, прилегающих к долине р. Иордан. Для всех поселений характерно также и то, что начиная примерно со II периода ранней бронзы они были опоясаны крепостными стенами (сначала из сырцового кирпича, а потом из камня). Это говорит о том, что они часто подвергались нападениям соседних племен. Об этом также свидетельствуют и остатки домов, разрушенных в результате пожаров.

Проблематичными остаются вопросы об этническом составе населения, его духовной, а в значительной мере и материальной культуре. Для дальнейшего изучения первобытной истории данного региона необходимо проведение новых археологических раскопок и детальное исследование их результатов.

Al-Nadjar Mohammed

MONUMENTS OF THE EBA IN JORDAN

Summary

The article discusses one of the most important problems in the primitive history of Jordan and the adjacent areas of the eastern Mediterranean — that of periodisation of the Bronze Age in Jordan and Palestine. The chronological scheme by P. Lapp founded on the comparative study of pottery from the Bab ed-Dra settlement on the eastern coast of the Dead Sea is considered by the author to be the most acceptable. The author also analyses some EBA I monuments in Jordan which are most representative from the point of view of chronology.

Д. Б. ШЕЛОВ

ЕЩЕ О БОСПОРСКИХ МОНЕТАХ ПЕРИОДА ДЕНЕЖНОГО КРИЗИСА III В. ДО Н. Э.

Боспорские эмиссии медных монет периода денежного кризиса III в. до н. э. привлекали к себе внимание многих нумизматов. Систематика и относительная хронология пантикапейской меди III в. до н. э. были в общих чертах установлены еще А. Н. Зографом [1]. Они были положены в основу разработанной нами в начале 50-х годов схемы пантикапейской чеканки периода кризиса [2]. Эта схема была принята в целом другими исследователями, касавшимися позднее пантикапейской чеканки III в. до н. э.[3] Но в нее могут и должны быть внесены некоторые дополнения и уточнения, связанные с обнаружением новых или переосмысливанием некоторых ранее известных нумизматических фактов (рисунок). Отметим, в частности, публикацию П. О. Карышковским неизвестных ранее пантикапейских монет с изображением безбородой головы сатира на аверсе и львиной головы и осетра на реверсе (типа Б.XX, 70—71) и с контрамарками в виде двенадцатилучевой звезды и горита, но не наложенными дополнительным пунсоном, как обычно (Б.XX, 72), а вырезанными в основных штемпелях лицевой и оборотной сторон монеты [4]. В схему должны быть введены и монеты того же типа с надчеканкой в виде венка, известные теперь уже в нескольких экземплярах [5]. Тщательное изучение надчеканки в виде треножника позволило Н. А. Фроловой выделить вариантные формы монет середины III в. до н. э. и проследить их относительную хронологию более детально, чем это было сделано ранее [6]. На этой основе ею значительно уточнена и детализирована составленная нами схема пантикапейской медной чеканки III в. до н. э., хотя все основные элементы и связи нашей схемы остались неизменными [7].

---

[1] *Зограф А. Н.* Мирмекийский клад монет III в. до н. э., найденный в 1934 г.— МИА, № 4, 1941, с. 152; *его же.* Античные монеты. М., 1951, с. 177.

[2] *Шелов Д. Б.* Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э.— МИА, № 33, 1954, с. 58; *его же.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, с. 107.

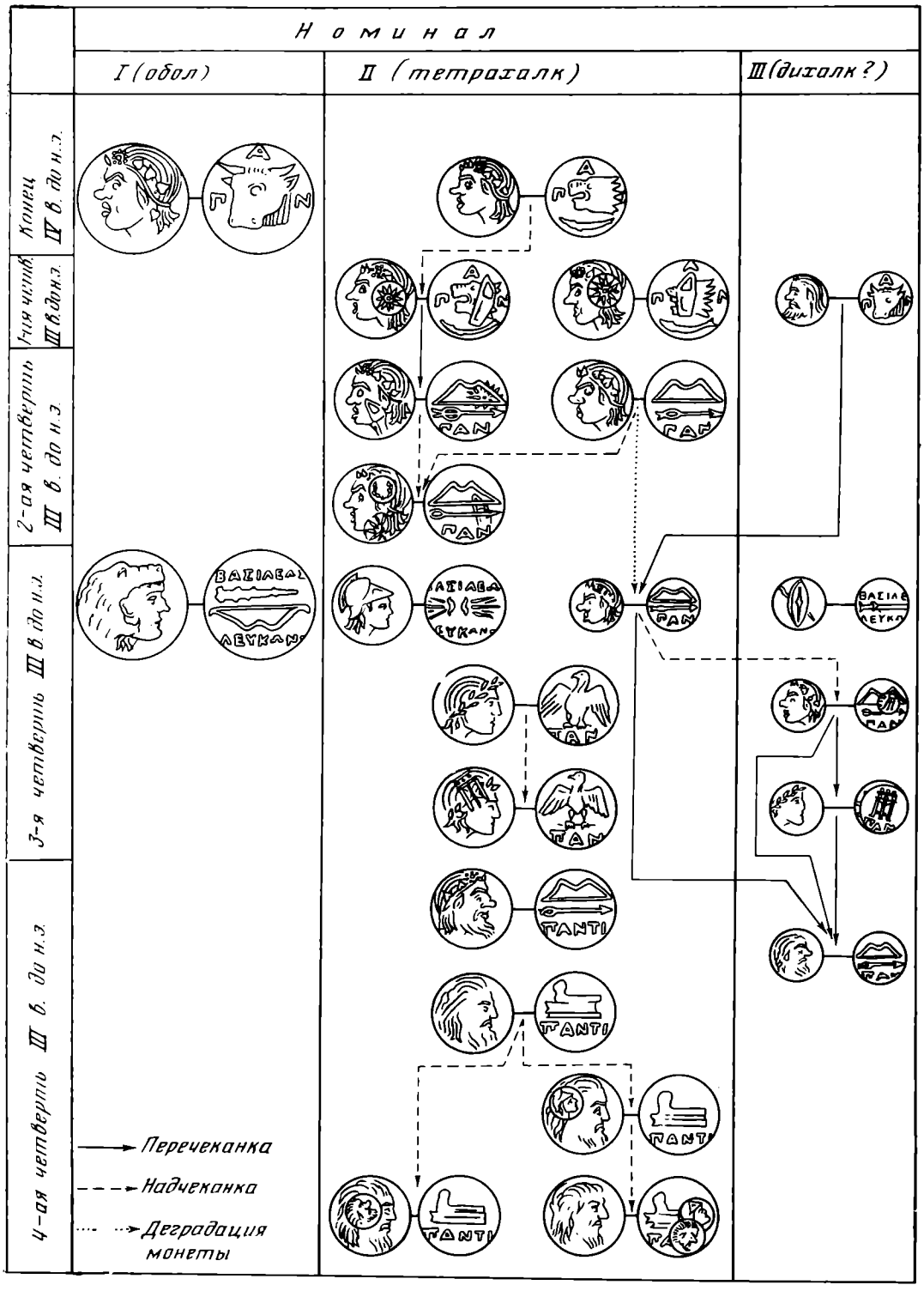
[3] *Карышковский П. О.* Из истории денежного обращения в Северном Причерноморье в III в. до н. э.— ЗОАО, т. 1(34), 1960, с. 112.

[4] Там же, с. 112; *Карышковский П. О.* Заметки по нумизматике античного Причерноморья. (6). Новые материалы к истории денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н. э.— ВДИ, 1960, № 3, с. 139—141, табл. I, *19*, *20*.

[5] *Карышковский П. О.* Несколько неизданных монет античного Причерноморья.— Нумизматический сборник, т. II (Тр. ГИМ, XXVI). М., 1957, с. 30, табл. I, 11; *его же.* Рец. на кн.: Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956.— СА. 1957, № 1, с. 278; *его же.* Заметки по нумизматике античного Причерноморья. (3). К истории денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н. э— ВДИ. 1957, № 2, с. 145, 146.

[6] *Фролова Н. А.* О денежном обращении Боспора в III в. до н. э.— СА, 1970, № 4. с. 33.

[7] Ср. *Шелов Д. Б.* Чеканка монеты..., рис. на с. 61; *Фролова Н. А.* Ук. соч., рис. на с. 35.



Что касается абсолютной хронологии выпусков пантикапейской медной монеты III в. до н. э., то их принимавшиеся нами ранее датировки должны быть пересмотрены. Прежде всего следует учитывать аргументированную точку зрения П. О. Карышковского о чеканке пантикапейского серебра еще во втором десятилетии III в. до н. э., отодвигающую, таким образом, начало денежного кризиса к рубежу первой и второй чет-

верти этого столетия [8], хотя надчеканка медных монет, выпущенных в конце IV в. до н. э., началась, видимо, уже в первой четверти III в. С другой стороны, подлежит передатировке заключительный выпуск пантикапейской медной монеты периода кризиса — крупных монет с типами головы Посейдона и проры (Б.XXII, 153). В свое время А. Н. Зограф (и вслед за ним все другие исследователи) датировал их третьей четвертью III в. до н. э. на том основании, что типы их повторяют типологию македонских тетрадрахм с именем Антигона [9]. Приписываемые Антигону Гонату и связываемые с победой македонского царя над египетским флотом при Косе, эти тетрадрахмы относились к середине III в. до н. э., что и определяло время их пантикапейских медных аналогов. Но теперь выпуск македонских тетрадрахм приурочивается к битве у Андроса в 227 г. до н. э., и имя на них понимается как имя Антигона Досона [10]. Поэтому и пантикапейские монеты с головой Посейдона и пророй должны принадлежать уже последней четверти III в., и преодоление денежного кризиса на Боспоре может быть отнесено к этому времени. Таким образом, вся история денежного кризиса сдвигается на четверть столетия; соответственно должна быть изменена и абсолютная хронология отдельных монетных выпусков этого периода. Передатировка этих серий произведена К. В. Голенко в двух специальных статьях [11], с предложенными им датами можно в основном согласиться. Новые датировки хорошо увязываются с тем отмеченным нами ранее фактом, что самые многочисленные в III в. до н. э. деградированные монеты с типами: безбородая голова сатира — лук и стрела (Б.XX, 79—80) выпускались не только во второй, но и в третьей четверти столетия, а обращались на рынке и еще позднее [12].

В настоящей статье мы не будем подробно рассматривать все отмеченные выше стороны пантикапейской монетной чеканки III в. до н. э., а остановимся только на одном вопросе — о номиналах пантикапейских монет этого времени. Определение номиналов этой чеканки представляет значительные трудности главным образом из-за стремительного падения веса монет в различных выпусках в пределах одной и той же серии и одного номинала. Многочисленные перечеканки и надчеканки медных монет еще более усложняют картину. Трудности выделения номиналов привели к тому, что исследователи либо совсем отказывались от решения этой задачи [13], либо давали случайные и недостаточно аргументированные определения номиналов. И все же, как нам представляется, можно попытаться определить номинальную стоимость пантикапейских монет III в. до н. э.

В свое время мы предложили различать в этой чеканке два номинала, предположительно тетрахалки и дихалки [14]. Н. А. Фролова была склон-

---

[8] *Карышковский П. О.* Заметки по нумизматике античного Причерноморья. (11). О начальной дате денежного кризиса на Боспоре в III в. до н. э.— ВДИ, 1964, № 1, с. 134—139.

[9] *Зограф А. Н.* Античные монеты, с. 179; ср. *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971, S. 91, 92.

[10] *Merker I. L.* The Silver Coinage of Antigonos Gonatos and Antigonos Doson.— Museum Notes, t. IX. 1960, p. 39.

[11] *Голенко К. В.* К хронологии некоторых медных монет Боспора III в. до н. э.— НЭ, VIII, 1972, с. 17; *его же.* Заметки о медных боспорских монетах III в. до н. э.— ВДИ, 1972, № 3, с. 142.

[12] *Шелов Д. Б.* Анапский клад монет 1954 г.— НЭ, I, 1960, с. 212; *его же.* Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI—I вв. до н. э.— НЭ, V, 1965, с. 35, 36.

[13] *Зограф А. Н.* Античные монеты, с. 178; *Шелов Д. Б.* Денежная реформа Левкона II.— ВДИ, 1953, № 1, с. 38, прим. 1; *Карышковский П. О.* Из истории денежного обращения..., с. 118, прим. 68.

[14] *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора..., с. 124, 125.

на считать все монеты периода денежного кризиса представителями одного номинала [15]. Аргументированную критику этой точки зрения дал К. В. Голенко [16], но его собственные представления о номиналах этой чеканки также вызывают некоторые возражения. Для того чтобы найти удовлетворительное решение этих вопросов, очевидно, следует вновь рассмотреть всю чеканку III в. до н. э. начиная с ее исходного пункта — с выпусков пантикапейских монет конца IV в. до н. э., послуживших материалом для перечеканок III в., до времени преодоления денежного кризиса.

Бронзовые пантикапейские монеты IV в. до н. э. были достаточно разнообразны, они представляли разные номиналы, при этом каждому номиналу соответствовали особые типы лицевой и оборотной стороны монеты [17]. Но последняя серия пантикапейской меди конца IV в. до н. э. состояла из монет всего двух номиналов: I — крупные монеты (вес 16—10 *г*) с изображением головы безбородого сатира в плющевом венке влево на лицевой стороне и головы быка влево на оборотной (Б.XX.60); II — монеты средней величины (вес 7,5—5 *г*) с изображением такой же головы сатира на аверсе и головы льва и осетра влево на реверсе (Б.XX, 70—71). Монеты I номинала этой серии встречаются довольно редко; в надчеканенном и перечеканенном виде они совершенно неизвестны: вероятно, выпуск их был невелик и непродолжителен. Зато монеты II номинала являются одной из самых распространенных категорий пантикапейских монет и служат материалом для ряда перечеканок в течение первых десятилетий III в. до н. э.

На основании рассмотрения всех выпусков медной и серебряной боспорской монеты IV в. до н. э. мы предположительно определили номинал I как обол, а номинал II — как тетрахалк [18]. Это определение номиналов было сочувственно встречено П. О. Карышковским [19], но позднее Н. А. Фролова предложила видеть в монетах с головой льва и осетром (номинал II) не тетрахалк, а дихалк, никак, впрочем, не аргументировав своего мнения [20]. Она связывает эти монеты в одну серию не с упомянутыми выше крупными монетами с головой быка, а с более ранними, тоже крупными монетами, имеющими на лицевой стороне изображение безбородой головы сатира в плющевом венке влево, а на обороте — лук и стрелу (Б.XIX, 49) и принимаемыми ею, также без всякой аргументации, за тетрахалки. Но даже если принять хронологическое сопоставление Н. А. Фроловой (для чего, по нашему мнению, нет никаких оснований), то все же нельзя будет согласиться с ее определением монет Б.XX, 70—71 как дихалков, так как привлекаемые ею в качестве двойного номинала крупные монеты Б.XIX, 49 не являются тетрахалками, а представляют тот же I номинал, что и монеты Б.XX, 60, т. е. скорее всего обол. Об этом свидетельствуют и их абсолютные веса, и их положение в общей системе серебряной и медной чеканки последней трети IV в. до н. э.[21]

Тем более непонятна точка зрения К. В. Голенко, который, принимая наше определение крупных медных монет заключительной серии IV в. (Б.XX, 60) как оболов и сопоставляя их в одной серии с монетами Б.XX, 70—71, в то же время в определении последних следует за Н. А. Фроловой, называя их (правда со знаком вопроса) дихалками [22]

---

[15] *Фролова Н. А.* Ук. соч., с. 40.
[16] *Голенко К. В.* Заметки о медных боспорских монетах..., с. 144.
[17] *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора..., с. 122, 124.
[18] Там же.
[19] *Карышковский П. О.* Ук. рец., с. 277.
[20] *Фролова Н. А.* Ук. соч., с. 39.
[21] *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора..., с. 122—124.
[22] *Голенко К. В.* Заметки о медных боспорских монетах..., с. 151, 152.

Между тем разница в весе монет обоих этих номиналов [23] никак не позволяет видеть в них единицу и ее четвертую часть, но прямо указывает на то, что номиналы I и II относятся друг к другу как 2 : 1, и если монеты Б.XX.60 являются оболами, то монеты с головой льва и осетром не могут быть ничем иным, как тетрахалками (гемиоболами). В пользу такого определения говорят и сравнения этих монет с позднейшими тетрахалками II—I вв. до н. э., и наблюдения над дальнейшей чеканкой III в. до н. э.

В первой четверти III в. до н. э. монеты с головой льва и осетром получили надчеканки в виде двенадцатиконечной звезды на аверсе и в виде лука в горите на реверсе (Б.XX, 72). Надчеканка производилась всегда очень аккуратно сопряженными штемпелями. Цель и смысл этой операции для нас совершенно неясны. Н. А. Фролова высказала предположение, что контрамаркирование монет с головой льва и осетром было предпринято для увеличения их номинальной стоимости: прежние дихалки после надчеканки стали тетрахалками [24]. Эта гипотеза была сочувственно встречена К. В. Голенко [25]. В принципе такая попытка номинального увеличения стоимости монеты вдвое вполне могла быть осуществлена, о чем свидетельствует хотя бы рассказ Полиена об аналогичной операции, проведенной будто бы боспорским царем Левконом (II) [26]. Однако у нас нет оснований утверждать, что именно удвоение номинала было целью рассматриваемой операции. Если бы это было так, то надчеканка тетрахалков (а не дихалков, как думает Н. А. Фролова) сделала бы их оболами, что кажется не очень вероятным при наличии полновесных крупных оболов в той же серии. Н. А. Фролова связывает увеличение номинала медных монет с переходом от эгинской к родосско-хиосской весовой системе в чеканке боспорского серебра. Но, во-первых, сам этот переход, предположение о котором было высказано П. О. Карышковским [27], еще не может считаться доказанным: весьма вероятно, что все же на Боспоре в чеканке серебра применялась в это время не родосско-хиосская, а аттическая система [28]. Во-вторых, остается неясным, почему изменение весовой системы в серебряной чеканке должно было повлечь за собой изменение номиналов медных монет и в каком направлении должно было осуществляться это изменение. С таким же, если не с большим, правом можно предполагать, что контрамаркирование медных монет имело целью не удвоение их номинала, а подтверждение их курса рядом с серебряной монетой, выпущенной по новому весовому стандарту. Во всяком случае будет осторожнее воздержаться пока от констатации изменения стоимости монет Б.XX, 72 и считать их по-прежнему монетами II номинала.

Монеты с надчеканкой обращались достаточно долго, вероятно, в течение всей первой четверти III в. до н. э. Об этом свидетельствуют редкие монеты этого типа, которые имеют изображение двенадцатилучевой звезды и горита не в виде надчеканки, а в виде деталей, выполненных в основном монетном штемпеле [29]. Естественно, что они

---

[23] См., например, весовые данные, приведенные Н. А. Фроловой (*Фролова Н. А.* О денежном обращении Боспора..., с. 40).

[24] *Фролова Н. А.* Ук. соч., с. 39.

[25] *Голенко К. В.* Заметки о медных боспорских монетах..., с. 151.

[26] *Polyaen.*, Strateg., VI, 9, 1.

[27] *Карышковский П. О.* Из истории денежного обращения, с. 122; *его же.* Заметки по нумизматике античного Причерноморья. (11). О начальной дате..., с. 135, 136; ср. *Фролова Н. А.* Ук. соч., с. 39; *Голенко К. В.* Заметки о медных боспорских монетах..., с. 144, 151, 153.

[28] *Shelov D. B.* Coinage of the Bosporus VI—II Centuries B.C. Oxford, 1978, p. 198—199.

[29] *Карышковский П. О.* Из истории денежного обращения..., с. 112; *его же.* Заметки по нумизматике античного Причерноморья. (6). Новые материалы, с. 139—141.

могли быть выпущены только тогда, когда население привыкло к обращению надчеканенных монет. Одновременно с надчеканенными монетами обращались и другие монеты, имеющие на аверсе изображение головы бородатого сатира влево, на реверсе — головы быка влево (Б.XIX, 35—37). Эти монеты были выпущены явно как разменные к монетам с надчеканками, их средний вес составляет 3,5—4 *г*, и они, несомненно, представляли по отношению к ним половинный номинал (номинал III). Принадлежность монет обоих номиналов одной серии подтверждается совместными находками их в составе Мирмекийского клада 1960 г. и Нимфейского 1954 г.[30]

Около начала второй четверти III в. до н. э. надчеканенные монеты II номинала перечеканиваются новыми типами: на аверсе та же безбородая голова сатира влево, на реверсе — лук и стрела. Поскольку перечеканка производилась без предварительного сглаживания прежних типов, детали их, а также надчеканки совершенно ясно выступают из-под новых типов (Б.XX, 75—78). Одновременно производится выпуск монет с новыми типами, изготовленных на новых кружках (Б.XX, 73—74). И вес (6—7 *г*), и размер этих новых монет, соответствующие весу и размеру монет с головой льва и осетром, и самый факт перечеканки их из последних неопровержимо свидетельствуют, что в монетах с новыми типами следует видеть тот же номинал II. В качестве половинного (III) номинала рядом с этими монетами, видимо, продолжали обращаться монеты с головой бородатого сатира и головой быка (Б.XIX, 35—37), выпускавшиеся в течение продолжительного времени и испытавшие за это время довольно значительную стилистическую и весовую деградацию. На монетах с луком и стрелой известны небольшие надчеканки в виде лаврового венка; иногда эти надчеканки попадали и на монеты с типами головы льва и осетра, уже ранее подвергшиеся надчеканке звездой и горитом[31]. Судя по очень небольшому числу надчеканок в виде венка, операция по их наложению, предпринятая во второй четверти III в. до н. э., была проведена довольно робко и коснулась небольшого количества монет.

Все рассмотренные монеты периода начала денежного кризиса нередко встречаются в составе кладов. Кроме упомянутых уже кладов из Мирмекия 1960 г. и из Нимфея 1954 г. следует назвать еще большой клад из Пантикапея 1877 г. и клад из станицы Старо-Нижнестеблиевской, состоящие только из надчеканенных монет II номинала с типами головы льва и осетра (Б.XX, 72)[32]. Клады из Пантикапея 1869 и 1879 г., из Фанагории 1879 г. и из Нимфея 1951 г. содержали помимо таких надчеканенных монет еще и монеты с луком и стрелой на реверсе (Б.XX, 73—74)[33].

Если распределение всех описанных монет по номиналам можно было произвести без особого труда, то определение номиналов последующих выпусков представляет известные сложности. Дело в том, что во второй четверти III в. до н. э. начинается деградация монет основного

---

[30] *Брабич В. М.* Клад монет III в. до н. э. из Мирмекия.— СА, 1964, № 4, с. 193—195; *Голенко К. В.* Монеты из раскопок Нимфея 1939—1970 гг.— НЭ, XI, 1974, с. 72.

[31] *Карышковский П. О.* Несколько неизданных монет, с. 30; *его же.* Заметки по нумизматике античного Причерноморья. (3). К истории денежного кризиса, с. 145, 146; *Голенко К. В.* Монеты из находок в Патрее.— НиС, № 3, 1968, с. 160.

[32] *Люценко Е. Е.* Некоторые сведения о денежных кладах, найденных в последнее время на Керченском и Таманском полуостровах, а также на юге России. Рукопись 1880 г. Архив ИА АН СССР (фонд 28, дело 22), л. 19; *Прушевская Е. О.* Анапский клад пантикапейских медных монет.— ТОНГЭ, т. I, 1945, с. 23; *Анфимов Н. В.* Клад пантикапейских монет из станицы Старо-Нижнестеблиевской.— КСИИМК, XXIV, 1949, с. 64.

[33] *Люценко Е. Е.* Ук. соч., л. 12, 17, 19; *Прушевская Е. О.* Ук. соч., с. 23; *Голенко К. В.* Монеты из раскопок Нимфея..., с. 72, 73.

II номинала с изображением лука и стрелы на реверсе, чеканка которых продолжалась и в третьей четверти столетия. Эта деградация коснулась как стилистической, так и технической, и метрологической стороны монет: позднейшие монеты с типами лука и стрелы чеканены крайне небрежно, на маленьких монетных кружках со скошенным гуртом, остатками литников и затеков металла (Б.XX, 79—80) [34]. Вес их стремительно падает от 6—7 *г* в первых выпусках до 2—3 *г* и даже ниже в последних эмиссиях третьей четверти III в. до н. э. Это побудило К. В. Голенко видеть в деградированных монетах с изображением лука и стрелы (Б.XX, 79—80) представителя «младшего» номинала, тогда как более ранние выпуски этих монет признаются им монетами «среднего» или «ведущего» номинала [35]. Однако вся история постепенной весовой редукции этой меди при неизменном сохранении типов лицевой и оборотной сторон доказывает, что на всех этапах их стилистической и весовой деградации они рассматривались как монеты одного и того же (нашего II) номинала, полноценно представленного в конце IV и в начале III в. до н. э. монетами с головой льва и осетром на реверсе, а затем первыми полновесными монетами с луком и стрелой. Катастрофическое падение веса монет «ведущего» номинала подчеркивает условный характер этих медных знаков стоимости.

Когда вес монет II номинала значительно упал, стала возможной чеканка этих монет из уже выпущенной ранее мелкой меди III номинала, т. е. перечеканка штемпелями Б.XX, 79—80 монет типа Б.XIX, 35—37. Такие перечеканки известны в достаточном числе в составе кладов [36]. К. В. Голенко полагал, что операция по перечеканке приравнивала монеты типа Б.XX, 79—80 к «младшему» номиналу, представленному ранее монетами типа Б.XIX, 35—37 [37]. Согласиться с таким толкованием невозможно. В действительности имело место обратное явление: перечеканка монет III, младшего номинала монетными типами более крупного, II номинала в условиях жестокого денежного кризиса могла обозначать только повышение номинальной стоимости этих монет и формальное превращение их в монеты II номинала без изменения их реальной металлической стоимости. Да в увеличении реального веса монет и не было никакой надобности, так как они и так были не легче редуцированных монет II номинала, битых на новых кружках.

Таким образом, на боспорском денежном рынке в третьей четверти III в. до н. э. оказались пантикапейские монеты лишь одного номинала, формально достаточно крупного (II номинал, вероятно, тетрахалк), на деле совершенно измельчавшие. Попыткой преодолеть это кризисное состояние денежного обращения был первый в истории Боспора выпуск парской медной монеты от имени Левкона II, к которому мы еще вернемся. Такая же попытка была предпринята и в сфере обращения городской меди. Видимо, еще в пределах третьей четверти III в. до н. э. производится выпуск пантикапейских монет с изображением головы Аполлона на аверсе и орла на реверсе (Б.XXII, 163—164). Одновременно находящиеся в обращении измельчавшие монеты с типами лука и стрелы (Б.XX, 79—80) получают надчеканку в виде треножника (Б.XXI, 125—127) [38]. Поскольку размеры и вес монет с изображением орла на реверсе приближаются к соответствующим показателям пантикапейских

---

[34] *Шелов Д. Б.* Анапский клад монет..., с. 210.

[35] *Голенко К. В.* Заметки о медных боспорских монетах..., с. 151—153.

[36] *Прушевская Е. О.* Ук. соч., с. 21; *Шелов Д. Б.* Анапский клад монет..., с. 209.

[37] *Голенко К. В.* Заметки о медных боспорских монетах..., с. 146.

[38] *Шелов Д. Б.* Чеканка монеты..., с. 60. Мы принимаем здесь детальную относительную хронологию перечеканок середины денежного кризиса, установленную и обоснованную К. В. Голенко (*Голенко К. В.* К хронологии..., с. 23; *его же.* Заметки о медных боспорских монетах, с. 144 сл.), а не предложенную в схеме Н. А. Фроловой

монет Б.XX, 73—78 (с типами: голова безбородого сатира — лук и стрела) до их катастрофической редукции, можно предполагать, что и эти вновь выпущенные монеты должны были представлять тот же II номинал. Тогда одновременное контрамаркирование деградированной меди надчеканкой в виде треножника могло обозначать признание за этими редуцированными монетами прав половинного по отношению к старшему номинала (номинал III), каковым они и должны были считаться по реальному содержанию в них металла, хотя до этих пор они, вероятно, носили, как мы видели, формальное наименование II номинала [39].

Таким образом, к концу третьей четверти III в. до н. э. на Боспоре вновь была введена система обращения городских монет двух номиналов (II и III). Но кризисные злоключения пантикапейских монет на этом не кончились. Вновь выпущенные монеты с головой Аполлона и орлом вскоре подвергаются надчеканке штемпелем в виде треножника (Б.XXII, 165—167), а ранее надчеканенные монеты младшего номинала (Б.XXI, 125—127) перечеканиваются типами головы Аполлона на лицевой стороне и треножника — на оборотной (Б.XXI, 123—124, 128) [40]. Эти надчеканки и перечеканки вряд ли могли иметь целью изменение номинальной стоимости монет: такое изменение, не сопровождавшееся выпуском серебра или более полновесной меди, ничего не могло бы дать [41]. Скорее надо видеть в этих операциях подтверждение курса обращавшейся на рынке монеты.

Пантикапейские монеты третьей четверти III в. до н. э. часто встречаются наряду с более ранними в составе монетных кладов. К этому периоду относится зарытие одного клада из Пантикапея 1879 г., горгиппийских кладов 1882 и 1954 гг. и одного большого, пока неопубликованного клада, найденного в окрестностях Гермонассы в 1976 г. Основную массу монет в этих кладах составляют деградированные медные монеты с изображением лука и стрелы на реверсе (Б.XX, 79—80) [42].

Заключительным этапом монетного дела периода денежного кризиса была чеканка монеты с вновь введенными типами. По-видимому, в начале четвертой четверти III в. до н. э. на рынок выпускаются монеты с изображением бородатой головы сатира на лицевой стороне и лука и стрелы на оборотной (Б.XIX, 38, 51; XXII, 161). Значительная разница в размере и весе этих монет, а также наличие мелких типологических отличий заставили нас предположить существование внутри этой группы однотипной меди монет двух различных номиналов [43]. К этому же выводу пришел и К. В. Голенко, уделивший много внимания изучению этой группы монет [44]. Со своей стороны Н. А. Фролова выделила среди монет этой группы тяжеловесные экземпляры, чей средний вес (4 *г*) вдвое превосходит вес большинства монет с головой бородатого сатира, луком и стрелой [45].

---

[39] *Шелов Д. Б.* Чеканка монеты..., с. 60; *его же.* Монетное дело Боспора..., с. 110, 111.

[40] Ранее мы считали надчеканку и перечеканку деградированной меди типа Б.XX, 79—80, т. е. выпуск монет типа Б.XXI, 125—127 и типа Б.XXI, 123—124, 128, единовременной операцией (*Шелов Д. Б.* Чеканка монеты..., с. 60; *его же.* Монетное дело Боспора..., с. 111). Но наблюдения Н. А. Фроловой (*Фролова Н. А.* О денежном обращении Боспора, с. 36, 37) и К. В. Голенко (*Голенко К. В.* Заметки о медных боспорских монетах..., с. 143, 144, 146, 147) заставляют признать наличие здесь двух последовательных мероприятий, проводившихся не одновременно, хотя и на протяжении очень небольшого отрезка времени.

[41] *Голенко К. В.* Заметки о медных боспорских монетах..., с. 144.

[42] *Люценко Е. Е.* Ук. соч., л. 34; *Прушевская Е. О.* Ук. соч., с. 17 сл.; *Шелов Д. Б.* Анапский клад монет..., с. 208 сл.

[43] *Шелов Д. Б.* Чеканка монеты..., с. 62; *его же.* Монетное дело Боспора..., с. 111.

[44] *Голенко К. В.* Датировка медных монет Пантикапея конца III—II вв. до н. э.— КСИИМК, № 58, 1955, с. 134; *его же.* К хронологии..., с. 17; *его же.* Заметки о медных боспорских монетах..., с. 147, 148.

[45] *Фролова Н. А.* Ук. соч., с. 37, 38, 40; ср. *Голенко К. В.* Заметки о медных боспорских монетах, с. 147, прим. 29.

Рассматриваемые монеты бывают иногда чеканены на вновь отлитых монетных кружках, но подавляющее большинство их перечеканено из прежних пантикапейских монет, обращавшихся на боспорском рынке в третьей четверти III в. Для получения небольших монет нового типа в качестве заготовок использовалась вся мелкая медь предыдущего периода обращения — Б.XX, 79—80; XXI, 123—124; 125—127. Естественно предположить, что вновь выпущенные мелкие монеты с головой бородатого сатира, луком и стрелой принадлежат тому же III номиналу, который был представлен до этого монетами, использованными для перечеканки. Тогда более полновесные монеты с этими же типами, отмеченные Н. А. Фроловой, следует признать монетами II номинала, пришедшими на смену монетам с типами головы Аполлона и орла (Б.XXII, 163—167). Это подтверждается наличием перечеканок именно монет повышенного веса из монет с Аполлоном и орлом. Таким образом, и в этой серии монет мы находим обычные для чеканки III в. до н. э. два номинала—II и III.

Существует еще одна группа монет, выпущенных в последней четверти III в. до н. э. Это сравнительно крупные медные монеты с изображением головы Посейдона на одной стороне и корабельной проры — на другой (Б.XXII, 153—158). Принадлежность их к заключительному выпуску периода денежного кризиса установлена твердо и ни у кого не вызывает сомнений[46]. В нашей схеме развития монетного дела III в. до н. э. чеканка этих монет была помещена после выпуска монет с бородатой головой сатира, луком и стрелой[47]. Такое же место отводит им в своей схеме и Н. А. Фролова[48]. Но вероятно, прав К. В. Голенко, критикующий наше построение и возрождающий представления А. Н. Зографа[49] об единовременности чеканки рассматриваемых монет и монет с бородатой головой сатира[50]. При этом К. В. Голенко монеты с типами: голова Посейдона — прора считает старшим номиналом по отношению ко всем монетам с типами: голова бородатого сатира — лук и стрела. С последним заключением согласиться невозможно. Если монеты с головой бородатого сатира принадлежат II и III номиналам, то монеты с изображением проры должны будут, согласно точке зрения К. В. Голенко, представлять I номинал. При этом они должны быть сопоставимы с крупными медными монетами I номинала, чеканенными в конце IV в. до н. э.— Б.XIX, 49; XX, 60. Такого сравнения они не выдерживают. И по размеру, и по весу (5—6,5 *г*) они приближаются к еще не редуцированным монетам II номинала, чеканенным в начале III в. до н. э.— Б.XX, 70—78. Поэтому в них нужно видеть представителей того же II номинала. Правда, монеты с изображением проры раза в 1,5 превышают в весе монеты того же II номинала, выпущенные непосредственно перед ними — Б.XXII, 163—164; Б.XIX, 51; Б.XXII, 161, но этому превышению легко найти объяснение. Монеты Б.XXII, 153 представляют последнюю эмиссию периода денежного кризиса, их выпуск знаменовал собой преодоление кризисных явлений, главным из которых было катастрофическое падение веса медной монеты; естественно, что, выпуская эти монеты, им постарались придать вес, приближаю-

---

[46] *Зограф А. Н.* Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг.— МИА, № 4, 1941, с. 160; *его же.* Мирмекийский клад..., с. 154, 155; *его же.* Античные монеты, с. 179; *Шелов Д. Б.* Пантикапейские монеты третьей четверти III в. до н. э. с надчеканками.— КСИИМК, XLIII, 1952, с. 138; *его же.* Чеканка монеты..., с. 62, 63; *его же.* Монетное дело Боспора..., с. 112; *Фролова Н. А.* Ук. соч., с. 35, 38; *Голенко К. В.* К хронологии..., с. 18—21; *его же.* Заметки о медных боспорских монетах..., с. 148, 149.

[47] *Шелов Д. Б.* Чеканка монеты..., с. 61, 63.

[48] *Фролова Н. А.* Ук. соч., с. 35.

[49] *Зограф А. Н.* Мирмекийский клад..., с. 154, 155.

[50] *Голенко К. В.* К хронологии..., с. 18, 19; *его же.* Заметки о медных боспорских монетах..., с. 148, 149.

щийся к весу монет того же номинала до их весовой деградации и превышающий вес соответствующих монет времени расцвета кризиса. Подтверждением того, что монеты с изображением проры представляли тот же II номинал, что и более ранние монеты Б.XX, 72, Б.XXII, 161, могут служить редкие случайные перечеканки на этих монетах монет Б.XXII, 153 [51].

Признанию монет с пророй монетами II номинала как будто бы препятствует наличие того же номинала среди монет с головой бородатого сатира. Но это препятствие кажущееся. Детальное изучение последних монет, проведенное Н. А. Фроловой и К. В. Голенко, привело их к убеждению, что монеты последнего выпуска периода кризиса чеканились не все одновременно. Видимо, раньше всего была начата эмиссия более крупных монет с головой бородатого сатира, признаваемых нами за монеты II номинала. Но она скоро прекратилась, тогда как чеканка мелких монет этого же типа (номинал III), начатая немного позднее, продолжалась значительно дольше, и на втором этапе их чеканки этим мелким монетам соответствовала уже эмиссия монет с изображением проры, представлявших, по нашему мнению, тот же II номинал [52]. Может быть, быстрый отказ от прежнего типа и введение новой типологии для старшего номинала были результатом осознания неудобства обращения однотипных монет разных номиналов.

На пантикапейских монетах с изображением проры, как известно, часто присутствуют надчеканки в виде головы Афины, или головы сатира, или обе вместе (Б.XXII, 154—158). Они, несомненно, ставились с целью подтвердить курс монеты, уже находящейся в обращении. В свое время, принимая существовавшую тогда датировку монет с изображением проры третьей четвертью III в. до н. э., мы связывали эти надчеканки с финансовыми мероприятиями Левкона II, отразившимися в новелле Полиена [53]. Передатировка выпуска монет с изображением проры и отнесение его к последней четверти III в., естественно, влечет за собой отрицание этого сопоставления и заставляет по-новому взглянуть на связь царской монетной эмиссии Левкона с современной ей городской чеканкой.

От имени Левкона II были выпущены монеты трех номиналов (Б.XXIV, 1—3, 8—9, 10). Причины и условия этого выпуска, особенности типологии левконовских монет и возможные специальные цели, преследовавшиеся этой эмиссией, рассматривались неоднократно [54], и нет необходимости возвращаться здесь к этим вопросам. Следует лишь отметить, что обычный вес левконовских монет среднего номинала (типы: голова Афины — молния, Б.XXIV, 8—9) составляет 5—6 *г* и приблизительно соответствует весу пантикапейских монет, представляющих II номинал и выпускавшихся как раньше (Б.XX, 70—71; 72; 73—74), так и несколько позже (Б.XXII, 163—164; 161; 153). Это позволяет отнести монеты средней величины левконовской чеканки к тому же II номиналу. Тогда крупные монеты Левкона (типы: голова Геракла — лук и палица, Б.XXIV, 1—3) представляют I номинал, чему соответствует их вес, достигающий у наиболее тяжелых экземпляров 10—14 *г*, а мелкие монеты (типы: щит и копье — акинак, Б.XXIV, 10) должны быть отнесены к III номиналу [55].

---

[51] Б.XXII, 160; *Голенко К. В.* Заметки о медных боспорских монетах..., с. 149, прим. 36.

[52] *Фролова Н. А.* Ук. соч., с. 37, 38; *Голенко К. В.* Заметки о медных боспорских монетах, с. 143, 144, 148—152.

[53] *Шелов Д. Б.* Пантикапейские монеты..., с. 139; *его же.* Денежная реформа Левкона II, с. 37, 38; *его же.* Чеканка монеты, с. 65; *его же.* Монетное дело Боспора..., с. 156—158.

[54] *Зограф А. Н.* Античные монеты, с. 182, 183; *Шелов Д. Б.* Денежная реформа Левкона II, с. 35, 36; *его же.* Материалы к истории денежного обращения..., с. 38, 39.

[55] Ср. *Голенко К. В.* К хронологии..., с. 20, прим. 19.

Царские монеты Левкона были выпущены в начале третьей четверти III в. до н. э., когда на денежном рынке Боспора обращались вконец измельчавшие монеты с типами: голова безбородого сатира — лук и стрела (Б.XX, 79—80). Эти мелкие монеты не только господствовали в обращении, но и продолжали чеканиться одновременно с выпуском левконовской меди, о чем неопровержимо свидетельствует клад монет из Анапы 1954 г., в который монеты обеих этих категорий, несомненно, попали одновременно непосредственно из-под штемпеля, не побывав в обращении [56].

Выше уже говорилось о том, что пантикапейские монеты с типами: голова безбородого сатира — лук и стрела (Б.XX, 73—74, 79—80), вероятно, на протяжении всей их чеканки представляли один номинал — II, несмотря на резкое падение веса [57]. Но когда Левкон II выпустил царские монеты трех номиналов, монеты младшего, III номинала левконовской чеканки по размеру и весу оказались равны или даже превосходили пантикапейские монеты с луком и стрелой, считавшиеся монетами II номинала. Такое положение вряд ли могло быть терпимо, и Левкон II должен был попытаться привести городскую чеканку в соответствие с выпущенной им серией царской меди. Вероятно, эти цели и преследовали два мероприятия, проведенных на пантикапейском монетном дворе в третьей четверти III в. до н. э.— выпуск более крупной городской меди с типами: голова Аполлона — орел (Б.XXII, 163—164) и надчеканка мелких монет с типами: голова безбородого сатира — лук и стрела клеймом в виде треножника. Если монеты с орлом представляли II номинал и в городской чеканке соответствовали средним по величине монетам царского выпуска, то контрамаркирование мелкой меди должно было уравнять ее в стоимости с младшими царскими монетами, т. е. придать ей значение III номинала. Может быть, именно эта последняя операция и нашла отражение в новелле Полиена, рассказывающей о перечеканке Левконом монеты [58]. Но в таком случае действия Левкона получили в рассказе Полиена неверное объяснение: целью их было не повышение номинальной стоимости ходячей городской монеты, а, наоборот, низведение ее до уровня младшего номинала с целью уравнивания с царской медью. Впрочем, осмысление перечеканки монет Левконом II, принадлежащее самому Полиену или его источнику, находится в полном соответствии с экономическими воззрениями древности: подобные деяния приписывались и другим деятелям древнего мира — Гиппию, Дионисию Старшему и др.

Судя по тому, что монеты с именем Левкона почти не встречаются в кладах (за исключением анапского клада 1954 г.) и что число известных их экземпляров вообще весьма невелико, можно думать, что выпуск этих монет был очень непродолжительным. Резкие колебания, наблюдаемые в весе этих монет, являются не результатом постепенной редукции, как можно было бы думать, а следствием небрежности и спешности чеканки. Вероятно, прав К. В. Голенко, полагающий, что эмиссия царских монет не имела значительных результатов для стабилизации денежного рынка Боспора [59]. Отсутствие надчеканок и перечеканок на монетах Левкона, принимавшееся нами ранее за свидетельство успешности мероприятия Левкона и устойчивости курса его монеты [60], объясняется,

---

[56] *Шелов Д. Б.* Анапский клад монет..., с. 212.

[57] Ср. *Зограф А. Н.* Античные монеты..., с. 178.

[58] *Polyaen.*, Strateg., VI, 9, 1.

[59] *Голенко К. В.* К хронологии..., с. 20; *его же.* Заметки о медных боспорских монетах..., с. 18.

[60] *Шелов Д. Б.* Денежная реформа Левкона II, с. 36, 38; *его же.* Чеканка монеты..., с. 65; *его же.* Монетное дело Боспора..., с. 154, 155. Теперь, после передатировки некоторых серий монет периода кризиса оказавшихся более поздними, чем левконовская медь, мы вынуждены отказаться от прежней точки зрения на роль медной монеты Левкона в преодолении кризиса.

может быть, тем, что немногочисленные царские монеты, как более полноценные, чем городская деградированная медь, очень быстро выпали из обращения.

Попытка введения царской медной монеты трех номиналов, видимо, успеха не имела. В дальнейшем денежное обращение складывается, как мы видели, опять из монет только двух номиналов— II и III. О том, что этими номиналами скорее всего были соответственно тетрахалк и дихалк, мы уже говорили, опираясь при этом на анализ системы номиналов в чеканке Пантикапея IV в. до н. э. Можно только добавить, что сравнение весовых норм монет Левкона II с весом заведомых боспорских оболов и тетрахалков времени Митридата Евпатора не противоречит такому определению [61], а скорее подтверждает его, заставляя видеть в крупнейшем I номинале левконовских монет обол, а во II номинале, представленном в чеканке III в. до н. э. не только царскими монетами, но и особенно большим числом городских выпусков, тетрахалк.

D. B. Shelov

ONCE MORE ON THE BOSPORAN COINS OF THE PERIOD OF THE 3rd CENTURY B. C. MONETARY CRISIS

Summary

The 3rd century B. C. was the period of a monetary crisis in the Bosporan Kingdom. Coins of precious metals were no longer issued and copper Panticapaean coins began to be issued instead. They were rapidly degrading in weight and style and often overstamped and reminted. The general evolution of the Panticapaean coinage has been already studied but the absolute dating of the crisis must be adjusted to the new data. The crisis began at the turn of the first quarter and was overcome only in the last quarter of the 3rd century B. C. In this period copper coins of two denominations were issued in Panticapaeum (tetrachalcs and dichalcs, the former being the basic one). The first series of king's copper coins struk in the third quarter of the 3rd century B. C. by Leukon II consisted of three denominations (obols, tetrachalcs and dichalcs). But this reform was but an episode and was no success; further on Panticapaean coins of two denominations were in circulation in Bosporus.

---

[61] *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора..., с. 157, 158; *Голенко К. В.* Заметки о медных боспорских монетах..., с. 151.

Г. ХОЖАНИЯЗОВ

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ФОРТИФИКАЦИИ АНТИЧНОГО ХОРЕЗМА

Изучение оборонительных сооружений древнего Хорезма составляет одну из существенных сторон в исследовании Хорезмской цивилизации в целом и имеет важное значение для истории городов античного времени. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция открыла свыше 50 памятников античного времени. Многие проблемы фортификации впервые затрагивались и частично разрабатывались С. П. Толстовым, особенно в его фундаментальном труде «Древний Хорезм». Однако за последние три десятилетия получены материалы, позволяющие в ряде случаев по-новому оценивать имеющиеся данные.

Эпоха хорезмийской античности, в соответствии с принятой хронологической классификацией, расчленяется на три периода: архаический (VI—V вв. до н. э.), «кангюйский» (с IV в. до н. э. до I в. н. э.) и «кушанский» (с I по IV в. н. э.) [1].

Архаический период представлен пока двумя памятниками: Кюзели-гыр и Калалы-гыр 1. Кюзели-гыр возникает в VI—V вв. до н. э. Городище расположено на останцевой возвышенности и имеет в соответствии с очертаниями холма подтреугольную форму (520×800××1000 *м*; рис. 1, *а*). Стены Кюзели-гыра имеют в своей основе один сплошной коридорообразный проход, который прослеживается по всему периметру городища. Ширина прохода различна и колеблется от 2,6 до 4 *м*. Толщина внешней стены составляет 1,5 *м*, а внутренней — до 1 м. Внешняя стена прорезана узкими бойницами с горизонтальным дном, расположенными в шахматном порядке на расстоянии 2 *м* одна от другой. Башни стен отстоят друг от друга на 32—36 *м*. Вход защищен привратными башнями [2].

Значительный интерес вызывает городище Калалы-гыр 1, расположенное на холме с дворцовым зданием. Оно сооружено в конце архаического — начале «кангюйского» периодов (V—IV вв. до н. э.). Как показали раскопки, городские стены Калалы-гыр 1 не были достроены. Толщина цоколя у основания городища около 15 *м*. На цоколе обнаружены три гребня, которые являются остатками оснований трех стен. Толщина стен, судя по гребню, была у внешней стены 3,8 *м*, у средней 2,8 *м*, у внутренней 2,8 *м*. Стены и четверо ворот городища с предвратными лабиринтами должны были защищаться башнями, цоколи которых сохранились в виде выступающих бугров. Городище в плане имеет форму прямоугольника размером 1000×700 *м*[3].

Для «кангюйского» периода археологические исследования дали материалы, позволяющие проследить эволюцию в устройстве ряда важных

---

[1] *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948, с. 32, 33; *его же.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 93.

[2] *Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.— ТХАЭЭ, т. 2, 1958, с. 143—153.

[3] *Толстов С. П.* Работы..., с. 153—163; *его же.* По древним дельтам..., с. 109.

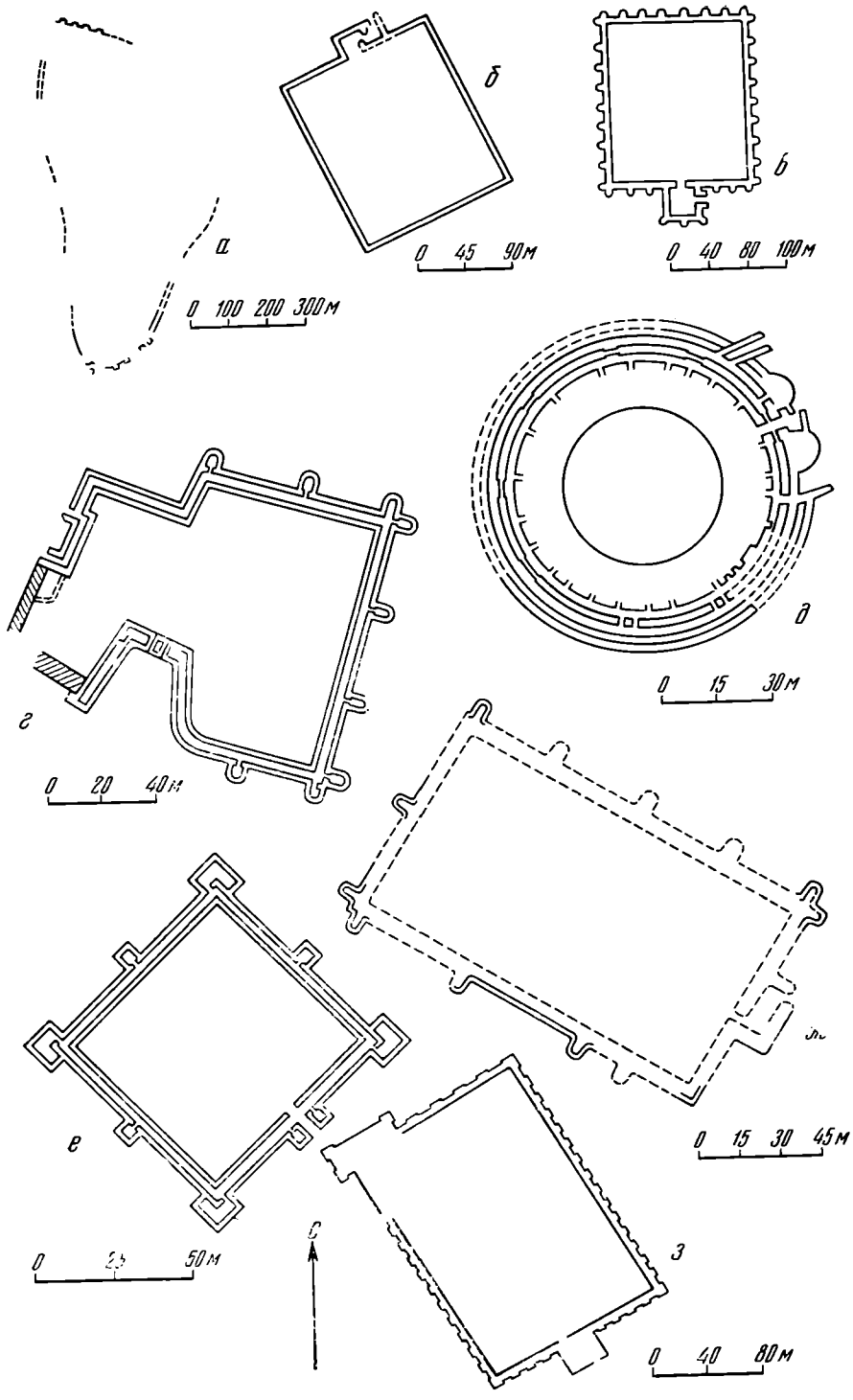


Рис. 1. Планы укрепленных поселений Хорезма. *а* — Кюзели-гыр, *б* — Джанбас-кала, *в* — Аяз-кала I, *г* — Ток-кала, *д* — Кой-крылган-кала, *е* — Ангка-кала, *ж* — Кургашин-кала, *з* — Топрак-кала

элементов фортификации античного Хорезма. В связи с изменившейся политической обстановкой в Хорезме возводятся новые оборонительные сооружения и некоторые вопросы планировки находят в них новые решения. Независимо от размера и местоположения планировка укреплений приобретает чисто геометрическую форму. С точки зрения архитектурно-планировочного решения Джанбас-кала, например, представляет

собой четкую, регулярную продуманную прямоугольную планировку, указывающую на существование заранее спланированной основы (рис. 1, *б*). Такую же схему имеют городище Хазарасп [4], Топрак-кала Хивинская [5] и Капарас [6]. Иногда сооружаются укрепления, имеющие квадратные планы (Базар-кала, Кюнерли-кала). Вместе с тем оборонительные сооружения «кангюйского» времени имеют новые черты, в частности помимо прямоугольной и квадратной планировки укреплений наблюдаются планировки круглого типа. К ним относятся: Кой-крылган-кала [7], Топрак-кала на Шавате [8], Малый кырк-кыз [9], Устык [10], Турпак-кала на Черменябе [11] (рис. 1).

Некоторая самостоятельность хорезмийской фортификации этого периода нашла отражение в сооружении укреплений с неправильными планировочными системами, как, например, Ток-кала. Здесь сохранились строительные традиции, сложившиеся в предшествующий период. Северо-восточные и северо-западные стены крепости были обусловлены естественной конфигурацией вершины холма (рис. 1, *г*). К укреплениям, подчиненным условиям местности, относятся также городища Бутентау-кала 1 и 2, имеющие в плане треугольник и овал [12]. К этому типу принадлежат Бурлы-кала [13] и Эрес-кала [14].

Стены. Крепостные стены обычно ставились на пахсовые или сырцовые наклонные цоколи, которые наверняка имели двоякое назначение: во-первых, они принимали на себя удар стенобитных машин и тем самым не позволяли разрушать стену; во-вторых, они увеличивали уклон стены, благодаря чему уменьшалось подошвенное «мертвое» пространство [15]. Как полагает С. П. Толстов, первоначально этот прием возник как способ преодоления природных условий. Он восходит к периоду неолита [16]. Цоколи известны в Ток-кале, Кой-крылган-кале, Кюнерли-кале [17]. Иногда они снаружи были обложены мощными кирпичными или пахсовыми панцирями (Хазарасп, Топрак-кала Хивинская, Топрак-кала Шаватская). Крепостные стены воздвигались преимущественно комбинированным методом. Нижняя часть стены обычно была сделана из одного или двух рядов пахсы до уровня бойниц (высота каждого блока от 0,9 до 1,3 *м*), а выше шла кладка из сырцового кирпича. Такой прием имеет место во многих оборонительных сооружениях «кангюйского» Хорезма: Джанбас-кала, Кой-крылган-кала, Топрак-кала Шаватская и Топрак-кала Янгиарыкская [18].

---

[4] *Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е.* Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг.— МХЭ, вып. VI, 1963, с. 182.

[5] *Мамбетуллаев М., Манылов Ю. П.* Топрак-кала крепостное сооружение древнего Хорезма.— ОНУ, 1977, № 3, с. 52.

[6] *Вактурская Н. Н., Воробьева М. Г., Лоховиц В. А.* Работы Хорезмской экспедиции в зоне затопления Туямуинского водохранилища.— АО — 1972. М., 1973, с. 477.

[7] Кой-крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э.— ТХАЭЭ, т. 5, 1967.

[8] *Мамбетуллаев М., Юсупов Н.* Археологические работы в Хорезмской области.— АО — 1973. М., 1974, с. 483.

[9] *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 100.

[10] *Толстов С. П.* Древности Верхнего Хорезма.— ВДИ, 1941, № 1, с. 183, 184.

[11] *Толстов С. П.* Работы..., с. 26—28.

[12] *Бижанов Е.* Археологические памятники юго-восточного Устюрта. Автореф. канд. дис. Нукус, 1967, с. 6.

[13] *Манылов Ю. П.* Археологические памятники Султануиздага эпохи античности и средневековья. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1972, с. 7.

[14] *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 118, рис. 58.

[15] *Шперк В. Ф.* История фортификации, т. I. М., 1948, с. 90.

[16] *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 106.

[17] *Гудкова А. В.* Ток-кала. Ташкент, 1964, с. 13; Кой-крылган-кала..., с. 39, 43; *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 105.

[18] *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 88; Кой-Крылган-кала..., с. 274; *Мамбетуллаев М., Юсупов Н.* Ук. соч., с. 483; *Мамбетуллаев М.* Отчет об археолого-топографических изысканиях на территории Хорезмской области УзССР в 1973 г.— Архив ОА КК ФАН УзССР, ф. 8, д. 5.

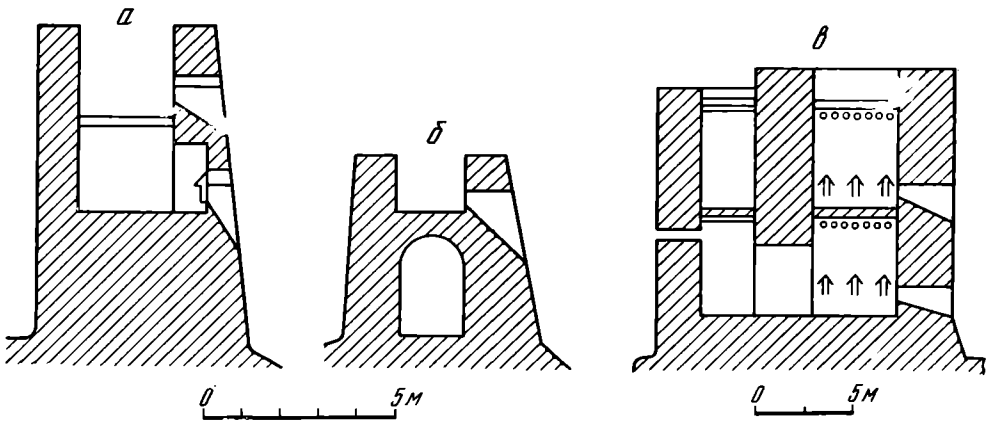


Рис. 2. Схематические разрезы крепостной стены. *а* — Джанбас-кала, *б* — Аяз-кала I, *в* — Гяур-кала Султануиздагский

Высота стены достигала от 10 до 20 *м*, общая толщина — от 5 до 8 *м* (внешняя стена — от 1,3 до 2,5 *м*, внутренняя — от 1 до 2 *м*). Внешняя стена всегда была толще внутренней (рис. 2). Ширина стрелковой галереи с промежутками — от 1,5 до 3 *м*. Часто стрелковые галереи были связаны с главным входом в крепость. В качестве примера можно привести проходы в стрелковую галерею в крепости Джанбас-кала. Здесь в двух местах на уровне нижнего ряда бойниц проход внутри стены открывается внутрь коленчатого входа предвратного сооружения круглыми арками [19]. Боковой проход, связанный с междустенным коридором, был выявлен и в Кой-крылган-кале, Ток-кале и на Аяз-кале I [20]. Такие проходы позволяли, вероятно, лучше организовать защиту ворот при возникновении серьезной опасности.

Интересно отметить, что в этот период в Хорезме для усиления укреплений против штурма начали возводить протейхизмы, т. е. дополнительные стены, окружающие основные (рис. 3). Протейхизмами, например, защищались Хазарасп, Кой-крылган-кала, Топрак-кала Хивинская, Большая Айбугир-кала и Бурлы-кала [21]. Наличие в Хорезме целого ряда подобных стен свидетельствует о более раннем их появлении и широком распространении, чем это предполагалось [22]. Обычно протейхизмы построены из пахсы или из сырцового кирпича за крепостной стеной на расстоянии от 5 до 20 *м* (рис. 3). Иногда они укреплены башнями (Хазарасп). Пространство между протейхизмами и основными стенами обычно представляло пустырь, возможно, имевший стратегическое назначение, подобно интервалам, которые оставлялись между стенами в Вавилоне [23].

Бойницы. Для «кангюйского» периода характерны стреловидные бойницы (рис. 4, *б—г*). Они располагались в крепостных стенах с промежутками примерно от 1 до 2 *м* (Каладжик — 1 *м*, Аяз-кала I — 1,5 *м*, Базар-кала — 1,8 *м*) попарно одна над другой, как это сделано, например, в стене Хазараспа, или размещались в шахматном порядке, как в

[19] *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 90.

[20] Кой-крылган-кала..., с. 229; *Гудкова А. В.* Ук. соч., с. 12; *Манылов Ю. П.* Ук. соч., с. 6.

[21] *Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е.* Ук. соч., с. 196; Кой-крылган-кала..., с. 72; *Мамбетуллаев М., Манылов Ю. П., Юсупов Н., Юсупов О.* Исследования городища Большая Айбугир-кала.— АО — 1976. М., 1977, с. 533; *Манылов Ю. П.* Ук. соч., с. 7.

[22] *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 169; *Воронина В. Л.* Из истории среднеазиатской фортификации.— СА, 1964, № 2, с. 46.

[23] *Badawy A.* Architecture in ancient Egypt and the Near East. London, 1966, p. 114, fig. 19.

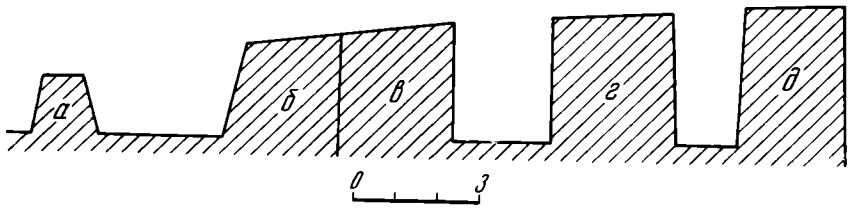


Рис. 3

Рис. 3. Протейхизма на примере городища Топрак-кала Хивинской: *а* — протейхизма, *б* — приставная стенка, *в* — стенка башни, *г* — внешняя стенка стрелковой галереи, *д* — внутренняя стена стрелковой галереи

Рис. 4. Формы бойницы: *а* — Кюзели-гыр, *б* — Базар-кала, *в* — Аяз-кала I, *г* — Джанбас-кала

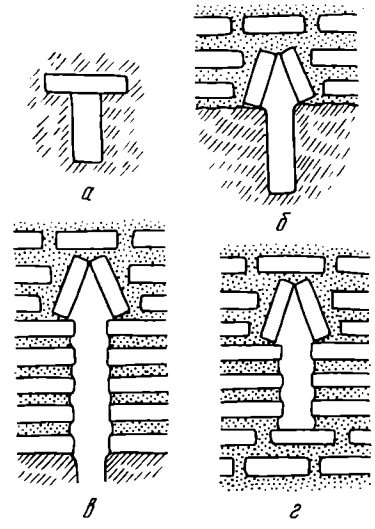


Рис. 4

Джанбас-кале. Благодаря такому расположению бойниц радиус действия защитного оружия сильно расширялся, а непростреливаемых участков перед стенами не оставалось. Этому способствовало еще и применение косых бойниц для фланкирования. Так, на Аяз-кале I они двумя группами по три располагались между башнями. В Джанбас-кале крепостные стены защищены такими же бойницами, расположенными группами по три (средняя прямая, боковые косые повернуты в стороны) примерно через каждые 40—45 *м*. У этих бойниц наблюдается любопытная особенность: они расположены в нишах шириной 1 и 0,85 *м* глубиной (рис. 5, *б*). О назначении подобных ниш византийские полиоркетики пишут: воин, который был поставлен к этой нише, и проходившие мимо него не страдали друг от друга во время стрельбы и временного отдыха (Аноним, 12, 3) [24]. В таких ответственных местах, вероятно, были поставлены профессиональные стрелки. В крепостных стенах наряду с настоящими бойницами делали ложные, которые располагались между настоящими бойницами (Кой-крылган-кала, Хазарасп). В некоторых крепостях (Аяз-кала, Базар-кала и Капарас) бойницы подошвенного боя отсутствуют. Здесь бойницы делали только на втором ярусе и, вероятно, предназначали для навесного боя.

Ворота. В военном отношении ворота всегда привлекали к себе особое внимание. В крепостях «кангюйского» периода имелся, как правило, лишь один вход, это наиболее уязвимое для обороны место тщательно укреплялось. Анализ плановой структуры древних крепостей дает основания выделить три типа воротных устройств: 1 — предвратный лабиринт; 2 — привратные башни; 3 — простой тип, без дополнительных

[24] Der Byzantiner Anonymus Griechishe krigsshriftsteller (eds. Kochly und Rustow), Bd. II. Leipzig, 1885.

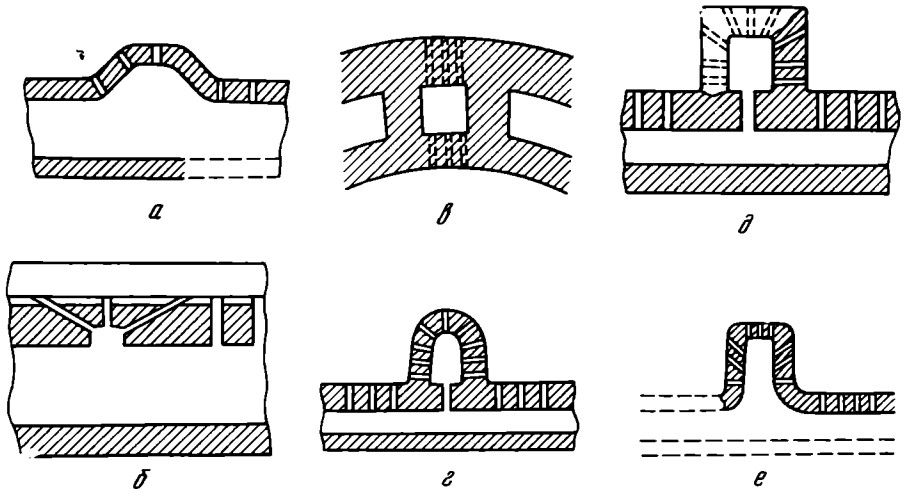


Рис. 5. Организация фланкирующего огня: *а* — Кюзели-гыр, *б* — Джанбас-кала, *в* — Кой-крылган-кала, *г* — Аяз-кала I, *д* — Гяур-кала Султануиздагский, *е* — Кургашин-кала

устройств. Наиболее распространенным был первый тип. Лабиринты обнаружены в Джанбас-кале, Аяз-кале I, Калалы-гыр 2, Топрак-кале Хивинской и Кюнерли-кале. Они в основном имели прямоугольную форму и давали возможность на большом расстоянии защищать подступы к воротам (рис. 6, *в, г. е*). Нередко вход в лабиринт размещался так, чтобы нападающие воины не могли укрыться щитами и их с максимальной эффективностью могли обстреливать защитники крепости. Усовершенствование системы защиты ворот особенно заметно на Аяз-кале I. Здесь вход в предвратный лабиринт был защищен двумя башнями. Кроме того, по углам и по фасам лабиринта расположены еще три башни полуовальной формы. Башнями также защищали предвратный лабиринт Джанбас-калы.

Ко второму типу принадлежат ворота с привратными башнями, которые ставились друг против друга перед стенами (рис. 6, *а*). Такой прием имеет место в системе обороны у крепостей Базар-кала, Хазарасп, Капарас. При этом применяли как полуовальные (Базар-кала), так и прямоугольные башни (Хазарасп).

К третьему типу можно отнести ворота Ток-калы и Бурлы-калы, где отсутствуют привратные сооружения. Так, на Ток-кале ворота устраивались, далеко отступая от линии стен внутрь городища, с тем расчетом, чтобы образовать длинный и узкий коридор, пространство которого можно было обстрелять со стен (рис. 6, *б*). В Бурлы-кале ворота защищены только двумя бойницами, расположенными друг против друга [25].

По всей вероятности, к этому типу относятся также Бутентау-кала I, где не было обнаружено привратных устройств [26]. Возможно, здесь сам рельеф местности обеспечивал безопасность ворот.

Башни. В этот период в крепостях Хорезма встречаются башни двух типов: прямоугольные и полуовальные (рис. 5, *в, г*; 7, *б—д*).

Но характерным для этого периода является полуовальный план башен. Таковы башни Джанбас-калы (предвратный лабиринт), Базаркалы, Эрес-калы, Кюнерли-калы, Пиль-калы, Капарас, Ток-калы, Кой-крылган калы (привратные башни) и Аяз-калы I [27]. Прямоугольным планом отличается башня Калалы-гыр 2, башни Хазараспа, Канга-кала

[25] *Манылов Ю. П.* Ук. соч., с. 7.

[26] *Толстов С. П.* Работы..., с. 81.

[27] *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 90—92, 112, 119, 101, 102; *Манылов Ю. П.* Работы на городище Пиль-кала.— ОНУ, 1965, № 3, с. 45; *Вактурская Н. Н., Воробьева М. Г., Лоховиц В. А.* Ук. соч., с. 477; *Гудкова А. В.* Ук. соч., с. 10; Кой-крылган-кала..., с. 302; *Манылов Ю. П.* Археологические памятники..., с. 6.

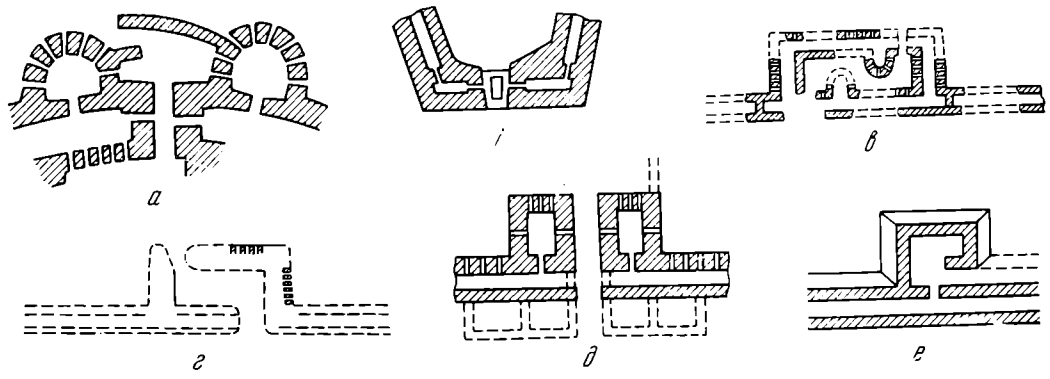


Рис. 6. Защита ворот: *а* — Кой-крылган-кала, *б* — Ток-кала, *в* — Джанбас-кала, *г* — Кургашин-кала, *д* — Ангка-кала, *е* — Кзыл-кала

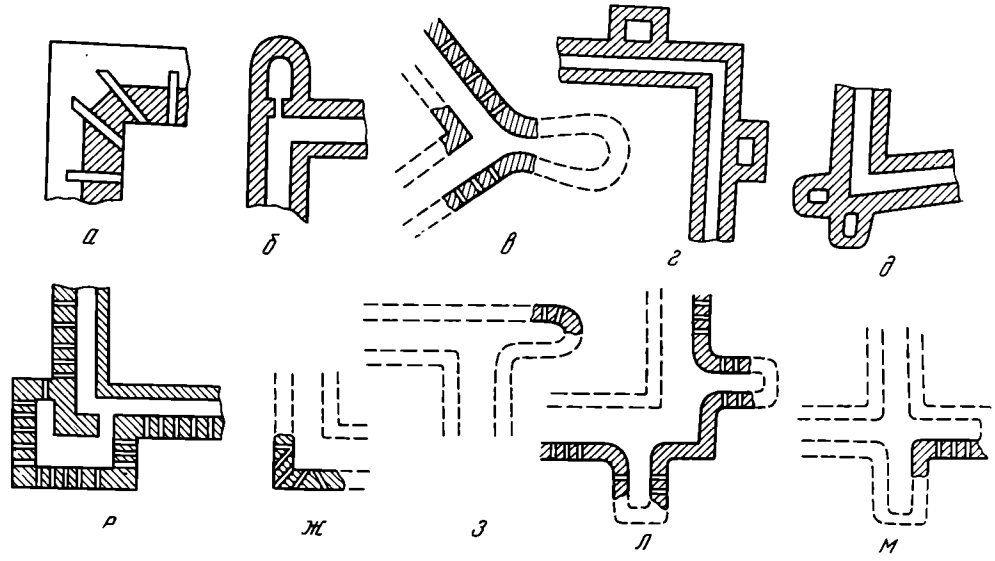


Рис. 7. Оборона угла: *а* — Джанбас-кала, *б* — Ток-кала, *в* — Базар-кала, *г* — Топрак-кала Хивинская, *д* — Калалы-гыр 2, *е* — Ангка-кала, *ж*, *з*, *л*, *м* — Кургашин-кала

и Топрак-кала Хивинская[28]. Башни, как правило, выше стены на 1—3 *м*. Средние расстояния между ними составляют примерно 30—40 *м*. Встречаются крепости, где башни ставились намного чаще. Так башни Топрак-калы Янгиарыкской расположены на расстоянии 20—24 *м*, Кой-крылган-калы — 18—26 *м*, а в Аяз-кале I длина куртин между ними сокращается до 9—15 *м*. Примерно на такой же дистанции стоят башни Пиль-калы. В рассматриваемое время хорезмийские фортификаторы особенно большое внимание уделяли обороне углов крепости. Известны различные комбинации в расположении башен в углах. Для защиты углов крепости Калалы-гыр 2, например, были использованы башни «ласточкиного хвоста» — где две башни сближаются полностью, поглощая угол (рис. 7, *д*). Такую же картину мы видим на Аяз-кале I. В Топрак-кале Хивинской можно видеть второй вариант: здесь углы защищены двумя башнями, отодвинутыми на 14—28 *м* от угла. Все четыре угла защищены таким способом (рис. 7, *г*). Третий вариант: в Ток-кале один из углов крепости защищен башней, ось которой является продолжением одной из сходящихся здесь стен (рис. 7, *б*). То же и в Канга-кале[29]. Четвер-

[28] *Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е.* Ук. соч., с. 192; *Толстов С. П.* По древним дельтам..., с. 229; *Мамбетуллаев М., Манылов Ю. П.* Ук. соч., с. 52.

[29] *Толстов С. П.* По древним дельтам..., рис. 138.

тый вариант: в Базар-кале тоже каждый из четырех углов защищен одной башней, только здесь они поставлены диагонально и оси их составляют продолжение диагонали крепости (рис. 7, *в*). Так же были расположены угловые бащни Хазараспа [30].

Отмеченные четыре разновидности конструкций башен, защищающих углы крепостей, несомненно, свидетельствуют о значительном развитии фортификационного дела в Хорезме в данный период.

Независимо от плана башни хорезмийских укреплений всегда имели выступ. Однако башни Кой-крылган-калы имеют своеобразный характер. Здесь они не выходят за линии стены и на внешней, и на внутренней сторонах (рис. 5, *в*). Подобное устройство очень редко в архитектуре античного Хорезма и пока не имеет аналогий.

В этот период в Хорезме наряду с башенными строились и безбашенные крепости. Это, возможно, объясняется особенностями рельефа местности, который делал ненужным сооружение башен. Такова была система обороны у крепостей Джанбас-кала (за исключением предвратного лабиринта), Бурлы-кала, Акча-гелин, Большая Айбугир-кала и Малый кырк-кыз [31]. Удачный выбор места делал ненужными не только башни, но иногда даже и крепостные стены с одной (Большая Айбугир-кала) или с двух сторон (Бутентау-кала 1) [32].

В начале нашей эры, в «кушанский» период, на окраинах оазисов возникает новая линия крепостей: Кургашин-кала [33], Кош-кала, Курган-кала, Ангка-кала и др. Крепостные стены этих памятников свидетельствуют о том, что в Хорезме «кушанского» периода продолжаются традиции предыдущих периодов. По-прежнему возводятся стены с внутренними стрелковыми галереями на цоколях, сохраняется конструкция бойниц, их расположение и форма. Крепостные ворота защищаются, как и ранее, с помощью предвратных сооружений и т. п.

Однако прослеживается изменение планов и некоторых фортификационных деталей. Это, по-видимому, связано с социальными изменениями. Одной из характерных черт военного зодчества «кушанского» периода можно считать появление значительного количества мелких квадратных и прямоугольных укреплений, раньше не имевших широкого распространения на территории Хорезма. Площадь таких памятников примерно 0,5—0,8 *га*. К ним относятся: Кзыл-кала, Гяур-кала на Черменябе, Ангка-кала, Джильдык-кала, Атсыз-кала и др.[34]

В «кушанский» период наблюдается процесс резкого сокращения строительства укреплений круглого типа. Отдельные круглые крепости с мощными стенами при «кушанах» теряют свое оборонительное значение [35]. Ведущим типом, как и ранее, являются прямоугольные крепости (Кургашин-кала, Курган-кала, Булдым-саз, Топрак-кала). Среди них особое место занимает столица Хорезма III в. н. э.— Топрак-кала. Она имеет в плане вид правильного прямоугольника размером 500×350 *м* (рис. 1, *з*). Крепость имела типичные для укреплений античного времени стены с проходом, построенные из пахсы и сырцового кирпича. Стены поставлены на пахсовый цоколь 2-метровой высоты, оформлены

---

[30] *Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е.* Ук. соч., с. 195, 196.

[31] *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 90, 91; *Манылов Ю. П.* Археологические памятники..., с. 7; *Толстов С. П.* Работы..., с. 26; *Мамбетуллаев М., Манылов Ю. П. и др.* Ук. соч., с. 553; *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, с. 120.

[32] *Толстов С. П.* Работы..., рис. 31, 36.

[33] В датировке Кургашин-калы имеются весьма существенные колебания. Сначала С. П. Толстов отнес его к «кушанскому» периоду (*Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 111). Однако позже она включена им в памятники «кангюйского» периода (*Толстов С. П.* По древним дельтам..., с. 117).

[34] *Толстов С. П.* Древний Хорезм, рис. 50, 54, 56, 65; *Неразик Е. Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1960, с. 10.

[35] Кой-крылган-кала..., с. 70, 93, 100.

пилястрами и башнями. Новым элементом является квадратный замок правителя размером 180×180 *м* и мощные жилые башни — донжоны, сохранившиеся на высоту 25 *м*. Крепостные стены и башни имеют многочисленные бойницы [36].

В «позднекушанском» периоде прослеживается переход к одноярусным бойницам [37]. В этот период хорезмийские фортификаторы делают еще один шаг вперед в решении проблемы защиты углов, умело сочетая в одной крепости разные оборонительные системы, которые по отдельности нам известны с «кангюйского» периода. В Кургашин-кале все четыре угла имеют разные системы обороны (рис. 7, *ж, з, л, м*). Один из углов вовсе лишен башен, здесь только диагональная бойница типа Джанбас-калинской. Второй угол был защищен двумя башнями типа Топрак-калы Хивинской, однако здесь они придвинуты почти вплотную (на расстоянии 3 *м*) к углу. На третьем углу расположены две башни, которые повторяют Аяз-калинскую систему «ласточкиного хвоста». И наконец, четвертый угол защищен одной башней, ось которой является продолжением одной из сходящихся здесь стен, как на Ток-кале. В дальнейшем все большее развитие получают прямоугольные башни как основное фланкирующее сооружение укреплений. Башни таких форм отмечены в укреплениях Гяур-кала Султануиздагской, Мангыр-кала, Думан-кала, Ангка-кала, Кзыл-кала, Топрак-кала, Атсыз-кала II в Беркут-кале [38]. Но это вовсе не значит, что стены не имели в это время полуовальных башен. Крепости, возведенные в конце «кангюйского» или в начале «кушанского» периодов, сохранили полуовальные башни, например Гяур-кала на Черменябе.

Проход в стрелковую галерею и башни в это время несколько усложнен. В стенах Гяур-калы Султануиздагской обнаружен всего один вход, да и то во втором этаже, куда поднимались по приставной лестнице. Этажи галерей предположительно сообщались между собой люками, также посредством приставной лестницы [39]. Однако иногда оставлялись проемы для вылазок (арки близ башен в наружной стенке) [40]. Одновременно продолжал существовать и другой способ связи ярусов башен с боковыми ходами — дверные проемы [41].

По функциональному назначению укрепления античного Хорезма можно подразделить на четыре основных типа: 1 — городские; 2 — культовые; 3 — государственные пограничные крепости; 4 — дома-замки.

1 — Хорезмские города в виде укрепленного прямоугольника со строго регулярной планировкой. Несмотря на значительные различия в размерах городов, в них строго выдерживается единый принцип деления на две части. Так, Джанбас-кала (3,5 *га*) с СЗ и ЮВ пересекаются идущей от ворот широко (около 30 *м*) улицей. По ее сторонам располагаются два обширных жилых квартала. К тому же типу принадлежит «кушанское» городище Топрак-кала (17 *га*). Иногда городище делилось на две равные части внутренней стеной (Куня-Уаз, Гяур-кала Черменябе) [42].

2 — Храм-крепость Кой-крылган-кала — единственное культовое сооружение, известное в настоящее время. Его основу составляет круглое

[36] *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 119—123; *его же.* По древним дельтам..., с. 209, 210; *Неразик Е. Е.* Раскопки городища Топрак-кала.— КСИА АН СССР, № 132, 1972, с. 26.

[37] *Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А.* Раскопки Гяур-калы.— ТХАЭЭ, т. 2, 1963, с. 351, 352.

[38] *Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А.* Ук. соч., с. 353; *Толстов С. П.* Работы..., с. 22; *его же.* Древний Хорезм, с. 114, 118, 123; *Неразик Е. Е.* Раскопки городища Топрак-кала, с. 26; *ее же.* Сельские поселения..., с. 110; *ее же.* Раскопки в Беркут-калинском оазисе.— МХЭ, вып. 1, 1959, с. 104.

[39] *Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А.* Ук. соч., с. 352.

[40] *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 115.

[41] *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 111, рис. 50.

[42] Там же, с. 93, 94, 123; *его же.* Работы..., с. 216.

здание диаметром 44,4 *м*. Снаружи на расстоянии примерно 16,8 *м* по радиусу центральное здание окружено внешней стеной, укрепленной девятью башнями (рис. 1, *д*).

3 — Государственные крепости. Строились в стратегически важных пунктах, как правило, как прикрытие со стороны пустыни. Аяз-кала I и Гяур-кала Султануиздагский, например, возведены на правом берегу Амударьи и должны оборонять северные рубежи государства. Акча-гелин — крайний западный форпост Хорезма. Большая Айбугир-кала и Дэв-кесекен-кала защищали подступы к Хорезмскому оазису с северо-запада. Аналогичные крепости строятся и на южных границах левобережной части Хорезма [43]. Основу их обороны составляют многоярусные башни, далеко выдвинутые вперед и близко поставленные друг к другу. Часто размещение башен давало возможность держать под обстрелом любой участок прилежащей территории. Для них характерны сводчатые помещения для гарнизонов. По-видимому, эти крепости должны были одновременно служить и как пограничные укрепления, и как убежище для ближайших селений при серьезной военной опасности.

4 — Отдельно стоящие дома-замки типа Кюнерли-кала, Ангка-кала, Джильдык-кала и др. служили не только жильем, но являлись и укреплениями. В отличие от укреплений других типов в центре их возводятся здания, видимо, являющиеся резиденциями местных правителей. Кроме того, они выделяются своими незначительными размерами. Наиболее интересным является Ангка-кала (рис. 1, *е*). При сравнительно небольших размерах (75×75 *м*) этот замок необычно сильно укреплен. Ворота защищены двумя прямоугольными башнями (5×8 *м*). На каждом из углов расположена квадратная башня (11×11 *м*). Посредине двора замка было расположено здание размером около 18×18 *м*. Такие замки-крепости появляются в Хорезме еще в «кангюйский» период, распространяются в «кушанское» время и свидетельствуют о росте крупного землевладения и растущей экономической самостоятельности хозяйства крупных землевладельцев. Из всех различных по своей социально-функциональной принадлежности типов укреплений античного Хорезма лишь города известны нам на протяжении всего античного периода.

О храмах-крепостях мы можем судить лишь по одному памятнику, возникшему в IV в. до н. э. и существовавшему до IV в. н. э.

Пограничные крепости и дома-замки нам известны как для «кангюйского», так и для «кушанского» периодов. Планы укреплений и детали их оборонительных устройств позволяют выделить общие черты для разных типов хорезмийских укреплений и проследить их изменения в различные хронологические периоды.

Различные периоды фортификации античного Хорезма, имея между собой много общего, различаются некоторыми особенностями. Так, укрепления архаического периода, расположенные на возвышенностях, были огромных размеров. Перекрытия междустенных коридоров плоские, без сводов. Башни имели незначительный выступ, и к тому же внутренние пространства их не представляли собой замкнутых камер, а были образованы простым поворотом стены коридора (рис. 5, *а*). Крепостные стены и башни в это время снабжены прямоугольными бойницами. Для строительства обычно применялся сырцовый прямоугольный кирпич (52×26×10 *см*).

Особенностью «кангюйского» периода Хорезма является увеличение числа укреплений, широкое фортификационное использование цоколя, наличие башен полуовального типа и предвратных лабиринтов. Вместе с тем оборонительные сооружения «кангюйского» времени имеют и новые типы планировки (квадратный, круглый), новые элементы фортп-

[43] *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 104, 123; *его же.* Работы..., с. 26, 75, 192; *Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е.* Ук. соч., с. 198.

фикации (протейхизмы, башни «ласточкин хвост»). Новые крепостные стены Хорезма имеют сводчатые перекрытия в двух ярусах. Появляется совсем иного стандарта сырцовый квадратный кирпич (40×40×10 *см*). Для «кушанского» периода характерно увеличение количества мелких укреплений, а также распространение прямоугольных башен.

Для того чтобы определить место Хорезма в истории античной фортификации Средней Азии, необходимо провести некоторые сравнения. Археологические исследования на территории Средней Азии показывают, что ранние городища иногда были неправильной конфигурации [44]. Такой памятник, как Кюзели-гыр, находит аналогии своему планировочному решению на нижнем течении Сырдарьи (Чирик-Рабат) [45]. Что касается Калалы-гыр 1, то надо отметить, что в этот период (V—IV вв. до н. э.) достижения строителей древнеперсидских столиц Пасаргада, Персеполя и Суз проникли в архитектуру Средней Азии [46], в том числе и в Хорезм. Как отмечали Ю. А. Рапопорт и М. С. Лапиров-Скобло, например, планировка калалы-гырского дворца и отдельных его частей сходна с персидскими, а колонный зал живо напоминает парадные залы царских дворцов Ахеменидов [47]. Одновременно при постройке крепости применяли фортификационные и строительные приемы, уже близкие классической эпохе Хорезмской античности: предвратные лабиринты, связь главного входа с междустенными проходами, сырцовый квадратный кирпич (40× ×40×10 *см*) и т. п.

Однако тщательное сравнение оборонительных стен Калалы-гыр 1 с другими хорезмскими укреплениями показывает, что между ними имеются некоторые различия в конструкции и отдельных деталях крепостных стен. Так, цоколь толщиной 15 *м*, подобные калалы-гырским, вероятно, не характерны для античных укреплений Хорезма, так как до сих пор нигде не выявлены. Кроме того, в эпоху античности на территории Хорезма многорядная система оборонительных стен (трех и больше), по-видимому, вообще не применялась.

Укрепления, подобные Калалы-гыр 1 существовали в древнем Иране, однако археологически они не изучены. Э. Шмидом опубликован аэрофотоснимок ближайших окрестностей Суз, где отчетливо видны стены четырехугольных укреплений, которые, видимо, относятся к сасанидскому времени [48]. Только черты планировки с башнями по углам сближают их с планом Калалы-гыр I. По-видимому, как уже указывалось в литературе, дворец и крепость Калалы-гыр 1 сооружались Ахеменидами накануне падения их власти в Хорезме [49].

При сравнении планировочного решения прямоугольных и квадратных укреплений Хорезма последующих периодов особого внимания заслуживает значительная близость их к системам укреплений Бактрии (Кухна-кала, Карабаг-тепе, Зар-тепе, Дильберджин) [50] и Маргианы (Мерв, Чильбурдж, Дурнали) [51].

---

[44] *Марущенко А. А.* Елькен-депе.— ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. V, 1959, с. 70; *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма.— ТЮТАКЭ, т. VI, 1958, с. 17—21.

[45] *Толстов С. П.* По древним дельтам..., рис. 75.

[46] *Ставиский Б. Я.* Средняя Азия и Ахеменидский Иран.— В сб.: История Иранского государства и культура. М., 1971, с. 157.

[47] *Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С.* Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I.— МХЭ, вып. VI, 1963, с. 156.

[48] *Schmid E.* Flight over Iran. Chicago — London, 1940, tabl. 8—9.

[49] *Толстов С. П.* Работы..., с. 167; *Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С.* Ук. соч., с. 156.

[50] *Литвинский Б. А.* Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе).— КСИИМК, 64, 1956, с. 73, 74; *Тургунов Б. А.* Приемы фортификации античного Чаганиана.— СА, 1968, с. 43; *Альбаум Л. И.* Балалык-тепе. Ташкент, 1960, с. 14, 41; *Кругликова И. Т.* Дильберджин, ч. I. М., 1974, рис. 1.

[51] *Кошеленко Г. А.* Парфянская фортификация.— СА, 1963, № 2, с. 59; *Пугаченкова Г. А.* Ук. соч., с. 48, 52.

Укрепления круглого типа были довольно широко распространены почти по всей Средней Азии и в соседних областях. Этот тип был отмечен в Мерве (Султан-дешт) [52], в Месопотамии (Ктесифон) [53], в Иране (Тахт-и Сулейман) [54]. Устройство круглых укреплений в древней Бактрии известно еще в эпоху бронзы (Дашлы 3) и в последующие периоды (Кутлыг-тепе, Алтын-Дильяр-тепе, Пичмак-тепе, Талайхан-тепе) и с разрывами, вплоть до кушанского времени (Емши-тепе) [55]. Хорезмийские круглые памятники обнаруживают весьма ощутимые параллели с бактрийскими круглыми памятниками и, по-видимому, заполняют существующий хронологический разрыв между ними.

Стены с проходом хорезмийских укреплений имеют аналогии в памятниках на территории древней Бактрии, Парфии и Согда. Упомянем некоторые из них. Из Парфянских крепостей отметим Чильбурдж. Старая Ниса и др.[56] Они выделены на городищах Кей-Кобадшахе, Дальверзин-тепе, Дильберджине, Балхе в древней Бактрии [57]. Двойная городская стена была открыта и в Согде (Афрасиаб).

Общим для памятников Хорезма и других районов Средней Азии было устройство и форма бойниц.

Отметим, что прием размещения веерных пучков стреловидных бойниц Джанбас-калы, сходящихся в нише для стрелка, характерен для присырдарьинских крепостей IV — II вв. до н. э. (Бабиш-мулла) [58] и для окружной стены Балха в северном Афганистане [59]. Однако если в Джанбас-кале эти тройные бойницы обслуживались одним стрелком и использовались для флангового и фронтального поражения противника, располагаясь лишь на ответственных участках обороны, то в Балхе и в Бабиш-мулле тройные бойницы тянутся вдоль всех стен, что сильно сокращает количество бойниц, предназначенных для фронтального поражения неприятеля на дальних и ближних подступах к стене.

Предвратные сооружения Хорезма находят себе аналогию в других областях Средней Азии. Однако необходимо отметить, что в более южных районах, кроме предвратного сооружения, подступы к воротам затрудняются обычно длинными пандусами. Например, в Старой Нисе въезд в крепость осуществляется по отлогому пандусу к единственным воротам [60]. Так же и на Эрк-кале [61]. Отмечены пандусы и на бактрийских памятниках — Дальверзин-тепе, и на позднекушанской Топрак-кале [62]. Пока неизвестен подобный прием в хорезмийских крепостях. Нам кажется, что пандусовое оформление входа крепостей не характерно для античного Хорезма. Но имеются исключения: на двух памятниках обнаружены пандусы, однако не у главного входа, а внутри крепости. Центральное здание Кой-крылган-калы, например, сообщается с главным

---

[52] *Пугаченкова Г. А.* Ук. соч., с. 19, 20.

[53] *Reuther O.* Die Ausgrabungen der Deutschen Ktesiphon — Expedition im Winter 1928/29. Berlin, 1930, S. 6—9.

[54] *Erdmann K.* Das Iranische Feuerheiligtum. Leipzig, 1941, Taf. IV.

[55] *Кругликова И. Т., Сарианиди В. И.* Пять лет работы Советско-Афганской экспедиции.— В сб.: Древняя Бактрия. М., 1976, с. 7, 11, 12, 18; *Ртвеладзе Э. В.* К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени.— СА, 1975, № 2, с. 262.

[56] *Пугаченкова Г. А.* Парфянские крепости Южного Туркменистана.— ВДИ, 1952, № 4, с. 218—222.

[57] *Мандельштам А. М., Певзнер С. Б.* Работы кафириганского отряда в 1952—1953 гг.— МИА, № 66, 1968, с. 290—298; *Альбаум Л. И.* Городище Дальверзин-тепе.— ИМКУ, вып. VII, 1966, с. 61; *Кругликова И. Т.* Дильберджин, с. 49, 50; *Le Berre M., Schlumberger D.* Observation sur les Remparts de Bactres.— MDAFA, t. XIX, 1964, p. 83.

[58] *Толстов С. П.* По древним дельтам..., с. 163.

[59] *Пугаченкова Г. А.* К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана.— В сб.: Древняя Бактрия. М., 1976, рис. 78.

[60] *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры..., с. 34.

[61] Там же, с. 20.

[62] *Альбаум Л. И.* Городище Дальверзин-тепе, с. 40; *Пугаченкова Г. А.* К познанию..., с. 144.

входом крепости с помощью пандуса [63]. Такую же картину мы видим у «кушанского» памятника Топрак-кала, где вход трехбашенного замка защищен с помощью пандуса [64].

Конструкция ворот Бурлы-кала находит близкие аналогии в Чагание (Карабаг-тепе) [65]. Тут тоже оборонные функции при входе выполняла сама стена (толщиной 6,75 *м*), снабженная тремя бойницами. Применение круглых и прямоугольных башен — характерная черта для многих памятников Средней Азии. Однако следует отметить, что время появления той или иной формы башен еще не достаточно выяснено. Существует мнение, что наиболее древними являются прямоугольные башни [66]. Но археологические исследования последних лет показывают, что еще в бронзовом веке крепостные стены защищались круглыми башнями (Дашлы I) [67]. Они отмечены и в последующих периодах на территории древней Бактрии (Алтын-Дильяр-тепе) [68] и в Маргиане (Старый Кишман VI—IV вв. до н. э.) [69]. В Согде круглой формы башня прослежена в древней городской стене Варахши [70]. В Парфии круглые башни известны со II в. до н. э. в укреплениях Фрааспа (Такх-и Сулейман) и Хатра [71]. Подобные башни выявлены в более поздние времена в Иране (Истахр) [72]. Что касается античного Хорезма, то здесь самыми древними пока являются круглые башни в нижнем слое Кюзели-гыра (VI—V вв. до н. э.), получившие в последующий «кангюйский» период широкое распространение.

Расположение башен в виде «ласточкиного хвоста» отмечено в архитектуре Древнего Востока еще в глубокой древности [73]. Однако факт появления таких башен в Хорезме в сравнительно позднее время свидетельствует о самостоятельном пути развития хорезмийской фортификации [74]. В других районах Средней Азии башня в виде «ласточкиного хвоста» в крепостных стенах не получила широкого распространения и зафиксирована пока в единичных случаях. Этот тип башен известен в древней Бактрии на городище Кухна-кала и в Каахка [75], в Парфии на городище Старая Ниса [76]. Отметим, что прием размещения башен Кой-крылган-кала, не выступающих из линии стен, характерен для бактрийских крепостей Карабаг-тепе, Хайдарабад-тепе и Дальверзин-тепе [77].

Сравнение крепостей античного Хорезма с оборонительными сооружениями Средней Азии показывает, что между ними имеется много общего. В особенности это бросается в глаза при сравнении хорезмийских укреплений с крепостями Бактрии. Однако следует отметить, что вообще в античный период не только на территории Средней Азии, но и на Ближнем Востоке складываются и получают свое наиболее полное выражение

---

[63] Кой-крылган-кала..., с. 302—304.

[64] *Толстов С. П.* По древним дельтам..., с. 209, 210.

[65] *Тургунов Б. А.* Ук. соч., с. 44—46.

[66] *Воронина В. Л.* Ук. соч., с. 47; *Бабаев А. Л.* Крепости Верхнего Вахана. Душанбе, 1973, с. 111.

[67] *Сарианиди В. И.* Бактрия в эпоху бронзы.— СА, 1974, № 4, с. 49—51.

[68] *Кругликова И. Т., Сарианиди В. И.* Ук. соч., с. 12.

[69] *Дурдыев Д.* Городище старого Кишмана.— ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. V, 1959, с. 154.

[70] *Кабанов С. К.* Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг.— ИМКУ, вып. 1, 1959, с. 123—137.

[71] *Кошеленко Г. А.* Ук. соч., с. 67—69.

[72] *Herzfeld E.* Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, pl. XCII—XCIII.

[73] *Badawy A.* Op. cit., p. 17, fig. 17.

[74] *Толстов С. П.* По следам..., с. 121.

[75] *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая.— МИА, № 26, 1952, с. 28; *Бабаев А. Д.* Ук. соч., с. 112.

[76] *Пугаченкова Г. А.* Парфянские крепости..., с. 219.

[77] *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. Ташкент, 1966, с. 256; *Тургунов Б. А.* Ук. соч., с. 39—47.

характерные элементы фортификации. Они связаны с одинаковыми приемами осадной техники и одинаковым уровнем военной техники, тождеством строительных материалов (глина и сырец). Были применены все известные в то время в Средней Азии элементы фортификации, несущие функции оборонительного сооружения: мощные стены со стреловидными бойницами, крытый коридор для стрелков, предвратные сооружения, башни и т. п. Но это не значит, что военное зодчество в Хорезме велось по какому-то шаблону, предопределяющему обязательное наличие всех узлов обороны. Наоборот, некоторые памятники Хорезма — Токкала, Джанбас-кала, Большая Айбугир-кала — выделяются среди других своими специфическими особенностями: отличным использованием рельефа местности, делающим даже ненужными предвратные сооружения и башни. Кроме того, в отдельных приемах можно наблюдать своеобразие, не отмеченное в других крепостях Средней Азии. Характерным для античных укреплений Хорезма, выгодно отличающим их от укреплений Средней Азии, является наличие сообщения предвратных сооружений со стрелковыми галереями. Видимо, расположение башен в виде «ласточкиного хвоста» тоже является особенностью фортификации Хорезма. Есть и некоторые другие особенности топографии и планировки хорезмийских античных укреплений. Важнейшим из них следует считать отсутствие цитадели (за исключением Топрак-калы) и пандусовые оформления входов крепости. Отсутствуют «длинные стены», свойственные оазисам Средней Азии [78], которые предназначены для защиты целых районов от неприятеля, и др. Все эти особенности резко отличают хорезмийскую фортификацию от других областей Средней Азии.

Таким образом, подводя итоги рассмотрения фортификации античного Хорезма, можно констатировать, что в Хорезме на рубеже IV—III вв. до н. э. создана глубоко своеобразная система фортификации.

G. Khozhaniyazov

DEVELOPMENT OF THE ANCIENT KHWAREZM FORTIFICATION SYSTEM

Summary

The article outlines various types of the Khwarezm fortification system of the epoch of slavery and singles out three main periods of its development: the archaic, the Kangyui, the Kushan. The first is characterised by mud-brick solid walls and towers of the Kyuzeli-gyr type. The second period is characterised by more complicated fortification system, with new elements and methods of defence. The third period is marked by the further development of fortification system in Khwarezm. The author emphasises some specific features of the ancient Khwarezm fortification system as compared with other Central Asian types of fortifications.

---

[78] *Вязгин С. А.* Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы.— ТЮТАКЭ. т. I, 1949, с. 23, 267.

К. В. КАСПАРОВА

РОЛЬ ЮГО-ЗАПАДНЫХ СВЯЗЕЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

В процессе изучения этногенеза славян немаловажная роль отводится зарубинецкой культуре. Между тем все еще спорной остается проблема ее происхождения, процесс формирования, не вполне ясна судьба ее носителей. Ареал культуры и ее хронологические рамки не для всех исследователей однозначны.

Определение места зарубинецкой культуры в славянском этногенезе зависит от решения следующих задач, составляющих суть зарубинецкой проблемы: 1 — сопоставление основных элементов трех вариантов зарубинецкой культуры с предшествующими местными; 2 — уточнение времени возникновения зарубинецкой культуры и снятие противоречий, появляющихся из-за асинхронности нижней даты, определяемой по данным могильников и по материалам поселений; 3 — уточнение ее верхней даты на основе бесспорных закрытых комплексов и изучение их соотношения с постзарубинецкими памятниками для выяснения их генетической связи; 4 — рассмотрение широкого круга контактов зарубинецкой культуры на ее ранней фазе и реконструкция историко-культурной ситуации в Восточной и Центральной Европе накануне ее образования; 5 — сопоставление синхронных письменных и археологических источников времени формирования зарубинецкой культуры.

Перечисленные обобщенные задачи охватывают целый ряд специальных тем, в разной степени исследованных, рассмотрение которых в рамках одной статьи не представляется возможным. Хотелось бы, однако, в первую очередь вынести на обсуждение вопросы наиболее дискуссионные, ранее затронутые недостаточно. Вначале условимся, что под понятием «зарубинецкая культура» здесь имеются в виду три группы памятников: полесская, среднеднепровская и верхнеднепровская, расположенные в основном в пределах, очерченных Ю. В. Кухаренко, и хронологически не выходящие за середину I в. н. э.[1] Заметим также, не касаясь изложения давно известных гипотез происхождения зарубинецкой культуры, что мы в целом разделяем концепцию Ю. В. Кухаренко, согласно которой поморские племена явились основными создателями зарубинецкой культуры,— она выдержала испытание временем и новыми фактами, хотя отдельные положения потребовали корректив[2]. «Поморское» проис-

[1] *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура.— САИ, вып. Д 1—19. М., 1964, с. 5—66. Возможно, после опубликования новых материалов из раскопок на Южном Буге появится основание для включения этого района в зарубинецкий ареал, а пока считаем это преждевременным; *Каспарова К. В.* О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья.— СА, 1976, № 3, с. 128—140.

[2] *Кухаренко Ю. В.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры.— СА, 1960, № 1, с. 289—300; *Мачинский Д. А.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры.— КСИА АН СССР, № 107, 1966, с. 6—8; *Каспарова К. В.* Зарубинецкий могильник Велемичи II.— АСб. ГЭ, № 14, 1972, с. 53—111; *ее же.* Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья.— АСб. ГЭ, № 17, 1976, с. 35—66.

хождение зарубинецкой культуры не исключает участия местного населения в ее образовании. Это совершенно закономерное явление сторонники концепции Кухаренко, естественно, не оспаривают. Вопрос лишь в том, насколько значительным был вклад местных племен и определили ли какие-то из них этнос и характер культуры.

Несмотря на все более очевидную специфику каждой зарубинецкой группы, и особенно верхнеднепровской, некоторые аспекты их формирования могут рассматриваться в целом. Речь идет о роли в этом процессе контактов носителей зарубинецкой культуры с юго-западными и северо-западными культурными регионами.

Известно, что ярко выраженный латенизированный облик зарубинецкой культуры, проявляющийся главным образом в инвентаре погребальных памятников, наиболее устойчиво сохраняющих этнические традиции населения, выделяет ее на фоне соседних синхронных культур и отличает от местных предшествующих. Нам представляется, что на эту сторону проблемы происхождения зарубинецкой культуры недостаточно обращают внимания и что анализ ее юго-западных связей поможет раскрыть пути формирования культуры.

Но прежде уточним время ее возникновения. Основными хронологическими показателями для зарубинецкой культуры являются фибулы среднелатенской схемы из закрытых комплексов. По А. К. Амброзу, который опирался на хронологию Филипа — Хахманна, они относятся к рубежу II—I вв. до н. э.[3] На датировки более ранним временем, предполагаемые без достаточной аргументации, полагаться, естественно, нельзя[4]. Предположение о «дофибульной» стадии в зарубинецкой культуре неубедительно, а ее датировка последней третью III в. до н. э. по амфорным клеймам из поселений — гипотетична[5], ибо не доказана синхронность позднеэллинистического импорта из поселений и керамики ранней фазы могильников. Датировка серединой III в. до н. э. вообще не обоснована[6].

В последнее десятилетие в европейской науке идет процесс постепенного пересмотра хронологии Латена в сторону снижения ряда дат по сравнению с принятой прежде системой Я. Филипа. Современные хронологические разработки по отдельным регионам, сопоставления и обобщения их позволили создать новые схемы относительной и абсолютной периодизации латенской культуры. Многие исследователи в настоящее время опираются на хронологию Х. Поленца, основанную на изучении кельтских памятников междуречья Рейна и Майна. По его схеме интересующая нас фаза LTC_1 в абсолютных датах определяется 225—150/120 гг. до н. э. На основе анализа разработок ряда специалистов К. Годловский предлагает более широкие рамки для отдельных периодов Латена. Для фазы C_1 он отводит отрезок середины — второй половины III — первой половины II в. до н. э.[7] Согласно современным исследова-

---

[3] *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР.— САИ, вып. Д 1—30. М., 1966, с. 14—16.

[4] *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971, с. 108, 116, 173, 174; *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972, с. 110, 111; *Кубишев А. І.* Деякі підсумки дослідження Пирогівського могильника.— В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976, с. 30.

[5] *Максимов Е. В.* Ук. соч., с. 106—115.

[6] *Каспарова К. В., Мачинский Д. А., Щукин М. Б.*— СА, 1976, № 4, с. 243—248.— Рец. на кн.: Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971, 1973, 1974.

[7] Литература по этим вопросам обширна, приводим лишь основные работы: *Filip J.* Keltové ve Středni Evropě. Praha, 1956; *Hodson F. R.* The La Tène Cemetry at Münsingen-Rain. Acta Bernensia, V. Bern, 1968, S. 14; *Woźniak Z.* Osadnictwo celtickie w Polsce. Wrocław, 1970, s. 29—39, 63; *Meduna J.* Das keltische Oppidum Staré Hradisko in Mähren.— Germania, № 48, 1970, S. 34—49; *Polenz H.* Mittel- und spätlatenzeitliche Brandgräber aus Dietzenbach, Landkreis Offenbach am Main.— Studien und Forschungen. Neue Folge, Ht 4, Langen, 1971, S. 31—44; *Zirra V.* Beiträge zur Kenntnis des Keltischen Latène in Rumänien.— Dacia, XV, 1971, S. 171—238; *Čižmař M.* Relativ-

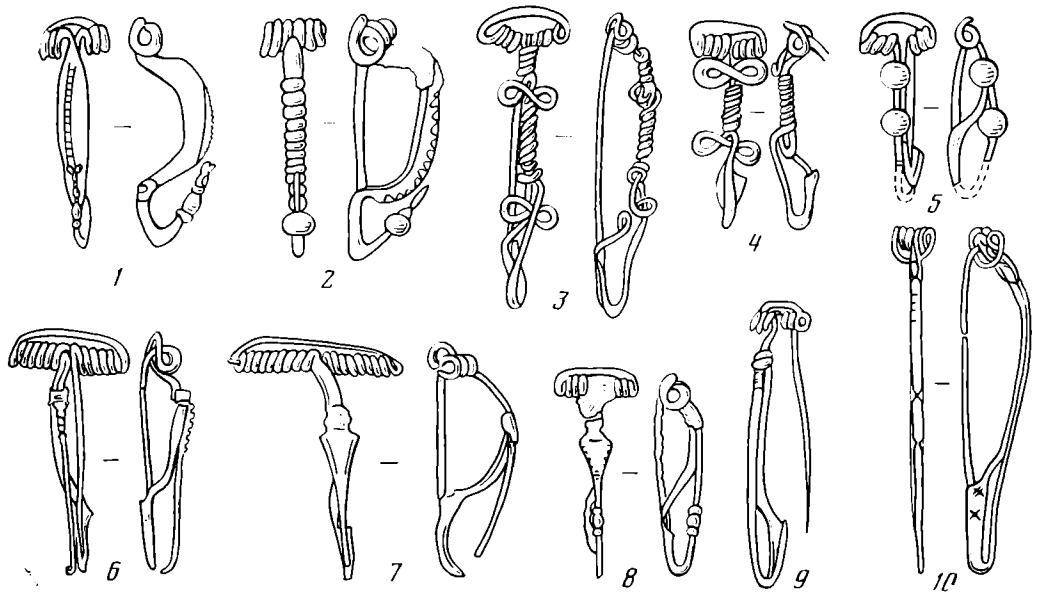


Рис. 1. Фибулы из поморских (*1*, *2*) и зарубинецких (*3—10*) памятников. *1* — Головно (Волынь), погр. 10; *2* — Тростяница (Полесье), погр. 1; *3* — Пирогов (окраина Киева), погр. 26; *4* — Воронино (Полесье), погр. 25; *5* — Велемичи I (Полесье), погр. 108; *6*, *7* — Велемичи II, погр. 105; *8* — Воронино, погр. 4; *9* — Велемпчи I, погр. 60; *10* — Велемичи II, погр. 80

ниям, возникновение фибул среднелатенской схемы (скрепленных) приходится на фазу LTB_2 (вторая половина), а следующая генерация фибул — характерные «среднелатенские» («расчлененные», вариант «А» Ю. Костшевского) относится к началу LTC_1. Для нас особый интерес представляют исследования в юго-восточном кельтском ареале, Подунавье, на Балканах, в Карпатском бассейне, поскольку именно оттуда происходят прототипы ранних фибул зарубинецкой культуры — среднелатенской схемы с восьмеркообразными петлями и шариками на спинке и на конце ножки [8] (рис. 1). Кстати, исследователи кельтского южнобалканского региона, предполагая, что там ритмы развития фибул отличались от среднеевропейских, прежде других сочли возможным относить возникновение скрепленной конструкции к середине III в. до н. э.[9], т. е. тоже к фазе LTB_2.

Соответственно и начало цикла латенизированных культур «позднего предримского времени» Хахманна синхронизуется теперь с фазой LTC_1, а не LTD, как считалось прежде [10]. Разумеется, изменения в хронологии Латена касаются и зарубинецкой культуры, тесно связанной с юго-восточным латенским миром, хотя и развивающейся в своем ритме. Речь идет, конечно, не о прямом перенесении этих дат на зарубинецкую хронологию, а о вполне обоснованном снижении датировки ранних типов зарубинецких фибул (рис. 1, *3—10*), близких кельтским образцам. Время

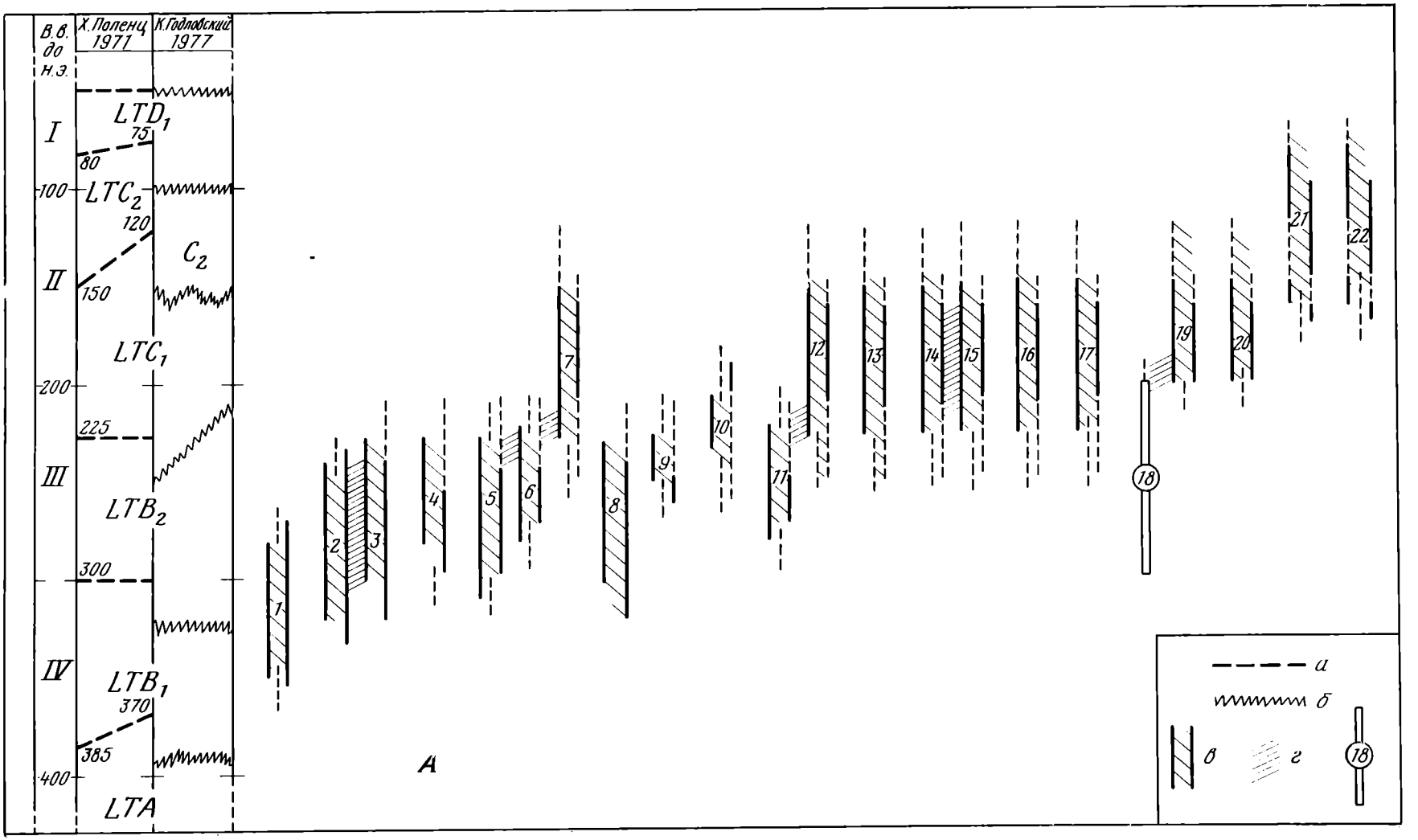
---

ni chronologie keltských pohřebišť na Moravé.— PA, LXVI, 1975, s. 417—436; *Godłowski K.* Archeologia pierwotna i wczesnośredniowieczna. Część IV, Okres lateński w Europie. Kraków, 1977, s. 22, 36, 43—45.

[8] *Zirra V.* Op. cit.; *Čižmař M.* Op. cit.; *Ratimorska P.* Das keltische Gräberfeld in Chotin (Südwestslowakei).— Alba Regia, XIV, 1975, S. 85—95; *Vizdal J.* Záchranný výskum keltského pohrebiska v Ižkovcach.— SIA, v. XXIV, № 1, 1976, s. 151—190; *Benadik B.* Keltisches Gräberfeld in Maňa.— SIA, v. XXVI, № 2, 1978, S. 383—422.

[9] *Todorović I.* Kelti u jugoistočnoj Evropi. Beograd, 1968, s. 51—54; *Majnarič-Pandžić N.* Keltsko-latenska kultura u Slavoniji i Srijemu.— In: Acta Musei Cibalensis, t. 2. Vinkovci, 1970, s. 139.

[10] *Godłowski K.* Op. cit., s. 115—119.


В.в. до н.э.
Х. Поленц 1971
К. Годловский 1977
I
II
III
IV
100
200
400
LTD1
LTC2
LTC1
LTB2
LTB1
LTA
C2
75
80
120
150
225
300
370
385
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
А
а
б
в
г

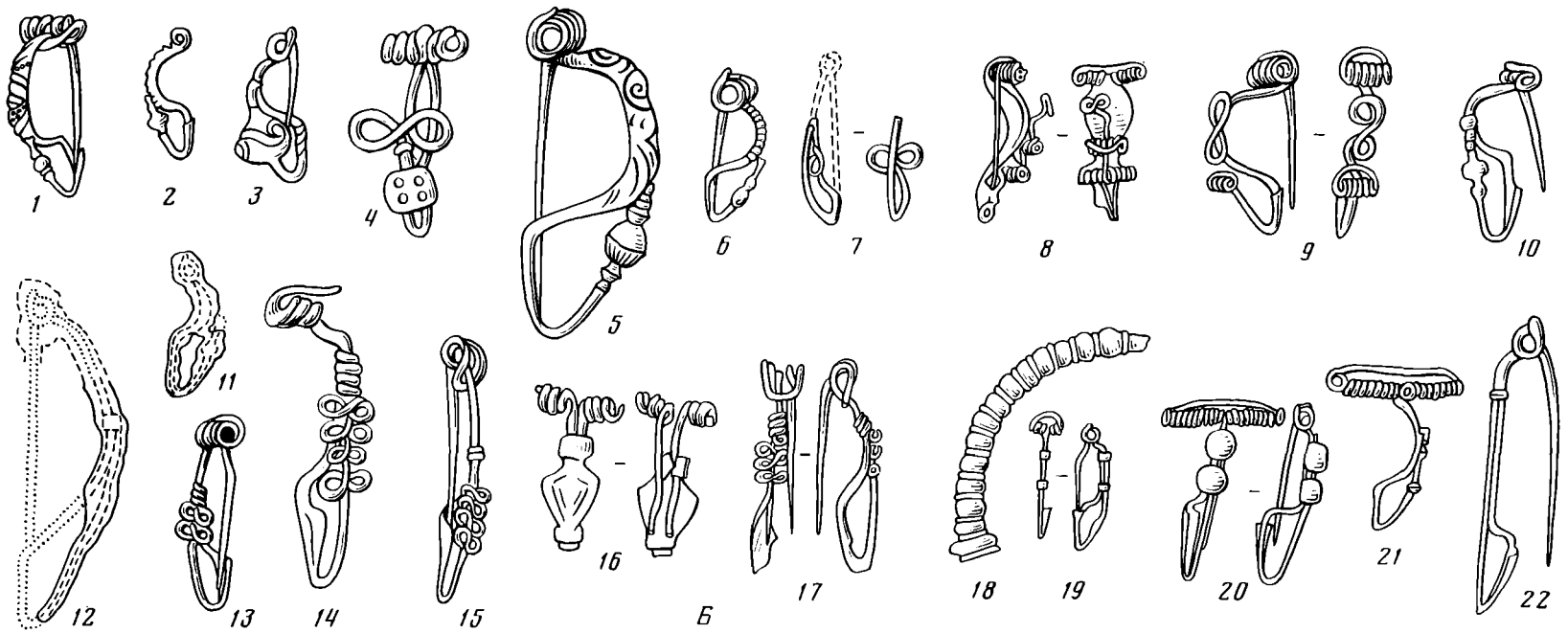


Рис. 2. А — хронологическое членение эпохи Латена по Х. Поленцу и К. Годловскому и позиции фибул латенских типов Б — фибулы латенских типов (использованы данные Б. Бенадика, З. Возняка, К. Пешеля, Ю. Вальдхаузера, В. Зирры, Ю. Виздала, Г. Доманьского, Х. Кайлинга, Х. Поленца). *а* — границы по Х. Поленцу; *б* — границы по К. Годловскому; *в* — время бытования фибул (левая линия по Поленцу, правая по Годловскому); *г* — наиболее вероятный отрезок времени совершения погребения по сочетанию данных фибул; *д* — время бытования гривны по Т. Фогту *1* — Духцов (Чехия); *2*, *3* — Маня (Словакия), погр. 113; *4* — Холубице (Моравия), погр. 6; *5—7* — Небойса (Словакия), погр. 5; *8* — Коприка-Севтополис (Болгария), кург. 2; *9* — Маломержице-Брно (Моравия), погр. 34; *10* — Ижковцы (Словакия), погр. 6; *11*, *12* — Епишув Уезд (Чехия), погр. 82; *13* — Маня, погр. 143; *14* — Елшовце (Словакия), случайная находка; *15* — Ижковцы, погр. 17; *16* — Холпаре (Словакия), погр. 741; *17* — Чумешти (Трансильвания), жил. В/1962; *18*, *19* — Любошице (Польша, Нижняя Лужица), погр. 127; *20* — Швиссел (Голштиния), погр. 2011; *21* — Шмарйете (Словения), поселение; *22* — Дитценбах (ФРГ, Гессен), погр. 5

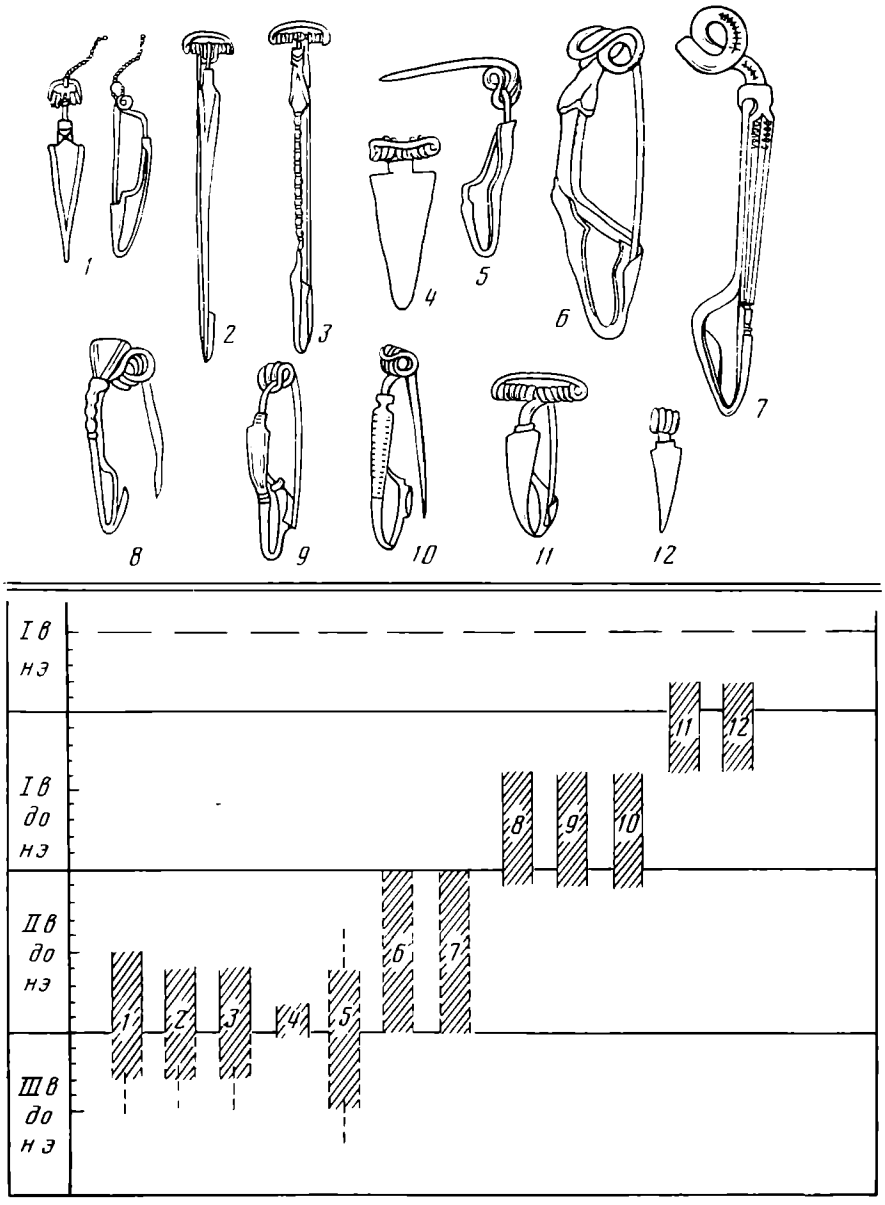


Рис. 3. Копьевидные фибулы и их хронологические позиции. *1—3* по Д. Баслеру; *4—7* по Й. Тодоровичу; *8—12* по З. Маричу (см. *Каспарова К. В.* О фибулах зарубинецкого типа, с. 68—78) *1* — Гостилья (Черногория), погр. 122; *2* — там же, погр. 60; *3* — там же, погр. 90; *4* — Карабурма (район Белграда), погр. 4; *5—7* — Земун (предместье Белграда), случайные находки; *8* — Рибич (Босния), погр. 153; *9*, *10* — Езерине (Босния), погр. 393-а; *11* — там же, погр. 278; *12* — Рибич, погр. 37

бытования интересующих нас типов из латенских памятников по данным современных исследователей показано на рис. 2.

За основу нашей таблицы взяты схемы Х. Поленца с конкретными абсолютными датами и К. Годловского с более широкими границами периодов. Расхождения между ними свидетельствуют о всей сложности проблемы, а также о неравномерности ритмов развития латенской культуры и об условностях разделения ее на фазы.

Недостаточно определенны по данным югославских исследователей хронологические позиции балканских копьевидных фибул (рис. 3) — прототипов фибул «зарубинецкого типа», характернейших форм в зарубинецкой культуре (рис. 4). Но несмотря на расхождения в датах близ-

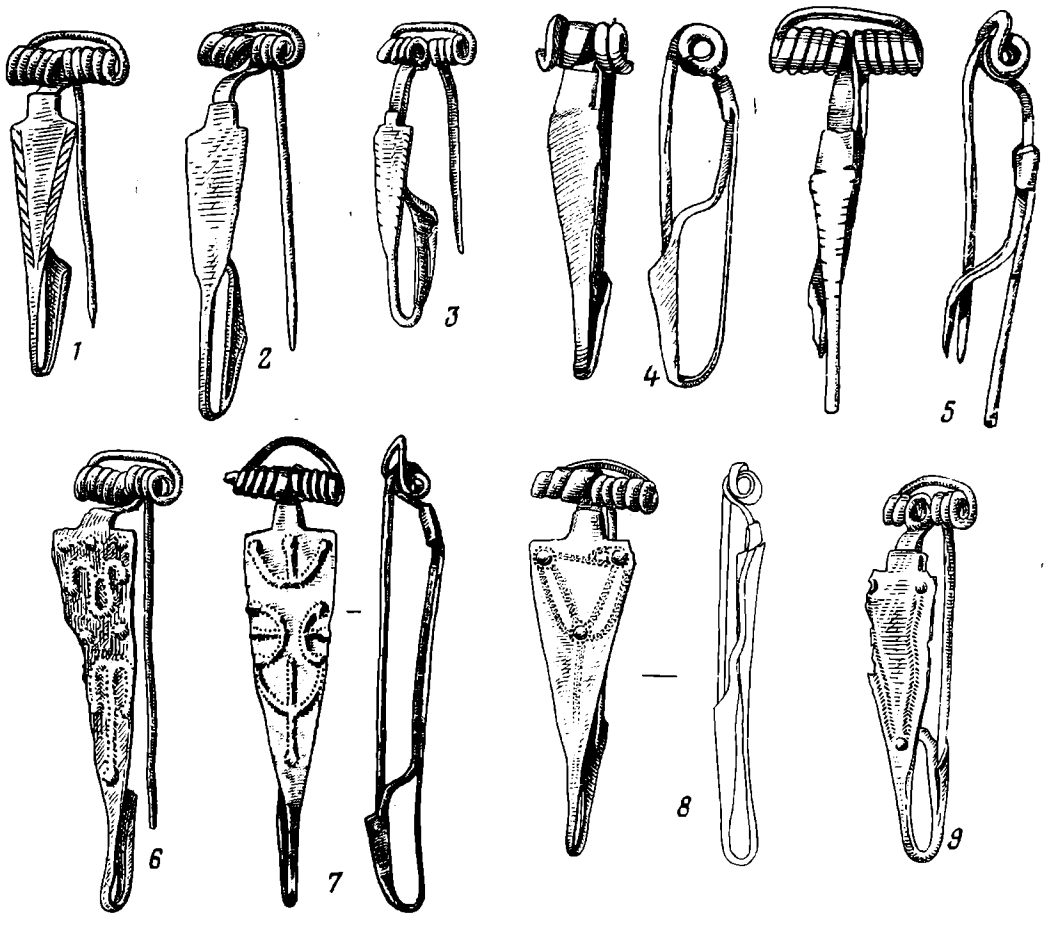


Рис. 4. Фибулы зарубинецкого типа из могильников Полесья. *1* — Велемичи I, погр. 6; *2* — там же, погр. 8; *3* — Воронино, погр. 37; *4* — Велемичи II, погр. 82; *5* — там же, погр. 104; *6* — Велемичи I, погр. 66; *7* — Велемичи II, погр. 85; *8* — Велемичи I, погр. 103; *9* — Воронино, погр. 29

ких типов (например, рис. 3, *1*, *4*, *11*, *12*), несомненно, они появляются на юге Балкан раньше, чем их аналоги в зарубинецких памятниках. Нам уже приходилось рассматривать этот вопрос и отмечать необходимость снизить датировки фибул «расчлененных» и «зарубинецкого типа» до середины II в. до н. э., исходя из анализа путей их проникновения на зарубинецкую территорию [11], а сейчас, учитывая современное состояние хронологии Латена, мы полагаем, что они могли появиться во второй четверти II в. до н. э., в период синхронный концу фазы LTC_1. Возникновение же зарубинецкой культуры в период, соответствующий фазе LTC_1, как увидим ниже, вполне закономерно.

Однако удревнение фибул, позволяющее сблизить противоречивые даты возникновения зарубинецкой культуры, не ликвидирует полностью ее разрыв с предшествующей местной культурой, на базе которой, по мнению многих исследователей, вырастает зарубинецкая в Среднем Поднепровье, ибо скифские памятники в лесостепной зоне датируются не позднее начала III в. до н. э.[12] Это ставит под сомнение автохтонность

[11] *Каспарова К. В.* О датировке фибул зарубинецкой культуры.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов, ч. III. Киев, 1975, с. 33, 34; *ее же.* О фибулах зарубинецкого типа.— АСб. ГЭ, № 18, 1978, с. 68—78; *ее же.* Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры.— В кн.: Проблемы археологии, вып. II. Л., 1978, с. 79—89.

[12] *Петренко В. П.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.— САИ, вып. Д 1—4. М., 1967, с. 13, 52, 96.

зарубинецкой культуры, особенно учитывая, что местные традиции прослеживаются в основном только на керамике поселений среднеднепровской группы, почти не отражаясь в погребальных памятниках. Незначительное присутствие милоградских элементов в верхнеднепровской группе лишь результат контактов и инфильтраций соседних культур, а также ассимиляция зарубинцами какой-то части милоградских племен. Доминирующее участие последних в формировании зарубинецкой культуры не подтверждается [13].

Единственной культурой предшествующего времени, с которой зарубинецкую связывают общие черты в основных элементах (в различной степени проявляющиеся в локальных группах), является поморско-подклешевая, в своем распространении на восток достигшая ареала зарубинецкой [14] (рис. 5). Вопрос о ее верхней хронологической границе является предметом дискуссий среди польских исследователей, поскольку последняя фаза поморской культуры не обеспечена надежными датирующими предметами. Фибулы очень редки, их находки плохо документированы. Конец поморской культуры скорее всего наступил в период, соответствующий LTC_1, т. е. в III и начале II в. до н. э. Изучение пшеворско-поморских контактов позволяет утверждать, что поморская культура приняла участие в формировании пшеворской и существовала не только в фазе LTC_1, но и позднее [15]. Поморские памятники на нашей территории по духцовским фибулам датируются рубежом LTB_1/B_2 и B_2 (рис. 1, *1, 2*; 2). Но фибулы и здесь, вероятно, определяют не последний этап культуры. Наблюдается та же картина, что и в районах возникновения пшевора: поморская культура доживает до начала зарубинецкой, включаясь в образование последней.

Однако «поморская» концепция происхождения зарубинецкой культуры не раскрывает полностью ее характер, не объясняет ее латенизированный облик, все истоки культуры. Это заставляет обратиться к анализу связей зарубинецкой культуры на раннем этапе развития.

Ближе всего к зарубинецкой по своему облику стоит культура Поянешти-Лукашевка. Но какова природа этой близости? Одни исследователи уверены в их генетическом родстве, другие считают их сходство лишь отражением общего процесса латенизации. Следует признать, что связующих черт между обеими культурами больше, чем различий, но не все зарубинецкие группы в равной степени близки культуре Поянешти-Лукашевка, причем сходство и различия выступают в разных элементах культуры.

Поянештская керамика с ее подграненными венчиками и маленькими иксовидными ручками находит аналогии в среднеднепровской группе, значительно реже в полесской и никогда в верхнеднепровской. В то же время многие формы больших чернолощеных горшков с уступчиком под суженной горловиной чрезвычайно близки ранним, так называемым «поморским» из могильников Полесья, так же как и керамика хроповато-подлощенная с валиками и защипами из поселений обеих культур. В могильниках типа Поянешти-Лукашевка нет классического зарубинецкого

---

[13] *Каспарова К. В., Мачинский Д. А., Щукин М. Б.* Ук. соч., с. 243—248.

[14] *Кухаренко Ю. В.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры.— СА, 1960, № 1, с. 289—300; *Мачинский Д. А.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры.— КСИА АН СССР, № 107, 1966, с. 6—8; *Каспарова К. В.* Зарубинецкий могильник..., с. 100, 101; *ее же.* Новые материалы..., с. 53, 56—59.

[15] *Woźniak Z.* Chronologia młodszej fazy kultury pomorskiej w świetle importów i naśladownictw zabytków pochodzenia południowego.— In: Problemy kultury pomorskiej. Koszalin, 1979, s. 125—148; *Dąbrowska T.* Z problematyki późnego okresu latenskiego na terenach Polski Wschodniej.— WA, t. XXXV, z. 3, 1970, s. 278—284; *idem.* Proba ustalenia chronologii względnej cmentarzysk kloszowych z obszaru Mazowsza.— WA, t. XLII, z. 2, 1977, s. 117—134; *Niewęgłowski A.* Mazowsze na przełomje er. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1972, s. 56—66; *Pazda S.* Za studiów nad kultura wschodniopomorska na Dolnym Śląsku.— AP, t. XV, z. 1, 1970, s. 97; *Godłowski K.* Op. cit., s. 162, 163, 184.

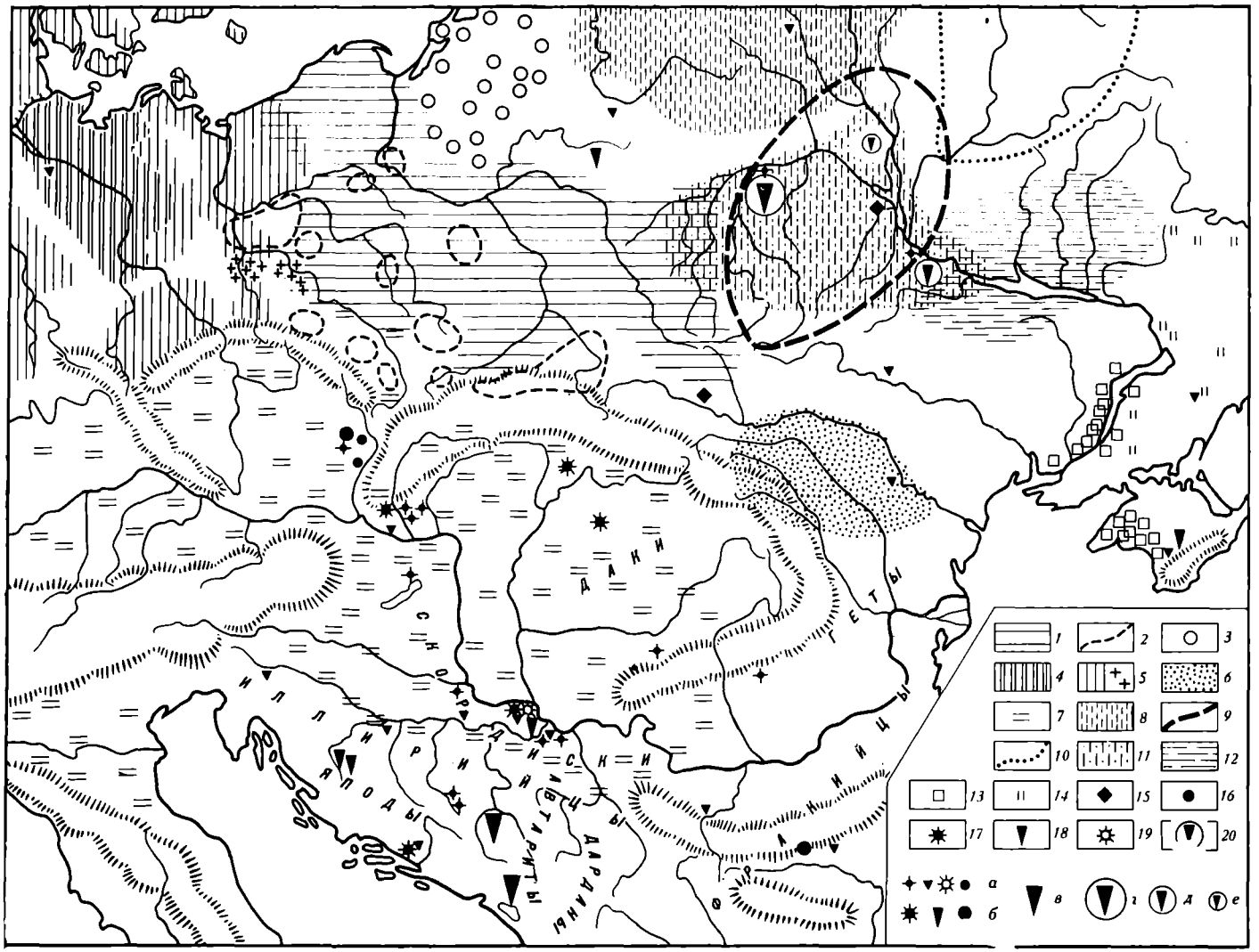


Рис. 5. Картосхема некоторых археологических культур и отдельных памятников Средней Европы в период Латена В и С.

1 — ареал поморско-подклешевой культуры; *2* — граница ареала эпилужицких групп; *3* — ареал культуры западно-балтских курганов; *4* — ареал ясторфской культуры; *5* — ареал культур ясторфского круга и памятники губинской группы; *6* — ареал культуры типа Поянешты-Лукашевка; *7* — области, занятые кельтами; *8* — ареал культуры штрихованной керамики; *9* — граница ареала милоградской культуры; *10* — граница ареала юхновской культуры; *11* — ареал зарубинецкой культуры; *12* — ареал скифообразных лесостепных культур; *13* — нижнеднепровские городища и позднескифские памятники Крыма (условно); *14* — раннесарматские памятники (условно); *15* — кельтские памятники Бовшев и Залесье; *16* — памятники с находками фибул раннелатенской схемы с восьмеркообразными петлями; *17* — памятники с находками фибул среднелатенской схемы с восьмеркообразными петлями; *18* — памятники с находками копьевидных фибул и фибул зарубинецкого типа вне ареала зарубинецкой культуры; *19* — памятник с находкой копьевидной фибулы с «восьмеркой»; *20* — количество фибул зарубинецкого типа в трех группах зарубинецкой культуры.

Масштаб условных знаков: *а* — 1 экз.; *б* — 2—5 экз.; *в* — 12—13 экз.; *г* — 32 экз.; *д* — 70 экз.; *е* — 116 экз.

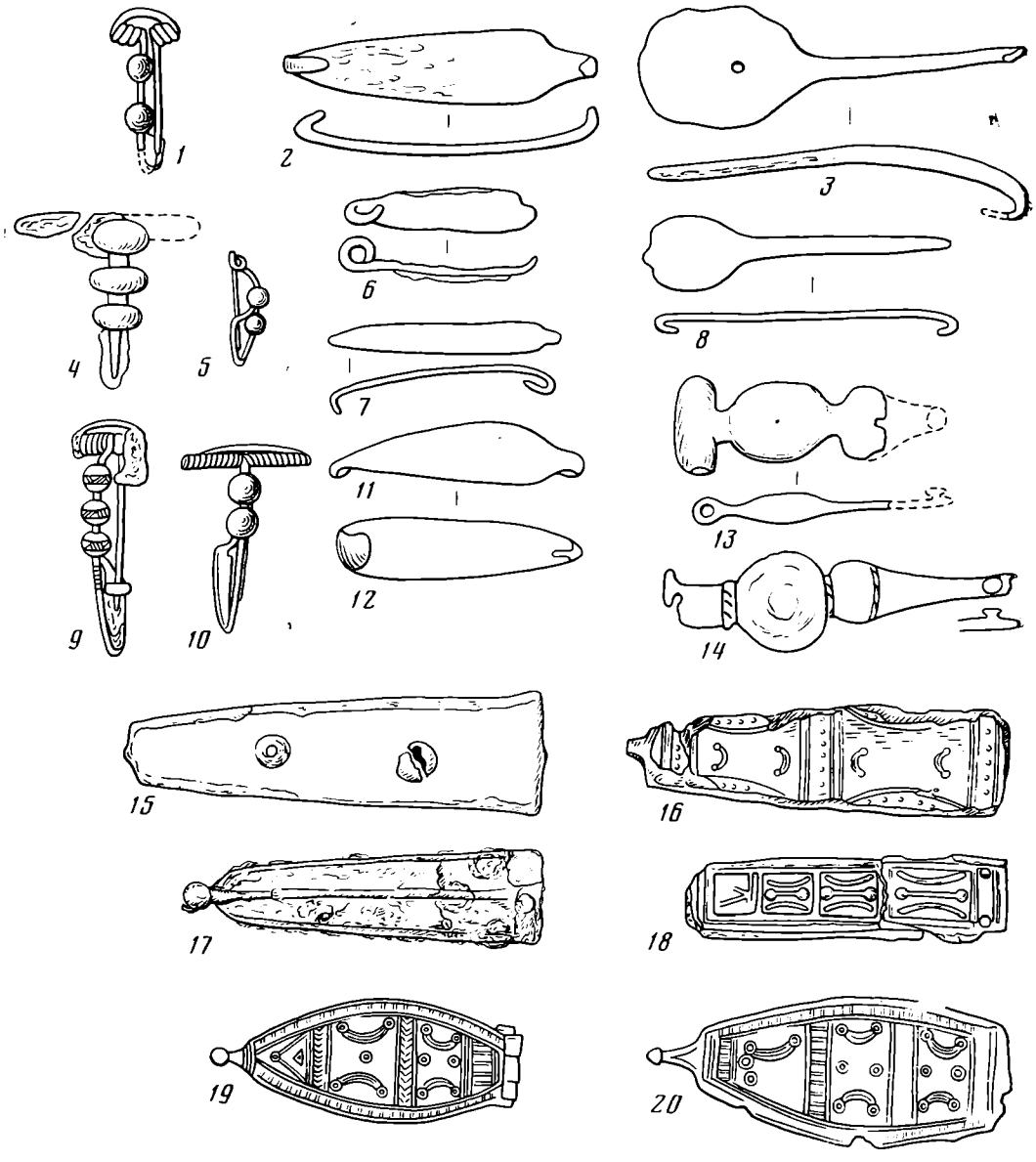


Рис. 6. Фибулы и поясные крючки из памятников культур: зарубинецкой (*1* — *3*, *13*, *16*); типа Поянешти-Лукашевка (*4*, *6*, *15*); ясторфской (*9* — *12*, *17*); губинской группы (*5*, *7*, *8*); кельтской (*14*); кельто-иллирийских памятников (*18*—*20*). *1* — Велемичи I (Полесье), погр. 108; *2* — Чаплин (Верхнее Поднепровье), погр. 125; *3*, *13* — Велемичи II, погр. 75, 45; *4*, *6* — Поянешти (Румыния), погр. 339; *5* — Любошице (Нижняя Лужица), погр. 128; *7* — Доманёвице (Нижняя Силезия), погр. 100; *8* — Пюрбен (Нижняя Силезия), погр. 2[a]; *9* — Хорнбек (Голштиния), погр. 803; *10*, *17* — Швиссел (Голштиния), погр. 2011, 1774; *11* — Брамштедт (Голштиния); *12* — Бёрнике (Бранденбургия), погр. Cf 267; *14* — Страдонице (Чехия), оппидум; *15* — Лукашевский мог. (Молдавия), погр. 10; *16* — Отвержичи (Полесье), погр. 31; *18* — Карабурма (Белград), погр. 39; *19*, *20* — Донья Ламинци (Босния), могильник

набора: горшок — миска — кружка, но его нет и в верхнеднепровских. В обеих этих культурных группах процент мисок и мискообразных сосудов выше, чем в других. Там же отсутствуют булавки и подвески, столь характерные для Полесья и изредка встречающиеся на Среднем Днепре.

Тип погребального обряда культуры Поянешти-Лукашевка (в подавляющем большинстве урны, накрытые миской) заметно отличается от преимущественно (а для Верхнего Днепра исключительно) ямных погребений зарубинцев, хотя открытых урновых захоронений довольно много в среднеднепровской группе, а на Полесье встречаются прикрытые урны.

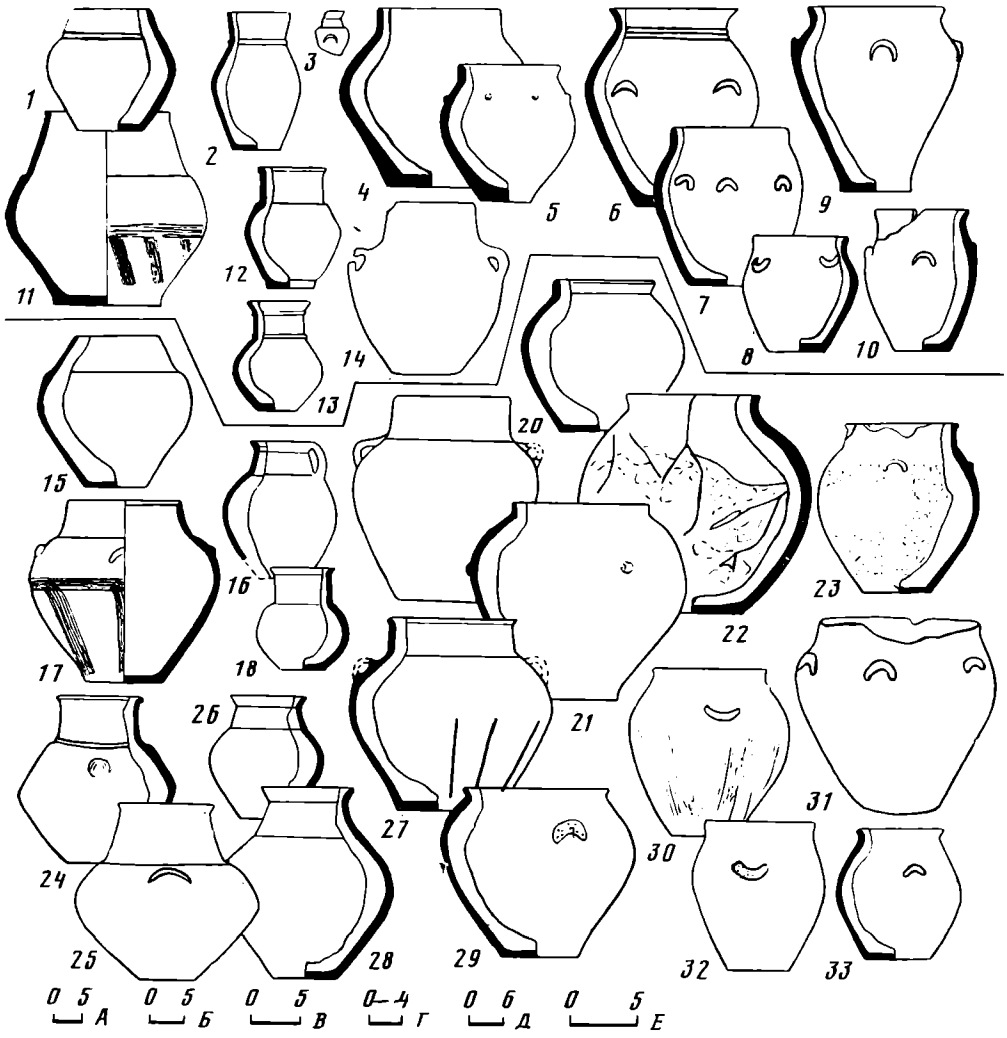


Рис. 7. Керамика из памятников культур: зарубинецкой (*1—14*), типа Поянешти-Лукашевка (*15—17*, *20*), ясторфской (*18*, *19*, *21*, *24—30*, *32*, *33*), губинской группы (*22*, *23*, *31*).

1, *4—6* — Отвержичи (Полесье), погр. 82, 31, 21, вне погр.; *2* — Пуховка (Среднее Поднепровье), могильник (?); *3*, *10*, *12* — Корчеватое (Среднее Поднепровье), разрушенное погр., погр. 31, разрушенное погр.; *7*, *8* — Велемичи II (Полесье), погр. 91, 93; *9*, *11* — Велемичи I, погр. 31, 115; *13* — Зарубинцы (Среднее Поднепровье), могильник; *14* — Пирогов (Среднее Поднепровье), погр. 54; *15—17*, *20* — Поянешти (Румыния), погр. 3, 45, 105, 47; *18*, *19*, *24*, *26* — Швиссел (Голштиния), погр. 2204, 434, 1332, 310; *21*, *27*, *28* — Хорнбек (Голштиния), погр. 844, III, 711; *22*, *23* — Любошице (Нижняя Лужица), погр. 67, 172; *25*, *30*, *32* — Бёрнике (Бранденбургия), погр. A 150, B h 265, B h 250; *29*, *33* — Грефенхайнихен (Бранденбургия), погр. 70, 9; *31* — Садзажевице (Нижняя Лужица), погр. 63. Масштаб: А — *1*, *2*, *5*, *7*, *12*, *13*; Б — *10*, *25*, *30*, *32*; В — *4*; Г — *6*, *8*, *9*, *11*, *19*, *21—24*, *26—28*; Д — *15—17*, *20*, *29*, *33*; Е — *14*, *31*

Приведенные параллели общеизвестны, в их исчерпывающем перечислении нет необходимости. Обратим лишь внимание на некоторые конкретные примеры элементов их сходства (рис. 6, *1*, *2*, *4*, *6*, *15*, *16*; 7, *1*, *4*, *5*, *11*, *13*, *15—17*, *20*; 8, *1—14*). В некоторых погребениях могильника Поянешти находились фибулы с шариками, аналогичные экземпляру из погр. 108 могильника Велемичи I. Из полесских погребений происходят горшки поморского типа, ближайшие аналогии которым по форме и орнаменту гребенчатым штампом есть тоже в Поянештском могильнике [16]. Горшок с иксовидной ручкой из погр. 108, редкий для за-

[16] *Кухаренко Ю. В.* Памятники железного века на территории Полесья.— САИ, вып. Д 1—29. М., 1961, табл. 22, 20, 24, 26; *Vulpe R.* Săpăturile dela Poineşti din 1949.—

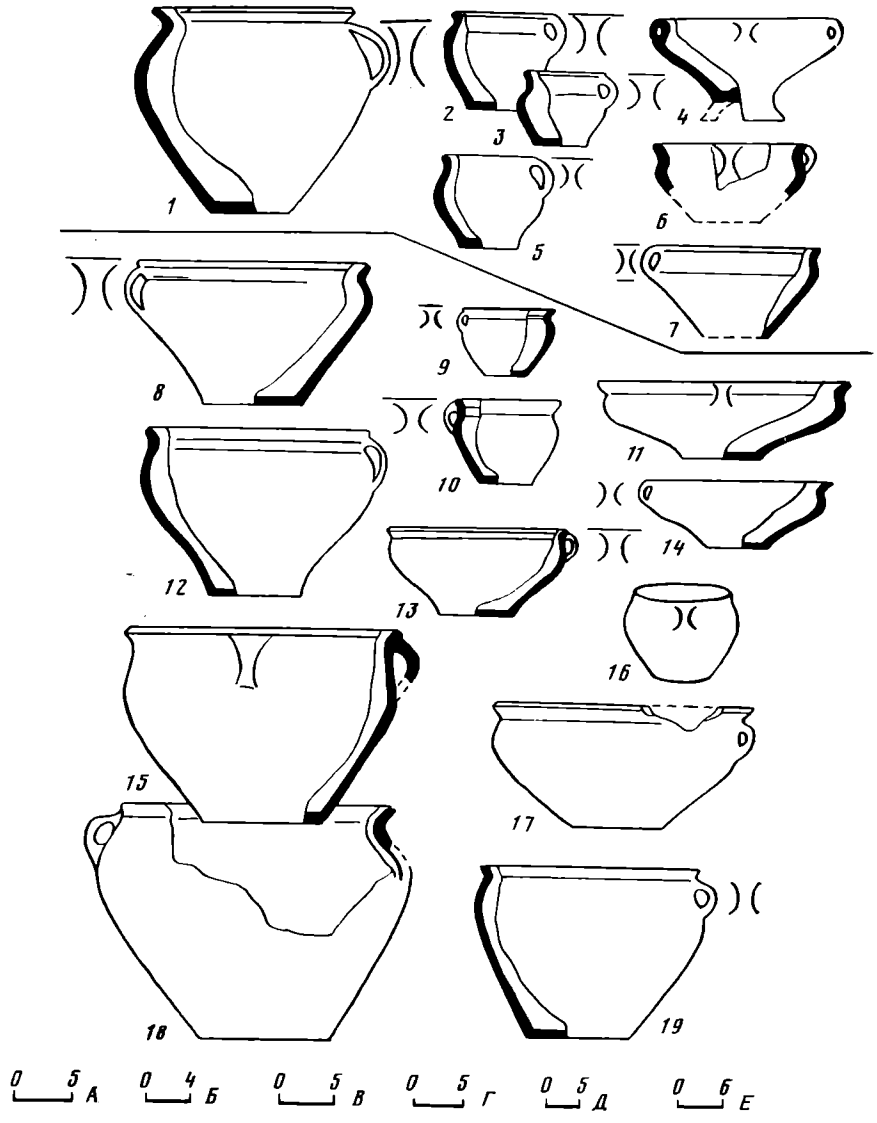


Рис. 8. Керамика из памятников культур: зарубинецкой (*1—7*), типа Поянешти-Лукашевка (*8—14*); губинской группы (*15—17*) и ясторфской (*18, 19*). *1* — Велемичи I (Полесье), погр. 108; *2, 3, 7* — Велемичи II, погр. 104, 106, 41; *4, 5* — Отвержичи (Полесье), вне погр., погр. 14; *6* — Рубель (Полесье); поселение; *8—14* — Поянешти (Румыния), погр. 118, 112, 256, 282, 163, 276; *15, 17* — Любошице (Нижняя Лужица), погр. 185, 118; *16* — Любошице, поселение; *18* — Швиссел (Бранденбургия), погр. 2094; *19* — Грефенхайнихен (Бранденбургия), погр. 82. Масштаб: А — *5*; Б — *18*; В — *1, 4*; Г — *2, 3, 7, 15, 17*; Д — *6, 16*; Е — *8—14, 19*

рубинецкой керамики, близок сосудам из Поянешти и ясторфского круга памятников [17]. Иксовидные ручки на зарубинецких кружках и мисках могут быть выведены только из поянештской и близких ей культур. Миска с округлыми боками и подграненным венчиком из погр. 64 в Отвержичах, уникальная для полесской керамики, находит аналогии в Поянештском и Лукашевском могильниках, на поселении Ульма [18]. По-

In: Materiale archeologice privind istoria veche a. R. P. R. Bucureşti, 1953, fig. 102, 105, *1, 2*; 176, 178, *2*; 339, *3*.

[17] *Кухаренко Ю. В.* Памятники..., табл. 22, *15; Vulpe R.* Săpăturile..., fig. 160, 242, 243, 293; *Domański G.* Studia z dziejów środkowego Nadodrza w III—I wieku p. n. e. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1975. tab. IX, g; XIII, i; XIX c.

[18] *Каспарова К. В.* Могильник и поселение у дер. Отвержичи.— МИА, № 160, 1969, рис. 13, *9*; *Vulpe R.* Săpăturile..., fig. 112, 164; *Федоров Г. Б.* Лукашевский мо-

ясной «язычковый» крючок с концами, загнутыми в одну сторону, из погр. 125 Чаплина аналогичен поясным крючкам из Поянешти и Лукашевского могильника [19]. Трапециевидный поясной крючок из Отвержичей только рельефным орнаментом отличается от лукашевского из погр. 10, гладкую поверхность которого украшают бронзовые заклепки, и от находки из погр. 261 Поянешти, которую тоже следует считать поясным крючком [20]. Как результат зарубинецко-поянештских контактов обычно приводят фибулу зарубинецкого типа из поселения Лукашевка II, которая происходит из слоя, датированного II в. до н. э.[21], что раньше не вязалось с хронологией этих фибул по А. К. Амброзу; сейчас эта дата представляется вполне обоснованной. Кстати, фибула могла попасть в Лукашевку и из балканских земель, относясь в таком случае к типу «копьевидных», что не меняет картины.

Совершенно очевидно, что характер сходства элементов зарубинецкой и поянештско-лукашевской культур выходит за пределы простых контактов и заключается в близости основы этих родственных культур. Д. А. Мачинский даже называет памятники Поянешти-Лукашевка прутско-днестровским вариантом зарубинецкой культуры [22].

О происхождении и этносе культуры Поянешти-Лукашевка данных значительно больше, чем о зарубинецкой. Этой проблемой занимались многие исследователи, мнения которых совпадают в главном: эта культура появилась в чуждой ей гето-дакийской среде в результате переселения каких-то северо-западных групп населения. Некоторые ученые связывают ее носителей с «бастарнами-пришельцами», о появлении которых на нижнем Дунае сообщают античные авторы [23]. Другие исследователи остаются сторонниками местной, гетской основы культуры Поянешти-Лукашевка [24]. Сравнительный анализ материалов убеждает нас, что почти все элементы культуры Поянешти-Лукашевка, кроме местных гето-дакийских включений в керамическом комплексе поселений и отдельных черт в домостроительстве, могут быть выведены из различных культур ясторфского круга и пшеворской культуры (рис. 7). Кроме того, более

гильник.— КСИИМК, № 68, 1957, рис. 17, *15*; *Романовская М. А.* Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка.— МИА, № 150, 1969, рис. 5, *2*.

[19] *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура, табл. 17, *25*; *Федоров Г. Б.* Ук. соч., с. 52, 57, погр. 1, 13; *Vulpe R.* Săpăturile..., fig. 210, *3*; 339, *6*.

[20] *Федоров Г. Б.* Ук. соч., рис. 18, *17*, *18*; *Каспарова К. В.* Могильник..., рис. 17, *7*; Săpăturile..., fig. 282, p. 391, 392.

[21] *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья.— МИА, № 89, 1960, с. 43, рис. 5.

[22] *Мачинский Д. А.* К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешти-Лукашевка.— В кн.: Археология Старого и Нового Света. М., 1966, с. 91—96.

[23] *Vulpe R.* La problème des Bastarnes à la lumière des dècouverts archèologiques en Moldavie.— In: Nouvelles études d'historiques présentées an X-me congres des sciences historiques a Roma 1955. Bucureşti, 1955, p. 103—119; *Hachmann R.* Jastrof-Funde ausserhalb der Jastorf-Kultur.— In: Die Kunde, Neue Folge, Bd 8. Hannover, 1957, S. 77—92; *idem.* Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit.— BRGK, Bd 41, 1961, S. 117—124; *Babeş M.* Germanische latènzeitliche Einwanderungen in Raum östlich der Karpaten (zum heutigen Stand der Forschung über die Poineşti-Lukaşevka-Kulturgruppe).— In: Actes du VIIIe congres international des scienses prehistoriques et protohistoriques. Beograd, 1971, S. 207—213; *idem.* Moldova centrală şi de nord in secolele II—I i. e. n. (cultura Poineşti-Lukaşevka). Resumatul tezei de doctorat. Bucureşti, 1978, p. 1—24; *Tackenberg K.* Zu den Funden von Lukaschewka im Bezirk Kischinew Moldau-Republik.— In: Alt-Thüringen, Bd VI. Weimar, 1963, S. 403—427; *Woźniak Z.* Wschodnie pogranicze kultury lateńskiej. Wrocław, 1974, s. 139—165; *Godłowski K.* Op. cit., s. 192—202; *Федоров Г. Б.* Население..., с. 10—15, 53—56, 239—248; *Федоров Г. Б., Полевой Л. П.* Археология Румынии. М., 1973, с. 134—136; *Мачинский Д. А.* К вопросу о датировке..., с. 82—96; *Кухаренко Ю. В.* О так называемых зарубинецких памятниках в Подолии.— В кн.: Проблемы советской археологии. М., 1978, с. 142—146.

[24] *Романовская М. А.* Ук. соч., с. 81—95.

надежное подтверждение получили теперь предположения о связи поянештских памятников с группой древностей, выделенной К. Такенбергом на среднем Одере, в Нижней Лужице и Нижней Силезии. Эта группа, «лужицкая» по Ю. Костшевскому и Р. Хахманну [25], в исследованиях Г. Доманьского названа «губинской» по одному из первых местонахождений в Губине (рис. 5). Наиболее репрезентативными памятниками являются могильники в Любошицах и Доманевицах, в ранней фазе которых прослеживается непосредственная связь с поморской культурой. Со второй фазы появляются черты, особенно характерные для ясторфской культуры в широком смысле этого понятия, а затем — пшеворские элементы, и в начале I в. до н. э. губинская группа как самостоятельное явление свое существование прекращает [26].

В памятниках типа Поянешти-Лукашевка представлен почти весь основной комплекс вещей второй фазы губинских могильников, начало которой надежно датировано концом III в. до н. э. Для погребального обряда обеих культур характерны урны, закрытые мисками или каменной плиткой, реже остатки кремации в ямке под миской, а также отсутствие «приставок» и оружия [27]. Среди лощеной керамики одинаковые широкогорлые горшки с иксовидными ручками и граненым краем венчика; миски с округлым бочком и одной ручкой; округло-биконические урны с почти прямой шейкой; горшки поморских форм с конической горловиной; трехчастные сосуды ясторфского типа. В обеих культурах встречаются «поморский» орнамент расчесами и рельефные ясторфские «подковки» (рис. 7, *15—33*; 8, *8—19*). На поселениях Поянешти-Лукашевка наряду с керамикой гетского характера (в процентном отношении даже превалирующей) много хроповато-лощеной керамики ясторфского северо-западного облика. Металлический инвентарь могильников типа Поянешти-Лукашевка, кроме форм, обычных для латенизированных культур, представлен фибулами с шариками, поясными крючками, характерными более всего для культур ясторфского круга [28] (рис. 6, *4—7, 9—12, 15, 17*). Некоторые вещи свидетельствуют о широких связях Молдавии с северо-западной Европой — культовые подставки «Feuerböcke», фибула «поморского типа». С поянештской культурой связывают находки в ее ареале шейных гривен «Kronenhalsring», распространение которых с низовьев Вислы в Молдавию и Поднестровье объясняется продвижением носителей культуры Поянешти-Лукашевка, а их проникновение на Черниговщину свидетельствует, вероятно, и о контактах с северо-восточными областями [29].

Пути формирования культуры Поянешти-Лукашевка достаточно очевидны: она возникла в процессе миграций в гето-дакийскую среду различных ясторфских групп (в основном из междуречья Одера и Эльбы) и в результате их взаимодействия с различными этнокультурными группами, вовлеченными по пути в эти передвижения. При этом не последнюю роль играло население Лужицы и Силезии — ясторфско-поморско-

---

[25] *Kostrzewski J.* Die ostgermanische Kultur der spätlatènezeit.— In: Mannus-Bibliothek, № 18. Leipzig — Würzburg, 1919, S. 233—238; *Tackenberg K.* Die Wandalen in Niederschlesien. Berlin, 1925, S. 2—18, 73, 74; *idem.* Urnergräber der Spätlatenezeit aus Niederschlesien.— Altschlesien, Bd. 2, № 3, 1927/29, S. 241—250; *Hachmann R.* Jastrof-Funde..., S. 77—92; *idem.* Die Chronologie..., S. 71; *Мачинский Д. А.* К вопросу о датировке..., с. 91—93.

[26] *Domański G.* Op. cit., s. 7—210; *Kołodziejski A.* Badania cmentarzyska w Domaniowicach pow. Głogów w latach 1964—1971.— Spr. Arch., t. 25, 1973, s. 113—136; *Godłowski K.* Op. cit., s. 155—160, 165.

[27] *Vulpe R.* Săpăturile..., p. 310, f; *Федоров Г. Б.* Лукашевский могильник, с. 51—58; *Domański G.* Op. cit., s. 72—85.

[28] *Vulpe R.* Săpăturile..., p. 213—506; *Федоров Г. Б.* Лукашевский могильник, с. 51—62; рис. 17—19; ср.: *Domański G.* Op. cit., s. 86—104; tab. V—XIV; XVII; XIX, XXII, XXIV—XXVII, XXIX; *Kołodziejski A.* Op. cit., rys. 5—7.

[29] *Babeş M.* Germanische latenzeitliche..., s. 207—213; *Кухаренко Ю. В.* Погребение у с. Пересыпки.— МИА, № 176, 1970, с. 35, рис. 3.

пшеворская (губинская) группа. Нижнюю дату культуры Поянешти-Лукашевка наиболее обоснованно фиксируют фибулы с шариками, поясные крючки и керамика ясторфско-поморского характера из могильников. Предполагается, что на возникновение культуры еще раньше могут указывать находки на поселениях вместе с лощеной керамикой амфорных ручек с клеймами, которые теперь датируются 210—175 и 175—146 гг. до н. э. (прежде — 220—180 гг.). Однако в могильниках античный импорт не представлен, и существование в культуре фазы более ранней, чем дают могильники, признается гипотетичным. М. Бабеш сейчас предлагает принимать для нижней границы культуры Поянешти-Лукашевка с полностью сформировавшимся обликом наиболее поздние даты амфорных штемпелей, соответствующие ранним датам материалов из могильников,— примерно 150 г. до н. э., подчеркивая, что образование культуры началось еще в первой половине II в. до н. э [30].

Таким образом, здесь хронологическая проблема сходна с зарубинецкой, но ее решение облегчается более надежными датирующими находками и хорошими связями раннего комплекса могильников типа Поянешти-Лукашевка с ясторфской культурой и особенно с губинской группой. Последняя же переходной фазой смыкается с поморской культурой, и ее ранняя датировка концом III — началом II вв. до н. э. бесспорна. Такой несомненной непрерывности с предшествующей культурой пока нет ни у зарубинецкой, ни у поянештской. Естественно, что весь комплекс вопросов, связанных с ранней датой и происхождением последней, приобретает для нас существенное значение.

В зарубинецкой культуре есть отдельные северо-западные элементы, проникновение которых могло идти помимо поянештской, ибо там они редки или отсутствуют. Среди керамики среднеднепровских могильников известно несколько горшков с двумя — четырьмя ручками-ушками и сосудов «трехчастной» формы типично ясторфского круга (рис. 7, *3*, *12—14*, *16*, *18*, *19*, *26—28*) [31]. В ясторфских памятниках встречаются округлобокие горшки с почти прямой шейкой, близкие найденным в полесских могильниках (рис. 7, *4*, *5*, *20*, *22*) [32], миски с загнутым внутрь краем венчика, лощеные, иногда хроповатые, небольшим количеством представленные во всех зарубинецких группах. Они находят аналогии в памятниках ясторфского круга, в том числе в губинской группе, а также в поморско-подклешевой культуре (рис. 7, *1—3*, *6—8*, *11*, *12*, *14—16*, *19*, *20*, *23*, *24*). Кроме того, подобная форма широко распространена сре-

---

[30] *Tudor D.* Răspinirea amforelor grecişi ştampilate in Moldova, Muntenia şi Oltenia.— AM, V, 1967, p. 38, 39; *Babeş M.* Germanische latenzeitliche..., S. 207—213; *Babeş M.* Moldova centrală..., p. 8, 11, 14, 16. Кстати, имеются данные, не слишком убедительные, но заставляющие обратить на них внимание в связи с более ранней датировкой,— это находки на двух среднеднестровских памятниках фибул духцовского типа фазы LTB_2 (III в. до н. э.). Одна, с гладкой спинкой и небольшими утолщениями на конце ножки, происходит из жилища № 12 городища Рудь, найдена на полу вместе с фрагментами сосудов лукашевского типа (по сообщению М. А. Романовской). Вторая фибула с «гусеничной» спинкой обнаружена на площади могильника у с. Долиняны, вне погребений. (*Смирнова Г. И.* Отчет о работе Западноукраинской экспедиции в 1977 г.— Архив ИА АН УССР, с. 22, табл. 2, 30; ГЭ, колл. 2673/18.) Если в Руди есть гетский слой IV—III вв., то здесь близлежащее поселение датируется не позднее V в. до н. э. и к нему фибула относиться не может.

[31] *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура, табл. 5, *14*, *15*, *16*; *Самойловский И. М.* Корчеватовский могильник.— МИА, № 70, 1959, табл. I, *23*; сосуды из Пироговского могильника, погр. 54, 181, 200, фонды ИА АН УССР; ср.: *Rangs-Borchling A.* Das Urnengräberfeld von Hornbek in Holstein.— In: Offa-Bücher, Bd 18. Neumünster, 1963, Taf. 74, *711*, *b*; 90, *111*, *a*; *Behrends R.-H.* Schwissel. Ein Urnengräberfeld der vorrömischen Eisenzeit aus Holstein.— In: Offa-Bücher, Bd 22. Neumünster, 1968, Taf. 65, *386*; 59, *348*; 55, *310*: 73, *479*; *Keiling H.* Die vörromische Eisenzeit in Elde-Karthane-Gebiet. Schwerin, 1969, Taf. 22, k; 7, f; 11, s; 17, x.

[32] *Каспарова К. В.* Могильник..., рис. 6, *2*, *4*; *ее же.* Зарубинецкий..., рис. 9; ср.: *Domański G.* Op. cit., tab. X, a, XVII, h; *Behrends R.-H.* Op. cit., Taf. 112, *873*; 181, *1549*.

ди кельтской керамики, встречается на нижнеднепровских городищах и в Крыму в слоях рубежа нашей эры [33]. Это не позволяет настаивать на их северо-западном происхождении, но также нельзя рассматривать появление у зарубинцев этой формы лишь как наследие «скифского» субстрата и как признак именно ранней фазы зарубинецкой культуры.

Наконец, для зарубинецкой, и еще более для ясторфской культуры, характерна орнаментация сосудов рельефными «подковками» (рис. 7, *3*, *6—10*, *17*, *23*, *25*, *29—33*).

В последней этот орнамент появляется еще на ступени Ясторф-А и существует на всем ее протяжении, а также распространяется во всех ее группах [34]. Присутствие подковообразных налепов на зарубинецких горшках обычно расценивается как результат связей с гето-дакийским миром. Однако при внимательном сравнении форм и выделки «подковок» зарубинецких и ясторфских, с одной стороны, и гето-дакийских — с другой, заметно, что первые значительно ближе между собой: как правило, они не очень большие, выпуклые и четко оформленные. В большинстве своем на ясторфских сосудах «подковки» опущены концами вниз, как и на всех пока известных среднеднепровских, но встречаются и повернутые вверх, как на некоторых полесских горшках. Гетские налепы грубее и крупнее, часто расчленены ямками, иногда имеют вид высокой или растянутой дуги, с загнутыми концами и шишечкой между ними, или форму уголков. Этот же орнамент характерен для кухонной посуды нижнеднепровских городищ и античных памятников Северного Причерноморья [35]. Налепы гетского типа на зарубинецких сосудах единичны и известны только в Среднем Поднепровье. Полагаем, что «подковки» на зарубинецкой керамике появились в результате контактов с культурами ясторфского круга, что не исключает проникновения и гето-дакийских влияний.

Вероятно, с северо-запада попал в Полесье поясной крючок, шайбовидный с длинным язычком, аналогии которому нам известны в ранних ясторфских памятниках или в зонах, контактных с ними (рис. 6, *3*, *8*) [36].

Для понимания процесса формирования зарубинецкой культуры важна ситуация, сложившаяся в период, предшествующий ее образованию в Северном Причерноморье и смежных областях, а именно распространение своеобразного горизонта латенских вещей, широкие хронологические рам-

---

[33] *Кухаренко Ю. В.* Памятники..., табл. 31, *22*; *его же.* Зарубинецкая..., табл. 6, *9—12*; *Самойловский И. М.* Ук. соч., табл. IV, *91*; ср.: *Domański G.* Op. cit., tab. VIII, g; XII, b; X, d; XIV, m; *Kołodziejski A.* Op. cit., ryc. 5, e, ł, p. r; *Behrends R.-H.* Op. cit., Taf. 67, *412*; 69, *434*; 111, *867*; *Nosek S.* Kultura grobów skrzynkowych i podkloshowych w Polsce poludoniowo-zachodniej, Kraków, 1946, tab. V, *6*, *9*; XII, *2*, *8*; XXI, *4*, *6*, *10*; *Filip J.* Op. cit., s. 211, 212, tab. CIII, *7*, *8*; CXII, *23*; CXIII, *8*; *Дашевская О. Д.* Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма.— МИА, № 64, 1958, рис. 4, *37*; 7, *17*; *Вязьмитина М. И.* Фракийский элемент в культуре населения Нижнего Днепра.— МИА, № 150, 1969, рис. 1, *1*, *2*, *3*, *6*.

[34] *Кухаренко Ю. В.* Памятники..., табл. 15, *9*; 16, *25*; *Самойловский И. М.* Ук. соч., табл. I, *23*; V, *94*, *96*, *102*, *103*; *Каспарова К. В.* Зарубинецкий..., рис. 13, *24*; 14, *1*, *9*; ср.: *Rangs-Borschling A.* Op. cit., Taf. 3, c; 15, a; 56, a; 60, a; *Behrends R.-H.* Op. cit., Taf. 65, *386*; 92, *714*; 155, *1289*; *Domański G.* Op. cit., tab. XVII, k; XXV, k; XXXI, l; *Kołodziejski A.* Op. cit., ryc. 5, 1; *Reinbacher E.* Börnike. Ein ältereisenzeitlicher Urnenfeldhof in Havelland.— In: Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte, Bd 14. Berlin, 1963, Taf. 32, *63 a*; 34, *229 a*; *Gustavs G. und S.* Das Urnengräberfeld der Spätlatènezeit von Gräfenhainichen, Kr. Gräfenhainichen.— JfMV, Bd 59, 1976, Abb. 5, *9*; 6, *18*; 10, *31*; 18, *70*; 19, *75*.

[35] *Vulpe R. et. E.* Les fouillssde Poiana.— Dacia, III—IV, 1949, fig. 30, *8*; 31, *3*; 36, *6*; 48, *2*, *6*; *Horedt K.* Aşezarea de la sf. Gheorghe-Bedeháza.— MCA, v. II, 1956, fig. 12, *12*; 13, *5*; p. 20; *Вязьмитина М. И.* Ук. соч., рис. 1, 3, 4.

[36] *Petersen E.* Neue Ergebnisse über die frühgermanische Kultur in Schlesien.— Altschlesieh, Bd 2, № 3, Breslau, 1929, Abb. 3, *1*; *Kostrzewski J.* Przyczynki do posnania kultury grobów skrżynkowych.— PA, II, 1923, s. 52; *La Baume W.* Urgeschichte der Ostgermanen. Danzig, 1934, S. 60, 66, Abb. 28, z; 31, s.

ки которого охватывают время Латена B_2 и C_1 [37]. Сюда проникают не только кельтские импорты, естественное явление при развитых торговых отношениях, но известны и отдельные кельтские памятники: поселение у с. Бовшев около древнего Галича; погребение у с. Залесье в устье Припяти [38] (рис. 5), оба памятника датируются Латеном C_1. В конце этого периода в Закарпатье складывается кельтизированная куштановицкая культура [39] (рис. 5).

Ю. В. Кухаренко, Д. А. Мачинским, З. Возняком и другими исследователями собраны и проанализированы достаточно основательные данные, позволяющие предполагать проникновение небольших кельтских или кельто-иллирийских групп в области Верхнего Поднестровья и Среднего Поднепровья. Об этом же говорят иллиро-кельтские топонимы и гидронимы в тех же районах, откуда происходят кельтские вещи и памятники. Эти же районы являются ареалом зарубинецкой культуры. Причем нижняя хронологическая граница зарубинецкой культуры — конец фазы C_1 — близка датировкам по крайней мере какой-то части этого латенского пласта, т. е. он существовал непосредственно накануне возникновения зарубинецкой общности, а не только в течение периода в 150 лет между скифскими лесостепными и зарубинецкими памятниками, как предполагал Д. А. Мачинский [40].

Воздействие латенского горизонта на оформление характера зарубинецкой культуры нельзя не учитывать. Не случайно З. Возняк называет поселение Бовшев «этапным пунктом» на пути кельтского графитованного сосуда в Велемичи, фрагмент которого найден в погр. 115 [41]. Собственно кельтские предметы на ранней фазе зарубинецкой культуры редки — кроме упомянутого обломка сосуда, к ним следует отнести фрагмент (крючок или звено) типичной кельтской цепи из женского погр. 45 Велемичей II (рис. 6, *13*, *14*). Интерес представляют железные псалии дуговидной формы с двудырчатым восьмеркообразным расширением из этого же могильника [42]. Аналогичные им, как известно, бытуют в скифское время, однако встречаются и в памятниках, синхронных зарубинецким (в фазах LTC_2—LTD_1), в том числе в кельтских оппидумах Манхинге и Страдоницах, кельтских погребениях Семиградья, в Шампани, в латенских поселениях Румынии, Болгарии, Закарпатья, а также на поселении культуры Поянешти-Лукашевка у с. Круглик [43] (рис. 9). Эта находка свидетельствует скорее не о контактах с собственно кельтской культурой, ибо такие псалии для нее не характерны, а опять-таки о связях с латенизированными балканскими землями, где псалии этого типа считаются местной фракийской формой [44].

Подражания кельтским образцам, пропитывающие зарубинецкую культуру, общеизвестны — это фибулы латенских типов, ряд форм ло-

---

[37] *Кухаренко Ю. В.* Распространение латенских вещей в Восточной Европе.— СА, 1959, № 1, с. 31—51; *Woźniak Z.* Wschodnie pogranicze..., s. 139—165.

[38] *Мачинский Д. А.* Кельты на землях к востоку от Карпат.— АСб. ГЭ, № 15, 1973, с. 52—58.

[39] *Бідзіля В. І.* Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери. Київ, 1971, с. 107—120, 150—179. Современная схема хронологии латена позволяет отнести эти памятники к более раннему времени, чем предполагает В. И. Бидзиля.

[40] *Мачинский Д. А.* О культуре Среднего Поднепровья на рубеже скифского и сарматского периодов.— КСИА АН СССР, № 133, 1973, с. 8.

[41] *Woźniak Z.* Wschodnie pogranicze..., s. 149; *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура, с. 29.

[42] *Каспарова К. В.* Зарубинецкий..., с. 93, 98, рис. 20, *2*; 23.

[43] *Krämer W.* Latenezeitliche Trensenanhänder in Omegaform.— Germania, № 42, Berlin, 1964, S. 256, Abb. 5, *1*, *2*; *Píč J. L.* Čechy na úsvite dejin, t. 2. Praha, 1903, tab. XXX, *131*; *Венедиков И.* Тракийската юзда.— ИАИ, т. XXI, 1957, с. 163, рис. 14; *Woźniak Z.* Wschodnia..., s. 54, 112, rys. 4, *7*; *Бідзіля В. І.* Ук. соч., рис. 18, *12*; *Винокур І. С.* Історія та культура черняхівських племен. Київ, 1972, рис. 4, *6*.

[44] *Woźniak Z.* Op. cit., s. 54, 112.

щеной посуды, некоторые приемы в ее орнаментации. Говоря о связях зарубинецкой культуры с латенским миром, следует еще раз подчеркнуть основное их направление — юго-западное, контакты с кельто-иллирийскими областями. Они прослеживаются на примере происхождения фибул «зарубинецкого типа» от балканских «копьевидных», что нам представляется весьма существенным в проблеме изучения возникновения

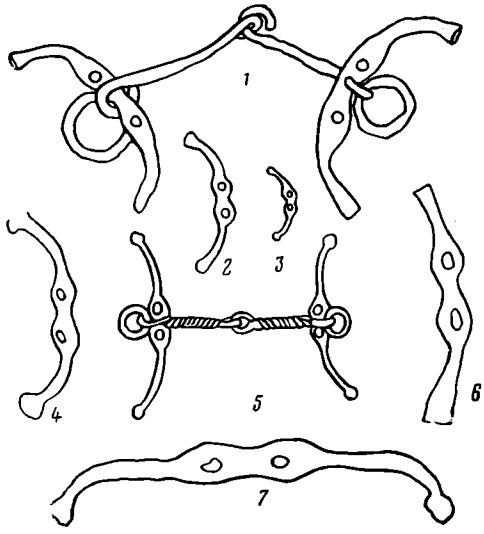


Рис. 9. Псалии из латенских памятников (*2—6*), зарубинецкой культуры (*1*) и культуры типа Поянешти-Лукашевка (*7*). *1* — Велемичи II (Полесье), погребение черепа лошади; *2* — Манхинг (Бавария), оппидум; *3* — Галиш-Ловачка (Закарпатье), поселение; *4* — Страдонице (Чехия), оппидум; *5* — Добрословени (Румыния), погребение; *6* — Сопот (Румыния), отдельная находка; *7* — Круглик (Буковина), поселение

культуры. В этих же областях лежит древнейший ареал фибул расчлененных «восьмерками» (рис. 5). Этот орнаментальный мотив широко применялся у иллирийцев-яподов еще в гальштатское время, а позднее получил более широкое распространение. Фибула орнавасско-зарубинецкого гибридного типа из Полесья также связана с этими землями [45]. Там же бытовали трапециевидные подвески на цепочках, которые имеют широкий ареал и большой хронологический диапазон [46].

Юго-западными контактами объясняется появление в могильнике Отвержичи иллирийского поясного крючка «типа Ламинци», ближайшие и многочисленные аналогии которому происходят из могильников, оставленных кельто-иллирийскими племенами скордисков [47] (рис. 6, *16*, *18—20*). Аналогичные им найдены и на дакийских землях, находившихся под сильным влиянием кельтов,— в Семиградье, Олтении.

Отметим также сходство орнаментального мотива — рельефных полукругов с шариками на концах — на бронзовых изделиях зарубинецких и кельто-иллирийских. Он присутствует на упомянутых поясных крючках и повторяется на фибулах зарубинецкого типа, на подвесках из полесской группы. Причем за пределами Полесья на изделиях собственно зарубинецкой культуры «подковообразный» орнамент нам не известен. Поясные

---

[45] *Каспарова К. В.* О фибулах..., с. 68—78; *ее же*. Некоторые типы..., с. 79—89.

[46] *Drechsler-Bižić R.* Resultati istrazivanja japodske nekropole u Kompolju 1955—1956 godine.— VAMZ, ser. III, sv. 2, 1961, s. 84—86, 93—96, tab. II, *10*; III, *12*; XIII, *1*, *2*; *Marić Z.* Japodske nekropole u doline Une.— GZM, t. XXIII, 1968, tab. III, *14*; IV, *2*, *5*, *15*; V, *4*; *Stare V.* Prazgodovina Šmarjete. Ljubljana, 1973, tab. 33, *4—7*, *10—12*; особенно важны аналогичные им в поморской культуре, см.: *Каспарова К. В.* Зарубинецкий..., с. 93—95.

[47] *Truhelka Ć.* Resultati prehisoričkog istraživahja u Bosni-Hercogovini.— GZM, XIII, 1961, tab. I—II; *Todorović J.* Praistorijska Karaburma, t. I. Beograd, 1972, tab. V, *5*; XV, *5*; XXXII, *4*; *Каспарова К. В.* Могильник..., рис. 17, *7*.

крючки трапециевидной формы из ясторфских памятников тоже часто украшались подковообразным орнаментом, а на некоторых поясах «подковки», как и на зарубинецких вещах, разделялись в середине линией. Но незначительная деталь орнамента отличает голштинские от зарубинецких и иллирийских изделий [48]. С исконной древнеиллирийской территории происходят хронологически более далекие аналогии — в могильнике Гальштат находились широкие пояса из листовой бронзы с элементами того же самого подковообразного орнамента.

Итак, этнокультурные контакты зарубинецкого населения с юго-восточным балкано-карпатским регионом имели место в период формирования культуры. Ряд вещей находит свои прототипы в кельто-иллирийских и кельто-дакийских памятниках. Среди них особенно важны ранние типы фибул. К этому же времени относятся элементы, свидетельствующие о близости зарубинецкой культуры и памятников типа Поянешти-Лукашевка, о связях с различными группами культур ясторфского круга (в том числе с губинской), о явной поморско-подклешевой основе полесских памятников.

Рассмотренные выше археологические данные сопоставимы с письменными источниками. Так, приток латенских вещей и появление, хотя и редких, кельтских памятников в областях южного пограничья зарубинецкого ареала и внутри его нельзя не связать со сведениями из декрета в честь Протогена, где говорится, что «галаты и скиры составили союз и собрали большие силы», угрожая Ольвии [49]. Дата этого документа — конец III в. до н. э. (по Т. Н. Книпович) или первые десятилетия II в. до н. э. (по П. И. Карышковскому) [50] — близка периоду наибольшей интенсивности волны латенского импорта — рубежу Латена B_2 и C_1, времени поселения в Бовшеве и погребения в Залесье. Предполагают, что галаты декрета это кельты из Фракии или их группировки бритолаги, кораллы, о существовании которых в 280—213 гг. хорошо известно [51]. Убедительно и предположение, что во время союза со скирами, живущими к востоку от Карпат, туда проникали галаты, чье присутствие фиксируется археологическими и лингвистическими данными [52].

К этому же периоду относятся известия о «пришельцах-бастарнах», живущих вместе с фракийцами — о них упоминается при описании устья Истра у Скимна Хиосского, опиравшегося на данные Деметрия Калатийского (ок. 216 г. до н. э.) и в «Перипле безыменного автора» (SC, I, 87, 88, 286, 873) [53].

Еще более важны для нас сведения из «Истории» Тита Ливия и Оросия о походах бастарнов из-за Дуная, которых македонские цари Филипп V и Персей призывали на помощь в их борьбе с иллирийцами дарданами, а затем с римлянами. В 178, 174 и 168 гг. до н. э. войска бастарнов переходили Дунай, направляясь в Македонию через Фракию и земли кельто-иллирийского племени скордисков, на которых они опирались, воюя с дарданами. Тит Ливий указывает на близость скордисков и бастарнов по языку и обычаям, а в описании похода 168 г. иногда называет последних галлами (Тит Ливий. История, XL, 5 : 10; 57 : 2; 58; XLI, 19 : 4;

---

[48] *Каспарова К. В.* Зарубинецкий..., с. 95, 96; *Hingst H.* Zur Typologie und Verbreitung der Holsteiner Gürtel.— In: Offa-Bücher, Bd 19, 1962, S. 71, Abb. 5, *3*; 7, *1*, *2*.

[49] IPE, I², № 32; *Латышев В. В.* Исследование об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 66—86; *Кухаренко Ю. В.* Распространение..., с. 42.

[50] *Книпович Т. Н.* К вопросу о датировке Ольвийского декрета в честь Протогена.— ВДИ, 1966, № 2, с. 142—149; *Каришковський П. Й.* До питання про дату Ольвійського декрету на честь Протогена.— Археологія, XXI, 1968, с. 104, 105.

[51] *Карышковский П. И.* Истрия и ее соседи на рубеже III—II вв. до н. э.— ВДИ, 1971, № 2.

[52] *Мачинский Д. А.* Кельты..., с. 52—54; *Woźniak Z.* Wschodnie pogranicze..., s. 21—30.

[53] *Мачинский Д. А.* Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н. э.— I в. н. э.— АСб. ГЭ, № 16, 1974, с. 122, 123.

23 : 12; XLIV, 11 : 2; 26 : 2; 27; Оросий. История против язычников, IV, 20, 34). Разноречивые мнения древних авторов об этнической принадлежности бастарнов (германцы, кельты, фракийцы) позволяют предполагать, что они возглавляли союз племен, имевший смешанный этнический характер [54].

Полагаем, что невозможно не связать все приведенные письменные свидетельства с возникновением в этот же период зарубинецкой культуры, насыщенной кельто-иллирийскими, а также некоторыми северо-западными элементами. Несомненно, именно тесным связям между племенами, живущими к востоку от Карпат, среди которых античным авторам известны галаты и бастарны, и кельто-иллирийскими племенами обязана зарубинецкая культура появлению фибул с треугольным окончанием ножки, чьи исходные формы — «копьевидные» бытовали на юге Балкан. Синхронность археологических и письменных данных здесь не вызывает сомнений.

Археологические свидетельства контактов зарубинецкой культуры, о которых шла речь, невозможно объяснить лишь торговыми отношениями или культурными влияниями — «латенской модой». Скорее всего имели место контакты непосредственные, передвижения в ареал зарубинецкой культуры и участие в ее формировании каких-то кельто-иллирийских групп (скордисков, яподов?), а также представителей ясторфско-губинской группы (вероятно, из различных бастарнских племен). С ними, возможно, появились и кельты-галаты Трансильвании [55]. Через их земли проходили бастарны, которых Тит Ливий, описывая поход 168 г., называет галлами.

Эти группы населения, продвигаясь в области будущей зарубинецкой культуры, смешивались с различным местным субстратом (с неодинаковой степенью активности на разных территориях), и оказались теми компонентами, которые создали латенизированный, юго-западный облик культуры. В Среднем Поднепровье они столкнулись с населением еще сохранившим некоторые традиции лесостепных скифских культур, а двигаясь на Полесье (возможно, эти были группы несколько иного состава), увлекли родственные губинской группе поморско-подклешевые (а возможно, и эпилужицкие) племена Волыни и Полесья; в их орбиту, вероятно, попало и менее активное подгорцевско-милоградское население.

Имеющиеся данные позволяют относить возникновение культуры к концу фазы LTC_1, а в абсолютной хронологии, вероятнее всего, это происходило в 170—150-е годы до н. э., в период, на который приходится совпадение дат амфорных клейм [56] из поселений и предельно ранней датировки фибул из могильников. Становление культуры процесс достаточно длительный, уловить и надежно аргументировать его начало в более раннее время пока не представляется возможным.

К периоду, когда процесс интеграции и образования новой культуры— зарубинецкой уже завершился (это время LTC_2) относятся сведения из «Географии» Страбона, излагавшего, вероятно, события конца

---

[54] *Woźniak Z.* Wschodnie pogranicze..., s. 22, 23; *Vulpe R.* Le probleme..., p. 109, 114—119. Об этнической принадлежности бастарнов существует обширная литература, см.: *Мади З.* Припонтийские кельты.— В кн.: Античное общество. М., 1967; *Łowmiański H.* Początki Polski, t. 1. Warszawa, 1964, s. 207—209; *Piaskowski J.* O lokalizacji Bastarnow po północnej strone Karpat wschodnich.— AAC, X, z. 1—2, 1968; *Babeş M.* Moldova centrală..., p. 19—22.

[55] Кельтские могильники Семигорья сокращаются примерно в конце фазы C_1 (*Zirra V.* Beiträge zur Kenntnis des Keltischen laténe in Rumänien.— Dacia, XV, 1971, S. 211, 212), что по времени совпадает с походом бастарнов в 168 г.; З. Возняк полагает, что семигорская латенская группа играла существенную роль в передаче кельтских элементов в области восточнее Карпат (*Woźniak Z.* Wschodnie pogranicze..., s. 149).

[56] *Бадальянц Ю. С.* Новые хронологические соответствия личных имен на Родосских амфорах.— СА, 1980, № 2, с. 162, 164.

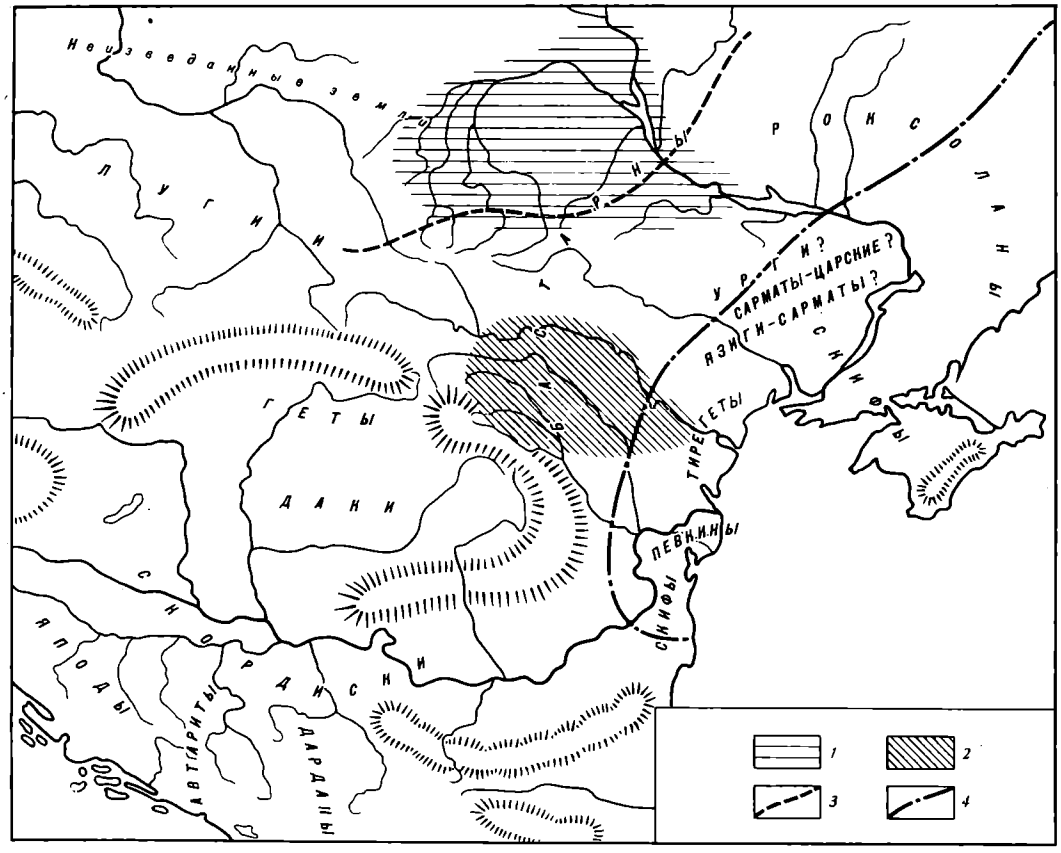


Рис. 10. Картосхема размещения племен Страбона (по Д. А. Мачинскому, М. Б. Щукину, М. Бабешу, Й. Тодоровичу). *1* — зарубинецкая культура; *2* — культура типа Поянешта-Лукашевка; *3* — граница зоны Полесья и лесостепи; *4* — граница зоны лесостепи и степи

II—I вв. до н. э.[57] В отрывке, посвященном народам между Истром и Борисфеном, Страбон пишет: «Внутри материка бастарны живут в соседстве с тирегетами и германцами, вероятно, и сами принадлежа к германскому племени и будучи разделены на несколько колен: некоторые из них называются атмонами и сидонами, те, которые заняли остров Певку на Истре,— певкинами, а самые северные, занимающие равнины между Танаисом и Борисфеном, называются роксоланами» (Страбон. География, VII, 3, 17). Как следует понимать из приведенного текста, бастарны обитали в лесостепях, севернее кочевников сарматов, между Дунаем и Днепром (рис. 10) [58], т. е. на территории, где для этого времени пока неизвестны другие археологические культуры, кроме поянештской и южного ареала зарубинецкой, о близости которых речь шла выше. Первую, как известно, многие исследователи отождествляют с бастарнами, которые вероятнее всего составляли разноэтничный союз племен, известный Страбону. Не могли ли периодически в него включаться и кочевники, в том числе упомянутые Страбоном роксоланы, а возможно, и другие степные племена? В этот же период с одними из них — сарматами, имеются контакты у южной группы зарубинецкой культуры [59]. Естественно, что имена

---

[57] *Мачинский Д. А.* Некоторые проблемы..., с. 122—128.

[58] *Мачинский Д. А.* Некоторые проблемы..., с. 130.

[59] *Кубышев А. И., Симоненко А. В.* О контактах сарматской и зарубинецкой культур в Поднепровье.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Тезисы докладов XVII конференции ИА АН УССР, Ужгород, апрель 1978 г. Ужгород, 1978, с. 70, 71; *Максимов Е. В.* Взаємовідносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я.— Археологія, № 28, 1978, с. 45—55.

всех племен «внутри материка» не доходили до Страбона и названия групп «зарубинцев» остались неизвестными, хотя предположение об их сопоставлении с племенами, перечисленными Страбоном, как полагает М. Б. Щукин, напрашивается. Так или иначе, а роль носителей поянештско-лукашевской культуры в трактовке формирования зарубинецкой преуменьшать не следует [60].

Изложенные соображения касаются вопросов образования зарубинецкой культуры в целом, и прежде всего областей Полесья и Среднего Поднепровья. Однако ход формирования каждой группы в силу существенных различий необходимо исследовать самостоятельно, хотя, надо полагать, зарубинецкая культура представляла собой единую этнокультурную общность или, во всяком случае, объединяла близко родственные культурные группы. Восстановить полностью процесс формирования зарубинецкой культуры, вероятно, сейчас еще невозможно. Это сложный узел взаимоотношений различных этнокультурных группировок, в результате которых происходила перестройка социально-экономических отношений, менялась структура местных культур и происходило образование новых общностей.

Мы не останавливаемся на этнической стороне зарубинецкой проблемы, она выходит за рамки данной статьи и требует специального исследования, ибо не может решаться без рассмотрения дальнейшей судьбы зарубинецких племен, без изучения культур постзарубинецкого времени и их сопоставления с предшествующими и с последующими.

Несмотря на то, что в этом направлении уже давно ведутся исследования, и в последнее время довольно успешные [61], предстоит дальнейшее накопление материала, получение бесспорных закрытых комплексов, чтобы возможно ближе подойти к истине.

K. V. Kasparova

THE FORMATION OF THE ZARUBINTSY CULTURE AND ITS SOUTH-WESTERN LINKS

Summary

Some debatable questions of the origin and the chronological scheme of the Zarubintsy culture are discussed. The author points to the necessity of more precise definition of the lower date for this culture which will remove the contradictions stemming from the fact that it is not agreed upon. The most reliable dating is provided by the fibulae of the mid-La Tène type. Analogies to them from the south-east of the La Tène region (Figs. 1—5) led the author to the conclusion that they appeared in the Zarubintsy culture earlier than it was believed, in the first half of the 2nd century B. C. This date is supported by recent data on the La Tène chronology (Fig. 2. See F. R. Hodson, Z. Woźniak, J. Meduna, H. Polentz, M. Čižmař, B. Benardik) and corresponds to the time of the beginning of the late pre-Roman cultures as determined by R. Hachmann and K. Godlowski. The idea of the Pomorze origin of the Zarubintsy culture forwarded by Yu. V. Kukharenko does not explain its character. The process of the formation of this culture can be followed through an analysis of its cultural links. The Zarubintsy culture reveals close similarity with the Poyaneshti-Lukashovka culture (the funeral rite, Pomorze-type pots, specific pottery from the settlements, some metal objects. Figs. 6-8). These common elements originate from the north-western cultures of the

---

[60] Это же мнение разделяет М. Бабеш (*Babeş M.* Moldova centrală..., p. 20).

[61] *Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л.* О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э.— СА, 1979, № 2, с. 51—68.

Jastorf cultural range, especially from the Gubino group of the Pomorze-Jastorf-Przeworsk type in the area between the Oder and the Lower Lausitz (Fig. 5). Some objects of the Zarubintsy culture have analogies among Celto-Illyrian artifacts. These are fibulae of the Balkan type (Figs. 3,5), trapeze pendants with chains, a belt hook of the Lamintsy type (Figs. 6, *15*, *16*, *18—20*), and ornaments common to all these objects. South-western links of the Zarubintsy culture of the Polesye area are supported by the find of a detail of a bridle of the Thracian type, a fragment of a belt chain (Figs. 6, *13*, *14*; 10), a fragment of a grafite-burnished vessel. The author forwards a supposition that the south-western and north-western population groups contributed to the formation of the Zarubintsy culture. It might have taken place in the LTC_1 period, circa 170-150 B. C. According to Titus Livius the Bastarnae undertook their marches from across the Danube through Thracia and Illyria in 179-168 B. C. in alliance with the related tribes of Celto-Illyrian origin (the Scordisci). The formation of a new culture ended by the 1st century B. C. Strabo informs us that by that time the territory between the Ister and the Boristhenes — the area of the Poyanesti and Zarubintsy cultures — was inhabited by the Bastarnae (Fig. 10).

Б. А. ТИМОЩУК, И. П. РУСАНОВА, Л. П. МИХАЙЛИНА

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЫ V—X ВВ.

Славянские археологические памятники Северной Буковины долгое время не изучались. До 1940 г. эта земля входила в состав других государств и вопросу изучения славянских древностей здесь не уделялось внимания. Существует точка зрения, согласно которой эта территория во второй половине I тысячелетия не имела стабильного заселения и славянское население здесь появляется позже XI в.[1]

Исследования славянских памятников второй половины I тысячелетия на территории Северной Буковины были начаты в 1948 г. экспедицией Черновицкого краеведческого музея[2]. Более интенсивно они изучались в 1968—1979 гг. экспедициями Черновицкого государственного университета и областного краеведческого музея[3]. В 1965—1969 гг. экспедиции Черновицкого университета и Ивано-Франковского педагогического института раскопали несколько полуземлянок славянской культуры на поселении культуры карпатских курганов у с. Глубокого[4]. Широкие раскопки славянских памятников V—IX вв. провела экспедиция Института археологии АН УССР у с. Рашков на Днестре[5]. Два славянских поселения V—VIII вв. на Пруте (Кодын I и Кодын II) раскопаны экспедицией Института археологии АН СССР[6].

В настоящее время на территории Северной Буковины известно более 200 славянских памятников (поселений, городищ и могильников) второй половины I тысячелетия н. э. (рис. 1). Больше всего их обнаружено в лесостепной части области. Здесь памятники расположены в долинах рек, часто окруженных высокими лесистыми холмами. В VIII—X вв., когда плотность населения была значительной, поселения устраивались и в тех местах, которые позже не заселялись. Благодаря этому следы жилищ на таких поселениях сохранились в лесах в виде прямоугольных западин размерами около 3×4 *м*. Это позволяет получить предварительные данные о размерах и планировке поселений еще до раскопок[7]. В степной части славянских поселений обнаружено меньше, и они совсем неизвестны в горных районах.

---

[1] *Teodor Dan Gh.* Teritoriul Est-Carpatic în veacurile V—XI e. n. Jaşi. 1978, p. 120.

[2] *Тимощук Б. А.* Славянские поселения IX—X вв. на территории Северной Буковины.— КСИИМК. 1954. № 53.

[3] *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ, 1976.

[4] *Вакуленко Л. В.* Раннеславянское поселение у с. Глубокого в Прикарпатье.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.

[5] *Баран В. Д., Некрасова А. Н.* Славянские поселения у с. Рашков на Днестре.— АО — 1977. М., 1978, с. 294, 295.

[6] *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Стратиграфия поселения Кодын II на Буковине.— АО — 1977. М., 1978. с. 381.

[7] Поселения со следами полуземляночных жилищ в виде западин исследовались Славянской экспедицией Института археологии АН СССР в селах Черновка Новоселицкого (8 поселений), Недобоевцы Хотинского и Ревно Кицманского районов.

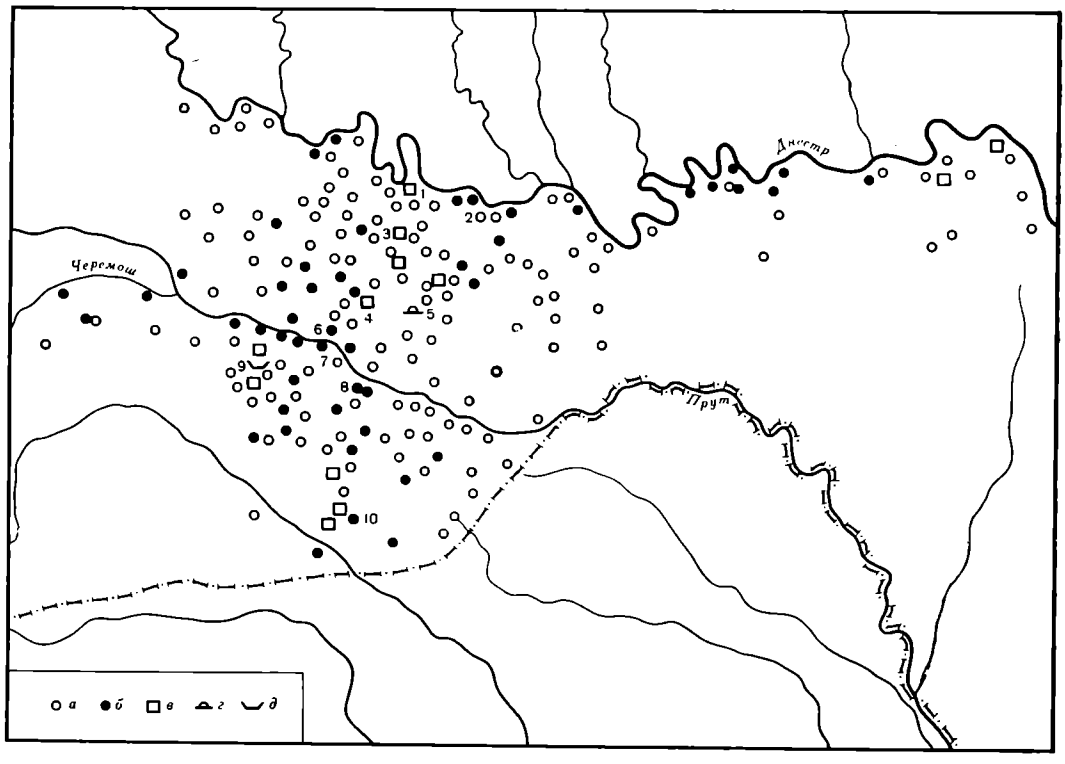


Рис. 1. Памятники второй половины I тысячелетия н. э.
а — поселения VIII—IX вв.; *б* — поселения, где есть комплексы V—VII вв.; *в* — городища VIII—X вв.; *г* — курганы; *д* — грунтовые могильники. *1* — Перебыковцы; *2* — Рашков; *3* — Добрыновцы; *4* — Горишние Шеровцы; *5* — Черновка; *6* — Рогизна; *7* — Гореча; *8* — Кодын; *9* — Ревно; *10* — Глубокое (пронумерованы пункты, упоминаемые в тексте)

Обнаруженные материалы позволяют говорить о постоянном заселении территории Северной Буковины в V—X вв. одним и тем же славянским населением. Все исследованные археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Северной Буковины принадлежат к двум хронологически последовательным славянским культурам — пражского типа (V—VII вв.) и типа Луки Райковецкой (VIII—X вв.), что подтверждается сравнительным анализом основных элементов материальной культуры: керамики, домостроительства, бытового инвентаря и др.[8] Синхронных памятников, которые можно было бы отнести к другим культурам и, следовательно, другому населению, на этой территории неизвестно.

Принадлежность буковинских памятников V—VII вв. к пражской культуре оспаривается В. В. Седовым, который относит их к памятникам пражско-пеньковского типа на том основании, что здесь в комплексах встречаются лепные округлобокие горшки[9]. С этим согласиться нельзя. Округлобокие сосуды на памятниках Северной Буковины представляют собой лишь незначительную примесь среди основной массы пражской посуды. Так, на поселениях в Кодыне они найдены в комплексах с пражской керамикой лишь в девяти сооружениях из 76 раскопанных. К этому же округлобокие сосуды Северной Буковины нельзя отождествлять с сосудами пеньковской территории, так же как и земель Чехословакии,— у них разные пропорции и другой облик. Едва ли все

[8] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976, с. 12—55; *Тимощук Б. О.* Слов'яни..., с. 8—46.

[9] *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 106, рис. 20; с. 115, рис. 21.

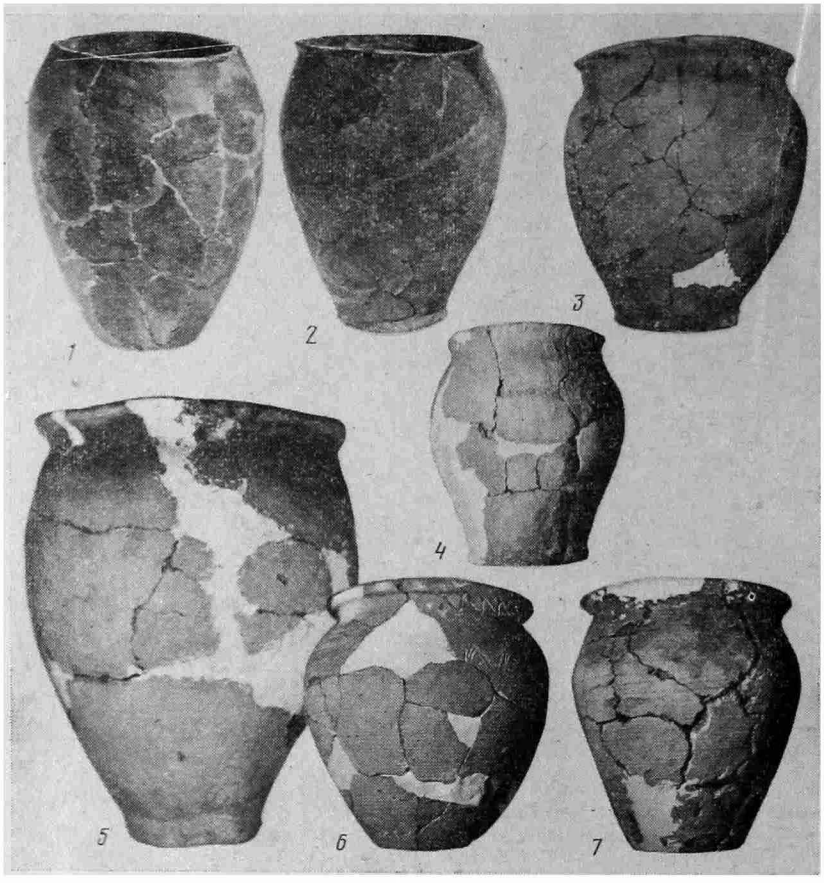


Рис. 2. Лепные (*1—5*) и гончарные (*6*, *7*) сосуды. *1*, *2* — Кодын I, жилище 26; *3—7* — Ревно, городище

округлобокие сосуды по одному типологическому признаку можно объединять в общую группу и тем более по единичным сосудам определять культурную принадлежность памятников. Среди буковинских материалов нет и других специфически пеньковских черт — биконической посуды, глиняных дисков, кочевнических элементов.

Место округлобоких горшков в керамических комплексах пражского типа Буковины приблизительно такое же, как и тюльпановидных горшков в керамических комплексах того же времени на Волыни [10] — они помогают лишь выделить локальные варианты пражской культуры, ее связи с другими культурами и местные традиции. Лепные округлобокие горшки Северной Буковины сохраняются как пережиточная форма предшествующих археологических культур — черняховской и культуры карпатских курганов. Чаще они встречаются на наиболее ранних памятниках, со временем их процентное соотношение уменьшается, и на этапе культуры Луки Райковецкой они постепенно исчезают.

Ведущей формой керамических комплексов второй половины V—VII вв. на Буковине являются пражские горшки, имеющие такую же форму и пропорции, распадающиеся на те же виды и варианты, что и во всем ареале пражской культуры (рис. 2). Локальной особенностью является лишь сохранение некоторых традиций культуры карпатских курганов — находки гончарной посуды в ранних пражских комплексах и

---

[10] *Русанова И. П.* Северные элементы на памятниках типа Корчак.— КСИА АН СССР, 1974, № 139, с. 3—7.

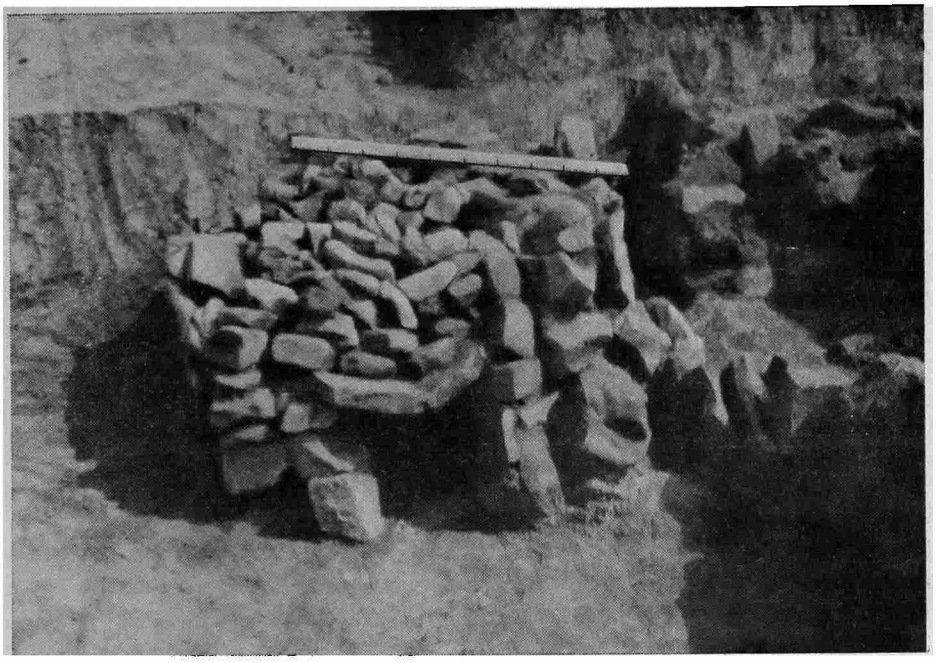


Рис. 3. Печь-каменка жилища 12 поселения Кодын II

иногда усложнение профилировки венчиков в тех же комплексах, что можно связывать с подражанием местному керамическому производству. Типичен для пражской культуры и весь остальной ассортимент находок на памятниках Буковины. Помимо горшков здесь встречаются глиняные сковороды, жаровни, конические миски, миниатюрные сосуды, железные ножи, кресала, костяные проколки, глиняные биконические пряслица и очень редко украшения— фибулы.

Характерны для пражской культуры и небольшие буковинские поселения, насчитывающие не более десятка одновременных домов и расположенные на невысоких берегах рек, часто на мысах в окружении ручьев, болот и холмов. Жилища на поселениях — неглубокие прямоугольные полуземлянки с опорными столбами, которые поддерживали кровлю и бревенчатую обшивку стен, с печью-каменкой в одном из углов (рис. 3). Жилища этого типа известны во многих районах распространения пражской культуры (Украина, Южная Польша, ГДР, Чехословакия, Румыния, Болгария). Все собранные материалы не оставляют никаких сомнений в принадлежности памятников Северной Буковины к культуре пражского типа.

Керамика и другие основные элементы культуры пражского типа получили свое дальнейшее развитие в культуре типа Луки Райковецкой. Об этом убедительно свидетельствуют материалы многих славянских памятников VIII—X вв., известных к западу от Днепра, в том числе и Северной Буковины. Так, почти все реставрированные лепные горшки (15 экз.) из славянского поселения VIII—X вв. у с. Ревно на Пруте по форме и пропорциям близки лепным горшкам пражского типа (рис. 4). Их отличает только бóльшая степень профилированности. У горшков VIII—X вв. венчик более отогнут и часто украшен ямочным орнаментом. Близки по формам к лепным и раннегончарные горшки. Ассортимент глиняной посуды обоих периодов один и тот же.

Традиции культуры пражского типа в памятниках VIII—X вв. сохраняются и в материалах домостроительства. На поселениях конца I тысячелетия также открыты жилища лишь одного типа — почти квадратные полуземлянки с печами-каменками. Хронологические отличия прослеживаются лишь в отдельных деталях. Например, в VIII—IX вв. появляют-

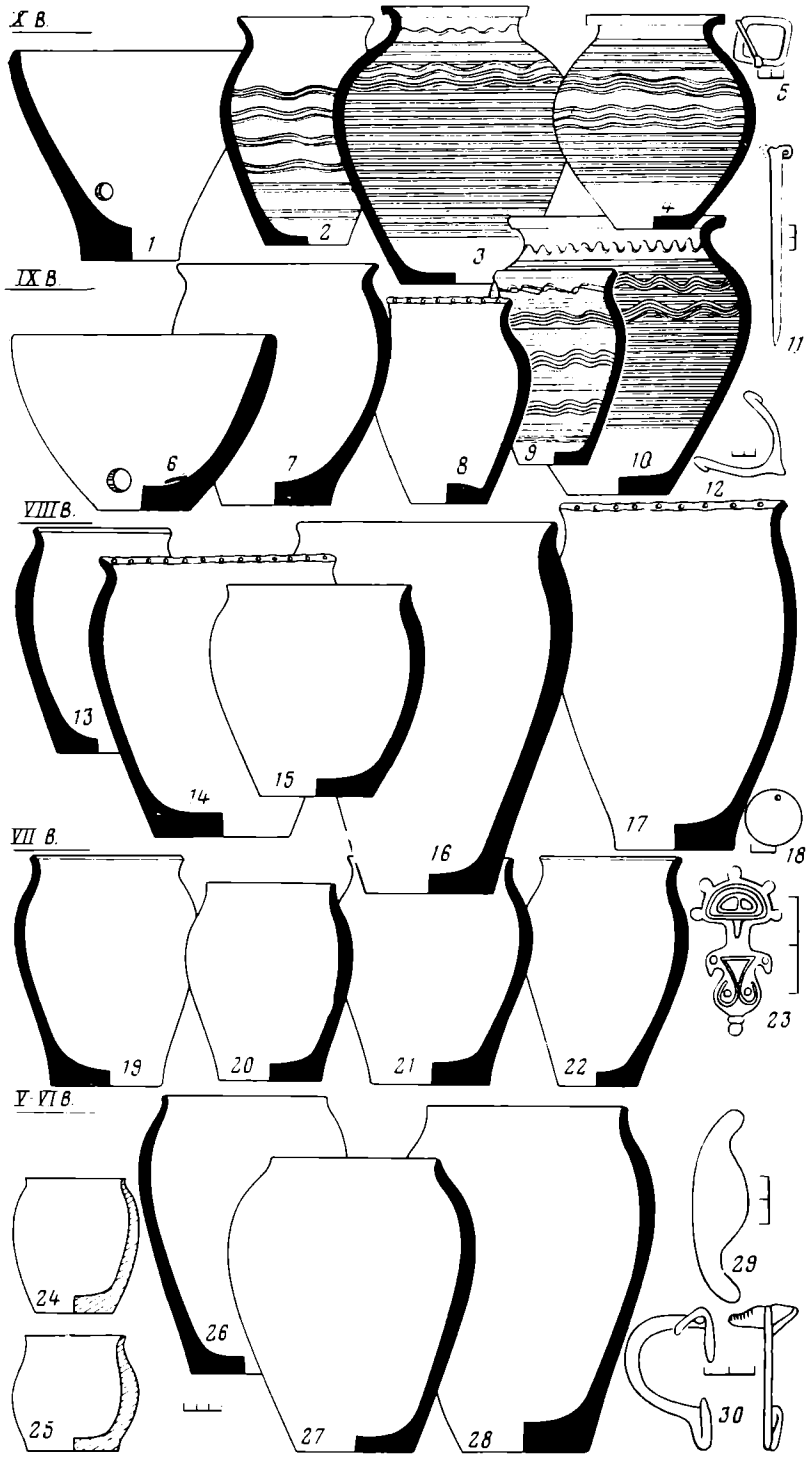


Рис. 4. Керамика и датирующие вещи с V до X в. *1* — Широкая Поляна; *2—5*, *7—12*. *17* — Ревно; *6* — Горишние Шеровцы; *13*, *16*, *19—21*, *24*, *25* — Кодын II; *15*, *26*, *27*, *29*, *30* — Кодын I; *18* — Кодын II; *23* — Черновка. Заштрихованы сосуды культуры карпатских курганов

ся углубленные жилища со стенами срубной конструкции[11]. Но и в VIII—IX вв. на поселениях основным типом жилища оставалась полуземлянка со стенами столбовой конструкции (рис. 5).

[11] Полуземляночные жилища со стенами срубной конструкции известны главным образом на территории городищ (Добрыновцы, Ревно и др.).

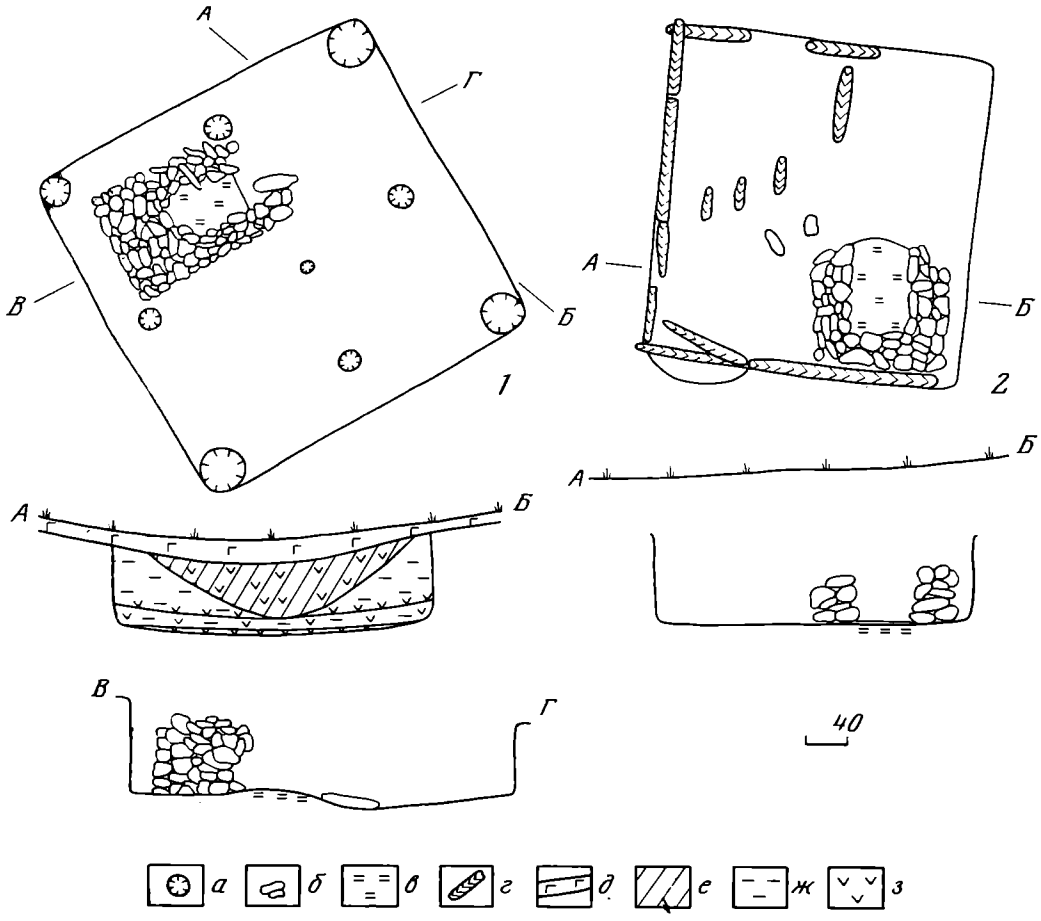


Рис. 5. Планы жилищ: *1* — Черновка II, жилище 2; *2* — Ревно, жилище *3*; *а* — столбовые ямы; *б* — камни; *в* — обожженная глина; *г* — обгорелое дерево; *д* — дерновый слой; *е* — черная земля; *ж* — глина; *з* — уголь

В VIII—X вв. появляются более крупные поселения, занимающие большую площадь и иногда насчитывающие сотни домов. На одном из поселений, находящемся в лесу около с. Черновка, было не меньше 160 сооружений, следы которых в виде западин хорошо заметны. Начата работа по изучению здесь целого гнезда славянских поселений, расположенных по берегам небольших ручьев. Самое большое из них, по-видимому, являлось центром общины. На нем обнаружены ремесленные мастерские и железоделательное производство. Вокруг этого поселения на расстоянии 1—3 *км* находилось семь небольших поселков, на которых насчитывается по 10—20 западин. Около одного из таких поселков располагался курганный могильник. Вся группа поселений окружена высокими холмами и, таким образом, изолирована от окружающей местности. Изучение такого гнезда поселений поможет выяснить размеры и структуру общественной единицы того времени.

Помимо селищ на территории Северной Буковины есть и городища VIII—X вв., пока мало известные в других областях, занятых культурой типа Луки Райковецкой. Городища обнаружены в 13 пунктах Черновицкой обл.[12] На большинстве из них проведены раскопки, позволившие раскрыть в общих чертах функциональное назначение этих укреплений и на этом основании выяснить некоторые черты общественного строя восточных славян.

[12] *Тимощук Б. О.* Слов'яни..., с. 60—93, 146—166.

Путем типологического сопоставления городищ и привлечения письменных источников представилось возможным городища VIII—X вв. на территории Северной Буковины разделить на две основные группы: 1) городища — общинные центры, возникающие в VIII в. и доживающие до X в., и 2) городища — феодальные центры, княжеские крепости, которые возникают не раньше рубежа IX—X вв. Отличия между этими группами городищ наиболее четко проявляются в конструкциях их оборонительных линий и характере застройки укрепленных площадок.

Основу оборонительных линий городищ — общинных центров составляли деревянные стены столбовой конструкции. Например, городище — общинный центр VIII—IX вв. Ревно I-А было ограждено стеной из горизонтально уложенных бревен, закрепленных в пазах вертикально стоящих столбов [13]. С внешней стороны эта стена была укреплена глиняным откосом, а с внутренней к ней примыкали длинные общественные дома. В конструкцию оборонительной стены иногда входили и срубы, как, например, на Добрыновском городище [14]. Здесь по периметру оборонительной линии в наиболее уязвимых местах стояли на определенном расстоянии один от другого срубы, нижняя часть которых была опущена в материк. Срубы соединялись стенами из горизонтально уложенных бревен, концы которых врубались в стены срубов. На остальных участках стены укреплялись при помощи столбов.

Городища — общинные центры можно отнести к двум типам. Первый тип представлен городищами, укрепленные площадки которых не были постоянно заселены (Красная Диброва, Ревно I-А), а служили убежищами для окрестного населения в случае военного нападения. Однако вдоль оборонительных стен этих городищ обнаружены следы длинных (до 80 *м*) наземных домов, которые, по-видимому, использовались для проведения в них общинных собраний и т. п.[15]

Ко второму типу относятся городища — общинные центры, укрепленные площадки которых были застроены стационарными жилищами (полуземлянками с печами-каменками), ремесленными мастерскими и другими сооружениями (Добрыновцы, Грозенцы, Горишние Шеровцы I, Карапчов, Ревно II, Баламутовка). Эти городища следует считать хозяйственно-административными центрами территориально-родовых союзов. На них, несомненно, сосредоточивалась общинная знать и дружинники (об этом могут свидетельствовать находки шпор), жили ремесленники, обеспечивавшие своей продукцией жителей окружающих поселений. При благоприятных условиях такие общинные центры могли перерастать в раннефеодальные города.

Какой-либо определенной системы в застройке городищ — общинных хозяйственно-административных центров пока не прослежено. Судя по раскопкам Добрыновского городища, укрепленные площадки таких центров как будто застраивались без определенной системы. На Добрыновском городище рядом со стационарными жилищами часто располагаются ремесленные мастерские, а вдоль оборонительных стен шли длинные наземные дома (здесь их раскопано пять), вероятно также выполнявшие общественные функции.

Все исследованные городища VIII—IX вв. оказались остатками общинных центров. Около рубежа IX—X вв. значительная часть их была разрушена (Ревно I-А, Ломачинцы, Горишние Шеровцы I, Красная Диброва, Карапчов и др.). На месте некоторых из них (Ломачинцы, Ревно I-А) были построены новые крепости — феодальные центры.

Городища — феодальные центры имели другую систему обороны и иной характер застройки укрепленных площадок. Так, в первой половине

---

[13] *Тимощук Б. О.* Слов'яни..., с. 67—72.
[14] Там же, с. 74—78.
[15] *Тимощук Б. О.* Слов'яни..., с. 120—128.

X в. общинное городище-убежище в Ревно было уничтожено и на его месте построили новую, но меньшую по площади крепость — феодальный центр (Ревно I-Б), основу главной оборонительной линии которой составляли срубы, поставленные на невысокой глиняной платформе. С внешней стороны срубы были укреплены глиняным откосом с каменной сердцевиной, а с внутренней стороны к ним примыкали жилищно-хозяйственные срубные дома и полуземлянки с печами-каменками, расположенные в одну линию. На территории крепостного двора обнаружены отдельно стоящие срубные постройки с подвалами.

Представление о застройке центральных площадок городищ — феодальных центров X в. получены при раскопках городища Горишние Шеровцы II. Городище построено в первой половине X в. на высоком холме, на месте городища лукашовской культуры. Его главная оборонительная линия, окружающая площадку со всех сторон, состояла из сплошного ряда оборонительных срубов, поставленных на глиняную платформу (для сооружения этой платформы был использован вал раннежелезного века). С внутренней стороны к оборонительной линии примыкали жилищно-хозяйственные срубы, в конструкцию которых входили также большие подвалы, предназначавшиеся для хранения продуктов. Срубные постройки с подвалами обнаружены также на территории крепостного двора, на определенном расстоянии от оборонительной линии. Феодальные центры на Буковине появляются не ранее рубежа IX—X вв. Они были построены по определенному плану и являлись княжескими крепостями.

По-видимому, последовательное развитие на протяжении второй половины I тысячелетия происходило и в погребальном обряде. К сожалению, славянские могильники V—VII вв. в Северной Буковине очень слабо изучены. Больше известно о погребальных обрядах славянского населения, оставившего памятники типа Луки Райковецкой. Могильники этого времени раскапывались в Попрутье, в Ревне и Черновке. Ревнянский бескурганный могильник расположен на высоком мысу на территории селища X в., примыкающего к городищу Ревно I-Б. В 1979 г. на нем раскопано 37 ямных погребений, культовое место, яма, в которой сжигали покойников, и часть большого наземного дома. Погребальные ямы на могильнике неглубокие, в среднем 30 *см* от современной поверхности. Форма их различна — круглая, овальная (диаметром 30—50 *см*), а в одном случае подпрямоугольная. В нижней части всех раскопанных ям прослежены остатки погребального костра (темная земля, смешанная с углями, золой, кальцинированными костями). Этот слой сверху засыпан темно-серой землей, смешанной с углями. В ямах бывает значительное количество кальцинированных костей, но часто находятся лишь несколько их мелких кусочков или костная пыль. В засыпке погребальных ям попадаются единичные камни и кусочки обожженной земли (рис. 6, *4*, *5*). В большинстве погребений найдены обломки лепных и гончарных славянских сосудов X в., значительная часть которых вторично побывала в огне и иногда обожжена до ошлакования.

В северной части могильника раскопано культовое место в виде углубления (глубина 0,5 *м*, диаметр 5 *м*), заполненного черной углистой землей. В этом слое найдены кальцинированные кости, необожженные кости животных (свиньи), обожженные камни, куски глиняной обмазки. В центре углубления находилась столбовая яма квадратной в плане формы размером 20×20 *см*, глубиной 25 *см*. На север от нее расчищены еще три столбовые ямки меньшего размера, расположенные в одну линию и образующие дугу вокруг центрального столба.

На северо-восточной окраине могильника расположена подпрямоугольная яма длиной 2,65 *м*, шириной 1,1 *м*, глубиной 0,35 *м*, в которой, по-видимому, производилось сожжение покойников. Отвесные стенки и плоское дно ямы сильно прокалены. На дне находились остатки погребального костра: кальцинированные кости, разбросанные по всей площа-

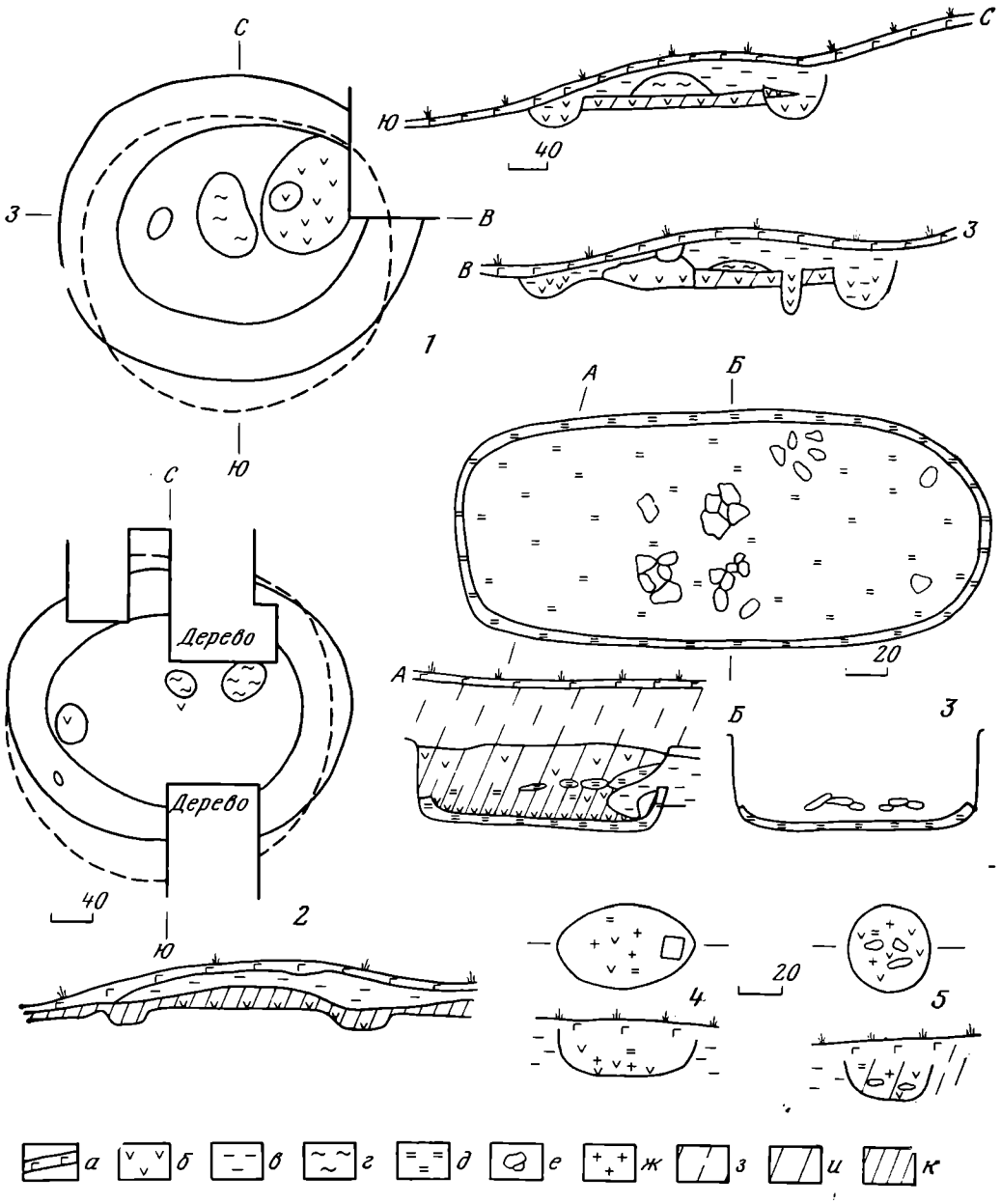


Рис. 6. Погребальные сооружения: *1* — Черновка III, кург. 1; *2* — Черновка III, кург. 9; *3* — яма для сжигания покойников; *4* — Ревно, погр. 27; *5* — Ревно, погр. 28; *а* — дерновый слой; *б* — уголь; *в* — глина; *г* — зола; *д* — обожженная глина; *е* — камни; *ж* — пережженные кости; *з* — серая земля; *и* — черная земля; *к* — черная земля с углем

ди ямы, угли, обожженные камни и обломки лепной и гончарной славянской керамики X в. (рис. 6, *3*).

С востока к могильнику примыкал большой наземный дом, от которого сохранились столбовые ямы, куски глиняной обмазки с отпечатками плетня, темный углистый слой толщиной до 20 *см*. На площади дома раскопаны неглубокие корытообразные ямы (диаметром около 1 *м*, глубиной 25 *см*), в которых найдены угли, обожженные камни, обломки керамики X в. и куски глиняной обмазки с отпечатками дерева.

Ближайшей аналогией Ревнянскому могильнику является комплекс памятников у с. Шумск на Волыни, который также принадлежит к куль-

туре типа Луки Райковецкой [16]. Здесь раскопаны неглубокие погребения с остатками костра, обнаружено святилище, место сожжения умерших и культовые дома. По-видимому, обряд захоронения остатков погребального костра в неглубоких ямах без курганов является достаточно характерным для славянской культуры типа Луки Райковецкой. Погребения такого типа известны и в других пунктах ареала этой культуры— Тетеревка, Великая Андрусовка [17].

В культуре типа Луки Райковецкой известны и другие обряды погребений — в урнах, в ямках под курганами и пр. Урновое захоронение раскопано на славянском поселении VIII—X вв. у хут. Корнешты Хотинского р-на Черновицкой обл.[18] Это пока единственное погребение такого типа на Буковине. Здесь лучше изучены ямные погребения под курганами.

Курганный могильник исследовался в верховьях р. Мошков (левый приток Прута), у с. Черновка. Здесь, на невысокой террасе ручья и на склоне высокого берега, насчитывается более сотни невысоких курганов. Одни из них овальные, почти круглые (диаметром 3—5 *м*), другие — овально-удлиненные. Высота насыпей в среднем около 0,5 *м*. Вокруг курганов сравнительно хорошо прослеживаются неглубокие, заплывшие ровики; могильник расположен в лесу, и курганы с окружающими их ровиками сравнительно хорошо сохранились, хотя большие деревья и препятствуют раскопкам. Могильник примыкает к селищу X в., на территории которого насчитано 15 западин — следов древних жилищ. В двух раскопанных западинах обнаружены полуземлянки с печами-каменками и столбовые ямы у стен котлована. Ряд курганов расположен непосредственно на территории селища, в его южной части.

В 1979 г. на Черновском могильнике раскопано 10 курганов [19]. На древнем горизонте под насыпями обнаружен слой золы и углей, принесенных со стороны. Изредка в этом слое встречались мелкие кальцинированные кости. Основная же часть остатков погребального костра ссыпалась в неглубокие ямки (глубиной около 30 *см*, диаметром 20—40 *см*), которые находились в подножье курганов, огражденном ровиком. Число ямок в курганах различное: от одной до трех и более (рис. 6, *1*, *2*).

Овальные в плане ровики шириной 30—40 *см* и такой же глубины, с отвесными стенками были вырыты вокруг погребальных ямок и заполнены углистой землей. В некоторых из них, а также в погребальных ямах и на кострищах найдено много обломков славянской лепной и гончарной керамики X в., часть которых вторично побывала в огне.

Черновский могильник по такому существенному элементу погребального обряда, как захоронение остатков погребального костра в неглубоких ямках, близок к Ревнянскому бескурганному могильнику. Вместе с тем погребальный обряд Черновского могильника осложнен такими элементами, как ограждение места захоронения кольцевым ровиком и сооружение на месте захоронения невысокой курганной насыпи. Такого типа могильники также характерны для культуры типа Луки Райковецкой. Такие курганы раскопаны, например, в Миропольском могильнике на Волыни [20]. Здесь также под невысокими курганами обнаружены ритуальные кострища и ямки с остатками погребального костра, окруженные ровиками. В курганах, в ямках, кострищах и ровиках найдены обломки сосудов.

---

[16] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв.— САИ, вып. Е1-25. М., 1973, с. 37.

[17] *Березовець Д. Т.* Могильники уличів у долині р. Тясмин.— В кн.: Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969, с. 58—71.

[18] *Приходнюк О. М.* Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст. н. е.). Київ, 1975, с. 109.

[19] Раскопками курганов руководил А. Н. Масан.

[20] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв., с. 40.

Наиболее важным вопросом при изучении славянских древностей Северной Буковины явилась их хронологическая классификация, основные результаты которой уже опубликованы [21]. Разработанная хронология опирается на материалы закрытых комплексов, на их стратиграфию, находки датирующих вещей и типологию керамики. По выявленным закономерностям развития керамики удалось создать ее хронологическую шкалу, которая дает возможность по сочетанию керамических находок датировать комплексы и выделить за период с V до X в. по крайней мере пять последовательных этапов.

Наиболее ранняя лепная славянская керамика пражского типа на Буковине известна с V в. Она входит в состав керамических комплексов, в которых наряду с горшками пражского типа присутствуют формы посуды, характерные для культур предшествующего времени, карпатских курганов и черняховской. Жилища с такой «смешанной» керамикой раскопаны на поселениях Кодын I, Кодын II и Гореча II, расположенных на территории распространения культуры карпатских курганов, и на поселении Рогизна (Черновцы), которое находится на территории черняховской культуры. Так, в полуземлянках 5, 6, 10, 16, 17, 21, 26 поселения Кодын I вместе с лепными горшками пражского типа найдены обломки гончарной керамики провинциально-римского типа и лепной посуды, которая по технике изготовления и формам близка к лепным сосудам культуры карпатских курганов. Такое сочетание керамики было и в полуземлянках 4, 7, 12, 14, 21, 30 поселения Кодын II, в жилищах 1, 7, 21, 25 поселения Гореча II. На поселении Рогизна раскопана полуземлянка с печью-каменкой, на полу которой вместе с обломками лепных горшков пражского типа лежали обломки гончарной керамики провинциально-римского типа, а также обломки лепных округлобоких горшков, близких лепным горшкам черняховской культуры.

Большинство таких керамических комплексов несомненно датируются V в., что подтверждается стратиграфическими данными и находками датирующих вещей. Так, на поселении Кодын II наиболее ранний комплекс керамики обнаружен в жилище 14, частично перекрытом жилищем 12, в котором также найдена керамика пражского и провинциально-римского типов. Кроме того, на жилище 14 наслаивалось жилище 16, а на него в свою очередь жилище 18 (в последнем найдена керамика поздней фазы культуры пражского типа). Такая сложная стратиграфия жилищ, нижние жилые слои которых перекрыты ненарушенным слоем обвалившейся кровли, позволила выделить последовательные керамические комплексы. Закономерность их развития подтверждается другими группами разновременных жилищ на этом же поселении и на ряде других памятников. Наиболее ранние керамические комплексы с примесью провинциально-римской посуды относятся к двум строительным периодам, что указывает на сравнительно долгое их существование.

В жилище 10 на поселении Кодын I вместе с наиболее ранним керамическим комплексом найдена железная двучастная арбалетовидная фибула с высокой лукообразной дужкой и сплошным держателем для иглы. Такого типа фибулы по многочисленным аналогиям датируются не позднее V в.[22] Также в раннем комплексе жилища 4 на том же поселении встречено небольшое калачевидное кресало со слабо загнутыми концами, относящееся к V — первой половине VI в.[23]

Поздний период культуры пражского типа представлен исключительно лепной керамикой. В комплексах преобладают расширенные в верх-

---

[21] *Тимощук Б. О.* Слов'яни..., с. 8—46.

[22] *Godłowski K.* Chronologia okresu późnolatehskiego i wczesnego okresu wędpowek ludów w Polsce polnocno-wschodnej.— In: Rocznik Białostocki, t. XII. Warszawa, 1974, s. 90, 91.

[23] *Tržačková Z. K.* Datováni kostrového hrobu ze Sležan na Moravě. Pamatky archeologicke, т. LII, c. 2. Praha, 1961, obr. 1—4.

Рис. 7. Пальчатая фибула из жилища 5 поселения Черновка I

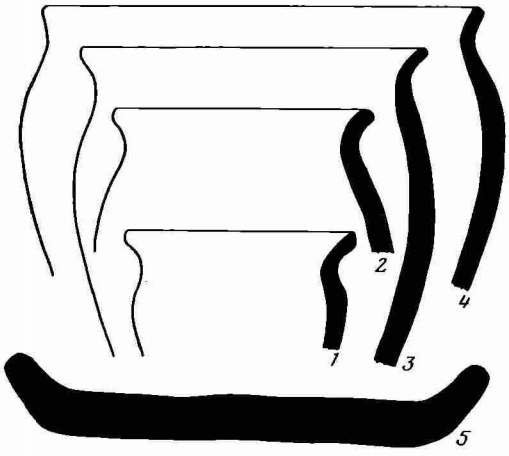


Рис. 8. Керамика из жилища 5 поселения Черновка I

ней части тулова неорнаментированные горшки с отогнутыми венчиками. Эти комплексы в основном датируются VII в. На поселении Черновка II в жилище 5 вместе с лепной керамикой поздней фазы культуры пражского типа найдена бронзовая пальчатая фибула VII в.[24] (рис. 7; 8).

Следующие этапы развития лепной славянской керамики характерны для культуры типа Луки Райковецкой. Наиболее ранний этап представлен только лепными сосудами, основной формой которых является расширенный в верхней части тулова горшок с отогнутым венчиком, край которого часто украшен ямочным орнаментом (рис. 4, *13—17*). Поселение с керамикой этого типа исследовалось, например, у с. Перебыковцы Хотинского р-на, на Днестре. Здесь обнаружено 15 жилищ с керамикой ранней фазы культуры типа Луки Райковецкой. На поселениях Кодын I и Кодын II раскопано 34 полуземляночных жилища того же времени с печами-каменками. Все они по стратиграфическим данным являются наиболее поздними на этих поселениях и датируются импортной керамикой и монетовидной подвеской VIII в.[25]

В хронологической шкале славянской керамики хорошо выделяются памятники IX в. Это время появления на поселениях Северной Буковины гончарной керамики древнерусского типа. Но на поселениях этого времени еще преобладает лепная керамика, которая по своим формам, орнаментации и технике изготовления не отличается от керамики VIII в. Таким образом, хронологическим показателем керамических комплексов IX в. является наличие в них небольшого количества раннегончарных горшков. Последние по своим формам близки к лепным горшкам этого же времени. Они, как правило, расширены в верхней части тулова, а их отогнутый венчик косо срезан. Тулово гончарных горшков почти полностью покрыто линейно-волнистым орнаментом (рис. 4, *9*, *10*). Отличительной чертой гончарных горшков IX в. по сравнению с такими же горшками более позднего времени является сочетание в ряде случаев линейно-волнистого орнамента на тулове с ямочным на венчиках.

---

[24] *Амброз А. К.* Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 74.

[25] Обломки гончарных горшков, принадлежащих к провинциально-византийской посуде, найдены в жилище 36 поселения Кодын II. Монетовидная подвеска по аналогиям из салтовских погребений датируется VIII—IX вв. (*Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967, рис. 46, *14*, с. 167).

Наиболее тщательно керамические комплексы IX в. изучены во время раскопок селища, примыкавшего к городищу — общинному центру IX в. у с. Ревно (городище Ревно I-А). Часть жилищ этого селища была перекрыта оборонительными валами X в., и, таким образом, они выделены стратиграфически. В одном из жилищ найдена железная шпора с крючкообразными петлями, отогнутыми наружу. Шип и дужка шпоры находятся на одной горизонтальной плоскости, что характерно для шпор, бытовавших до X в.[26] Еще одна шпора такого же типа найдена вместе с керамикой IX в. на полу длинного дома Добрыновского городища [27].

Процесс внедрения гончарной керамики в быт славянского населения Буковины был медленным. Он растянулся на все X столетие. Лепная керамика на славянских поселениях Северной Буковины полностью исчезает только к концу X в. Хронологическим показателем керамических комплексов X в. являются гончарные горшки с манжетовидными или фигурными венчиками. Их сопровождают также гончарные сосуды с косо или вертикально срезанным краем, лепные горшки типа Луки Райковецкой, лепные сковородки, жаровни и конические миски (рис. 4, *1—4*).

Керамические комплексы X в. наиболее полно изучены при раскопках городищ Ревно I-Б и Ревно II-Б, возникших около рубежа IX—X вв. и прекративших свое существование в конце X в. Здесь вместе с керамикой X в. найдены железные ножи с валютообразными навершиями, датируемые не позже X в.[28]

Итак, в развитии славянских керамических комплексов второй половины I тысячелетия н. э. выделяется пять основных этапов. Каждый из этих этапов на Буковине представлен определенным количеством исследованных археологических памятников. Таким образом, перерыва в развитии славянской культуры на этой территории не наблюдается. Это важное свидетельство того, что территория Северной Буковины в V—X вв. была постоянно заселена славянами.

Подводя итоги археологических исследований славянских памятников Северной Буковины второй половины V—X вв., следует подчеркнуть прежде всего богатство этой территории славянскими древностями, исследование которых позволяет получить важные данные для решения многих проблем истории славян. Результативность изучения славянских памятников Северной Буковины объясняется еще и тем, что большинство из них имеет сравнительно хорошую сохранность. Многие поселения после прекращения на них жизни оставались свободными от застройки, покрывались лесом, и благодаря этому мы имеем возможность получить более или менее полное представление о системе их обороны, характере застройки, выяснить вопросы взаимоотношений между отдельными поселениями. Довольно перспективными могут оказаться дальнейшие поиски и раскопки памятников V в. в бассейнах Днестра, Прута, Серета и Черемоша. Необходимо продолжать раскопки Ревнянского и подобных ему поселений, в материалах которых нашли свое отражение конкретные пути сложения раннефеодальных городов у восточных славян. Особое же внимание следует обратить на комплексное изучение гнезд славянских поселений второй половины I тысячелетия, что поможет решить многие вопросы общественной и экономической жизни восточных славян.

---

[26] *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973, с. 64.

[27] *Тимощук Б. О.* Слов'яни..., с. 43, рис. 18, *39*.

[28] *Манасян Р. С.* Железные ножи с валютообразным навершием.— В кн.: Проблемы археологии, вып. 2. Л., 1978, с. 151.

B. A. Timoshchuk, I. P. Rusanova, L. P. Mikhailina

SOME RESULTS OF INVESTIGATION OF SLAVIC SITES OF THE 5th-10th CENTURIES A. D. IN THE NORTHERN BUKOVINA

Summary

Nearly 200 sites dated to the second half of the 1st millennium A. D. were discovered on the territory of the Northern Bukovina over the last years. They belong to two successive Slav cultures, 5th-7th-century Prague culture and 8th-10th-century Luka Raykovetskaya culture. Here unfortified settlements prevail, though thirteen fortified settlements were also discovered as well as a mound and a flat burial. Gradual development of material culture is observed, the materials are divided into five chronological groups according to the stratigraphy of the sites and evolution of the pottery. This division is supported by some typical finds (fibulae of the 5th and 7th centuries A. D., fire-making steel, spurs, some forms of knives). The first period (5th century A. D.) exhibits some traditions of the Carpathian **kurgan** culture. In the 8th-9th centuries fortified settlements of two types appeared — settlements which served as refuges and settlements-trading centres. Some of them became towns with citadels (**detinets**) and unfortified trading quarters (**posad**). These materials testify to the relatively dense Slavic population in the Northern Bukovina in the second half of the 1st millennium A. D.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ, Б. И. МАРШАК, В. И. РАСПОПОВА

СОГДИЙСКИЙ ГОРОД В НАЧАЛЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ

(итоги и методы исследования древнего Пенджикента)

В археологии Средней Азии древний Пенджикент занимает особое место. Он находится близ географического центра этого региона. Его хронологический диапазон охватывает почти четыре века — V—VIII вв., т. е. период, завершающий древность и начинающий средневековье. Это один из наиболее изученных памятников, что придает ему значение эталона [1].

А. Ю. Якубовский поставил задачу на материале Пенджикента определить тот уровень социального и культурного развития, который послужил базой для расцвета городской культуры Средней Азии IX—XII вв. [2] Методика изучения была определена поставленной целью. При этом упор был сделан не на стратиграфию, а на широкое исследование застройки верхнего горизонта. Параллельное изучение цитадели, храмов, жилой застройки как на территории древнего города, так и в пригороде, а также некрополя позволило постоянно корректировать работу, не теряя из виду основных поставленных задач.

В этой статье мы хотим остановиться на результатах работ на городище древнего Пенджикента в основном за последнее десятилетие [3]. В эти годы исследование застройки шахристана VIII в. проводилось главным образом на обширной ранее не раскапывавшейся территории, примыкающей с юга к улице, идущей с запада на восток от цитадели к храмам. Здесь расположены объекты XVI, XXIII—XXV. Наряду с этим шло изучение жилых кварталов на северо-западе города (объекты XXI, XXII), на востоке (объект XXVI) и на юге (объект XXVII).

Исследование внешнего двора первого храма (объект I и X) позволило прийти к выводу о несравненно большем, чем это предполагалось ранее, значении храмов в городской застройке. На цитадели, внешней городской стене (объекты XII, XXVIII) и внутренней городской стене (объекты III, VII) исследовалась эволюция городской фортификации, начиная от времени основания города (рис. 1). О ранней истории храмов дали возможность судить работы на объектах I и II [4], а о ранних жили-

---

[1] *Массон В. М., Акишев К. А., Аскаров А. А., Атагарыев Е. А., Кожембердыев И. К., Негматов Н. Н.* Археология Средней Азии и Казахстана в свете новейших исследований.— Советская археология в 10-й пятилетке. Всесоюзная конференция.— Тезисы пленарных докладов. Л., 1979, с. 34.

[2] *Якубовский А. Ю.* Главные вопросы истории развития городов Средней Азии.— ТТФАН, т. 29, Сталинабад, 1951.

[3] О работах более ранних лет на городище Пенджикент см. обобщающую статью: *Беленицкий А. М.* Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента.— СА, 1965, № 3, с. 178—195.

[4] *Беленицкий А. М., Гуревич Л. Л., Маршак Б. И.* Пенджикентские храмы и развитие согдийского культового искусства в V—VII вв.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических 1972 года в СССР. Ташкент, 1973, с. 157—160; *Беленицкий А., Маршак Б.* Стенные росписи, обнаруженные в 1970 году на го-

щах — на XII и VI объектах [5]. В последнее десятилетие полевые работы на городище планируются таким образом, чтобы, продолжая изучать город VIII в., получить возможность выявлять, что в его структуре обусловлено исторической ситуацией последних десятилетий перед арабским завоеванием, а что было предопределено более ранним развитием — в V—VII вв. Идеи синхронного среза и комплексного изучения городища остались основой пенджикентского метода исследования города.

А. Ю. Якубовский поставил по-настоящему значительную задачу, вся сложность которой стала раскрываться лишь с течением времени. Он справедливо указал, что в Пенджикенте можно изучать социальную структуру города на определенный исторический момент — первая четверть VIII в. Однако в ходе исследования оказалось, что для изучения слоя первой четверти VIII в. надо научиться в весьма разнообразных стратиграфических условиях вычленять этот синхронный срез.

На рис. 2 приведен схематизированный типичный разрез, показывающий, как вычленяются в Пенджикенте датированные наслоения, постройки и комплексы керамики, которые позволяют с максимальной строгостью синхронизировать материалы, открываемые на разных участках городища. Помещения копаются по частям с обязательной фиксацией разрезов напластований. Керамика и другие находки в каждом помещении берутся по отдельным прослойкам. Отдельно учитывается материал каждого припольного слоя, каждого слоя свалки, каждого массива сырцового завала, а также материал из конструкции здания (главным образом из заполнения пазух сводов и из стен). Разрез читается как серия последовательно сменявшихся состояний помещения за время его жизни и запустения.

Материал из заполнения одного помещения может относиться и ко времени более позднему, чем время жизни здания (слой свалки в развалинах), и частично к более раннему, чем это время (завал свода и стен). При этом в том же завале можно выделить и материал, непосредственно предшествующий моменту запустения дома, в частности, это могут быть целые и собирающиеся из фрагментов сосуды, упавшие со второго этажа. Расчленив материал из каждого помещения на такие дробные комплексы, мы в дальнейшем объединяем комплексы одинакового происхождения по целому многокомнатному жилищу и получаем таким образом, не снижая стратиграфической расчлененности материалов, достаточно обширные наборы находок для статистического сопоставления. Особое значение для установления даты post quem получает материал из шурфов под полами жилищ. Нередко один такой шурф позволяет уточнить время возведения нескольких домов.

Монеты, которых в Пенджикенте найдено около 4500, как и другие находки, учитываются по стратиграфическим комплексам из каждой комнаты и сводятся затем в таблицы по жилищам [6]. Далеко не в каждой комнате слои могут быть датированы монетами, но для строительных периодов жилища в целом, как правило, удается получить достаточно узкие даты. При этом не даты отдельных монет сами по себе, а распределение датированных монет в свите слоев определяет датировку строительных периодов.

родище древнего Пенджикента.— СГЭ, XXXVI. Л., 1973, с. 58—61; *они же.* Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1971 году.— СГЭ, XXXVII, 1973, с. 54—57; *они же.* Черты мировоззрения согдийцев VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента.— В сб.: История и культура народов Средней Азии. (Древность и средние века). М., 1976, с. 76—78.

[5] *Маршак Б. И.* Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг.— МИА, № 124, 1964, с. 182—243; *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Раскопки в Пенджикенте.— АО — 1975. М., 1976, с. 561.

[6] Такую таблицу см. в статье: *Распопова В. И.* Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII—VIII вв.— СА, 1969, № 1, табл. 1.

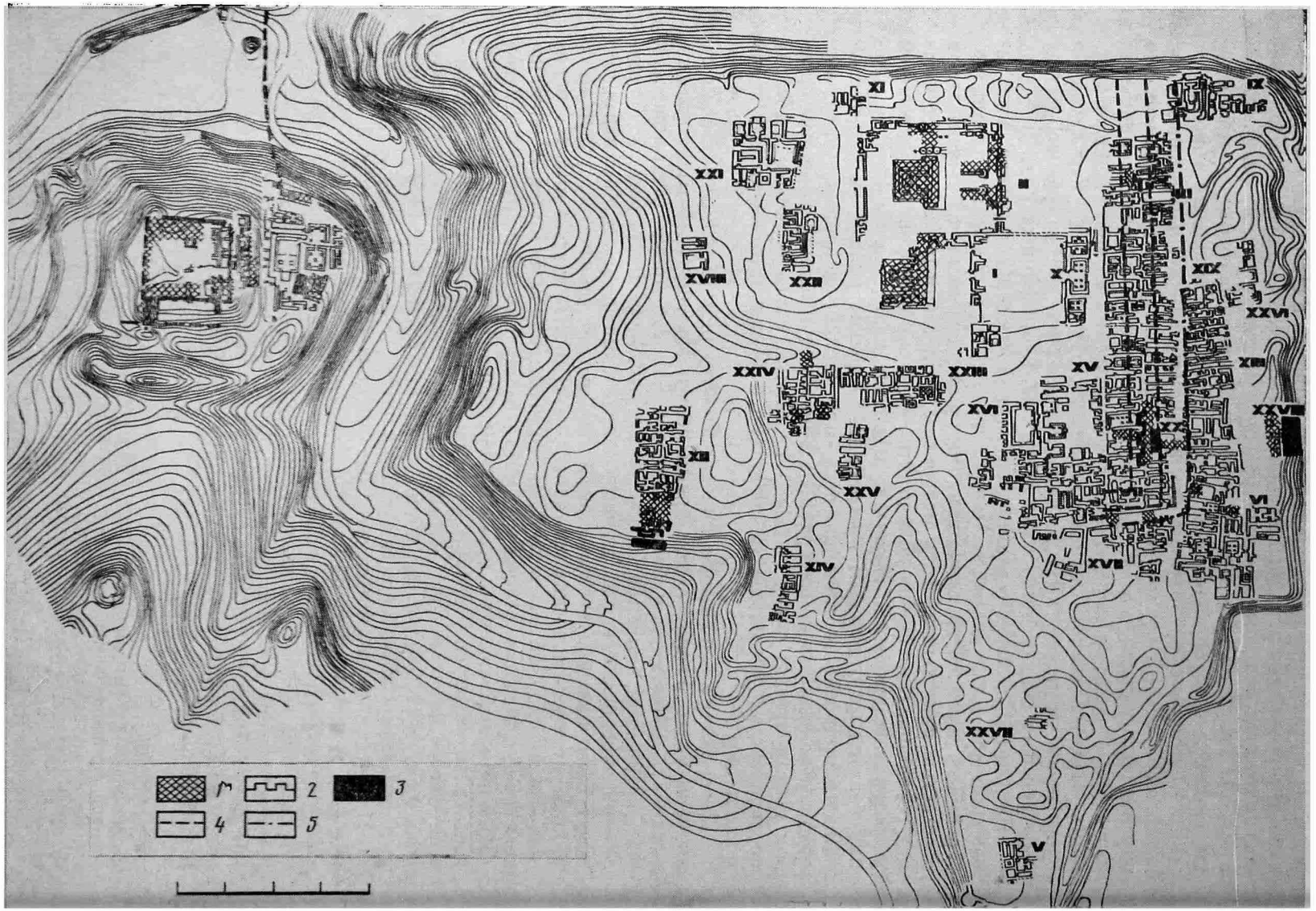

1
2
3
4
5

Рис. 1. Пенджикент. Раскопы с постройками и слоями V—VI вв. *1* — участки со слоями V—VI вв.; *2* — стены с башнями V в.; *3* — крепостные стены V—VI вв. (разрезы и зачистки); *4* — контуры стены внутреннего города и главного здания цитадели; *5* — наружные контуры рвов

Выделение достаточно обширных комплексов керамики, разделенных промежутками времени порядка десятилетий, изменило и обработку керамического материала. Появилась возможность проверить датировочную значимость не только так называемых ведущих форм, но и отдельных признаков, свойственных «почерку» той или иной мастерской и даже того или иного мастера. Типология керамики, основанная на учете мно-

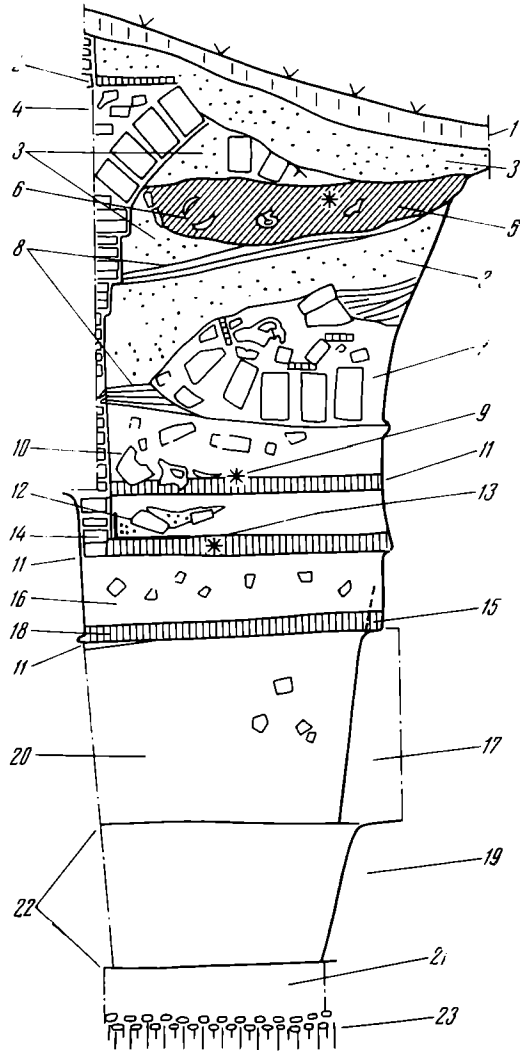


Рис. 2. Пенджикент. Разрез с характерной для Пенджикента последовательностью наслоений. *1* — пахотный слой; *2* — пол второго этажа; *3* — надувной слой; *4* — пазуха свода (в ней керамика VI—VII вв.); *5* — фельс 770 г. (место находки обозначено звездочкой); *6* — свалка с керамикой третьей четверти VIII в.; *7* — завал свода и второго этажа. Фрагменты керамики VIII в., из которых собираются целые сосуды, со второго этажа. Разрозненные фрагменты сосудов VI—VII вв., главным образом из разрушенных кладок; *8* — натеки; *9* — монета Тургара (738 — ? гг.); *10* — раздавленный кувшин; *11* — пол и припольные наслоения; *12* — следы пожара; *13* — монета пенджикентской царицы (до 722 г.) в припольном слое; *14* — ремонтная сырцовая стена; *15* — подрубленная пахсовая стена; *16* — сырцовый завал; *17* — пахсовая стена с мелкими фрагментами керамики V — начала VI в.; *18* — желтый припольный слой с керамикой конца VII в.; *19* — пахсовая стена; *20* — плотная глинистая забивка с керамикой VI—VII вв.; *21* — лесс; *22* — полы без находок, между ними аморфный слой с керамикой V — начала VI в.; *23* — галечный слой (материк)

жества признаков, и статистическая проверка достоверности различий керамических комплексов явились логическим следствием уточнения стратиграфии (рис. 3).

Если для слоев VII—VIII вв. основным датирующим материалом остаются монеты, то для периода V — середины VII в. монеты играют меньшую роль, чем керамика. Надо отметить, что ряд монетных эмиссий

V—VIII вв. получил уточненные даты на основе пенджикентской стратиграфии [7].

Все это позволило в полной мере применить к археологии среднеазиатского города тот принцип комплексности, который господствует в археологии могильников, где каждое погребение представляет собой отдельный комплекс. У нас городище рассматривается как иерархия комплексов. На нижней ступени иерархии комплексов — материалы из отдельных наслоений в отдельных помещениях, на следующей ступени — синхронные материалы по целому многокомнатному жилищу, и, наконец, на верхней ступени — синхронный срез по всем раскопам на целом городище.

Постепенно совершенствуя методику, разрабатывая более тонкие стратиграфические и статистические приемы, в Пенджикенте удалось сочетать разработку поставленной А. Ю. Якубовским задачи с задачей выявления развития и изменения социального и культурного облика города. Наметились синхронные срезы по V в., рубежу V—VI в., VI в., концу VI — началу VII в., середине VII в., последним десятилетиям VII в.— 712 г., 722 г., 740-годам, 750—770- годам [8]. В результате вместо неподвижной картины мы увидели ту конкретную действительность, с которой имели дело сменявшие друг друга поколения.

На рис. 1 показана степень изученности Пенджикента V—VI вв. Исследуются прежде всего узловые участки: цитадель, храмы, внутренние и внешние городские стены. Слои этого времени в шурфах встречаются по всему городищу, но жилища V—VI вв. открыты пока лишь на объектах XII и VI. Труднее всего пока поддаются исследованию слои VII в., которые в жилых кварталах, как правило, перекрыты постройками VIII в. Однако этот период достаточно хорошо прослеживается при раскопках крепостных сооружений шахристана и цитадели.

Крепостные сооружения V в. прослежены на цитадели и шахристане. Город V в. в восточной части был на 60 *м* у́же города VI—VIII вв. К первоначальному городу относятся оба храма. На рубеже V—VI вв. город на востоке достигает своего окончательного предела. Однако постройка восточной стены не приводит к уничтожению первоначальной стены. Напротив, она неоднократно перестраивалась вплоть до конца VII в., превратившись во внутреннюю линию обороны.

Слои VIII в. показывают, как отражались на жизни города перипетии длительной борьбы Согда с арабскими завоевателями. Внутренняя стена была снесена в правление пенджикентского князя Девештича (не позднее 708—722 гг.), чтобы освободить место для жилой застройки. Мы не знаем укреплений и храмовых зданий, построенных этим государем, но прослеживаем очень большое жилищное строительство, приходящееся на годы его правления. Возможно, размах строительства связан с переселением в Пенджикент какой-то части самаркандцев, выселенных арабами в 712 г. из шахристана Самарканда. Можно думать, что это и сделало Девештича «дехканом жителей Самарканда», как он назван у Табари. С 718 г. Девештич начал претендовать на общесогдийский престол [9].

---

[7] *Большаков О. Г.* Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III.— МИА, № 124, 1964, с. 118; *Зеймаль Е. В.* Тали-барзинский клад монет с изображением лучника.— СГЭ, № 34, 1972, с. 74; *Маршак Б. И.* Городская стена V—VII вв. в Пенджикенте.— Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции, ч. II. Киев, апрель 1975, с. 116; *Распопова В. И.* Квартал жилищ..., с. 174; *ее же.* Отливка монет в мастерских Пенджикента рубежа VII—VIII вв.— КСИА АН СССР, № 147, 1976.

[8] *Большаков О. Г.* Ук. соч., с. 114—120; *Зеймаль Е. В.* Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище.— МИА, № 124, 1964, с. 257—259; *Исаков А. И.* Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977; *Маршак Б. И.* Отчет..., с. 227—243; *Распопова В. И.* Один из базаров Пенджикента VII—VIII вв.— СНВ, вып. 10, 1971, с. 74; *Ставиский Б. Я.* Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951—1959 гг.— МИА, № 124, 1964, с. 120.

[9] *Лившиц В. А.* Правители Пенджикента VII — начала VIII в.— Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы Всесоюзной научной конферен-

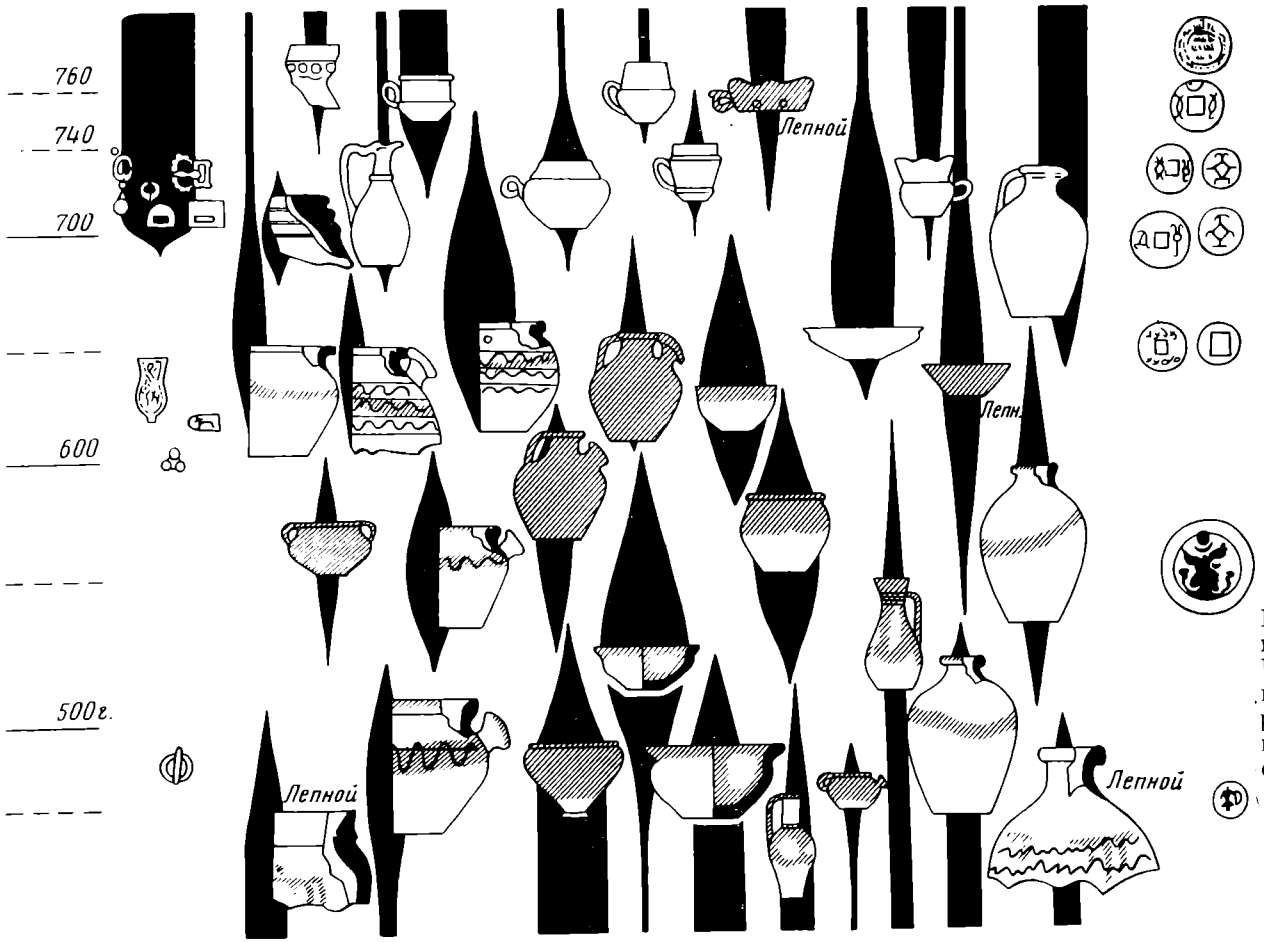
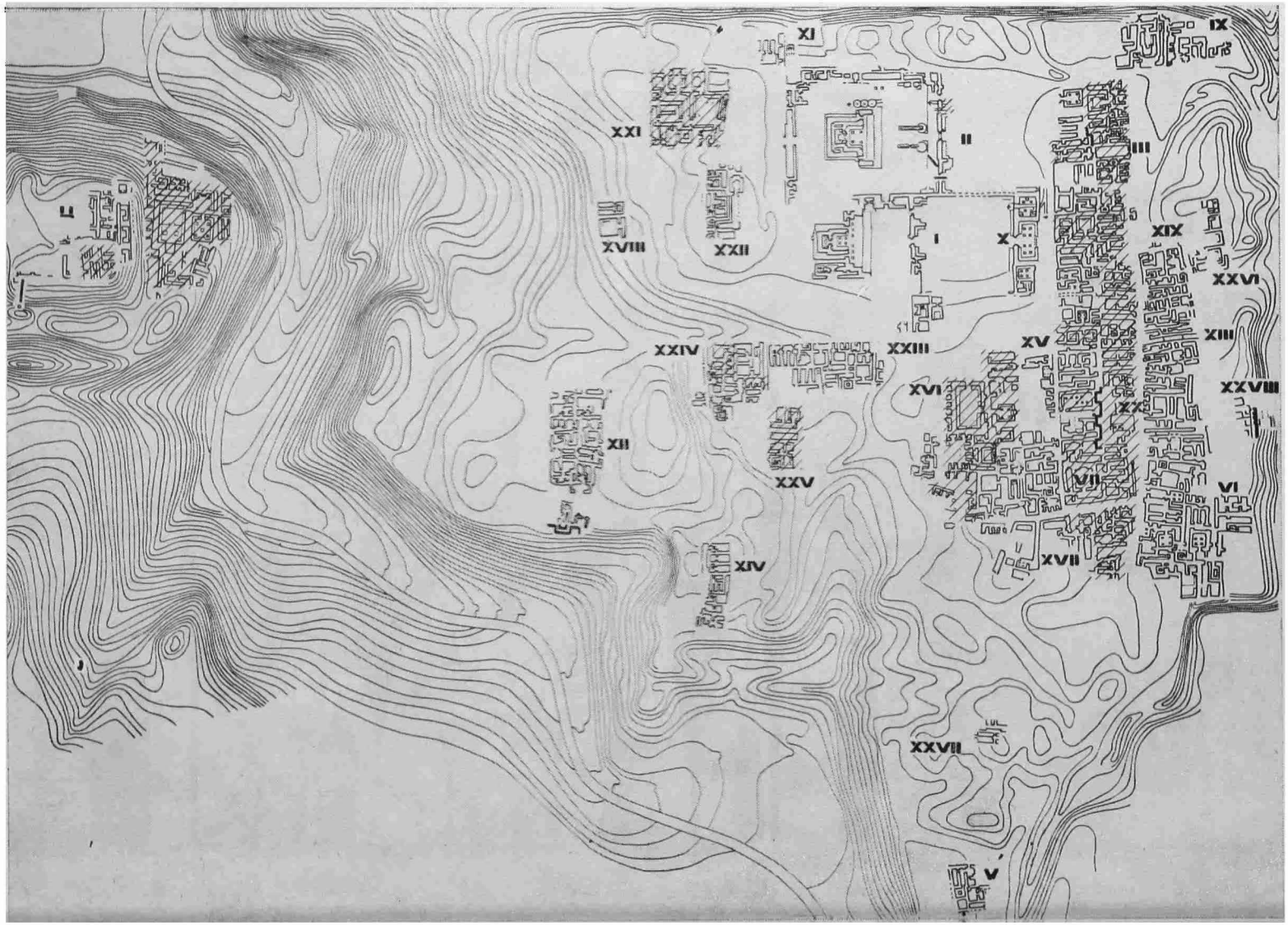


Рис. 3. Пенджикент. Основные датирующие находки. Черные «линзы» показывают изменения в степени распространенности тех или иных разновидностей в последовательности разновременных слоев



IX
XI
XXI
II
III
XVIII
XXII
I
X
XIX
XXVI
XXIV
XXIII
XV
XIII
XVI
XXVIII
XII
XXV
VII
VI
XIV
XVII
XXVII
V

Рис. 4. Пенджикент. Строительство времени Деваштича. Постройки этого времени на рисунке заштрихованы

На плане (рис. 4) строительство этого времени скорее преуменьшено, чем преувеличено, поскольку из домов, заселенных к 722 г., здесь учтены только те, дату постройки которых удалось установить с полной определенностью. По всему городу прослеживаются следы запустения, а местами и пожаров, что связано, по-видимому, с походом арабов против Деваштича в 722 г. Однако вскоре восстанавливается большая часть жилого фонда города (рис. 5). Восстановление датируется монетами Тургара, вступившего на самаркандский престол в 738 г. О. Г. Большаков, впервые проследивший запустение и восстановление домов на объекте III, связал возобновление жизни в древнем городе около 740 г. с возвращением согдийских эмигрантов по договору с Насром ибн Сейяром [10]. Около 740-х годов согдийцы восстанавливали свои жилища по старым образцам, частично с живописью и с изображениями языческих богов.

Лишь позднее в связи с успехами ислама в Согде при Абу Муслиме росписи и алтари намеренно уничтожаются. Тогда же жилища знати частично пустеют или превращаются в рядовые дома. Таким становится Пенджикент в 750—760 гг., чтобы окончательно запустеть в 770-е годы и возродиться уже на другой территории.

Для периода первой четверти VIII в. накопленный материал позволяет со значительной степенью полноты реконструировать социальную структуру населения города. Мы получили возможность судить о городском ремесле, о взаимоотношениях господствовавшей в городе знати и торгово-ремесленного населения [11].

Если рассмотреть топографию древнего Пенджикента с историко-экономической точки зрения, то мы прежде всего должны будем отметить многочисленные лавки-мастерские на торговых улицах и базарах (рис. 6). Большинство этих лавок и мастерских принадлежало городским землевладельцам, получавшим с них денежную ренту. Ремесленники нередко жили довольно далеко от места работы. Основной доход рядовому населению доставляла продажа ремесленных изделий. Зернохранилищ в рядовых домах немного, и они по своим объемам не идут ни в какое сравнение с зернохранилищами одновременных крестьянских домов. Зато зернохранилища на 1000 и более пудов товарного хлеба встречены в богатых домовладениях, а на базаре открыты лавка, где развешивали зерно для продажи, и лавка-пекарня, в которой выпекался хлеб [12].

Город показывает несравненно более высокий уровень развития товарного хозяйства, чем одновременная деревня, представление о которой дает почти полностью раскопанное Ю. Якубовым поселение Гардани Хисор в верховьях Зеравшана [13], Гардани Хисор входил в домен Деваштича.

ции в г. Пенджикенте Таджикской ССР (26—31 августа 1977 г.). Душанбе, 1977, с. 47.

[10] *Большаков О. Г.* Ук. соч., с. 119.

[11] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 113—118, 148 сл.; *Беленицкий А. М.* Из итогов..., с. 190; *Распопова В. И.* Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда.— СА, 1972, № 4, с. 145; *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Социальная структура населения древнего Пенджикента.— Бартольдовские чтения, 1976, год третий. Тезисы докладов и сообщений. М., 1976, с. 14—16.

[12] *Рахматуллаев И.* Раскопки XXIII объекта на городище древнего Пенджикента.— Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана..., с. 56, 57; *Распопова В. И.* Отчет о раскопках XVI объекта городища древнего Пенджикента в 1970 г.— АРТ, вып. 10. М., 1973, с. 137; *ее же.* Новые данные о мастерских Пенджикента.— Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции, ч. II. Киев, апрель 1975, с. 117, 118.

[13] *Якубов Ю.* О работах Зеравшанского отряда на поселении Гардани Хисор.— АРТ, вып. 13. Душанбе, 1977, с. 137; *его же.* Поселение Гардани Хисор.— АО — 1974. М., 1975, с. 546.

IX
XXVI
XIII
XXIII
XXII
XV
XVII
X
II
I
XVIII
XXV
XXIV
XXVII
V
XI
XXII
XVIII
XXIV
XII
XIV
XXVIII
XXIX
XXX
XXXI
XXXII
XXXIII
XXXIV
XXXV
XXXVI
XXXVII
XXXVIII
XXXIX
XL
XLI
XLII
XLIII
XLIV
XLV
XLVI
XLVII
XLVIII
XLIX
L
LI
LII
LIII
LIV
LV
LVI
LVII
LVIII
LIX
LX
LXI
LXII
LXIII
LXIV
LXV
LXVI
LXVII
LXVIII
LXIX
LXX
LXXI
LXXII
LXXIII
LXXIV
LXXV
LXXVI
LXXVII
LXXVIII
LXXIX
LXXX
LXXXI
LXXXII
LXXXIII
LXXXIV
LXXXV
LXXXVI
LXXXVII
LXXXVIII
LXXXIX
XC
XCI
XCII
XCIII
XCIV
XCV
XCVI
XCVII
XCVIII
XCIX
C
CI
CII
CIII
CIV
CV
CVI
CVII
CVIII
CIX
CX
CXI
CXII
CXIII
CXIV
CXV
CXVI
CXVII
CXVIII
CXIX
CXX
CXXI
CXXII
CXXIII
CXXIV
CXXV
CXXVI
CXXVII
CXXVIII
CXXIX
CXXX
CXXXI
CXXXII
CXXXIII
CXXXIV
CXXXV
CXXXVI
CXXXVII
CXXXVIII
CXXXIX
CXL
CXLI
CXLII
CXLIII
CXLIV
CXLV
CXLVI
CXLVII
CXLVIII
CXLIX
CL
CLI
CLII
CLIII
CLIV
CLV
CLVI
CLVII
CLVIII
CLIX
CLX
CLXI
CLXII
CLXIII
CLXIV
CLXV
CLXVI
CLXVII
CLXVIII
CLXIX
CLXX
CLXXI
CLXXII
CLXXIII
CLXXIV
CLXXV
CLXXVI
CLXXVII
CLXXVIII
CLXXIX
CLXXX
CLXXXI
CLXXXII
CLXXXIII
CLXXXIV
CLXXXV
CLXXXVI
CLXXXVII
CLXXXVIII
CLXXXIX
CXC
CXCI
CXCII
CXCIII
CXCIV
CXCV
CXCVI
CXCVII
CXCVIII
CXCIX
CC
CCI
CCII
CCIII
CCIV
CCV
CCVI
CCVII
CCVIII
CCIX
CCX
CCXI
CCXII
CCXIII
CCXIV
CCXV
CCXVI
CCXVII
CCXVIII
CCXIX
CCXX
CCXXI
CCXXII
CCXXIII
CCXXIV
CCXXV
CCXXVI
CCXXVII
CCXXVIII
CCXXIX
CCXXX
CCXXXI
CCXXXII
CCXXXIII
CCXXXIV
CCXXXV
CCXXXVI
CCXXXVII
CCXXXVIII
CCXXXIX
CCXL
CCXLI
CCXLII
CCXLIII
CCXLIV
CCXLV
CCXLVI
CCXLVII
CCXLVIII
CCXLIX
CCL
CCLI
CCLII
CCLIII
CCLIV
CCLV
CCLVI
CCLVII
CCLVIII
CCLIX
CCLX
CCLXI
CCLXII
CCLXIII
CCLXIV
CCLXV
CCLXVI
CCLXVII
CCLXVIII
CCLXIX
CCLXX
CCLXXI
CCLXXII
CCLXXIII
CCLXXIV
CCLXXV
CCLXXVI
CCLXXVII
CCLXXVIII
CCLXXIX
CCLXXX
CCLXXXI
CCLXXXII
CCLXXXIII
CCLXXXIV
CCLXXXV
CCLXXXVI
CCLXXXVII
CCLXXXVIII
CCLXXXIX
CCXC
CCXCI
CCXCII
CCXCIII
CCXCIV
CCXCV
CCXCVI
CCXCVII
CCXCVIII
CCXCIX
CCC
CCCI
CCCII
CCCIII
CCCIV
CCCV
CCCVI
CCCVII
CCCVIII
CCCIX
CCCX
CCCXI
CCCXII
CCCXIII
CCCXIV
CCCXV
CCCXVI
CCCXVII
CCCXVIII
CCCXIX
CCCXX
CCCXXI
CCCXXII
CCCXXIII
CCCXXIV
CCCXXV
CCCXXVI
CCCXXVII
CCCXXVIII
CCCXXIX
CCCXXX
CCCXXXI
CCCXXXII
CCCXXXIII
CCCXXXIV
CCCXXXV
CCCXXXVI
CCCXXXVII
CCCXXXVIII
CCCXXXIX
CCCXL
CCCXLI
CCCXLII
CCCXLIII
CCCXLIV
CCCXLV
CCCXLVI
CCCXLVII
CCCXLVIII
CCCXLIX
CCCL
CCCLI
CCCLII
CCCLIII
CCCLIV
CCCLV
CCCLVI
CCCLVII
CCCLVIII
CCCLIX
CCCLX
CCCLXI
CCCLXII
CCCLXIII
CCCLXIV
CCCLXV
CCCLXVI
CCCLXVII
CCCLXVIII
CCCLXIX
CCCLXX
CCCLXXI
CCCLXXII
CCCLXXIII
CCCLXXIV
CCCLXXV
CCCLXXVI
CCCLXXVII
CCCLXXVIII
CCCLXXIX
CCCLXXX
CCCLXXXI
CCCLXXXII
CCCLXXXIII
CCCLXXXIV
CCCLXXXV
CCCLXXXVI
CCCLXXXVII
CCCLXXXVIII
CCCLXXXIX
CCCXC
CCCXCI
CCCXCII
CCCXCIII
CCCXCIV
CCCXCV
CCCXCVI
CCCXCVII
CCCXCVIII
CCCXCIX
CD
CDI
CDII
CDIII
CDIV
CDV
CDVI
CDVII
CDVIII
CDIX
CDX
CDXI
CDXII
CDXIII
CDXIV
CDXV
CDXVI
CDXVII
CDXVIII
CDXIX
CDXX
CDXXI
CDXXII
CDXXIII
CDXXIV
CDXXV
CDXXVI
CDXXVII
CDXXVIII
CDXXIX
CDXXX
CDXXXI
CDXXXII
CDXXXIII
CDXXXIV
CDXXXV
CDXXXVI
CDXXXVII
CDXXXVIII
CDXXXIX
CDXL
CDXLI
CDXLII
CDXLIII
CDXLIV
CDXLV
CDXLVI
CDXLVII
CDXLVIII
CDXLIX
CDL
CDLI
CDLII
CDLIII
CDLIV
CDLV
CDLVI
CDLVII
CDLVIII
CDLIX
CDLX
CDLXI
CDLXII
CDLXIII
CDLXIV
CDLXV
CDLXVI
CDLXVII
CDLXVIII
CDLXIX
CDLXX
CDLXXI
CDLXXII
CDLXXIII
CDLXXIV
CDLXXV
CDLXXVI
CDLXXVII
CDLXXVIII
CDLXXIX
CDLXXX
CDLXXXI
CDLXXXII
CDLXXXIII
CDLXXXIV
CDLXXXV
CDLXXXVI
CDLXXXVII
CDLXXXVIII
CDLXXXIX
CDXC
CDXCI
CDXCII
CDXCIII
CDXCIV
CDXCV
CDXCVI
CDXCVII
CDXCVIII
CDXCIX
D
DI
DII
DIII
DIV
DV
DVI
DVII
DVIII
DIX
DX
DXI
DXII
DXIII
DXIV
DXV
DXVI
DXVII
DXVIII
DXIX
DXX
DXXI
DXXII
DXXIII
DXXIV
DXXV
DXXVI
DXXVII
DXXVIII
DXXIX
DXXX
DXXXI
DXXXII
DXXXIII
DXXXIV
DXXXV
DXXXVI
DXXXVII
DXXXVIII
DXXXIX
DXL
DXLI
DXLII
DXLIII
DXLIV
DXLV
DXLVI
DXLVII
DXLVIII
DXLIX
DL
DLI
DLII
DLIII
DLIV
DLV
DLVI
DLVII
DLVIII
DLIX
DLX
DLXI
DLXII
DLXIII
DLXIV
DLXV
DLXVI
DLXVII
DLXVIII
DLXIX
DLXX
DLXXI
DLXXII
DLXXIII
DLXXIV
DLXXV
DLXXVI
DLXXVII
DLXXVIII
DLXXIX
DLXXX
DLXXXI
DLXXXII
DLXXXIII
DLXXXIV
DLXXXV
DLXXXVI
DLXXXVII
DLXXXVIII
DLXXXIX
DXC
DXCI
DXCII
DXCIII
DXCIV
DXCV
DXCVI
DXCVII
DXCVIII
DXCIX
DC
DCI
DCII
DCIII
DCIV
DCV
DCVI
DCVII
DCVIII
DCIX
DCX
DCXI
DCXII
DCXIII
DCXIV
DCXV
DCXVI
DCXVII
DCXVIII
DCXIX
DCXX
DCXXI
DCXXII
DCXXIII
DCXXIV
DCXXV
DCXXVI
DCXXVII
DCXXVIII
DCXXIX
DCXXX
DCXXXI
DCXXXII
DCXXXIII
DCXXXIV
DCXXXV
DCXXXVI
DCXXXVII
DCXXXVIII
DCXXXIX
DCXL
DCXLI
DCXLII
DCXLIII
DCXLIV
DCXLV
DCXLVI
DCXLVII
DCXLVIII
DCXLIX
DCL
DCLI
DCLII
DCLIII
DCLIV
DCLV
DCLVI
DCLVII
DCLVIII
DCLIX
DCLX
DCLXI
DCLXII
DCLXIII
DCLXIV
DCLXV
DCLXVI
DCLXVII
DCLXVIII
DCLXIX
DCLXX
DCLXXI
DCLXXII
DCLXXIII
DCLXXIV
DCLXXV
DCLXXVI
DCLXXVII
DCLXXVIII
DCLXXIX
DCLXXX
DCLXXXI
DCLXXXII
DCLXXXIII
DCLXXXIV
DCLXXXV
DCLXXXVI
DCLXXXVII
DCLXXXVIII
DCLXXXIX
DCXC
DCXCI
DCXCII
DCXCIII
DCXCIV
DCXCV
DCXCVI
DCXCVII
DCXCVIII
DCXCIX
DCC
DCCI
DCCII
DCCIII
DCCIV
DCCV
DCCVI
DCCVII
DCCVIII
DCCIX
DCCX
DCCXI
DCCXII
DCCXIII
DCCXIV
DCCXV
DCCXVI
DCCXVII
DCCXVIII
DCCXIX
DCCXX
DCCXXI
DCCXXII
DCCXXIII
DCCXXIV
DCCXXV
DCCXXVI
DCCXXVII
DCCXXVIII
DCCXXIX
DCCXXX
DCCXXXI
DCCXXXII
DCCXXXIII
DCCXXXIV
DCCXXXV
DCCXXXVI
DCCXXXVII
DCCXXXVIII
DCCXXXIX
DCCXL
DCCXLI
DCCXLII
DCCXLIII
DCCXLIV
DCCXLV
DCCXLVI
DCCXLVII
DCCXLVIII
DCCXLIX
DCCL
DCCLI
DCCLII
DCCLIII
DCCLIV
DCCLV
DCCLVI
DCCLVII
DCCLVIII
DCCLIX
DCCLX
DCCLXI
DCCLXII
DCCLXIII
DCCLXIV
DCCLXV
DCCLXVI
DCCLXVII
DCCLXVIII
DCCLXIX
DCCLXX
DCCLXXI
DCCLXXII
DCCLXXIII
DCCLXXIV
DCCLXXV
DCCLXXVI
DCCLXXVII
DCCLXXVIII
DCCLXXIX
DCCLXXX
DCCLXXXI
DCCLXXXII
DCCLXXXIII
DCCLXXXIV
DCCLXXXV
DCCLXXXVI
DCCLXXXVII
DCCLXXXVIII
DCCLXXXIX
DCCXC
DCCXCI
DCCXCII
DCCXCIII
DCCXCIV
DCCXCV
DCCXCVI
DCCXCVII
DCCXCVIII
DCCXCIX
DCCC
DCCCI
DCCCII
DCCCIII
DCCCIV
DCCCV
DCCCVI
DCCCVII
DCCCVIII
DCCCIX
DCCCX
DCCCXI
DCCCXII
DCCCXIII
DCCCXIV
DCCCXV
DCCCXVI
DCCCXVII
DCCCXVIII
DCCCXIX
DCCCXX
DCCCXXI
DCCCXXII
DCCCXXIII
DCCCXXIV
DCCCXXV
DCCCXXVI
DCCCXXVII
DCCCXXVIII
DCCCXXIX
DCCCXXX
DCCCXXXI
DCCCXXXII
DCCCXXXIII
DCCCXXXIV
DCCCXXXV
DCCCXXXVI
DCCCXXXVII
DCCCXXXVIII
DCCCXXXIX
DCCCXL
DCCCXLI
DCCCXLII
DCCCXLIII
DCCCXLIV
DCCCXLV
DCCCXLVI
DCCCXLVII
DCCCXLVIII
DCCCXLIX
DCCCL
DCCCLI
DCCCLII
DCCCLIII
DCCCLIV
DCCCLV
DCCCLVI
DCCCLVII
DCCCLVIII
DCCCLIX
DCCCLX
DCCCLXI
DCCCLXII
DCCCLXIII
DCCCLXIV
DCCCLXV
DCCCLXVI
DCCCLXVII
DCCCLXVIII
DCCCLXIX
DCCCLXX
DCCCLXXI
DCCCLXXII
DCCCLXXIII
DCCCLXXIV
DCCCLXXV
DCCCLXXVI
DCCCLXXVII
DCCCLXXVIII
DCCCLXXIX
DCCCLXXX
DCCCLXXXI
DCCCLXXXII
DCCCLXXXIII
DCCCLXXXIV
DCCCLXXXV
DCCCLXXXVI
DCCCLXXXVII
DCCCLXXXVIII
DCCCLXXXIX
DCCCXC
DCCCXCI
DCCCXCII
DCCCXCIII
DCCCXCIV
DCCCXCV
DCCCXCVI
DCCCXCVII
DCCCXCVIII
DCCCXCIX
CM
CMI
CMII
CMIII
CMIV
CMV
CMVI
CMVII
CMVIII
CMIX
CMX
CMXI
CMXII
CMXIII
CMXIV
CMXV
CMXVI
CMXVII
CMXVIII
CMXIX
CMXX
CMXXI
CMXXII
CMXXIII
CMXXIV
CMXXV
CMXXVI
CMXXVII
CMXXVIII
CMXXIX
CMXXX
CMXXXI
CMXXXII
CMXXXIII
CMXXXIV
CMXXXV
CMXXXVI
CMXXXVII
CMXXXVIII
CMXXXIX
CMXL
CMXLI
CMXLII
CMXLIII
CMXLIV
CMXLV
CMXLVI
CMXLVII
CMXLVIII
CMXLIX
CML
CMLI
CMLII
CMLIII
CMLIV
CMLV
CMLVI
CMLVII
CMLVIII
CMLIX
CMLX
CMLXI
CMLXII
CMLXIII
CMLXIV
CMLXV
CMLXVI
CMLXVII
CMLXVIII
CMLXIX
CMLXX
CMLXXI
CMLXXII
CMLXXIII
CMLXXIV
CMLXXV
CMLXXVI
CMLXXVII
CMLXXVIII
CMLXXIX
CMLXXX
CMLXXXI
CMLXXXII
CMLXXXIII
CMLXXXIV
CMLXXXV
CMLXXXVI
CMLXXXVII
CMLXXXVIII
CMLXXXIX
CMXC
CMXCI
CMXCII
CMXCIII
CMXCIV
CMXCV
CMXCVI
CMXCVII
CMXCVIII
CMXCIX
M
MI
MII
MIII
MIV
MV
MVI
MVII
MVIII
MIX
MX
MXI
MXII
MXIII
MXIV
MXV
MXVI
MXVII
MXVIII
MXIX
MXX
MXXI
MXXII
MXXIII
MXXIV
MXXV
MXXVI
MXXVII
MXXVIII
MXXIX
MXXX
MXXXI
MXXXII
MXXXIII
MXXXIV
MXXXV
MXXXVI
MXXXVII
MXXXVIII
MXXXIX
MXL
MXLI
MXLII
MXLIII
MXLIV
MXLV
MXLVI
MXLVII
MXLVIII
MXLIX
ML
MLI
MLII
MLIII
MLIV
MLV
MLVI
MLVII
MLVIII
MLIX
MLX
MLXI
MLXII
MLXIII
MLXIV
MLXV
MLXVI
MLXVII
MLXVIII
MLXIX
MLXX
MLXXI
MLXXII
MLXXIII
MLXXIV
MLXXV
MLXXVI
MLXXVII
MLXXVIII
MLXXIX
MLXXX
MLXXXI
MLXXXII
MLXXXIII
MLXXXIV
MLXXXV
MLXXXVI
MLXXXVII
MLXXXVIII
MLXXXIX
MXC
MXCI
MXCII
MXCIII
MXCIV
MXCV
MXCVI
MXCVII
MXCVIII
MXCIX
MC
MCI
MCII
MCIII
MCIV
MCV
MCVI
MCVII
MCVIII
MCIX
MCX
MCXI
MCXII
MCXIII
MCXIV
MCXV
MCXVI
MCXVII
MCXVIII
MCXIX
MCXX
MCXXI
MCXXII
MCXXIII
MCXXIV
MCXXV
MCXXVI
MCXXVII
MCXXVIII
MCXXIX
MCXXX
MCXXXI
MCXXXII
MCXXXIII
MCXXXIV
MCXXXV
MCXXXVI
MCXXXVII
MCXXXVIII
MCXXXIX
MCXL
MCXLI
MCXLII
MCXLIII
MCXLIV
MCXLV
MCXLVI
MCXLVII
MCXLVIII
MCXLIX
MCL
MCLI
MCLII
MCLIII
MCLIV
MCLV
MCLVI
MCLVII
MCLVIII
MCLIX
MCLX
MCLXI
MCLXII
MCLXIII
MCLXIV
MCLXV
MCLXVI
MCLXVII
MCLXVIII
MCLXIX
MCLXX
MCLXXI
MCLXXII
MCLXXIII
MCLXXIV
MCLXXV
MCLXXVI
MCLXXVII
MCLXXVIII
MCLXXIX
MCLXXX
MCLXXXI
MCLXXXII
MCLXXXIII
MCLXXXIV
MCLXXXV
MCLXXXVI
MCLXXXVII
MCLXXXVIII
MCLXXXIX
MCXC
MCXCI
MCXCII
MCXCIII
MCXCIV
MCXCV
MCXCVI
MCXCVII
MCXCVIII
MCXCIX
MCC
MCCI
MCCII
MCCIII
MCCIV
MCCV
MCCVI
MCCVII
MCCVIII
MCCIX
MCCX
MCCXI
MCCXII
MCCXIII
MCCXIV
MCCXV
MCCXVI
MCCXVII
MCCXVIII
MCCXIX
MCCXX
MCCXXI
MCCXXII
MCCXXIII
MCCXXIV
MCCXXV
MCCXXVI
MCCXXVII
MCCXXVIII
MCCXXIX
MCCXXX
MCCXXXI
MCCXXXII
MCCXXXIII
MCCXXXIV
MCCXXXV
MCCXXXVI
MCCXXXVII
MCCXXXVIII
MCCXXXIX
MCCXL
MCCXLI
MCCXLII
MCCXLIII
MCCXLIV
MCCXLV
MCCXLVI
MCCXLVII
MCCXLVIII
MCCXLIX
MCCL
MCCLI
MCCLII
MCCLIII
MCCLIV
MCCLV
MCCLVI
MCCLVII
MCCLVIII
MCCLIX
MCCLX
MCCLXI
MCCLXII
MCCLXIII
MCCLXIV
MCCLXV
MCCLXVI
MCCLXVII
MCCLXVIII
MCCLXIX
MCCLXX
MCCLXXI
MCCLXXII
MCCLXXIII
MCCLXXIV
MCCLXXV
MCCLXXVI
MCCLXXVII
MCCLXXVIII
MCCLXXIX
MCCLXXX
MCCLXXXI
MCCLXXXII
MCCLXXXIII
MCCLXXXIV
MCCLXXXV
MCCLXXXVI
MCCLXXXVII
MCCLXXXVIII
MCCLXXXIX
MCCXC
MCCXCI
MCCXCII
MCCXCIII
MCCXCIV
MCCXCV
MCCXCVI
MCCXCVII
MCCXCVIII
MCCXCIX
MCCC
MCCCI
MCCCII
MCCCIII
MCCCIV
MCCCV
MCCCVI
MCCCVII
MCCCVIII
MCCCIX
MCCCX
MCCCXI
MCCCXII
MCCCXIII
MCCCXIV
MCCCXV
MCCCXVI
MCCCXVII
MCCCXVIII
MCCCXIX
MCCCXX
MCCCXXI
MCCCXXII
MCCCXXIII
MCCCXXIV
MCCCXXV
MCCCXXVI
MCCCXXVII
MCCCXXVIII
MCCCXXIX
MCCCXXX
MCCCXXXI
MCCCXXXII
MCCCXXXIII
MCCCXXXIV
MCCCXXXV
MCCCXXXVI
MCCCXXXVII
MCCCXXXVIII
MCCCXXXIX
MCCCXL
MCCCXLI
MCCCXLII
MCCCXLIII
MCCCXLIV
MCCCXLV
MCCCXLVI
MCCCXLVII
MCCCXLVIII
MCCCXLIX
MCCCL
MCCCLI
MCCCLII
MCCCLIII
MCCCLIV
MCCCLV
MCCCLVI
MCCCLVII
MCCCLVIII
MCCCLIX
MCCCLX
MCCCLXI
MCCCLXII
MCCCLXIII
MCCCLXIV
MCCCLXV
MCCCLXVI
MCCCLXVII
MCCCLXVIII
MCCCLXIX
MCCCLXX
MCCCLXXI
MCCCLXXII
MCCCLXXIII
MCCCLXXIV
MCCCLXXV
MCCCLXXVI
MCCCLXXVII
MCCCLXXVIII
MCCCLXXIX
MCCCLXXX
MCCCLXXXI
MCCCLXXXII
MCCCLXXXIII
MCCCLXXXIV
MCCCLXXXV
MCCCLXXXVI
MCCCLXXXVII
MCCCLXXXVIII
MCCCLXXXIX
MCCCXC
MCCCXCI
MCCCXCII
MCCCXCIII
MCCCXCIV
MCCCXCV
MCCCXCVI
MCCCXCVII
MCCCXCVIII
MCCCXCIX
MCD
MCDI
MCDII
MCDIII
MCDIV
MCDV
MCDVI
MCDVII
MCDVIII
MCDIX
MCDX
MCDXI
MCDXII
MCDXIII
MCDXIV
MCDXV
MCDXVI
MCDXVII
MCDXVIII
MCDXIX
MCDXX
MCDXXI
MCDXXII
MCDXXIII
MCDXXIV
MCDXXV
MCDXXVI
MCDXXVII
MCDXXVIII
MCDXXIX
MCDXXX
MCDXXXI
MCDXXXII
MCDXXXIII
MCDXXXIV
MCDXXXV
MCDXXXVI
MCDXXXVII
MCDXXXVIII
MCDXXXIX
MCDXL
MCDXLI
MCDXLII
MCDXLIII
MCDXLIV
MCDXLV
MCDXLVI
MCDXLVII
MCDXLVIII
MCDXLIX
MCDL
MCDLI
MCDLII
MCDLIII
MCDLIV
MCDLV
MCDLVI
MCDLVII
MCDLVIII
MCDLIX
MCDLX
MCDLXI
MCDLXII
MCDLXIII
MCDLXIV
MCDLXV
MCDLXVI
MCDLXVII
MCDLXVIII
MCDLXIX
MCDLXX
MCDLXXI
MCDLXXII
MCDLXXIII
MCDLXXIV
MCDLXXV
MCDLXXVI
MCDLXXVII
MCDLXXVIII
MCDLXXIX
MCDLXXX
MCDLXXXI
MCDLXXXII
MCDLXXXIII
MCDLXXXIV
MCDLXXXV
MCDLXXXVI
MCDLXXXVII
MCDLXXXVIII
MCDLXXXIX
MCDXC
MCDXCI
MCDXCII
MCDXCIII
MCDXCIV
MCDXCV
MCDXCVI
MCDXCVII
MCDXCVIII
MCDXCIX
MD
MDI
MDII
MDIII
MDIV
MDV
MDVI
MDVII
MDVIII
MDIX
MDX
MDXI
MDXII
MDXIII
MDXIV
MDXV
MDXVI
MDXVII
MDXVIII
MDXIX
MDXX
MDXXI
MDXXII
MDXXIII
MDXXIV
MDXXV
MDXXVI
MDXXVII
MDXXVIII
MDXXIX
MDXXX
MDXXXI
MDXXXII
MDXXXIII
MDXXXIV
MDXXXV
MDXXXVI
MDXXXVII
MDXXXVIII
MDXXXIX
MDXL
MDXLI
MDXLII
MDXLIII
MDXLIV
MDXLV
MDXLVI
MDXLVII
MDXLVIII
MDXLIX
MDL
MDLI
MDLII
MDLIII
MDLIV
MDLV
MDLVI
MDLVII
MDLVIII
MDLIX
MDLX
MDLXI
MDLXII
MDLXIII
MDLXIV
MDLXV
MDLXVI
MDLXVII
MDLXVIII
MDLXIX
MDLXX
MDLXXI
MDLXXII
MDLXXIII
MDLXXIV
MDLXXV
MDLXXVI
MDLXXVII
MDLXXVIII
MDLXXIX
MDLXXX
MDLXXXI
MDLXXXII
MDLXXXIII
MDLXXXIV
MDLXXXV
MDLXXXVI
MDLXXXVII
MDLXXXVIII
MDLXXXIX
MDXC
MDXCI
MDXCII
MDXCIII
MDXCIV
MDXCV
MDXCVI
MDXCVII
MDXCVIII
MDXCIX
MC
MCI
MCII
MCIII
MCIV
MCV
MCVI
MCVII
MCVIII
MCIX
MCX
MCXI
MCXII
MCXIII
MCXIV
MCXV
MCXVI
MCXVII
MCXVIII
MCXIX
MCXX
MCXXI
MCXXII
MCXXIII
MCXXIV
MCXXV
MCXXVI
MCXXVII
MCXXVIII
MCXXIX
MCXXX
MCXXXI
MCXXXII
MCXXXIII
MCXXXIV
MCXXXV
MCXXXVI
MCXXXVII
MCXXXVIII
MCXXXIX
MCXL
MCXLI
MCXLII
MCXLIII
MCXLIV
MCXLV
MCXLVI
MCXLVII
MCXLVIII
MCXLIX
MCL
MCLI
MCLII
MCLIII
MCLIV
MCLV
MCLVI
MCLVII
MCLVIII
MCLIX
MCLX
MCLXI
MCLXII
MCLXIII
MCLXIV
MCLXV
MCLXVI
MCLXVII
MCLXVIII
MCLXIX
MCLXX
MCLXXI
MCLXXII
MCLXXIII
MCLXXIV
MCLXXV
MCLXXVI
MCLXXVII
MCLXXVIII
MCLXXIX
MCLXXX
MCLXXXI
MCLXXXII
MCLXXXIII
MCLXXXIV
MCLXXXV
MCLXXXVI
MCLXXXVII
MCLXXXVIII
MCLXXXIX
MCXC
MCXCI
MCXCII
MCXCIII
MCXCIV
MCXCV
MCXCVI
MCXCVII
MCXCVIII
MCXCIX
MCC
MCCI
MCCII
MCCIII
MCCIV
MCCV
MCCVI
MCCVII
MCCVIII
MCCIX
MCCX
MCCXI
MCCXII
MCCXIII
MCCXIV
MCCXV
MCCXVI
MCCXVII
MCCXVIII
MCCXIX
MCCXX
MCCXXI
MCCXXII
MCCXXIII
MCCXXIV
MCCXXV
MCCXXVI
MCCXXVII
MCCXXVIII
MCCXXIX
MCCXXX
MCCXXXI
MCCXXXII
MCCXXXIII
MCCXXXIV
MCCXXXV
MCCXXXVI
MCCXXXVII
MCCXXXVIII
MCCXXXIX
MCCXL
MCCXLI
MCCXLII
MCCXLIII
MCCXLIV
MCCXLV
MCCXLVI
MCCXLVII
MCCXLVIII
MCCXLIX
MCCL
MCCLI
MCCLII
MCCLIII
MCCLIV
MCCLV
MCCLVI
MCCLVII
MCCLVIII
MCCLIX
MCCLX
MCCLXI
MCCLXII
MCCLXIII
MCCLXIV
MCCLXV
MCCLXVI
MCCLXVII
MCCLXVIII
MCCLXIX
MCCLXX
MCCLXXI
MCCLXXII
MCCLXXIII
MCCLXXIV
MCCLXXV
MCCLXXVI
MCCLXXVII
MCCLXXVIII
MCCLXXIX
MCCLXXX
MCCLXXXI
MCCLXXXII
MCCLXXXIII
MCCLXXXIV
MCCLXXXV
MCCLXXXVI
MCCLXXXVII
MCCLXXXVIII
MCCLXXXIX
MCCXC
MCCXCI
MCCXCII
MCCXCIII
MCCXCIV
MCCXCV
MCCXCVI
MCCXCVII
MCCXCVIII
MCCXCIX
MCCC
MCCCI
MCCCII
MCCCIII
MCCCIV
MCCCV
MCCCVI
MCCCVII
MCCCVIII
MCCCIX
MCCCX
MCCCXI
MCCCXII
MCCCXIII
MCCCXIV
MCCCXV
MCCCXVI
MCCCXVII
MCCCXVIII
MCCCXIX
MCCCXX
MCCCXXI
MCCCXXII
MCCCXXIII
MCCCXXIV
MCCCXXV
MCCCXXVI
MCCCXXVII
MCCCXXVIII
MCCCXXIX
MCCCXXX
MCCCXXXI
MCCCXXXII
MCCCXXXIII
MCCCXXXIV
MCCCXXXV
MCCCXXXVI
MCCCXXXVII
MCCCXXXVIII
MCCCXXXIX
MCCCXL
MCCCXLI
MCCCXLII
MCCCXLIII
MCCCXLIV
MCCCXLV
MCCCXLVI
MCCCXLVII
MCCCXLVIII
MCCCXLIX
MCCCL
MCCCLI
MCCCLII
MCCCLIII
MCCCLIV
MCCCLV
MCCCLVI
MCCCLVII
MCCCLVIII
MCCCLIX
MCCCLX
MCCCLXI
MCCCLXII
MCCCLXIII
MCCCLXIV
MCCCLXV
MCCCLXVI
MCCCLXVII
MCCCLXVIII
MCCCLXIX
MCCCLXX
MCCCLXXI
MCCCLXXII
MCCCLXXIII
MCCCLXXIV
MCCCLXXV
MCCCLXXVI
MCCCLXXVII
MCCCLXXVIII
MCCCLXXIX
MCCCLXXX
MCCCLXXXI
MCCCLXXXII
MCCCLXXXIII
MCCCLXXXIV
MCCCLXXXV
MCCCLXXXVI
MCCCLXXXVII
MCCCLXXXVIII
MCCCLXXXIX
MCCCXC
MCCCXCI
MCCCXCII
MCCCXCIII
MCCCXCIV
MCCCXCV
MCCCXCVI
MCCCXCVII
MCCCXCVIII
MCCCXCIX
MCD
MCDI
MCDII
MCDIII
MCDIV
MCDV
MCDVI
MCDVII
MCDVIII
MCDIX
MCDX
MCDXI
MCDXII
MCDXIII
MCDXIV
MCDXV
MCDXVI
MCDXVII
MCDXVIII
MCDXIX
MCDXX
MCDXXI
MCDXXII
MCDXXIII
MCDXXIV
MCDXXV
MCDXXVI
MCDXXVII
MCDXXVIII
MCDXXIX
MCDXXX
MCDXXXI
MCDXXXII
MCDXXXIII
MCDXXXIV
MCDXXXV
MCDXXXVI
MCDXXXVII
MCDXXXVIII
MCDXXXIX
MCDXL
MCDXLI
MCDXLII
MCDXLIII
MCDXLIV
MCDXLV
MCDXLVI
MCDXLVII
MCDXLVIII
MCDXLIX
MCDL
MCDLI
MCDLII
MCDLIII
MCDLIV
MCDLV
MCDLVI
MCDLVII
MCDLVIII
MCDLIX
MCDLX
MCDLXI
MCDLXII
MCDLXIII
MCDLXIV
MCDLXV
MCDLXVI
MCDLXVII
MCDLXVIII
MCDLXIX
MCDLXX
MCDLXXI
MCDLXXII
MCDLXXIII
MCDLXXIV
MCDLXXV
MCDLXXVI
MCDLXXVII
MCDLXXVIII
MCDLXXIX
MCDLXXX
MCDLXXXI
MCDLXXXII
MCDLXXXIII
MCDLXXXIV
MCDLXXXV
MCDLXXXVI
MCDLXXXVII
MCDLXXXVIII
MCDLXXXIX
MCDXC
MCDXCI
MCDXCII
MCDXCIII
MCDXCIV
MCDXCV
MCDXCVI
MCDXCVII
MCDXCVIII
MCDXCIX
MD
MDI
MDII
MDIII
MDIV
MDV
MDVI
MDVII
MDVIII
MDIX
MDX
MDXI
MDXII
MDXIII
MDXIV
MDXV
MDXVI
MDXVII
MDXVIII
MDXIX
MDXX
MDXXI
MDXXII
MDXXIII
MDXXIV
MDXXV
MDXXVI
MDXXVII
MDXXVIII
MDXXIX
MDXXX
MDXXXI
MDXXXII
MDXXXIII
MDXXXIV
MDXXXV
MDXXXVI
MDXXXVII
MDXXXVIII
MDXXXIX
MDXL
MDXLI
MDXLII
MDXLIII
MDXLIV
MDXLV
MDXLVI
MDXLVII
MDXLVIII
MDXLIX
MDL
MDLI
MDLII
MDLIII
MDLIV
MDLV
MDLVI
MDLVII
MDLVIII
MDLIX
MDLX
MDLXI
MDLXII
MDLXIII
MDLXIV
MDLXV
MDLXVI
MDLXVII
MDLXVIII
MDLXIX
MDLXX
MDLXXI
MDLXXII
MDLXXIII
MDLXXIV
MDLXXV
MDLXXVI
MDLXXVII
MDLXXVIII
MDLXXIX
MDLXXX
MDLXXXI
MDLXXXII
MDLXXXIII
MDLXXXIV
MDLXXXV
MDLXXXVI
MDLXXXVII
MDLXXXVIII
MDLXXXIX
MDXC
MDXCI
MDXCII
MDXCIII
MDXCIV
MDXCV
MDXCVI
MDXCVII
MDXCVIII
MDXCIX
MC
MCI
MCII
MCIII
MCIV
MCV
MCVI
MCVII
MCVIII
MCIX
MCX
MCXI
MCXII
MCXIII
MCXIV
MCXV
MCXVI
MCXVII
MCXVIII
MCXIX
MCXX
MCXXI
MCXXII
MCXXIII
MCXXIV
MCXXV
MCXXVI
MCXXVII
MCXXVIII
MCXXIX
MCXXX
MCXXXI
MCXXXII
MCXXXIII
MCXXXIV
MCXXXV
MCXXXVI
MCXXXVII
MCXXXVIII
MCXXXIX
MCXL
MCXLI
MCXLII
MCXLIII
MCXLIV
MCXLV
MCXLVI
MCXLVII
MCXLVIII
MCXLIX
MCL
MCLI
MCLII
MCLIII
MCLIV
MCLV
MCLVI
MCLVII
MCLVIII
MCLIX
MCLX
MCLXI
MCLXII
MCLXIII
MCLXIV
MCLXV
MCLXVI
MCLXVII
MCLXVIII
MCLXIX
MCLXX
MCLXXI
MCLXXII
MCLXXIII
MCLXXIV
MCLXXV
MCLXXVI
MCLXXVII
MCLXXVIII
MCLXXIX
MCLXXX
MCLXXXI
MCLXXXII
MCLXXXIII
MCLXXXIV
MCLXXXV
MCLXXXVI
MCLXXXVII
MCLXXXVIII
MCLXXXIX
MCXC
MCXCI
MCXCII
MCXCIII
MCXCIV
MCXCV
MCXCVI
MCXCVII
MCXCVIII
MCXCIX
MCC
MCCI
MCCII
MCCIII
MCCIV
MCCV
MCCVI
MCCVII
MCCVIII
MCCIX
MCCX
MCCXI
MCCXII
MCCXIII
MCCXIV
MCCXV
MCCXVI
MCCXVII
MCCXVIII
MCCXIX
MCCXX
MCCXXI
MCCXXII
MCCXXIII
MCCXXIV
MCCXXV
MCCXXVI
MCCXXVII
MCCXXVIII
MCCXXIX
MCCXXX
MCCXXXI
MCCXXXII
MCCXXXIII
MCCXXXIV
MCCXXXV
MCCXXXVI
MCCXXXVII
MCCXXXVIII
MCCXXXIX
MCCXL
MCCXLI
MCCXLII
MCCXLIII
MCCXLIV
MCCXLV
MCCXLVI
MCCXLVII
MCCXLVIII
MCCXLIX
MCCL
MCCLI
MCCLII
MCCLIII
MCCLIV
MCCLV
MCCLVI
MCCLVII
MCCLVIII
MCCLIX
MCCLX
MCCLXI
MCCLXII
MCCLXIII
MCCLXIV
MCCLXV
MCCLXVI
MCCLXVII
MCCLXVIII
MCCLXIX
MCCLXX
MCCLXXI
MCCLXXII
MCCLXXIII
MCCLXXIV
MCCLXXV
MCCLXXVI
MCCLXXVII
MCCLXXVIII
MCCLXXIX
MCCLXXX
MCCLXXXI
MCCLXXXII
MCCLXXXIII
MCCLXXXIV
MCCLXXXV
MCCLXXXVI
MCCLXXXVII
MCCLXXXVIII
MCCLXXXIX
MCCXC
MCCXCI
MCCXCII
MCCXCIII
MCCXCIV
MCCXCV
MCCXCVI
MCCXCVII
MCCXCVIII
MCCXCIX
MCCC
MCCCI
MCC

Рис. 5. Пенджикент. Здания, восстановленные около 740-годов (заштрихованы)

В условиях, когда в деревне в основном сохранялось натуральное хозяйство, обмен крестьянского хлеба на ремесленные изделия не мог обеспечить для ремесла платежеспособный спрос. Знать, получавшая в деревне зерно и сырье для ремесленного производства в качестве феодальной ренты, могла продавать ремесленникам необходимые для них товары. Знать с ее воинскими отрядами и многочисленными домочадцами (наряду с потребностями внешней караванной торговли) обеспечивала спрос на ремесленную продукцию, и она же эксплуатировала ремесленников путем взимания ренты за построенные на принадлежавшей ей земле мастерские и лавки.

В городе, в отличие от деревни, отношения знати и рядового торгово-ремесленного населения не имели характер неприкрытого господства и подчинения. Господство знати осуществлялось в форме товарно-денежных отношений.

На схеме (рис. 7) показаны все «потоки» продуктов труда и денег, о которых позволяют судить археологические материалы и документы с горы Муг [14]. Наряду с производством для себя и обменом мы видим феодальную ренту: натуральную с сельского хозяйства и денежную с ремесла, при этом деньги слабо проникают в деревню.

Такая экономика в сочетании с отсутствием политической централизации в Согде приводила к мощному развитию общественной жизни города. На плане древнего Пенджикента наиболее разительно выглядит сочетание крайней земельной тесноты, с одной стороны, когда даже над переулками нередко возводили вторые этажи, и с другой — множество просторных залов и обширные парадные дворы, предназначенные для обрядов, собраний и пиров (рис. 6). Совокупная площадь этих помещений заметно превышает площадь торгово-ремесленной застройки. Самыми значительными зданиями города были именно общественные здания — два храма с громадными дворами, все стены которых были покрыты росписью.

Доля домов с живописью и скульптурой среди 74 раскопанных жилищ первой четверти VIII в.— более 40%, но поскольку они больше, чем рядовые жилища, то общая их площадь больше общей площади рядовой застройки. Надо учесть, однако, что центральная, более богатая часть застройки лучше изучена (рис. 8).

Характерно, что если в деревне между дворцом владетеля и рядовыми домами был разительный контраст и по размеру, и по архитектуре, то в городе сословные границы видны менее отчетливо и можно проследить градацию от грандиозных дворцов, приближающихся по площади и по размерам залов к дворцу Деваштича на цитадели, до домов людей среднего достатка, по площади близких к рядовым, но тем не менее украшенных живописью.

Даже архитектура рядовых домов с их сводами и маленькими «четырехколонными залами» в чем-то приближалась к архитектуре резиденций знати и существенно отличалась от простой утилитарно-обусловленной архитектуры крестьянских домов.

В свете открывшейся при раскопках картины иначе выглядят и немногочисленные письменные источники. Особое значение приобретает один из мугских документов, в котором упоминается «пенджикентский народ», имеющий своих должностных лиц и свои доходы [15]. Эти факты

[14] Согдийские документы с горы Муг, вып. I—III. М., 1962—1963.

[15] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица.— В кн.: Согдийские документы с горы Муг, вып. II. М., 1962, с. 69, 70.

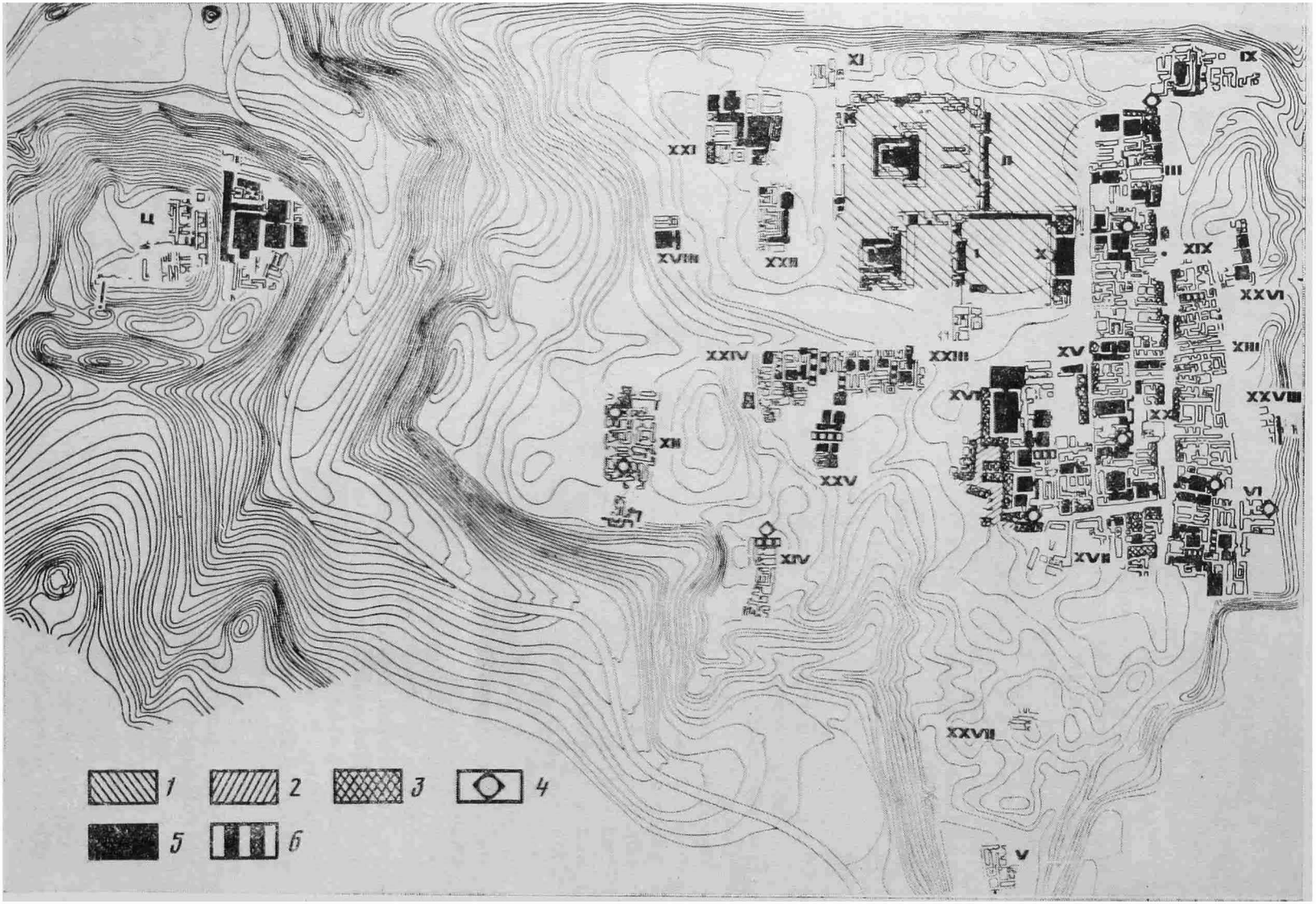

XI
IX
XXI
III
XIX
XXVI
XVIII
XXII
XXIV
XXIII
XV
XIII
XVI
XXVIII
XII
XX
XXV
VI
XIV
XVII
XXVII
V
1
2
3
4
5
6

Рис. 6. Пенджикент. Распределение помещений различного назначения на территории городища. *1* — дворы храмов; *2* — базары; *3* — лавки и мастерские; *4* — места находок товарного железа; *5* — парадные помещения (как правило, с живописью); *6* — крупные зернохранилища

свидетельствуют о неожиданном на Среднем Востоке развитии общественного самосознания в форме гражданской городской общины, существование которой весьма существенно ограничивало власть феодальных князей. Становится понятным, почему из трех известных владетелей Пенджикента ни один не был родственником своего предшественника [16]. Можно думать, что именно эти восходящие к древности общинные традиции сплачивали согдийцев на защиту своих городов от арабов, что и привело к затягиванию более чем на целое столетие арабского завоевания Средней Азии.

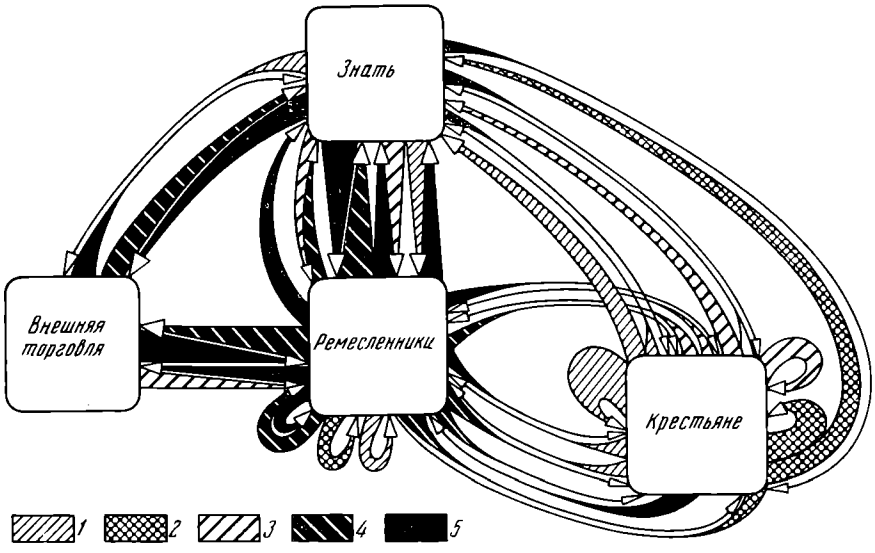


Рис. 7. Схема экономики Пенджикентского владения в первой четверти VIII в. *1* — продукция сельского хозяйства; *2* — продукция домашних промыслов; *3* — сырье для ремесла и для домашних промыслов; *4* — ремесленная продукция; *5* — деньги

После завоевания начали бурно расти за счет малых городов, подобных Пенджикенту, Самарканд и Бухара. В социальном отношении это был процесс падения местных городских общин в условиях централизации государственной власти. Комплексное исследование древнего города позволяет и вопросы духовной культуры рассматривать прежде всего в контексте социальной жизни. Для того чтобы дать представление о разнообразии культурных явлений, с которыми сталкивается археолог в Пенджикенте, достаточно сказать, что здесь найдены надписи на шести языках, в том числе сирийский христианский текст, среднеперсидский зороастрийский текст, видимо, буддийский (?) текст, написанный письмом брахми, и, наконец, согдийский документ, начинающийся написанной по-арабски исламской формулой. Со всей наглядностью выступают широкие культурные связи согдийского города, соответствующие размаху хорошо известной международной торговли согдийцев.

Пенджикентские настенные росписи стали уже массовым материалом [17]. Стратиграфия дала возможность создать первую хронологическую

[16] *Лившиц В. А.* Правители Пенджикента...

[17] Живопись древнего Пенджикента. М., 1954; Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959; *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973; *Беленицкий А. М., Маршак Б. И.* Черты мировоззрения...

XI
IX
XXIII
II
III
I
X
XIX
XXVI
XVIII
XXII
XXIV
XXIII
XV
XIII
XXVIII
XVI
XX
XII
XXV
VII
VI
XIV
XVII
XXVII
V
1
2
3

Рис. 8. Пенджикент. Соотношение разных видов застройки. *1* — здания с росписями; *2* — дома без росписей; *3* — лавки и мастерские

шкалу согдийской живописи, выделить росписи V — начала VI в., VI, VII вв. и первой половины VIII в. Появилась возможность выявить общность и специфику в размещении росписей в согдийских зданиях.

Каждая сколько-нибудь зажиточная пенджикентская семья представляла собой коллектив со своим культовым и общественным центром — парадными залами дома. Аналогичным центром всей городской общины были храмы. Комплексы росписей отдельных домов по набору и размещению сюжетов подобны храмовым. В зале дома и в храме на торцовой стене или в особой нише помещали культовую сцену с изображением богов и предстоящих согдийцев, тогда как другие стены по большей части были заняты иллюстрациями к сказаниям и изображениями пиров. Это сходство, по-видимому, свидетельствует об известном уподоблении в сознании людей городской общины, называвшейся «наф», и отдельных патронимических групп, каждая из которых также именовалась «наф» [18]. Хотя в Пенджикенте жили и христиане, и, возможно, буддисты, все росписи оставлены адептами местной религии. Нередко в одном помещении есть изображения нескольких богов, но на главном месте — напротив входа изображали в большом масштабе одного или двух божественных патронов, которые, входя в общесогдийский пантеон, в то же время были своими у каждой семьи.

Массовый пенджикентский материал позволяет понять центральные сцены росписей ряда парадных залов Афрасиаба [19], Варахши [20] и Шахристана [21] как изображения поклонения таким божественным патронам.

Естественно ожидать, что у родственных семей, входивших в один патронимический наф, будут общие божественные патроны. Действительно, некоторые из изображений такого рода повторяются в нескольких домах. Иногда подобное совпадение имеет место у соседей, но в целом по городищу не наблюдается компактного расселения почитателей того или иного божества (рис. 9). Видимо, в сложной реальности согдийского города сохранившиеся с глубокой древности коллективы родичей не влияли на вошедшие в них семьи при выборе места для жилища.

Среди богов, которым поклонялись согдийцы, выделяются иконографически подобный Шиве Вешпаркар, четверорукая Нана с солнцем и луной в руках, чета богов с символами в виде верблюда и горного барана и некоторые другие.

Городской, а не узкоаристократический характер пенджикентской живописи проявился в широчайшем распространении росписей в домах не только верхних, но и средних слоев населения. Он сказался и в необыкновенном разнообразии светских, прежде всего литературных сюжетов росписей. Среди них выделяются росписи главных ярусов со сценами пира, охоты или иллюстрациями к эпическим произведениям и росписи второстепенного нижнего яруса с иллюстрациями к басням, сказкам и, возможно, к произведениям лирической поэзии.

Характерно, что пенджикентские художники иллюстрировали прежде всего те сюжеты, которые выбирали потом и позднейшие миниатюристы. Это сказание о Рустаме и сказание о Заххаке (царе со змеями, растущими из плеч), вошедшие позднее в «Шах-наме», и притчи из Панчатантры, включенные потом в известный арабо-персидский сборник «Калила

[18] *Периханян А. Г.* Агнатические группы в древнем Иране.— ВДИ, 1968, № 3.
[19] *Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.
[20] *Шишкин В. А.* Варахша. М., 1963.
[21] *Негматов Н. Н.* О живописи дворца афшинов Уструшаны. (Предварительное сообщение).— СА, 1973, № 3; *Воронина В. Л., Негматов Н. Н.* Открытие Уструшаны.— В кн.: Наука и человечество. М., 1975.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

Рис. 9. Пенджикент. Распределение культовых изображений и текстов. *1* — христианский текст; *2* — мусульманский текст; *3* — иранский зороастрийский текст; *4* — буддийский (?) текст; *5* — пристенные камины-алтари; *6* — различные культовые изображения; *7* — богиня с солнцем и луной; *8* — бог, подобный индийскому Шиве; *9* — бог на троне в виде верблюда; *10* — чета богов на троне с протомами верблюда и горного барана

и Димна». В их числе притча об ученых, воскресивших тигра, который потом съел их, и притча о зайце, обманом заставившем льва кинуться на свое отражение в колодце. Связь сюжетов пенджикентских росписей с основными сюжетами таджикско-персидской литературы X в., когда Рудаки перелагал в стихи «Калилу и Димну», а Фирдоуси писал «Шахнаме», подчеркивает культурную преемственность двух эпох в истории Средней Азии, разделенных арабским завоеванием.

Среди немногочисленных сохранившихся отрывков согдийской литературы есть и эпизод из сказания о Рустаме, и притчи из Панчатантры, и басни Эзопа. И здесь мы находим полную перекличку с пенджикентским репертуаром, где наряду с упомянутыми сценами подвигов Рустама и иллюстрациями к Панчатантре есть и иллюстрация к басне Эзопа о гусыне, несущей золотые яйца. В целом репертуар сюжетов пенджикентской живописи несравненно богаче того, что известно по письменным источникам. Он включает в себя целый ряд неизвестных науке сказаний и множество сказок.

Изредка согдийские художники передавали конкретные события истории. Так, например, в пенджикентском дворце, по-видимому, была изображена сцена осады Самарканда арабами, применявшими осадные машины — манджаники [22]. При всем разнообразии сюжетов росписей Согда в них очень слабо проявилась официальная династийная прокламативность, столь характерная для великих монархий Востока. В этом также сказался городской характер согдийского, прежде всего пенджикентского, искусства.

Стиль пенджикентской живописи находится в прямом соответствии с характером ее излюбленных сюжетов. Стремление к полной и занимательной передаче повествования сочетается с напряженным динамическим ритмом. По своей стилистике пенджикентские росписи близки к стилистике тех литературных жанров, сюжеты которых они передают. В них есть как лаконизм и насыщенность действием притч, так и обстоятельность эпоса. Богатство одежд и разнообразие вооружения героев, которые раньше считали признаками феодального аристократизма пенджикентской живописи, в действительности полностью соответствуют обычным приемам характеристики богатырей в любом народном эпосе.

Новый подход к пенджикентскому искусству как искусству городскому и в какой-то степени демократическому принципиально важен для понимания значения искусства Средней Азии во всем средневосточном регионе. Этот новый подход заставляет рассматривать заново вопросы о том, как относились пенджикентские художники к проблеме правдоподобия изображений, к передаче объема и пространства, к повторам одинаковых элементов, к фиксации конкретного мгновения действия и ко многим подобным стилистическим моментам. У нас нет возможности подробно останавливаться на этих искусствоведческих вопросах, которые лишь недавно начали специально разрабатываться. Мы только хотим показать, что комплексный метод изучения городского организма требует нового подхода не только к изучению стратиграфии, планировки города и вещевых находок, но и к изучению произведений искусства.

[22] *Беленицкий А. М., Маршак Б. И.* Древнейшее изображение осадной машины в Средней Азии.— В сб.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978, с. 216.

Назовем еще два важных вопроса. Первый из них — это значение точно датированных вещей из Пенджикента для археологии обширных районов Средней Азии и всей степной зоны. Лучше всего документированный в Пенджикенте VIII в. относится, как показал А. К. Амброз [23], к наиболее спорным моментам хронологии Евразии. Между тем в сибирских, прикамских и других памятниках находят серьги, пряжки, поясные накладки и другие вещи, которые часто представляют собой прямые аналогии пенджикентским.

Другой важный вопрос — это проблема преемственности эпохи древности и средневековья в Средней Азии. Время возникновения Пенджикента — это время, когда завершается жизнь ряда древних городов северного Тохаристана, это время поздних слоев Топрак-калы в Хорезме. Степень изученности социальной структуры этих городов да и степень изученности ранних слоев Пенджикента пока еще недостаточны для историко-социальных выводов. Однако в архитектуре, живописи, керамике раннего Пенджикента древние традиции выступают ярко и отчетливо. В частности, пенджикентская живопись конца V — начала VI в. по пропорциям фигур, способам передачи объема и изображенным реалиям близка к позднеантичной живописи Топрак-калы [24], Кара-тепе [25], Дальверзинтепе [26] и Дильберджина [27]. Одна из основных задач дальнейшего изучения Пенджикента — комплексное исследование ранних этапов истории города, которое должно обнаружить, как складывалась та картина социально-экономической и культурной жизни, которая засвидетельствована в Пенджикенте VIII в.

A. M. Belenitsky, B. I. Marshak, V. I. Raspopova

SOGDIAN TOWN IN THE EARLY MIDDLE AGES

Summary

The Panjikant excavations which have been carried out for thirty years now are famous for the masterpieces of 5th-7th-century art found there. Studies of social structure of the Central Asian town in the early period of the Middle Ages are of no less importance, however. Progressive methods of excavations made it possible to study synchronous horizons revealing the town life in definite historical periods. The first quarter of the 8th century A. D. was studied in detail, the period when Panjikant was the centre of an independent principality. In this period commodity-money relations predominated in the town while in the countryside natural economy predominated. Surplus product was concentrated and distributed in the town where numerous nobility lived. Its control over the town population was assured by the fact that artisans and merchants bought grain and raw materials from it and sold it the products of their labour. Besides, the nobility owned the land and leased it to the common people. The domination of the nobles had the form of indirect compulsion. Urban population had some economic advantages and probably political rights. Numerous reception halls decorated with painting were found in the houses of the aristocracy and prosperous people. Large area occupied by these halls in the conditions of shortage of spare land demonstrates the importance of social life for the town population. High level of commodity-money relations is testified by numerous shops and workshops. Archaeological evidence and written sources point to some elements of self-government in the town.

---

[23] *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2. с. 96—123; СА, 1971, № 3, с. 106—132.

[24] *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.— Л., 1948, рис. 46, *51б*.

[25] *Ставиский Б. Я.* Искусство Средней Азии. Древний период, VI в. до н. э.— VIII в. н. э. М., 1974, рис. 80.

[26] *Пугаченкова Г. А.* Художественные сокровища Дальверзинтепе. Л., 1978, рис. 13, 14; *ее же.* Дальверзинтепе и некоторые общие вопросы истории и культуры Северной Бактрии.— В кн.: Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978, рис. 153 на с. 218.

[27] *Кругликова И. Т.* Настенные росписи Дильберджина.— В кн.: Древняя Бактрия. М., 1976, рис. 54—60, 63.

Н. А. МАКАРОВ

КАМЕННЫЕ ПОДУШКИ В ПОГРЕБЕНИЯХ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ

Своеобразной и до сих пор не привлекавшей внимание исследователей принадлежностью христианского погребального ритуала XI—XIV вв. являются плинфы, положенные в изголовье погребенным. Эта деталь обряда прослеживается по материалам 24 кладбищ 13 древнерусских городов. Число погребений с каменными подушками, по самым скромным подсчетам, больше 50[1] (см. Приложение).

Никакие другие детали обряда не выделяют эти погребения в отдельную группу. Все костяки ориентированы головой на запад, руки погребенных, как правило, сложены на груди или на тазовых костях, инвентарь почти полностью отсутствует. Лишь в отдельных случаях при погребенных найдены украшения: диадема (Приложение, 3); перстень, стеклянный браслет и пронизки (Прилож., 5), витой серебряный браслет (Прилож., 1), стеклянные браслеты и перстень (Прилож., 51), височное кольцо (Прилож., 43), серебряная пуговица (Прилож., 37), медвежий клык-подвеска (Прилож., 22). В двух погребениях обнаружены поливные чашки (Прилож., 4, 56).

11 погребений принадлежат женщинам (Прилож., 1, 3, 5, 22, 26, 32, 42—44, 51, 57) и шесть — мужчинам (Прилож. 12—14, 16, 17, 24). Пол остальных погребенных не установлен. Кладбища на которых открыты погребения с каменными подушками, локализуются обычно около церквей. Многие захоронения произведены в галереях и притворах церквей, другие — в развалинах храмов, очевидно, около часовен, сооружавшихся над разрушенными алтарями. Погребальные сооружения разнообразны, среди них деревянные гробы, каменные саркофаги, шиферные и кирпичные склепы и гробницы. Некоторые погребения находились в аркосолиях церквей.

В большинстве случаев под голову погребенному подкладывалась одна плинфа или ее половина, реже — две и более, положенные одна на другую (Прилож., 6, 11, 33, 44, 53, 56). В одном из смоленских погребений целая плинфа подперта с углов двумя обломками (Прилож., 31). В шиферный саркофаг у стены Черниговского Спасского собора был положен специальный полукруглый подголовник из цемянки (Прилож., 47). В качестве подголовников использовались также плоские куски цемянки (Прилож., 12, 13), шиферные или терракотовые поливные плитки (Прилож., 46, 51, 52) или просто плоские камни (Прилож., 1—4, 39, 57—59). Часто плинфы клались не только под голову, но и под ноги погребенному (Прилож., 7—9, 11, 27, 32, 37, 38, 40, 41, 52). Нам известно погребение, где плинфа находилась только в ногах (Прилож., 19). Точная

[1] Указать точное число таких погребений невозможно из-за неудовлетворительной полевой документации многих раскопок.

датировка погребений, почти лишенных инвентаря, затруднительна, поэтому для многих из них мы предлагаем широкие хронологические рамки. Некоторую хронологическую привязку дает стратиграфия, а также архитектурные памятники, с которыми связаны захоронения.

Древнейшие погребения с каменными подушками открыты в Киеве, Чернигове и Белой Веже. Обширное кладбище, обнаруженное В. Д. Милеевым в 1909 г. в усадьбе Софийского собора, было расположено около церкви XI в. К этому же времени можно предположительно отнести наиболее ранние погребения (Прилож., 52). Если верить сообщению И. А. Хойновского о находке амфоры в погребении в усадьбе Кривцова (Прилож., 51), то погребение может быть отнесено к XI в., и даже к его первой половине, поскольку в киевских погребениях более позднего времени такого рода предметы не встречены. По мнению М. Макаренко, в шиферном саркофаге у стены Черниговского Спасского собора был погребен убитый в Заволочье Глеб Святославич [2]. Если это так, погребение следует датировать 1078 г.

Мы не можем категорически настаивать на датировке этих погребений XI в., но она представляется нам вполне вероятной. С большей уверенностью мы можем отнести погребения Белой Вежи ко времени не позже начала XII в. Основание для этого — общие хронологические рамки некрополя.

Нижний хронологический рубеж для еще нескольких погребений с каменными подушками, обнаруженных в Переяславле, Чернигове, Киеве и Полоцке, может быть опущен до первой половины XII в. (Прилож., 46, 48, 50, 54, 55). Что касается большинства захоронений, то они, несомненно, относятся ко второй половине XII—XIII вв. В это время каменные подушки появляются в погребениях Новгорода, Пскова, Старой Рязани, Москвы, Ярополча, Гродно. Наиболее интересный материал для изучения этой детали обряда дает некрополь Смоленска: здесь на шести кладбищах зафиксировано 30 захоронений с плинфами в изголовьях.

Обычай подкладывать плинфы под голову покойнику бытует еще в XIV в. Об этом свидетельствуют погребения в руинах храма на Протоке в Смоленске и в притворе церкви Спаса на Бору в Москве (Прилож., 10—14, 56). Более поздний материал выходит за рамки нашей темы. Стоит тем не менее упомянуть о единичных погребениях с плоскими камнями в изголовьях, датируемых XVI в. Они известны в Москве [3] и в Суздале [4]. Эта же деталь обряда прослежена в некоторых погребениях конца XVI — начала XVII в. в Пражском соборе святого Георгия [5]. Наконец, в Смоленске обнаружено погребение XVIII—XIX вв. с красно-песчаниковой плиткой под головой [6]. О сколько-нибудь широком распространении каменных подушек после XIV в. говорить не приходится.

По крайней мере часть погребений с каменными подушками принадлежит лицам, занимавшим высокое положение в феодальном обществе. Иначе нельзя представить себе социальный облик тех, кто погребался в аркосолиях, плинфяных гробницах и каменных саркофагах. В некоторых из погребенных видели князей — Давида Ростиславича (Прилож., 6), Глеба Святославича (Прилож., 47) — или представителей известных боярских фамилий, например Сытиничей (Прилож., 3). Несмотря на сомнительность конкретных атрибуций, принадлежность некоторых захо-

---

[2] *Макаренко М.* Чернігівський спас.— Записки історычно-филологічного відділу ВУАК, кн. XX. Киев, 1928, с. 15.

[3] *Дубынин А. Ф.* Отчет о работе Московской экспедиции 1956 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 1338, с. 39.

[4] *Куглюковский П. И.* Разведка в усыпальнице Покровского монастыря в 1972 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4899, с. 7—8, фото 31.

[5] *Borkovsky I.* Svatojirska bazilika. Praha, 1975, s. 52, 53.

[6] *Воронин Н. Н.* Отчет Смоленской архитектурной экспедиции в 1967 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3713, с. 9.

ронений князьям весьма вероятна. По мнению М. К. Каргера, храм в Полоцком Евфросиньевском монастыре был местом погребения епископов [7]. Некоторые захоронения являются монашескими, на что указывают находки в них кожаных парамандов (Прилож., 34, 56).

Функционально близкая «каменным подушкам» деталь обряда — специальные уступы в изголовьях саркофагов XII—XIII вв. Саркофаги с уступами в виде подушек найдены в Новгороде [8], Суздале [9], Боголюбове [10] и Белгороде Киевском [11]. В уступе белгородского саркофага было сделано круглое углубление для головы погребенного.

Переходя к вопросу о назначении подголовных плинф, отметим прежде всего, что, согласно христианскому вероучению, залогом загробного спасения выступает аскетический образ жизни.

Агиографическая литература рисует каменную подушку как одно из орудий смирения плоти. «...Когда хотѧше приѧти мало съна пьрвоѥ полагаше камѣнѥ на земли и вьрхоу полагаше малъ пъртокъ и прехрѣщаѧ ложе своѥ и тако почиваше камень подъложь подъ главоу си»,— рассказывается в житии Нифонта, епископа Констанции [12]. Автор жития Авраамия Смоленского упоминает «постелю жестку», на которой спал Авраамий [13]. Епифаний Премудрый приводит «на земли леганѥ » в числе аскетических подвигов Сергия Радонежского [14].

Но подобного рода умерщвление плоти не гарантирует еще спасения на Страшном суде. О праведности погребенного должны напоминать некоторые реалии, следующие в могилу вместе с ним. На основании письменных и археологических источников мы можем заключить, что монахи погребались в схимах и с парамандами — атрибутами подвижничества, отличавшими их от прочих умерших. Известны погребения с железными веригами, также, вероятно, принадлежавшие монахам [15].

Аскетизм погребенного подчеркивался нарочитой бедностью погребальных одежд. «...В сих исплатенных рубищах положен будеши...»,— говорит принявшему постриг черниговскому князю Святоше его слуга Петр Сириянин [16]. Феодосий Печерский завещал не облекать его тело в новое платье. Точно так же стремились доказать свою праведность миряне: князь Изяслав Давидович просил похоронить себя не в княжеских одеждах, а во власянице своего брата-монаха [17]. Следует отметить почти полное отсутствие украшений в захоронениях XI—XIII вв., локализующихся около храмов. Власяница, схима, параманд, вериги, бедность погребальных одежд, отсутствие украшений — все это должно свидетельствовать об аскетической жизни погребенного. На это же указывает и кирпич, положенный под голову вместо подушки. Трудно представить более веское доказательство праведности.

---

[7] *Каргер М. К.* Храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре в Полоцке.— СА, 1977, № 1, с. 247.

[8] *Орлов С. Н.* Отчет о раскопках и исследованиях Аркажского монастыря под Новгородом, проведенных летом 1962 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2440, с. 33—37.

[9] *Дубынин А. Ф.* Археологические исследования г. Суздаля (1936—1940).— КСИИМК, XI, 1945, с. 97, 98.

[10] *Воронин Н. Н.* Боголюбовский саркофаг.— КСИИМК, XIV, 1947, с. 78—80.

[11] *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Белгороде Киевском.— АО — 1968. М., 1969, с. 331; *его же.* Отчет об археологических раскопках на Белгородском городище Института археологии АН СССР под руководством акад. Б. А. Рыбакова в 1968 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3882, с. 7—9.

[12] Выголексинский сборник. Под ред. С. И. Коткова. М., 1977, с. 123.

[13] Житие преподобного Авраамия Смоленского.— Смоленская старина, вып. I, ч. 1. Смоленск, 1909, с. 161.

[14] Житие преподобного Сергия.— Памятники древней письменности и искусства, т. VIII. СПб., 1885, с. 61, 62.

[15] *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М., 1978, с. 68, 69; *Каргер М. К.* Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря.— СА, VIII, 1946, с. 208.

[16] Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 85.

[17] Там же, с. 49, 86.

Вернемся еще раз к вопросу о дате древнейших погребений городских некрополей с каменными подушками. С полной уверенностью мы отнесли ко времени, предшествующему XII в., лишь погребения в Белой Веже. Трудно, однако, предположить, что этот обычай, свидетельствующий о своеобразной трактовке христианского вероучения, возник на периферии, вдалеке от церковных центров. Вероятнее всего, импульс исходил от монастырей, известных строгостью своих уставов и суровым образом жизни монахов,— Киево-Печерского и Черниговского Ильинского. С этим хорошо согласуется предложенная нами для ряда погребений Киева и Чернигова дата — XI — первая половина XII в. (Прилож., 47—52, 54). Лишь постепенно, начиная со второй половины XII в., «аскетическая редакция» погребального обряда проникает в Смоленск, Псков, Новгород, Старую Рязань. Каменные подушки не получили распространения там, где плинфа была малоупотребительна в строительстве. После прекращения производства плинфы каменные подушки довольно редко кладутся в изголовья погребенным. Вероятно, праведность умершего начинают символизировать какие-то иные детали погребального ритуала.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Погребения городских некрополей XI — XIV вв. с плинфами в изголовьях *

1—2. Псков. Церковь Дмитрия Солунского. Раскопки 1965 г. Погребение № 17 на кладбище к северу от церкви. Женское. Под костями черепа кусок известняковой плиты. Вторая половина XII в. Погребение № 21 на кладбище к северу от церкви. Под черепом обломок известняковой плиты. Вторая половина XII—XIII в. *Белецкий В. Д.* Псковская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа. Отчет о раскопках за 1965 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3038, с. 24—26.

3. Новгород. Борисоглебский собор. Раскопки 1940 г. Погребение в западной части собора под полом XII в. в гробнице из плит. Внутри гробницы дубовая колода. Под раздавленным черепом обломок плиты. Последняя треть XII—XIII в. *Строков А. А.* Раскопки в Новгороде в 1940 году.— КСИИМК, вып. II, 1945, с. 71, 72.

4. Новгород. Софийский собор. Раскопки 1946 г. Погребение № 4 в Мартирьевской паперти в каменном саркофаге, составленном из отдельных плит. Внутри саркофага деревянная колода. Рядом с черепом справа «овальной формы булыжник». XIII—XIV вв. *Монгайт А. Л.* Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде.— КСИИМК, № 24, 1949, с. 99.

5. Гродно. Нижняя церковь. Раскопки 1949 г. Погребение № 4 в руинах церкви. Около черепа кусок кирпичной кладки. Конец XII — первая половина XIII в. *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно.— МИА, № 41, 1954, с. 175—179.

6. Смоленск. Борисоглебский собор на Смядыни. Случайная находка 1833 г. Погребение в белокаменной гробнице, поставленной в аркосолии. Вместо изголовья лежало несколько кирпичей. Вторая половина XII в. *Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыне и раскопки его развалин.— Смоленская старина, вып. I, ч. 1, 1909, с. 251.

7—9. Смоленск. Борисоглебский собор на Смядыни. Раскопки 1908 г. Погребение снаружи перед западною стеной храма. В головах и в ногах погребенных поливные плитки. Вторая половина XII—XIII в. *Орловский И. И.* Ук. соч., с. 310.

10—24. Смоленск. Храм на Протоке. Раскопки 1962—1963 гг. Погребение № 16 в развалинах южной галереи. Под черепом плинфа. XIV в. Погребение № 8 в развалинах южной галереи. Под черепом и в ногах отдельные плинфы. XIV в. Погребение № 11 в развалинах южной галереи. Под черепом кусок известкового раствора. XIV в. Погребение № 10 в развалинах южной галереи. Под черепом плоский кусок известкового раствора. XIV в. Погребение № 7 в развалинах южной галереи. Под черепом плинфа. XIV в. Погребение № 5 в аркосолии южной галереи. Под головой погребенного плинфа. Конец XII — начало XIII в. Погребение № 3 в аркосолии южной стены галереи. Под голову погребенному была подложена плинфа. Конец XII — начало XIII в. Погребение № 12 в гробнице у южной стены храма. Под черепом плинфа. XIII в. Погребение № 9 в гробнице у южной стены храма. Череп первоначально лежал на подголовной плинфе. XIII в. Погребение № 17 в гробнице

---

* В Приложении приводятся также данные об известных нам погребениях городских некрополей, в изголовьях которых положены поливные и шиферные плитки, плоские камни и куски цемянки.

у южной стены храма. В ногах погребенного лежала плинфа. XIII в. Погребение № 27 в аркосолии северной стены галереи. Под черепом плинфа. Конец XII — начало XIII в. Погребение № 29 в аркосолии северной стены галереи. Под черепом половина плинфы. Конец XII — начало XIII в. Погребение № 34 в аркосолии южной стены храма. На месте черепа положена подголовная плинфа. Конец XII — начало XIII в. Погребение № 40 в аркосолии северной стены галереи. Под обломками черепа плинфа. Конец XII — начало XIII в. Погребение № 31 под полом в юго-западном углу северной галереи. Под головой плинфа. Конец XII—XIII в. *Воронин Н. Н.* Отчет о работе Смоленского отряда среднерусской экспедиции в 1962 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2442, с. 8—41; *его же.* Отчет о работе Смоленской археологической экспедиции в 1963 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2683; с. 34, 24, 32.

25—26. Смоленск. Воскресенская церковь. Раскопки 1965 г. Погребение № 1 в западном аркосолии южной стены. В области головы плинфа. Конец XII — начало XIII в. Погребение № 3 у наружного края северной стены церкви в гробнице. В области головы плинфа, XIII в. *Воронин Н. Н.* Отчет о работе Смоленской экспедиции 1965 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3064, л. 21, 25.

27—31. Смоленск. Церковь Петра и Павла. Раскопки 1966 г. Погребение № 13 в гробнице западной галереи. В изголовье положена плинфа 4,5×21×30 *см*, а под ногами кирпичная плитка 21×23 *см*. Последняя треть XII—XIII в. Верхнее погребение в гробнице № 9 в южной галерее. Под головой плинфа. Конец XII—XIII в. Нижнее погребение в гробнице № 9 в южной галерее. Под головой плинфа. Конец XII—XIII в. Погребение в гробнице № 6 в северной галерее. В изголовье целая плинфа 4×20×30 *см*, подпертая с углов двумя обломками плинф. Конец XII—XIII в. Погребение в гробнице № 4 в северной галерее. В изголовье положена плинфа 4×18×25 *см*. XIII в. *Воронин Н. Н.* Отчет о работе Смоленской экспедиции в 1966 году. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3329, с. 10—15.

32—33. Смоленск. Церковь Иоанна Богослова. Раскопки 1967 г. Погребение в гробнице в северной галерее. Под головой и в ногах положена плинфа. Вторая половина XII—XIII вв. Погребение в аркосолии южной стены галереи. В изголовье положены две плинфы. Вторая половина XII в. *Воронин Н. Н.* Отчет Смоленской архитектурной экспедиции 1976 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3713, с. 7—13.

34—35. Смоленск. Соборная гора. Раскопки 1974 г. Два погребения, под черепами плинфы; XII—XIV вв. *Авдусин Д. А., Асташова Н. И.* Отчет о раскопках в Смоленске в 1974 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 5318, с. 28.

36—41. Старая Рязань. Спасский собор. Раскопки 1888 г. Погребение № 1 у восточной стены собора. В деревянном гробу под головой погребенного плинфа: XIII в. Погребение № 4 у восточной стены собора. Под гловой и под ногами по плинфе; XIII в. Погребение № 6 у восточной стены собора, в деревянном гробу. Под головой и ногами погребенного по половине плинфы; XIII в. Погребение № 8 у восточной стены собора. Под головой камень; XIII в. Погребение № 13 в юго-западном углу собора. Под головой и ногами по плинфе; XIII в. Погребение № 16 в развалинах церкви в деревянном гробу. Под головой и ногами погребенного по плинфе; XIII в. *Селиванов А. В.* Дневник раскопок в Старой Рязани.— ТРУАК, 1888, т. III. Рязань, с. 163, 164.

42—45. Белая Вежа. Могильник у юго-западной стены крепости. Погребение № 64. Под голову погребенному был подложен кирпич. Последняя треть X — начало XII в. Погребение № 65. Череп на основании подперт кирпичом. Последняя треть X — начало XII в. Погребение № 131. Слева у черепа два кирпича — целый и половина. Последняя треть X — начало XII в. Погребение № 197. В головах у погребенного кирпич. Последняя треть X — начало XII в. *Артамонова О. А.* Могильник Саркела — Белой Вежи.— МИА, № 109, 1963, с. 184, 192, 202.

46. Переяславль. Воскресенская церковь. Раскопки 1953 г. Погребение в кирпичном склепе внутри церкви около аркосолия северной стены. В изголовье погребенного положена маленькая шиферная плитка: XII—XIII вв. *Каргер М. К.* Дневник раскопок в Переяславле. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, 1953, № 67, с. 44.

47. Чернигов. Спасский собор. Раскопки 1923 г. Погребение в шиферном саркофаге у наружной стены северной часовни. Под черепом полукруглый подголовник из цемянки; XI в. *Макаренко М.* Ук. соч., с. 13, 14.

48—50. Чернигов. Борисоглебский собор. Погребение в аркосолиях галереи собора. В изголовьях погребений лежали плинфы; XII—XIII вв. *Холостенко Н. В.* Исследования Борисоглебского собора в Чернигове.— СА, 1967, № 2, с. 199, 204.

51. Киев. Усадьба Кривцова. Раскопки 1892 г. Погребение. Череп на квадратной терракотовой плитке; XI в. *Хойновский И. А.* Раскопки великокняжеского двора древнего города Киева, произведенные летом 1892 г. Киев, 1892, с. 36.

52. Киев. Церковь в усадьбе Софийского собора. Раскопки 1909 г. Около церкви кладбище. Открыто около 140 погребений. Под головами и ногами у погребенных лежат кирпичи и плитки, покрытые эмалью: XI—XIII вв. Археологические исследования в Киевской губернии.— ИАК, прибавл. к вып. 34. СПб., 1910, с. 172; *Милеев В. Д.* Вновь открытая церковь XI в. в Киеве.— Труды IV съезда русских зодчих. М., 1911, с. 117—121.

53. Киев. Софийский заповедник. Раскопки 1950 г. Погребение № 9 в деревянном гробу. Под головой погребенного два кирпича, один — домонгольского типа, другой —

красный с каннелюрами; XIII в. *Каргер М. К.* Дневник Киевской экспедиции. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, 1950, № 77.

54. Киев. Выдубицкий монастырь. Раскопки 1945 г. Погребение № 3 внутри северной пристройки собора архангела Михаила. Ограждено обломками плинфы. Череп на большом обломке плинфы; XII—XIII вв. *Каргер М. К.* Дневник Киевской экспедиции.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, 1945, № 20.

55. Полоцк. Храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре. Погребение в кирпичном склепе в западной галерее. Под голову погребенному подложена плинфа; XII—XIII вв. *Каргер М. К.* Храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре в Полоцке.— СА, 1977, № 1, с. 245, рис. 5.

56. Москва. Церковь Спаса на Бору. Случайная находка 1836 г. Погребение в притворе церкви в каменном гробу. Под головой погребенного два кирпича (?); конец XIV в. Древности Российского государства. М., 1849, табл. 107.

57. Москва. Кремлевский Успенский собор. Раскопки 1963—1965 гг. Погребение № 7 около собора. В изголовье несколько камней. Вторая половина XII — начало XIV в. *Шеляпина Н. С.* Отчет об археологических наблюдениях за земляными работами в Московском Кремле, 1963—1965. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3578, с. 37.

58. Ярополч-Залесский. Кладбище в юго-восточной части городища. Раскопки 1967 г. Погребение № 15. Под головой плоский камень; XII—XIII вв. *Седова М. В.* Отчет о раскопках Пирова городища в 1967 г. Архив ИА АН СССР р-1, № 3509, с. 6, 7.

59. Новогрудок. Кладбище на территории окольного города. Раскопки 1967 г. Погребение № 90. Под головой плоский камень; вторая половина XI—XIII в. *Гуревич Ф. Д.* Отчет о работе Новогрудской экспедиции в 1967 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3626, с. 40.

N. A. Makarov

STONE PILLOWS IN THE GRAVES OF TOWN CEMETERIES OF ANCIENT RUSSIA

Summary

A characteristic feature of the 11th-14th centuries Christian burial rite was stone plinthes under heads of the deceased. This detail has been noted in 24 cemeteries of thirteen Ancient Russian towns. More than fifty graves with stone pillows are known to date. Most of them correspond to the Christian funeral rite (the heads of the dead point west, hands are placed on the chest or the stomach, grave furniture is absent). The graves are located near churches or inside them. Hagiographic literature explaines the presence of stone pillows in graves as a symbol of asceticism and piousness of the deceased.

Публикации

Г. М. БУРОВ

ФРАГМЕНТЫ САНЕЙ С ПОСЕЛЕНИЙ ВИС I (МЕЗОЛИТ) И ВИС II (I тысячелетие н. э.)

На Европейском Севере с самого начала геологической современности существовали простейшие зимние средства перевозки и передвижения — сани и лыжи. В Финляндии и Скандинавии в значительном количестве обнаружены древние санные полозья, представляющие собой главным образом случайные находки в торфяниках и озерных отложениях. На территории СССР известны многочисленные остатки саней VIII—XV вв. из Старой Ладоги, Новгорода и Белоозера. О более древних же полозьях мы до недавнего времени могли судить лишь по трем находкам неолитического возраста — из Горбуновского [1] и Шигирского [2] торфяников. Этим обстоятельством обусловлен тот научный интерес, который представляют вещи из старичных отложений, выявленных в зонах поселений Вис I и II (бассейн Вычегды). При раскопках первого поселения (1960—1967 гг.) собраны деревянные изделия, датированные по C_{14} VII—VI тысячелетиями до н. э., при исследовании второго (1962—1966 гг.) — предметы из растительных материалов, соотносящиеся почти исключительно с ранневанвиздинской керамикой (V—VI вв. н. э.) [3]. Лишь некоторые деревянные вещи могут принадлежать к концу гляденовской эпохи (III—IV вв.) [4].

В торфянике Виса I найдены 26 предметов, имеющих отношение к мезолитическим саням. 21 можно рассматривать как обломки полозьев, а остальные — как фрагменты саней или лыж. Полозья делятся на два типа, из которых первый представлен восемью находками, а второй — десятью; три предмета отнесены к первому типу предположительно. Он включает изделия дугообразного сечения с горизонтально проделан-

---

[1] *Эдинг Д. Н.* Горбуновский торфяник.— Материалы по изучению Тагильского края, вып. 3, полутом 1. Тагил, 1929, с. 9, 10, рис. 1, 7; *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы.— Тр. ГИМ, вып. 29, 1956, рис. 3, *3*.

[2] *Дмитриев П. А.* Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы.— МИА, № 21, 1951, с. 57; ОИПК, № 5547/1.

[3] *Буров Г. М.* Торфяники речных стариц как места археологических находок.— Изв. Коми филиала ВГО, вып. 9, 1964; *его же.* Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды.— СА, 1966, № 1; *его же.* Найдено в вычегодских торфяниках.— Природа, 1966, № 9; *его же.* Древний Синдор. М., 1967; *его же.* Результаты раскопок Висских торфяников в 1963—1964 гг.— УЗПГУ, № 191, 1968; *его же.* В гостях у далеких предков. Сыктывкар, 1968; *его же.* Племена Вычегодского края в эпоху неолита и ранней бронзы.— МИА, № 172, 1973; *Буров Г. М., Романова Е. Н., Семенцов А. А.* Хронология деревянных сооружений и вещей, найденных в Северодвинском бассейне.— В сб.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972; *Burow G. M.* Die mesolithischen Kulturen im aussersten europaischen Nordosten.— In: The Mesolithic in Europe. Warszaw, 1973, S. 129—135.

[4] Хронологический рубеж между ванвиздинской и гляденовской культурами несколько омоложен в соответствии с изменением даты харинских памятников (*Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы, ч. II.— СА, 1971, № 3, с. 106—112; *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье.— ВАУ, № 12, 1973, с. 84—87).

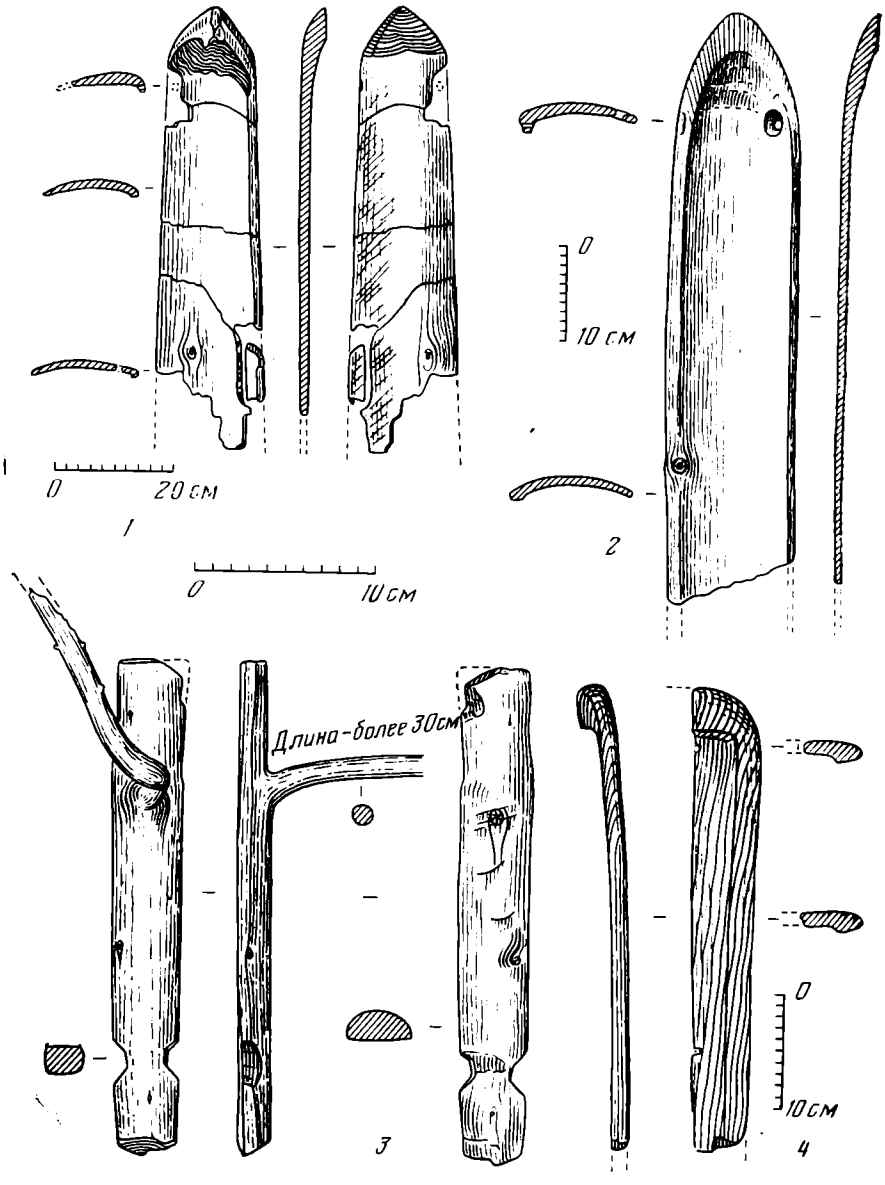


Рис. 1. Полозья (*1*, *2*, *4*) и копыл (*3*). *1*, *2* — хейнолинский тип; *4* — висский. *1*, *2*, *4* — Вис I; *3* — Вис II. *1* — № 44; *2* — № 83; *4* — № 145

ными парными отверстиями. Второй тип — это плоские или слабо изогнутые в поперечном разрезе полозья, имеющие парные же вертикальные отверстия. Все эти вещи изготовлены из древесины хвойных пород, тогда как на полозья выраженного дугообразного сечения шло и лиственное дерево (инв. № 5, 44, 83). Ввиду того что многие фрагменты невелики по размерам, трудно определить точное число полозьев. Как минимум могут быть выделены шесть экземпляров первого типа (инв. № 44, 83, 90, 138, 204, 205), два предположительно первого (№ 63, 149) и три второго (№ 59 а, 141, 145), а скорее всего, перед нами остатки 19 полозьев, каждый из которых принадлежит отдельным саням.

Для характеристики первого типа наибольший интерес представляет крупный отрезок полоза залегавший на самом краю торфяника в наклонном положении и распавшийся на две части (№ 83; рис. 1, *2*) [5]. К сожа-

[5] *Буров Г. М.* Древний Синдор, рис. 10.

лению, низкая устойчивость древесины лиственной породы и неблагоприятные стратиграфические условия обусловили плохую сохранность находки. От ее части, обнаруженной в глинистом сапропеле, который перекрывает старичные отложения, остался только тлен, показывающий, что длина всего оставленного отрезка была около 1 *м*. Удовлетворительно сохранилась концевая часть полоза длиной 62,2 *см* с относительно гладкой поверхностью. Ширина его в стороне от головки довольно стабильна — 13,0—13,3 *см*, толщина 0,8—1,2, глубина 1,3—1,5 *см*. По левому краю проходит бортик с плоским верхом высотой 0,4—1,1 *см*. Массивная головка оформлена как нос у лодки-однодревки плавно заострена и слегка приподнята (до 3,5 *см* над поверхностью скольжения при высоте средней части 2,4—2,8 *см*). Необходимый загиб здесь, как и при выделке других полозьев из поселения Вис I, вырезан; техника гнутья применения не находила. На расстоянии 11,6 *см* от конца по краям проделана пара поперечных отверстий, из которых одно круглое, двустороннего сверления, диаметром 1,0 *см*, а другое (в бортике) удлиненное, шириной 0,2—0,3 *см*.

Следующий, березовый [6] полоз первого типа (№ 44; рис. 1, *1*) аналогичен предыдущему и отличается от него только деталями. Изделие массивно и заметно расширяется к середине (от 14,0 до 18,0 *см*). Заострение сделано более грубо, и головка имеет угловатую форму. Бортиком снабжен не левый, а правый край, который снизу покрыт косыми параллельными штрихами. Нижняя сторона полоза представляет собой гладкую окоренную поверхность бревна. Длина найденного отрезка 72,5 *см*, толщина в стороне от головки до 2,0, глубина там же 1,3—1,4, высота бортика 0,4—1,0 *см*. Высота самого полоза на конце 4,0 а ближе к середине 2,6—3,4 *см*. Ширина отверстия в бортике около 0,6 *см*, а участок со вторым отверстием не сохранился. Расстояние от конца до отверстий 12,5 *см*.

Третье изделие (№ 138; рис. 2, *1*) имеет длину около 185 *см*. Обломаны оба конца и полностью отщеплен один из краев, имевший, повидимому, бортик. Сохранившийся край скошен кверху и слегка фасетирован. На изготовление полоза пошел наружный слой ствола диаметром примерно 22—23 *см*. Сердцевинная сторона покрыта фасетками — следами рубящего орудия, которые на конце сглажены зубчатым скобелем. Толщина обломка 1,6—2,6, максимальная ширина 13,2 *см*. На расстоянии 20 *см* от излома, близ штрихованного скобелем участка, отмечено поперечное отверстие двусторонней работы диаметром 0,6 *см*. Оно проделано, как и у предыдущих полозьев, у самого края. Ширина полоза была не менее 13,0—13,5, а глубина как минимум 1,3—1,5 *см*.

Четвертый полоз представлен отрезком средней части с бортиком высотой 1,0 *см* по краю (№ 205). Противоположный край скошен кверху, как у предыдущего изделия. Выпуклая сторона соответствует естественной поверхности окоренного ствола, вогнутая — не имеет ни фасеток, ни следов выравнивания: внутренняя часть древесины была отщеплена по годовым слоям. Отверстий нет. Длина обломка 79,0, ширина от 12,2 до 14,2 *см*. Толщина 1,5—3,0 *см*.

Остальные фрагменты полозьев первого типа маловыразительны. Найдена часть бортика длиной 18,0 *см* с глубоким овальным отверстием размером 0,6×0,3 *см* (№ 204). Имеются также два сильно изогнутых в профиле обломка, из которых один (№ 60) длиной 28,0, шириной 5,0 и толщиной 1,9—2,3 *см*, а другой (№ 5) — соответственно 11,4, 7,3 и 0,4—0,7 *см*. Последний предмет (№ 90) может рассматриваться как полуфабрикат. Это плаха с отщепленной по годовым кольцам сердцевинной частью, изломом на одном конце и косым срезом на другом. Изнутри — следы рубки. Толщина 4,5, ширина 17,0, длина обломка 65,0 *см*.

---

[6] Диагностические анализы выполнены В. Е. Вихровым и Е. Г. Мельниковым (Белорусский технологический институт им. С. М. Кирова).

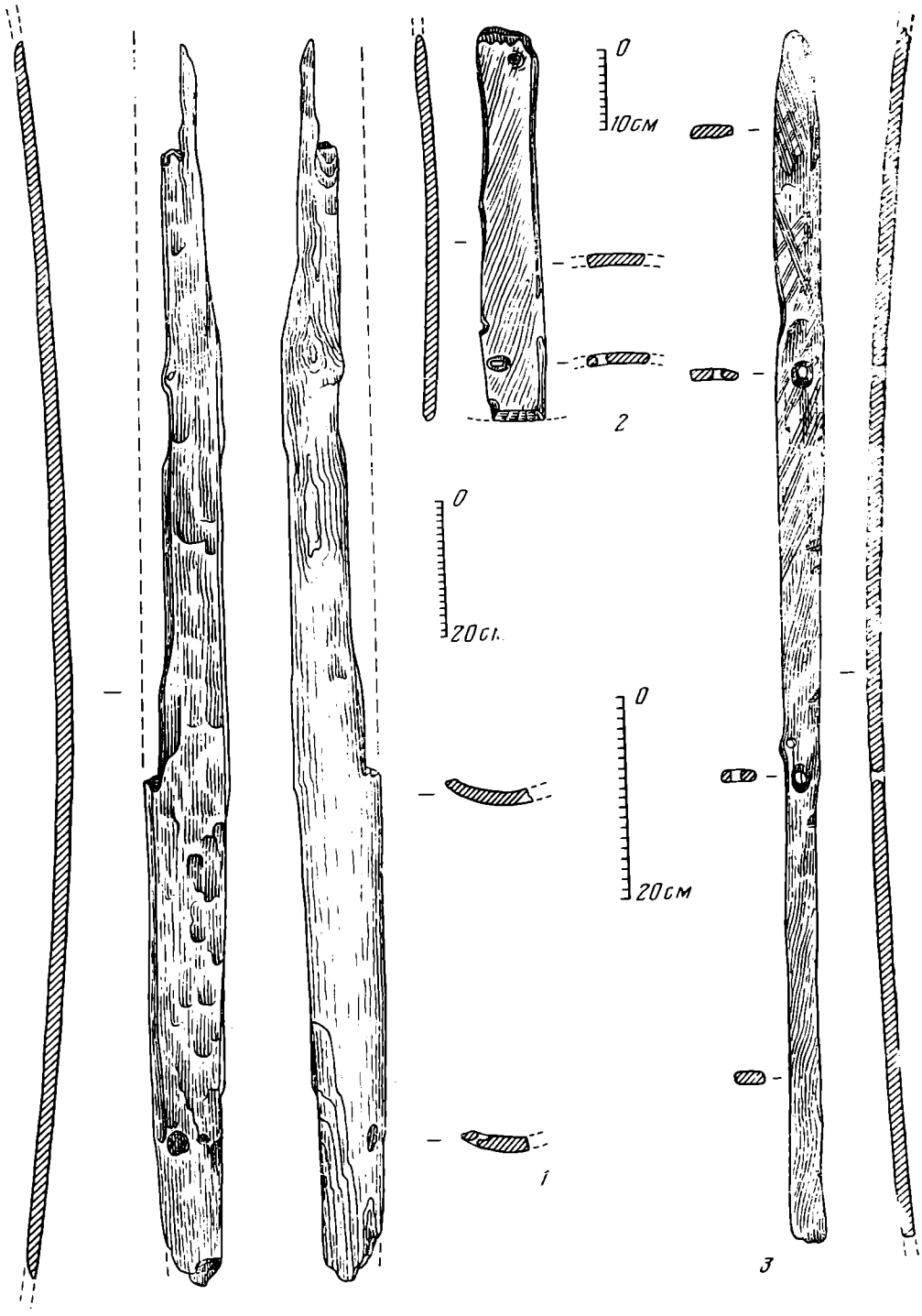


Рис. 2. Полозья с поселения Вис I. *1* — хейнолинский тип; *2*, *3* — висский. *1* — № 138; *2* — № 77; *3* — № 87

Описанные находки свидетельствуют, что полозья шириной 12—18 *см* были снабжены невысоким сверху плоским бортиком только по одному из краев, а примерно в 12 *см* от заостренного конца, по краям, находилась пара горизонтальных отверстий. Обломок длиной около 185 *см* говорит о значительной величине саней, а также о том, что вторая пара отверстий была удалена не менее чем на 25 *см* от конца.

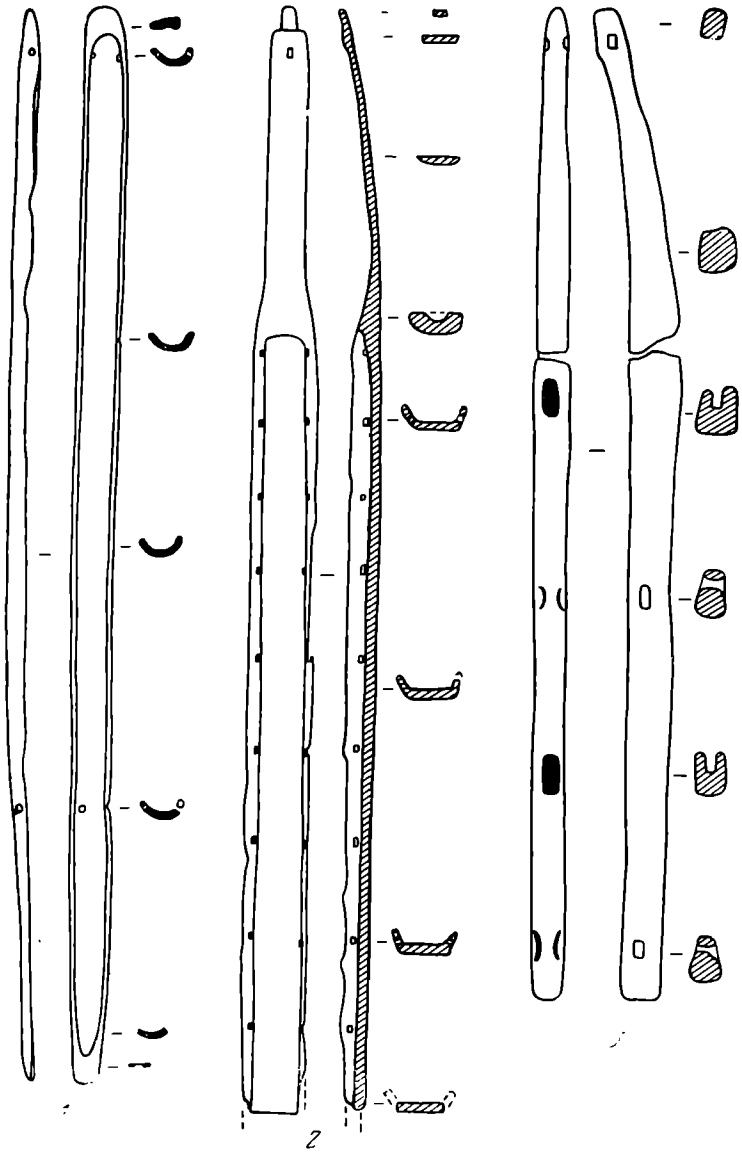


Рис. 3. Полозья из Финляндии (по Т. И. Итконену). *1* — Хейнола; *2* — Сариярви; *3* — Тюрвя

Близкой параллелью полозьям первого типа служит целый корытообразный полоз размерами 246,0×11,5×6,0 *см* из торфяника у г. Хейнола в Южной Финляндии (рис. 3, *1*) [7]. Отмечены две пары горизонтальных отверстий, размещенных при концах, из которых один ниже другого и находится на гораздо большем расстоянии от своих отверстий (63 *см*), чем высокий (11 *см*). Такими же представляются наши изделия первого типа с той разницей, что полоз из Хейнолы лишен выраженного бортика. Аналогия не случайна, поскольку этот предмет — единственный мезолитический полоз, найденный вне поселения Вис I. Предмет из Хейнолы отнесен Л. Арио ко времени около 6700 г. до н. э. [8], но, по-видимому, полоз еще древнее, ибо синхронен рыболовной сети из Корпилахти на

[7] *Itkonen T. I.* Muinaissuksia ja — jalaksia.— SM, XLI, 1934, kuv. 5, A; *Gimbutas M.* The Prehistory of Eastern Europe. Cambridge, Massachusetts, 1956, pl. 3,a.

[8] *Aario L.* Heinolan pitäjän Viikinäistä löydetyn reenjalaksen turvegeologinen iänmääräys.— SM, XXXVIII—XXXIX, 1931—1932.

Карельском перешейке [9], датирующейся по новым палинологическим данным VIII тысячелетием до н. э. [10], а по C_{14} — его второй половиной (Hel — 196:7280±210 лет до н. э.) [11].

Полоз из Хейнолы, впервые опубликованный Т. И. Итконеном, включен им в особый тип изделий U-образного сечения, куда вошли также финляндские неолитические полозья с множеством отверстий и отогнутой кверху доскообразной передней частью (Рантасалми, Лаука, Сариярви; рис. 3, *2*) [12]. Объединяли в единую группу все эти находки также В. Лухо [13] и Дж. Г. Д. Кларк [14]. По Т. И. Итконену, сани с корытообразными деталями принадлежали двухполозным конструкциям с платформой и копыльями в виде изогнутых прутьев, входивших своими концами в отверстия полоза [15]. Поскольку у находки из Хейнолы этих отверстий всего четыре и диаметр их не достигает даже 2 *см*, В. Лухо в 40-х годах предполагал, что сани оснащались копыльями, упиравшимися в дно полоза, а отверстия служили только для их привязывания. Помимо четырех копыльев, закрепленных сверху и снизу, могли быть, по мнению исследователя, и другие, которые фиксировались лишь у платформы [16].

Позднее, однако, В. Лухо убедительно доказал принадлежность корытообразных саней с множеством отверстий и доскообразным передним загибом бескопыльным саням, описав гигантский полоз из Лапинлахти и остатки конструкции из Кеуру, в состав которой входили обломки полоза, боковой и поперечной планок, а также прутья диаметром 1—2 *см*, составлявшие борта [17]. Если даже сани кеурского типа лишены копыльев и платформы, то тем более нет оснований предполагать ее существование у хейнолинских саней [18], снабженных только четырьмя отверстиями. Вопреки трактовке Т. И. Итконена, более высокий конец полоза из Хейнолы следует считать передним: он массивнее, с закруглением в профиле и удобен для крепления ремня за который сани можно было тащить. Следовательно, крупный фрагмент из Виса I (№ 138) представляет собой средний и задний отрезки полоза, а № 44 и 83 — передние.

Асимметрия хейнолинских полозьев из Виса I свидетельствует о том, что они использовались попарно; в этом случае средние бортики излишни и нецелесообразны, в то время как внешние препятствовали сползанию груза с саней. Вероятно, при помощи ремней, пропущенных через отверстия, концы двух полозьев скреплялись друг с другом таким образом, что внешние края их становились несколько приподнятыми. К образованным двухполозным, но бескопыльным саням дугообразного сечения

---

[9] *Luho V.* Über steinzeitliche Winterverkehrmittel in Finnland.— AA. vol. XIX, 1948, S. 116—119; *Kivikoski E.* Suomen esihistoria. Porvoo — Helsinki, 1961, S. 22.

[10] *Sauramo M.* Antrean verkkilöydön uusittu paleontologinen ajoitus.— SM, LVIII, 1951.

[11] *Siiriäinen A.* Studies Relating to the Shore Displacement and Stone Age Chronology in Finland.— FM, LXXXI, 1974, p. 11.

[12] *Itkonen T. I.* Op. cit.— SM, XXXVII, 1930, kuv. 3; XLI, 1934; kuv. 6; XLV, 1938, kuv. 6.

[13] *Luho V.* Über steinzeitliche..., S. 116—120; *idem.* Kivikautista talviliikennevälineistä.— SM, LVI, 1949.

[14] *Clark J. G. D.* Prehistoric Europe. London, 1952, p. 293, 294.

[15] *Itkonen T. I.* Op. cit.— SM, XLV, 1938, S. 34, kuv. 8.

[16] *Luho V.* Über steinzeitliche..., S. 116—119.

[17] *Luho V.* Lapinlahden «jattiläisjalas».— SM, LVIII, 1951; *idem.* Einige steinzeitliche Schlittenform.— SM, LXIV, 1957.

[18] Дж. Г. Д. Кларк в 50-х годах не исключал, что находка из Хейнолы является лыжей, поскольку лыж столь глубокого возраста к тому времени еще не было найдено. Сейчас же нам известны два типа мезолитических изделий этой категории из Виса I (*Burow G. M.* Op. cit., S. 133). К тому же, как свидетельствует полученный материал, хейнолинские полозья лишены приспособления для привязывания к ноге. Наконец, дуговидное сечение для лыжи нецелесообразно.

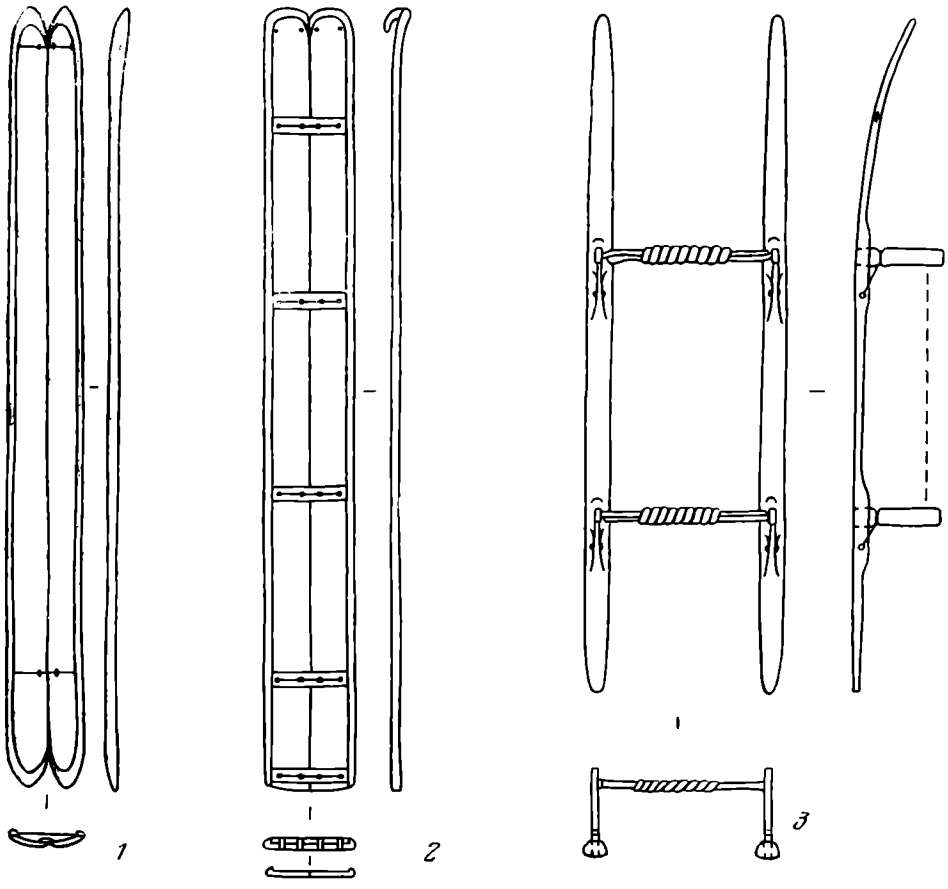


Рис. 4. Реконструкция саней с поселений Вис I (*1*, *2*) и II (*2*). *1* — хейнолинский тип; *2* — висский; *3* — новгородский

(рис. 4, *1*) груз, как на саамской кереже [19], необходимо было привязывать. Никаких дополнительных бортов они не имели.

Думается, что и узкий полоз из Хейнолы — часть составных саней. Несомненно, их деталями является пара плоских асимметричных полозьев II тысячелетия до н. э. из Алаторнио на Ботническом зал. [20] Т. И. Итконен пишет, что удовлетворительно сохранившийся экземпляр по одному краю имеет пять ушек, а по другому — четыре. Судя по рисунку, левый край частично поврежден, здесь, очевидно, было шестое ушко, и, следовательно, отверстия размещались по определенной системе: у самого конца — пара ушек, друг против друга, затем единственное слева, потом две пары, далее опять одно, по левому краю, и снова пара. Редкие отверстия, вероятно, служили для скрепления полозьев, а частые — для привязывания груза.

А. Эйряпя отмечал, что полоз из Хейнолы похож на лодку-однодревку и, вероятно, от нее происходит [21]. Эту мысль можно развить дальше: на сани был перенесен и прием использования спаренных долбленок, обладавших повышенной устойчивостью (соединенные однодревки, применявшиеся в древности на территории Швеции и других стран, бытовали до недавнего времени в некоторых областях Восточной Европы [22]).

---

[19] *Лукьянченко Т. В.* Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX—XX в. М., 1971, с. 71.

[20] *Itkonen T. L.* Op. cit.— SM, XLIII, 1936. s. 8. kuv. 5,A.

[21] *Äyräpää A.* Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland.— AA, vol. XXI, 1950, S. 8, 9.

[22] *Clark J. G. D.* Op. cit., p. 287, 288.

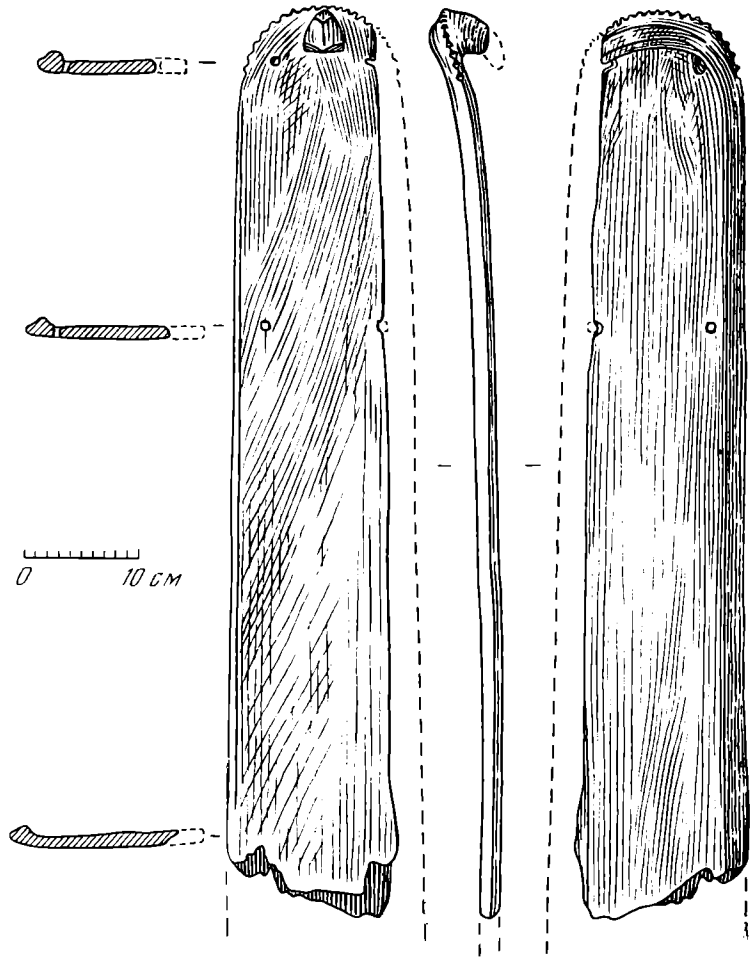


Рис. 5. Полоз висского типа из Виса I (№ 141)

Но не исключено и обратное: прототипом самой долбленки мог быть древнейший санный полоз.

Второй тип характеризуют прежде всего два изделия чрезвычайно тонкой работы. Первое из них (№ 141; рис. 5), представленное обломком длиной 78,2 *см*,— это доска толщиной 1,0—1,4 *см* с закругленным и приподнятым передним концом, который орнаментирован насечками. Левый край отколот, а по правому, заостренному в сечении, проходит валик высотой 0,5—0,6 *см*, заходящий и на головку. Характерная особенность, отличающая этот валик от плосковерхого бортика у полозьев первого типа, заключается в подтреугольном сечении. Концевая часть валика возвышается над плоскостью скольжения на 4,8 *см*, а нижняя поверхность загиба — на 4,0 *см*.

Фрагмент снабжен двумя парами сверленых, но угловатых отверстий поперечником 0,4—0,5 *см*, причем первая пара находится в 4,4 *см* от конца, а вторая — на расстоянии 22,8 *см* от первой; дальше на протяжении 61,0 *см* сверлины отсутствуют. По расположению отверстий и форме концевого закругления можно судить о ширине полоза: между орнаментированным участком и второй парой сверлин она увеличивается примерно с 14 до 16 *см*.

Возвышающийся конец оснащен снизу скошенным назад выступом (конец которого обломан), подтреугольным в сечении. Передние стороны слегка вздуты, а задняя, протяженностью 3,3 *см*, имеет вертикальное ребро. Аналогичные выступы отмечены у лыж, найденных в Висе I, где

такая деталь оформлена как головка лося [23], и на мезолитической стоянке Веретье в Восточном Прионежье [24]. Как уже показано, эти выступы, опущенные ниже плоскости скольжения, имели не только эстетическое или культовое, но и практическое значение. Они выполняли роль тормоза (препятствуя обратному движению) и стабилизатора (затрудняя «рысканье» лыжи или саней). Заостренный спереди и тупой сзади косой выступ висского полоза не оказывал заметного сопротивления, когда сани тянули вперед, но задерживал их сползание по склону назад, когда оказывался вонзенным в уплотненный снег. Это соображение проверено экспериментально.

Полоз тщательно обработан зубчатым инструментом. Выскабливанию подверглись даже дуговидная часть валика и нижний выступ. Головка с обеих сторон покрыта перекрестной штриховкой, остальная часть фрагмента — сверху продольными, а снизу косыми полосами. Это различие связано, по-видимому, с тем, что косое сглаживание, более эффективное, чем скобление по направлению волокон, было затруднено валиком, так как производилось довольно крупным двуручным скобелем с кремневыми вкладышами в дугообразных пазах [25].

Второй плоский полоз (№ 145; рис. 1, *4*), от которого сохранился обломок размерами 40,0×5,8 *см*, весьма близок первому по форме валика (высотой вне головки 0,3—0,5 *см*), его расположению, очертаниям переднего конца, форме, размерам и расположению отверстий; расстояние от конца до первой их пары — 5,2 *см*, а между парами — 26,0 *см*. Однако нижняя поверхность головки слабо приподнята (всего на 1,7 *см*) над плоскостью скольжения. Этот недостаток компенсирован тем, что головка массивна, закруглена в профиле и достигает высоты 4,2 *см*. Валик же при переходе на головку плавно возвышается до 2,0 *см* и приобретает отвесный край, в плане почти прямой. Особенность полоза также в том, что он, судя по обломку, не обрабатывался зубчатым скобелем. Как и у предыдущего изделия, скользящая плоскость не совпадает с выпуклой естественной поверхностью ствола, что дает право, по аналогии с орнаментированным полозом, предполагать наличие у саней тормозного устройства. От третьего полоза (№ 59а) сохранился только плоский обломок головки с косым внутренним краем валика.

Четыре предмета (№ 76, 87, 102, 125) характеризуют средние части полозьев. Из них наиболее интересна кедровая дощечка длиной 129,7, шириной 5,3 и толщиной 1,2—1,4 *см* (№ 87, рис. 2, *3*). Оба края сколоты, а концы обломаны. Встречены два отверстия биконического сверления диаметром 1,3 *см*, удаленные друг от друга на 44,0 *см*, на расстоянии 36,5 и 49,5 *см* от обломанных концов. Сердцевинная сторона полоза сплошь покрыта косой и перекрестной штриховкой, наружная — без обработки, но ровная (возможно, естественного происхождения).

Косую штриховку на одной стороне имеет также заостренный брусок шириной 2,4 и толщиной 1,2—1,4 *см* с обтесанными, фасетированными краями, снятыми ребрами и почти круглым в сечении рабочим краем (№ 125). Крупное сверленое отверстие на изломе (длина предмета 43,0 *см*) указывает на то, что материалом для орудия послужил фрагмент полоза второго типа. Результатом утилизации полоза, вышедшего из строя, можно считать также плоскую «лопаточку» с косой и перекрестной штриховкой на фасетированной стороне (№ 102) — какое-то незаконченное орудие. Длина около 70 *см*, размер «лопасти» 9,0×5,7, толщина 1,0—1,2 *см*. Описанные находки свидетельствуют о широком исполь-

---

[23] *Буров Г. М.* Результаты раскопок..., с. 198—200, рис. 2; *его же.* Племена..., с. 84; *Burow G. M.* Op. cit., S. 133, Abb. 5, *3*.

[24] *Burow G. M.* Op. cit., S. 138; ГИМ, № 76692.

[25] *Буров Г. М.* Раскопки в бассейне р. Вычегды (близ д. Синдор).— ВАУ, вып. 2, 1962, с. 110, рис. 46, *1*; *Burow G. M.* Op. cit., S. 133, Abb., 5, *9*.

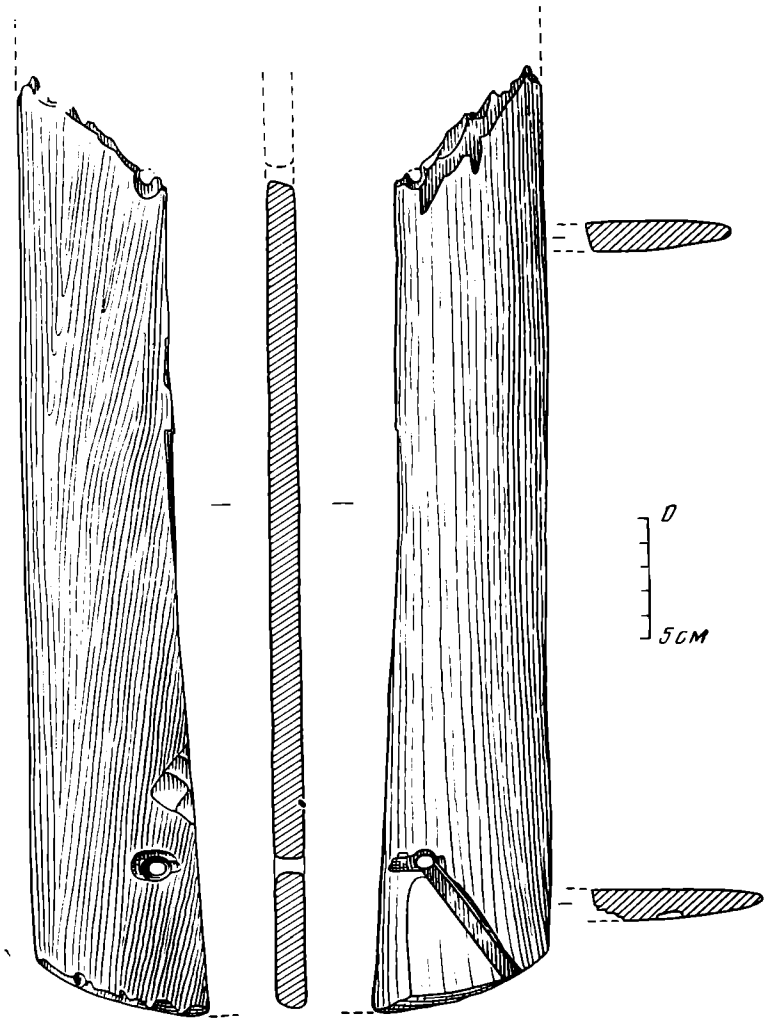


Рис. 6. Полоз висского типа из Виса I (№ 54)

зовании сломанных полозьев в качестве сырья для различных более мелких вещей; досочки и бруски от саней были хорошим поделочным материалом.

Как фрагмент полоза второго типа можно рассматривать также дощечку слегка изогнутого сечения тощиной 1,0—1,1 *см* с сохранившимся краем без бортика (№ 76). В 6,0 *см* от него — долбленое прямоугольное отверстие размером 1,5×1,2 *см*. Поверхность отделке не подвергалась. Размеры обломка — 43,0×10,0 *см*.

Важное значение имеет фрагмент полоза (рис. 6) в виде доски длиной 38,5, шириной 7,0 и толщиной 1,2 *см*, с одним заостренным, а другим отщепленным краем. Сохранившийся конец выпуклый. Сердцевинная сторона сплошь сглажена косой зубчатой штриховкой. На расстоянии 6,0 *см* от конца находится овальное отверстие двустороннеи работы длиной 0,6 *см*, а в 28,2 *см* от него предмет просверлен вторично. От ближайшего отверстия отходят два желоба шириной 0,5—0,8 и глубиной 0,2—0,3 *см*, прорезанных на внешней (нижней) стороне. Один из них тянется косо к концу, а другой — поперек края, по-видимому, к несохранившемуся отверстию, которое составляло пару с отмеченным овальным. Этому же полозу принадлежит другой обломок (№ 53), размерами 34,0× ×3,8 *см*, тоже с выпуклым концом и сверлиной на расстоянии 34,2 *см* от конца.

С охарактеризованными фрагментами сопоставляется слегка изогнутый в сечении обломок, сердцевинная сторона которого покрыта косой штриховкой (№ 77; рис. 2, *2*). Один конец ровно обрезан (заострен в профиле), другой обломан; правый край сколот, левый несет следы рубки при утилизации. В 7,2 *см* от обрезанного конца — овальная сверлина двусторонней техники длиной 1,3 и шириной 0,6 *см*, а на расстоянии 5,0 *см* дальше и несколько левее — второе отверстие. Толщина 1,2—1,4, размеры фрагмента 49,5×8,0 *см*.

Полозья второго типа, который можно назвать висским, уникальны: прямых археологических параллелей они не находят. Поэтому реконструкция такого полоза может быть дана исключительно по инвентарю поселения Вис I. Судя по предметам № 53 и 54, у заднего конца имелось две пары сверлин, а № 87 позволяет видеть отверстия и в средней части. Здесь они, как свидетельствуют вещи № 53, 54, 87, 141 и 145, были размещены с бо́льшими интервалами (44,0—51,0 *см* и более), чем у концов (22,8—28,2 *см*). Фрагменты № 53 и 77 указывают на то, что задний конец изделия бортика не имел, № 53 и 76 — на то, что один край полоза валиком не оснащался. Значит, висские полозья подобно хейнолинским были асимметричны и, следовательно, использовались в паре. Скрепление двух полозьев-досок с бортиками по внешнему краю при изготовлении плоских бескопыльных саней (тобогган) отмечено у индейцев монтанье-наскапи на п-ове Лабрадор (Северная Канада) [26].

Передняя пара отверстий служила, очевидно, для привязывания ремня, при помощи которого человек тащил сани за собой, а остальные удобны для фиксации поперечных соединительных брусков (рис. 4, *2*). Желобки у фрагмента № 53 наводят на мысль, что поперечины могли пришнуровываться утопленными ремнями, которые не препятствовали движению и медленно изнашивались. Отсутствие желобов у большинства полозьев висского типа, возможно, объясняется тем, что они могли скрепляться друг с другом при помощи поперечин и деревянных гвоздей, известных вычегодскому мезолитическому населению (применялись при изготовлении берестяных коробок). Деревянными брусками и ремнями смонтирован тобогган, а у саамских кереж шпангоуты прибивались к килевым планкам деревянными стерженьками (МАЭ, № 343—18). Поперечин в Висе I не найдено: сохранившиеся детали снимали с вышедших из строя саней для дальнейшего использования, что прослеживается также на материалах Финляндии, Швеции и Зауралья.

Из следующих трех предметов (№ 63, 64, 149), представляющих собой хвойную древесину, два (№ 63 и 64) принадлежат, по-видимому, одному и тому же полозу. Длина их 178,0 и около 145, ширина соответственно 12,0 и 5,2, толщина 1,3—2,5 *см*. Изделие № 149, толщиной примерно 1—2 *см*, обнаружено на стыке торфа и перекрывающей глинистой толщи, вследствие чего плохо сохранилось. Размеры найденной части приблизительно 190×22 *см*. Все три обломка слегка изогнуты в сечении и обработаны с внутренней стороны зубчатым инструментом, причем предметы № 63 и 64 несут штриховку только на концевом участке. Отсутствие отверстий в средней части свидетельствует о принадлежности описанных изделий к первому типу, но слабая кривизна фрагментов в профиле, грубость предметов № 63 и 64, а также плохая сохранность находки № 149 не исключают мысли, что перед нами незаконченные полозья второго типа [27].

---

[26] *Вейле К.* Первобытное общество и его хозяйство. М.— Пг., 1923, с. 137, рис. 31; *Липс Ю.* Происхождение вещей. М., 1954, с. 195, 196.

[27] Кроме того, в коллекцию входят три небольших обломка со штриховкой из хвойной древесины (№ 13, 75, 110) и дощечка 38,0×3,0×1,3 *см* с фасетированной сердцевинной плоскостью (№ 36). Эти предметы могут быть не только обломками полозьев, но и фрагментами лыж.

Два типа мезолитических полозьев частично синхронны, но более древним представляется хейнолинский. На поселении Вис I полозья этого типа залегали во всей толще старичных отложений, а также (№ 90) в подстилающем песчаном ложе. В нижнем горизонте торфяника оказались все полозья типа хейнола из лиственной древесины, широкое использование которой документируется также другими находками в Висе I и приходится как раз на бореальный период, когда на Европейском Северо-Востоке большое распространение имели береза [28] и, по-видимому, осина [29]. В верхнем же горизонте из хейнолинских изделий обнаружены только те, которые вырезаны из хвойной древесины и несут штриховку на сердцевинной стороне (№ 60 и 138). Здесь же залегали все полозья висского типа (№ 53, 54, 59а, 76, 77, 87, 102, 125, 141, 145). Высокое стратиграфическое положение имели и прочие предметы из дерева хвойных пород, обработанные зубчатым скобелем (весло, лыжа с лосиной головкой, фрагменты полозьев или лыж. Аргументами в пользу того, что хейнолинский тип возник раньше висского, служит также его относительная примитивность и бытование не только в VII, но и в VIII тысячелетии до н. э. (Хейнола).

В торфянике Виса II найдены два фрагментированных полоза от саней с копыльями и четыре мелких обломка, возможно, принадлежащие саням. Первый полоз, из дерева лиственной породы, с гладкой поверхностью, в месте крепления копыла оснащен возвышением длиной около 17 *см* (рис. 7). Здесь толщина полоза 3,3—3,5 *см*; к концам она плавно уменьшается (по крайней мере до 1,4 *см*), равно как и ширина (с 6,5—6,9 до 5.1 *см*). Одна часть возвышения имеет трапециевидное, а другая — подтреугольное сечение. На первый отрезок приходится вертикальный прямоугольный паз размерами 4,0×2,0 *см*, на второй — горизонтальное отверстие длиной 1,3 *см*, проделанное в специальном валике. Расстояние от середины паза до середины отверстия 9,5 *см*. Вне возвышения полозу придан овальный поперечный разрез. Оба конца обломаны. Длина фрагмента 72,3 *см*. От аналогичных полозьев из лиственной древесины могли остаться три фрагмента овального сечения. Первый из них, длиной 20,8 *см*, сужпвается с 4,8 до 3,6 *см*, напоминая деталь весла. Два других, коротких обломка имеют в поперечном разрезе размеры 6,8×1,1 и 4,2× ×1,4 *см*. Встречен также обломок полоза или кирки из хвойной породы, с прямоугольным пазом шириной 1,2 *см*.

Описанному полозу типологически отвечает почти целиком сохранившийся копыл, вырезанный из лиственной древесины, самый древний из всех, которые мне известны (рис. 1, *3*). Он представляет собой мелкую плаху с обтесанными краями длиной 28,0, шириной до 3,7 и толщиной 1,5—1,7 *см*. На высоте 21—22 *см* от плахи отходит горизонтальный сук диаметром 1,2 *см* и длиной не менее 30,5 *см* (конец обломан). Основание копыла толщиной 1,7 *см*, отделенное от верхней части двумя выемками, передней и задней (на высоте 4—6 *см* от нижнего конца), кверху расширено с 3,3 до 3,6 *см* для прочной фиксации в пазу. Выемки служили для ремня, который привязывался к отверстию и стягивал детали в одну прочную конструкцию. Сук скреплялся с таким же суком у копыла на втором полозе, образуя вместе с ним поперечину для платформы, над которой приблизительно на 6 *см* выступали верхние концы копыльев. Сама платформа возвышалась над скользящей поверхностью примерно на 23 *см* (рис. 4, *3*).

Копылья с отходящим сучком, довольно близкие висскому, найдены в Новгороде X—XVвв. [30] Различие заключается в том, что новгородские

[28] *Буров Г. М.* Древний Синдор, с. 24—29, рис. 6, 7.

[29] Древняя пыльца этой породы не сохранилась даже в торфе (*Нейштадт М. И.* История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957, с. 220).

[30] *Колчин Б. А.* Новгородские древности (деревянные изделия).— САИ, вып. Е 1—55, М., 1968, табл. 41, *1*, *4*, *5*, *8*, *11—14*; 42, *1*, *3*, *5*, *6*; рис. 44.

Рис. 7. Полоз новгородского типа *с* поселения Вис II

Рис. 8. Полоз неопределенного типа из Виса II

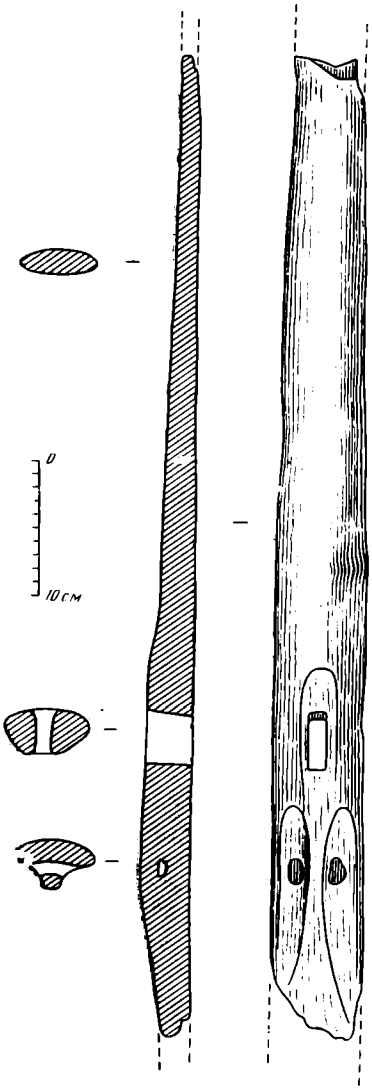


Рис. 7

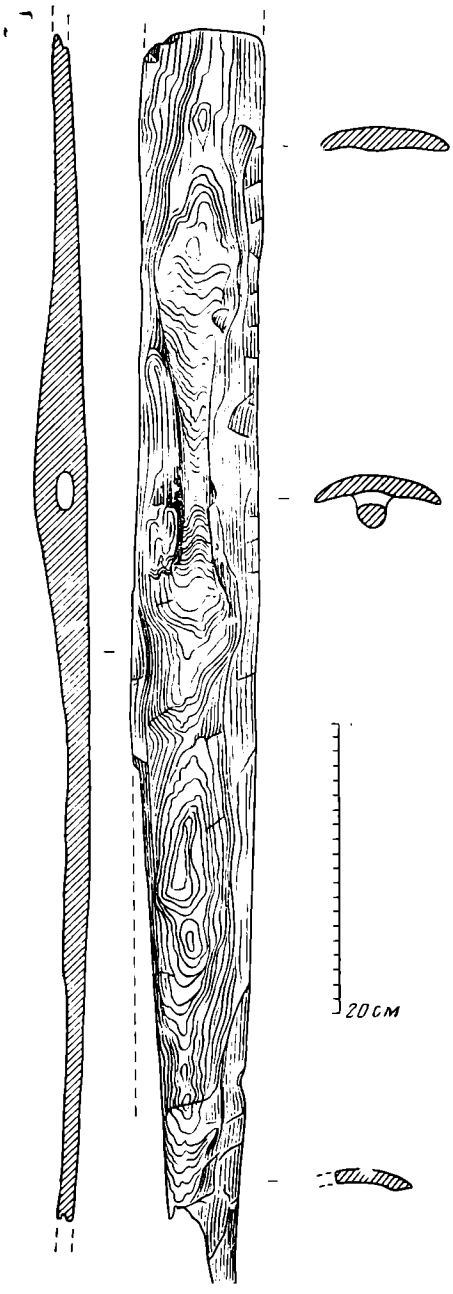


Рис. 8

изделия имеют опорные уступы: один у нижнего конца, который вставляется в паз полоза, а другой на уровне сучка, для грядки (продольного бруса, соединяющего копылья). Кроме того, новгородские находки редко оснащены перехватом для привязывания к полозу [31]. Последнее характерно для собачьих саней, бытовавших у кетов [32], обских угров [33] и коми-зырян [34]. По этим аналогиям (оттяжка делалась сзади)

[31] Там же, рис. 41, *10*.

[32] *Donner K.* Ethnological Notes about the Yenisey-Ostyak.— Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia, LXVI. Helsinki, 1933, pict. 28.

[33] *Sirelius U. T.* Über einige Prototype des Schlittens.— Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja, XXX. Helsinki (1913—1918), № 32, Fig. 19; *Чернецов Н. Н.* Быт хантов и манси по рисункам XIX в.— Сб. МАЭ, X, 1949, рис. 9.

[34] *Itkonen T. I.* Op. cit.— SM, 1934, kuv. 7.

можно предположить, что мы имеем дело со средней и передней частью полоза, которая загибалась кверху.

Описанный полоз и копыл принадлежит, таким образом, саням новгородского типа — с двумя полозьями и платформой. Значительное количество полозьев от таких саней собрано в Старой Ладоге VIII—X вв.[35], Новгороде X—XV вв.[36] и Белоозере XIII в.[37]; известны также случайные находки в торфяниках Швеции[38] и Финляндии[39]. Древнерусские сани имели обычно от трех до девяти копыльев и, обладая достаточной прочностью, не нуждались в оттяжках. Привязные отверстия характерны для шведских и финляндских полозьев новгородского типа, оснащавшихся всего двумя копыльями (муръервская группа, по Г. Бергу). Это дает право предполагать, что сани II Висского поселения не были многокопыльными. Ближе всего к нашему полозу находки в Тюрве[40] и Пиэлавеси[41], у которых, однако, отверстия находятся на значительном удалении от пазов, что имеет принципиальное значение для реконструкции. В Пиэлавеси вместе с полозом обнаружена грядка с пазами для копыльев и перехватом для ремня, шедшего от привязного отверстия на полозе к ней, а не к копылу, и выполнявшего роль скрепа (длинного деревянного гвоздя, которым грядка прибивалась к полозу) у старинных эстонских саней[42].

Второе, сосновое изделие из Виса II (рис. 8), шириной 8,3—8,6 *см*, имеет в сечении форму полумесяца. Нижняя сторона — окоренная выпуклая поверхность ствола, слегка подтесанная для уплощения, верхняя — покрыта фасетками, следами тесла или топора. Толщина полоза 0,8—1,5, глубина 0,3—0,5 *см*. Сверху вырезано крепкое ушко шириной 2,5 *см* с овальным отверстием размером 2,6×1,1 *см*; в этом месте высота полоза достигает 3,4 *см*. Предмет напоминает полозья старинных камчадальских собачьих саней, имеющие два горизонтальных канала, передний и задний, через которые продеты ремни, привязывающие спаренные копылья в виде дуг из березовых корней[43]. Вместе с тем ограниченная длина сбломка (87,0 *см*) не исключает предположения, что полоз относится к варианту муръервских саней, представленному находками в Пиэлавеси и Тюрве.

Полозья и копыл из поселений Вис I и II существенно расширяют наши знания о древних средствах перевозки и передвижения.

G. M. Burov

SLEDGE FRAGMENTS FROM THE SETTLEMENTS OF VIS I (THE MESOLITHIC) AND VIS II (1st MILLENNIUM A. D.)

Summary

In the deposits of the old river-bed in the vicinity of the settlement of Vis I (the Vychegda River basin) archaeologists discovered 21 fragments of runners from, evidently, nineteen sledges belonging to two types. The first of them is represented by ele-

[35] *Орлов С. Н.* Деревянные изделия Старой Ладоги VII—X вв. Автореф. канд. дис. М., 1954, с. 9.

[36] *Колчин Б. А.* Ук. соч., табл. 39, *2*, *4*; 40, *4*; 44, *1—3*.

[37] *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973, с. 174, 175, рис. 64, *3*.

[38] *Berg G.* Sledges and Wheeled Vehicles. Stockholm — Copenhagen (Nordiska Museets Handlingar, 4), 1935, p. 46—48.

[39] *Itkonen T. I.* Op. cit.— SM, 1934, kuv. 5, D; 7; 1936, kuv. 5, B; 1938, kuv. 5, A, B; LIII, 1946, kuv. 2, A, C.

[40] Ibid.— SM, 1946, kuv. 2, C.

[41] *Okkola T.* Einige vorgeschichtliche Skier und Schlittenkufen.— SMYA, XLV, 1945, S. 264, Abb. 4; *Luho V.* Pielaveden reenjalaksen ikä.— SM, LII, 1945.

[42] *Вийрес А. О.* Санный транспорт у эстонцев.— В сб.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики, т. I. М., 1959, рис. 4,*б*; 6—9; 10,*б*; 11,*б*.

[43] *Антропова В. Е.* Старинные камчадальские сани.— Сб. МАЭ, X, 1949, с. 48—50; МАЭ, № 864—1; МЭН, № 4894—11а.

ven fragments. They were trough-like bow-shaped artifacts with a skirting along the sides and two pairs of horizontal holes at the head of the sledge and at some distance from the end (Figs. 1, 1, *2*; 2, *1*). This type may be called the Heinola type because the only previously known Mesolithic runner came from Heinola in the south of Finland (Fig. 3, *1*). According to the present author, the sledge was a construction of two symmetrical runners connected with straps (Fig. 4, *1*). The second, Vis, type includes flat-bottomed artifacts with a handrail at one of the sides and several pairs of vertical holes for connecting poles (Figs. 1, *4*; 2, *2*, *3*; 4, *2*; 5; 6). The toboggan of the Canadian Indians presents an analogue to them.

In a peatbog of the old river-bed at the settlement of Vis II two runners were found. One of them, of the Novgorodan type, has a rectangular slot for a poppet and a horizontal hole for its fixing (Fig. 7). A board with a groove for fixing a strap and a long twig on which the sledge platform rested served as a poppet (Figs. 1, *3*; 4, *3*; 7). The second runner with a massive lug and, perhaps, slotted (Fig. 8) belongs, probably, to the construction with coupled bow-shaped poppets known by ancient sledges of the Kamchdals.

И. С. МАСИМОВ

НОВЫЕ НАХОДКИ ПЕЧАТЕЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ С НИЗОВИЙ МУРГАБА

Продолжающееся археологическое изучение древнемургабских поселений приводит все новые факты, свидетельствующие о своеобразном облике культуры этого района в эпоху бронзы. Примером тому может служить коллекция разнообразных печатей, обнаруженных на поверхности многих холмов, ежегодно пополняемая новыми экземплярами. Наряду с глиняными и металлическими перегородчатыми печатями, изготовленными в манере, характерной для Южной Туркмении, в коллекцию входят совершенно новые типы печатей, распространенные преимущественно только на территории древнемургабской дельты. Среди них большой интерес вызывают каменные печати-амулеты, уже получившие освещение в научной литературе. Публикация этих материалов В. И. Сарианиди [1] нашла живой отклик среди специалистов как у нас, так и за рубежом. Достаточно сказать, что после выхода этой работы Пьером Амье была опубликована часть совершенно неизвестной коллекции печатей М. Фарухи из Лувра [2].

В последние годы на ряде поселений низовий Мургаба, сконцентрированных преимущественно вокруг колодцев Таип, Адам-Басан, Аджикуи, а также такыра Келлели, автором были собраны десятки новых образцов печатей, среди которых помимо уже известных глиняных, металлических и каменных печатей-амулетов были встречены и цилиндрические печати. Последние, как известно, в древности получили широкое распространение на территории Месопотамии и в Эламе. В этой связи их обнаружение далеко к северо-востоку от этих цивилизованных центров вызывает большой научный интерес.

Необходимо отметить, что в публикации В. И. Сарианиди, за исключением каменных печатей-амулетов, другие виды глиптики, известные в памятниках низовий Мургаба, почти не были затронуты, и это обстоятельство учитывалось при написании данной работы.

Для удобства изложения мы разделили рассматриваемую коллекцию на три основные группы по характеру сырья: глиняные печати, металлические и каменные, внутри групп по возможности выделены типы.

Самыми малочисленными являются печати, изготовленные из глины (рис. 1). Весьма примитивные с виду, на первый взгляд они создают впечатление продукции, выпущенной на скорую руку. Характерна большая примесь мелкодробленой дресвы в составе теста большинства печатей, тогда как обжиг их достаточно высококачественный. Все печати этой группы относятся к штемпельным и имеют, как правило, форму

[1] *Сарианиди В. И.* Печати-амулеты мургабского стиля.— СА, 1976, № 1.

[2] *Amiet P.* Antiquites de Bactriane.— In: La Revue du Louvre et des Musees de France, v. 28, Paris, 1978. Ранее два экземпляра цилиндрических печатей из коллекции М. Фарухи были опубликованы Е. Порадой (см. *Porada E.* Aspects of Elamite Art and Archaeology.— Expedition, v. 13, № 3—4, 1971).

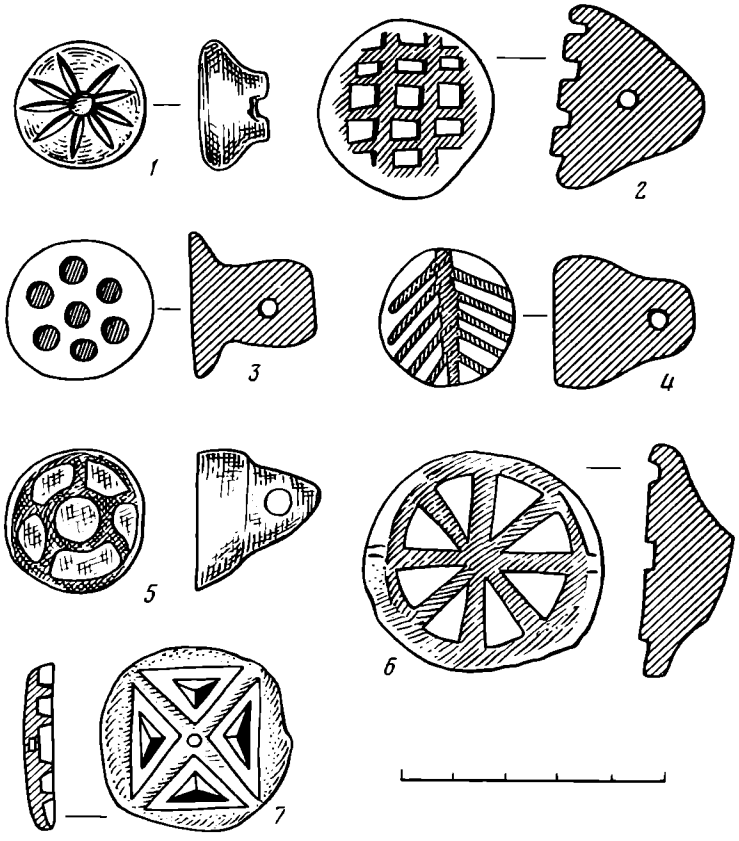


Рис. 1. Печати из глины (*1—6*) и алебастра (*7*)

конуса, где узкая часть со сквозным отверстием для шнурка служила ручкой. Геометрический орнамент наносился на них резьбой с помощью металлического орудия или просто процарапывался еще до обжига. Это горизонтальные и вертикальные линии, иногда создающие силуэт мелких квадратиков, или восьмиконечная звезда, вписанная в круг, или цветочная розетка. В одном случае отмечено изображение дерева. В эту группу включена печать из алебастра (гипса), имеющая на лицевой стороне рисунок в виде креста со сквозным отверстием в центре. Форма печати дисковидная (рис. 1, 7).

Трудно сказать, какая роль была отведена терракотовым печатям в быту населения низовий Мургаба, если одновременно с ними в употреблении находились каменные и медно-бронзовые. Возможно, что первые были распространены лишь среди определенных слоев населения, например ремесленников-гончаров. Так, на поселении Таип 1 встречено два фрагмента керамики, на одном из которых имеется оттиск печати в виде восьмилепесткового цветка, на другом — креста, что в какой-то мере подтверждает данное предположение. На это как будто указывает и находка одной из таких печатей прямо на поверхности гончарного горна, встреченного на поселении Таип 8. Во всяком случае, находки терракотовых печатей на древнеземледельческих поселениях Южного Туркменистана — явление обычное. Печати подобного типа, изготовленные на вполне профессиональном уровне, ранее встречены в верхнем слое Кара-депе, относящемся к эпохе энеолита. Там же среди других находок обнаружены плоские печати с изображениями креста, обрамленного зубчатыми линиями, а также печати в виде конусов [3]. Аналогичные им пе-

[3] *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка.— ТЮТАКЭ, т. X, 1961, с. 370, табл. XIV, *10*, *13*, *15*.

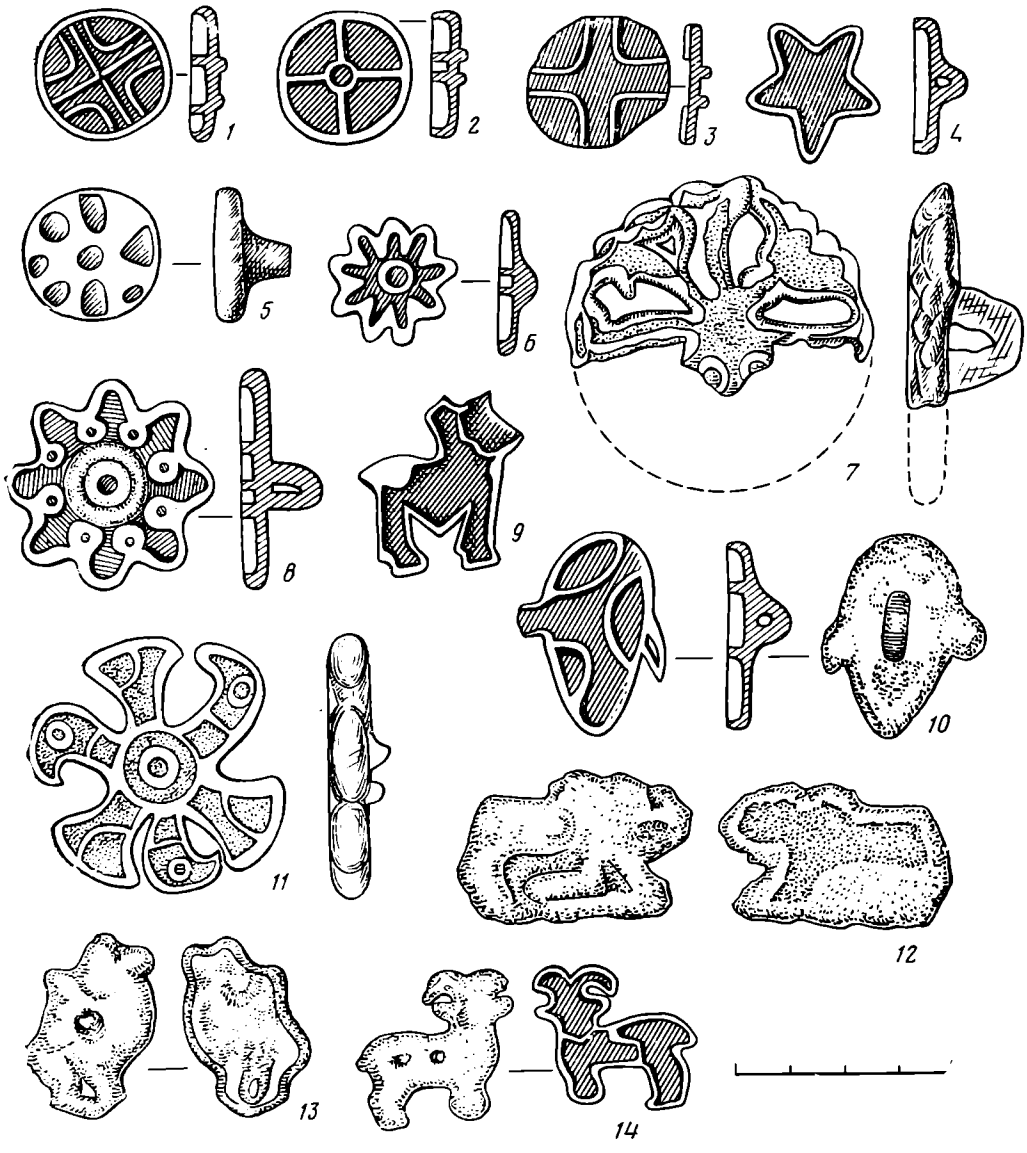


Рис. 2. Печати из металла: *1—8* — с геометрическим орнаментом; *9—14* — с зооморфным

чати найдены и на поселении Геоксюр[4]. Терракотовые печати наряду с каменными печатями-подвесками, встреченными на энеолитических поселениях, являются образцами древней глиптики этого района. От них берут начало последующие виды, изготовлявшиеся уже из камня и бронзы в эпоху бронзы, когда терракотовые печати продолжают бытовать, хотя и в значительно меньшем количестве[5].

Широкое использование металлургии в бронзовом веке дало новый толчок развитию ремесла. Неудивительно поэтому, что медно-бронзовые печати составляют одну из многочисленных групп в нашей коллекции. К сожалению, бо́льшая часть их — в виде обломков, а из числа сохранившихся многие разрушены патиной или деформированы. Все медно-

[4] *Сариниди В. И.* Энеолитическое поселение Геоксюр.— ТЮТАКЭ, т. X, с. 256, табл. XIII, *8*, *11*.

[5] Для эпохи бронзы известны, например, находки терракотовых печатей с поселения Алтын-депе (см.: *Ганялин А. Ф.* Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын-депе.— СА, 1967, № 4, с. 218, рис. 1; *Масимов И. С.* Раскопки ремесленного квартала эпохи бронзы на поселении Алтын-депе.— КД, вып. III, 1970, с. 63, рис. 18, *12*).

бронзовые печати отлиты в специальных формах и, как правило, являются круглыми в плане с ручкой-петелькой на обратной стороне, со сквозным отверстием для шнурка. Размеры печатей варьируют в диаметре от 2 до 6 *см*, с выступом ручки-петельки до 1,5 *см*. По характеру рисунка выделяются два типа печатей: с геометрическим орнаментом и с зооморфными сюжетами (рис. 2). Первый широко представлен рисунками креста в различных сочетаниях (рис. 2, *1—8*). На одних это крест, вписанный в круг, с небольшим кружочком в центре, другие имеют строгую линию силуэта креста, дополненную вспомогательными штрихами. Встречены также печати с рисунком пятиконечной звезды, розетки, или восьмиконечной звезды с рельефным кружочком в центре.

Большой интерес представляют печати с зооморфными рисунками (рис. 2, *9—14*). Среди них особого внимания заслуживает фигурная печать с изображениями птиц, найденная на поселении Келлели 1 (рис. 2, *11*). Три птицы расположены в скрещенном виде с головами, обращенными влево по кругу, образуя вихревую розетку. Скорее всего, это хищники: крупные головы пернатых завершаются мощными клювами, слегка загнутыми вниз. Глаза отмечены крупным кружочком, хвостовая часть передана веером. Середина печати заполнена двумя концентрическими кругами с характерной точкой в центре.

На поселении Келлели 4 найдена печать с изображением стоящего козла (рис. 2, *14*), причем если туловище животного дано в профиль, то голова показана в фас. Мощные загнутые по сторонам головы рога в виде дуг опущены концами вниз, под ними торчат уши. Туловище козла относительно тонкое, оканчивающееся коротким хвостом. В отличие от передних ног задние слегка согнуты. На поселении Таип-депе 1 найдена изготовленная в той же технике печать, на которой изображено животное в аналогичной стойке (рис. 2, *9*; 3, *9*). К сожалению, часть с изображением головы утрачена, хотя по силуэту в нем нетрудно угадать козла. На том же памятнике найдена массивная печать (бляха?) без ручки на обратной стороне. Контуры, а также мощная голова животного в целом напоминают льва, изображение которого часто фигурирует на печатях различного вида в этом районе. Хорошо просматриваются лапы зверя и сравнительно короткое туловище с втянутым животом (рис. 2, *12*; 3, *8*). Отметим еще две печати из этой серии. Первая из них в плане образует овал, зауженный к одному концу. На ее лицевой стороне перегородками отделены три отсека, а за край печати выступают два отростка в виде рыбьих плавников (рис. 2, *10*; 3, *11*). Вторая печать сделана в виде верблюда с подчеркнуто мощной головой и характерным горбом на спине (рис. 2, *13*; 3, *12*). Плавно загнутая шея животного переходит в передние ноги, сомкнутые с задними.

Помимо перечисленных найден еще целый ряд обломков печатей, имеющих геометрический или зооморфный рисунок. Не было встречено ни одной печати с антропоморфным изображением, хотя они достаточно характерны для соседней Бактрии[6]. В то же время очевидно, что металлические печати Мургаба имеют ближайшие аналогии в глиптике именно территорий Бактрии, а также подгорной полосы Копетдага. Предварительное картографирование находок медно-бронзовых печатей, проведенное В. И. Сарианиди, показало их широкую распространенность на территории, охватывавшей в древности обширную область от Месопотамии до долины Инда[7].

Вместе с тем необходимо отметить характерный для поселений бронзового века прикопетдагской равнины стиль изготовления этих печатей.

---

[6] Следует отметить большую популярность мифологических тем в изображениях на печатях Бактрии (см.: *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977, с. 89—91; *Amiet P.* Op. cit., p. 32—35).

[7] *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы..., с. 86—88.

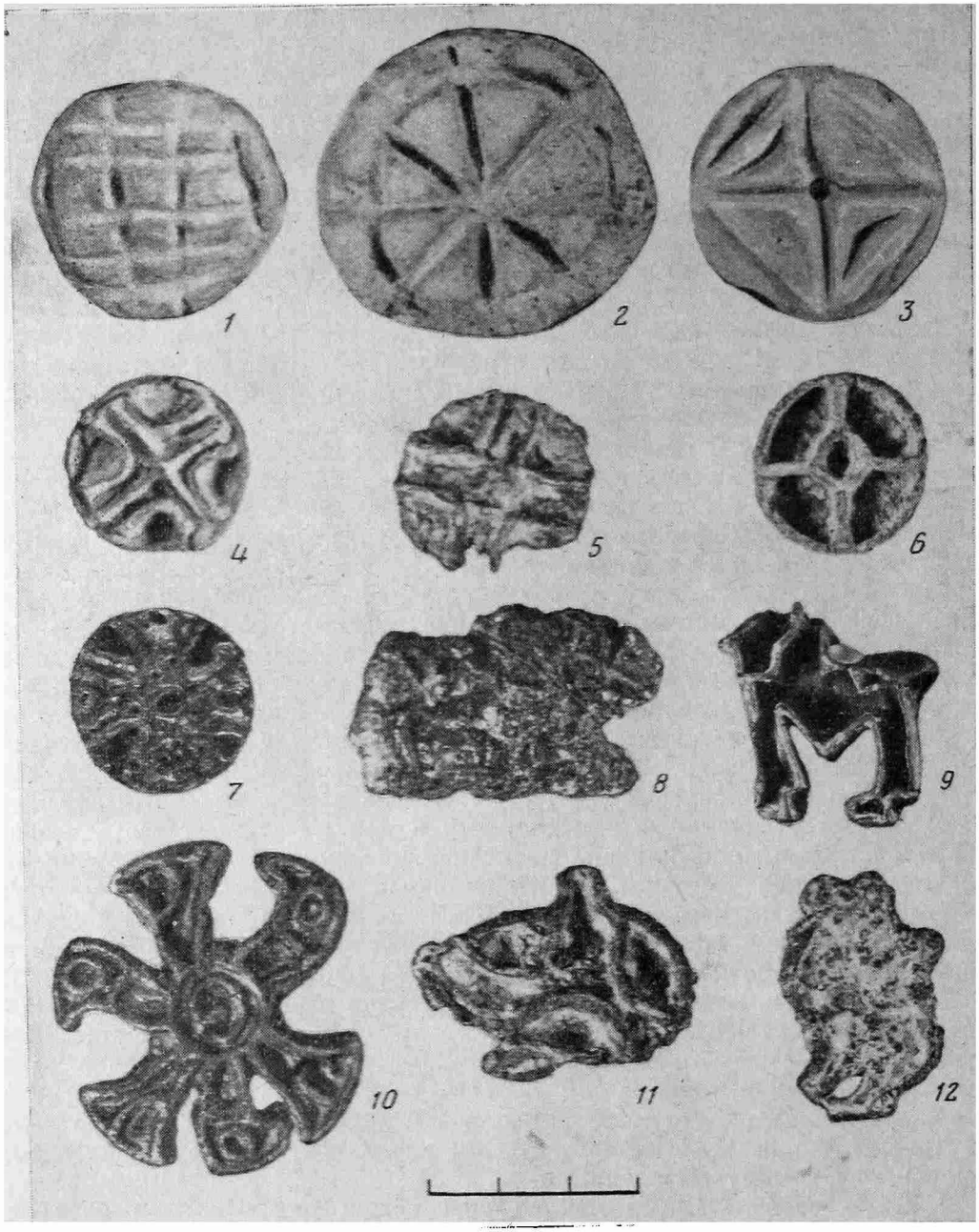


Рис. 3. Печати: *1*, *2* — глина; *3* — алебастр; *4—12* — металл

Во всяком случае, он отражен на печатях с изображениями козла из низовий Мургаба, типичных, например, для поселений Алтын-депе[8], Шор-депе[9] и других памятников этого района. Напомним, что с Алтын-депе происходит и печать с рисунком зверя кошачьей породы, найденная в погребении жрицы, и великолепная серебряная печать, изображающая фантастического трехглавого зверя[10]. И если первая из этих печатей имеет определенное сходство с печатью-бляхой с Гаип-депе 1, то вторая по манере исполнения, можно сказать, повторяет стиль печати с птицами, найденной на поселении Келлели 1. Несомненно, что обе эти печати яв-

[8] *Массон В. М.* Протогородская культура Алты-депе.— АО — 1966. М., 1967.
[9] *Масимов И. С.* Находки с Шор-депе.— Памятники Туркменистана, 1978, № 1.
[10] *Массон В. М.* Протогородская культура..., с. 331.

ляются высокохудожественными произведениями древневосточной глиптики. Не останавливаясь на многочисленных аналогах и территории распространения металлических печатей, уже рассматривавшихся до этого рядом авторов[11], вкратце приведем результаты лабораторных анализов металлических изделий с древнемургабских поселений, проведенных в Лаборатории естественнонаучных методов ССА АН СССР[12]. Как показали исследования, наиболее существенными примесями в рассматриваемых медно-бронзовых изделиях оказались мышьяк (от 0,007 до 6%), а затем свинец (от 0,002 до 5,5%), причем эти же компоненты, например, в печатях (анализу подвергнуты 12 образцов) в среднем оказались значительно выше, чем в прочих изделиях. Так, мышьяк имеет низшее содержание 0,45%, а высшее — 4,3%, свинец — соответственно 0,5 и 10%. В печатях отмечены и относительно высокие концентрации железа (от 0,04 до 2%), серебра (0,001—0,1%), замечены также следы олова, цинка, висмута, сурьмы, никеля, кобальта и золота, хотя последний элемент в трех образцах вообще отсутствовал. Надо полагать, что высокое содержание свинца в печатях этого времени, видимо, является одним из необходимых условий процесса их изготовления. Во всяком случае, исследованные Д. В. Наумовым две бронзовые печати с Алтын-депе содержали более высокий процент свинца (12%). По мнению Д. В. Наумова, это является результатом искусственной присадки свинца к меди, а мышьяк — перешедшим в сплав с медью и свинцом из их руд[13]. Большой процент свинца отмечен также в составе печати из южного кургана Анау[14]. Искусственная присадка свинца к меди связана с необходимостью получения качественной отливки. По утверждению Н. Н. Тереховой, исследовавшей металлографически как мургабские, так и афганские печати, способ изготовления их был одинаков — они были отлиты в закрытых формах по выплавляемой модели[15].

Третью группу печатей низовий Мургаба составляют печати, изготовленные из камня. При этом каменные печати, и в особенности печати-амулеты, представляют собой отличительную черту культуры этой территории[16]. Удивляет поразительное разнообразие рисунков — от простых геометрических мотивов до сложных мифологических сцен. Для изготовления печатей преимущественно использовались темные или темно-зеленые хлоритовые породы, а в редких случаях и белые кремнистые породы, камень с коричневатыми прожилками или темно-красный камень.

По форме каменные печати делятся на три основных типа: штемпельные, печати-амулеты и цилиндрические. Первые, как правило, имеют в плане прямоугольное, квадратное или круглое очертание, большей частью с зубчатыми насечками по ободку и ручкой-петелькой со сквозным отверстием на обратной стороне. Несколько экземпляров первого типа несут традиционный рисунок креста, среди них особенно примечательна квадратная в плане печать, на лицевой стороне которой крест выгравирован в виде четырех овальных вытянутых лепестков, упирающихся концами в углы печати, в центре креста характерный кружочек. Судя по следам надреза в углах, рисунок выполнен выемчатой техникой с последующей отделкой деталей острым орудием. Другая, прямоугольная в плане печать

---

[11] *Массон В. М.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии.— СА, 1967, № 3, с. 181—186; *Сариниди В. И.* Древние земледельцы..., с. 81—101.

[12] Автор благодарит Н. Н. Терехову за оказанную помощь.

[13] *Наумов Д. В.* Химический состав некоторых бронзовых предметов Южного Туркменистана.— КД, вып. III, 1970, с. 244, 245.

[14] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии.— САИ, вып. В 4—9. М., 1966, с. 103.

[15] *Сариниди В. И.* Древние земледельцы..., с. 86.

[16] Первая каменная печать дисковидной формы с изображением извивающейся змеи на одной стороне и геометрическим орнаментом на другой была обнаружена В. М. Массоном на поселении Аучин-депе (*Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.— Л., 1959, с. 19, табл. I).

Рис. 4. Печати из камня: *1—8* — штемпельные; *9—13* — печати-амулеты

имеет на лицевой стороне крест, составленный из выгравированных треугольников, упирающихся концами в углы печати (рис. 4, *1*). В отличие от предыдущей орнамент из насечек на этой печати проведен не по наружному ее краю, а внутри, по линиям треугольников.

Интересны розетковидные печати, исполненные в виде цветка или многолучевой звезды. Примечателен здесь экземпляр восьмилучевой звезды, проработанный достаточно детально и четко. Каждая деталь розетки имеет внутри углубление, произведенное сверлом. Внешний ее край украшен насечками, на тыльной стороне находится ручка-петелька (рис. 4, *4*). Фрагмент другой печати сохранил три из семи концов звезды, в центре которой помещены два концентрических круга (рис. 4, *8*). Интересна и небольшая круглая печать из коричневого камня с рисунком орла в геральдической позе. По краю ее нанесен зубчатый орнамент, сзади сохранился след ручки (рис. 4, *6*). На квадратной печати точками нанесен рисунок дерева, напоминающий и лапку птицы (рис. 4, *5*). Можно отметить еще целый ряд обломков печатей-штампов из камня с геометрическим или растительным орнаментами.

Каменные печати-амулеты, как правило, прямоугольные в плане, характеризуются отсутствием ручки-петельки, вместо которой вдоль длин-

ной оси печати просверлено сквозное отверстие для шнурка [17]. Однако встречаются образцы с отверстием и по углам — это главным образом квадратные печати. Другая характерная особенность этих печатей состоит в наличии рисунка — в виде геометрического орнамента или изображений животных, фантастических или мифических существ — на обеих сторонах в отличие от предыдущих. Много места занимают здесь и рисунки креста, выполненные в различных вариантах (рис. 4, *10*). Но самыми примечательными являются амулеты с рисунками животных, и среди них — плоская прямоугольная печать из белого камня, с изображением на лицевой стороне стоящей антилопы (рис. 4, *15*). У антилопы небольшая голова с узкой мордой, рога прямые и острые, короткая тонкая шея переходит в прямые передние ноги, живот подтянут, задние ноги, как и передние, раздвоены, спина покатая, плавно переходящая в заднюю часть тела. Над спиной изображено другое, меньшее по размерам животное, выгравированное мастером в перевернутом виде. Оно имеет короткий тонкий хвост, слегка согнутые в коленях задние ноги, довольно тонкое туловище; часть печати с изображением головы сколота. Судя по всему, здесь изображено животное, близкое к антилопе. На обратной стороне печати нанесен рисунок концентрических (солярных) кругов, вписанных в квадраты. На торце печати есть выступающая ручка с отверстием для шнурка. Вторая подобная ручка могла быть на противоположной, сколотой части печати.

Изображение горбатого быка мы видим на обломке печати с поселения Адам-Басан 4. Характерно, что агрессивная поза животного знакома не только по печатям-амулетам, но и по цилиндрическим печатям, о чем еще будет сказано. На другой стороне той же печати сохранилось изображение головы какой-то крупной птицы, ниже нее проходят две горизонтальные линии.

Многочисленны на печатях-амулетах разнообразные рисунки извивающихся змей. Очень интересна печать, на одной стороне которой такой рисунок занимает всю плоскость. Изображение при этом настолько детализировано, что показана не только голова с раскрытой пастью, но и мелкие штрихи на теле змеи, возможно имитирующие расцветку или чешую (рис. 4, *14*; 5, *7*). Но еще более примечательна обратная сторона печати. Здесь выгравирована фигура какого-то фантастического или мифического существа с длинными, опущенными вниз крыльями, над которыми нанесена дугообразная линия с мелкой штриховкой, напоминающая рог архара (рис. 5, *6*). Рядом справа — силуэт лапки хищника, соединяющейся с одеждой изображенного. Одежда передана четырьмя горизонтальными складками, заполненными внутри вертикальными насечками. Несмотря на довольно четкое изображение, трудно определить его значение. Возможно, перед нами изображение существа или гения с крыльями, подобного тем, что мы видим на цилиндрических печатках Месопотамии ассирийского периода.

Заслуживает внимания еще одна печать-амулет, прямоугольная в плане, с выпуклой средней частью и сквозным отверстием вдоль длинной оси. На обеих ее сторонах выгравированы схожие между собой рисунки хищников, напоминающих зверей кошачьей породы. На одной из сторон помещен разъяренный хищник с высоко поднятой крокодилоподобной головой и широко раскрытой пастью (рис. 4, *13*; 5, *3*). Передние лапы выставлены вперед, задние согнуты, из всех лап выпущены острые когти. Задранный вверх хвост зверя заканчивается крылатым драконом с головой очковой змеи-кобры. Вторая, но уже простая змея выходит из семени, причем ее голова находится под когтями хищника, так что разъя-

[17] Научное толкование печатям-амулетам дано в работе В. И. Сарианиди, поэтому здесь лишь подробно описываются найденные каменные печати (см. *Сарианиди В. И.* Печати-амулеты...).

Рис. 5. Каменные печати-амулеты

ренный зверь как бы давит ее лапами. На теле зверя выгравирован орнамент, видимо, имитирующий шерсть. На обратной стороне печати — изображение второго хищника, почти повторяющего позу первого (рис. 4, *13*; 5, *4*). В отличие от первого у этого плотное короткое тело с мощной головой и раскрытой пастью, над головой торчат в стороны относительно длинные уши. На холке грива в виде острых зубцов, передние лапы выставлены вперед, задние полусогнуты, когти выпущены из всех лап. Задранный хвост здесь тоже заканчивается змеей, но без крыльев, а вторая змея, выходящая из семени, показана с приподнятой головой, будто угрожающей самому хищнику, хотя его передние лапы «давят» змею, отводя угрозу нападения. Сходством между двумя хищниками, выгравированными на обеих сторонах печати, несомненно. Небольшое различие наблюдается лишь в передаче головы и размерах туловищ зверей. Вполне вероятно, что на печати изображены фантастические суще-

ства, похожие на хищников кошачьей породы, сопровождаемые драконом и змеями. Данная печать не является единственной, так как печати со змеями (драконами), атакующими животных или людей, уже известны на территории Мургаба [18].

Перейдем к последнему типу печатей — цилиндрическим, обнаружение которых в низовьях Мургаба не только представляет собой большое научное значение, но и открывает новую страницу в истории древней глиптики региона. Пока все они происходят с одного поселения, что само по себе является весьма любопытным фактом. Это поселение Таип-де-

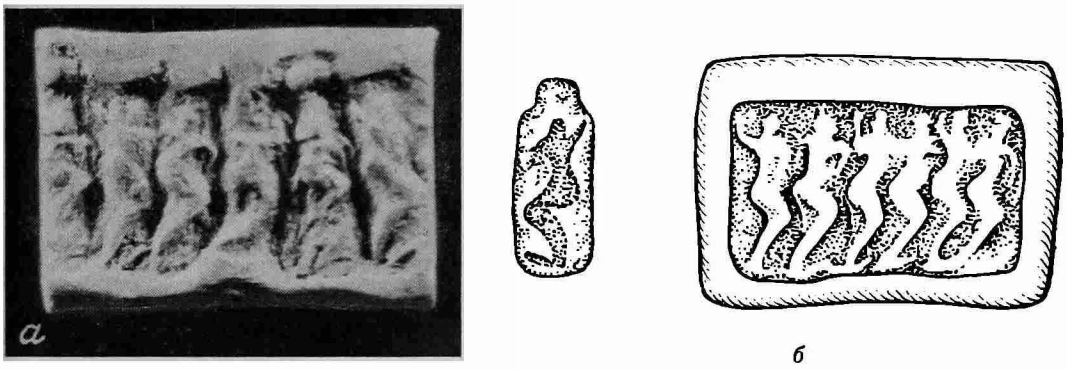


Рис. 6. Оттиск (*а*) и прорисовка (*б*) цилиндрической печати с изображением танцующих людей

пе [19], именуемое по названию близлежащих колодцев Таип, находящееся в 85 *км* к северо — северо-западу от г. Байрам-Али.

Хотя раскопочные работы на памятнике только начаты, полученные данные позволяют судить о нем как об определенном центре древнего оазиса, где находится крупное монументальное строение общественного назначения. О центральном положении Таип-депе 1 в системе окружающих его поселений в какой-то мере свидетельствуют и находки цилиндрических печатей, описание которых мы приводим. Важно отметить и то обстоятельство, что четыре цилиндра были найдены внутри крепости или в непосредственной близости от нее, и лишь фрагмент керамики с оттисками еще двух печатей был поднят на юго-восточной оконечности памятника.

Первый из цилиндров, изготовленный из темно-зеленого хлорита, с выступом на одном конце, служившим ручкой, дошел до нас в плохой сохранности (рис. 6). На печати с трудом различаются изображения фигур четырех стоящих людей с полусогнутыми в коленях ногами, тонкой талией и выдвинутым вперед бюстом. Верхняя половина цилиндра сильно разрушена, так что головы фигур почти неразличимы, но у одной видны руки: одна, согнутая в локте, поднята до плеча, другая поднята вверх. Расположение трех остальных фигур напоминает описанное, так что все они изображены в схожих позах. Перед нами, вероятно, рисунок группы людей, совершающих ритуальный танец или определенный обряд. На противоположном от ручки конце печати также нанесен какой-то рисунок, к сожалению, нечитаемый.

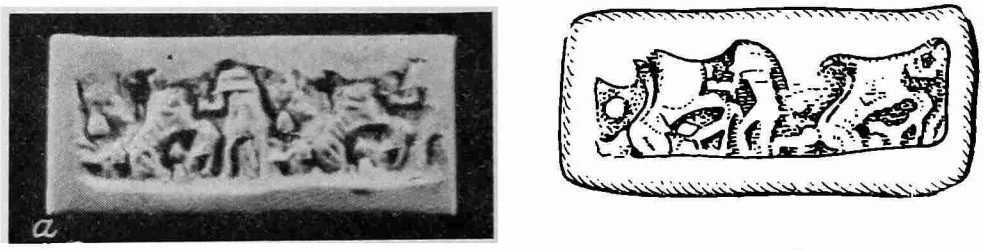
Вторая цилиндрическая печать сохранилась лучше и оказалась сколотой в верхней части. Изготовлена из темно-коричневого камня, диаметр

---

[18] *Сарианиди В. И.* Печати-амулеты..., с. 46, рис. 2.

[19] Ранее Е. Е. Кузьминой была опубликована цилиндрическая печать из коллекции экспедиции Р. Пампелли, работавшей в Мервском оазисе в начале века (см. *Кузьмина Е. Е.* Цилиндрическая печать из Мервского оазиса со сценой единоборства.— В сб.: История иранского государства и культуры. М., 1971).

ее 0,8 *см*, а сохранившаяся высота 1,4 *см* (рис. 7). Изображение на печати рисует сцену борьбы человека с хищником. Последний сидит на задних лапах, передними, вытянутыми вперед, словно упирается в какой-то предмет. Длинный хвост хищника, поднятый вверх вдоль спины, завершается кисточкой. Его туловище и шея прочерчены поперечными штрихами, видимо, имитирующими шерсть. Возможно, здесь изображен леопард или тигр. Справа расположена фигура сутуловатого человека, лицом обращенного к зверю. В вытянутой руке он держит какой-то пред-



а *б*

Рис. 7. Оттиск (*а*) и прорисовка (*б*) цилиндрической печати со сценой единоборства человека с хищником

мет, быть может, оружие. Позади хищника изображено небольшое существо, напоминающее четвероногое животное, вероятно, собака, нападающая сзади на зверя. Таким образом, этот сюжет представляет вполне реальную картину единоборства человека с хищником, являющуюся довольно распространенным мотивом в искусстве стран Древнего Востока [20].

Следующая печать, изготовленная из светло-зеленоватой зернистой породы, повторяет форму первой печати. Ее высота с ручкой 2,2 *см*, высота рисунка 1,9, диаметр 1,3 *см* (рис. 8). На противоположной от ручки торцовой части печати выгравирована извивающаяся змея. На боковой, основной, поверхности цилиндра имеется изображение, совершенно отличающееся от рисунков двух предыдущих печатей. Здесь в центре крупным планом дана в фас летящая птица с раскрытыми крыльями и хвостом, расширенным в конце веером, небольшой головкой. Чуть ниже и сзади птицы — еще одна фигурка, напоминающая рыбу с плавниками и хвостом. За ней — фигура человека с полусогнутыми в коленях ногами. К сожалению, верхняя часть ее сколота, но за фигуркой отчетливо просматривается тоненький стержень, возможно, конец какого-то предмета или оружия вроде копья, которое держит человек. Далее на всю высоту рисунка дано изображение вертикальной фигуры извивающейся крылатой змеи (дракона?) с раскрытой пастью. Нижняя часть печати украшена орнаментом в виде набегающей волны. Неясным в композиции осталось углубление в верхней части печати, между фигурами человека и птицы. Несмотря на это, рисунок хорошо сохранился и дошел до нас почти в первоначальном виде. Что же касается его смысла, то пока трудно сказать что-либо определенное, хотя можно не сомневаться, что мастер вложил в изображение нечто свое, возможно, имеющее мифологическую основу.

Четвертая цилиндрическая печать, дошедшая до нас в первозданном виде, исключительна. Она изготовлена из светло-розоватой с темными пятнами породы. Как и предыдущие, печать имеет выступ-ручку на одном торце и изображение рогатого козла на другом (рис. 9). Полная высота печати 2,8 *см*, высота рисунка 2,3, диаметр 1,3 *см*. Рисунок начина-

[20] *Флитнер Н. Д.* Охота и борьба с животным в искусстве Передней Азии.— Тр. Отдела истории культуры и искусства Востока, т. III. Л., 1940.

ется изображением двугорбого животного с туловищем лошади. У него тонкие длинные ноги, прямая шея спереди прочерчена косыми линиями. Маленькая красивая головка увенчана короткими рогами: одним загнутым, напоминающим петушиный гребень, и другим прямым. На спине животного четко выступают относительно тонкие два горба (не исключено, что это крылья) с поперечными насечками по краям, а сзади длинный опущенный хвост. Далее имеется рисунок горбатого быка, стоящего на задних ногах. Его крупные изогнутые рога показаны анфас, тупая морда несколько вытянута, передние ноги прямые. Чуть выше позади быка находится изображение собаки, относящейся, судя по всему, к по-

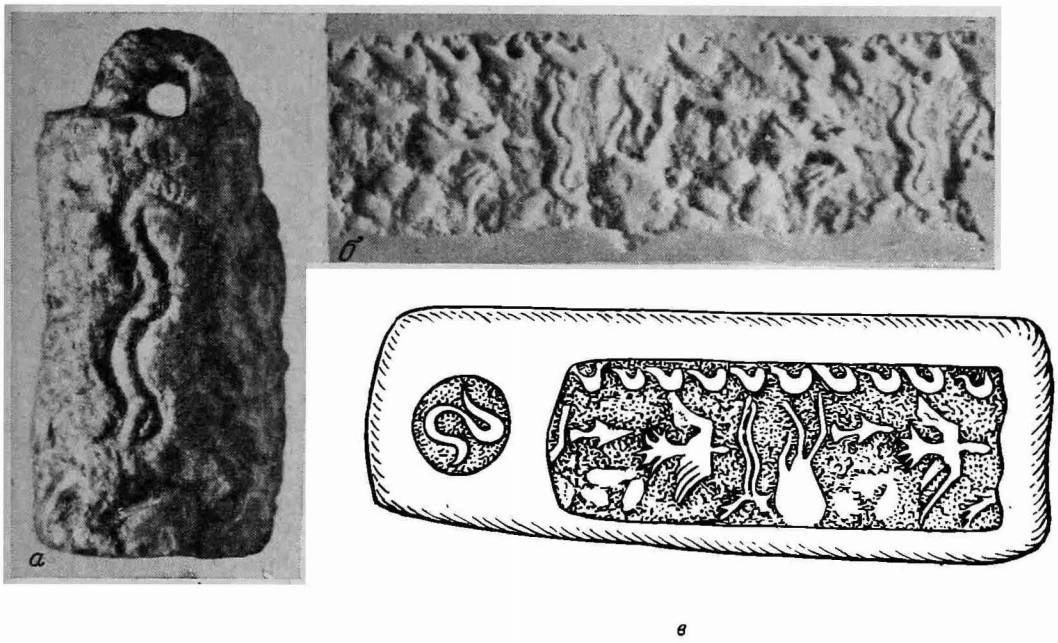


Рис. 8. Цилиндрическая печать с мифологическим сюжетом (*а*), оттиск (*б*) и прорисовка (*в*)

роде гончих. Ее узкая вытянутая морда переходит в тонкое туловище, заканчивающееся длинным изогнутым хвостом. Передние и задние лапы собаки слегка согнуты в коленях, словно в момент бега. Завершающей в композиции является фигура сидящего человека с вытянутой вперед рукой, которой он держит за повод стоящего впереди двугорбого зверя. Свободная площадь цилиндра заполнена фигурами и линиями, не поддающимися определению. Следует отметить, что во всей этой многофигурной композиции не совсем ясным остается лишь определение двугорбого животного. Если судить по горбу и шее животного, то это не что иное, как верблюд, если же не принимать во внимание горб, то оно напоминает южноамериканскую ламу. В то же время это существо похоже на лошадь. Возможно, что на спине его, действительно, крылья. Как бы то ни было, рисунок, на цилиндре, несомненно, имеет определенное смысловое значение.

Наконец, остановимся на фрагменте толстостенного керамического сосуда с оттисками еще двух цилиндрических печатей, найденном на Таип-депе 1 (рис. 10). Толщина черепка 1 *см*, тесто плотной отмучки без примеси, черепок в изломе красновато-розовый, внешняя поверхность желтоватого цвета. Оттиски рельефны, из чего следует, что на самой печати рисунок был высверлен с последующей отделкой деталей. Оттиск первого цилиндра высотой 2 и длиной 3,5 *см*, что соответствует диаметру цилиндра — 1,1 *см*.

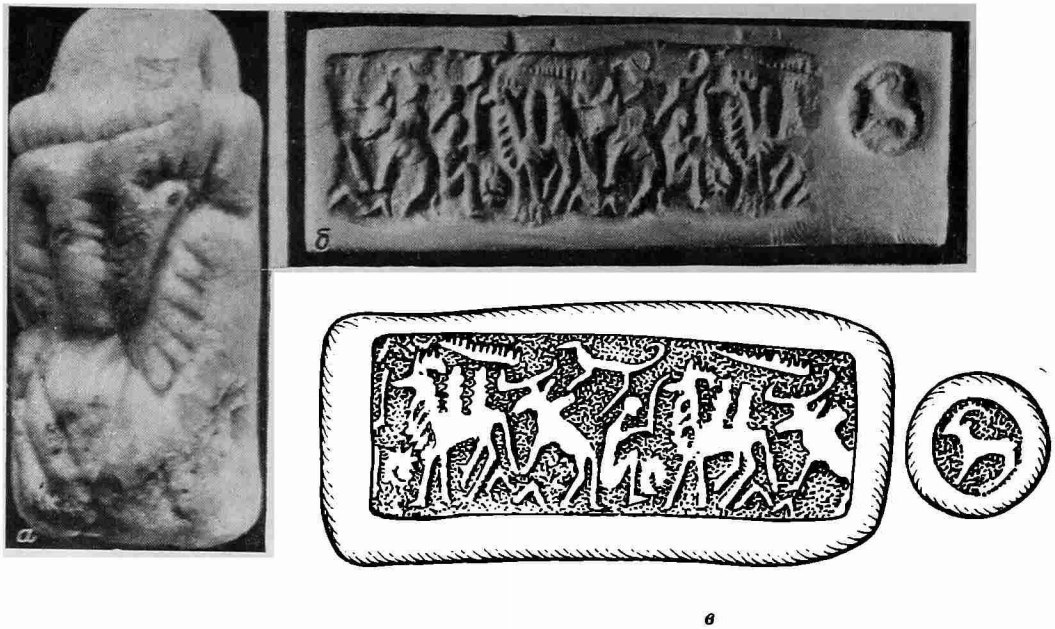


Рис. 9. Цилиндрическая печать с изображением человека и животных (*а*), оттиск (*б*) и прорисовка (*в*)

На первом оттиске изображено две сцены, разделенные по горизонтали жгутовидным орнаментом, с рисунками животных и, видимо, птиц (рис. 11), В верхней части довольно четко видна фигура горбатого быка, с низко опущенной головой и дугообразными короткими рогами, выставленными вперед. Передние ноги прямые, задние слегка согнуты. Стойка быка демонстрирует большое напряжение животного, готовность его обороняться от нападения стоящего перед ним хищника. Эта фигура — крупный лев с поднятой большой головой и раскрытой пастью. На голове торчат короткие уши, шея утолщена, вероятно, для передачи густой развевающейся гривы. Передние лапы хищника выдвинуты вперед, живот втянут, задние лапы полусогнуты, позади задран короткий хвост. Поза льва, припавшего телом к земле, не оставляет сомнений в его готовности прыгнуть на жертву. Между этими фигурами помещено изображение дерева. Не поддается чтению третья, расположенная по тыльным сторонам быка и льва фигура описываемой сцены, хотя она, судя по занимаемому ею месту, играет, возможно, не меньшую роль в композиции, чем две другие.

Второй сюжет расположен в нижней части оттиска цилиндра, под горизонтальной жгутовидной линией. Характер изображенных здесь существ почти не читается. Перед нами как будто шествующие чередой птицы с короткими лапками или их летящие фигурки с длинными вытянутыми шеями. Следует обратить внимание на четкость построения фигур и ровность их линий.

По сравнению с оттиском первой цилиндрической печати качество и сохранность второго много лучше, хотя этот оттиск не был осуществлен полностью (рис. 12). Благодаря этому фигуры быка и льва даны на нем в разных ракурсах. Высота оттиска равна высоте первого экземпляра. Сходно и содержание рисунка — поза быка, стоящего напротив льва, тоже напряженная. Голова животного с несколько округленной мордой и мощными, выдвинутыми вперед дугообразными рогами низко опущена и направлена на хищника. За головой четко виден силуэт островерхого горба; туловище относительно тонкое, передние ноги короткие, задние сильно выступают за корпус и согнуты в коленях, хвост с кисточкой на конце задран. В целом стойка почти повторяет стойку предыдущего животного

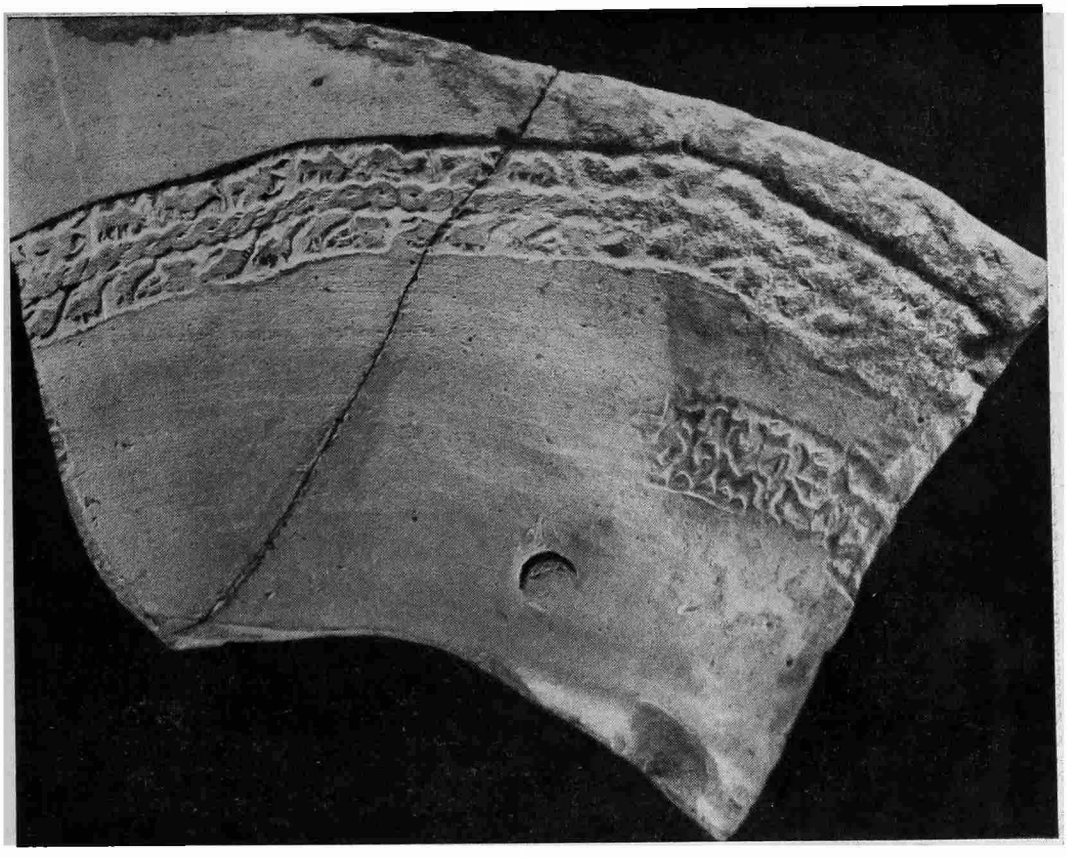


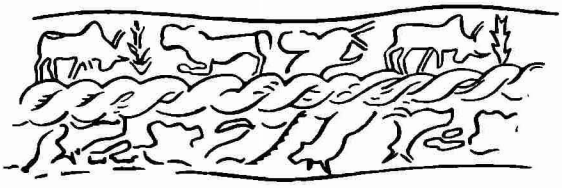
Рис. 10. Фрагмент стенки керамического сосуда с оттисками двух цилиндрических печатей

и указывает на его решимость отстоять себя в борьбе со львом. У последнего видна мощная голова с тупой мордой и взлохмаченной гривой. Тело хищника хорошо читается с тыльной стороны быка. Оно относительно тонкое, с втянутым животом, короткий хвост чуть задран, задние лапы согнуты в коленях. Изображение хищника показывает, что он припал к земле и готов броситься на свою жертву, так что агрессивный характер этого грозного зверя вполне очевиден. Между этими фигурами имеется небольшой овал с отверстием в центре. Что это — изображение какого-то знака или рисунок определенного предмета в композиции — выяснить не удалось. Верхняя половина рисунка заполнена силуэтами летящих птиц, причем крупные показаны летящими цепочкой, птицы меньшего размера переданы в различных позах полета, ниже первых. Нижняя часть оттиска занята силуэтами треугольников вершинами вверх, скорее выполняющими роль орнамента.

Перед нами рисунки совершенно разных цилиндрических печатей, прокатанных по стенке глиняного сосуда. Они отличаются друг от друга лишь в композиционном отношении, в то время как по сюжету повторяются, демонстрируя сцену борьбы хищного зверя с горбатым быком. Если принять за действительность фигуры летящих или шагающих птиц в первом оттиске, как и реалистичные их изображения на втором, то становится очевидным характер и смысл рисунков, имеющих единую основу.

Из описания видно, что лишь последние два оттиска цилиндрических печатей близки друг другу по сюжетам, тогда как четыре предыдущие печати нигде не повторяются. Однако достаточно взглянуть на рисунки этих печатей, чтобы убедиться в том, что многие элементы композиций цилиндров довольно часто встречаются на печатках-амулетах как памят-

а



б

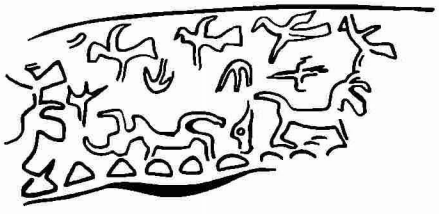
Рис. 11. Оттиск и прорисовка первой цилиндрической печати

ников низовий Мургаба, так и Бактрии. Так, например, известную печать с изображением борющегося героя, найденную на поселении Гонур 1 [21], можно сравнить с изображением на цилиндрической печати с Таип-депе 1 со сценой борьбы героя с хищником (рис. 7) или обратную сторону той же печати из Гонура 1, воспроизводящую быка с атакующими его хищниками [22],— с сюжетом борьбы льва (хищника) с горбатым быком на оттисках, описанных выше. Весьма сходным является и рисунок на металлическом амулете из Дашлинского оазиса, изображающий человека, держащего за повод двугорбого верблюда [23], с фрагментом рисунка на цилиндрической печати (рис. 9). Перечень аналогий можно продолжить, поскольку изображения животных, птиц, змей, рыб, драконов и людей есть как на печатях-амулетах, так и на цилиндрических печатях. Любопытно в этой связи привести в качестве аналогий бактрийские материалы, опубликованные П. Амье из Лувра. В этой коллекции интересны штемпельные и каменные печати-амулеты, круглые и прямоугольные в плане, имеющие прямые аналогии с мургабскими образцами. В значительной степени это касается серии алебастровых печатей, образующих в плане звезду или цветок, которые, по мнению автора, напоминают медно-бронзовые печати и относятся к рубежу III—II тысячелетий до н. э.[24]

Что касается каменных печатей-амулетов, то П. Амье прямо связывает их с мургабскими. В самом деле, некоторые из них, с рисунками птиц, нападающих на змею и льва, или воспроизводящие фигуры льва, собаки, орла в сочетании со змеей [25], почти повторяют мургабские

[21] *Сариниди В. И.* Печати-амулеты..., с. 44, 45, рис. 1.
[22] Там же, с. 46—48, рис. 2.
[23] Там же, с. 61, 62.
[24] *Amiet P.* Op. cit., p. 160.
[25] Ibid., p. 161, fig. 23—25, 27, 30.

а



б

Рис. 12. Оттиск и прорисовка второй цилиндрической печати

амулеты, так что порой создается впечатление, будто они изготовлены одним мастером. Здесь же опубликовано пять цилиндрических печатей из ляпис-лазури (4) и бирюзы (1). Примечательно, что все они сходны с таиповскими цилиндрами: на одном конце имеются ручки-выступы, на противоположном, служившем штампом, есть изображения. Немало элементов сходства содержится и в сюжетах изображений, воспроизводящих главным образом зверей, птиц или змей. Змеи большей частью выгравированы извивающимися, точно повторяя позы змей на мургабских печатях [26]. Вместе с тем, хотя эти печати в целом подвержены сильному влиянию Элама и Месопотамии, некоторые из них несут совершенно отличающиеся или почти не встречающиеся в этих странах сюжеты глиптики. Примером может служить печать с изображением пяти пар животных и одной человеческой пары, показанных в процессе копуляции [27]. С другой стороны, как отмечает сам исследователь, печати Бактрии, имеющие сильную традицию в заимствовании сюжетов из культур более раннего времени названных территорий, сообщают этим предметам архаический вид, тогда как они всего лишь архаизированы [28].

Говоря о цилиндрических печатях, нельзя не упомянуть печати Месопотамии, этого своеобразного центра развития древнеповосточной глиптики. Еще в сиро-киликийском неолите здесь появляются первые примитивные пуговицеобразные печати с простым геометрическим орнаментом [29], а в позднехалафских слоях поселения Гавры мы уже встречаем многочисленные оттиски вполне совершенных по исполнению печатей с рисунками животных [30]. Более поздние слои раннеубейдского времени характеризуются появлением первых групповых сцен с участием живот-

[26] Ibid., p. 157—163, fig. 15, 16.
[27] Ibid., p. 158, fig. 14.
[28] Ibid., p. 162, 163.
[29] *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964, с. 367.
[30] *Tobler A.* Excavations at Tepe Gavra, v. II. Philadelphia, 1950.

ных или людей [31], что на рубеже V—IV тысячелетий до н. э. представляло собой просто иллюстрации к ранним мифологическим сюжетам в глиптике Месопотамии. Эти сюжеты наиболее ярко развиваются в позднеурукский период и в период Джемдет Наср [32], когда основная тематика изображений на печатях сводится к воспроизведению, и довольно натуралистическому, фигур животных. Преобладают изображения быка, барана, козла, льва, иногда шествия животных [33]. Именно в этот период становятся характерными сцены единоборства животного с хищником [34], которые представлены и двумя оттисками печатей на фрагменте керамики с Таппа. Такие сцены несут и более глубокий смысл, особенно тогда, когда в сцены вводится человек, пасущий животных или вступающий в борьбу с хищником [35]. Возможно, такие сцены действительно отражают реальные случаи из жизни людей того времени, как это представляют некоторые исследователи [36]. Нельзя, однако, отрицать и мифологическую основу подобных сцен, как правило, противопоставляющих стороны — сильного и слабого, доброго и злого. В богатых погребениях раннединастического периода Ура найдено достаточно много вещей религиозного или культового толка. Здесь наряду с печатями и их оттисками, воспроизводящими эпизоды из реальной жизни животных [37], найдены оттиски печатей явно культового характера, среди которых особенно примечательны оттиски с рисунками танцующих людей, демонстрирующих, по мнению Л. Вулли, не что иное как ритуальный танец [38]. Вспомним, что на одной из таиповских печатей также даны фигуры людей явно в позах исполнения какого-то танца (рис. 6). Несмотря на территориальную отдаленность, показательна сходная или почти единая трактовка сюжетов этих печатей, хронологически разделенных более чем тысячелетним промежутком.

В первой половине III тысячелетия до н. э., в раннединастический период истории Месопотамии, наступает заметный спад в культурном развитии страны, повлиявший в известной мере и на глиптику. Вероятно, это связано с появлением многочисленных глиняных табличек с письменами в тот период. Во всяком случае, ряд исследователей отмечает заметное ухудшение качества изготовления цилиндров этого времени, стиль изображения которых берет верх над содержанием, что связано с эстетическими запросами [39]. Говоря о спаде в искусстве и глиптике, в частности, той поры, Г. Чайлд пишет: «В так называемом «парчовом стиле» I раннединастического периода условные изображения зверей и рыб, характерные для периода Джемдет Наср, приобретают чисто геометрические формы, столь же лишенные какого-либо смыслового значения, как и узоры на печатках варварской халафской культуры. Более поздние моды опять обнаруживают тенденцию к изображению сцен — обычно мифологических или ритуальных, однако сцены эти редко отличаются той живостью, которую мы находим в изображениях на лучших геммах урукского периода» [40]. В самом деле, в последующие раннединастические пе-

---

[31] Ibid., pl. CLXV, 98.

[32] *Frankfort H.* Cylinder seals. A documentary Essay on the art and religion of the Ancient East. London, 1939, p. 15—20; *Wiseman D. J.* Cylinder Seals of Western Asia. London, 1959, p. 20.

[33] *Frankfort H.* Stratified cylinder seals from the Diyala region.— OIP, v. LXXII, 1955, pl. 5, *20*; 20, *214*; 79, *851*; 81, *858*; *idem.* Cylinder seals..., pl. VI, *a*; fig. q.

[34] *Amiet P.* La glyptique Mesopotamiene Archaique. Paris, 1961, pl. 55, *754*, *756*; *Frankfort H.* Cylinder seals..., pl. V, *A*.

[35] *Frankfort H.* Cylinder seals..., pl. XII, *C*.

[36] *Wiseman D. J.* Op. cit., p. 20, 21.

[37] *Legrain L.* Ur excavations III. Archaic Seal Impression. London, 1936, pl. 215, 217, 237.

[38] *Вулли Л.* Ур халдеев. М., 1961, с. 46.

[39] *Wiseman D. J.* Op. cit., p. 23.

[40] *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, с. 253.

риоды ничего существенно нового не наблюдается. Так, во II раннединастический период (2750—2600 гг. до н. э.) изображаемые фигуры на печатях демонстрируют светские или религиозные сцены, среди которых наиболее достоверно могут быть идентифицированы сюжеты с участием Гильгамеша и его друга Энкиду [41]. Затем, в III раннединастический период (2600—2400 гг. до н. э.) большинство ранее известных тем передается в различной обработке, а ведущим фризом являются композиции с животными [42]. Достаточно сложными как по исполнению, так и по содержанию композиции представляются цилиндрические печати Вавилонского и Ассирийского периодов, относящихся ко II тысячелетию до н. э. Об этом можно судить хотя бы по одному оттиску цилиндра на глиняной табличке размером 5,5×4,3 *см*, найденной на поселении Телл Римака [43]. Рисунок печати состоит из двух сцен: в первой, видимо, центральной, мы видим двух мужчин, стоящих друг против друга, в длинных одеяниях, с поднятыми к лицам руками, между ними, на уровне голов, изображен диск-солнце, от которого вниз отходят лучи в виде двух вертикальных точечных линий. Вторая сцена состоит из рисунков животных в два ряда: внизу между двумя крылатыми существами (грифонами?) помещен козел, вверху сцена борьбы горбатого быка со львом, удивительно повторяющая сюжет таиповских оттисков. При этом на табличке из Римака прямо надо львом и быком проведена жгутовидная линия, аналогичная линии на первом таиповском оттиске. Подобную сцену борьбы льва с быком мы видим еще на одной месопотамской печати [44].

Оба цилиндра датированы исследователями среднеассирийским периодом (1300—1000 гг. до н. э.), что в некоторой степени приближает их по времени к мургабским цилиндрическим печатям, хотя последние, на наш взгляд, древнее на 200—500 лет.

Датировка мургабских цилиндров опирается на хорошо изученный материал прикопетдагских поселений эпохи бронзы, бактрийских памятников юга Узбекистана и северного Афганистана [45]. Не случайно большинство аналогий отдельным деталям цилиндров мы находим именно в материалах этих двух сопредельных Мургабу территорий, где почитание животных имело древние корни. Если взять образ козла, то в подгорной полосе Копетдага в виде примитивных скульптурных фигурок они впервые появляются еще в эпоху неолита [46], а первые рисунки козлов на глиняной посуде — в пору раннего энеолита (Намазга I) [47]. Однако массовое «нашествие» животных в росписи керамики наблюдается в эпоху позднего энеолита и ранней бронзы (Намазга III и IV). Так, в верхнем слое Кара-депе, относящемся к периоду Намазга III (конец IV — первая половина III тысячелетия до н. э.), керамика с изображениями животных составила от 4 до 11% всей расписной посуды. При этом изображения козлов, барсов и птиц являются одними из ведущих [48]. Наибольших высот реализм изображения зооморфных мотивов в керамике Южного Туркменистана достигает в пору ранней бронзы Намазга IV, когда фигуры тех же козлов воспроизведены на фоне кустарников или невысоких де-

---

[41] *Wiseman D. J.* Op. cit., p. 23.

[42] Ibid., p. 24.

[43] *Parker B.* Cylinder seals from Tell at Rimax.— Iraq, v. XXXVII, pt. 1. London, 1975, p. 34, pl. XVII, 43.

[44] *Porada E.* Corpus of Ancient Near Eastern seals in North American collections. N. Y., 1948, p. 69, fig. 604.

[45] О культуре Бактрии подробно см.: *Аскаров А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977; *его же.* Сапаллитепа. Ташкент, 1973; *Сариниди В. И.* Древние земледельцы... и другие работы этих авторов.

[46] *Массон В. М.* Поселение Джейтун.— МИА, № 180, 1971, с. 43, 44, табл. XIII.

[47] *Массон В. М.* Расписная керамика Южного Туркменистана по раскопкам Б. А. Куфтина.— ТЮТАКЭ, т. VII, 1956, с. 295, 296, табл. III.

[48] *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток, с. 351, 352; *его же.* Кара-депе у Артыка..., с. 350—360.

ревьев[49]. Наконец, в период Намазга V, во время наивысшего расцвета культуры южнотуркменистанских племен, образы животных, и козлов в их числе, становятся весьма популярными в местной глиптике. Это наглядно подтверждается и материалами Мургабского оазиса. Поэтому вовсе не случайно, что на всех цилиндрических печатях мы видим отдельные элементы или персонажей, характерных для штемпельных печатей и печатей-амулетов местной культуры древневосточного типа. Это дает основание полагать, что цилиндрические печати Таип-депе 1 были изготовлены местными мастерами, а традиционные в древности образы были переосмыслены и вошли в систему мировоззрения и мифологию нижнемургабского населения бронзового века.

I. S. Masimov

NEW FINDS OF THE BRONZE AGE SEALS FROM THE LOWER MURGAB

Summary

The author gives primary classification of the Bronze Age seals from the Murgab according to the material they are made of. Separate types are singled out within each group. Special attention is paid to the new finds of cylindrical seals in the Southern Turkmenia and a pottery fragment with imprints of two cylindrical seals. The seals are dated on the basis of ancient East analogies. The author considers the seals to be of local production although they closely resemble seals from other regions.

---

[49] *Массон В. М.* Расписная керамика..., с. 301—304, 306, табл. XXI, *3*; XXVIII, *2*, *4*; *Сариниди В. И.* Материальная культура Южного Туркменистана в период ранней бронзы.— В сб.: Первобытный Туркменистан. Ашхабад, 1976, с. 90.

В. И. НИКИТИН, И. Т. ЧЕРНЯКОВ

КУРЛОЗСКИЙ КЛАД ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

В начале 60-х годов во время земляных работ колхозниками в с. Курячьи Лозы Кривоозерского р-на Николаевской обл. был найден клад бронзовых предметов [1]. Место находки клада расположено в 1,5 *км* северо-западнее села и в 500 *м* от трассы Одесса — Ленинград. Клад, по словам находчиков, был обнаружен на глубине 2,3 *м* в круглой яме (диаметр 30—50 *см*). По их же сведениям, кельты были положены «по кругу остриями вверх и перевязаны цепочкой», которая, к сожалению, не сохранилась. Часть предметов клада была разобрана находчиками, другие — несколько лет хранились в местной школе, а затем были переданы в фонды Николаевского краеведческого музея (15 шт.) и Института археологии АН УССР (3 шт.) [2]. Кроме металлических изделий в составе клада находилось пять бронзовых слитков. В настоящее время в кладе насчитывается 18 бронзовых предметов, среди которых 14 кельтов, 2 серпа, 1 долото, 1 боевой топор. Хотя упоминания о Курлозском кладе и появились в литературе [3], но публикации его материалов до сих пор не сделано, как и не произведен анализ металла изделий.

Наиболее многочисленную группу предметов Курлозского клада составляют кельты, которые представлены шестью типами. Среди них пять одноушковых, шестигранных в сечении кельтов с арочной плоскостью и миндалевидным углублением («пещеркой») на двух сторонах (рис. 1, *1—4*; 2, *1*). Один из кельтов отличается несколько от других присутствием продольных четырех валиков с одной стороны и одного — с другой, расположенных над арочной фаской (рис. 2, *1*). Миндалевидное углубление обведено также валикообразным выступом, заканчивающимся внизу свисающим отростком. Размеры кельтов: длина 10,7—12,5 *см*, наибольший диаметр валика втулки 3,7—4,6 *см*, ширина лезвия 4,3—5,1 *см*; вес 300—342 *г*. Е. Н. Черных этот тип кельтов выделен в конечный типологический разряд (КТР) К-34 [4]. Они встречаются от территории Поднепровья до Придунавья. Е. Н. Черных учел на территории Юго-Запада СССР три литейных формы и 26 находок металлических изделий кельтов, которые входят в состав таких кладов, как Ингульский [5], Беци-

---

[1] Клад нашли М. С. Пругло, Н. М. Криворучко, А. П. Неботов.

[2] Большую помощь в собирании и передаче клада оказали учителя Ф. П. Подвысоцкий, С. А. Панасюк, за что авторы приносят им благодарность. По их рассказам, из клада утрачены 1 серп, 8 кельтов, 1 топор, «цепочка».

[3] *Черняков И. Т.* Племена Северо-Западного Причерноморья в позднем бронзовом веке. Автореф. канд. дис. Киев, 1975, с. 18; *Бочкарев В. С.* Металлические изделия эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья. Автореф. канд. дис. Л., 1975, с. 6; *Новикова Л. А.* Западные связи Северопричерноморского очага металлообработки в эпоху поздней бронзы.— СА, 1976, № 3, с. 30; *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976, с. 81, 105, 109.

[4] *Черных Е. Н.* Ук. соч., с. 77, 78.

[5] *Сымонович Э. А.* Ингульский клад.— СА, 1966, № 1, с. 127—142.

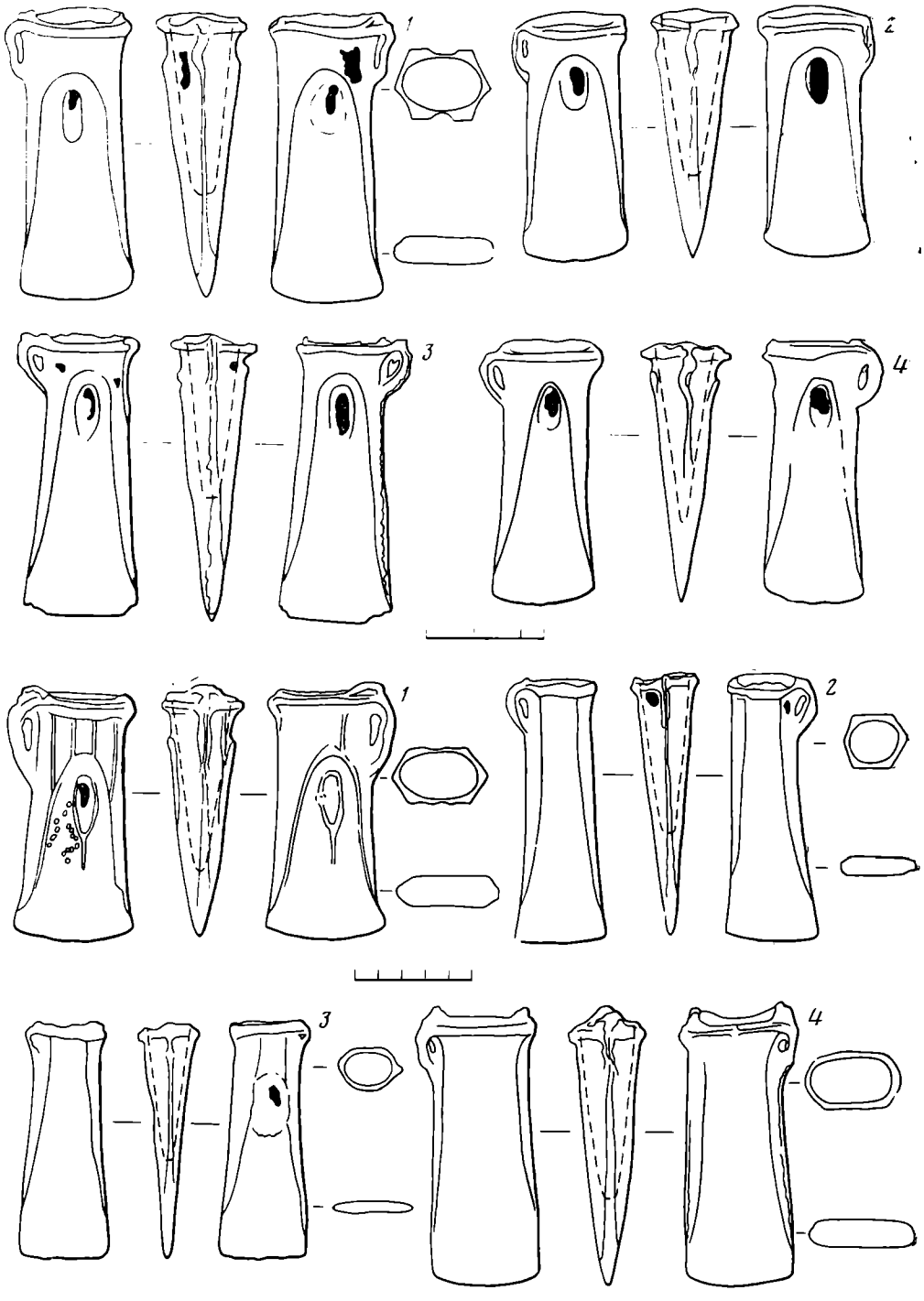


Рис. 1—2. Курлозский клад. Кельты

ловский [6], Князьгригорьевский [7], Райгородский [8], Ореховский [9], Новотроянский [10], Христич и др. Литейные формы для их отливки известны

[6] *Черняков І. Т.* Бецілівський скарб пізньої бронзи.— Археологія, XXI, 1968, с. 131—134.

[7] *Черняков И. Т.* Из истории бронзолитейного производства в Северном Причерноморье.— ЗОАО, т. II (35), 1967, с. 27—45.

[8] *Лесков А. М.* О севернопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы.— В сб.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967, с. 160, рис. 9, *4*.

[9] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка..., с. 34.

[10] Там же, с. 40.

только в Красномаяцкой мастерской [11]. Как отдельный тип впервые выделен М. Петреску-Дымбовица, который считал, что восточнотрансильванские кельты в Молдове старше, чем в Трансильвании и других более западных территориях [12]. Нами было высказано предположение о том, что восточносемиградские кельты в Молдове и Трансильвании «возможно, появились под влиянием Красномаяцкой или близкой к ней литейной мастерской того периода» [13]. В. С. Бочкарев, рассматривая генеалогию развития кельтов от Малокопаневской до Красномаяцкой мастерской, обратил внимание на тенденцию перехода граней кельта на широкой стороне в валик [14], что несомненно являлось техническим усовершенствованием для увеличения жесткости тела кельта в связи с более широким их использованием в разнообразных хозяйственных целях. В этом плане один из кельтов Курлозского клада с вертикальными валиками на его широкой стороне может рассматриваться как вариант дальнейшей разработки технического поиска усиления жесткости и прочности изделия. Поэтому его можно выделить в отдельный КТР К-35. Е. Н. Черных, разрабатывая конечные типологические разряды севернопричерноморских кельтов, на наш взгляд, удачно произвел четную нумерацию с пропуском нечетных номеров для большей гибкости и выделения при необходимости нового КТР без нарушения общей системы обозначения. Недостатком в его схеме дифференцирующих признаков кельтов является отсутствие в ней такой характеристики, как оформление граней кельта, в частности утолщение их в виде валиков, а также наличие дополнительных валиков (ребер) жесткости на широких сторонах и по краям миндалевидного углубления, которые имеются на описываемом нами кельте из Курлозского клада. Валики (ребра) жесткости не могут быть интерпретированы только как элементы орнаментации, которые в более или менее чистом виде имеются на кельтах К-14, К-68, К-72, К-16, К-18, К-20 [15]. Близкий подтип к курлозскому кельту К-35 имеется в Ореховском кладе, на котором миндалевидное углубление окружено валиком [16],— технический прием, известный на одноушковых кельтах из Ойнака [17], которые по этому признаку можно было бы выделить из родственного КТР К-12 в К-13. В перевернутом виде оформление миндалевидного углубления валиком есть на негативе наиболее раннего в Северном Причерноморье кельта из Малокопаневской мастерской [18], выделенного Е. Н. Черных в К-37 [19]. Кроме тех отличий, которые отмечены Е. Н. Черных для малокопаневского кельта, следует добавить, что ушко на нем в отличие от других совершенно не связано с валиком втулки, а находится ниже его в 0,5 *см*. Такое конструктивное решение крепления ушка напоминает аналогичное расположение ушек в наконечниках копий Бородинского типа. Среди других отличительных признаков курлозского кельта К-35 является большее сужение фаски и значительное удаление ее вершины от валика по сравнению с кельтами К-34.

---

[11] *Черняков И. Т.* Красномаяцкий клад литейщика.— КСОГАМ, Одесса, 1965, с. 118, рис. 14, *1—4*.

[12] *Petrescu-Dîmboviţa M.* Contribuţii la problema sfîrsitului epocii bronzului şi începutul epocii fierului in Moldova.— SCIV, v. IV, № 3—4, 1953, p. 468; *idem.* Date noi relativ la descoperirile de bronzuri din Moldova.— AM, v. II—III, 1964, p. 264.

[13] *Черняков И. Т.* Красномаяцкий клад..., с. 119.

[14] *Бочкарев В. С.* Проблема Бородинского клада.— В сб.: Проблемы археологии. Вып. 1. Л., 1968, с. 152, 153.

[15] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка..., с. 206—212, табл. IV, *1—4*, *12*; V, *1*, *5*, *14*.

[16] Там же, с. 210, табл. VI, *1*.

[17] *Маринеску-Былку С.* Клад бронзовых изделий в Ойнаке.— Dacia, v. VII, 1963, с. 157.

[18] *Черняков И. Т.* Из истории бронзолитейного производства..., с. 25, рис. 1, *1—4*, с. 28, рис. 3, *7*.

[19] *Черных Е. Н.* Ук. соч., с. 78, рис. 34 (углубление изображено без верхнего отростка).

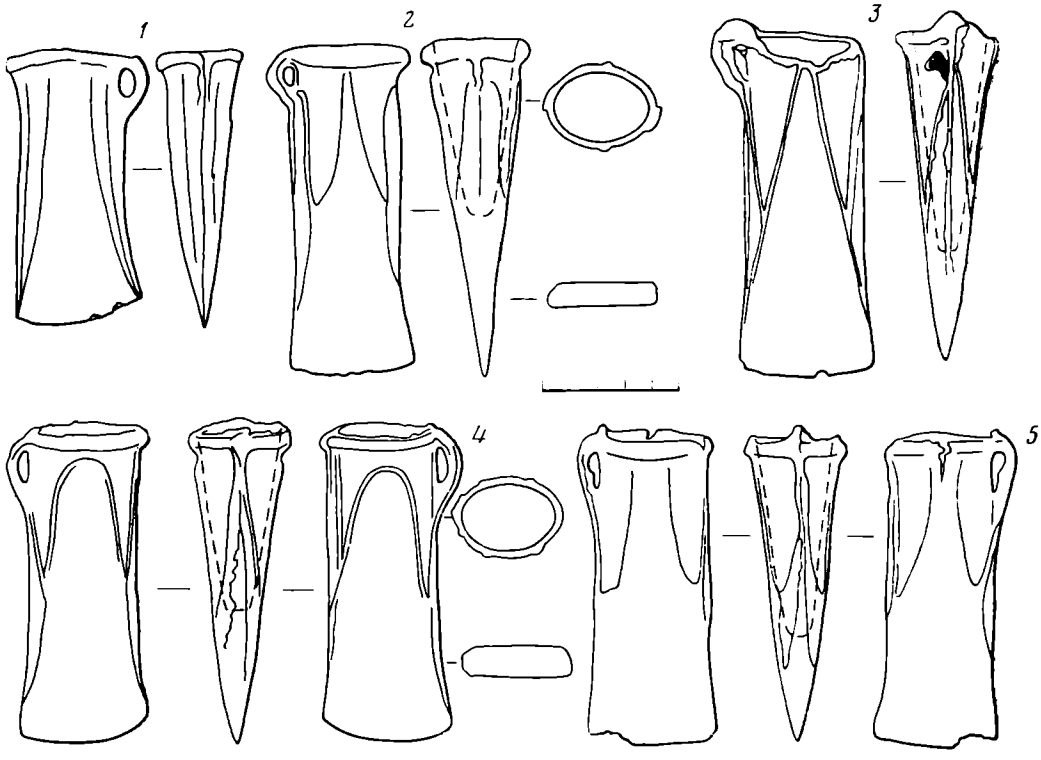


Рис. 3. Курлозский клад. Кельты

Четыре одноушковых шестигранных в сечении кельта с зауженной трапециевидной фаской, удлиненным туловом (рис. 2, *2—4*; 3, *1*). Их размеры: наибольший диаметр валика втулки 2,9—4, длина 10—12, ширина лезвия 3,9—4,6 *см*; вес — 130—380 *г*. Два из них отличаются более широким массивным туловом и меньшей суженностью фаски вверху (рис. 2, *4*; 3, *1*). Один из них имеет скошенный край лезвия. Е. Н. Черных выделил их в КТР К-38, насчитывающий 15 металлических находок [20]. В Северном Причерноморье имеются и литейные формы для их отливки из Солохи и Завадовки [21]. Территория распространения охватывает в основном территорию Северо-Западного Причерноморья от Днепра до низовий Дуная.

Одноушковый шестигранный в нижней части и восьмигранный вверху кельт с трапециевидной усложненной фаской, имеющей арочную вершину (рис. 3, *4*). Его размеры: наибольший диаметр втулки 4,1, ширина лезвия 4,6, длина 11,8 *см*; вес 340 г. Линии контура фаски выделены валиками. По Е. Н. Черных, относится к КТР К-42. Их наличие отмечено в Ингульском, Ореховском, Лозовском, Райгородском кладах.

Три одноушковых шестигранных в сечении нижней части и восьмигранных вверху кельта с трапециевидной усложненной фаской (рис. 3, *2*, *3*, *5*). Линии фаски одного из кельтов выделены валиками (рис. 3, *3*). Их размеры: наибольший диаметр валика втулки 3,9—4,5, длина 11,6—12,7 *см*; вес 340—390 *г*. По классификации Е. Н. Черных, относится к КТР К-44. Этот тип кельтов в Северном Причерноморье входит в состав таких кладов, как Ингульский, Новотроянковский, Маячки, Князьгригорьевский, Мындрешты, Киперчены [22], Мишурин Рог,

[20] *Черных Е. Н.* Ук. соч., с. 79, 80.

[21] *Лесков А. М.* Ук. соч., с. 148, рис 2, *1*, *3*, *15*.

[22] *Дергачев В. А.* Бронзовые предметы XIII—VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1975, с. 12, рис. 3, *15*, 8, *10*.

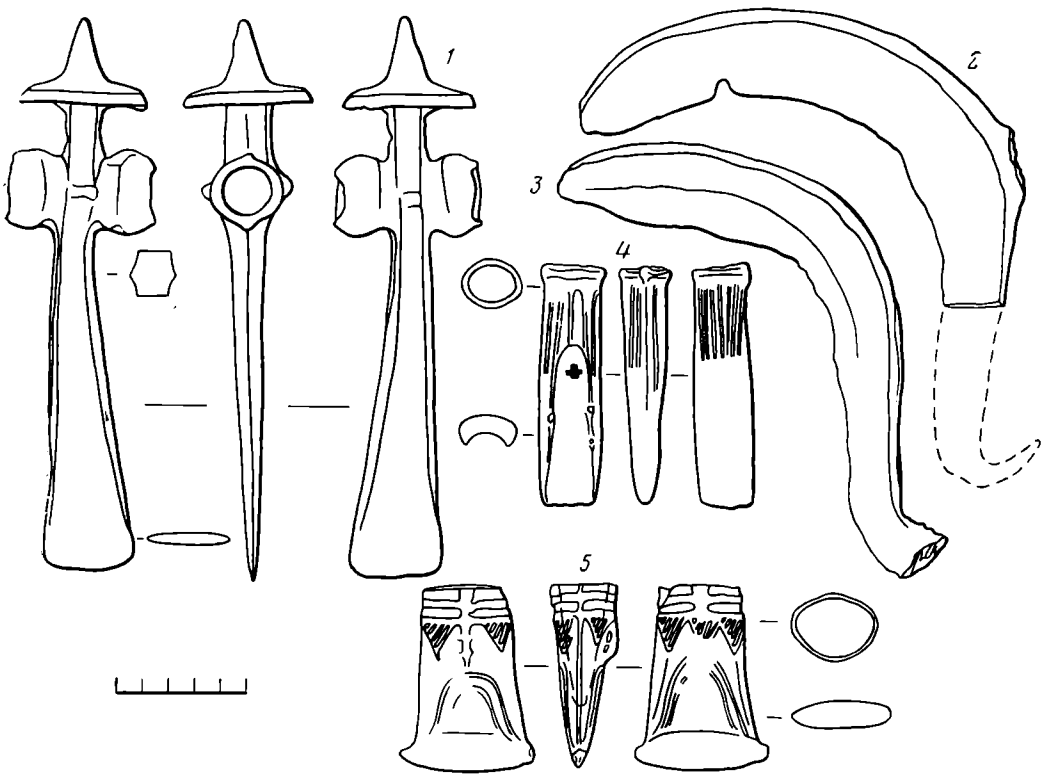


Рис. 4. Боевой топор (*1*), серпы (*2*, *3*), долото (*4*) и кельт (*5*) из Курлозского клада

Журавлинка. Основная масса находок связана с территорией Трансильвании, поэтому этот тип кельтов был выделен И. Нестором в старший трансильванский тип, известно более 80 местонахождений этих кельтов.

Шестигранный в сечении небольшой кельт с одним лобным ушком и расчлененным двойным валиком, окаймляющим втулку, с арковидной фаской (рис. 4, *5*). Втулка окаймлена двумя валиками, под которыми нанесен орнамент из пяти треугольников, опущенных вершинами вниз, плоскость треугольников пересечена косыми параллельными линиями. Арковидная фаска выделена двумя валиками. Рабочий край лезвия закруглен и имеет по краям выступы. Размеры кельта: наибольший диаметр валика втулки 3, длина 7, ширина лезвия 5 *см*; вес 100 *г*. По Е. Н. Черных, КТР К-28 [23]. Однако курлозский кельт имеет значительные отличия от князьгригорьевского кельта этого разряда. Они касаются как общей конфигурации и пропорции кельта, так и основных признаков и деталей; оформление втулки двойным валиком, таким же валиком окаймлена и арочная фаска, под валиком нанесен рельефный орнамент, сильно расширено лезвие, имеющее по краям выступы. Все это вместе взятое заставляет этот кельт зачислить в другой новый конечный типологический разряд К-29. В Северном Причерноморье он является единственной пока находкой. Отмеченные Е. Н. Черных для К-28 аналогии среди приуральских кельтов еще более характерны для курлозского кельта, которые проявляются и в конфигурации, и оформлении втулки двойным валиком, и орнаменте [24].

Втульчатое овальное в разрезе долото с желобчатой выемкой, оформленной в виде арочной фаски, окаймленной валиком, и прямым лезвием (рис. 4, *4*). От валика втулки вниз опущено семь вертикальных рельеф-

[23] *Черных Е. Н.* Ук. соч., с. 76, 77.

[24] *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, с. 56, рис. 47.

ных валиков, которые на этом орудии также не приходится рассматривать в качестве орнамента, а как дополнительные элементы жесткости. Размеры долота: наибольший диаметр втулки 2,4, длина 9,2, ширина края рабочего лезвия 2 *см*; вес — 110 *г*. Е. Н. Черных по рисунку В. С. Бочкарева неправильно отнесен к КТР Т-20, оно ближе к желобчатым долотам Т-22. На курлозском кельте лезвие также имеет слабую изогнутость. В монографии Е. Н. Черных зафиксировано 14 находок и 8 литейных форм. Дополнительные ребра жесткости курлозского кельта заставляют выделить его в отдельный КТР Т-23. Е. Н. Черных обратил внимание на более южное расположение литейных форм по сравнению с металлическими находками, что может быть объяснено только тем, что обработка дерева была шире распространена в более северных, богатых лесом районах, которые получали готовые бронзовые орудия труда из развитых степных бронзолитейных центров.

Однолезвийный втульчатый топор шестигранный в разрезе с круглой шайбой и отростком на обушке (рис. 4, *1*). Размеры топора: общая длина 21,6 *см*; длина лезвийной части 13,3, ширина лезвия 3,3, диаметр втулки 2,5 *см*: длина втулки, окаймленной с двух сторон валиками, 5, диаметр шайбы 4,7 *см*; длина конического отростка 2,5 *см*; вес 430 *г*. Е. Н. Черных выделяет его в КТР Т-2, он известен в составе Никопольского (Николаевского), Журавлинского и Райгородского кладов. Из неучтенных Е. Н. Черных топоров один обломок верхней части, сходный с журавлинскими, хранится в фондах Одесского археологического музея АН УССР. Место находки этого экземпляра неизвестно, но, несомненно, оно связано с территорией Северо-Западного Причерноморья. Для Северного Причерноморья находки этих боевых топоров составляют большую редкость, основная территория находок связана с Прикарпатьем, включая сюда Трансильванию и Венгрию. И. Нестор подробно разработал типологию топоров с обушной шайбой [25].

Слабо изогнутый коленчатый серп с еле намеченным утолщенным крюком на конце держака (рис. 4, *3*). Его размеры: длина — 20,5 *см*, ширина лезвия 2,5—3,5 *см*. Он (по Е. Н. Черных С-22) [26] принадлежит к типу серпов, известных в составе Ореховского, Новотроянновского, Кишиневского кладов. Территория их распространения ограничена на востоке Поднепровьем, на западе — Нижним Дунаем. Эти серпы отличаются от других тем, что отливка их производилась с конца рукояти [27].

Коленчатый серп, изогнутый почти под прямым углом, с литым крюком для крепления рукояти (рис. 4, *2*). Конец серпа с крюком обломан. Размеры: сохранившаяся длина 9 *см*, ширина лезвия 3,5 *см*. Е. Н. Черных учел 39 металлических находок этого типа серпов, выделенных им в КТР С-24, являющийся переходным вариантом между С-22 и С-26. М. Рошка считал крюкастые серпы изделиями восточно-трансильванского центра металлообработки, М. Петреску-Дымбовица разделил их на два варианта: собственно трансильванский и восточный [28]. Ареал их распространения охватывает территорию от Поднепровья до Северной Болгарии, совпадая в основном с территорией памятников культур ноа, кослоджени и сабатиновка.

Все изделия Курлозского клада отлиты в двусторонних литейных формах, на них хорошо видны литейные швы, на которых затеки металла обломаны или забиты ударами. При отливке одного кельта (рис. 3, *3*)

---

[25] *Nestor I.* Die verzierte Steitäxte mit Nackenscheibe aus Westrumänien. Marburger Studien, 1938.

[26] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка..., с. 96, 97.

[27] *Черняков И. Т.* Техника изготовления литейных форм и металлических изделий в Северном Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— В сб.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967, с. 183.

[28] *Marton R.* Erdely Regeszeti, Reperriuma I, Kolozsvar, 1942, S. 72; *Petrescu-Dimboviţa M.* Date noi relativ la descoperirile de bronzuri din Moldova.— AM, v. II—III, 1964, p. 264.

две половинки литейной формы сместились относительно друг друга, валик втулки при этом с одной стороны не получился. В другом кельте (рис. 2, *3*) при отливке не получилось полностью ушко. На некоторых изделиях при отливке вышли раковины (рис. 1, 1, *3*; 2, *2*; 3, *3*; 4, *2*, 4). После отливки лезвия всех изделий были слегка откованы и заточены. Значительная расковка лезвия заметна на кельте с лобным ушком (рис. 4, *5*). На всех предметах клада, за исключением топора, имеются следы сработанности. Фаска одного из кельтов (рис. 2, *1*) носит следы от ударов небольшого четырехгранного орудия, на другом видна вмятина от сильного удара (рис. 2, *3*), треснута втулка (рис. 3, *5*), вышерблины лезвия (рис. 1, *3*; 3, *1*; 2, *3*, *5*), а один серп вообще сломан (рис. 4, *2*).

Состав предметов Курлозского клада хотя и включает всего четыре вида бронзовых изделий (серпы, кельты, долото, топор), но отражает общую картину главных направлений металлургического производства той эпохи. Так, в сводке Е. Н. Черных собрано около 900 металлических изделий, среди которых главенствующая роль в количественном и типологическом отношении принадлежит кельтам (237 экз.) и серпам (259 экз.). И это вполне закономерно, так как в период наивысшего расцвета бронзолитейной металлургии главным ее направлением было обеспечение металлическими орудиями труда наиболее производящих отраслей экономики древнего общества, главным образом земледелия (серпы), а также изготовление эффективных орудий для разносторонней хозяйственной деятельности человека, какими, например, были кельты. Последние играли, несомненно, огромную роль в обработке дерева как при постройке жилищ, хозяйственно-бытовых комплексов, так и в производстве других орудий труда из дерева. Вместе с такими бронзовыми орудиями труда, как долота и тесла, кельты и серпы составляют около 60% всех находок металлических изделий.

Интересно в этой связи проанализировать состав наиболее многочисленных и примерно синхронных кладов Северного Причерноморья: Ингульский, Лобойковский, Лозовский, Ореховский, Новотроянский, Никопольский, Князьгригорьевский, Курлозский, Авраамовский, Журавлинский. Данные анализа приведены в таблице, из которой видно, что процентное соотношение орудий труда в кладах (серпы, кельты, тесла и долота) гораздо выше, чем в целом для всей суммы находок на территории Юго-Запада СССР, выражающееся в абсолютных цифрах от 68 до 96%. На таблице также заметно выпадение из этого ряда таких кладов, как Лобойковский (19,2%) и Лозовский (33%). Даже не зная об остальном составе предметов клада, можно говорить о его своеобразии и уникальности. Причины этого предстоит еще выяснить, так как до сих пор неясно истинное значение, вкладываемое в само определение «клады литейщиков». Очевидно, клады бронзовых изделий различны не только по своему составу, но и происхождению и принадлежности. Произведенный нами анализ позволяет, кажется, выделить среди них клады с преимущественным наличием в них орудий труда, куда входит и Курлозский клад.

Основную массу изделий кладов Северного Причерноморья составляют серпы и кельты, главным образом западного происхождения. В. С. Бочкарев на основании отсутствия импортных вещей в единичных находках (критерий употребляемости изделий), в частности серпов трансильванского типа и старших трансильванских кельтов, считает, что они не употреблялись местным населением, и зачисляет их в категорию сырьевых запасов металлургического производства [29]. Эта мысль отчасти подтверждается и тем, что большинство изделий в кладах носит следы сработанности и повреждений при их использовании, а некоторые представляют

[29] *Бочкарев В. С.* Ук. автореф. канд. дис., с. 17.

Орудие труда	Юго-Запад СССР	Лобой-ковский	Ингуль-ский	Лозов-ский	Ореховский	Ново-троянов-ский	Никополь-ский	Князь-григорьевский	Курлозский	Авраамовский	Журавлинский
Серпы	29,2	10,2	81	27	51	60	62,5	48	11	66	50
Кельты	26	4,5	11,4	3	17	36	—	20	77,7	20	21,4
Тесла и долота	4	4,5	—	3	3,4	—	8,3	—	5,5	—	—
Всего	59	19,2	92,4	33	71,4	96	70,5	68	94,2	86	71,4

собой бракованные изделия. С другой стороны, эти изделия в силу их интенсивного использования в качестве орудий труда, характера применения в производственном процессе, особенно кельтов, наиболее часто ломались и были наиболее реально употребляемым запасом сырья, тем более, что по весу они занимают первое место среди других изделий.

Мы хотели бы обратить внимание на другую весьма закономерную деталь, связанную с Курлозским и другими кладами, в которых представлены преимущественно орудия труда. В их составе в большинстве случаев присутствуют в одном, реже двух-трех экземплярах предметы вооружения: в Курлозском — боевой топор, в Ингульском — кинжал с металлической рукояткой, в Ореховском — боевой топор, в Никопольском — наконечник копья и боевой топор, в Журавлинском — три боевых топора [30]. Подобная закономерность отмечена и в других кладах. Так, например, по одному наконечнику копья есть в кладах Валя Русулуй [31], Илишень [32], Христич [33], кинжал в Кабаковском кладе [34]. Отличительной особенностью этих одиночных предметов вооружения в кладах с большим количеством однотипных бронзовых изделий другого характера является их удивительно хорошая сохранность по сравнению с другими предметами. Вероятно, эти предметы оружия нельзя относить собственно к составу кладов, а вполне закономерно предположить, что они имели индивидуальное назначение в качестве личного оружия владельцев кладов. Выделение из состава кладов предметов индивидуального назначения позволяет представить вооруженных торговых посредников, которые хорошо знали «не только дальние, опасные пути, но и источники, где они могли получить товар, и спрос, которым он мог пользоваться в отдаленных землях» [35].

Известно, что типы оружия западного происхождения по сравнению с орудиями труда являются довольно редкими находками в Северном Причерноморье. Это, с одной стороны, дает повод думать о том, что племена культуры ноа как главные поставщики металла сабатиновским племенам не были заинтересованы в поставках этой категории товаров, а с другой — позволяет в какой-то мере определить культурно-этнический облик торговых посредников металла, индивидуальное оружие защиты которых в кладах представлено западными образцами: боевые топоры с диском, наконечники копий. Боевой топор с крылатой втулкой западного происхождения, например представлен вообще единственным экземпляром Журавлинского клада в Северном Причерноморье. Возможно, что к этой категории принадлежат и такие предметы, как булава Райгородского клада [36] и одинокие экземпляры наверший в Лозовском кладе [37] и Дражна

[30] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка..., с. 214, табл. X, *1—3*; XXX, *2*, *3*; XXXVII, *1*.
[31] *Дергачев В. А.* Ук. соч., с. 12, рис. 3, *7*.
[32] *Foit G.* Depozitul de obiecte de bronz de la Ilişeni.— AM, v. II—III, 1964.
[33] *Дергачев В. А.* Ук. соч., с. 10.
[34] *Лесков А. М.* Ук. соч., с. 166, рис. 13, *4*.
[35] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка..., с. 170.
[36] *Лесков А. М.* Ук. соч., с. 160, рис. 9, *14*.
[37] *Дергачев В. А.* Ук. соч., с. 15, рис. 5, *11*.

де Жос [38], которые могли использоваться и как боевое оружие, и как знаки, удостоверяющие охранное обязательство посредников-торговцев на той или иной территории.

Датировка Курлозского клада в системе древностей Северного Причерноморья облегчена наличием почти всех его типов изделий не только во многих кладах этого района, но и Карпато-Дунайского региона. Прежде всего, в большом количестве представлены в них кельты старшего трансильванского типа (Урью, Ребришоара-II, Ложна, Валеа луи Михаи, Шпэлнака, Валеа Ларга, Конрад, Дражна де Жос, Комонин, Илишень, Чорень, Бозиа Ноуэ, Бецилово, Райгородка, Князьгригорьевка [39], Журавлинка, Кишинев), крюкастых серпов (Шпэлнак, Валеа Ларга, Олешев, Илишень, Чорень, Бозиа Науэ, Лозово, Ново-Трояны, Орехово, Бецилово, Райгородска, Ингул, Князьгригорьевка, Журавлинка, Авраамовка), восточнотрансильванских кельтов (Дражна де Жос, Рышешть, Ново-Трояны, Христич, Орехово и др.). Другие предметы клада находят аналоги в более ограниченном круге кладов. Так, топоры с дисковидным обушком в Северном Причерноморье имеются только в четырех кладах (Журавлинка, Орехово, Никополь, Райгородка), но довольно обычны в западных кладах (Опай, Урью, Домэнешть, Ребришоара-II, Ложна, Валеа луи Михаи, Драна де Жос, Комонин, Колодное, Олешев и др.). По кельту К-34 Курлозский клад связывается с такими кладами, как Дражна де Жос, Рышешть, Ново-Трояны, Христич, Орехово, Бецилово, Райгородка, Князьгригорьевка, а по К-38 с кладами Шпэлнак, Валеа Ларга, Ингул. Серпы С-22 имеются в Кишиневском, Новотроянском и Ореховском кладах.

Е. Н. Черных исследовал распределение типов бронзовых вещей по комплексам и установил сопряженность наиболее многочисленных и показательных категорий предметов, особенно серпов и кельтов, на территории Северного Причерноморья [40], в результате чего выделены три основные группы комплексов. Материалы из клада у с. Курячьи Лозы входят в выделенную им I Ингуло-красномаяцкую группу [41], хотя в нем, как заметил Е. Н. Черных, есть кельты К-38, присущие III Завадо-лобойковской группе. Дата Ингуло-красномаяцкого очага металлообработки, по Е. Н. Черных, относится к XIII—XII вв. до н. э., а Завадо-лобойковского к XII—IX вв. до н. э.

Наибольшее количество совпадений по типам изделий Курлозский клад имеет с такими кладами: Шпэлнак, Ново-Трояны, Ингул, Райгородка (4 типа), Дражна де Жос, Журавлинка, Князьгригорьевка (3 типа). В Трансильвании группа кладов, в которых встречаются предметы, типичные для Курлозского клада, выделена в горизонт Уриа-Домэнешть, Чинку-Сусень, который датируется ВД-НаА$_1$ (XIII—XII вв. до н. э.) [42]. Для венгерских комплексов, где имеются аналогичные предметы, которые датируются четвертым периодом бронзы, А. Можолич выделен горизонт Опай (XII в. до н. э.) [43]. В Молдове эти вещи встречаются в кладах группы Улми-Литень-Илишень, датированных тем же временем [44]. В Прутско-Днестровском междуречье В. А. Дергачевым выделена первая хронологическая группа металлических предметов, названная им Лозово-Мындрешты и отнесенная к XIII—XII вв. до н. э. (частично и XI в. до н. э.) [45].

---

[38] *Andiesescu L.* Sur l'age du bronze en Roumanie. Le dépot bronzes de Drajna de Jos et l'epèè de bucium.— Dacia, v. II, 1925, p. 345.

[39] *Новикова Л. А.* Ук. соч., с. 30—41.

[40] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка..., с. 134—139.

[41] Там же, с. 140.

[42] *Rusu M.* Die Verbreitung der Bronzefunde in Transilvanien.— Dacia, v. VII, 1963.

[43] *Mozsolics A.* Der Bronzefund von Opalyi.— AAH, v. XV, 1967, S. 125, 126.

[44] *Petrescu-Dimboviţa M.* Date noi relativ la descoperirile de bronzuri din Moldova.— AM, v. II—III, 1964, p. 265.

[45] *Дергачев В. А.* Ук. соч., с. 76, 77.

Таким образом, и севернопричерноморские, и западные параллели позволяют отнести Курлозский клад к XII в. до н. э. Набор изделий клада характерен прежде всего для памятников культуры ноа и сабатиновка. Географическое размещение клада на правобережье Южного Буга в непосредственной близости от самого Сабатиновского поселения (около 12 *км*), а также наличие в нем восточных примесей в виде кельтов К-38 и К-29 дает возможность связывать его с сабатиновскими племенами.

V. I. Nikitin, I. T. Chernyakov

THE LBA KURYACHIE LOZY HOARD

Summary

A hoard of bronze objects was discovered in the 1960s at the village of Kuryachie Lozy (Krivoe Ozero District, Nikolaev Region). By the present time eighteen objects have been preserved (fourteen celts, two sickles, one chisel, one battle axe). For comparison the authors widely draw on materials from other Northen Black Sea coast hoards containing mainly working tools (celts, chisels, sickles), though in some of them one can find weapons such as spearheads and battle axes. They are interpreted as personal weapon of possessors of hoards — merchants trading in metal objects.

The objects from the Kuryachie Lozy hoard are referred to the Ingul-Krasnyi Mayak centre of metalworking on the northern Black Sea coast (the 13th-12th centuries B. C.) identified by E. N. Chernykh, to the Uriul-Domăneşte horizon, Cincu-Suseni in Transilvania (BD-HaA$_1$— M. Rusu), to the Ulmi-Liten-Ilishen group of hoards in Moldavia (M. Petrescku-Dîmboviţa), to the B IV period (the Opaly horizon — A. Moszolics), the Lazovsk-Myndreshty group in the area between the Prut and Dniester rivers (V. A. Dergachev). The date of the hoard (the 12th century B. C.) was esteblished on the basis of analogies and the celts found in it typical for the Zavadovka-Loboikovo centre of metalworking (E. N. Chernykh).

Г. Е. АФАНАСЬЕВ, В. И. КОЗЕНКОВА

О НЕИЗВЕСТНЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ ПРЕДСКИФСКОГО ПЕРИОДА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ КИСЛОВОДСКА

Кисловодская котловина изобилует древними памятниками, большей частью могильниками кобанской культуры. Количество их, к сожалению, открытых при случайных обстоятельствах, растет постоянно. Материалы эти важны не только для дальнейшей систематизации и выявления характера одной из знаменитейших культур Кавказа, но и для уточнения всей системы хронологии предскифского периода Евразии.

Обратимся лишь к двум памятникам, выявленным в последние годы, публикация материалов которых, как нам кажется, представляет исключительный интерес для определенного круга специалистов.

В 1971 г. в 3 *км* южнее Кисловодска, на левом высоком берегу р. Кабардинки, близ поселка Индустрия, обнажились при посадке деревьев восемь каменных ящиков [1]. Они находились в непосредственной близости от места старых раскопок могильника «Индустрия»-1 (рис. 1), исследованного в 1966—1967 гг. краеведами Н. И. Михайловым и А. П. Руничем (пять погребений и один кенотаф) и в 1969 г. Н. Н. Михайловым и В. Б. Виноградовым (один кенотаф) [2]. Могильник датирован В. Б. Виноградовым VII—VI вв. до н. э.[3] Это мнение разделяется и его соавторами [4]. Новые данные существенно дополняют уже имеющуюся характеристику памятника, составленную на основе анализа пяти погребений и двух кенотафов из раскопок 1966—1967 и 1969 гг.

Каменные ящики, открытые в 1971 г., находились на глубине 20—30 *см* от поверхности земли и большей частью были ограблены еще в древности.

Погребение 1 было совершено в каменном ящике из вертикально поставленных плит толщиной 8—14 *см*, ориентированных по странам света. Южная и западная стенки сложены из целых плит, а северная и восточная составлены из двух отдельных плит малого размера (рис. 2, *1*). На юго-восточном углу ящика дополнительно положена плашмя небольшая плита. Размеры ящика (по внутреннему периметру — здесь и далее) 0,8×1,2 *м*, глубина 0,45 *м*. Первоначально ящик был перекрыт двумя рядами небольших плиток. Сохранились лишь четыре плиты, просевшие внутрь могилы. На земляном дне ящика лежали человеческие останки плохой сохранности. По расположению частей черепа, костей

[1] Доследование погребений произведено в начале октября 1971 г. бывшим сотрудником Пятигорского музея Г. Е. Афанасьевым и учениками В. Ценцерой и В. Прониным.

[2] *Виноградов В. Б., Михайлов Н. Н.* Отчет об археологических работах в окрестностях г. Кисловодска. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4669.

[3] *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 128.

[4] *Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.* Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья.— АЭС, т. IV. Грозный, 1976, с. 46.

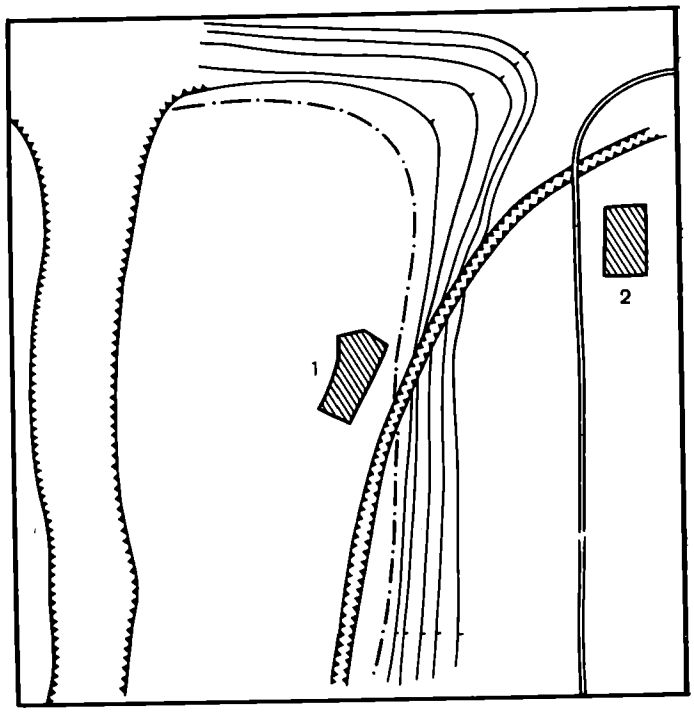


Рис. 1. Схема расположения исследованных каменных ящиков могильника «Индустрия»-1. *1* — место раскопок 1966—1967, 1969 гг.; *2* — место раскопок 1971 г.

рук и ног, костному тлену видно, что первоначальное положение покойника было скорченное на левом боку, головой на запад. Руки, согнутые в локтях, располагались перед грудью. Около затылка находились остатки головного убора в виде девяти больших бронзовых выпукло-вогнутых блях из тонкого листа (рис. 2, *7*) и четырех бронзовых трубочек-накосниц (рис. 2, *6*). У висков помещались две бляхи меньшего диаметра с прикрепленными к ним по две с каждой стороны такими же трубочками (рис. 2, *4*, *8*). В области шеи лежали остатки ожерелья из 20 сердоликовых, гешпровых и стеклянных бус и 35 раковин Buliminus canplutus. На костях обеих рук были бронзовые массивные браслеты (рис. 2, *11*). В ногах оказались глиняное пряслице (рис. 2, *5*) и остатки железного кольца. Около колен стояла сероглиняная миска, украшенная прочерченным «шахматным» узором и ломаной линией (рис. 2, *10*). Перед лицом возле кистей рук находился красноглиняный круглодонный кубок с елочным орнаментом (рис. 2, *9*). Судя по инвентарю, захоронение женское.

Погребение 2 совершено в почти квадратном каменном ящике из больших плит, ориентированном продольными сторонами с запада на восток. Размеры ящика 1×1,2 *м*, глубина 0,58 *м*. Западная и восточная стенки составлены из целых больших плит толщиной 8—15 *см*, южная — из двух малых плит толщиной 8 *см*. От северной стенки имелась лишь одна малая плита (рис. 3, *1*). От скелета сохранились отдельные кости в центре могилы, среди которых лежали два бронзовых наконечника стрел (рис. 3, *2*, *3*), бронзовая ворворка (рис. 3, *4*), два железных ножа и массивный каменный оселок (рис. 3, *5*). Судя по инвентарю, погребение мужское.

Погребение 3 совершено в составленном из целых плит толщиной 8—10 *см* каменном ящике со скошенным северо-восточным углом. Размеры 0,85×1,05 *м*, глубина 0,6 *м*. Ящик ориентирован длинными сторонами с севера на юг. От перекрытия сохранилось несколько небольших плиток, завалившихся внутрь ящика. Скелет полностью разрушен. В северо-западном углу могилы лежали фрагменты сероглиняной миски (рис. 3, *6*)

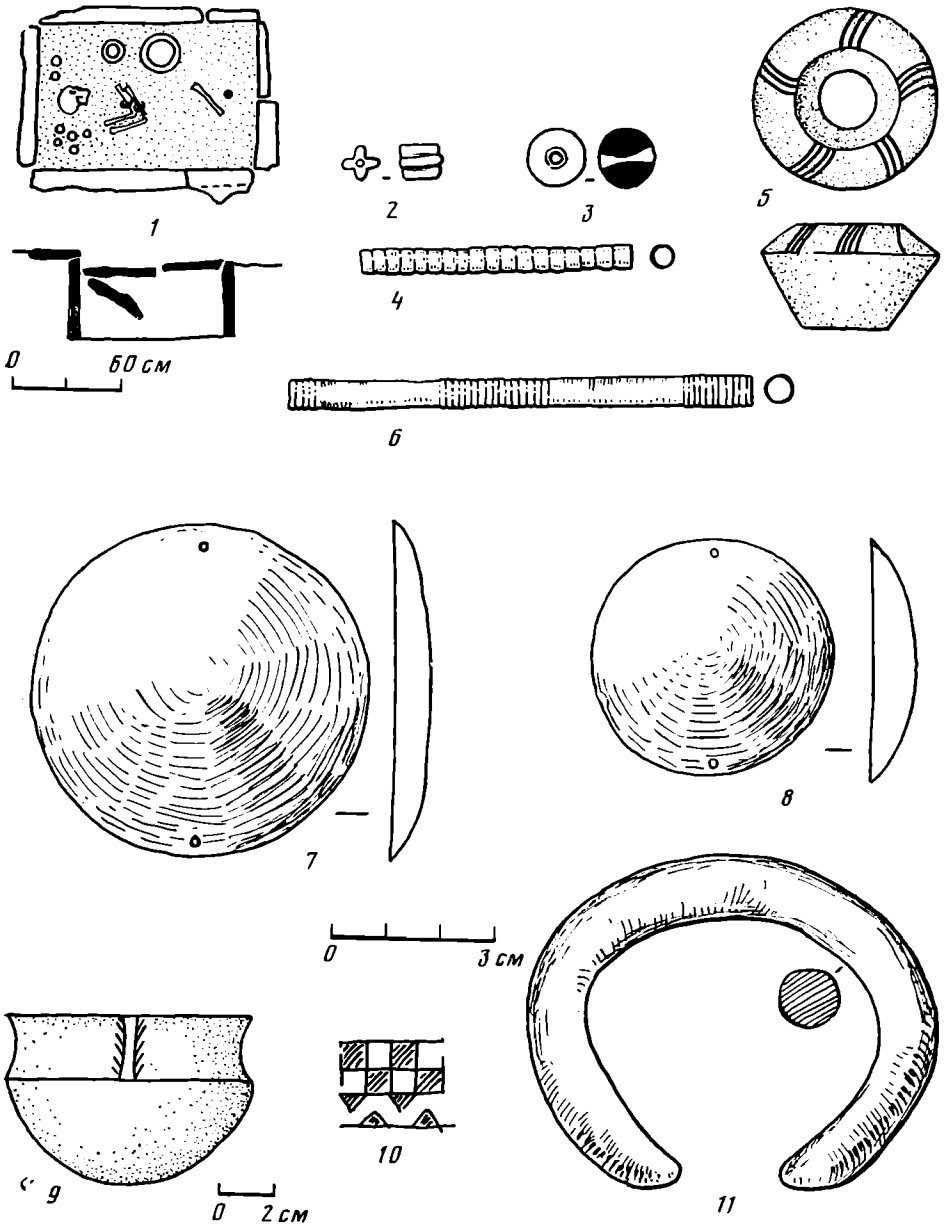


Рис. 2. Могильник «Индустрия»-1, погр. 1: *1* — план и разрез каменного ящика; *2*, *3* — бусы; *4*, *6* — трубочки-привески; *5* — пряслице; *7*, *8* — бляхи; *9* — кубок; *10* — орнамент на миске; *11* — браслет.
2 — гешир; *3* — сердолик; *4*, *6*—*8*, *11* — бронза; *5*, *9* — глина

Погребение 4 совершено в каменном ящике прямоугольной формы, ориентированном длинными сторонами с запада на восток. Западная и восточная стенки сооружены из отдельных плит толщиной 8—10 *см*; северная стенка состояла из двух плит. Южная стенка была комбинированной: нижняя часть ее состояла из отдельной большой вертикально поставленной плиты, а верхняя часть дополнена небольшими плитками, уложенными плашмя в один ряд. Размеры ящика 0,65×1,2 *м*, глубина 0,42 *м* (рис. 3, 7). В засыпи могилы обнаружены остатки перекрытия из двойного ряда плиток, уложенных плашмя. Сохранность костей скелета плохая. Однако по непотревоженным остаткам черепа, костей ног и костному тлену фиксируется его скорченное положение. Он лежал на левом боку, головой на запад. В области черепа находились две круглые бляхи и трубочки-накосницы таких же форм, как в погр. 1. В северо-запад-

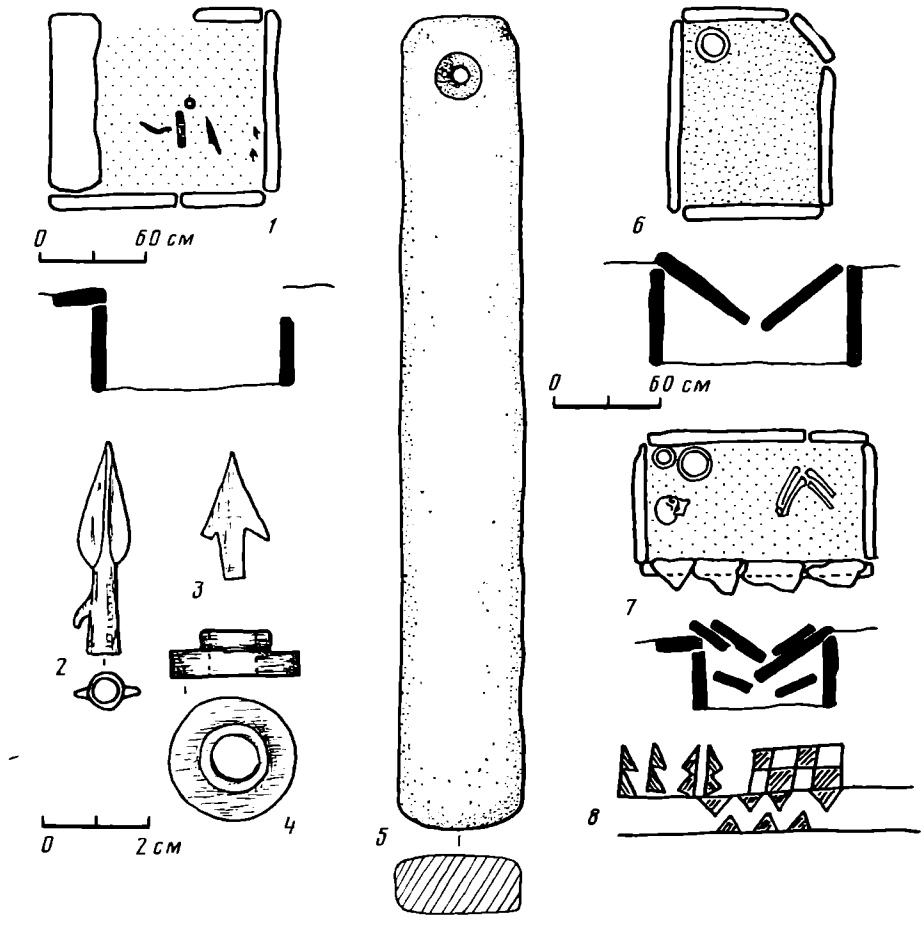


Рис. 3. Могильник «Индустрия»-1, погр. 2—4: *1* — план и разрез каменного ящика № 2; *2*, *3* — наконечники стрел; *4* — ворворка; *5* — оселок; *6* — план и разрез каменного ящика № 3; *7* — план и разрез каменного ящика № 4; *8* — орнамент на миске в погр. 4.
2—4 — бронза, *5* — камень (погр. 2)

ном углу стояли сероглиняная миска с «шахматным» орнаментом (рис. 3, *8*) и круглодонный красноглиняный кубок. Судя по инвентарю, погребение женское.

Погребение 5 совершено в каменном ящике прямоугольной формы, ориентированном длинными сторонами по линии ЗСЗ—ВЮВ. Конструкция стенок ящика комбинированная: нижняя часть из больших поставленных на ребро плит толщиной 4—8 *см*; верхняя часть стенок дополнена мелкими плитками, уложенными плашмя в один ряд. У северной стенки таким образом была сооружена только восточная часть, остальная состояла из одной большой плиты. Размеры ящика 1,15×1,55 *м*, глубина 0,5 *м* (рис. 4, *1*). Первоначально ящик был перекрыт отдельными плитками, часть которых обнаружена в засыпи могилы. Сохранность скелета плохая. По остаткам черепа, костей ног и рук видно, что погребенный лежал скорченно на правом боку, головой на ЗСЗ. Руки были согнуты в локтях и покоились перед лицом. В юго-западном углу лежали обломки миски с «шахматным» узором (рис. 4, *2*) и фрагмент бронзовой иглы (рис. 4, *3*). Кроме того, в могиле обнаружен кусочек бронзы и обломок железного предмета неясной формы.

Погребение 6 совершено в каменном ящике подквадратной формы, ориентированном более длинными сторонами с запада на восток. Конструкция стенок ящика комбинированная: нижняя часть южной, западной

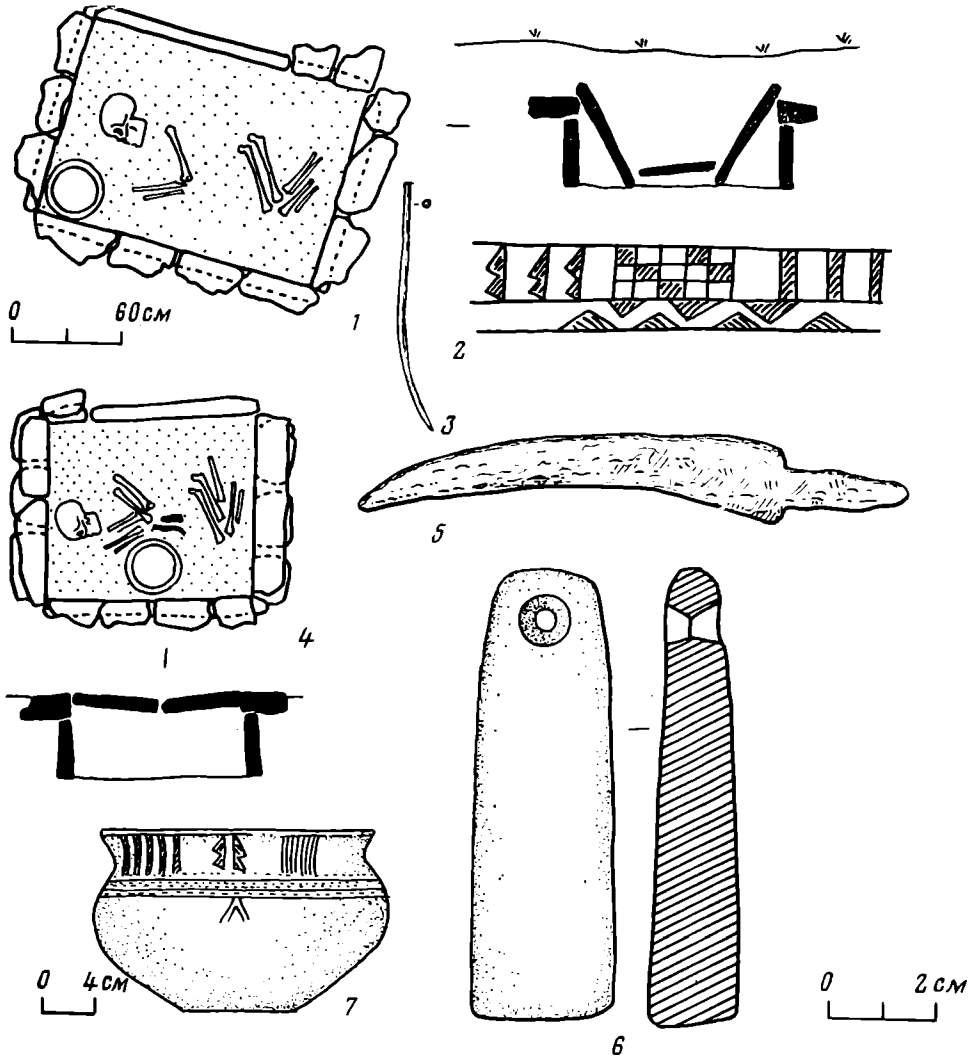


Рис. 4. Могильник «Индустрия»-1, погр. 5, 6: *1* — план и разрез каменного ящика № 5; *2* — орнамент на миске; *3* — игла; *4* — план и разрез каменного ящика № 6; *5* — нож; *6* — оселок; *7* — миска.
3 — бронза, *5* — железо, *6* — камень, *7* — глина.
1, *2* — погр. 5; *5*—*7* — погр. 6

и восточной стенок из больших каменных плит толщиной 8—12 *см*, поставленных на ребро; верхняя часть дополнена двумя рядами плиток, положенными плашмя. Только северная стенка состояла из одной большой плиты, а северо-западный угол заложен малыми плитками. Размеры ящика 1,04×1,14 *м*, глубина 0,5 *м* (рис. 4, *4*). Ящик перекрыт четырьмя небольшими плитами. Сохранность скелета плохая. По остаткам черепа, костей рук и ног можно определить, что погребенный лежал скорченно на правом боку, головой на запад. Руки согнуты в локтях и помещены перед грудью. В области пояса обнаружен железный черешковый нож и рядом каменный оселок (рис. 4, *5*, *6*). У южной стенки могилы на уровне таза стояла красноглиняная плоскодонная миска, украшенная прочерченным геометрическим орнаментом (рис. 4, 7). По составу инвентаря погребение мужское.

Погребение 7 совершено в каменном ящике асимметрично прямоугольной формы, ориентированном длинными сторонами с запада на восток. Конструкция стенок комбинированная: нижняя часть сложена из плит, поставленных на ребро; верхняя часть северной, южной и запад-

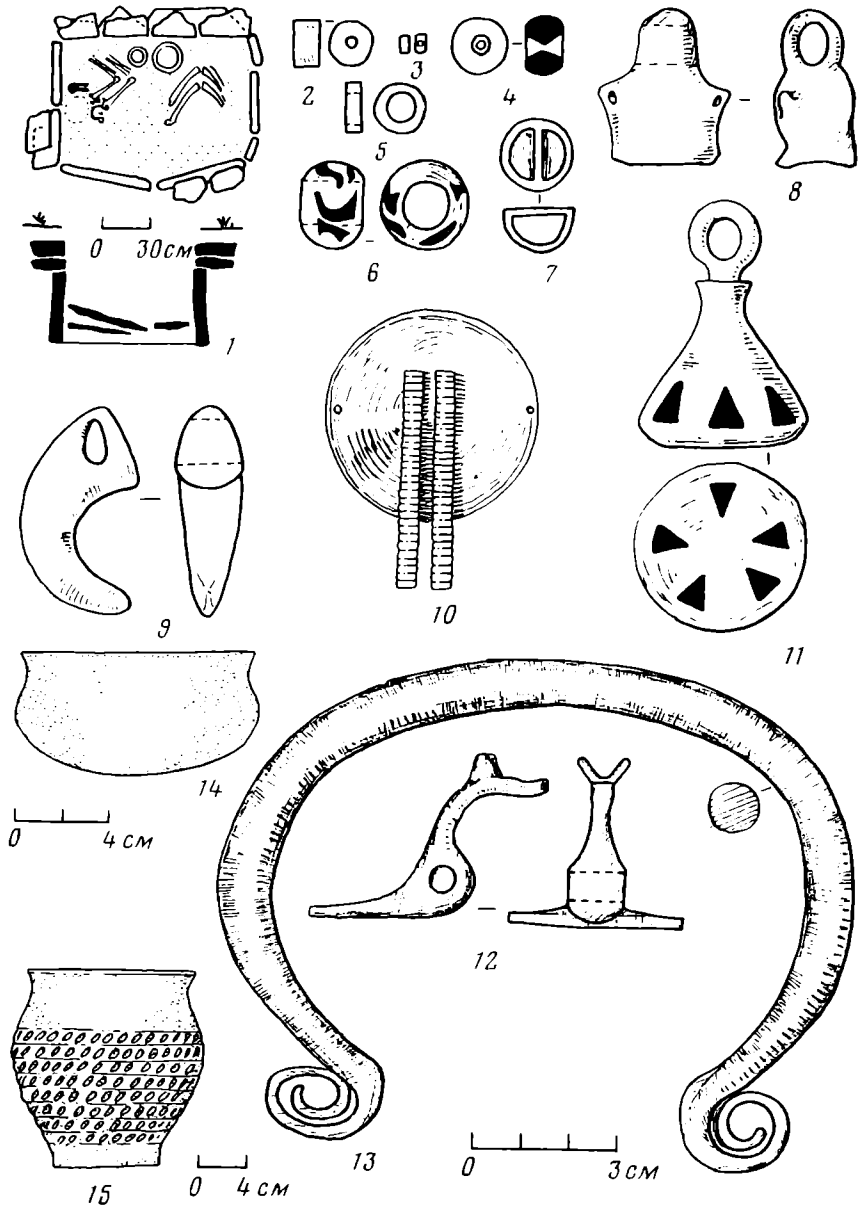


Рис. 5. Могильник «Индустрия»-1, погр. 7: *1* — план и разрез каменного ящика; *2—6* — бусы; *7* — пуговица; *8*, *9*, *11—12* — привески; *13* — гривна; *14*, *15* — сосуды.
2—4 — камень, *3* — стекло, *5—13* — бронза, *14—15* — глина.

ной стенок дополнена двумя рядами плиток, уложенных плашмя. Южная стенка ящика сооружена небрежно. В отличие от других могил дно ящика было плотно утрамбовано. Размеры 0,8×1,15 *м*, глубина 0,37 *м*. Толщина плит 10—12 *см*. Перекрытие было из мелких плит, видимо, в два ряда. Они обнаружены в засыпи могилы (рис. 5, *1*). Сохранность склета плохая. По остаткам черепа, костей рук и ног видно, что погребенный лежал скорченно на левом боку, головой на запад. Руки согнуты в локтях перед грудью. Около головы сохранились украшения головного убора; вокруг черепа прослежен ряд бронзовых незамкнутых колечек-скобочек; около висков лежали по бронзовой выпукло-вогнутой бляхе и по две бронзовых трубочки-накосницы (рис. 5, *10*). В области шеи находились массивная бронзовая гривна (рис. 5, *13*) и россыпь ожерелья из 85 бус (сердолик, халцедон, бронза, стекло) и бронзовых фигурных при-

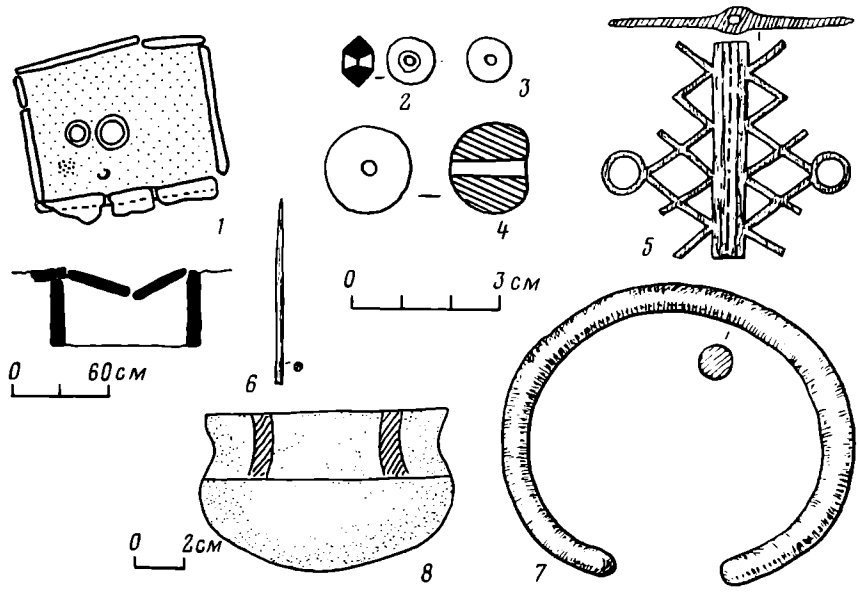


Рис. 6. Могильник «Индустрия»-1, погр. 8. *1* — план и разрез каменного ящика; *2—4* — бусы; *5* — бляха; *6* — обломок иглы; *7* — браслет; *8* — кубок.
2—4 — сердолик, *5* — сурьма, *6*, *7* — бронза, *8* — глина

весок-амулетов (рис. 5, *2—6*, *8*, *9*, *11*, *12*). Здесь же обнаружены две бронзовые пуговицы (рис. 5, *7*). У северной стенки могилы около колен стоял грубой формовки горшок, украшенный «ногтевыми» вдавлинами (рис. 5, *15*), а западнее его, у локтей,— черноглиняный круглодонный кубок (рис. 5, *14*). По составу находок погребение женское.

Погребение 8 совершено в каменном ящике прямоугольной формы, ориентированном длинными сторонами по линии запад—восток с небольшим отклонением. Стенки ящика сложены из плит, поставленных на ребро. Восточная стенка сооружена из одной плиты, северная и западная — из двух. Южная стенка комбинированная — из вертикально поставленной плиты, дополненной в верхней части рядом плиток, положенных горизонтально (рис. 6, *1*). Размеры ящика 0,8×1,1 *м*, глубина 0,47 *м*. Толщина плит 4—8 *см*. Скелет разрушен. В юго-западном углу лежал бронзовый браслет, ажурное украшение из сурьмы, обломок бронзовой иглы, 15 сердоликовых бус (рис. 6, *2—7*). В центре могилы обнаружены фрагменты сероглиняной миски и черноглиняный круглодонный кубок с орнаментом (рис. 6, *8*). По вещам погребение женское.

Таким образом, исследованные могилы отличаются определенной однородностью погребального обряда. Наземные признаки захоронений отсутствуют. Все они совершены в небольших каменных ящиках прямоугольной формы и первоначально были перекрыты одним (погр. 1, 3, 5, 6, 8) или двумя (погр. 4, 7) рядами плиток, уложенных горизонтально. По особенностям конструкции выделяются две группы ящиков: а) сооруженные из больших плит, поставленных на ребро (погр. 1—3); б) с комбинированными стенками, у которых вертикальная плита в верхней части дополнена одним (погр. 4—6, 8) или двумя (погр. 7) рядами горизонтально положенных плиток. Преобладают ящики второй группы, что, возможно, является локальной особенностью могильника. Все погребения индивидуальные. Поза покойников скорченная на левом (для женщин, погр. 1, 4, 7) или на правом (для мужчин, погр. 5, 6) боку. Там, где оказалось возможным установить, руки были сложены перед грудью.

Все погребенные ориентированы на запад или на ЗСЗ (погр. 5). Исключение составляло погребение 3, где костяк разрушен, но само сооружение было ориентировано длинными стенками по линии север—юг, что исключает широтную ориентировку. По конструкции погребальных сооружений и деталям погребального обряда раскопанные в 1971 г. погребения могильника «Индустрия»-1 (Кабардинская балка) близки тем могилам, что исследованы здесь же в 1966—1967 и 1969 гг. Скорее всего это был один и тот же могильник, принадлежавший одной и той же этнической группе (рис. 1).

Некоторые характерные детали погребальных сооружений (комбинированная кладка стенок ящика) эпизодически встречены в могильниках района Кисловодска. Среди погребений так называемого Агачевского могильника у Кисловодского искусственного озера из 56 каменных ящиков четыре (погр. 4, 15, 17, 35) были такой же конструкции, как в могильнике «Индустрия»-1. Всего один каменный ящик близкой, но не идентичной конструкции раскопан в Кисловодском могильнике (погр. 3 из раскопок С. Н. Замятнина в 1933 г.). Редкие аналогии вышеуказанному способу сооружения каменных погребальных ящиков — лишнее свидетельство самобытности культуры человеческого коллектива, обитавшего в долине р. Кабардинки.

Вещевой инвентарь исследованных погребений представлен керамикой, оружием, орудиями труда и украшениями.

Сосуды обнаружены во всех каменных ящиках, за исключением погр. 2. Набор их обычен для памятников западного варианта кобанской культуры: лепные горшки, миски и кубки.

Горшок баночной формы со слегка отогнутым венчиком, выделенной шейкой и округлыми боками обнаружен в погр. 7 (рис. 5, *15*). Техника формовки его довольно грубая, цвет поверхности темно-серый. Высота сосуда 16, диаметр устья 14, диаметр тулова 16, диаметр дна 8,9 *см*. Поверхность горшка от плечиков до дна покрыта рядами косых углублений, нанесенных ногтем. Самые близкие аналогии таким сосудам известны в ряде могильников Кисловодской котловины («Агачевский», Сосновогорский, Березовский, Кисловодский могильники, погребения на территории Кисловодской мебельной фабрики, у искусственного озера, у железнодорожного вокзала). Датировка всех этих памятников определена VIII—VII вв. до н. э.[5] Горшки с «ногтевым» орнаментом никем специально не анализировались, однако существует единодушное мнение, что сосуды эти наследуют черты местной архаики[6]. Отличаются некоторым архаическим обликом и пережиточностью форм и другие предметы комплексов с такими горшками. Именно с ними чаще всего встречены обсидиановые отщепы (могильник-1 у Мебельной фабрики), костяные пряслица из эпифиза животного (Березовский-1 могильник), крупные бронзовые площики с раздвоенным концом черешка («Агачевский» могильник), сурьмяные пуговицы-«черепашки» (Сосновогорский могильник), каменный пест архаической формы (могила у железнодорожного вокзала в Кисловодске). Все сказанное выше свидетельствует скорее всего о том, что погребения с горшками, орнаментированными «ногтевыми» вдавлинами, являются относительно более древними в пределах указанного периода. Верхняя дата их бытования вряд ли переходит за пределы первой половины VIII в. до н. э., а нижняя недостаточно отчетливо, но все же фиксируется на данной территории в материалах конца II тысячелетия до н. э.[7]

---

[5] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 210; *Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.* Ук. соч., с. 30сл.

[6] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 196; *Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.* Ук. соч., с. 44.

[7] *Дегген Б. Е.* Курганы в Кабардинском парке в г. Нальчике.— МИА, № 3, 1941, с. 287сл.

Миски (6 экз.) встречены почти в каждой могиле (погр. 1, 3, 4—6, 8). Они все однотипны, почти стандартны (рис. 4, *7*) и несколько отличаются друг от друга отделкой и цветом поверхности и композицией орнамента. Они высокие, с округлыми боками, выделенными плечиками и прямым, слегка отогнутым наружу венчиком. Дно плоское. Поверхность серолощеная и реже краснолощеная. Шейку и плечики покрывал процарапанный геометрический орнамент. На шейке чередующиеся зоны «шахматных» узоров, вертикальных заштрихованных полос и треугольников. На плечиках, кроме того, горизонтальные пояски из углубленных штампованных треугольников, соответствующее размещение которых создавало выпуклую ломаную линию (рис. 2, *10*; 3, *8*; 4, *2*, *7*). Высота миски из погр. 6 13,5, диаметр устья 20,5, диаметр тулова 22, диаметр дна 8,9 *см*[8].

Как по форме, так и по орнаментации миски имеют массовые аналогии среди материалов Кисловодского, Березовского-1, Эчкивашского могильников, а также в инвентаре погребений на территории Кисловодской мебельной фабрики и каменных ящиков у железнодорожного вокзала. Наиболее близки в деталях сосуды из погребений VIII в. до н. э.— рубежа VIII—VII вв. до н. э.[9]

Кубки (4 экз.) обнаружены в погребениях 1, 4, 7, 8. Как правило, они ставились в могилу в комплекте с миской. Кубки имеют полушарное без дна тулово, выделенную шейку и прямой, слегка отогнутый венчик. Поверхность сосудов красная, реже черная, со следами лощения. Кубки из погребений 1 и 8 орнаментированы по шейке процарапанным узором в виде вертикальных косозаштрихованных полос. При одинаковых общих пропорциях размеры сосудов незначительно варьируют. Высота 5,2—6,5, диаметр устья 9—10, диаметр тулова 9—11 *см* (рис. 2, *9*; 5, *8*, *14*). Форма и назначение (для питья) отличают эти круглодонные сосуды от мисок, что неоднократно отмечалось многими исследователями[10].

Круглодонные кубки — характерный, традиционный и массовый компонент погребальных комплексов IX—VI вв. до н. э. на всей территории распространения западного варианта кобанской культуры[11]. Кубки из более ранних — в пределах указанного периода — памятников отличаются лишь лучшей формовкой и отделкой поверхности, большим процентом орнаментированных экземпляров и определенной композицией орнамента.

Оружие из каменных ящиков, раскопанных в 1971 г. в Кабардинской балке, представлено лишь двумя бронзовыми наконечниками стрел в погр. 2. Один из наконечников — типичный кавказский «площик», вырезанный из бронзового листа. Он имеет треугольную головку с острыми, опущенными вниз жальцами и черешок, тупой на конце. Длина наконечника 2,5 *см* (рис. 3, *3*). Подобные «площики» широко известны в культурах Кавказа с конца II тысячелетия до н. э. В кобанской культуре они доживают до VI в. до н. э.[12]

---

[8] Сохранились лишь общие дневниковые описания мисок. После поступления в фонды Кисловодского музея предметы депаспортизировались, поэтому точными данными о размерах большинства сосудов мы не располагаем.

[9] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 191, рис. 29, *1*; с. 453, табл. XXXI, *2*; XXXII, *4*, *7*; *Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.* Ук. соч., с. 54, рис. 1, *26*; с. 55, рис. 2, *24*; с. 56, рис. 3, *23*; рис. 6, *17*.

[10] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 195; *Тереножкин А. И.* Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, с. 78; *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья.— В сб.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 82; *Батчаев В. М.* К вопросу о датировке Каменномостского могильника.— В сб.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 101.

[11] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 186, рис. 27, *4*; *Гриневич К. Э.* Новые данные по археологии Кабарды.— МИА, № 23, 1951, с. 133, рис. 10, *2*; с. 134, рис. 12, *2*; *Батчаев В. М.* Ук. соч., с. 306, рис. 24, *8*; *Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.* Ук. соч., с. 54, рис. 1, *23*; 2, *23*; 5, *27*.

[12] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 200.

По размерам и очертаниям наконечник из погр. 2 наиболее близок к экземплярам из памятников предскифского и скифского периодов.

Второй наконечник относится к степным формам. Он двулопастный, с лавролистным, приостренным к вершине пером и длинной конусовидной втулкой с шипом. Общая длина наконечника 4,1 *см* (рис. 3, *2*). По общим очертаниям он напоминает бронзовые наконечники из Кармир-блура [13], а еще ближе — некоторые экземпляры из переднеазиатских памятников (Тарсус в Киликии) [14]. Определенное соответствие наблюдается с негативами наконечников стрел литейной формы из Мосула [15]. Основное отличие наконечника из погр. 2 и приведенных аналогий второй половины VII в. до н. э.— в разном соотношении длины пера и втулки и различии формы самой втулки, которая у последних всегда цилиндрическая, а не конусовидная. По этому последнему признаку анализируемый наконечник сходен с негативами наконечников стрел литейной формы из Новочеркасского клада VIII в. до н. э.[16] Такое промежуточное положение между двумя известными типами более ранних и более поздних втульчатых наконечников стрел скорее всего может свидетельствовать в пользу датировки наконечника из могильника «Индустрия»-1 временем не позднее начала VII в. до н. э., а может быть, и несколько раньше.

Орудия труда в комплексах могильника «Индустрия»-1 малочисленны. Это ножи, иглы, точильные камни-оселки и пряслица. Ножи железные, черешковые прямые или серповидные. Длина их 8—10 *см*. Два ножа, прямой и серповидный, происходят из погр. 2. Третий — серповидный обнаружен в погр. 6 (рис. 4, *5*). Небольшие прямые и серповидные черешковые ножи из железа появились повсеместно в памятниках Северного Кавказа на рубеже VIII—VII вв. до н. э., а возможно, в конце VIII в. до н. э. Видоизменяясь, они бытовали длительное время. Наиболее близкие аналогии предметам из могильника «Индустрия»-1 имеются в Каменномостском и Березовском-1 могильниках [17], а также в могильнике у ст. Исправной [18].

Иглы бронзовые (погр. 5, 8), судя по сохранившимся обломкам, были большого размера, с диаметром сечения 1,5—2 *мм* (рис. 4, *3*; 6, *6*). Аналогии многочисленны, особенно в слоях начала I тысячелетия до н. э. поселений кобанской культуры.

Оселки (2 экз.) каменные, серого цвета. Они найдены в двух погребениях (3 и 6). Форма их удлиненно-прямоугольная с закругленными углами. На одном конце отверстие двустороннеконического сверления. Длина оселков 8,5—15 *см* (рис. 3, *5*; 4, *6*). Форма и размеры оселков исследуемого могильника типичны для широкого круга памятников предскифского периода не только на территории Северного Кавказа, но и более северных степных областей [19]. Но особенно они близки по пропорциям, цвету, технике сверления отверстия экземплярам из памятников кобанской культуры X—VIII вв. до н. э. (Сержень-Юртовское поселение, могильники Пятигорья и т. д.).

Пряслице глиняное, обнаружено только в одном погребении (погр. 1). Оно биконической формы с вогнутым основанием. Диаметр 3,4, высота 1,9 *см*. На поверхности пряслица прочерчен орнамент в виде групп параллельных черточек, расположенных по окружности основания (рис. 2,

---

[13] *Пиотровский Б. Б.* Кармир-блур, т. I. Ереван, 1950, с. 96, рис. 63.

[14] *Іллінська В. А.* Бронзові наконечники стріл так званого жаботиньского і новочеркаського типів.— Археологія, № 12, 1973, с. 20, рис. 5, *1б*.

[15] *Пиотровский Б. Б.* Кармир-блур, т. III. Ереван, 1955, с. 41, рис. 31.

[16] *Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— В сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1955, с. 120, рис. 9.

[17] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 204; *Батчаев В. М.* Ук. соч., с. 102 (см. погр. № 11), с. 305, рис. 23, *13*.

[18] *Козенкова В. И., Найденко А В.* Кобанский могильник близ станицы Исправной.— СА, 1980, № 1, рис. 1, *15*, *36*.

[19] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976, рис. 58, *1*; 14, *3*.

5). Форма и орнамент предмета находят многочисленные параллели среди пряслиц, имевших место в памятниках начала I тысячелетия до н. э. центрального и западного вариантов кобанской культуры (Змейское поселение, Каменномостский, Березовский-1 и Кисловодский могильники и др.) [20].

К предметам воинского снаряжения относится бронзовая литая ворворка из погр. 2. Она имеет грибовидную форму. Высота предмета 0,9, диаметры концов 1,3—2,4 *см* (рис. 3, *4*). Точные аналогии ей в других памятниках единичны и хронологически определяются VIII—VII вв. до н. э. (Алероевский-1 могильник; Березовский-1 могильник — погр. 24 с роговым псалием; могильник-1 на территории Кисловодской мебельной фабрики — погр. 34 с двукольчатыми удилами и наконечниками стрел Новочеркасского типа) [21]. Морфологически грибовидные ворворки заметно отличаются от конусовидной формы ворворок скифского времени. Они представляли особый тип, характерный только для переходного периода. Последнее обстоятельство позволяет относить эти предметы к решающим хронологическим показателям в тех случаях, когда в комплексе, кроме них, отсутствуют другие более точные датирующие предметы.

Украшения в материалах погребений из Кабардинской балки составляют самую большую группу. Все они женские. Это большие и малые бляхи, колечки и трубочки, гривна, бусы и привески, браслеты, ажурная пластина, пуговицы.

Бляхи бронзовые (15 экз.) выпукло-вогнутой формы из тонкого листа, по краям отверстия для прикрепления. Диаметр блях 4.5—6,2 *см*. Обнаружены они в погребениях 1, 4, 7.

Трубочки из бронзового листа. Обнаружены вместе с бляхами. Поверхность трубочек покрыта поперечными выпуклыми полосками. Длина 5—8,7, диаметр сечения 0,5 *см*.

Скобочки из бронзовых пластинок шириной 0,3 *см*. Форма скобочек в виде овального кольца с незамкнутыми концами. Размер 0,5×1,2 *см*. Найдены только в погр. 7.

Бляхи, трубочки и скобочки, судя по местонахождению, являлись украшениями головного убора. Особенно хорошо он реконструируется на основе расположения украшений в погр. 7. Головной убор обшит по кругу от темени к затылку бронзовыми скобочками. У висков с двух сторон прикреплялось по большой выпуклой бляхе с двумя привесками-трубочками. Такие же трубочки (4—5 штук) привешивались к головному убору и на затылке (рис. 7, *1—5*, *16*). Важно отметить, что порядок расположения и композиция украшений на головном уборе постоянно повторялись, хотя и с незначительными вариациями, в погребениях 1 и 4, а также в погр. 1 из раскопок 1966 г.[22] Такая повторяемость свидетельствует скорее всего о традиционной этнографической особенности женского костюма населения, оставившего могильник. Очень близкий по композиции тип украшений головного убора отмечен также в погр. 25 Березовского-1 могильника [23]. Отличие состояло лишь в том, что на затылке трубочки-подвески были заменены витыми конусовидными раковинами Buliminus camplutus. В разрозненном состоянии трубочки-подвески и бляхи точно такого же размера и типа, как в погребениях могильника «Индустрия»-1, встречены неоднократно в ряде могильников начала I тысячелетия до н. э. западного варианта кобанской культуры. Не ис-

[20] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 189, рис. 28, *12*; с. 196сл.; *Деопик Д. В., Крупнов Е. И.* Змейское поселение кобанской культуры.— В сб.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, с. 29, рис. 8, *10*; *Батчаев В. М.* Ук. соч., с. 306, рис. 24, *11*.

[21] *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, рис. 21; 40, *5*.

[22] *Рунич А. П.* Отчет об археологических разведках в районе Кавминвод за 1966 год. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3251, рис. 18, *1*, *12*, *13*.

[23] Там же, с. 11, рис. 14, *6*, *8—10*.

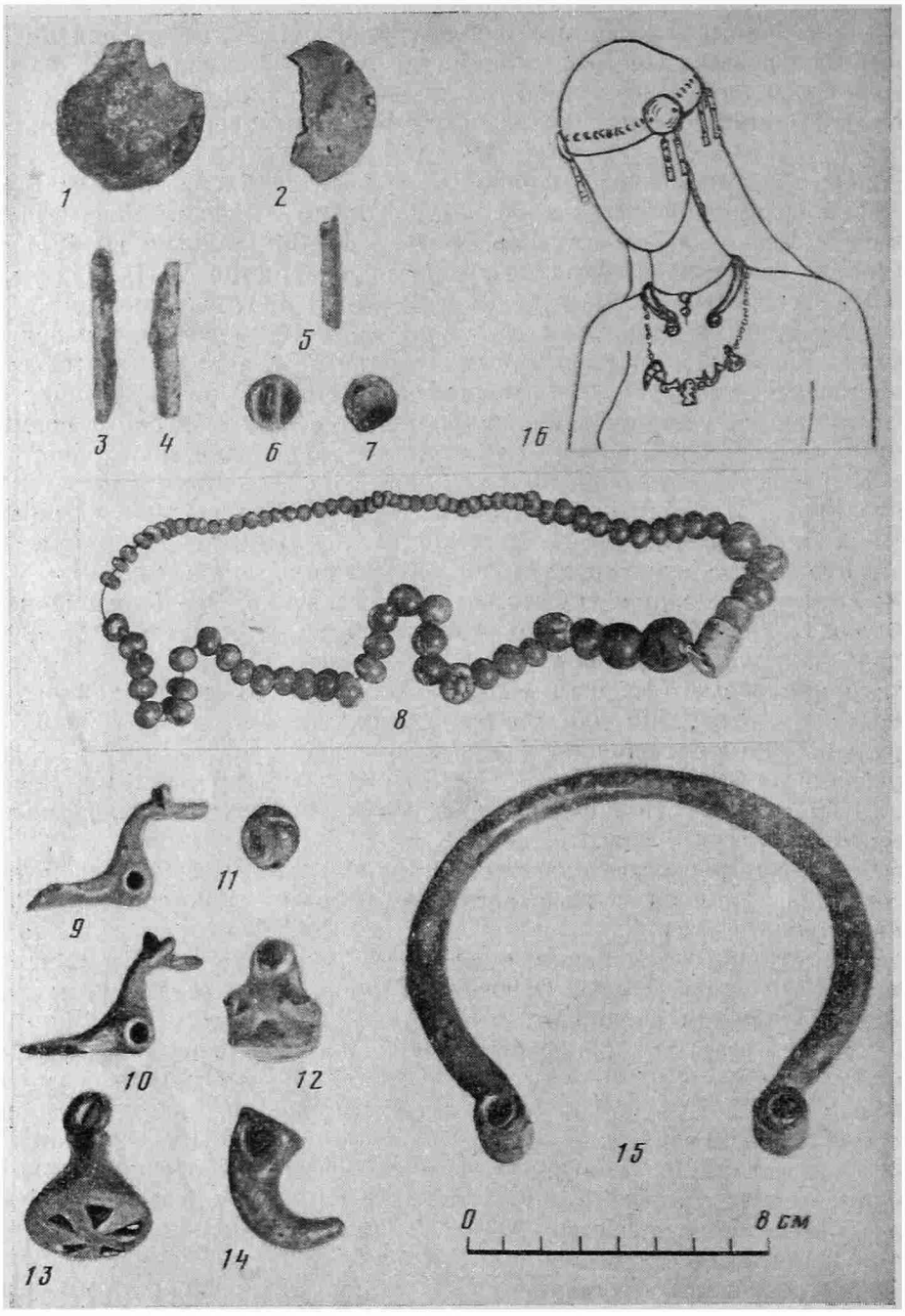


Рис. 7. Могильник «Индустрия»-1, погр. 7. *1—5* — украшения головного убора; *6*, *7* — пуговицы; *8—14* — ожерелье; *15* — гривна; *16* — реконструкция головного и нагрудного украшений женского костюма

ключено, однако, что в других памятниках украшения головного убора располагались композиционно иначе, чем в исследуемом могильнике.

Гривна бронзовая из массивного круглого в сечении дрота входила в комплекс украшений костюма в погр. 7. Форма ее овальная, с несомкнутыми концами. Концы были раскованы в пластину и завернуты в виде трубочек. Размеры гривны 10,2×13, диаметр сечения 1,1 *см* (рис. 5, *13*; 7, *15*, *16*). Близкие параллели ей массово представлены на всей территории кобанской культуры в памятниках не позднее рубежа VIII—VII вв. до н. э.[24]

[24] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., табл. XXXIII, *4*; *Гриневич К. Э.* Новые данные по археологии..., с. 130, рис. 7; *Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.* Ук. соч.,

Браслеты (3 экз.) бронзовые из массивного круглого в сечении прута. Концы закруглены и не сомкнуты друг с другом. Размеры 6×7,2; 6,2×7,5 см; диаметр сечения 0,7—1 *см* (рис. 2, *11*; 6, *7*). Браслеты входили в комплекс украшений в погребениях 1 и 8. Аналогии браслетам такого типа многочисленны на Западном Кавказе как в ареале кобанской культуры, так и в памятниках так называемой прикубанской культуры левобережья среднего течения Кубани. Верхняя хронологическая граница их бытования не позднее начала VII в. до н. э.[25]

Оригинальны бронзовые зооморфные и антропоморфные привески ожерелья в погр. 7, отражающие идеологические представления этнической группы, оставившей могильник «Индустрия»-1. В первую очередь необходимо упомянуть уникальную антропоморфную фигурку с примитивно моделированным лицом, столбиком-туловищем и выступами-руками. В голове проделано сквозное отверстие для подвешивания (рис. 5, *8*). Высота фигурки 3,2 *см*. Кроме того, в ожерелье имеются две бронзовые птички с рогатыми звериными головками и треугольными хвостами. Высота птичек 3,5 *см* (рис. 5, *12*). Оригинальна литая привеска в виде клыка хищника длиной 4,4 *см* (рис. 5, *9*). И наконец, в ожерелье находится своеобразный колокольчик конусовидной формы с круглой петлей и закрытым, слегка выпуклым основанием. В стенках и основании колокольчика прорезаны сквозные треугольники. Внутри полости сохранилась бронзовая «горошина» для звона. Высота колокольчика 5,1, диаметр основания 3,6 *см* (рис. 5, *11*).

Привески-обереги (рис. 7, *9, 10, 12—14*) из погр. 7 находят аналогии среди однородных предметов в памятниках периода расцвета кобанской культуры (XI—VIII вв. до н. э.). Так, бронзовые привески в виде фантастической «рогатой» птицы с треугольным хвостом особенно близки таким же привескам из Верхнерутхинского, Кобанского и Тлийского могильников, а также из погребения, разрушенного близ Нальчика в 1952 г.[26] Такие же птицы были обнаружены в могильнике у сел. Терезе в Карачаево-Черкесии[27]. Там же имелись и бронзовые привески в виде клыка. Для литой антропоморфной привески (рис. 7, *12*) известна лишь одна аналогия (рис. 8). Это случайная находка с территории Карачаево-Черкесии, вероятно, из района сел. Инжиччукун[28]. Стиль и пропорции статуэток почти тождественны.

Привески-колокольчики обычны среди бронз Кавказа первой половины I тысячелетия до н. э. Ближайшая аналогия колокольчику из погр. 7 происходит из Тлийского могильника. Здесь над погр. 58 конца II тысячелетия до н. э. находились вместе точно такие же колокольчик и птичка. Остатки комплекса датированы началом I тысячелетия до н. э.[29]

Пуговицы выпукло-вогнутые с петлей-перекладиной на обороте обнаружены в погр. 7. Они бронзовые, литые. Диаметр их 1,5 *см*. Такие пуговицы широко известны для всех кавказских культур эпохи бронзы — раннего железа.

Ажурная пластина-пронизка из сурьмы (погр. 8). Она литая, прямоугольная, размером 4,5×5 *см*. По центру проходит продольный канал

с. 38; *Алексеева Б. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 302, табл. 7б, 15.

[25] *Замятнин С. Н.* Работы на строительстве КСУ в Кисловодске.— ИГАИМК, № 109, 1935, с. 224; *Егоров Н. М.* Могильник у реки Эшкакон.— КСИИМК, № 64, 1956, с. 137, рис. 59, *1*.

[26] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 236, табл. V, *6*; *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977, с. 166сл., рис. 112.

[27] *Биджиев Х. Х, Козенкова В. И.* Предметы кобанской культуры из сел. Терезе (Карачаево-Черкесия).— СА, 1980, № 3, рис. 3, *4*.

[28] Предмет хранится в Карачаево-Черкесском музее в г. Черкесске (экспозиция материалов X—VIII вв. до н. э.).

[29] *Техов Б. В.* К вопросу изучения бронзовой культуры горной полосы Юго-Осетии. Изв. Юго-Осетинского НИИ АН ГрузССР, вып. XI. Цхинвали, 1962, с. 298—300, табл. IV, *2, 3*.

для продергивания нити. Пластина скорее всего представляла собой звено какого-то украшения типа пояса или ленты (рис. 6, *5*). Типологически близкие украшения из сурьмы имелись в погр. 5 из раскопок могильника «Индустрия»-1 в 1969 г.[30] Из других памятников необходимо упомянуть датированное не позднее VIII в. до н. э. погр. 21 Березовского-1 могильника[31], где также встречены однородные сурьмяные украшения-пластины.

Заметное место в материалах могильника «Индустрия»-1 занимают бусы. Они обнаружены в четырех погребениях (1, 4, 7, 8).

1. Бронзовые бусы (2 экз.) найдены в погр. 7. Одна из них кольцевидная, из пластинки шириной 0,6 *см*. Диаметр ее 1,2 *см* (рис. 5, *5*). Вторая бусина — уплощенно-бочковидная, ажурная. Длина ее 1,3, диаметр 1,9 *см*. Кольцевидные бронзовые бусы широко распространены в культурах раннего железного века Кавказа. Ажурной бусине аналогии найти не удалось.

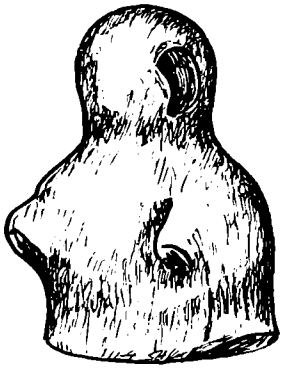


Рис. 8. Антропоморфная статуэтка из Карачаево-Черкесии

2. Многочисленны каменные бусы — сердоликовые (68 экз.) и халцедоновые (3 экз.). Сердоликовые — коричневатого цвета, шаровидные, диаметром 1—1,8 *см* (погр. 1, 4, 8), бочковидные диаметром 1,2 *см* (погр. 7, 8) и биконические диаметром 1 *см* (погр. 8). Сверление двустороннеконическое и цилиндрическое (рис. 2, *3*; 5, *4*; 6, *2—4*). Халцедоновые бусы цилиндрической формы найдены только в погр. 7. Длина их 0,6, диаметр сечения 1 *см* (рис. 5, *2*).

Формы и размеры каменных бус могильника обычны для памятников Кавказа конца II — начала I тысячелетия до н. э.

3. Гешировые бусы (11 экз.) обнаружены только в погр. 1. Набор отличался большим разнообразием форм (шаровидные, квадратные, пятигранные, шестигранные и семигранные в сечении). Выделяется необычная дольчатая крестовидная в сечении форма удлиненных бус (рис. 2, *2*), аналогии которым нам найти не удалось.

4. Стеклянные (37 экз.) бусы происходят из двух погребений. В погр. 1 в состав ожерелья включены две шаровидные глухого стекла, бесцветные, диаметром 0,7 *см*. В погр. 7 в ожерелье входили 35 мелких бус глухого синего стекла. Форма бочковидная и цилиндрическая. Длина 0,3, диаметр 0,4 *см* (рис. 7, 8). Стеклянные бусы аналогичных форм и цвета обычны для памятников первой половины I тысячелетия до н. э. на всей территории Северного Кавказа.

Анализ предметов погребального инвентаря позволяет на основе привлеченных аналогий отнести каменные ящики, раскопанные в Кабардинской балке в 1971 г., к VIII—VII вв. до н. э. Наиболее ранним в этой группе представляется погр. 7, где зафиксированы архаические признаки в ряде предметов (горшок, фигурные привески, гривна). Оно может быть отнесено ко времени не позднее первой половины VIII в. до н. э. Самым поздним было, видимо, погр. 2, в составе инвентаря которого находился бронзовый наконечник стрелы с шипом на втулке. Учитывая присутствие некоторых ранних элементов в комплексе (массивный оселок, «площик»,

---

[30] *Рунич А. П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кисловодска за 1969 год. Архив ИА АН СССР, р-1, № 5244, с. 13, рис. 24, *7*.

[31] *Рунич А. П.* Ук. отчет за 1966 год, с. 10, рис. 12, *11*; *Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.* Ук. соч., с. 37, 38.

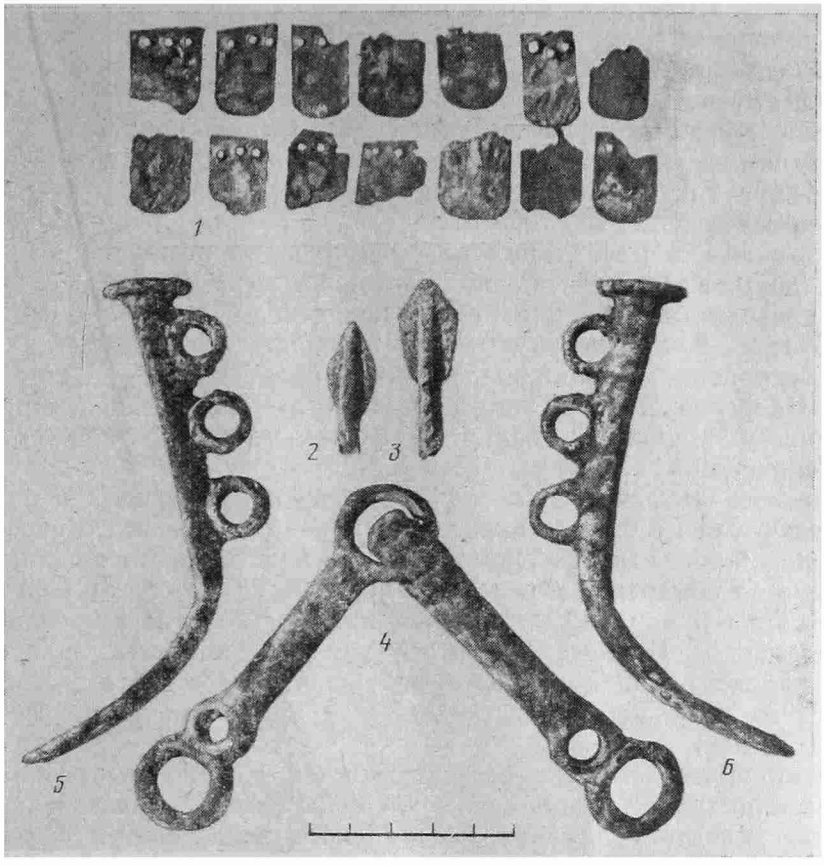


Рис. 9. Бронзовые предметы из погребения у Кабан-горы. *1* — пластины панциря; *2*, *3* — наконечники стрел; *4—6* — удила и псалии

грибовидная ворворка), следует датировать это погребение не позднее самого начала VII в. до н. э. Остальные могилы могут быть отнесены к концу VIII — рубежу VIII—VII вв. до н. э. Таким образом, новые погребения могильника «Индустрия»-1 вносят существенные коррективы и имеющееся мнение о датировке памятника только VII в. до н. э. Теперь более основательные данные документируют удревнение некоторых его комплексов по крайней мере на полстолетия.

Вторым чрезвычайно интересным объектом, вводимым нами в научный оборот, является погребение с всадническим вещевым комплексом, открытое в 1973 г. у подножья Кабан-горы, юго-восточнее Кисловодска (бассейн р. Ольховки). К сожалению, погребение обнаружено также при случайных обстоятельствах, а потому все немногочисленные данные о погребальном ритуале приводятся лишь со слов прораба-строителя, раскопавшего могилу. По сведениям находчика, погребение было индивидуальным и помещалось в каменном ящике под небольшой курганной насыпью. В погребении лежали удила, псалии, наконечники стрел и остатки бронзового панциря. Кроме металлических предметов, в могиле были сосуды, как будто корчаги, миски и кубки. Но последние оказались утраченными. Сохранились лишь предметы конского и воинского снаряжения (рис. 9).

Литые бронзовые удила с двукольчатыми концами и трехпетельчатые псалии с изогнутым концом в виде широкой овальной лопасти (I тип, по А. А. Иессену). Предметы хорошей сохранности, без видимых следов изношенности, с хорошо различимыми литейными швами на поверхности. Длина стремени удил 10,6 *см* (рис. 9, *4—6*).

Аналогии этому так называемому кобанскому типу конской узды самые широкие в материалах VIII — начала VII в. до н. э. на Северном Кавказе и в степной зоне юго-восточной Европы [32].

Из предметов вооружения в комплексе находились два бронзовых наконечника стрел. Один из них имел удлиненную конусовидную втулку с отверстием и ромбовидное перо (рис. 9, *3*). Длина наконечника 4,6, ширина пера 1,6 *см*. Аналогии этому типу наконечника известны в памятниках Пятигорья, Западного Кавказа и степных районов восточноевропейского юга [33]. Дата таких наконечников не позднее рубежа VIII—VII вв. до н. э. Второй наконечник менее выразителен. Он двулопастный, с лавролистной формой пера и конусовидной, обломанной на конце втулкой (рис. 9, *2*). На втулке при переходе к перу поперечные слабо выпуклые пояски. Сохранившаяся длина наконечника 3,5, ширина пера 1,3 *см*. Наиболее близкие аналогии известны среди наконечников в погребениях у Малой Цимбалки (III тип черногоровской группы, по А. А. Тереножкину) [34].

В комплекс входили также 14 бронзовых панцирных пластинок удлиненной формы, с одним закругленным концом и тремя отверстиями на противоположной стороне (рис. 9, *1*). Аналогичные пластины бронзового панциря обнаружены в погр. 4 могильника «Индустрия»-1 (находка Ю. Харыбина в 1967 г.) [35]. Наличие пластин послужило решающим основанием для В. Б. Виноградова отнести этот типичный, ярко выраженный комплекс периода расцвета кобанской культуры к рубежу VII—VI вв. [36] до н. э., что представляется в настоящее время совершенно неправомерным.

Публикуемый комплекс из окрестностей Кабан-горы весьма показателен именно тем, что документирует более раннее использование кобанцами пластинчатого панциря ассирийского типа, еще в самом начале I тысячелетия до н. э., и вне связи с передвижением скифов в Предкавказье.

Особенно интересен этот комплекс также еще тем, что здесь впервые встречены вместе лавролистый ранний наконечник черногоровского (по А. И. Тереножкину) типа с наконечником новочеркасского типа, что как будто до этого случая не наблюдалось [37]. Если подтвердится мнение А. И. Тереножкина, что лавролистые наконечники с поперечными поясками бытуют лишь до середины VIII в. до н. э.[38], то подобное сочетание двух разных типов наконечников будет важным для определения даты комплекса у Кабан-горы в пределах первой половины VIII в. до н. э. Пока мы считаем возможным относить его не позднее рубежа VIII—VII вв. до н. э.

---

[32] *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР.— СА, XVIII, 1953, с. 52; *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 148.

[33] *Иессен А. А.* Некоторые памятники..., с. 119, рис. 8, рис. 14; *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 134—136, рис. 27, *3*.

[34] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 133, 134, рис. 24, *7*.

[35] *Рунич А. П.* Ук. отчет за 1969 г., с. 12, рис. 23, *15*.

[36] *Виноградов В. Б.* Центральный и северо-восточный Кавказ..., с. 128, рис. 18, *10*, *12*; *Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.* Новое о кобанской культуре..., с. 47.

[37] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 137.

[38] Там же, с. 199, 205.

G. E. Afanasyev, V. I. Kozenkova

ON THE RECENTLY DISCOVERED FUNERAL COMPLEXES OF THE PRE-SCYTHIAN PERIOD IN THE KISLOVODSK ENVIRONS

Summary

The article publishes new materials from the two sites near Kislovodsk. The first of them is a cemetery of the Koban culture — Industria-1 known from the 1966 — 1967 and 1969 excavations by N. N. Mikhailov and A. P. Runich. In 1971, eight stone cists were studied in the cemetery. The skeletons lied in contracted position on their sides, their heads pointing west. Grave furniture gives information on the material culture of the ethnic group inhabiting the Kabardinka River basin (weapons, tools and ornaments). The artifacts from grave No. 2 (Fig. 3), grave No. 7 (Figs. 5 and 7) are of great importance for the chronology of the cite. Graves on the cemetery Industria-1 are dated to the first half of the 8th-the beginning of the 7th centuries B. C. The second site was discovered during constructive works near the Kaban Mountain, to the south-east of Kislovodsk in the basin of the Olkhovka River. This complex is dated to the end of the 8th-the beginning of the 7th centuries B. C. There a bronze armour was discovered which is one of the earliest in the Northern Caucasus. These materials are of great importance for the correction of chronology of the pre-Scythian period in Eurasia.

Л. Н. КОРЯКОВА, В. И. СТЕФАНОВ

ГОРОДИЩЕ ИНБЕРЕНЬ IV НА ИРТЫШЕ

Целью настоящей работы является публикация материала памятника, имеющего важное значение в решении многих проблем эпохи бронзы и раннего железного века Западной Сибири. С точки зрения проблематики эпохи бронзы он интересен тем, что входит в число памятников обширного Черноозерско-Инберенского куста. Городище Инберень IV является в свою очередь одним из немногих, хорошо датированных поселений раннего железного века, что делает его своеобразным хронологическим репером.

Городище, исследованное группой Омского отряда Уральской археологической экспедиции в 1973, 1975 гг.[1], расположено в 500 *м* к востоку от дер. Инберень Большереченского р-на Омской обл. Находится на низкой, поросшей лесом, террасе левого коренного берега р. Иртыш, который в настоящее время протекает в 2 *км* к СЗ от памятника. Восточнее городища лежит заболоченное оз. Круглое старичного происхождения.

Городище площадью около 1800 $м^2$ с восемью жилищными впадинами окружено с трех сторон валом и неглубоким рвом (0,3—0,4 *м*). За пределами укрепленной площадки имеется еще шестнадцать заросших и оплывших впадин (рис. 1, *А*).

Двумя раскопами были исследованы впадины 1, 2, 6, 7 и часть оборонительного пояса[2], в результате чего был выявлен многослойный характер памятника.

Стратиграфия довольно проста. Под современной почвой повсеместно прослеживался слой светло-серой супеси, котлованы сооружений эпохи железа были заполнены темно-серой супесью, углубления более раннего периода — черной гумусированной супесью. Толщина культурного слоя в среднем 50—70 *см*, насыщенность находками неодинаковая.

Наиболее богата северная часть первого раскопа и центральная часть второго, причем верхние слои насыщены, как правило, больше.

Сооружения эпохи бронзы, представленные неполными остатками двух камер (I, II), зафиксированы в северной части первого раскопа (рис. 2). Здесь находки распределялись следующим образом: сразу под дерном встречались фрагменты керамики раннего железного века, ниже наблюдалось абсолютное преобладание остатков эпохи бронзы.

Исследованная часть камеры II округло-прямоугольной формы имела в длину 6,1 *м*. Стенки котлована наклонные, дно ровное, углублено в материк на 0,36 *м*. Напольный очаг диаметром 1,5 *м* и с толщиной прокала до 0,12 *м* окаймлен узкой неглубокой канавкой. К очагу с восточной стороны примыкало незначительное углубление размером 2,04×1,74 *м*, с южной — яма (№ 5) диаметром 0,72 и глубиной 0,35 *м*. Вокруг очага,

[1] В 1973 г. раскопки велись под руководством Н. К. Стефановой, в 1975 — под руководством Л. Н. Коряковой.

[2] Часть объектов, выявленных в раскопах, осталась за их пределами в связи с сильной залесенностью поверхности.

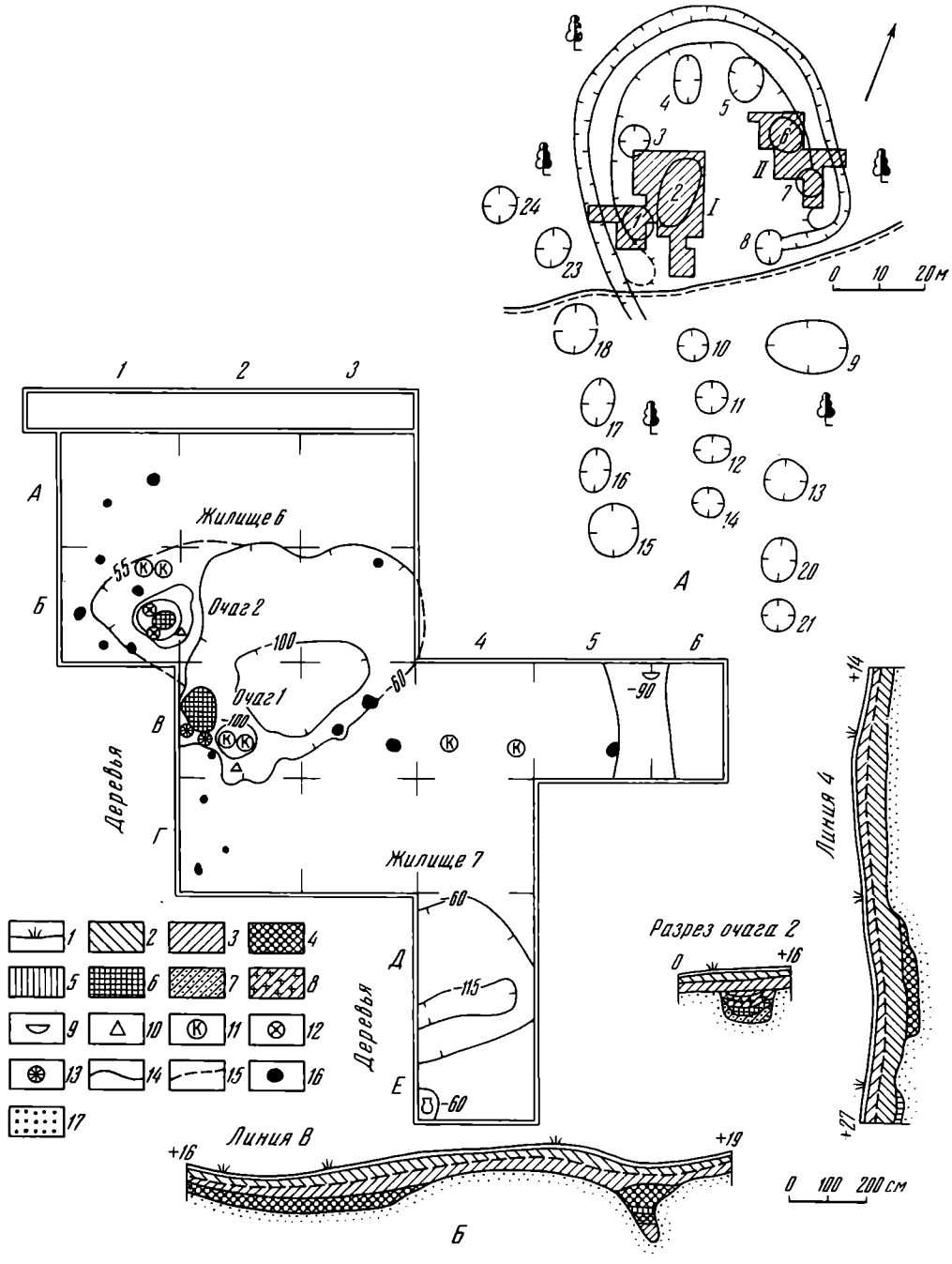


Рис. 1. *А* — Ситуационный план городища: *1—24* — жилищные впадины; *Б* — Раскоп II: *1* — дерн, *2* — современная почва, *3* — светло-серая супесь, *4* — темно-серая супесь, *5* — углистый грунт, *6* — прокал, *7* — пестроцвет, *8* — золистый слой, *9* — глиняное блюдо, *10* — керамика, *11* — кости животных, *12* — угли, *13* — рыбья чешуя, *14* — очертания объектов, *15* — слабо фиксируемые очертания, *16* — столбовые ямки, *17* — песок

в яме и на полу камеры I обнаружено большое количество обломков посуды и костей животных. В южной части камеры, несколько выше уровня пола, найдена бронзовая выпукло-вогнутая блашка со штырьком.

Камера I также исследована частично. Наиболее четкие очертания котлована выявлены на уровне материка. Он имел округло-прямоугольную форму и был вытянут с севера на юг на 6 *м*. Стенки котлована полого опускались к ровному дну, углубленному в материк на 0,15—0,20 *м*. В юго-восточной части камеры отмечено прямоугольное углубле-

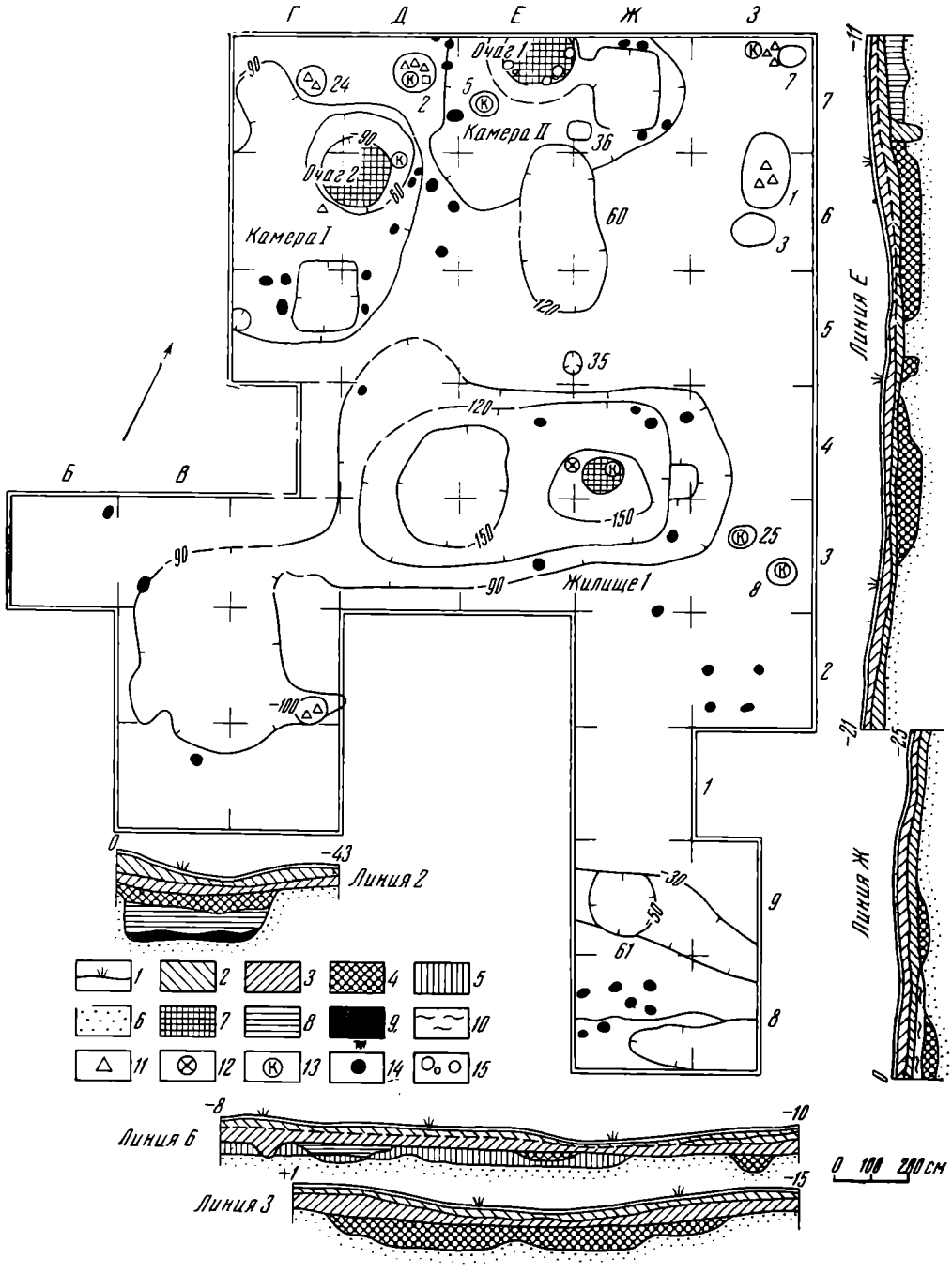


Рис. 2. Раскоп I: *1* — дерн, *2* — современная почва, *3* — светло-серая супесь, *4* — темно-серая супесь, *5* — черный грунт, *6* — песок, *7* — прокал, *8* — коричневый грунт, *9* — углистый слой, *10* — светло-коричневый грунт, *11* — керамика, *12* — угли, *13* — кости животных, *14* — столбовые ямки, *15* — камни

ние, дно которого фиксировалось всего на 5 *см* ниже пола. У северной стенки камеры находился напольный очаг. В верхней части очажного пятна и за его пределами обнаружено много камней, на полу камеры II и в заполнении ее котлована в большом количестве встречались кости животных, иногда обожженные, и фрагменты керамики. Из этой части раскопа происходят бронзовое шило и глиняная литейная форма, несомненно относящиеся к эпохе поздней бронзы.

В яме 2, расположенной между камерами, было найдено много костей животных, в том числе обожженных. В расположении столбовых ямок, связанных с описанными сооружениями, четкой закономерности проследить не удалось. Можно лишь отметить их явное тяготение к границам котлованов. Не исключено, что исследованные камеры являются остатками одной постройки, разрушенной в верхней части слоем раннего железного века.

Сооружения эпохи раннего железного века. Раскопом I вскрыты остатки двухкамерной полуземляночной постройки, углубленной в материк на 0,5—0,7 *м* (жилище 1). Расположенные под углом друг к другу прямоугольные камеры соединены узким коридором (рис. 2). Площадь южного помещения по полу около 9 $м^2$, северного — около 40 $м^2$. Стенки пологие, ровное дно южной камеры покрыто углистой прослойкой в 5—7 *см*.

В северной камере зафиксировано два углубления, в одном из которых прослежено слабое зольное пятно диаметром 0,9 *м*. Справа от него отмечен небольшой материковый «стол» прямоугольной формы. Из дополнительных деталей следует отметить выступы малого котлована в юго-восточном и юго-западном углах. В пределах постройки вдоль стен зафиксировано несколько ямок от столбов, крепивших, видимо, конструкцию стен и кровли.

В заполнении обеих камер встречались керамика, кости, но в южной их было гораздо больше. Во втором горизонте (20—40 *см*) в пределах северного котлована найден бронзовый наконечник стрелы, на глубине 0,7 *м* — бронзовый предмет непонятного назначения. Несколько пряслиц и кусок окислившегося железа также происходят из заполнения большого котлована.

За пределами постройки было зафиксировано несколько ям, в которых иногда попадались кости, единичные черепки.

Раскоп II был наложен на впадину 6 (рис. 1, *Б*). В результате были вскрыты остатки маленького полуземляночного помещения. Котлован, углубленный в материк на 0,4—0,6 *м*, отличался аморфностью очертаний и неровным рельефом стен и пола. Восточный угол, почти не углубленный в материк, был выше остальной части сооружения. Здесь была зафиксирована очажная яма диаметром 1,32 и глубиной 0,7 *м*, заполненная чередующимися слоями пестроцвета и прокала, в которых встречены угли и обожженные кости. Около очага отмечено скопление костей, рыбьей чешуи, кусок гранита.

Основная часть котлована — углубление неправильной формы. Северная стенка сохранилась плохо, восточная стенка ровная, в южной отмечен выступ, на месте которого, видимо, был выход. Помещение наиболее углублено в юго-восточной части, где оно примыкало непосредственно к валу. Стенка здесь более крутая и ровная. Слева от входа зафиксированы остатки испорченного березой очага, устроенного на выступе южной стенки. Вокруг прокала встречены обожженные кости, рыбья чешуя. На глубине 0,8 *м* найдена костяная панцирная пластинка. На дне котлована, к сожалению, находок не было. В заполнении встречалась керамика обоих периодов, поэтому вывод о хронологической принадлежности постройки не совсем однозначен. Но характер заполнения, аналогичного тому, что представлен в первом жилище, позволяет предполагать связь постройки с поздним периодом обитания.

К юго-востоку от жилища 6 вскрыта часть впадины 7. Прямоугольный котлован, углубленный в материк на 0,5 *м*, имел ровные стенки и дно. Заполнение — темно-серая супесь, насыщенная костями животных, керамикой раннего железного века. Здесь же найдено несколько пряслиц. Как и предыдущая, эта постройка одной стенкой примыкала к валу.

Оборонительные сооружения частично исследованы раскопом II (рис. 1, *Б*). Расплывшаяся в ширину до 3 *м* насыпь вала сложена серой

супесью. Максимальная мощность — 0,6 *м*. Находки, встречаемые в насыпи относительно равномерно, представлены костями и сильно фрагментированной, преимущественно ранней, керамикой.

Ров, зафиксированный на глубине 0,7 *м*, шириной 1,42 и глубиной 1,3 *м* имел резко суженный за счет внутренней стенки профиль. На глубине 0,9 *м* отмечена углистая прослойка толщиной 0,12 *м*. В верхней части обнаружена керамика обоих периодов, на глубине 0,9 *м* на склоне внешней стенки найдено овальное блюдо из плохо обожженной глины с двумя челюстями лошади. Под действием сырости оно размокло и при извлечении из земли разрушилось. На дне рва обнаружено несколько мелких фрагментов керамики раннего железного века. Заполнение рва аналогично заполнениям жилищ позднего периода.

При исследовании входа в городище, между концами оборонительных сооружений (раскоп II, рис. 2) зафиксированы две неглубокие канавы. В одной из них (яма 61) на глубине 0,42 *м* найдены бронзовая фигурка животного и втульчатый наконечник стрелы.

Между канавами отмечено большое скопление столбовых ямок. Видимо, городище с внутренней стороны было ограждено частоколом.

Полевые наблюдения и полученный в результате раскопок материал дают основания говорить о том, что площадь памятника Инберень IV заселялась неоднократно.

К раннему периоду относятся около 100 фрагментов керамики, культурная принадлежность которой определяется довольно четко — кротовская культура эпохи ранней бронзы, известная в Прииртышье по работам свердловских археологов и В. И. Молодина [3]. Кротовская керамика встречалась в небольшом количестве на площади всех раскопов, но никаких сооружений, связанных с ней, на поселении пока не обнаружено. Вполне возможно, что основная площадь кротовского поселка раскопами не затронута.

Второй раз заселение северо-западного побережья озера происходило в позднебронзовом веке. О характере поселения этого времени по имеющимся в нашем распоряжении немногочисленным фактам судить трудно. С известной долей достоверности можно предположить, что оно существовало по крайней мере в течение одного сезона. В пользу этого свидетельствует наличие остатков строений (камеры I, II) и довольно большое количество материала (керамики, костей, бронзы и др.), происходящего с площади обоих раскопов. И наконец, жилища 1, 2, 6, 7, оборонительные сооружения и связанные с ними находки относятся к поселению раннего железного века.

Коллекция остатков, бесспорно относящихся к эпохе бронзы, насчитывает около тысячи единиц. Наиболее представительная категория находок — керамика. Нами были учтены и включены в обработку 953 фрагмента, хронологическая принадлежность которых не вызывала сомнений. Из них по шейкам были выделены обломки около 130 сосудов. Этого количества, на наш взгляд (учитывая довольно однообразный облик комплекса в целом), вполне достаточно для общей характеристики посуды эпохи поздней бронзы.

Рассматриваемый комплекс подразделяется на две группы [4]. Отличительным признаком керамики группы А (42 сосуда) является ее «нарядность» — это тщательно изготовленные сосуды преимущественно небольших размеров, украшенные сложными геометрическими узорами,

[3] *Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М., Стефанов В. И., Трофименко В. С.* Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья.— В сб.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970; *Молодин В. И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1974.

[4] Керамика обрабатывалась по сокращенной программе В. Ф. Генинга (см. *Генинг В. Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок.— СА, 1973, № 1).

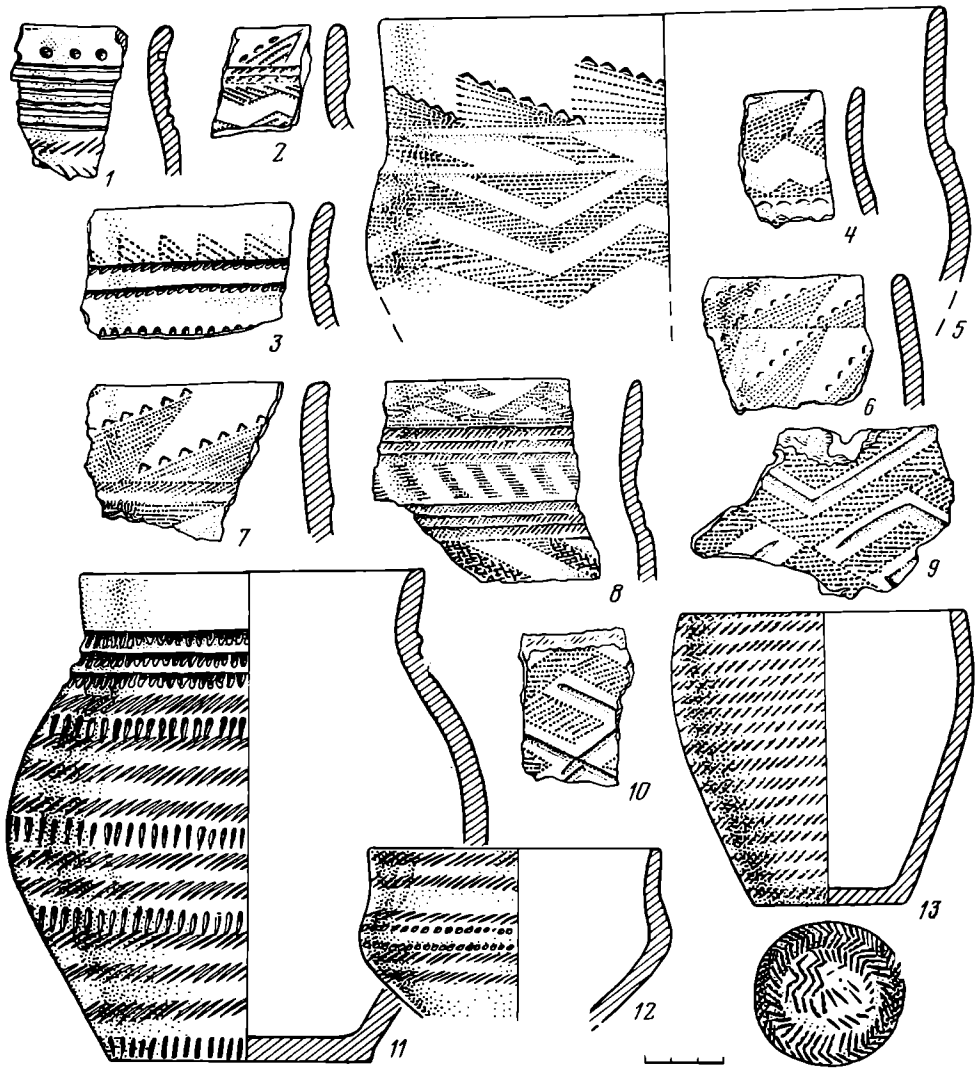


Рис. 3. Керамика эпохи бронзы

нанесенными мелкой гребенкой. Группа А включает плоскодонные сосуды горшечной (свыше 90%; рис. 3, *2, 5, 7, 8*) и баночной (свыше 5%; рис. 3, *6, 13*) формы. Посуда сделана из хорошо промешанной глины с примесью шамота, поверхность сосудов тщательно заглажена, иногда залощена. Шейки сосудов горшечной формы прямые (рис. 3, *2, 5, 8*), либо слегка отогнуты наружу (рис. 3, *3*); можно заметить, что они различаются и по высоте. Однако выявить существенность этого признака не представляется возможным из-за фрагментарности керамики. Венчики сосудов группы А чаще всего округлые (70%), реже уплощенные (около 20%) или несколько приостренные (10%). Вся посуда этой группы орнаментирована, причем узоры покрывают, как правило, верхние три четверти поверхности сосудов. В орнаментации доминирует гребенчатая техника (свыше 75%), довольно часты неглубокие вдавления углом палочки (около 9%). Для сосудов группы А характерны расположенные под шейкой желобки, заполненные оттисками косо поставленного мелкозубчатого штампа или насечками (рис. 3, *2, 3, 7, 8*). Переходная зона от шейки к плечику, часто поглощенная, в ряде случаев украшалась формованными валиками (рис. 3, *5*). Меандры на стенках некоторых горшков иногда окаймлялись желобками (рис. 3, *9, 10*). Посуду характеризуют узоры, состоящие из треугольников («косых», равнобедренных.

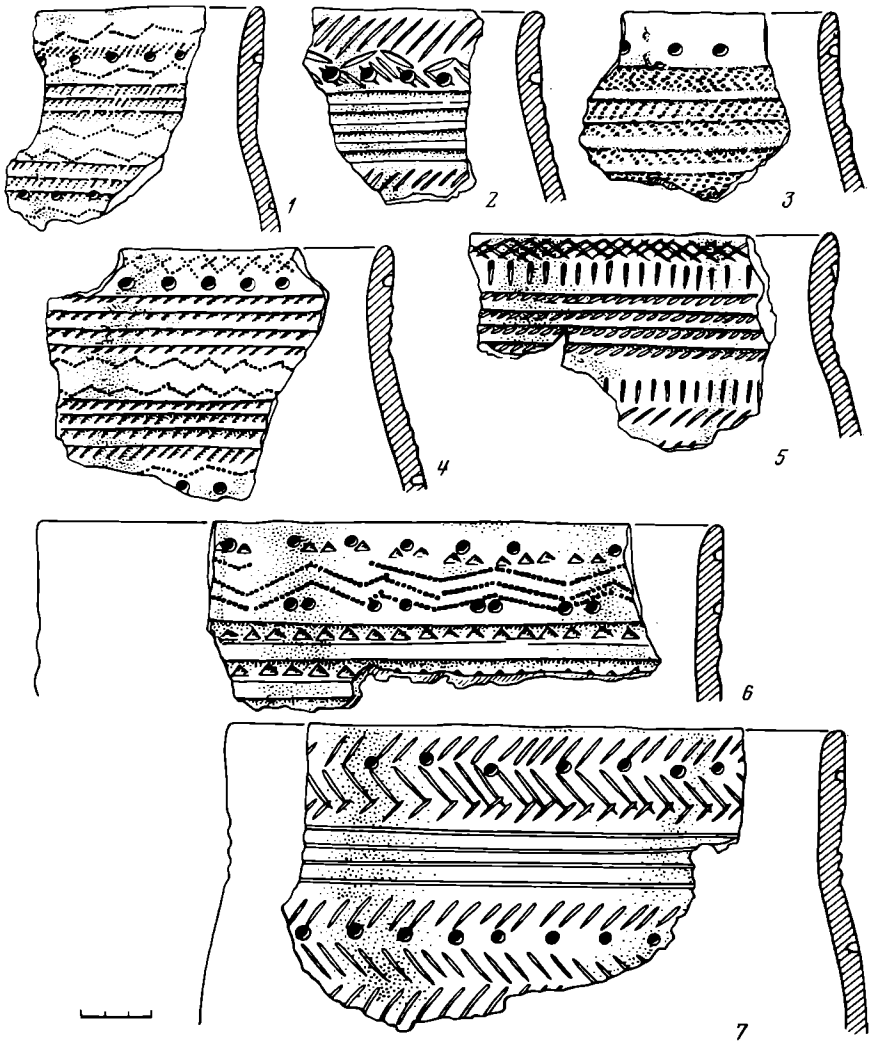


Рис. 4. Керамика эпохи бронзы

прямоугольных, вершиной вверх или вниз, с бахромой и без нее — свыше 24%) на шейке, горизонтальных линий (свыше 10%), поясков неглубоких вдавлений (уголковых, овальных — около 13%) на плечиках; на тулове довольно часто встречаются «ленточные» зигзаги и меандровые узоры (рис. 3, *5, 9, 10*). Несколько особняком в этой группе стоит небольшой баночный сосуд, вся поверхность которого (включая и дно) украшена поясками наклонных оттисков мелкой гребенки (рис. 3, *13*).

Группа Б (около 90 сосудов) — основная в инберенском комплексе — представлена сосудами более крупных размеров горшечной (рис. 3, *11*; 4, *1, 4—7*) или горшечно-баночной (рис. 4, *2, 3*) формы. Фрагментарность коллекции не позволяет установить их количественное соотношение, но, судя по имеющимся крупным обломкам, сосуды горшечной формы значительно преобладают. Среди горшков группы Б выделяется один сосуд с узкой горловиной, раздутым туловом и сравнительно широким дном (рис. 3, *11*). Посуда изготовлена из глины с примесью шамота, обработка поверхности в целом более небрежная, хотя и в данной группе имеются экземпляры, сделанные и украшенные с той тщательностью, которая характерна для первой группы. Шейки сосудов либо слегка отогнуты наружу (рис. 4, *1, 4*), либо прямые (рис. 4, *6, 7*); венчики чаще всего округлые (свыше 70%), реже — несколько уплощенные (свыше 20%) или приостренные (около 5%). Посуда группы Б орнамен-

тирована, узоры покрывают, по-видимому, всю поверхность сосудов. Преобладают резная техника (свыше 37%)[5] и ямочная (около 22%), использовались прочерчивание (около 10%) и гребенчатый штамп (свыше 18%). Удельный вес желобков с насечками или оттисками гребенки (около 4%) и валиков (1,5%) менее высок, чем на посуде первой группы. Как правило, они располагаются в переходной зоне от шейки к тулову. Сосуды украшались в основном узорами из поясков прямых или косо поставленных оттисков гладкого или зубчатого штампов (около 24%), часто образующих «елочку» (свыше 9%), рядов ямок (около 20%; в том числе и на тулове) или неглубоких вдавлений различной формы (свыше 10%), много горизонтальных прочерченных линий (свыше 9%). Для данной группы совершенно не характерен геометризм в орнаменте. В сравнении с керамикой группы А орнамент сосудов основной группы выглядит довольно простым и однообразным. Помимо описанных групп керамики в комплексе имеется несколько сосудов, занимающих как бы промежуточное положение (рис. 3, *1, 12*. У последнего не совсем обычная форма — стенки круто спускаются ко дну). По орнаменту и технике его нанесения они сходны с керамикой группы Б, а по другим признакам тяготеют к первой группе.

Рассматриваемый комплекс, несмотря на такое существенное различие составляющих его групп, следует признать единым. Ни стратиграфически, ни планиграфически он не расчленяется.

Прочий вещевой инвентарь, относящийся к эпохе поздней бронзы, не отличается богатством и разнообразием. В расположенной между камерами яме 2 найдены два изделия из кости: заготовка наконечника стрелы и орудие типа проколки или провертки, сделанное из трубчатой кости, с сильно заполированным рабочим острием (рис. 5, *5, 6*). Не исключено, что к интересующему нас периоду относятся две заготовки из рога лося (рис. 5, *4, 7*) и несколько отщепов из серого кремня, найденные в верхних слоях. Из заполнения камер I и II происходит несколько предметов, свидетельствующих о бронзолитейном производстве на поселении Инберень IV. Это бронзовое четырехгранное в сечении шило длиной 8,3 *см* (рис. 5, *3*), выпукло-вогнутая бляшка со штырьком (рис. 5, *2*) и форма для односторонней отливки, по-видимому, какого-то украшения (рис. 5, *1*). Последняя находка особенно интересна. Формочка сделана из глины и представляет собой прямоугольный брусочек размером 5×2,9×1,4 *см*. Если наша реконструкция отливавшихся в ней изделий верна (рис. 5, *1а*), то данное украшение, прямых аналогий которому мы не знаем, более всего похоже на лапчатые привески, встречающиеся в памятниках карасукского времени Центральной Азии[6]. Так же как у некоторых монгольских находок, у инберенской привески три свисающие «лапки» с волнистым краем соединены перегородками, образуя четыре овальных отверстия. Отверстия в головке могло и не быть, поскольку известны экземпляры с петелькой изнутри для подвешивания. Основное отличие нашей находки от южносибирских, забайкальских и центральноазиатских лапчатых привесок заключается в отстутствии отростков внизу. Любопытно и то, что выпукло-вогнутая бляшка со штырьком с Инберени IV вполне сопоставима с карасукскими гвоздевидными предметами (заклепками, серьгами).

Анализ инберенских материалов, и прежде всего керамики, позволяет высказать следующие соображения.

Присутствие в комплексе Инберени IV посуды андроновского облика дает основание отнести данный памятник к черноозерскому варианту

---

[5] Термин «резная техника» употребляется нами применительно к собственно нарезкам и оттискам гладкого штампа, которые встречаются гораздо чаще.

[6] *Новгородова Э. А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970, с. 145, рис. 45.

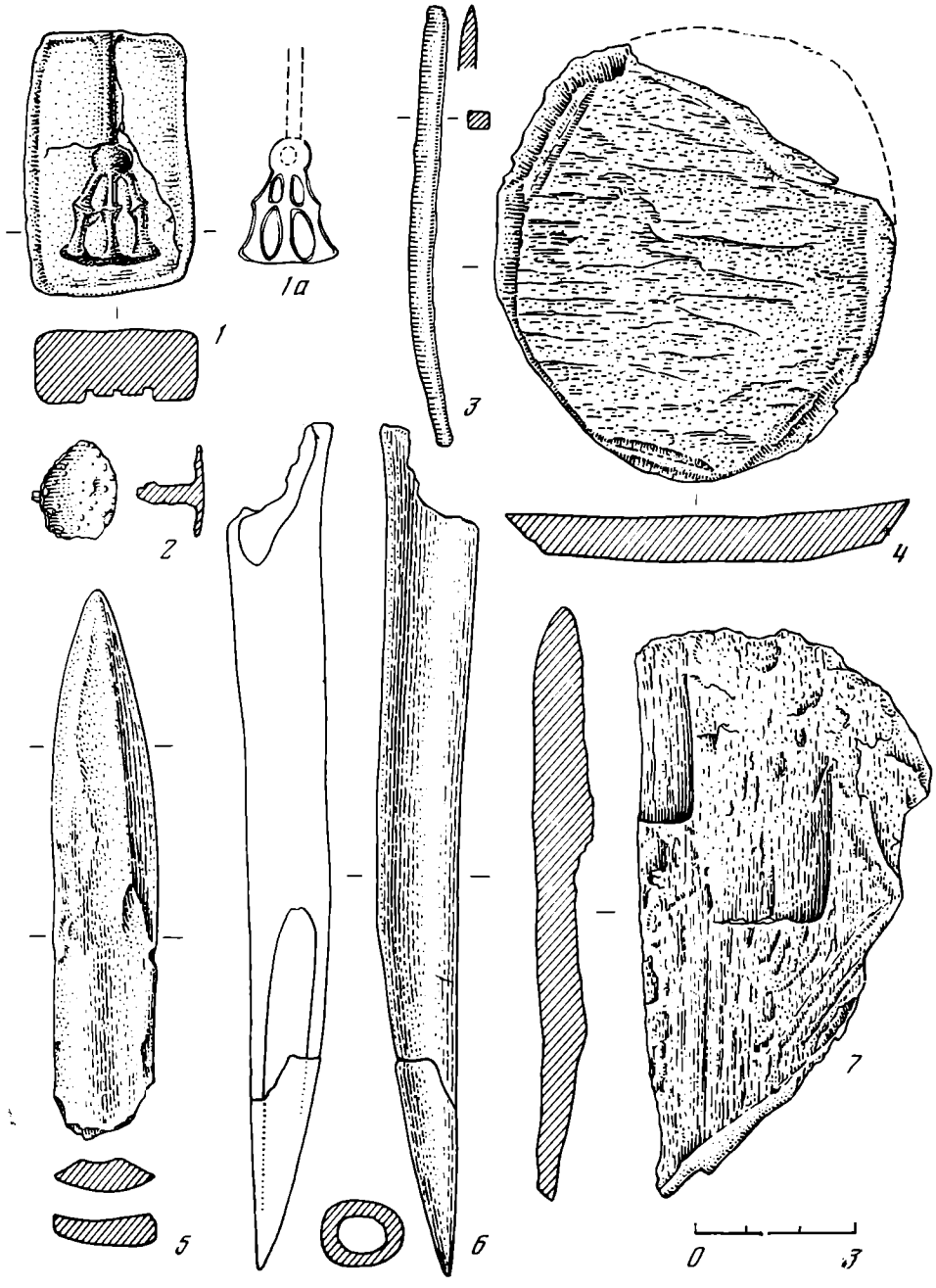


Рис. 5. Вещевой материал эпохи бронзы: *1* — глина; *2*, *3* — бронза; *4—7* — кость

андроновской общности, выделенному в лесостепном Прииртышье по материалам некоторых черноозерских памятников (черноозерское I городище, 1 поселение, могильники Черноозерье I и II), Омской стоянки[7] и др. Если определение культурной принадлежности поселения Инберень IV не вызывает особых затруднений, то с его датировкой дело обстоит несколько сложнее. В настоящее время мы не можем говорить об абсолютной дате инберенских остатков, так как среди них отсутствуют

[7] *Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М. и др.* Ук. соч.; *Викторов В. П., Борзунов В. А.* Городище эпохи бронзы у с. Черноозерье на Иртыше.— ИИС, вып. 15, 1974; *Генинг В. Ф., Ещенко Н. К.* Могильник эпохи поздней бронзы Черноозерье 1.— ИИС, вып. 5, 1973.

надежные датирующие вещи. По-видимому, есть смысл ограничиться выяснением относительной хронологии Инберени IV среди уже известных памятников черноозерского типа. В этой связи уместно вновь обратиться к наиболее массовому и объективному источнику — керамике. Черноозерская керамика в общих чертах специалистам известна[8]. Сравнивая посуду черноозерских поселений с керамикой Инберени IV, нетрудно заметить, что последняя имеет более поздний облик. В пользу такого вывода свидетельствуют многие факты: преимущественно горшечная форма инберенских сосудов, возрастание доли резной техники орнаментации и снижение удельного веса гребенчатой, широкое употребление ямок, присутствие «ленточных» узоров, желобков (каннелюр) с насечками, обрамление геометрических фигур «бахромой», отсутствие классических федоровских сосудов, шагающей гребенки и др. В лесостепном Прииртышье эти черты являются поздними и не характерны для ранней, собственно черноозерской посуды. То, что найденные на Инберени литейная форма привески (?) и бронзовая бляшка со штырьком как будто имеют аналогии в памятниках карасукской культуры, также косвенно свидетельствует в пользу поздней даты инберенских материалов. Карасукские аналогии в данном случае корректны потому, что, начиная с конца II тысячелетия до н. э., Среднее Прииртышье втягивается в сферу влияния карасукских культурных традиций, и с этого времени восточная и юго-восточная ориентация культурных связей становится преобладающей.

Вместе с тем в керамике Инберени IV сколько-нибудь заметных карасукских элементов или традиций не обнаружено.

Таким образом, мы имеем вполне достаточные основания сделать предположение о позднем возрасте поселения Инберень IV среди других памятников черноозерского варианта андроновской общности.

К сожалению, дальнейший анализ и характеристика инберенских материалов в рамках данной публикации едва ли возможны. Дело в том, что материалы некоторых андроновских памятников не опубликованы (Черноозерское I городище, могильник Черноозерье II), а имеющиеся публикации (Черноозерское 1 поселение, могильник Черноозерье I, Омская стоянка) недостаточно полны. А без привлечения материалов черноозерских памятников дальнейшее рассмотрение инберенских остатков будет неполноценным[9].

Принимая во внимание вышеизложенное, мы считаем, что андроновские памятники лесостепного Прииртышья, представляющие несомненный интерес во многих отношениях, требуют специального исследования, в котором анализ материалов поселения Инберень IV займет должное место.

Коллекция керамики раннего железного века содержит шейки от 170 сосудов, 56 орнаментированных стенок и около 500 неорнаментированных стенок. Черепки серого цвета различной интенсивности, плотной структуры с обязательной примесью песка и шамота в глине. Несколько фрагментов отличались незначительной примесью талька.

Обработка чаще небрежная, штриховая, как с внутренней, так и с внешней стороны. Сосуды в массе круглодонные, как исключение встречены две маленькие чашечки с уплощенными донышками да фрагмент плоского блюда с резным зигзагом на вертикальном бортике (рис. 6, 7).

Основные характеристики описываемого комплекса содержатся в таблице. По форме верхних частей сосудов вся коллекция разделена на две группы: А — сосуды с шейкой (70,1%), Б — сосуды без шейки (27%). Около 3% приходится на сосуды неопределенной формы. Среди

---

[8] *Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М. и др.* Ук. соч., с. 33—36.

[9] Простой пример. Мы считаем, что поселение Инберень IV синхронно могильнику Черноозерье II. Более того, возможно, что этот могильник оставлен инберенским населением. Но отсутствие публикации материалов Черноозерского II могильника делает это предположение голословным.

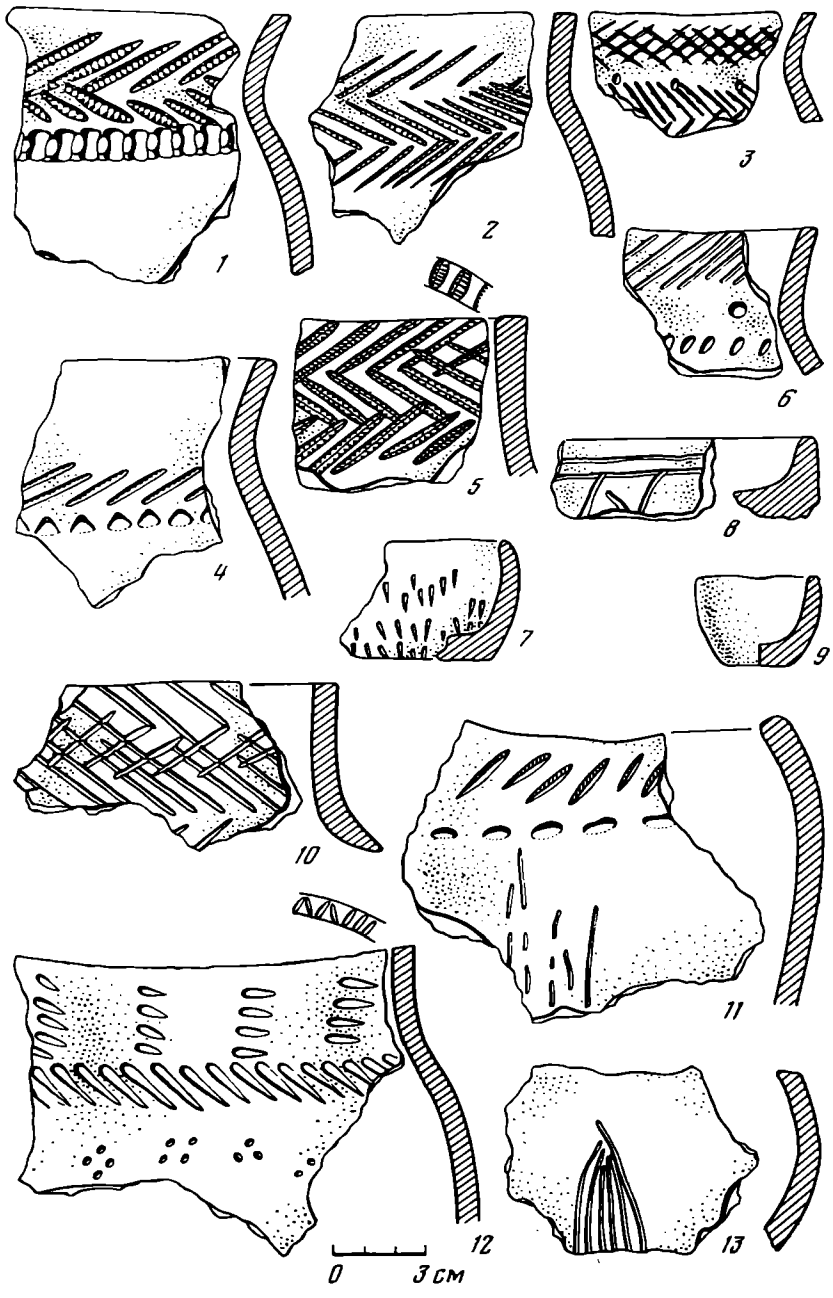


Рис. 6. Керамика эпохи раннего железного века

горшков различаются, в известной мере условно, сосуды с вертикальной прямой шейкой, с отогнутой шейкой и сосуды с шейкой, наклоненной внутрь. Коллекция отличается значительной фрагментарностью, поэтому замеры параметров выполнены лишь на 51 сосуде. Сосуды в массе большие: средний диаметр горла 24 *см* при значительном квадратичном отклонении, средняя высота шейки около 3 *см*.

Для коллекции характерно равномерное количественное соотношение сосудов с вертикальной и отогнутой шейками (34 и 35%). Сосуды с наклонной внутрь шейкой составляют около 1%.

Помимо этого, сосуды различаются профилем венчика, который выполнен в нескольких разновидностях: отогнут наружу, прямой, отогнут внутрь, плоский, округлый. В целом в коллекции преобладают фрагменты с плоским срезом венчика (68%). Прямые венчики характерны для

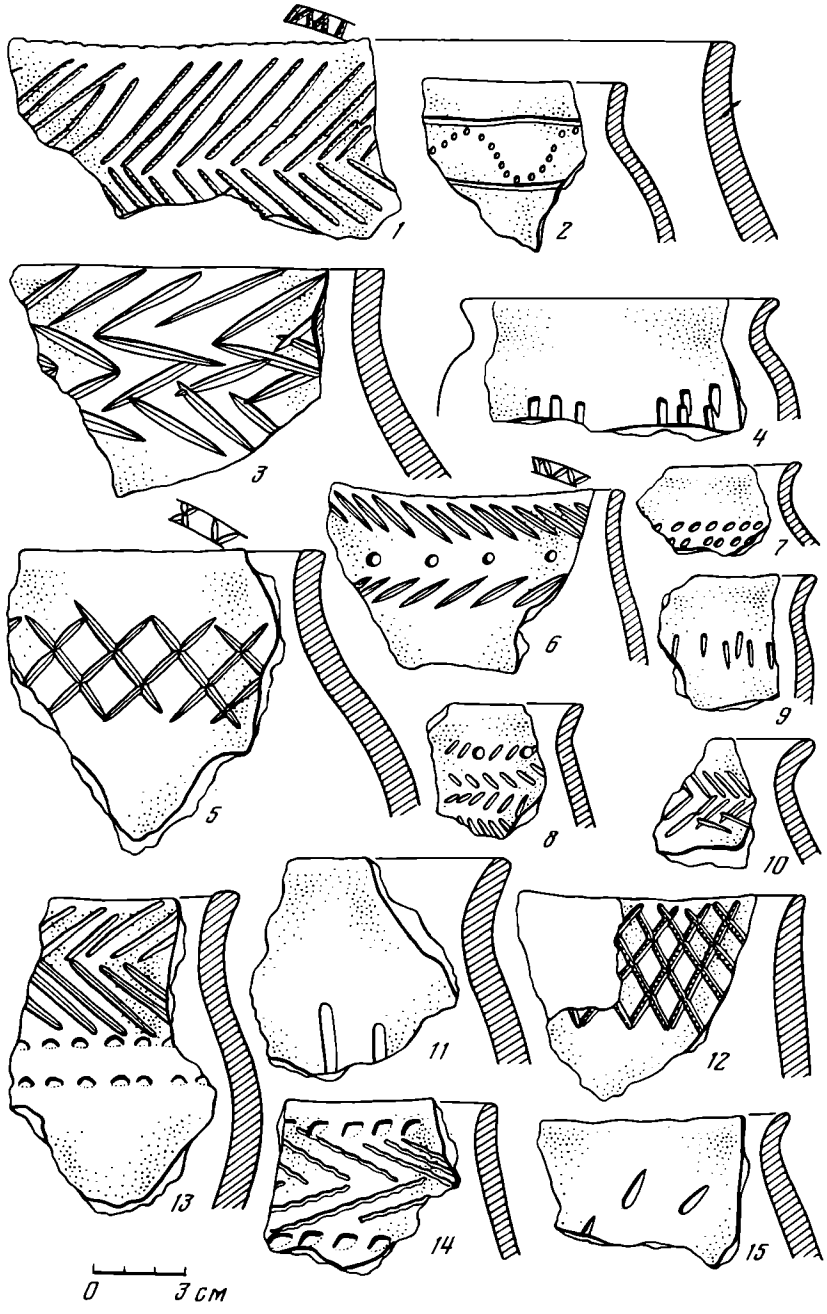


Рис. 7. Керамика эпохи раннего железного века

сосудов с вертикальной шейкой, отогнутые — для сосудов с отогнутой шейкой, в группе Б много фрагментов с отогнутыми внутрь венчиками (см. таблицу).

Степень орнаментированности описываемой керамики — 0,80, но украшалась только верхняя часть сосуда, поэтому так много неорнаментированных черепков. Несколько фрагментов от природных частей имеют редкие небрежные наколы. Чаще украшались шейка, плечико, затем венчик, иногда узор располагался на переходе шейки в плечо. Совместная орнаментация шейки и плечика отмечена лишь на шести фрагментах, и еще шесть фрагментов имеют узоры на венчике, шейке и верхней части тулова.

Орнаменты выполнены приемами резной, накольчатой, ямочной техники и техники гребенчатого штампа. Среди них явное превосходство

Суммарная характеристика керамики (р. ж. в.) (шейки)

Показатели			Группа А						Группа Б		Общие показатели	
			10 вертикальная шейка		9 отогнутая шейка		11 наклонная внутрь шейка		без шейки			
			к-во	знач.	к-во	знач.	к-во	знач.	к-во	знач.		
Параметры	a_1	ср. знач.	17	20,8	20	20	3	29	11	26,4	51	24
		σ	17	8,2	20	6,2	3	6,5	11	13,6	51	7
	h_1	ср. знач.	17	2,7	20	2,55	3	2,8			40	2,6
		σ	17	0,66	20	0,85	3	1,2			40	3,6
	h_1		17	0,15	20	0,13	3	0,10			40	0,11
	толщина стенок	шейки	59	0,87	61	0,75	12	0,72	47	0,79	169	0,78
Детали формы	форма венчика	округлый край	11	0,18	25	0,41	1	0,50	17	0,36	54	0,32
		плоский край	48	0,81	36	0,59	1	0,50	30	0,64	115	0,68
		отогнут			55	0,90			20	0,42	75	0,45
		прямой	59	1	6	0,10	2	1	16	0,31	83	0,49
		внутрь							11	0,23	11	0,04
Примеси		шамот	58	0,99	58	0,95	2	1	47	1	166	0,98
		песок										
		тальк	1	0,01	3	0,05					4	0,02

Окончание

Показатели			Группа А						Группа Б		Общие показатели	
			10 вертикальная шейка		9 отогнутая шейка		11 наклонная внутрь шейка		без шейки			
			к-во	знач.	к-во	знач.	к-во	знач.	к-во	знач.	к-во	знач.
Орнамент	технические приемы	резной – I	39	0,66	35	0,69	1	1	25	0,77	100	0,74
		накольч.– II	1	0,017	4	0,079			1	0,031	6	0,044
		ямочн.– III	1 (ж)	0,017					1 (ж)	0,031	2	0,014
		гребенч.– IV	4	0,067	3	0,059			1	0,031	8	0,06
		I, II	4	0,051	4	0,079			1	0,031	9	0,067
		I, III	3	0,051	5	0,097			3	0,092	11	0,081
		I, II, III	1	0,017							1	0,007
	степень орнаментированности – 0,80	венчик	25	0,41	19	0,37	1	1	7	0,22	52	0,38
		шейка	26	0,50	31	0,60					57	0,42
		плечо	13	0,25	16	0,31			29	0.70	58	0,425
		шейка	8	0,15	4	0,078	1	1			13	0,095
		плечо										
		абсол. орнам.	52	0,32	51	0,34	1	1	32	0,46	136	0,38
		насыщенность		1,2		1,3		2		1,2		1,2
Всего			59	0,34	61	0,35	2	0,011	47	0,27	170	1

принадлежит резным орнаментам. Накол концом палочки встречается нечасто (4%; рис. 6, 7), ямки как самостоятельный узор редки (рис. 7, 7). Гораздо больше наблюдается совмещение ямочных и резных узоров (8,1%; рис. 6, *4, 11*; рис. 7, *6, 13, 14*). Узоры, выполненные оттисками гребенчатого штампа, составляют около 6%. Стоит заметить, что этот штамп имеет некоторые особенности: ячейки очень нечеткие, неровные и неглубокие, что создает впечатление незаконченности. Он явно отличается от «классической» гребенки, тяготея к гладкому, резному штампу (рис. 6, *1, 5*). Совсем не наблюдается совмещение ямки и накола, всего один фрагмент с узорами, выполненными в трех видах техники.

Абсолютная орнаментированность коллекции [10] — 0,38. Орнаменты ленточного типа, узоры несложные, композиции просты. Чаще всего встречаются косые насечки (20,5%), горизонтальная елочка (28,2%), многорядовая елочка (13,6%). Такие элементы, как ряды треугольных наколов, наколы или ямки, сгруппированные по три-четыре, немногочисленны. Иногда они дополняют резные узоры, сглаживая их строгость и однообразие. Треугольные фестоны обнаружены на пяти фрагментах стенок. Как правило, они без бахромы. Единичны фрагменты с узорами в виде ногтевых отпечатков и защипов. В построении узоров преобладают простейшие виды симметрии (рис. 6, 7). Насыщенность узора элементами для всей коллекции небольшая — 1,2.

Таковы основные черты позднего керамического комплекса городища. Подобная керамика хорошо известна по поселениям саргатской культуры [11].

Вещевой материал, полученный из слоя раннего железного века, небогат, но достаточно представителен, чтобы оценить хронологическую принадлежность памятника.

Из орудий труда найдено 13 глиняных пряслиц цилиндрической или биконической формы. Они либо лепные, либо сделаны из стенок сосудов (рис. 8; 9, *7, 12*). Некоторые имеют бракованный, незавершенный вид (рис. 8, 7). Пряслица в целом аналогичны тем, что нередко содержатся в женских погребениях степных и лесостепных культур. В данном случае они почти идентичны пряслицам из саргатских погребений. Большинство из них украшены резным, ямочным и накольчатым орнаментом, мотивы которого можно легко отыскать на посуде.

Костяная панцирная пластинка из заполнения жилища 6 (рис. 9, *8*) указывает на IV—III в. до н. э.— время, которым датируются предметы такого рода на памятниках Западной Сибири [12].

Бронзовый втульчатый наконечник стрелы из жилища 2 (рис. 9, *3*) длиной 2,5 *см* сопоставляется с 13-м типом трехгранных стрел по классификации К. Ф. Смирнова. Время их бытования — V—III вв. до н. э.[13] Другой наконечник, найденный в яме 61 (рис. 9, *2*), аналогичен наконечникам 12-го типа трехлопастных стрел, которые встречаются в памятниках V—III вв. до н. э.[14]

Интересна находка бронзовой плоско-рельефной бляхи в виде стоящего животного (кошка, пантера? — рис. 9, *1*). Точно такая же фигурка

---

[10] Показатели степени орнаментированности и абсолютной орнаментированности даются в соответствии с программой статистической обработки керамики В. Ф. Генинга (см. *Генинг В. Ф.* Ук. соч.).

[11] *Стоянов В. Е.* Узловское поселение.— ВАУ, вып. 8, 1969; *Могильников В. А.* К вопросу о саргатской культуре.— В сб.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972; *его же.* Раскопки в 1967 г. в Кокоповке.— МИА, № 153, 1972.

[12] Сводку аналогий и датировку панцирных пластин в Западной Сибири см. *Корякова Л. Н.* Могильник саргатской культуры у с. Красноярка.— СА, 1979, № 2.

[13] *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья.— САИ, вып. Д1-9. М., 1963, табл. 13, *323*; *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ, вып. Д1-10. М., 1963, табл. 16.

[14] *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Ук. соч., табл. 13; *Мошкова М. Г.* Ук. соч., табл. 16.

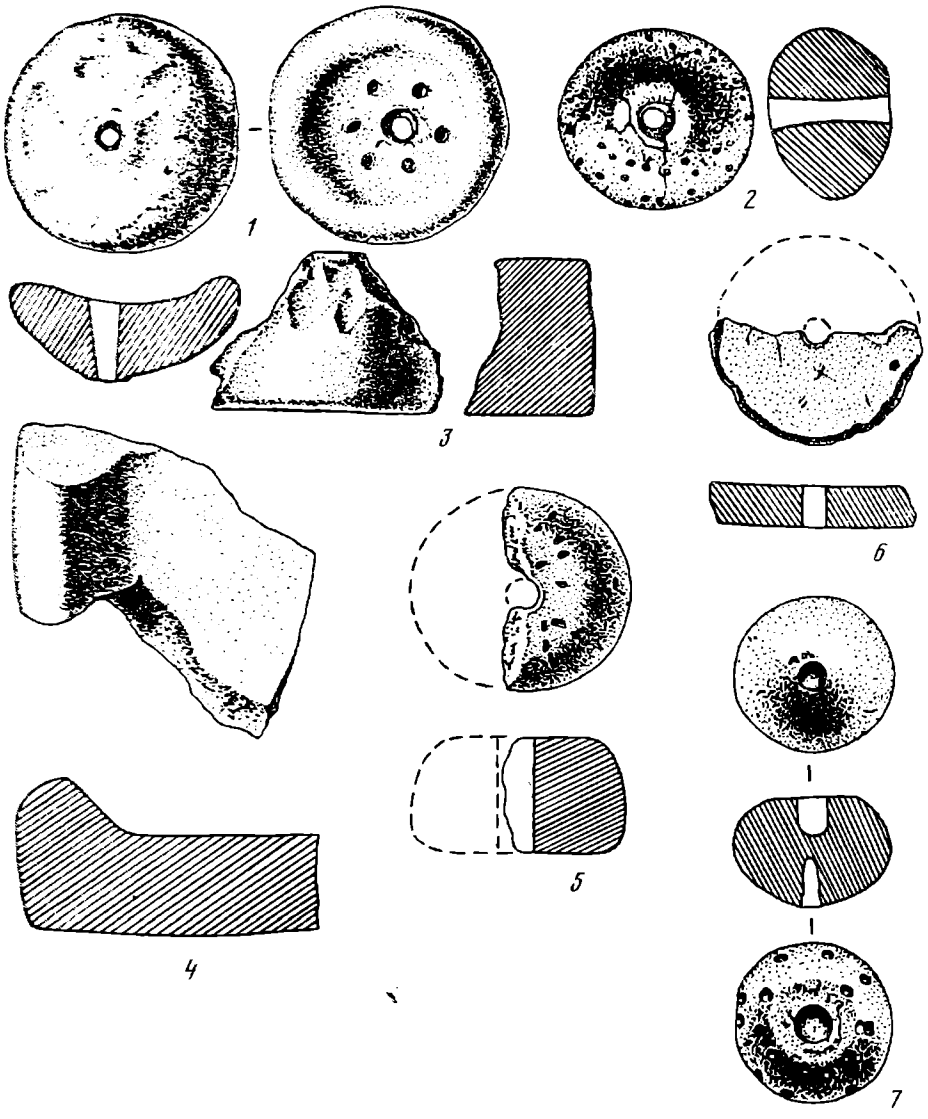


Рис. 8. Вещевой материал раннего железного века: *4* — камень, *1—3* и *5—7* — глина

опубликована Е. М. Берс, как происходящая с Верхнемакушинского селища, датируемого ею VII—IV вв. до н. э.[15] В Шмаковских курганах IV—III вв. до н. э. обнаружены бляшки, имеющие очень большое сходство с предыдущими [16].

Указанные аналогии свидетельствуют о IV в. до н. э. как наиболее вероятном времени распространения этих бляшек. Такая трактовка животного, его статичная поза с повернутой анфас головой, отсутствие стилизации не характерны ни для тагарского звериного стиля, ни для савроматского, ни для сакского. Судя по удивительной стандартности изображения, бляшки изготовлялись в одном центре. Этим центром мог быть

[15] *Берс Е. М.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963, рис. 19, *16*.

[16] *Генинг В. Ф.* Уральская археологическая экспедиция в 1961 г.— Архив ИА, р-1, № 2362; *его же.* Уральская археологическая экспедиция в 1962 г.— Архив ИА, р-1, № 2480.

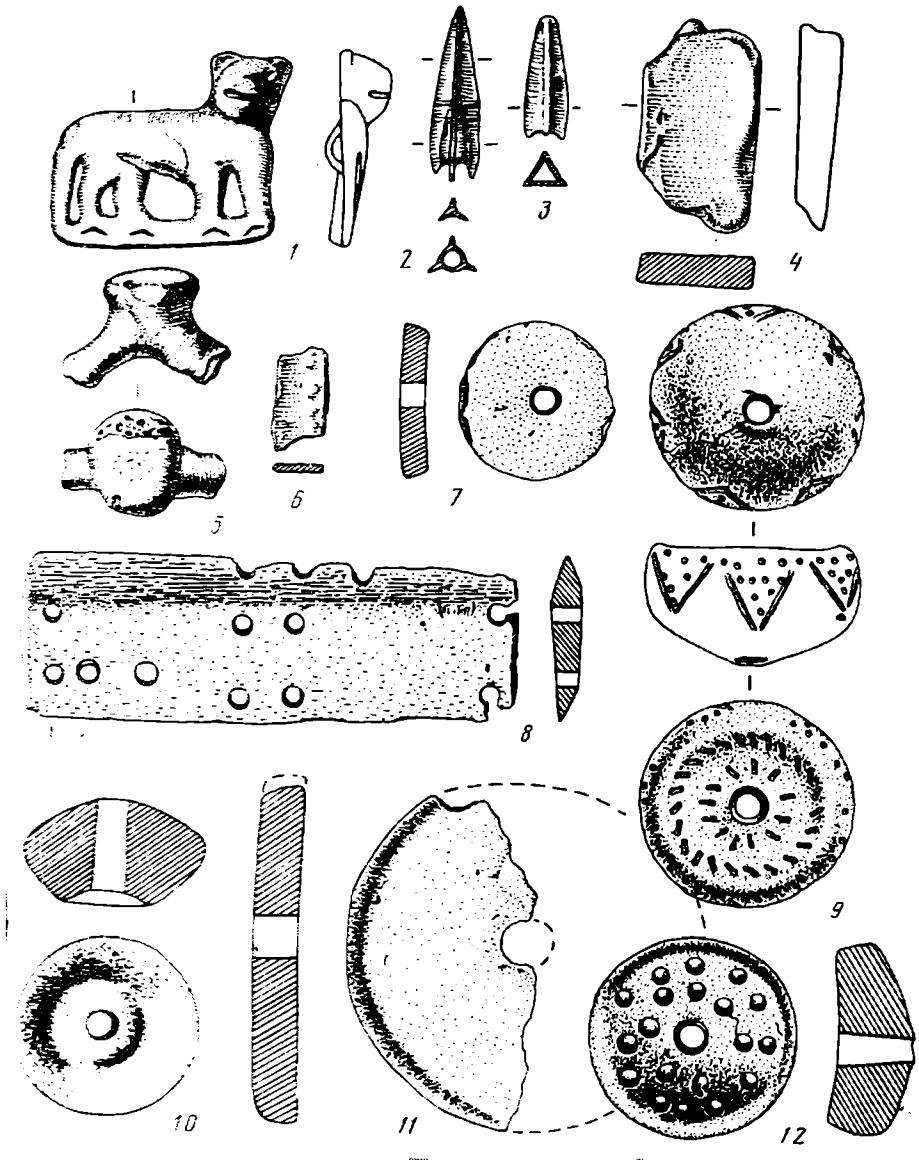


Рис. 9. Вещевой материал раннего железного века: *1—6* — бронза, *8* — кость, *7* и *9—12* — глина

Урал с его довольно развитым металлургическим производством, следы которого обнаружены на многих памятниках иткульской культуры (раскопки Г. В. Бельтиковой).

Прочие металлические предметы с городища отличаются неопределенностью формы и назначения (рис. 9, *4—6*).

Из других находок стоит отметить обломок каменного «жертвенника» с плоским дном и вертикальным бортиком (рис. 8, *4*) и глиняное блюдо, найденное во рву, но, к сожалению, разрушившееся. Встречен также фрагмент глиняного блюда с резным орнаментом по бортику (рис. 6, *8*).

Плоскодонные неглубокие блюда из глины с резным орнаментом неоднократно встречались в погребениях саргатской культуры (Мыс, Калачевка, Стрижево, Узлово) [17].

[17] *Дмитриев П. Д.* Мысовские стоянки и курганы.— ТСА РАНИОН, вып. IV, 1929, с. 183, рис. 3; *Могильников В. А.* Калачевка — памятник позднего этапа саргат-

Таким образом, слой и сооружения позднего периода памятника могут быть датированы временем не позже III в. до н. э., а скорее всего IV в. до н. э.

Страгиграфические наблюдения позволяют с известной долей уверенности относить укрепления городища к этому времени, а описанный выше керамический комплекс свидетельствует о принадлежности его к ареалу саргатских древностей. Особенно близок он к комплексу керамики Кококовского поселения [18].

В отличие от могильников саргатские поселения изучены в меньшей степени, хотя по разведочным данным их известно много. Но, как правило, поселения, содержащие саргатскую керамику, многослойны, будучи связанными местоположением с поселениями эпохи бронзы.

В подавляющем большинстве они приурочены к довольно высоким мысам, останцам коренных террас, дюнам. Низкорасположенные поселения встречаются, но отнюдь не характерны. В их число и входит городище Инберень IV, выделяющееся также и своим устройством.

По классификации В. Е. Стоянова, обобщившего материалы зауральских поселений, городище Инберень IV относится к отделу III, куда включены комплексные памятники, состоящие из укрепленной части и селища [19].

Это одноплощадочное овальной формы городище, ограниченное замкнутой круговой линией обороны. Такие городища характерны главным образом для Притоболья [20]. В бассейне Иртыша больше известны мысовые городища с поперечной и довольно крепкой системой оборонительных сооружений, чего нельзя сказать об укреплении городища Инберень IV.

Остатки вскрытых на городище построек характеризуют их как обособленные полуземлянки прямоугольного или близкого к нему плана. Опираясь на полевые наблюдения, можно предположить, что внутренняя часть вала и вход в городище были укреплены частоколом, к которому, вероятно, примыкали расположенные по его линии небольшие постройки.

Следы очагов, многочисленные остатки хозяйственной деятельности, обнаруженные в жилище 6, свидетельствуют о жилом характере построек.

Жилище 1—2 отличается от других планировкой и, видимо, деталями устройства. Оно состояло из двух соединенных проходом и разных по размерам камер, назначение которых не совсем понятно. Южная маленькая камера, где находился вход, играла какую-то особую роль. Следы очага в ней не обнаружены, зато много угля на полу. В северном большом помещении обнаружен очаг, но почти нет продуктов горения и прокал очень слабый. Кроме того, заполнение этой камеры отличается небольшой насыщенностью хозяйственными остатками. От деревянного остова жилища остались лишь столбовые ямки вдоль стен, по которым трудно сказать что-либо определенное о его конструкции.

В целом описанные жилища достаточно хорошо включаются в круг уже известных по другим памятниками построек. Судя по небольшим размерам, компактности устройства, городище принадлежало отдельному родовому коллективу.

ской культуры.— В сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 345, рис. 3; *Стоянов В. Е.* Ук. соч., табл. 36, *3*.

[18] *Могильников В. А.* Раскопки..., рис. 10.

[19] *Стоянов В. Е.* Зауральские лесостепные поселения.— КСИА АН СССР, № 119, 1969, с. 55.

[20] На Ишиме известно одно подобное городище — Лихачевское (раскопки В. Ф. Генинга), на Иртыше — городище Кушайлы (исследования В. А. Могильникова).

L. N. Koryakova, V. I. Stefanov

THE FORTIFIED SETTLEMENT INBEREN IV ON THE IRTYSH RIVER

Summary

The authors publish materials from the site which is very important for the understanding of the Bronze and Early Iron Ages in Western Siberia. This settlement is situated near the village of Inberen (Bolsherechye District, Omsk Region) on the low terrace of the left bank of the Irtysh River (Fig. 2-A). The site has several cultural layers. Remains of two small chambers, large amount of pottery and artifacts (Figs. 1-5) date to the Bronze Age. This layer can be related to the Chernoozerye variant of the Andronovo cultural unity. Two excavated dwellings (with one and two chambers), defensive constructions (a moat and a rampart) represent the remains of a fortified settlement of the Sargatka culture. On the basis of the analogies the artifacts can be dated to the 4th-3rd centuries B. C.

И. В. БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ

КЕРАМИКА НЕКОТОРЫХ ПОСЕЛЕНИЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ВЕРХНЕЙ УПЕ

Поселения раннего железного века в районе верхнего течения р. Упы на территории Тульской обл. изучены мало. Тем не менее при обследовании селищ собран значительный керамический материал. Таковы поселения у сел. Супруты, Никольское, дер. Орлово Щекинского р-на. Самая большая коллекция керамики происходит из шурфа площадью 24 *м*^{2}, заложенного в 1970—1971 гг. на южном склоне мыса правого высокого берега р. Упы, на площадке которого и расположено селище. Мощность культурного слоя в шурфе достигала 2 *м*. Керамический материал представлен 11 797 фрагментами горшков. Целых форм почти нет.

Вся посуда вылеплена от руки из глины с включением крупных зерен известняка, часто выходящих на поверхность сосудов. Керамика тонкостенная, толщина стенок 3—6, днищ — 7—10 *мм*. Сосуды лепились ленточной техникой, о чем свидетельствуют многочисленные характерные сколы по ленте. По типу обработки поверхности супрутская керамика делится на грубую и лощеную. Грубая посуда составляет подавляющее большинство находок на селище, около 99%. Грубая керамика в свою очередь подразделяется на гладкостенную и сетчатую.

Гладкостенная посуда составляет 92% от общего количества грубой керамики. Обжиг ее двух- и трехслойный, тем не менее около 30% фрагментов сосудов обожжены хорошо.

Поскольку рассматриваемая керамика представлена фрагментарно, то проводить ее типологическую классификацию принятыми в настоящее время методами, в частности определением соотношения высоты и диаметров сосудов, не представляется возможным. Но в связи с необходимостью подбора аналогий предлагается условная дробная схема ее классификации на основе форм венчиков.

По принципу общей профилировки горшкообразные сосуды (бóльшая часть супрутской керамики представлена именно такими формами) подразделяются на слабопрофилированные и профилированные, которые в свою очередь разбиваются на типы. Слабопрофилированные включают сосуды баночных, усеченно-конических (с краем, немного вогнутым внутрь, иногда со слабо выделившимся венчиком) и банкообразных форм (слабо профилированные горшки с едва наметившимся венчиком и немного выпуклыми стенками). Среди банкообразных выделяются варианты по принципу выделенности венчика; внутри варианта по более мелким признакам различаются виды. Профилированные формы делятся на типы по принципу постановки венчика (прямой, слабо и сильно отогнутый); варианты выделяются в зависимости от величины венчика (высокий, низкий и средний); по более мелким признакам (степень выпуклости стенок и т. д.) различаются виды внутри вариантов и разновидности внутри видов. Столь дробная классификация в какой-то мере исключает

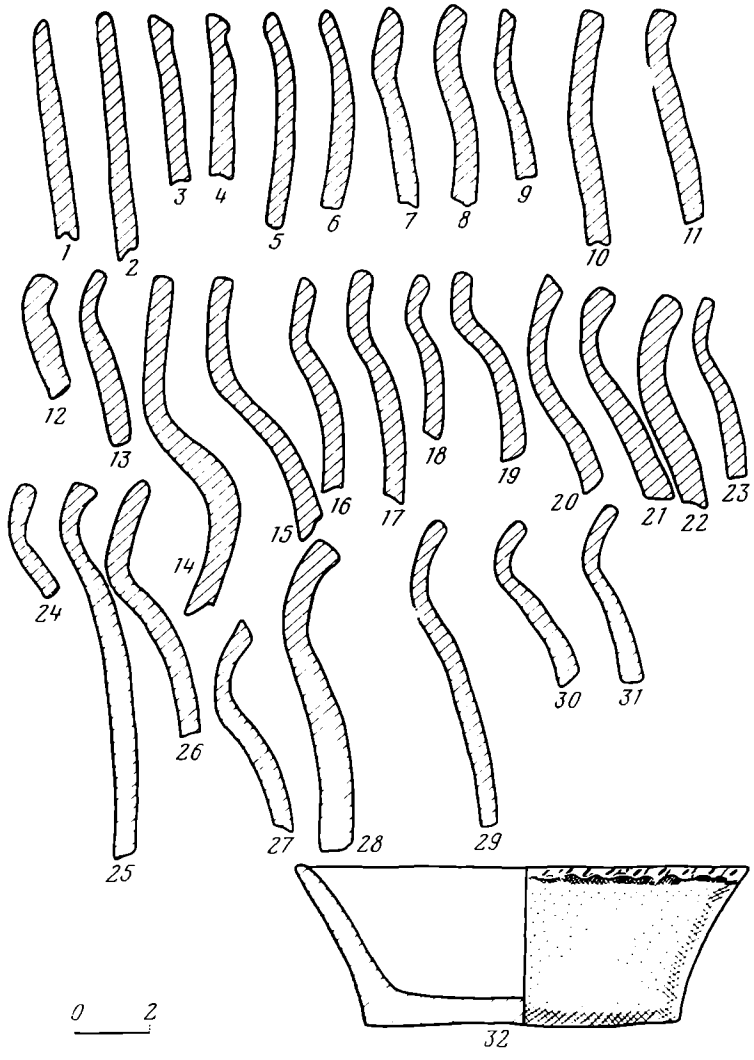


Рис. *1.* Формы гладкостенной керамики селища у с. Супруты

элемент субъективности при подборе аналогий формам, выделенным лишь на основании профилировки верхней части сосудов.

Слабопрофилированные сосуды. Тип I — баночные формы, характеризующиеся прямыми стенками. Разновидность 1 (рис. 1, *1*) включает обломки венчиков без слабо выступающей закраины, наличием которой характеризуется разновидность 2. Преобладают сосуды с диаметром горла 8—10 *см*. Бóльшая часть обломков орнаментирована по краю защипами. У посуды, относящейся к разновидности 2 (рис. 1, *2*) край венчиков орнаментирован защипами. Горшки баночных форм широко распространены на городищах Верхней Оки в последние века до нашей эры — первые века нашей эры; на москворецких поселениях и городищах Западной Двины [1].

Тип II (рис. 1, *3*) — сосуды усеченно-конических форм со слабо вогнутым внутрь краем. Преобладают горшки с диаметром горла 14—16 *см*. Край их изредка украшен защипами. Есть один целый маломерный сосудик с диаметром горла 11, дна 7,3 *см* и высотой 9 *см*. Подобные формы

[1] *Никольская Т. Н.* Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э.— МИА № 72, 1959, с. 31; *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры. Канд. дис. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2047, 2047а, с. 65; *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I тыс. и начале II тыс. н. э.— МИА, № 76, 1960, с. 56, 57, рис. 36.

характерны для городищ Верхней Волги, Москворечья, Курского Посеймья[2].

Тип III — банкообразные сосуды, характеризующиеся слабой профилировкой тулова (слегка выделившийся венчик, слабая припухлость стенок). Вариант 1 (рис. 1, *4—6*) включает обломки горшков с едва выделившимся венчиком (3 разновидности). Края венчиков украшены защипами, пальцево-ногтевыми вдавлениями. Аналогичные формы встречены на москворецких и верхнеокских поселениях[3]. Вариант 2 (рис. 1, *7—13*) характеризуется наличием хорошо выделенного и отогнутого наружу венчика, установленный диаметр горла 8—20 *см*. Орнамент по краю — защипы, насечки, ногтевые вдавления, по тулову — защипной, ямчатый. Аналогии известны на Троицком городище[4].

Профилированные. Тип IV — характеризуется наличием прямого, вертикально поставленного венчика. Вариант 1 (рис. 1, *14, 15*) отличается высоким прямым венчиком, диаметр горла этих сосудов неопределим. Орнамент по краю венчиков защипной, по тулову — защипной и ямчатый. Аналогичные формы есть на Огубском, Колычевском верхнеднепровском, Дьяковском, Троицком городищах[5]. Вариант 2 (рис. 1, *16, 17*) характеризуется средней величиной венчика. Диаметр горла 12—20 *см*. Край венчика орнаментирован защипами, насечками, ногтевыми вдавлениями, тулово украшено защипным орнаментом. Аналогичные формы сосудов найдены на верхнеокских поселениях и Троицком городище[6]. Вариант 3 (рис. 1, *18, 19*) представлен обломками сосудов с довольно низким прямым венчиком. Установленный диаметр горла таких горшков 12 *см*. Орнамент по краю венчиков (рис. 2) защипной, по тулову — защипной и ямчатый. Аналогичные формы есть на верхнеокских поселениях, Дьяковском и Троицком городищах[7].

Тип V характеризуется среднеотогнутым наружу венчиком. Вариант 1 представлен обломками горшков с довольно высоким венчиком (рис. 1, *20—23*). Орнамент по краю венчиков защипной, в виде оттисков перевитой веревочки, ногтевых вдавлений, по тулову — в виде защипов, ногтевых вдавлений и ямок. Схожие формы сосудов известны на Дьяковском, Огубском, Троицком, Щербинском городищах[8]. Вариант 2 (рис. 1, *24, 25*) характеризуется наличием довольно низкого венчика. Диаметр горла таких горшков 12—16 *см*; венчики по краю орнаментированы защипами, ногтевыми вдавлениями; по тулову — ямками. Аналогичные формы есть на Дьяковом и Щербинском городищах[9].

Тип VI характеризуется большой степенью отогнутости венчика. Вариант 1 (рис. 1, *26—28*) представлен фрагментами сосудов с высоким венчиком. Орнамент по краю венчика — пальцевые и ногтевые вдавления, защипы; по тулову — ямчатый и защипной. Аналогии известны на Дьяко-

---

[2] *Бадер О. Н.* Древнейшие городища на Верхней Волге.— МИА, № 13, 1950, рис. 46, 8; *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры, с. 54, альбом, рис. 21, *4, 5*.

[3] *Розенфельдт И. Г.* Ук. соч., с. 54, альбом, рис. 21, *4, 5*; *Никольская Т. Н.* Ук. соч., рис. 53.

[4] *Розенфельдт И. Г.* Посуда Троицкого городища.— МИА, № 184, 1971, рис. 27, *13в, г*, с. 67.

[5] Фонды ГИМ, II отдел, раскопки Т. Н. Никольской в 1949 г., шурф. 1; там же, раскопки В. И. Сизова, хр. 63/27б; *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, рис. 63, *4*, с. 123; *Розенфельдт И. Г.* Посуда Троицкого городища, с. 68, рис. 27, *16—20*.

[6] *Никольская Т. Н.* Ук. соч., рис. 53; *Розенфельдт И. Г.* Посуда Троицкого городища, рис. 27, *14б*, с. 68.

[7] *Никольская Т. Н.* Ук. соч., рис. 53; *Розенфельдт И. Г.* Посуда Троицкого городища, рис. 27, *14в*; Фонды ГИМ, II отдел, хр. 61/55а, 26/1.

[8] Фонды ГИМ, II отдел, хр. 26/1; там же, раскопки Т. Н. Никольской в 1949 г., шурф 1; *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры, с. 58, 59, альбом, рис. 22, *9, 12*; *ее же*. Посуда Троицкого городища, с. 68, рис. 27, *19*.

[9] Фонды ГИМ, II отдел, раскопки Г. Д. Филимонова, хр. 63/16а; *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры, с. 58, альбом, рис. 21, *10, 14*.

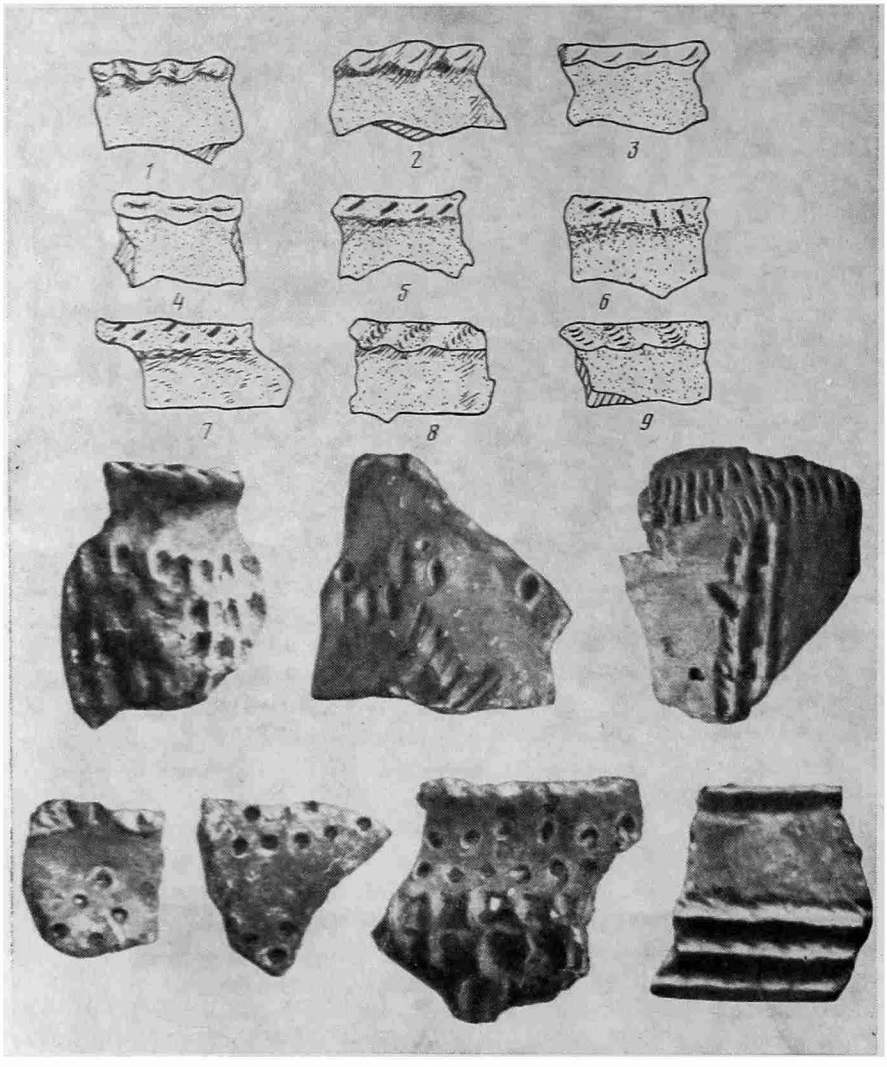


Рис. 2. Орнаментация краев венчиков и тулова гладкостенной посуды селища у с. Супруты

вом и Щербинском городищах [10]. Вариант 2 (рис. 1, *29—31*) представлен фрагментами сосудов с низким венчиком. Установленный диаметр горла этих горшков 8—12 *см*. Края венчиков украшены ногтевыми вдавлениями, идущими параллельно краю (рис. 2, *4*), защипами; тулово — защипами. Схожие формы известны на Дьяковом городище [11].

Тип VII — миски, представлены тремя целыми формами с прямыми, несколько расширяющимися кверху стенками с диаметром устья 11—12, дна — 7—8 *см*, высотой 7—8 *см* (рис. 1, *32*). Края их орнаментированы ногтевыми вдавлениями. Аналогичные формы есть на Троицком городище [12].

В определении хронологии гладкостенной посуды Супрутского селища важным элементом является ее довольно разнообразная орнаментация. Зафиксировано 9 различных видов орнаментации тулова сосудов. Наибольшее количество фрагментов (61% от числа орнаментированных обломков) украшено защипным орнаментом, 16,6% — ногтевым, 15,8% —

---

[10] Фонды ГИМ, II отдел, хр. 26/1; *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры, с. 58, альбом, рис. 21, *5*, *17*, *22*.

[11] Фонды ГИМ, II отдел, хр. 26/1, 63/16а.

[12] *Розенфельдт И. Г.* Посуда Троицкого городища, рис. 27, *36*.

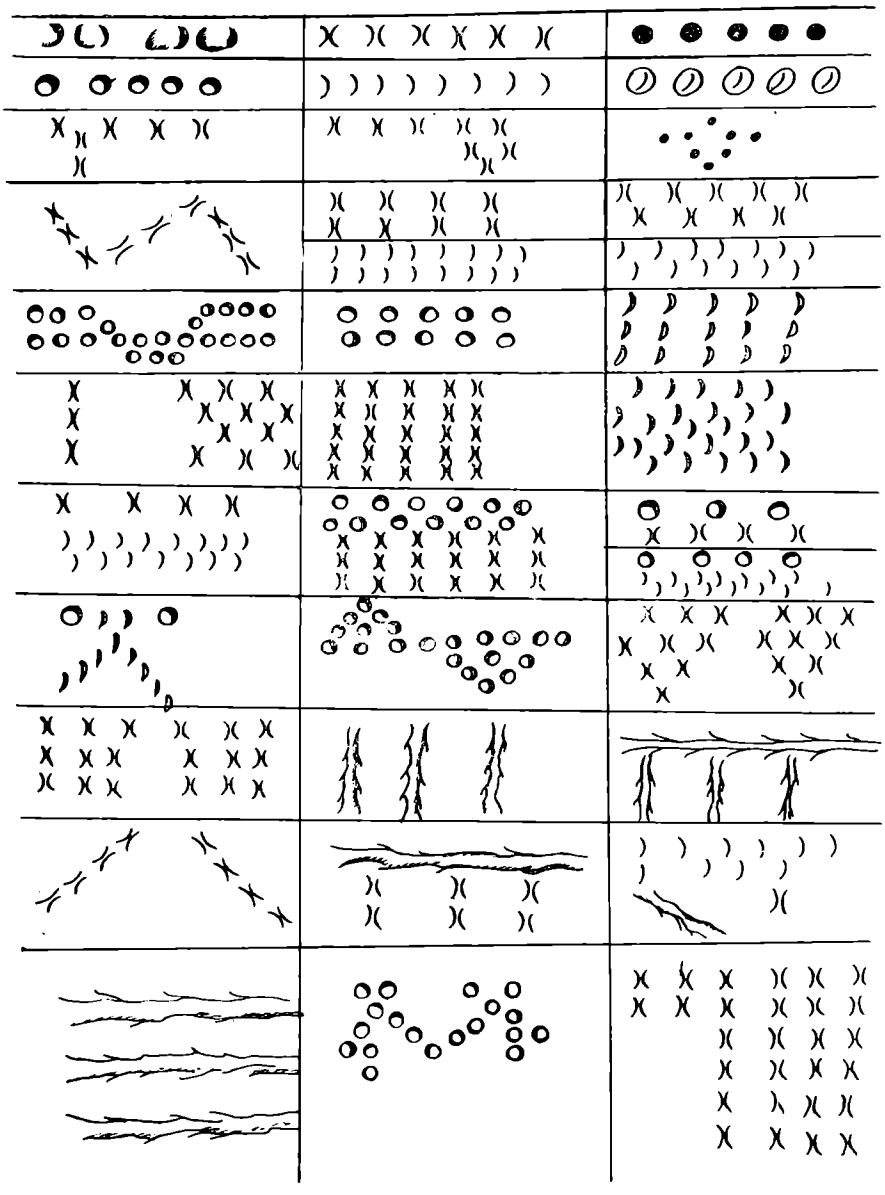


Рис. 3. Схема композиций орнаментов

ямчатым, 5,44% — комбинированным, по 0,534% — пальцевым орнаментом и оттисками перевитой веревочки, по 0,213% — жемчужным и точечным орнаментом.

Орнамент в виде защипов — распространенное явление для конца I тысячелетия до н. э. — середины I тысячелетия н. э. Он известен в восточных районах Латвии, на городищах Белоруссии, в бассейне Верхней Двины, на Верхней Оке и в Москворечье. Но супрутскую керамику с защипами следует сравнивать в первую очередь с аналогичной посудой верхнеокского бассейна и Москворечья, так как белорусская керамика отличается от нее рельефностью защипов (на Супрутах они слабовыступающие); поверхность латвийской посуды полностью покрывалась этим орнаментом, что нехарактерно для рассматриваемой керамики. Наибольшее сходство в данном случае наблюдается с москворецкой керамикой. Например, для Троицкого городища известны все композиционные схемы расположения защипного орнамента, характерные для Супрут (рис. 3). По аналогии с москворецкими городищами посуду Супрутского

селища с защипным орнаментом на основании композиции узора и преобладания в ней нерельефных защипов можно датировать первой половиной I тысячелетия н. э.[13]

Ногтевой орнамент является широко распространенным видом орнаментации посуды на городищах Верхней Оки, Десны и особенно Москворечья, изредка встречаясь на Смоленщине. Анализ расположения этого узора на тулове сосудов позволяет установить сходство супрутской керамики с посудой Троицкого городища и датировать ее первой половиной I тысячелетия н. э., а возможно, и концом I тысячелетия до н. э.[14]

Ямчатый орнамент на супрутской посуде представлен двумя видами — глубокими ямчатыми вдавлениями, образующими на внутренней поверхности сосудов выпуклины, и неглубокими вдавлениями диаметром до 5 *мм*. Этот вид орнаментации посуды широко распространен, но в сочетании с защипами он известен только на верхнеокских и москворецких поселениях. Оба вида этого орнамента, как и схемы его расположения по тулову сосудов, аналогичны таковым посуды нижнего и верхнего слоев Троицкого городища. В целом датировать керамику с ямчатым орнаментом можно последними веками до нашей эры — первыми веками нашей эры [15].

Керамика с пальцевым орнаментом на Супрутах немногочисленна, имеет аналогии на поселениях уже выделенных нами двух самых близких регионов [16]. Установить ее датировку, как и хронологию посуды с оттисками перевитой веревочки, затруднительно.

Жемчужный орнамент на Супрутском селище очень редок. Он характерен в основном для днепровского лесостепного левобережья в VII—III вв. до н. э., городищ Курского Посеймья в VI—V вв. до н. э. и верхнеокских поселений Лужки и Воротынцев [17]. Вероятно, наличие этого типа орнамента в керамике Супрут говорит о бытовании ее на этом поселении в последних веках до нашей эры.

Если принять во внимание схемы расположения различных видов орнамента (рис. 3), то выясняется, что они, за редким исключением, аналогичны приемам орнаментации керамики некоторых верхнеокских (Огубское, Старшее Каширское) и москворецких городищ. Но при сравнении гладкостенной керамики Супрутского селища с аналогичной посудой Москворечья выявляется ряд отличий. Так, на Супрутах преобладает защипной орнамент, в то время как на москворецких городищах преобладающими являются ногтевой или веревочный орнаменты [18]. В противоположность москворецким поселениям для супрутской керамики не характерна орнаментация в виде оттисков перевитой веревочки, тычкового и прочерченного орнаментов. Тем не менее как общие приемы орнаментации, так и разделение некоторых типов ее на идентичные виды (глубокий ямчатый орнамент, неглубокие вдавления с плоским дном), а также одинаковые схемы расположения узоров по тулову сосудов сближают супрутскую керамику с посудой Огубского и ряда москворецких поселений. В связи с этим представляется возможным перенести датировку приемов орнаментации, установленную И. Г. Розенфельдт для городищ Москворечья, на аналогичные приемы украшения посуды Супрут.

---

[13] *Розенфельдт И. Г.* Посуда Троицкого городища, с. 43, 45, 58, 61.

[14] *Розенфельдт И. Г.* Посуда Троицкого городища, с. 18, 57, 59.

[15] Там же, с. 42, 57—59.

[16] *Булычев Н. И.* Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903, табл. XV, *1*, *2*, *4*, *5*; *Гендуне Ю. Г.* Городище Дуна. СПб., 1903, с. 10, 11.

[17] *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа.— МИА, № 104, 1961, с. 30; *Никольская Т. Н.* О поселениях раннего железного века в бассейне Десны и Верхней Оки (к вопросу о балто-иранском контакте).— КСИА АН СССР, № 119, 1969, с. 15—22.

[18] *Розенфельдт И. Г.* Керамический комплекс городища Кузнечики.— СА, 1970, № 1, с. 166.

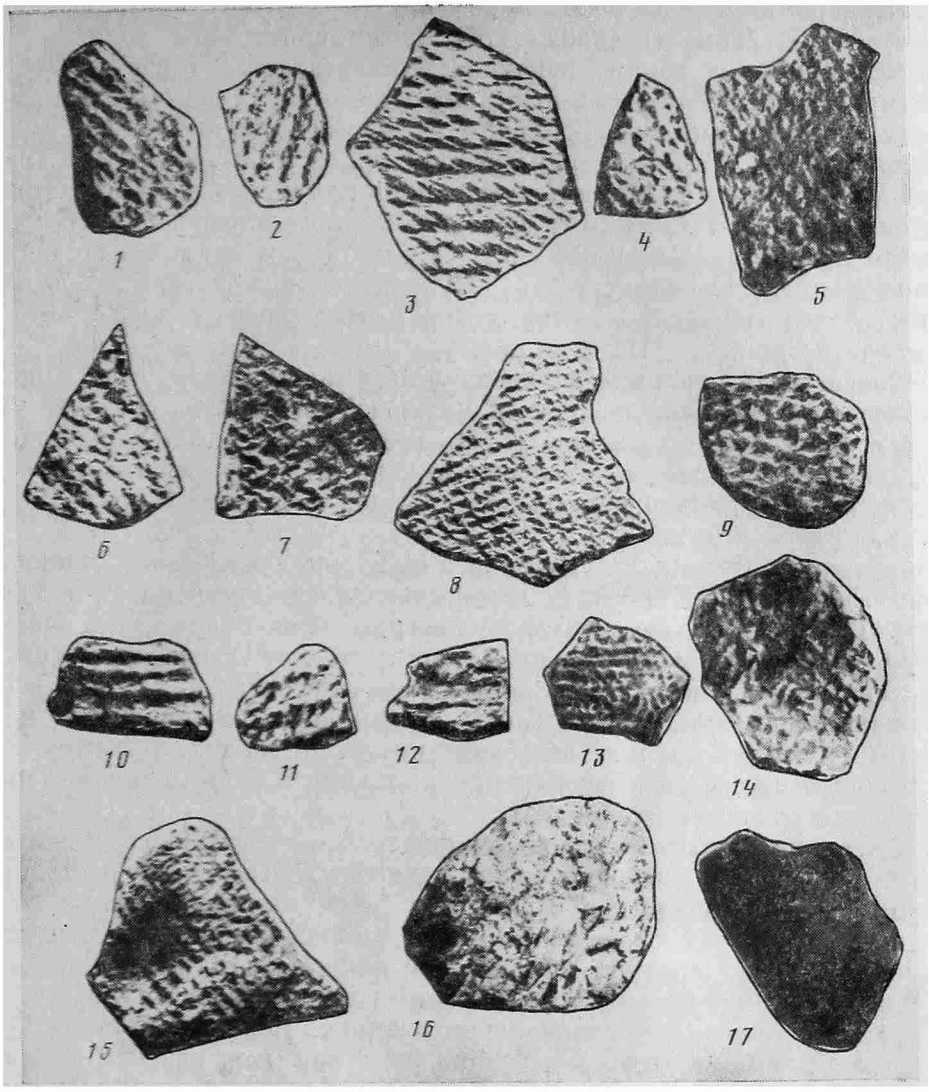


Рис. 4. Виды сетчатой поверхности керамики селища у с. Супруты

На основе типологического анализа гладкостенной посуды, приемов ее орнаментации и очерченного круга аналогий устанавливается хронология некоторых типов керамики Супрутского поселения.

Тип I —последние века до нашей эры — III в. н. э.; тип II — I тысячелетие до н. э.— IV в. н. э.; тип III, вариант 1 — конец I тысячелетия до н. э.— начало нашей эры; вариант 2 — последние века до нашей эры — VI в. н. э.; тип IV, вариант 1 — V(VI?) вв. н. э.; вариант 2 — первые века нашей эры; вариант 3 — первые века нашей эры — IV—VII вв. н. э.; тип V, вариант 1 — не ранее III в. н. э.— V—VI вв. н. э.; вариант 2 — не ранее III в. н. э.

Керамика с сетчатой поверхностью составляет 8% от общего количества грубой посуды Супрутского селища. Технологическая ее характеристика аналогична характеристике грубой посуды. По характеру отпечатков различается несколько видов «сетки». Тип I представляет собой оттиски какого-то мягкого предмета своеобразного плетения. Таких фрагментов 45,5% от общего количества сетчатых обломков. Различаются три варианта этого типа поверхности (рис. 4, *1—3*). Тип II представляет собой оттиски твердого штампа, очевидно, гребенчатого. Этот тип поверхности называют ложносетчатым, имитирующим сетчатые отпечатки. Обломки горшков с такой поверхностью составляют 49,6% от общего количества

сетчатой керамики. Различаются 10 вариантов этого типа поверхности (рис. 4, *4—13*). Тип III (рис. 4, *16*) представляет собой оттиски предмета, состоящего из тонких волокнистых веревочек. Отпечатки небрежные, с пробелами, составляют 5,16% от общего числа сетчатой керамики.

Все эти процентные соотношения высчитываются от общего количества определимой сетчатой керамики (714 фрагментов), остальные 192 обломка представляют собой сетчатую керамику так называемого «крапчатого» типа, т. е. с небрежными неподдающимися определению оттисками какого-то предмета. Названные типы «сетки» имеют аналогии в керамике городищ дьяковской культуры в Москворечье и некоторых поселений Верхней Волги (Калязинское городище) и датируются второй половиной I тысячелетия до н. э.— III в. до н. э.[19]

Ложносетчатая керамика аналогична керамике нижнего слоя Щербинского городища, где она датируется VIII—IV вв. до н. э.; сетчатая керамика I и III типов, по мнению П. Н. Третьякова, является ранней, характерной для комплексов I тысячелетия до н. э.; крапчатые отпечатки характерны для городищ первых веков нашей эры — III в. н. э. Москворечья и Верхней Волги.

Супрутская сетчатая посуда по венчику орнаментирована защипами, изредка защипной орнамент и ногтевые вдавления украшают и тулово сосудов. Так как защипы все слаборельефные, появляющиеся в Москворечье не ранее II в. н. э., то тип I сетчатых отпечатков на Супрутах мог бытовать как во второй половине I тысячелетия до н. э., так и в первых веках нашей эры[20]. Определить формы сетчатой керамики почти невозможно. В двух случаях это были, вероятно, горшки усеченно-конической формы со слегка загнутым внутрь краем, в одном случае — высокий горшок с пологими плечиками.

Несмотря на большое сходство супрутской сетчатой керамики с аналогичной посудой городищ дьякова типа, наблюдается ряд существенных отличий. Так, для дьяковской керамики характерна орнаментация в виде различного рода штампов — гребенчатого, двудольного и т. д.[21], которой совершенно нет на Супрутах. Это явление можно объяснить двояко: либо супрутская керамика более позднего типа, чем в Москворечье, либо в этом проявляется какое-то территориальное отличие. Вероятно, второе предположение более соответствует истине, так как для древней сетчатой посуды близлежащего Сатинского городища эта штамповая орнаментация также совершенно не характерна. Преобладающим типом орнаментации супрутской сетчатой керамики являются защипы, что в свою очередь нетипично для москворецких поселений.

Для полной характеристики супрутской гладкостенной керамики необходимо сказать о наличии на селище очень небольшого количества чернолощеной керамики. Формы ее не поддаются даже частичной реконструкции. Наличие чернолощеной посуды на этом поселении свидетельствует о его бытовании в IV—V вв. н. э.[22]

На основе вышеизложенного время бытования Супрутского селища определяется серединой — второй половиной I тысячелетия до н. э. — серединой I тысячелетия н. э. На раннюю дату указывает наличие древнего типа сетчатой керамики (ложносетчатые отпечатки), а также ранние усеченно-конические формы горшков. Косвенно об этом свидетельствуют немногочисленные находки гладкостенной керамики с жемчужным орнаментом, а также древнего типа ямчатого орнамента. На

---

[19] *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры, с. 98—100; *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э.— МИА, № 5, 1941, с. 43, 103; *Бадер О. Н.* Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей.— МИА, № 7, 1947, с. 120.

[20] *Розенфельдт И. Г.* Посуда Троицкого городища, с. 45.

[21] *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры, с. 113.

[22] *Никольская Т. Н.* Культура племен..., с. 49.

продолжение жизни на селище в конце I тысячелетия до н. э. указывают находки сетчатой керамики с отпечатками правильного переплетения, наличие баночных, усеченно-конических и некоторых банкообразных форм гладкостенной посуды, а также древнего ямчатого орнамента. О бытовании поселения в первые века нашей эры говорят находки баночных и банкообразных форм керамики, сетчатой «крапчатой» посуды и древнего ямчатого орнамента. Но обильнее всего на селище представлена керамика III—V (VI?) вв. н. э. Это фрагменты с диагональным и горизонтальным расположением защипного орнамента по тулову сосудов (рис. 3), с горизонтальным расположением ногтевых вдавлений по краю венчиков (рис. 2), с поздним вариантом ямчатого и защипного орнаментов, пальцевыми вдавлениями, фрагменты чернолощеной керамики и хорошо моделированными формами венчиков. Некоторые исследователи отмечают также, что сосуды, орнаментированные только по краю венчиков, относятся в основном к середине I тысячелетия н. э.[23]

В целом, несмотря на внешнее сходство керамического комплекса Супрутского селища с посудой москворецких дьяковских городищ, его нельзя отнести к поселениям этого типа. Преобладание защипного орнамента, а также некоторые формы сосудов сближают Супруты с памятниками несколько иного круга. В частности, защипы характерны для памятников Прибалтики, Средней Белоруссии, которые были населены балтскими племенами. Некоторые формы посуды Супрут имеют аналогии также в верхнеднепровских древностях и в керамике Троицкого городища, посуда которого в свою очередь аналогична некоторым балтским верхнеднепровским материалам.

Следует отметить, что отсутствие орнаментации в виде штампов в керамике Супрутского селища говорит не просто о локальных отличиях внутри одной культуры, а скорее всего о различиях между двумя разными культурами, так как на дьяковском верхнеокском Старшем Каширском городище, на определенном этапе синхронном Супрутскому селищу, орнаментация штампами распространена как среди сетчатой, так и среди гладкостенной керамики. Кроме того, на Супрутах есть лощеная посуда, которая некоторыми исследователями считается балтской[24]. Еще одно отличие керамического комплекса Супрут от классических дьяковских заключается в том, что на этом поселении содержится очень небольшое количество сетчатой керамики, тогда как на верхневолжском Пекуновском городище (еще не самом древнем среди дьяковских — возникло в III в. до н. э.[25]) сетчатая посуда составляет 64% от общего количества керамики.

Таким образом, в керамике Супрутского селища прослежено, с одной стороны, наличие дьяковских финно-угорских черт, с другой — преобладающими являются балтские признаки. С осторожностью можно предположить, что это поселение было основано одним из балтских племен, на культуру которого на определенном этапе оказали влияние финно-угры, имевшие в последние века до нашей эры — в первые века нашей эры свои поселения как в бассейне Москвы-реки, так и на Верхней Оке. Для верхнеокского бассейна Супрутское селище не является исключением. Аналогичным ему поселением на определенном этапе было Огубское городище, Свинухово, а в бассейне р. Упы — селища у дер. Орлово и у с. Никольское.

Селище у дер. Орлово Щекинского р-на расположено на покатом к старице р. Упы склоне первой террасы на бугре высотой 0,5—0,6, диа-

---

[23] *Третьяков П. Н.* Ук. соч., с. 44; *Бадер О. Н.* Материалы к археологической карте..., с. 130—132; *Горюнова Е. И.* Об этнической принадлежности Березняковского городища.— КСИИМК АН СССР, № 65, 1956, с. 3.

[24] *Розенфельдт И. Г.* Посуда Троицкого городища.— СА, 1965, № 1, с. 193.

[25] *Бадер О. Н.* Древнейшие городища на Верхней Волге.— МИА, № 13, 1950, с. 132.

метром 20,5 *м*, в 400 *м* к востоку от деревни [26]. Керамика с этого поселения представлена небольшим количеством гладкостенной и сетчатой посуды. Весь комплекс ее по характеру примесей, толщине стенок, обработке поверхности, орнаментации аналогичен керамическому материалу Супрутского селища. Реконструируются баночные формы сосудов с вертикальными стенками, бытующие в Москворечье в последних веках до нашей эры — первых веках нашей эры. Наличие древнего и позднего видов ямчатого орнамента свидетельствуют о бытовании на этом селище керамики последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры и III—IV вв., а нерельефного защипного орнамента — говорит о датировке ее временем после II—III вв. н. э. Отпечатки на сетчатой керамике более всего напоминают «крапчатые», датирующиеся первыми веками нашей эры. Отсюда можно полагать, что керамика селища у дер. Орлово датируется первыми веками нашей эры — III—IV вв., т. е. первой половиной I тысячелетия н. э. Так же датирует этот памятник С. А. Изюмова [27].

Селище у с. Никольское расположено на площадке правого невысокого берега р. Упы на высоте над уровнем реки 10 *м*, в 120 *м* от нее, в 2 *км* от села. Керамика представлена обломками посуды с пальцевым и нерельефным защипным орнаментом, что, как и наличие ямчатого орнамента позднего варианта, свидетельствует о наличии на селище посуды III—IV вв. н. э. Орнаментация краев венчиков горизонтальными ногтевыми вдавлениями говорит о бытовании этой посуды в V, а возможно, и в VI в. н. э. Сетчатая керамика здесь отсутствует, что может свидетельствовать только о более поздней по сравнению с супрутским селищем дате возникновения этого поселения, вероятно, не ранее IV в.

Таким образом, судя по керамическому материалу, в верхнем течении Упы существовала группа поселений, близких на определенном этапе к культуре верхнеокских, москворецких и верхнеднепровских городищ. Вероятно, эти поселения были оставлены балтским населением, на которое во второй половине I тысячелетия до н. э.— в первых веках нашей эры значительное влияние оказали финно-угорские племена.

I. V. Byelotserkovskaya

POTTERY FROM EARLY IRON AGE SETTLEMENTS ON THE UPPER UPA RIVER

Summary

The Early Iron Age settlements on the Upper Upa River (the Oka tributary) are not investigated enough so far. Nevertheless, considerable amount of pottery has been collected which makes it possible to draw conclusions of their chronological scheme and ethnic affiliation. The author analyses in detail the pottery from the Supruty settlement (Tula Region). The typological analysis of the smooth-surfaced and net-patterned ware from this site reveals the analogies in the neighbouring synchronous settlements on the upper reaches of the Oka and Moskva rivers, such as Ogubskoe fortified settlement, Svinukhovo, Starshcheye Kashirskoe, Troitskoe settlements. Some types of pottery from Supruty were dated and the date of the settlement obtained in this way is considered to be between the last quarter of the first millennium B. C. and the mid-first millennium A. D.; ethnic affiliation of the site was determined as well. Supruty, Nikolskoe and Orlovo settlements were probably inhabited by a Baltic tribe; its culture was evidently influenced by the neighbouring Finno-Ugric tribes (Dyakovo-type culture).

---

[26] *Изюмова С. А.* Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1967 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3488, с. 13.

[27] *Изюмова С. А.* Ук. отчет за 1967 г., с. 15. Выражаю глубокую признательность С. А. Изюмовой за разрешение опубликовать материалы ее раскопок.

А. С. ГОЛЕНЦОВ, Б. Г. ПЕТЕРС

КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА ИЗ РАСКОПОК ФЕОДОСИИ 1975—1977 гг.

Античная Феодосия (древнегреческое «Богом данная» — вероятно, Аполлоном) [1] была основана во второй половине VI в. до н. э.[2], согласно периплу Арриана, переселенцами из малоазийского города Милета [3], по мнению некоторых исследователей, на территории местного поселения [4]. По сообщению анонимного перипла, этот город в V в. н. э. стал называться (на аланском наречии) Ардабада — семибожный [5]. Установлению местоположения древней Феодосии помогают перипл Псевдо-Арриана (63—78), где указаны боспорские города и расстояния между ними, перипл Псевдо-Скилака (68), перечисляющий эллинские города в скифской земле, а также археологические раскопки и изучение полученного материала [6]. Поселение находилось на холме, расположенном на берегу незамерзающего залива, который с юга и запада был защищен от ветров отрогами крымских гор.

Археологическое изучение Феодосии было положено работами И. Б. Зеест в 1949, 1951, 1952 гг., в результате которых были раскопаны остатки средневековых и античных сооружений и дана общая стратиграфия памятника [7].

Остатки античной Феодосии, находящиеся на современном «Карантинном холме», на западе возвышаются над низко расположенными районами современного морского порта. На востоке поселение ограничено оврагом и стенами генуэзской средневековой цитадели. Поверхность городища застроена домами.

Культурные напластования или отдельные находки, относящиеся к раннему периоду существования города, обнаружены на уровне подтески скал. В этих прослойках встречены единичные фрагменты сероглиняных лепных сосудов с лощеной поверхностью и врезным орнаментом [8].

---

[1] *Юргевич В. Н.* Об именах иностранных на надписях Ольвии, Боспора и других греческих городов северного прибрежья Понта Евксинского.— ЗООИД, VIII, 1872, с. 9, 10.

[2] *Штерн Э. Р.* Феодосия и ее керамика.— МООИД, вып. III, 1906, с. 1.

[3] *Arr.*, Peripl., 30-SC, I, с. 224.

[4] *Шелов Д. Б.* Возникновение Феодосии.— Нумизматический сборник. Тр. ГИМ, вып. XXVI, ч. II, 1957, с. 26.

[5] Anonym. Peripl., 77; С. А. Жебелев считал, что Феодосия возникла на месте туземного поселения Ардабада (*Жебелев С. А.* Боспорские этюды.— В сб.: Северное Причерноморье. М.— Л., 1953, с. 160, 161).

[6] *Штерн Э. Р.* Ук. соч., с. 1 сл.; *Зеест И. Б.* Разведочные раскопки в Феодосии.— КСИИМК, XXXVII, 1951, с. 185; *ее же.* Раскопки Феодосии.— КСИИМК, вып. 51, 1953, с. 143; *Петерс Б. Г.* Археологические раскопки в Феодосии.— В сб.: Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979, т. II, с. 399.

[7] *Зеест И. Б.* Разведочные раскопки..., с. 185; *ее же.* Раскопки Феодосии, с. 143.

[8] *Зеест И. Б.* Раскопки Феодосии, с. 144, 146, рис. 58, *1*; *Петерс Б. Г., Беляев С. А., Загинайло А. Г., Качан Т. М., Николаенко Т. Д.* Феодосийская экспедиция.— АО — 1977. М., 1978, с. 374.

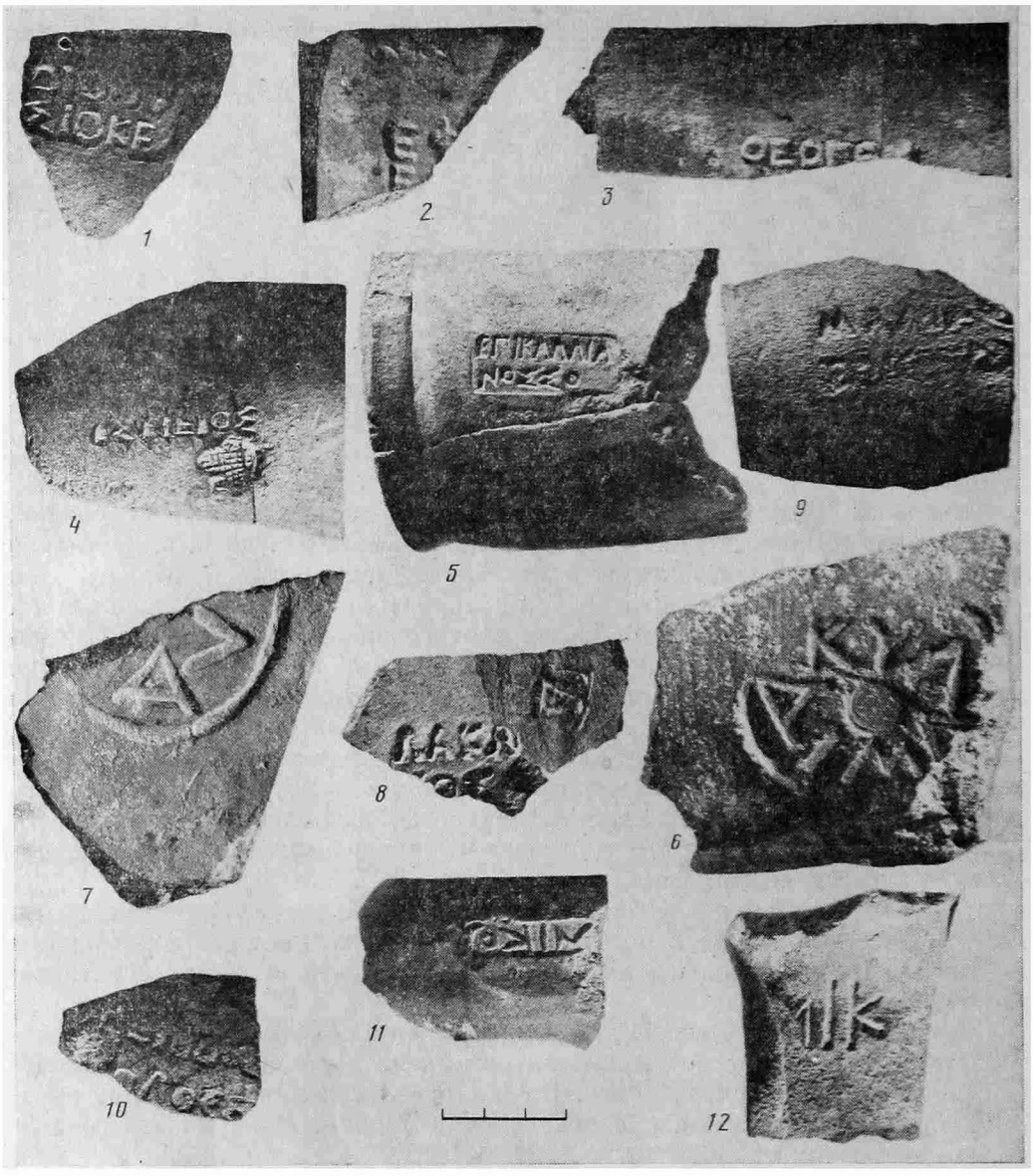


Рис. 1. *1—12* — клейма Гераклеи Понтийской

В 1975—1977 гг. археологические раскопки на «Карантинном холме» Феодосии проводила Феодосийская экспедиция ИА АН СССР [9].

Наряду с многочисленным археологическим материалом было обнаружено 61 экз. клейм на амфорах и черепицах, которые по центрам производства делятся следующим образом: Гераклея — 12 клейм; Синопа — 24 клейма; Фасос — 6 клейм; Родос — 4 клейма; Кос — 1 клеймо; Боспор — 5 клейм; группа Пармениска — 1 клеймо; неопределенные — 7 клейм.

Керамические клейма из Феодосии впервые были изданы В. Н. Юргевичем [10]. Он разделил их по центрам производства (Фасос, Родос, Книд), а также выделил астиномные и оттиснутые на горлах амфор и на черепицах. Им впервые отнесены астиномные клейма, не принадлежа-

[9] Начальник Феодосийской экспедиции ИА АН СССР — Б. Г. Петерс,

[10] *Юргевич В. Н.* Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 г.— ЗООИД, XVIII, 1895, с. 87—174.

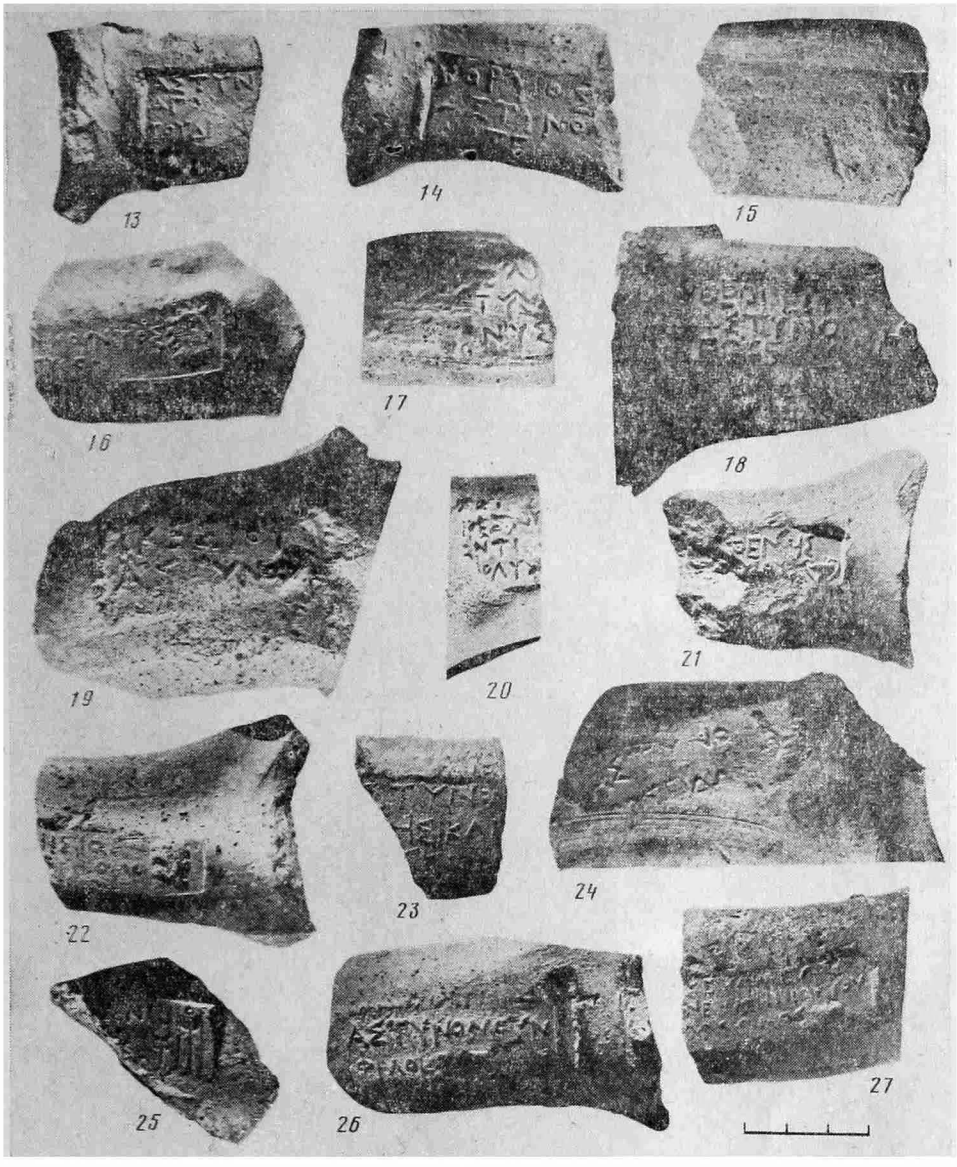


Рис. 2. *13—27* — клейма Синопы

щие Херсонесу, к Синопе [11], но центры производства некоторых клейм были им определены неверно. Часть гераклейских клейм была отнесена к Родосу.

Приступим к рассмотрению клейм по центрам их производства (рис. 1—4).

Гераклея. Б. Н. Граков впервые предложил хронологическую классификацию гераклейских клейм по палеографическим и грамматическим признакам, которой долгое время придерживались исследователи [12]. Позднее А. А. Нейхард предложила новую классификацию гераклейских клейм, выделив третью хронологическую группу [13]. Однако это схема была подвергнута критике и не получила признания [14]. Впоследствии

[11] *Юргевич В. Н.* Надписи на ручках..., с. 90—94.

[12] *Граков Б. Н.* Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических амфор.— Тр. ГИМ, I, 1926, с. 181.

[13] *Нейхард А. А.* Памятники керамической эпиграфики Мирмекия и Тиритаки как источник для изучения торговых связей Боспорского царства с центрами Причерноморья в эллинистическую эпоху. Автореф. канд. дис. Л., 1951, с. 8.

[14] *Шелов Д. Б.* Клейма на амфорах и черепицах, найденные при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг.— МИА, № 56, 1957, с. 208.

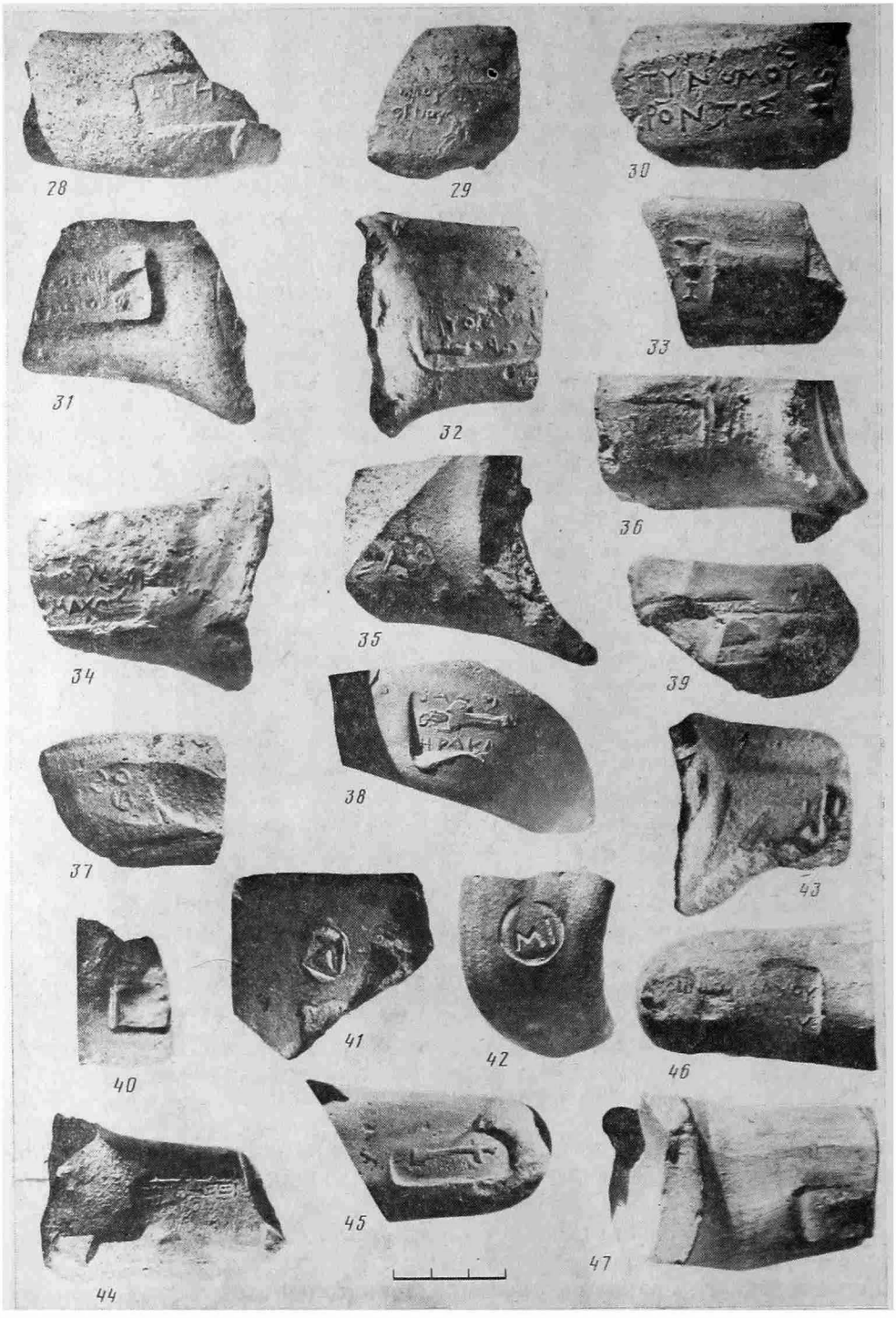


Рис. 3. *28—37* — клейма Синопы; *38—43* — клейма Фасоса; *44—47* — клейма Родоса

Б. Н. Граков на основании огромного материала создал типологические группы гераклейских клейм и отнес возникновение клеймения к началу IV в. до н. э., а конец — к середине III в. до н. э.[15] И. Б. Брашинский выделил пять хронологических групп от рубежа V—IV вв. до н. э. до середины III в. до н. э.[16] Б. А. Василенко, опираясь на исследования

[15] IOSPE, III. Вступление в главе о клеймах Гераклеи, л. 13. Рукопись хранится в архиве Института археологии АН СССР.

[16] *Брашинский И. Б.* Керамические клейма Гераклеи Понтийской.— НЭ, V, 1965, с. 20.

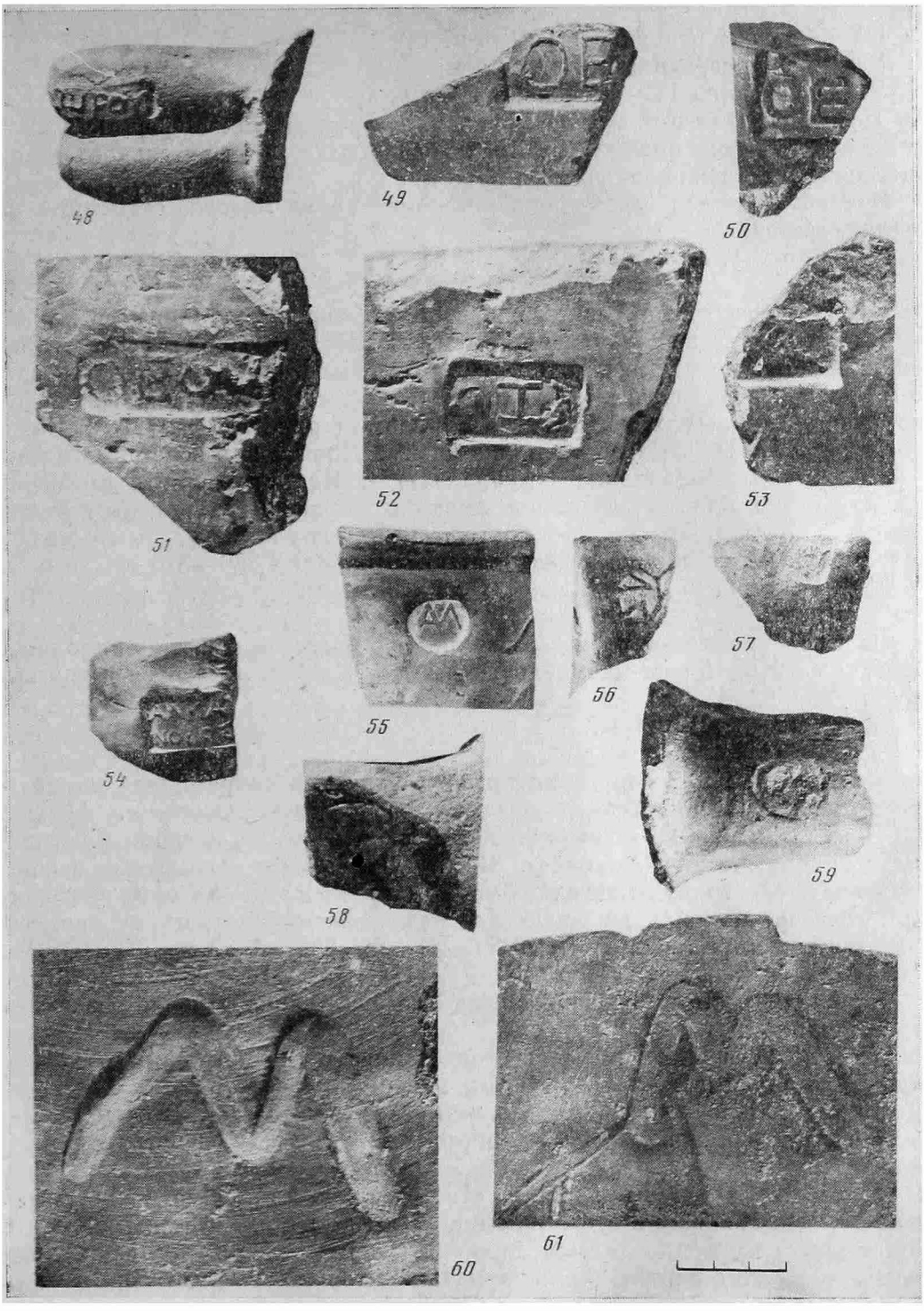


Рис. 4. *48* — клейма Коса; *49—53* — клейма Боспора; *54—61* — клейма неопределенных центров

Б. Н. Гракова и И. Б. Брашинского разбил гераклейские клейма на шесть хронологических групп [17]:

I — конец V —первая четверть IV в. до н. э.;

II — конец первой — начало второй четверти IV в. до н. э.;

III — конец первой четверти IV — начало III в. до н. э.;

[17] *Василенко Б. А.* О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине IV в. до н. э.— НЭ, XI, 1974, с. 6, 7.

IV — первая половина III в. до н. э.;
V — около середины III в. до н. э.;
VI — середина IV — конец III в. до н. э.

Нами взята за основу классификация гераклейских амфор Б. А. Василенко с учетом мнения Д. Б. Шелова о дате заключительного этапа клеймения в Гераклее начала III в. до н. э.[18]

Все исследуемые гераклейские клейма, кроме одного, оттиснуты на горлах амфор.

№ 1 (рис. 1, *1*) Διονυ-
σίο. Κε.

Клейма магистрата Дионисия известны в первой группе, а во второй встречаются вместе с сокращениями ΠΕ и ΚΕ [19]. В. Н. Юргевич опубликовал интересное клеймо [20], которое стояло на горле амфоры ἐπὶ | Διον | υσ ί | ο. | Ια. Расположение надписи близко к кругу. Сокращение ΙΑ встречается в клеймах магистратов Евридама (группы I, II, III) [21], Еварха (группы I, II) [22]. Известно также клеймо Дионисия в сочетании с именем фабриканта Аристокла (группа III) [23]. Из приведенных примеров очевидно, что клейма Дионисия имеются в первых хронологических группах, но тяготеют все же к границе между группами I, II, что позволяет нам определить время деятельности Дионисия 380—370 гг. до н. э.

№ 2 (рис. 1, *2*) Ἐφ [---
Ἐ[---

Надпись восстановить невозможно, тем более неизвестно ни одного клейма, в котором имя начиналось бы с Еф. Клеймо относится к третьей группе.

№ 3 (рис. 1, *3*) Θεογέν.

Клеймо на фрагменте горла амфоры. Надпись сохранилась на краю черепка. У В. Н. Юргевича издано два клейма [24] Θεογένεος. Αἰθέρος. Однако считая клеймо родосским, он во второй строке неверно восстановил название месяца Ὑακινθίου. Не представляется возможным восстановить вторую строку нашего клейма. Несколько клейм, которые содержат имя Теогена, похожи на наше по расположению строк и начертанию букв: Θεογένος. Δίου (IOSPE, III, № 853), Θεογένεος. Η (IOSPE, III, № 854 — фото), Θεογένεος (IOSPE, III, № 1632—1634).

Все клейма, которые содержат имя Теогена, можно условно разделить на несколько групп.

Группа А. Клейма, где имя Теогена написано в две строки и оттиснуто двумя штемпелями [25].

Группа Б. Клейма с двумя именами без предлога ἐπί. Вторые имена: Аристокл — фабрикант, Дий — фабрикант, Люкон — магистрат ранней первой группы.

Группа В. Второе имя с ἐπί. Е. М. Придик издал клеймо [26] ἐπὶ Ἀγνός. Θεογένεος. На основании этого клейма Б. Н. Граков отнес Теогена к фабрикантам. Мы предлагаем видеть в приведенных примерах двух Теогенов. В одно время, т. е. в начале второй четверти IV в. до н. э., занимались производством керамической тары магистрат Теоген и фабрикант Теоген.

---

[18] *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э. М., 1975, с. 7.
[19] *Василенко Б. А.* Ук. соч., с. 23.
[20] *Юргевич В. Н.* Надписи на ручках..., с. 125, № 16.
[21] *Василенко Б. А.* Ук. соч., с. 23.
[22] IOSPE, III, № 885.
[23] *Брашинский И. Б.* Ук. соч., табл. II, рис. 7.
[24] *Юргевич В. Н.* Надписи на ручках..., с. 113, № 58; IOSPE, III, № 849—851.
[25] IOSPE, III, № 1629—1631 и 1632—1634.
[26] *Придик Е. М.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках, горлышках и черепицах эрмитажного собрания. Пг., 1917, с. 119.

Сочетание имени Лиситея с другими именами

Второе имя	Второе имя с ἐπί	Эмблема	Лиситей с ἐπί	Публикация	Принадлежность второго имени по публикациям
Гистиэй	–	Гроздь	–	Наше клеймо	Фабрикант
Гистиэй (2 экз.)	–	»	–	IOSPE, III, № 894, 895	Магистрат
Бласт	–	»	+	ЭК, с. 121 № 39	»
Метрий	–	»	–	*Василенко*, дис., № 243	»
Микк	–	Канфар	–	Там же, № 244	»
Микк	–	Неясная	–	IOSPE, III, № 971	»
Аристон	+	Канфар	–	Там же, № 584	»
Эратон (4 экз.)	–	»	–	» № 724–727	»
Кокк	–	Гроздь	–	» № 919	»
Носс	–	»	–	» № 1025	»
Артемон	–	»	+	» № 320	Фабрикант

№ 4 (рис. 1, *4*) Ἱστιεῖος.

Гроздь

Λυσιθέο.

Очень редкое клеймо. Известно еще только два экземпляра из Пантикапея и Елизаветовского городища [27]. Лиситей несомненно магистрат, потому что известно его клеймо с эпонимным предлогом, а с именем Гестиэя — фабриканта предлог не известен.

На гераклейских клеймах обычно трудно определить, кому принадлежат эмблемы (см. таблицу).

На 16 клеймах восемь раз изображена эмблема в виде грозди. Она несомненно принадлежит магистрату Лиситею. В клеймах Лиситея без предлога, но с эмблемой грозди вторые имена принадлежат фабрикантам. Клейма Лиситея следует считать ранними в III группе и датировать приблизительно 375—350 гг. до н. э. [28]

№ 5 (рис. 1, *5*) ἐπί Καλλία.

Νόσσο.

Каллий — ранний магистрат третьей группы [29]. Фабрикант Носс известен также в клеймах ранних магистратов третьей группы [30]. Существуют листовидные клейма Носса второй группы [31]. Таким образом, наше клеймо вполне можно датировать 380—370 гг. до н. э.

Сочетание имен Каллия и Носса встречается впервые. В. Н. Юргевич издал клеймо Люкона с ἐπί и фабриканта Носса. Клейма одного фабриканта с разными магистратами говорят о регулярных поставках вина из Гераклеи в Феодосию.

№ 6 (рис. 1, *6*) Κυλ- αίμα.

№ 7 (рис. 1, *7*) Κυ]λ- α[ίμα.

Большой интерес представляют два клейма, выполненных скорее всего одним штемпелем — восстановление второго поэтому не представляет трудностей.

Клейма Кюлаима оттиснуты на калиптере (№ 6) и керамиде (№ 7). Они энглифические, оттиснуты в две строки по кругу. Вокруг надписи по кругу валик. Высота букв 12—22 *мм*. Б. Н. Граков опубликовал [32]

---

[27] IOSPE, III, № 894, 895.

[28] *Василенко Б. А.* Керамические клейма из античных поселений на побережье Днестровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром (V—III вв. до н. э.). Канд. дис. М., 1972. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2111, с. 97.

[29] *Василенко Б. А.* О характере клеймения..., с. 19.

[30] Там же, с. 17, табл. 2.

[31] *Брашинский И. Б.* Ук. соч., табл. II, *3*.

[32] *Граков Б. Н.* Ук. соч., с. 201, приложение 1, № 3.

единственное клеймо с именем Кюлаима, отштампованное на горле амфоры 'επ' 'Αλκέτα. Алкет — магистрат ранней третьей группы. Можно Κυλαίμα.
было бы предположить, что клейма с именем Кюлаима, известные только в трех упомянутых выше случаях, принадлежат одному фабриканту.

Круглые клейма известны во II группе. А группы II и III сосуществуют. Но очень уж велика разница этих клейм: в начертании букв, их размерах; кроме того, клейма из Феодосии оттиснуты на черепице.

В Керкинитиде были найдены клейма, аналогичные феодосийским. Это два клейма с именем Κωλο — одно на калиптере, другое на керамиде [33]. Клейма выполнены одним штампом, энглифические, надпись в две строки. Высота букв 16—22 *мм*. В Керкинитиде же найдены два энглифических клейма с надписью Συρο. Имя написано в две строки и заключено в круг из бороздки. Высота букв 20—22 *мм*. В одном слое с клеймом Κωλο найдено синопское клеймо астинома Исократа, которое датируется 300—270 гг. до н. э., и херсонесское клеймо астинома Аполлония первой половины III в. до н. э. Следовательно, по аналогии клейма из Феодосии фабриканта Кюлаима можно отнести к 300—270 гг. до н. э., т. е. к концу клеймения.

№ 8 (рис. 1,*8*) Λάκω-
ν]ος. 2. Δι — ретроградно.

Аналогичное клеймо было опубликовано В. Н. Юргевичем [34]. При сравнении двух клейм можно наблюдать некоторое сходство и отличия. Клейма магистрата Лакона идентичны по расположению надписи, хотя оттиснуты разными штемпелями.

Дополнительное клеймо оттиснуто отдельно от магистратского одним штемпелем, ретроградно, в одном (нашем) случае сверху справа от магистратского, в другом — сверху слева. Не вызывает сомнения тот факт, что разобранные клейма принадлежат одному магистрату Лакону и фабриканту, имя которого начинается на Ди.

Находка трех клейм Лакона в Феодосии (см. два у В. Н. Юргевича — № 56 и 57 и одно наше) позволяет сделать вывод о крупных поставках товара в Феодосию [35] из Гераклеи уже в первой четверти IV в. до н. э.

Какими же продуктами могла торговать Гераклея? Этот город находился уже за пределами распространения культуры оливок на восток. Гераклея не могла экспортировать масло. Следовательно, она могла ввозить в Феодосию только вино, на качество которого обращал внимание Ксенофонт [36].

№ 9 (рис. 1,*9*) Μαλίας.
'επί Σ[τύ]φωνος.

Сочетание имен магистрата Стюфона и фабриканта Малия известно в керамической эпиграфике [37]. Стюфон встречался также с именем фабриканта Дексиппа [38].

№ 10 (рис. 1, *10*) Δεξίππο. 'ε-
[πί Μ]ολοσσ[ῶ.

Очень редкое сочетание имен магистрата Молосса и фабриканта Дексиппа. Мы знаем только одно аналогичное клеймо, возможно, одного штемпеля, из Пантикапея [39].

№ 11 (рис. 1, *11*) 'Ανδρο]νίκου или Νίκου.

---

[33] *Наливкина М. А.* Раскопки в Евпатории.— КСИИМК, № 58, 1955, с. 70, рис. 24, *3*; *ее же.* Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма.— ПИСПАЭ, М., 1959, с. 190.

[34] *Юргевич В. Н.* Надписи на ручках..., с. 160, № 56.

[35] IOSPE, III, глава «Гераклея», с. 16.

[36] *Xenoph.* Anab., VI, 2, 3.

[37] IOSPE, III, № 433; *Василенко Б. А.* О характере клеймения..., с. 8, табл. I.

[38] IOSPE, III, № 412, 413.

[39] IOSPE, III, № 342.

Рельефное клеймо оттиснуто на ручке справа налево. Сохранившаяся надпись начинается от линии слома. Глина, красноватая, с мелкими крупинками песка, белыми и черными включениями, очень схожа с гераклейской. Чтение клейма предположительное. В гераклейских клеймах известны два Андроника — магистрат [40] и фабрикант [41].

№ 12 (рис. 1, *12*) NIK — Νικ.

Энглифическое клеймо оттиснуто поперек ручки. Высота букв 16—18 мм. Клеймо этого же штемпеля найдено в Ольвии [42]. Ручка может быть отнесена к амфорам, которые датируются рубежом IV—III вв. до н. э. [43]

Синопа. Синопских клейм в публикуемой коллекции наибольшее количество (№ 13—37) — 25, из них 16 поддаются определению. Хотя синопским клеймам в литературе уделяется много внимания, но до сих пор не установлены их абсолютные хронологические рамки. Особенно ненадежны датировки последних трех групп и время окончания астиномного клеймения. При всей несогласованности наиболее приемлема на данный момент датировка, предложенная Б. Н. Граковым [44], с уточнениями И. Б. Брашинского [45] и других авторов. Следует заметить, что при раскопках сельскохозяйственной усадьбы на наделе № 10 на Гераклейском полуострове, которая прекратила свое существование около середины II в. до н. э. [46], были найдены синопские клейма VI группы по Б. Н. Гракову.

По группам наши клейма распределяются следующим образом: клейм группы I нет, к группе II принадлежат девять клейм (320—270 гг. до н. э.), к группе III — четыре (270—220 гг. до н. э.), к группе IV — одно (220—183 гг. до н. э.), к группе V—VI — три клейма (первая половина — середина II в. до н. э.).

Все определенные клейма хорошо известны по публикациям (см. Приложение). Интерес представляет одно клеймо (№ 28, рис. 3, *28*), принадлежащее гончару Агесилу. Он известен в астиномных клеймах VI группы. На нашем клейме он представлен собственным штемпелем. Очевидно, деятельность Агесила приходится на время переходного этапа, когда заканчивается астиномное клеймение и остаются только фабрикантские клейма. По нашему мнению, этот процесс происходил в 150—130 гг. до н. э.

Фасос. Клейма Фасоса и его круга представлены в нашей коллекции шестью экземплярами (№ 38—43). Из нескольких существующих хронологических классификаций убедительной представляется типология, предложенная Ю. Г. Виноградовым [47].

№ 39 (рис. 3, *39*) Λεωδ [άμας.
Μέγων. амфора

Эти клейма 4б группы хорошо известны в литературе и датируются 340—330 гг. до н. э. [48]

№ 38 (рис. 3, *38*) Θάσιον.
Θ. статуя Паллады
Ἡρακλ(ε.

В. Н. Юргевичем издано клеймо этого же штемпеля [49]. Клеймо доволь-

---

[40] *Граков Б. Н.* Энглифические клейма..., с. 183.
[41] Там же, с. 185.
[42] IOSPE, III, № 1750.
[43] *Зеест И. Б.* Керамическая тара..., с. 100, табл. XXII, *44*.
[44] *Граков Б. Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928, с. 102.
[45] *Брашинский И. Б.* Экономические связи Синопы IV—II вв. до н. э.— В сб.: Античный город. М., 1963, с. 133.
[46] *Кругликова И. Т., Голенцов А. С.* Раскопки усадьбы надела 10 на Гераклейском полуострове.— АО — 1978. М., 1979.
[47] *Виноградов Ю. Г.* Керамические клейма острова Фасос.— НЭ, X, 1972.
[48] Там же, с. 59, табл. II.
[49] *Юргевич В. Н.* Надписи на ручках..., с. 99, № 25.

но распространенное, относится к 5а группе и датируется 330—320 гг. до н. э. [50]

№ 40—43 (рис. 3, *40—43*)

Черепаха — в квадрате. Анэпиграфное — в круге (повреждено). А — в круге. В. MI — в круге.

Д. Б. Шелов впервые выделил клейма группы А [51]. Они делятся на три категории: буквы и сочетания букв, монограммы и анэпиграфные. Они бывают энглифические и рельефные. Вся группа датируется IV—III вв. до н. э. [52] Хорошо известное анэпиграфное клеймо с изображением черепахи относится к первой группе и датируется 400—390 гг. [53]

Родос. Представлен четырьмя клеймами (№ 44—47), читается только одно. Это клеймо хорошо известного эпонима Алексиада (№ 44, рис. 3,*44*), деятельность которого датируется второй половиной II в. до н. э. [54]

Кос. Всего одно косское клеймо (№ 48) на двуствольной ручке. Полная аналогия найдена в Ольвии [55]. По форме ручки такие амфоры датируются II—I вв. до н. э.[56]

Боспор. В нашей коллекции пять клейм (№ 49—53), и все — на черепице. Два клейма одинаковы — ΘЕ (перед одним слом), третье — ΘЕО. Датируются III—II вв. до н. э. Еще не решен окончательно вопрос, в каком центре изготовлялась подобная черепица — в Пантикапее или в Фанагории. Известно только ее распространение на обширной территории от Феодосии до Таманского полуострова. За пределами Боспора она встречена единицами (один экземпляр в Ольвии [57] и два в Херсонесе [58]). Следовательно, боспорская черепица не являлась предметом экспорта, изготовлялась для внутрибоспорского потребления.

Неопределенные. Из восьми клейм (№ 54—61) так называемых неопределенных центров одно клеймо можно отнести к группе Парменискa [59] (№ 54). На клейме в две строки написано имя Алканор. Е. М. Штаерман отнесла их к рельефным гераклейским на ручках [60]. Одно клеймо найдено в Никонии и датируется концом IV — началом III в. до н. э. Предположительный центр производства этих амфор — какой-то центр южнофракийского побережья или Македонии, возможно, Пелла [61].

В Феодосии найдены обломки двух керамид (№ 60—61), по глине — гераклейского происхождения, на которых стоит буква М. Интересно, что буква была выполнена пальцем по сырой глине. Строго клеймом написанную букву назвать нельзя (скорее граффито), но все же она могла быть знаком мастерской или мастера.

Обращает внимание размеры букв № 60: высота 5, ширина 9 *см*; № 61 — 4,5 и 6,5 *см*.

Подводя некоторые итоги, можно отметить следующее.

Анализ письменных источников, в которых прямо или косвенно встречаются упоминания о торговых связях античной Феодосии, изуче-

---

[50] *Виноградов Ю. Г.* Ук. соч., вкладыш между с. 56 и 57.

[51] *Шелов Д. Б.* Клейма на амфорах и черепицах из Пантикапея.— МИА, № 56, 1957, с. 217.

[52] Там же, с. 221.

[53] *Виноградов Ю. Г.* Ук. соч., с. 43, с. 58, табл. II.

[54] *Шелов Д. Б.* Керамические клейма..., № 14.

[55] IOSPE, III, № 89.

[56] *Зеест И. Б.* Внутренняя торговля Прикубанья с Фанагорией.— МИА, № 19, 1951, с. 117, рис. 5, 1; *Grace V.* Pnyx. Stamped Wine Jar Fragments.— Hesperia, Suppl. X, 1956, pl. 75, № 209.

[57] IOSPE, III, № 525.

[58] IOSPE, III, № 1320, 1795.

[59] *Брашинский И. Б.* Успехи керамической эпиграфики.— СА, 1961, № 2, с. 296, рис. 1, *б*.

[60] *Штаерман Е. М.* Керамические надписи из Тиры.— КСИИМК, XXXVI, 1951, с. 36, рис. 4, *51*.

[61] *Брашинский И. Б.* Об амфорных клеймах из Пеллы.— СА, 1966, № 4, с. 230.

Список керамических клейм из Феодосии

№ п. п.	Описание клейма	Местонахождение, № п/о	Аналогии, издание клейма	Дата клейма	Описание глины и цвет *
	Гераклея				
1	Διονυ- σίο. Κε.	Фе-76, р. I, кв. XI, шт. 19, № 768	*Василенко*, НЭ, XI, с. 23	380–370	Буровато-красный (в 1)
2	'Εφ[--- 'Ε[---	Фе-77, р. I, кв. XI, шт. 22, № 336			Рыжеватый (ж 2) с темными включениями
3	Θεογέν. ----	Фе-76, р. I, кв. XI, шт. 21	*Василенко*, XI, с. 24	375–350	Мраморно-розовый (м 2) с мелкими белыми включениями
4	Ἰστιεῖος. гроздь Λυσιθέο.	Фе-76, р. I, кв. II, шт. 7, № 487			Бледно-терракотовый (ж 4) с мелкими белыми включениями
5	'επὶ Καλλία. Νόσσο.	Фе-77, р. I, кв. XI, шт. 22, № 332		370–360	Рыжеватый (ж 2), более темный по краям, с мелкими черными включениями
6	Κυλ- αίμα на калиптере в две строки по кругу	Фе-76, р. I, кв. I, шт. 18, № 746	IOSPE, III, № 55	300–275	Буровато-красный (в 1) рыхлый
7	Κυ]λ- α]ίμα. на керамиде	Фе-76, р. I, кв. XI, шт. 18, № 714	Там же	300–275	Буровато-красный (в 1) рыхлый
8	Λάκω- ν]ος. Δι-справа налево	Фе-76, р. I, кв. I, шт. 12–13, № 234, 281	Ср. *Юргевич*, XVIII, с. 160, № 56, 57. См. *Василенко*, XI, с. 13, 25	380–370	Терракотовый (о 2) с включениями серых частей
9	Μαλίας. 'επὶ Σ[τύ]φω[νος.	Фе-76, р. I, кв. II, шт. 12–13, яма № 3, № 224	См. *Василенко*, XI, с. 8, 9, табл. I; IOSPE, III, № 433	375–360	Желтовато-серый (в 3) с включениями отдельных белых и черных частей средней величины
10	Δεξίππο. 'ε- πὶ Μ]ολοσσ[ῦ.	Фе-76, р. I, кв. XI, шт. 19, № 802	*Василенко*, XI с. 8, 9; IOSPE, III, № 342	380–360	Бледно-терракотовый (ж 4)
11	Νίκου или 'Ανδρό]νικου.	Фе-76, р. I, кв. I, шт. 12, № 231	См. *Граков*, 1926, с. 183, 185		Буровато-красный (в 1) с мелкими белыми включениями
12	NIK — Νίκ(ου).	Фе-77, р. I, кв. II, шт. 11, № 115			Бледно-бурый (б 4)
	Синопа				
13	'αστυν[ομοῦντος 'Απολ[λοσώρου τοῦ Διον[υσίου.	Фе-76, р. I, кв. I, шт. 17, № 743	*Юргевич*, с. 122, № 3; IOSPE, III, № 1313	Около 150	Бледно-терракотовый (ж 4) с черными включениями

* *Бондарцев А. С.* Шкала цветов. М.— Л., 1954.

№ п. п.	Описание клейма	Местонахождение, № п/о	Аналогии, издание клейма	Дата клейма	Описание глины и цвет *
14	Βόρυος 'αστυνόμ[ου. 'Αρτεμιδ[ώρου.	Фе-76, р. I, кв. II, шт. 8–12, № 583		270–250	Розовато-лиловый (ж 3) с более светлыми и темными участками, с включениями черных блестящих частиц
15	Βόρ[υος 'ασ[τυνόμου. 'Α]ρ[τεμιδώρου.	Фе-76, р. I, кв. I, шт. 14, № 378		270–250	Розовато-лиловый (ж 3) с более светлыми и темными участками и с включением черных блестящих частиц
16	[Βόρυος'α]στυ- νομοῦντος. Πύθεω. голова Гелиоса	Фе-76, р. I. кв. I, шт. 21, № 927	*Юргевич*, с. 135, № 9; IOSPE, III, № 1890–1901; *Цехмистренко*, СА. 1958, № 1, с. 59, рис. 12	270–250	Розовато-лиловый (ж 3) с более светлыми пятнами
17	'Επι]έλπ[ου 'αστυν[όμου. Διο]νυσ[ίου.	Фе-75, р. I, кв. I, шт. 16, № 2		Около 220	Розовато-лиловый (ж 3), с более красными участками к краю, с включением черных блестящих частиц
18	Θεογείτου канфар 'αστυνό(μου). Ποσειδωνί(ου).	Фе-75, р. I, кв. I, шт. 16, № 40	IOSPE, III, № 3936. 3937; КСИА. 133, № 25	320–270	Рыжеватый (ж 2) с черными включениями
19	Ἰχεσίου слон 'αστυνό(μου). Καλλισθέ(νους).	Фе-76, р. I, кв. XI, шт. 10, № 863	*Юргевич*, с. 141, № 39 – один штемпель; IOSPE, III, № 4216	320–270	Бледно-песочный (к 3) с крупными темными частицами
20	'αστυ[νόμου Ἰχεσίου[τοῦ 'Αντι[πάτρου. Π]ολύχ[αρμος.	Фе-75, р. I, кв. I, шт. 14	IOSPE, III, № 4299, 4300	Вторая половина II в.	Бледно-терракотовый (ж 4)
21	Καλλισ]θένης 'αστυνο]μου ----- канфар	Фе-76, р. I, кв. I, шт. 16, № 569			Розовато-лиловый (ж 3) с темными включениями
22	Μν]ήσιος 'ασ]τυνομο. бородатая голова	Фе-76, р. I, кв. II, шт. 8, № 70	Ср. IOSPE, III, № 5808, эмблема голова козы?	Около 320–300	Желтовато-рыжий с включениями черных блестящих частиц
23	'ασ]τυνό[μου Μνησικλ]έους. Μενί]σκο[υ.	Фе-76, р. I, кв. XI, шт. 8–10, № 475	IOSPE. III, № 5693	270–250	Желтовато - буроватый (ж 4) с включением черных блестящих частиц
24	'αστυνό(μου) Ποσειδω(νίου). гроздь ?	Фе-77, р. I, кв. II, шт. 11, № 106	IOSPE, III, № 6505–6507	320–300	Розовато-лиловый (ж 3), более светлое по краям с темными частицами

№ п. п.	Описание клейма	Местонахождение, № п/о	Аналогии, издание клейма	Дата клейма	Описание глины и цвет *
25	Ποσειδ]ωνίο 'αστυνο(μου) Νευμηνί]ο. кадуцей треножник	Фе-75, р. I, кв. I, шт. 15, № 20	*Придик*, с. 96, № 711; IOSPE, III, № 6617 — того же штемпеля	320–270	Бледно-терракотовый, с более светлыми цветом к центру черепка, с включением черных блестящих частиц
26	Φιλο]κράτους 'αστυνομοῦν(τος). Φιλοκράτους. **факел**	Фе-76, р. I, кв. I, шт. 17, № 711	IOSPE, III, № 7669, эмблема герма	320–270	Розовато-лиловый (ж 3) с более светлыми участками, с включением черных блестящих частиц
27	κεραμέως лист Νευμηνίου τοῦ Λάκονος.	Фе-75, р. I, кв. I, шт. 16, № 40	IOSPE, III, № 8858 (того же штемпеля)	270–220	Бледно-терракотовый (ж 4)
28	'Αγησ[ίλας.	Фе-76, р. I, кв. I, шт. 13, № 338		Вторая половина II в.	Серый (в 4). В центре дутик серый (в 4), с края терракотовый (о 2) с дутиками.
29	'αστυν]όμου Καλλισ]θένους. 'Ηφαισ] τίου. Ника на квадриге скачет влево	Фе-76, р. I, кв. XI, шт. 12, № 195	IOSPE, III, № 4692	Около 150	Голубовато - пепельный (н 7) с темными включениями
30	-----]ς канфар 'αστυνόμου .]εροντος	Фе-75, р. I, шт. 8, № 12			Бледно-розовый (ж 4) с темными включениями
31	--]σθενης **голова** --]φωνος	Фе-77, р. I, кв. II, шт. 7, № 37а			Бледно-терракотовый (ж 4) с включением черных блестящих частиц
32	Справа, налево ---]ιου τοῦ ---]δωρο Неясный знак	Фе-76, р. I, кв. I, шт. 12, № 174			Терракотовый (о 2) с более красными участками, с включением черных блестящих частиц
33	----]ου канфар ----]υ	Фе-76, р. I, кв. XI шт. 19, № 762			Серо-темно-фиолетовый (н 2) с более светлыми и темными участками, с дутиками, с черными блестящими частицами
34	----]μαχου	Фе-76, р. I, кв. XII, шт. 4, № 180			Лососево - колерный (г 2) с черными включениями
35	Левая сторона обломана Лист, лев сидит влево	Фе-76, р. I, кв. II, шт. 8–12, № 556			Желтовато-рыжий (г 7) с черными включениями средней величины
36	Не читается	Фе-76, р. I, кв. I, шт. 14, № 379			Терракотовый (о 2) с более светлыми участками, с включением черных блестящих частиц

Продолжение

№ п. п.	Описание клейма	Местонахождение, № п/о	Аналогии, издание клейма	Дата клейма	Описание глины и цвет *
37	Не читается	Фе-76, р. I, кв. II, шт. 7 (печь), № 482			Лососево - колерный (г 2) с включением черных блестящих частиц
	Фасос				
38	Θάσιον. Статуя Паллады Ἡρακλ(ε	Фе-76, р. I, кв. II	*Юргевич*, XVIII, с. 99, № 25	330–320	Ржавый (ж 1)
39	Λεωδάμας амфора Μέγων.	Фе-76, р. I, кв. II, шт. 6, № 399		Около 340	Желтовато-рыжий (г 7)
40	Черепаха в квадрате	Фе-77, р. I, кв. I, шт. 21, № 335		400–370	Буровато-красный (в 1)
41	Δ в круге на плече амфоры	Фе-75, р. I, кв. I	Воп. № 2205-А, Воп. № 2191	Первая половина IV в.	Бледно-терракотовый (ж 4)
42	МІ в круге	Фе-76, р. I, кв. I, шт. 16, № 571			Коричневый (в 7)
43	В	Фе-75, р. I, кв. I, шт. 17, № 15			Буровато-красный (в 1)
	Родос				
44	ἐπὶ Ἀλεξι-άδα. Θεσμο-φορίου.	Фе-75, р. I, шт. 8, № 11	*Шелов*, № 14, с. 528	Вторая половина II в.	Рыжеватый (ж 2)
45	Μικίου Герма	Фе-77, р. I, кв. II, шт. 10, № 91	IOSPE, III, № 8164–8203		Бледно-розовый (ж 4)
46	----]χου ----ου	Фе-76, р. I, п. м., № 5			Рыжеватый (ж 2)
47	Не читается	Фе-76, р. I, кв. IX, шт. 8–15, зачистка над водостоком 2, № 590			Терракотовый (о 2)
	Кос				
48	Δ]ώρου	Фе-76, р. I, кв. I, шт. 11, № 100			Ржавый (ж 1)
	Боспор				
49	Θε[ο(керамида	Фе-76, р. I, кв. I, шт. 12, № 117			Буровато-красный (в 1), пористый с белыми и черными включениями
50	Θε[ο(керамида	Фе-76, р. I, кв. II, шт. 18, № 729			Буровато-красный (в 1) с крупными включениями серых частиц, дутик
51	Θεο(керамида	Фе-76, р. I, кв. I, шт. 12, № 182	*Юргевич*, XVIII, с. 167, № 20; IOSPE, III, № 289–305		Буровато-красный (в 1) с крупными включениями серых частиц, дутик

Окончание

№ п.п.	Описание клейма	Местонахождение, № п/о	Аналогии, издание клейма	Дата клейма	Описание глины и цвет *
52	СΞО черепица	Фе-76, р. I, кв. I, шт. 21, № 952			Ржавый (ж 1) с крупными белыми включениями
53	----ОС черепица	Фе-77, р. I, кв. I, шт. 17, № 200			Буровато-красный (в 1) с белыми включениями
	Группа Парменискa				
54	'Αλκα- νόρος	Фе-76, р. I, кв. XI, шт. 12, № 160	*Брашинский*, СА, 1961, № 2, с. 296, 1б. *Штаерман*, XXXVI, с. 36, р. 4, *51* рельефное гераклейское		Оранжевый (о 3)
	Неопределенные				
55	'Αμ или Μα в монограмме в круге на горле под венчиком	Фе-76, р. I, кв. I, шт. 20, № 816			Бледно-терракотовый (ж 4)
56	ΔΥ ΝΑ	Фе-76, р. I, кв. II, шт. 8–12, № 560			Бледно-терракотовый (ж 4) с темным пережогом в центре
57	---]ου	Фе-76, р. I, кв. II, шт. 17, № 675			Желтовато-буроватый (д 4) с мелкими темными частицами
58	---о-- круглое на ручке, стерто	Фе-76, р. I, кв. I, шт. 14, № 375			Ржавый (ж 1)
59	Анэпиграфное в круге	Фе-77, р. I, кв. XII, шт. 7, № 39а			Бледно-терракотовый (ж 4)
60	М граффито керамида	Фе-77, р. I, кв. XI, шт. 16, № 313			Ржавый (ж 1) с крупными черными включениями
61	М граффито	Фе-77, р. I, кв. II, шт. 15, № 169			Ржавый (ж 1) с крупными черными включениями

ние полученного в результате археологических раскопок керамического материала, а также клейм позволяют на этом материале сделать выводы об интенсивных торговых связях Феодосии с центрами Средиземноморья и Причерноморья в IV—I вв. до н. э. (Фасос, Родос, Кос, Гераклея, Синопа и др.).

Находки в раскопках античной Феодосии боспорской черепицы говорят о значительном участии города в III—II вв. до н. э. во внутрибоспорской торговле.

A. S. Golentsov, B. G. Peters

POTTERY STAMPS FROM THE DIGS OF 1975-1977 IN THEODOSIA

Summary

The authors present their investigation of pottery stamps found in Theodosia (Feodosia) in 1975-1977 and their epigraphic analysis, along with a concise analysis of the written evidence of Feodosia in the period of Antiquity and its trade links. The article describes the remains of buildings dated back to the 5th-4th centuries B. C.

All available evidence testifies to Feodosia's intensive trade with the Meditarrenean and the Black Sea centres and to its active role in the internal trade of the kingdom of Bosporus.

В. Г. ПУЦКО

КАМЕННЫЙ РЕЛЬЕФ ИЗ КИЕВСКИХ НАХОДОК

Фрагментарно сохранившийся рельеф размером 56×75 *см*, выполненный из песчаника, введен в научный обиход Н. В. Холостенко немногим более 10 лет назад [1]. По словам автора статьи, этот каменный блок с украшающим его погрудным изображением богоматери с полулежащим младенцем на левой руке найден еще до войны на территории развалов Десятинной церкви и хранился в запасниках Киевского исторического музея. По-видимому, рельеф был найден в период между 1935 г., когда разобрана постройка, возведенная в XIX в. по проекту В. П. Стасова, и 1938 г.— началом раскопок Киевской археологической экспедиции. Руководителю этих работ — М. К. Каргеру находка, однако, осталась неизвестной и не вошла в его обзор фрагментов убранства интерьера Десятинной церкви [2]. Принадлежность рельефа из серого песчаника, залежи которого находятся в районе Канев—Трахтомиров, к первоначальному скульптурному декору храма, сооруженного князем Владимиром в 996 г., у Н. В. Холостенко не вызвала сомнений.

Особенно исследователя укрепили в его выводах два аргумента. Он обратил внимание на то, что М. К. Каргером отмечено широкое применение серого песчаника в кладках западной части Десятинной церкви, где из этого материала были сделаны сохранившиеся фундаменты всей западной стены [3]. Общий характер исполнения рельефа, с чертами несколько примитивного реализма, по мнению Н. В. Холостенко, служит указанием на руку местных мастеров, «знавших современное им византийское искусство или работавших по тем или иным образцам» [4]. Второй аргумент всецело основан на особенностях иконографического порядка. Отмечая редкость представленного в рельефе сюжета в монументальной пластике, автор статьи указал на его примеры в сирийском Евангелии Рабулы (586 г.), в мелкой пластике и на печатях представителей духовенства, особо выделив приведенные в книге Н. П. Кондакова «Иконография Богоматери» печать епископа Зоила (VI—VII в.) и печать Михаила Рангави (811—813 гг.) [5]. «Отметим,— пишет Н. В. Холостенко,— еще некоторые черты в трактовке образов младенца и Богоматери. Тип лица младенца носит черты античного отрока с длинными волнистыми волосами, а не короткими вьющимися, характерными для XI—XII веков. Лицо Богоматери со свободно накинутым платком, оставляющим открытым лоб, сделано в реалистической манере, не связанной еще жесткими рамками канонической иконной схемы, и выявляет также некоторые античные черты, которые мы можем видеть, например, в надгробных стел-

[1] *Холостенко Н.* Памятник древнерусской пластики. «Искусство», 1969, № 5, с. 49—51.
[2] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. II. М.— Л., 1961, с. 56—59.
[3] Там же, с. 30.
[4] *Холостенко Н.* Памятник..., с. 50.
[5] Там же, с. 49.

лах II—III вв., найденных на территории Болгарии. Но при этом сам тип постановки фигуры и головы с прямо смотрящими на зрителя глазами уже характерен для византийского искусства X века»[6]. Место рельефа исследователь допускал на внешних стенах, в тимпане портала или на фронтоне центральной закомары, и это, по его мнению, должно было подчеркнуть, что церковь посвящена Богородице («Богородица Десятинная»), равно как и значение ее как собора митрополии, и «указывать на пребывание в ней главы древнерусской церкви»[7].

Эта внешне стройная концепция не вызвала каких-либо возражений, и рельеф вошел в научную литературу как древнейшее произведение русской каменной пластики, украшавшее в конце X в. Десятинную церковь в Киеве[8]. Немногочисленность и случайность подбора скульптурных обломков, происходящих из руин того же храма, казалось, не может что-либо дать для проверки выводов относительно характера пластического декора постройки конца X в. Логические рассуждения могли бы, однако, привести к решению вопроса об источнике стиля обнаруженного рельефа, тем более что письменные источники сохранили свидетельство о том, как князь Владимир «помысли поздати церковь пресвятыя Богородица и послав приведе мастеры от Грек». Между тем среди сохранившихся произведений константинопольской скульптуры X в.[9] нет сходных образцов, как нет их и среди более ранних произведений того же происхождения. Типологически сходные изображения на рельефе VI в. церкви в Двине[10] и рельефа восточного фасада храма в Вале X в.[11] отличаются именно в тех деталях, которые Н. В. Холостенко считал наиболее существенными, не говоря уже о различии стиля. Следовательно, предположение о работе в Киеве в конце X в. (поскольку материал местный) мастера, следовавшего приверженной к архаическим формам восточнохристианской традиции, также отпадает. Как бы высоко мы ни оценивали итоги самостоятельного творчества русских мастеров конца X в., все же трудно приписать им этот опыт художественной обработки камня, особенно зная, что и в следующем столетии фигурный рельеф в Киеве большого распространения не получил, а затем в продолжение всего домонгольского периода не встречается в киевской монументальной пластике вообще[12]. Таким образом, появление рельефного изображения богоматери с младенцем на плоскостях стен Десятинной церкви представляется сомнительным. Не обнаруживает рельеф и следов помещения его в тимпане портала.

Хотя фрагментарная сохранность рельефа (рис. 1) не позволяет получить представление об его первоначальных размерах, все же достаточно очевидно, что по ширине каменный блок мог немногим превышать 1 *м*, поскольку утраченная часть едва ли значительно превышала пространство справа от изображения младенца, заполненное его монограммами. В соответствии с этим приходится предположить, что в левой части блока были такие же рельефные монограммы богоматери. Н. В. Холостенко писал, что по дошедшей до нас части рельефа нельзя определить первоначальный характер композиции (погрудное, поясное или полнофигурное изображение)[13]. К этому можно еще добавить, что в случае

---

[6] Там же, с. 51.

[7] Там же.

[8] *Вагнер Г. К.* Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., 1974, с. 118, рис. 16; *его же.* Скульптура Древней Руси.— В кн.: Триста веков искусства. М., 1976, с. 237, рис. на с. 242.

[9] *Grabar A.* Sculptures byzantines de Constantinople (IVe — Xe siècle). Paris, 1963.

[10] *Brentjes B.* Drei Jahrtausende Armenien. Leipzig, 1972, Abb. 27.

[11] *Алдашвили Н. А.* Монументальная скульптура Грузии. Фигурные рельефы V—XI веков. М., 1977, рис. 91.

[12] *Пуцко В.* Киевские рельефы святых всадников.— Старинар, н. с. кн. XXVII/1976. Београд, 1977, с. 122—124.

[13] *Холостенко Н.* Ук. соч., с. 49.

Рис. 1. Рельеф с изображением Богоматери с младенцем. Начало XIII в. Гос. Исторический музей УССР

реальности последнего варианта мы также не в состоянии разгадать, была ли богоматерь представлена стоящей в рост или сидящей на троне. При этом попутно заметим лишь, что сопроводительные надписи на византийских рельефах обычно врезаны в фон, как и на резных иконах из стеатита. В качестве редкого примера произведения византийской пластики, украшенного рельефными надписями, следует указать небольших размеров (диаметром 9 *см*) артосную панагию из светло-бирюзового стеатита в монастыре св. Пантелеимона на Афоне, с именем императора Алексея Комнина Ангела (1195—1203 гг.) [14]. Круглый медальон указанного произведения имеет изображение богоматери с полулежащим младенцем на руках, довольно близкое по своему типу киевскому рельефу (рис. 2).

Иконографический тип изображения богоматери с полулежащим младенцем на левой руке, обязанный своим происхождением восточнохристианскому искусству раннего средневековья, как заметил Н. П. Кондаков, «рано возникает в александрийском искусстве древнейшего периода и столь же рано исчезает, не оставляя после себя никаких следов» [15]. Его особенностью является поднятая вверх правая рука богоматери. Направление складок мафория у правого плеча на киевском рельефе не позволяет говорить о том, что рука имела подобное же положение. Н. П. Кондаков полагал, что в основе изображения «исторической Одигитрии» лежит, вероятнее всего, сирийский или греко-восточный прототип, где «Иисус представлен младенцем, не отроком, и Мария держит его

[14] *Кондаков Н. П.* Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902, с. 222—224, табл. XXXI; *его же.* Иконография Богоматери, т. II. Пг., 1915, с. 254—256, рис. 137; *Айналов Д.* Византийские памятники Афона, III. Артосница ризницы Пантелеймоновского монастыря.— ВВ, т. VI, 1899, с. 73—75, табл. X; *Малицкий Н.* Панагиар Афонского монастыря Руссик (св. Пантелеймона).— В кн.: Сборник статей в честь С. А. Жебелева. Л., 1926, с. 592—602; *Банк А. В.* Прикладное искусство Византии IX—XII вв. Очерки. М., 1978, с. 90, 91, рис. 74.

[15] *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери, т. I, СПб., 1914, с. 251.

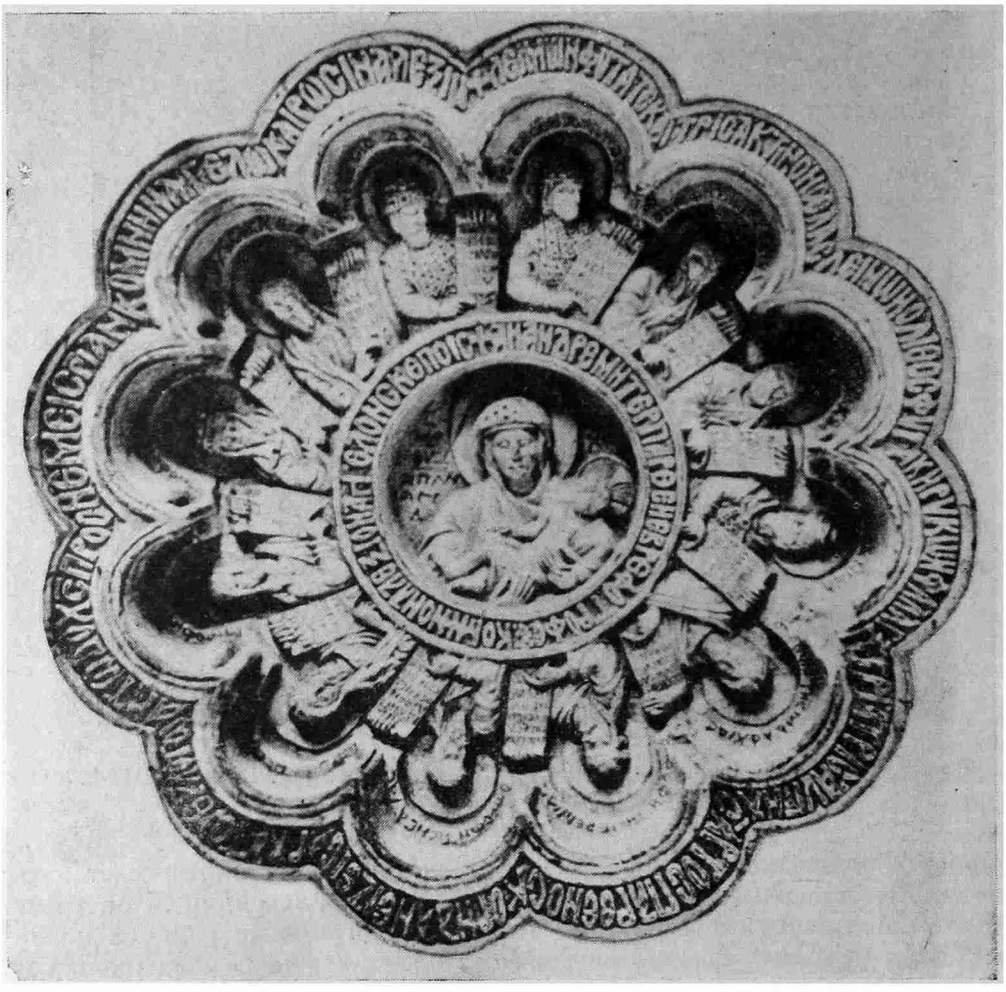


Рис. 2. Артосная панагия, 1195—1203 гг. Афон, монастырь св. Пантелеймона

полулежащим, т. е. в том положении, как носят матери спеленутых грудных детей» [16]. Сказанное он иллюстрировал печатями VI—XI вв.[17], к которым можем также присоединить молидовул императора Льва III (717—730 гг.) [18], указывающий на то, что подобное изображение богоматери украшало в Византии не только печати духовенства. В конце XII — начала XIII вв. интересующий нас иконографический тип снова встречается как в искусстве Византии, так и на Западе [19].

Собственно византийским рельефом является лишь уже упомянутая артосная панагия в монастыре св. Пантелеймона на Афоне (рис. 2). Н. В. Малицкий, посвятивший ей специальный экскурс, не решался относить выполнение этого произведения ранее чем к XV в.: настолько оно не укладывалось в рамки существовавших представлений о стиле византийского искусства рубежа XII—XIII вв., что посвятительная надпись с именем Алексея Комнина Ангела не могла окончательно убедить исследователя. Уже сам мотив изображения богоматери в окружении пророков для Н. В. Малицкого служил указанием на последний период византийского искусства. Неожиданным для XII в. ученый находил и изображение

[16] Там же, т. II, с. 162.
[17] Там же, рис. 71—73.
[18] Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки, вып. I. М., 1977, № 216.
[19] *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. Связи греческой и русской иконописи с итальянскою живописью раннего Возрождения. СПб., 1910, с. 72, 73, рис. 59—61.

Рис. 3. Капитель с изображением жен-мироносиц у гроба. Из церкви в Моцаке. Первая половина XII в.

младенца [20]. Д. В. Айналов обратил внимание на ту особенность стиля, что «вся композиция артосницы интересна в том смысле, что рельеф разной глубины образует на ней три поверхности или уровня. В самой глубине ее представлен медальон с Богородицей, выше изображены пророки и, наконец, верхний ободок представляет большую надпись» [21]. Отнесение указанного произведения к 1195—1203 гг. в последнее время не возбуждает сомнений. Западные черты панагиара становятся понятными при его сопоставлении с такими произведениями немецкого искусства, как выполненный в 1180—1190-х годах купольный реликварий кельнского происхождения (Музей Виктории и Альберта в Лондоне) и датируемый началом XIII в. башенный реликварий того же происхождения в Гессенском земельном музее в Дармштадте [22].

При исследовании владимиро-суздальской скульптуры раннего XIII в. Г. К. Вагнер обратил внимание на то интересное явление, что наряду с иконографическими новшествами в иконографии ряда широко распространенных сюжетов возрождаются изводы, восходящие к искусству христианского Востока [23]. Артосная панагия на Афоне (рис. 2) и рассматриваемый киевский рельеф, сближающийся с ней в плане иконографии (рис. 1), могут служить иллюстрацией того же художественного процес-

---

[20] *Малицкий Н.* Ук. соч., с. 593, 594.

[21] *Айналов Д.* Ук. соч., с. 73.

[22] The Year 1200. A Centennial Exibition at the Metropolitan Museum of Art. Catalogue, vol. I. New York, 1970, № 339, 71.

[23] *Вагнер Г. К.* Древние черты по владимиро-суздальской скульптуре XIII века как элементы нового стиля.— В сб.: Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972, с. 162.

са. Но для того чтобы оказалось возможным распространение данного вывода на произведение каменной пластики из киевских находок, необходимо указать стилистические параллели. Как это ни удивительно, но наиболее существенную аналогию для рельефа представляет произведение романской скульптуры во Франции — капитель с фигурами женмироносиц у гроба из разрушенного хора церкви св. Петра в Моцаке у Риома (рис. 3) [24]. Так же, как и в изображении богоматери с младенцем на рельефе из Киева, здесь фигуры не расчленены с блоком, что имеет место уже в современной капители (датируется первой половиной XII в.) французской романской скульптуре [25]. С киевским рельефом указанную капитель сближает не только сходство в трактовке фигуры, но и аналогичными приемами переданные детали, и прежде всего черты лица, свободно накинутый мафорий, выделение изображения и характер нимбов. Вместе с тем найденное в Киеве произведение при сопоставлении с романской капителью из Франции выглядит как более упрощенный вариант того же стиля, хотя у нас нет оснований говорить об их синхронности. Неудовлетворительная сохранность киевского рельефа, хотя и затрудняет его анализ, не оставляет сомнений в том, что скульптор, выполнивший это произведение, копировал не совсем привычный для него образец. Был ли мастер местным или заезжим — для нас в данном случае не имеет принципиального значения. Существеннее здесь иное, а именно: ориентация на оригинал с чертами западного художественного стиля. Этот оригинал мог быть и константинопольского происхождения, в чем убеждает соотнесенная нами с рельефом артосная панагия, обнаруживающая черты стилистического сходства и с капителью из Моцака.

Рис. 4. Деревянный рельеф св. Георгия в Галлисте. Вторая половина XIII в.

Все отмеченные нами особенности для развития европейской скульптуры XIII в. отнюдь не представляют чего-то неожиданного. Взаимодействие византийской и западной художественных традиций, начавшееся в более ранний период, теперь вступает в пору активизации [26]. Особенно ярко процесс ассимиляции византийских моделей проявился в венецианской скульптуре [27]. Захват крестоносцами Константинополя в 1204 г. существенно изменил развитие и византийской пластики, особенно в пределах Балканского полуострова. Об этом позволяют лучше всего судить памятники деревянной скульптуры, созданные в XIII в. и обнаруживающие также определенные черты стилистического сходства с киевским

[24] *Möbius Fr.* Romanische Kunst. Berlin, 1969, S. 34, Abb. 47.

[25] Ср. *Wixom W. D.* Treasures from Medieval France. Cleveland, 1967, p. 64 ff.

[26] *Demus O.* Byzantine Art and the West. New York, 1970, p. 121 ff.; *Weitzmann K.* Byzantium and the West around the Year 1200.— In: The Year 1200: A Symposium. New York, 1975, p. 53—93.

[27] *Demus O.* The Church of San Marco in Venice. History, Architecture, Sculpture. Washington, 1960, p. 123 ff.

каменным рельефом [28]. Они также ориентированы на более ранние образцы, и это может объяснить, почему именно с рассматриваемым произведением сопоставима статуя св. Георгия из Галлисты в Македонии, относящаяся ко второй половине XIII в. (рис. 4). Датировать этим же временем киевский рельеф невозможно не только потому, что не логично предполагать его изготовление после взятия Киева полчищами Батыя в 1240 г., но и по причине связи памятника с фрагментарно сохранившимся фризом с греческой надписью, выполненным из того же материала.

Остатки фриза шириной 23 *см*, содержащие в общей сумме 13 букв греческого алфавита, исполненных на нескольких отдельных камнях, рельефно выступающие примерно на полсантиметра над фоном, известны давно. Боплан, описывая храм XVII в., сооруженный митрополитом Петром Могилой на развалинах древней церкви, замечает, что стены «вышиной от 5 до 6 футов покрыты греческими надписями; сии надписи вырезаны более нежели за 1400 лет перед сим на алебастре, но время почти совершенно их сгладило» [29]. О надписи неоднократно писали различные авторы, касаясь ее истории [30]. «Перевести ж оных литер не можно,— сообщал Г. Теплову в письме от 12 сентября 1769 г. митрополит Арсений Могилянский,— потому что они речения никакого не составляют, а суть только одни начальныя большия литеры» [31].

Интересное соображение было высказано в качестве рабочей гипотезы проф. А. А. Белецким, что фрагментарно сохранившееся в этой надписи ὠμέ могло относиться к слову ὠμεγα и в таком случае это остаток известного текста Апокалипсиса: «Ἐγώ εἰμι τὸ Α καὶ Ω, ἀρχὴ καὶ τέλος, λέγει ὁ Κύριος, ὁ ὢν καὶ ὁ ἦν καὶ ὁ ἐρχόμενος, ὁ παντοκράτωρ».— «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, который есть, был и грядет, Вседержитель (гл. I, ст. 8). Если надпись такого содержания могла украшать стену Десятинной церкви в конце X в.[32], то ее следует рассматривать как греческий эквивалент изредка встречающегося в западных памятниках латинского текста: «Ego sum A et O, principium et finis», чаще, однако, имеющего форму: «Ego sum Alfa et O, prim: et novissimus (Apc. XXII, 13), что видим, например, на фреске в Сан Анджело ин Формис (около 1080 г.), либо: «Ego sum A et Ω principium et finis», как на портале церкви св. Михаила в Пизе (1204 г.).

Весьма существенно, что ни в одном из цитированных вариантов, в отличие от «альфы», не дано прочтение «омеги», везде переданной лишь одной буквой. Нам пришлось обратиться к латинской традиции цитирования интересующей нас фразы потому, что в Византии ни в одном из памятников она не зафиксирована. Да и на западном материале среди текстов, сопровождающих изображения Пантократора, насчитываются единичные примеры [33]. Если стену построенной князем Владимиром

---

[28] *Sotiriou G. A.* La sculpture sur bois dans l'art byzantin. In: Mélanges Charles Diehl. Etudes sur l'histoire et sur l'art de Byzance, vol. 2, Paris, 1930, p. 178—180, pl. XIV(1), XV, fig. 4, 5; *Пуцко В.* Мариупольский рельеф св. Георгия.— Зборник радова Византолошког института, кн. XIII. Београд, 1971, с. 313—331, рис. 1—6.

[29] Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Киев, 1874, с. 44.

[30] *Закревский Н.* Описание Киева, т. I. М., 1868, с. 284, 285; Краткое историческое описание первопрестольной соборной Десятинной церкви в Киеве. СПб., 1829, с. 22; *Оглоблин Н. Н.* Из архива мелочей о Киеве XVII в.— Киевская старина, т. XXV, 1889, с. 578; (*Беляшевский*) *Н. Ф.* Десятинная церковь.— Киевская старина, т. XXII, 1888, июль, с. 6; *Голубев С. Т.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, т. II. Киев, 1898, с. 433; *Орловский П.* Церковно-историческая заметка.— Труды Киев. дух. академии, год LI, 1910, № 9, с. 146—148.

[31] Там же, с. 144.

[32] Мы не видим реальных оснований допустить эту возможность по причинам, о которых говорим дальше в статье.

[33] *Capizzi C.* Pantokrator. Saggio d'esegesi letterio-iconografica. Romae, 1964, p. 274, 247, 290, 292; *Dobrzeniecki T.* Maiestas Domini w zabitkach polskich i obcych z Polska

Десятинной церкви, возведенной константинопольскими мастерами, украшала надпись именно этого содержания, то напрашивается вопрос: почему именно здесь сказались воздействия латинского обычая?

Насколько можно судить по рисунку начала XIX в., изображающему стену постройки митрополита Петра Могилы, это явно не остатки храма X в.[34]. Об этом, в частности, говорят стрельчатые завершения оконных и дверных проемов, о том же свидетельствует и случайное расположение литер греческой надписи, помещенной явно не на своем первоначальном месте. Откуда же она могла появиться? Чтобы дать ответ, следует сопоставить выводы, полученные как при изучении фрагментов надписи, так и в результате анализа рельефа. Эпиграфические особенности сохранившихся букв на первый взгляд производит впечатление большой древности, но при более внимательном ознакомлении с графическими начертаниями надписи нетрудно в ней обнаружить элементы, известные не только по мозаикам Софии Киевской, выполненным в первой половине XI в.[35], но и русским надписям более позднего времени. Так, «А» напоминает своей петлей и крышкой начертания конца XII начала XIII в.[36] То же можно сказать и относительно «Е» с коротким язычком. Судить об эпиграфических признаках остатков монограмм Христа на рельефе по существу невозможно. Единственная удовлетворительно сохранившаяся «Х» с прихотливо изогнутой толстой чертой приближается по своим формам к надписи на артосной панагии, выполненной между 1195 и 1203 гг. (рис. 2). Таким образом, время изготовления фриза с греческой надписью и рельефа с изображением богоматери с младенцем можем окончательно отнести к рубежу XII—XIII вв. Нас несколько смущает лишь геометризация «сигмы» в той же монограмме Христа. Но предположить выполнение рельефа и фриза при Петре Могиле у нас нет оснований. Следовательно, для того чтобы доказать принадлежность фриза с надписью и рельефа Десятинной церкви, необходимо установить проведение в храме серьезных ремонтных работ именно тогда, когда изготовлены указанные произведения пластики. В рассказе Лаврентьевской летописи под 6711 (1203) г. о разгроме, которому подверг Киев князь Рюрик Ростиславич, есть фраза: «и Десятинную святую Богородицу разграбиша». Однако ни о каких разрушениях здесь нет и речи. Разрушение церкви принес 1240 г., когда сооружение превратилось в руины.

Но в непосредственной близости от возведенной князем Владимиром Десятинной церкви именно в то время, которым мы датировали рельеф, была построена ротонда, остатки которой недавно открыты и изучены киевскими археологами[37]. Внутренний диаметр ротонды равен 17, а внешний — 20 *м*. В центре постройки находится массивный столб, выложенный из плинфы и брусчатки, круглый, диаметром 3,2 *м*. Найденные при раскопках фрагменты фресок указывают на то, что интерьер ротонды был украшен росписями. Ротонды такого типа с опорным столбом в центре крайне редки. В их числе должны быть названы ротонда в Олсе в Дании (вторая половина XII в.)[38], ротонда в Кэрные в Венгрии, недалеко от Эстергома (XIII в.)[39], а также ротонда в Селмецбанья

---

zwiazanych, cz. III.— Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie, t. XIX. Warszawa, 1975, s. 236.

[34] *Каргер М. К.* Ук. соч., т. II, рис. 2.

[35] *Белецкий А. А.* Греческие надписи на мозаиках Софии Киевской.— В кн.: *Лазарев В. Н.* Мозаики Софии Киевской. М., 1960, с. 161сл.

[36] *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV веков.— САИ, вып. Е 1—44, М., 1964, № 33.

[37] *Боровський Я. С., Толочко П. П.* Київська ротонда.— В кн.: Археологія Киева. Дослідження і матеріали. Київ, 1979, с. 90—103.

[38] *Tuulse A.* Skandinawia romanska. Warszawa, 1970, s. 259, tabl. 115.

[39] *Gervers-Molnar V.* A közepkori Magyarorszag rotundai. Budapest, 1972, s. 43, kép. 30.

(Банска Штавница), построенная не позднее начала XIII в.[40]. Все эти сооружения решительно отличаются от галицких и волынских церквей-ротонд[41]. Киевская постройка не имела алтарной апсиды, как не имела ее и смоленская ротонда, представлявшая «немецкую божницу»[42]. Массивный опорный столб в центре, несомненно, поддерживал свод крипты. Постройка была двухэтажной, как и ротонда в Селмецбанья. На это, в частности, указывает заметное увеличение фундамента западной пилястры, ширина которого достигает 3 *м* (при ширине в других местах 1,33 и 1,53 *м*). Входная дверь могла находиться на значительной высоте и вести на второй этаж. Тип ротонды с одним столбом в центре наиболее характерен для североевропейской архитектуры[43]. И не исключено, что обнаруженная в Киеве ротонда представляла, как и в Смоленске, латинский храм. Мы знаем о давней связи с Киевом скоттов[44]. В начале XIII в. они построили храм в честь Девы Марии, при котором проживали доминиканцы, до их изгнания князем Владимиром Рюриковичем в 1233 г.[45] Эти кельтоязычные проповедники, ирландцы, как обычно отмечается, знали греческий[46]. Поэтому, если мы отождествим ротонду с построенным скоттами храмом Девы Марии, то присутствие в этом сооружении надписи с текстом из Апокалипсиса на греческом языке так же не вызовет удивления, как и отмеченный явными воздействиями романской пластики рельеф с изображением Богоматери с младенцем.

Когда и при каких обстоятельствах была разрушена ротонда в Киеве, остается неизвестным. Можно уверенно говорить лишь о том, что к XVII в. она оказалась в развалинах. И, может быть, скульптурные детали из нее использовал митрополит Петр Могила при работах по восстановлению храма на руинах Десятинной церкви, точно так же, как незадолго до того использовали материал из домонгольских построек (в том числе и из Десятинной церкви) строители католического собора на Подоле[47]. Если каменный рельеф, о котором шла речь, действительно связан своим происхождением с ротондой, отождествленной нами гипотетически с построенным скоттами храмом Девы Марии, можно говорить о скульптурном произведении, созданном сравнительно незадолго до татаро-монгольского вторжения. Предназначен ли был этот рельеф для украшения интерьера или фасада здания,— пока говорить преждевременно. Несомненно лишь его выполнение в самом начале XIII в. и несоответствие характеру декора Десятинной церкви.

---

[40] *Idem*, s. 54, kep. 36; *Mencl V.* Stredoveka architektura na Slovensku, t. I. Praha — Prešov, 1937, s. 193—196.

[41] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура на рубеже XII и XIII вв.— В сб.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977, с. 27.

[42] *Его же.* «Латинская церковь» в древнем Смоленске.— В сб.: Новое в археологии. М., 1972, с. 283—289; *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л., 1979, с. 140—150.

[43] *Seesselberg Er.* Die skandinavische Baukunst der ersten Nordischchristlichen Jahrhuserte. Berlin, 1897; *Frölen H. F.* Nordens befästa runrundkyrkor, t. 1. Stockholm, 1911, bild 5, 202, 209, s. 83—89.

[44] *Васильевский В. Г.* Древняя торговля Киева с Регенсбургом.— ЖМНП, 1888, июля, с. 134—137.

[45] *Стороженко А. В.* О существовании в г. Киеве римско-католических храмов.— В кн.: Eranos. Сборник статей по литературе и истории в честь Н. П. Дашкевича. Киев, 1906, с. 244, 245; см. также: *Закревский Н.* Ук. соч., т. I. М., 1868, с. 445—448.

[46] Подробнее о деятельности ирландцев см.: *Кузьмин А. Г.* Славянское древнейшее письмо — «черты» и «резы».— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 240—243.

[47] *Івакін Г. Ю.* До питання про кам"яну архітектуру пізньосередньовічного Києва.— В кн.: Археологія Києва. Київ, 1979, с. 108—124.

V. G. Putsko

A STONE RELIEF FROM KIEV

Summary

The article gives an iconographic and stylistic analysis of the stone relief representing the Holy Virgin with the Infant known in literature as part of the decoration of the Tithe Church in Kiev. The author discusses the stylistic discrepancy of this partly preserved relief and the late 10th-century plastic decoration style. He finds analogies among West European sculptures and examples of Byzantine plastic art of the late 12th and 13th centuries influenced by West European culture. The comparison of the relief with the partly preserved frieze with a Greek inscription and its analysis permit the author to suppose that they date to the turn of the 12th century and that they belonged to the plastic decoration of the rotunda recently excavated in Kiev. The author tends to identify it with the Church of the Holy Virgin built by the Scots in the early 13th century.

Т. В. СЕРГИНА

ПОЛИВНАЯ ПОСУДА ИЗ СМОЛЕНСКА

Применение кроющей поливы в керамическом производстве является важным достижением этого вида ремесла, позволяющим судить об уровне производства в целом, художественных вкусах людей и других культурных явлениях. Поливная керамика древнерусского времени изучена относительно полно, определены истоки, основные этапы и направления русского поливного дела XI—XIII вв., выявлено своеобразие отдельных центров производства [1]. Все это является хорошей основой для исследования богатых материалов поливной керамики позднего средневековья.

За годы археологического изучения Смоленска накоплен обширный материал по истории керамического производства города, в том числе поливной керамики. Отдельные категории поливных изделий Смоленска уже получили освещение в научной литературе [2]. Однако еще не рассмотрена самая многочисленная их категория — посуда, которой и посвящена данная работа [3].

Коллекции поливной посуды из раскопок разных лет, хранящиеся в фондах Смоленского областного краеведческого музея и на кафедре археологии исторического факультета МГУ, неравноценны по количеству и хронологическому охвату. Значительно обесценивает материал нарушенность слоя в раскопах на Соборной горе. Благодаря хорошей сохранности слоя и наличию шкалы абсолютных дендродат [4] наиболее дробно можно расчленить материалы из раскопов по ул. Соболева (бывш. Армянская ул) у северного подножия Соборной горы. Наличие в этом районе слоев второй половины XI—XVII вв. позволяет изучить поливную керамику Смоленска от самых ранних ее образцов до позднесредневековых.

Характеристику рассматриваемого материала начнем с разбора химического состава кроющей поливы [5], приведенного в таблице.

Глазури принадлежат к трем классам стекла: калиево-свинцово-кремнеземные (анализ 436 : 3, 436 : 4), натриево-свинцово-кремнеземные (ан. 437 : 11), свинцово-кремнеземные (все остальные). Самые многочис-

---

[1] *Макарова Т. И.* К вопросу о происхождении поливной посуды на Руси.— СА, 1963, № 2; *ее же.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси.— САИ, вып. Е 1-38, М., 1967; *ее же.* Поливная керамика в древней Руси. М., 1972.

[2] *Векслер А. Г.* Майоликовая плитка XII в. из собрания Смоленского музея.— СА, 1959, № 3; *Авдусин Д. А.* Многоцветные поливные ручки ножей из Смоленска.— СА, 1960, № 3; *Щапова Ю. Л.* Плитчатый пол вновь открытой церкви на Соборной горе Смоленска.— В сб.: Культура древней Руси. М., 1966; *Юркина Т. В.* Смоленские изразцы.— В сб.: Проблемы истории СССР, вып. VI. М., 1977.

[3] Работа построена на материалах Смоленской археологической экспедиции МГУ 1951—1976 гг., за предоставление которых выражаю свою признательность руководителю экспедиции Д. А. Авдусину.

[4] *Черных Н. Б.* Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы.— В сб.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972, с. 97—102.

[5] Серия анализов кроющей поливы проведена в лаборатории спектрального и структурного анализа кафедры археологии МГУ под руководством Ю. Л. Щаповой.

№ п. п.	№ пластинки и спектра	Описание образца и его местонахождение	K	Mn	Ca	Al	Na	Ag	Cu	Sn	Mg	Pb
1	434 : 21	Пороховница желто-коричн. См-64 УС-VIII № 118	—	—	5	5	—	—	4	4	—	3
2	434 : 24	Сосуд зел. См-71 УС-XI пл. 01 кв. 169	—	—	5	5	—	—	3	4	—	1
3	434 : 25	Сосуд ж.-кор. См-72 УС-XI пл. 3 кв. 178	5	—	5	5	—	—	3	4	—	1
4	434 : 26	Сосуд б/цв. См-72 УС-XI пл. 4 кв. 171	4	5	5	5	6	—	4	4	6	1
5	434 : 27	Сосуд зел. См-72 УС-XI пл. 4 кв. 164	5	—	5	5	—	—	3	4	—	2
6	434 : 29	Сосуд кор. См-72 УС-XI пл. 4 кв. 163	5	—	5	5	—	—	3	4	6	1
7	436 : 3	Донце ж.-кор. См-72 УС-XI пл. 4 кв. 163	4	5	4	4	5	5	5	5	4	4*
8	436 : 4	Донце ж.-кор. См-72 УС-XI пл. 4 кв. 163	3	4	2	3	5	4	4	4	4	2
9	436 : 6	Сосуд зел. См-72 УС-XI пл. 4 кв. 177	—	5	4	5	6	5	4	4	5	4*
10	437 : 5	Стенка т.-кор. См-74 УС-XI пл. 11 кв. 128	4	4	3	3	4	—	5	—	3	2
11	437 : 10	Стенка бур. См-73 УС-XI кв. 116–123 ярус X	5	4	4	3	5	5	5	5	—	2
12	437 : 11	Венчик бур. См-74 УС-XI пл. 19 кв. 135	4	4	3	2	3	5	5	4	3	1
13	437 : 12	Венчик кор. См-74 УС-XI пл. 15 кв. 173	5	5	4	4	—	6	5	4	—	3
14	437 : 13	Сосуд бур. См-71 УС-XI пл. 2 кв. 154	5	4	4	2	5	6	5	—	—	2
15	437 : 14	Стенка зел. См-74 УС-XI пл. 16 кв. 121	5	4	4	4	5	—	4	—	—	2
16	437 : 15	Стенка зел. См-74 УС-XI пл. 16 кв. 121	5	4	3	3	5	5	4	—	2	2
17	437 : 16	Верх кувшина См-71 УС-XI зел. пл. 01 кв. 155	4	4	4	4	4	6	3	—	—	2
18	437 : 17	Ручка кор. См-74 УС-XI пл. 13 кв. 169	5	4	3	4	—	5	4	—	3	2
19	437 : 18	Ручка зел. См-74 УС-XI пл. 14 кв. 156	5	4	4	3	5	—	3	—	—	2
20	437 : 19	Ручка б/цв. См-74 УС-XI пл. 11 кв. 171	5	4	4	3	5	—	5	—	—	2
21	437 : 20	Кувшин кор. См-74 УС-XI пл. 13 кв. 162	5	4	4	4	—	—	5	—	—	2
22	437 : 21	Венчик ж.-кор. См-74 УС-XI пл. 22 кв. 144	5	5	5	5	—	—	5	—	—	2
23	437 : 22	Венчик зел. См-74 УС-XI пл. 11 кв. 178	5	5	4	4	5	—	2	—	—	2
24	437 : 24	Тарелка зел. См-74 УС-XI пл. 11 кв. 178	4	3	3	3	4	6	3	—	3	2
25	437 : 25	Тарелка зел. См-74 УС-XI пл. 12 кв. 170	4	3	3	4	4	6	3	—	3	2
26	437 : 26	Миска зел. См-74 УС-XI пл. 13 кв. 163	5	4	4	4	5	—	4	—	—	2
27	437 : 27	Венчик зел. См-74 УС-XI пл. 16 кв. 165	4	4	3	3	4	6	3	—	3	2
28	437 : 28	Венчик бур. См-74 УС-XI пл. 11 кв. 164	4	4	4	4	4	—	5	—	—	3
29	437 : 29	Донце кор. См-74 УС-XI пл. 14, 15 кв. 164, 171, 176, 178	4	4	3	3	4	6	5	—	3	2
30	437 : 30	Писанка жел. См-74 УС-XI пл. 16 кв. 122	—	5	5	5	—	—	5	4	—	3
31	438 : 1	Донце зел. См-71 УС-XI пл. 2 кв. 154	—	4	3	4	4	3	3	—	4	1
32	438 : 2	Венчик зел. См-74 УС-XI пл. 5 кв. 153	—	5	5	5	5	4	4	3	5	2

Окончание

№ п. п.	№ пластинки и спектра	Описание образца и его местонахождение	K	Mn	Ca	Al	Na	Ag	Cu	Sn	Mg	Pb
33	438 : 3	Донце зел.-кор. См-74 УС-XI пл. 12 кв. 168	—	4	2	2	4	3	5	3	4	2
34	438 : 4	Стенка б/цв. См-74 УС-XI пл. 4 кв. 164	—	4	2	1	4	5	5	5	3	2
35	438 : 6	Стенка кор. См-74 УС-XI пл. 14 кв. 154	—	4	2	3	5	4	5	5	4	3
36	438 : 7	Стенка т.-зел. См-74 УС-XI пл. 14 кв. 154	—	4	3	4	5	3	3	4	4	3
37	438 : 8	Стенка кор. См-74 УС-XI пл. 11 кв. 128	5	4	2	2	4	4	5	—	3	3
38	438 : 10	Донце зел. См-74 Согор XIII пл. 8–13 кв. 1–2	—	4	2	3	4	4	3	5	4	3

* Полива крепко связана с основой. Взята недостаточная навеска.

ленные, свинцово-кремнеземные глазури сварены по четырем способам: 1) чистые свинцово-кремнеземные глазури (ан. 434 : 21, 434 : 24, 434 : 25, 434 : 26, 434 : 27, 434 : 29, 437 : 12, 437 : 16, 437 : 20, 437 : 21, 437 : 22, 437 : 26, 437 : 28, 437 : 30, 438 : 2), в которых медь использовалась как краситель для получения зеленого цвета в четырех случаях (ан. 434 : 24, 434 : 27, 437 : 16, 437 : 22), один раз с ее помощью получен желто-коричневый цвет (ан. 434 : 25) и один раз — коричневый (ан. 434 : 29); 2) свинцово-кремнеземные глазури с большим содержанием алюминия (ан. 437 : 10, 437 : 13, 437 : 14, 437 : 18, 437 : 19). Медь использована один раз для получения зеленого цвета (ан. 437 : 18). Обилие алюминия в этом типе полив можно объяснить двояко: либо в стекловарении использовались пески, содержащие глину, либо глинозем специально вводился в шихту; 3) кальциево-свинцово-кремнеземные стекла (ан. 436 : 6, 438 : 1, 438 : 7) сварены из свинца, содержащего примеси олова (ан. 436 : 6) и серебра (ан. 438 : 1, 438 : 7), причем в последнем случае зарегистрирована медь, дающая зеленый цвет поливы; 4) кальциево-алюмо-свинцово-кремнеземные поливы (ан. 438 : 3, 438 : 6, 438 : 10) сварены на алюмосодержащем песке (или с добавкой глинозема) из разной чистоты свинца — в одном случае он сильно загрязнен серебром и оловом (ан. 438 : 3), в других — чистый свинец (ан. 438; 6, 10). Для получения зеленого цвета однажды использована медь (ан. 438 : 10); 5) кальциево-магниево-свинцово-кремнеземные поливы все (кроме поливы 437 : 17) сварены с глиноземом (или использован плохо очищенный песок) (ан. 437 : 5, 437 : 15, 437 : 24, 437 : 25, 437 : 27, 437 : 29, 438 : 4, 438 : 8). Этот тип поливы дает интересный образец неудавшейся попытки стеклоделов получить голубой цвет путем добавления марганца (ан. 437 : 24, 437 : 25) — в обоих случаях введенная также в качестве красителя медь одержала верх и был получен зеленый цвет. С ее помощью еще в одном случае получен зеленый цвет поливы (ан. 437 : 27).

Рассмотренные типы свинцово-кремнеземных полив были хорошо известны в Смоленке в период средневековья на различных видах изделий [6]. Хронологический диапазон этих изделий — от XII до XVII в.— с уверенностью позволяет говорить о традиционности сырья и технологических схем в смоленском стекловарении.

Полива класса K—Pb—Si представлена одним типом — калиево-кальциево-магниево-алюмо-свинцово-кремнеземное стекло, окрашенное окисью

[6] *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 141, 142; *ее же.* Плитчатый пол..., с. 302, 303; *Юркина Т. В.* Ук. соч., табл. V.

железа в желто-коричневый цвет (ан. 436 : 3, 436 : 4). Класс стекол Na—Pb—Si характеризует один образец (ан. 437 : 11) типа натриево-кальциево-магниево-алюмо-свинцово-кремнеземного стекла. Щелочные стекла двояки по происхождению: стекла с натрием можно связать с деятельностью греческих мастеров (смоленский образец найден в слоях первой половины XII в.), а с калием — с рецептурой киевских стеклоделов, которая, возможно, была усвоена в Смоленске (эти образцы найдены в слоях второй трети XV в.) [7].

Таким образом, подавляющая масса рассмотренных полив — местного смоленского производства. Пестрота в составах полив одного и того же класса может быть объяснена только тем, что стекло варили разные мастера, небольшими порциями, используя при этом различные источники сырья.

Интересно в этой связи отметить, что изделия, покрытые поливой с обеих сторон, не всегда покрыты одинаковой по типу поливой, даже при одинаковом цвете. Например, анализы 437 : 14 и 437 : 15 относятся к одному сосуду, однако изнутри этот сосуд покрыт поливой типа Ca—Mg—Pb—Al—Si, а снаружи — Pb—Si, обе поливы зеленые, но нет специально введенного красителя. Анализы 438 : 6 и 438 : 7 относятся также к одному сосуду, покрытому разноцветными и разного типа поливами: снаружи — коричневой поливой типа Ca—Pb—Al—Si, изнутри — зеленой поливой типа Ca—Pb—Si с добавлением меди в качестве красителя.

Перейдем теперь к стилистическому анализу материала. Смоленская поливная посуда XII—XIII вв. изготовлена преимущественно из красножгущихся глин (цвет черепка в изломе розово-серый, бурый), т. е. из тех же глин, что шли на выделку простой кухонной посуды. Фрагменты сероглиняной посуды встречаются реже, белоглиняной — единичны. Глина, как правило, плотная. В качестве примесей использовался песок и мелкая дресва. Крупные или обильные отощители встречены примерно у трети фрагментов, в этом случае излом черепка и поверхность сосуда под поливой становятся грубыми, с торчащими зернами дресвы. Изредка в глине заметны белые включения извести. Обжиг преобладает однослойный, хотя фрагменты с непрокалившейся серединой составляют около четверти всего количества поливной посуды раннего периода. В целом для изготовления поливной посуды использовалась лучше приготовленная глина, чем для простой кухонной. Для раннего этапа бытования поливной посуды характерна блестящая, прозрачная или полупрозрачная двусторонняя полива зеленого, коричневого, реже желтого цветов (оттенки варьируют широко). Она покрывает изделия довольно толстым слоем, достигающим иногда 1,5—2 *мм*, особенно в местах затекания на сгибах (при переходе придонной части в дно, в ложбинках венчиков и т. п.). Как правило, глазурное покрытие имеет сетку мелких трещинок и легко отслаивается при взятии навески для анализа. Ангобирование под поливу встречается редко, поэтому бурая поверхность сосудов просвечивает и придает поливе более темный, грязный оттенок. На единичных фрагментах со светлым фоном для поливы (беложгущаяся глина или ангоб) естественный цвет глазури выглядит ярко, сочно. Одностороннее покрытие (изнутри) присуще в основном открытым сосудам, хотя есть и на других формах сосудов. Со второй половины XIII в. эта черта проявляется чаще.

Полива встречена в основном на горшках средней величины (диаметр горла 9—15 *см*). Поливные горшки повторяют формы простых [8]: невысокие, отогнутые наружу и чуть загнутые внутрь округлые венчики

[7] *Щапова Ю. Л.* Древнерусские стеклянные изделия как источник для истории русско-византийских отношений в XI—XII вв.— ВВ, т. 19, 1961; *ее же.* Стекло Киевской Руси, с. 140.

[8] *Каменецкая Е. В.* Керамика Смоленска XII—XIII вв.— В кн.: Проблемы истории СССР, вып. V. М., 1976.

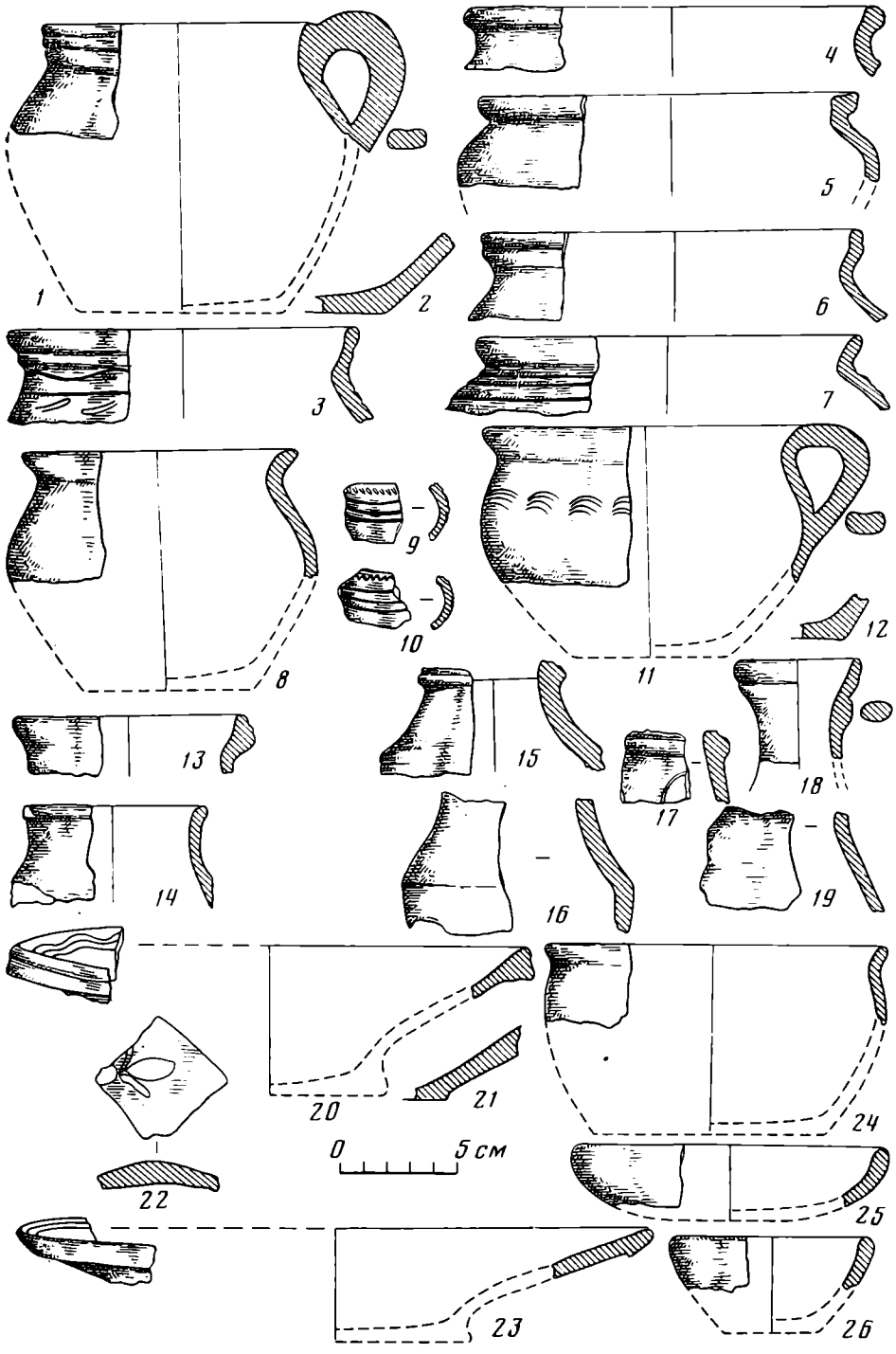


Рис. 1. Поливная посуда XII—XV вв. *4*, *11* — раскоп 2; остальные — раскоп 11

на хорошо выраженной шейке (рис. 1, *4*); невысокие, отогнутые наружу венчики со скошенным внутрь краем, по которому проходит желобок, шейка короткая, слабо выраженная (рис. 1, *5*); встречены горшки с высокими венчиками, под которыми с наружной стороны проходят рельефные валики, а с внутренней — желобки (рис. 1, *6*); есть горшки с высокими закругленными венчиками без внутренних желобков, в том числе горшки с ручками, прикрепляемыми верхней частью к наружной стороне венчика, а нижней — к максимальному диаметру тулова (рис. 1, *1*). Орнаментация поливных горшков довольно разнообразна и сходна

с орнаментацией простой кухонной посуды: преобладает линейный орнамент, прочерченный неглубокими желобками (рис. 1, *7*), иногда в сочетании с волной, зигзагом или косыми наколами (рис. 1, *3*, *9*, *10*). На одном из фрагментов сероглиняного горшка с ручкой, покрытого двусторонней разноцветной поливой, орнамент нанесен в виде прерывистой волны четырехзубой гребенкой (рис. 1, *11*). Орнаменты украшали главным образом плечики сосудов, иногда заходя на максимальный диаметр тулова. Придонная часть горшков чаще округлой формы, донца нередко со следами затеков (рис. 1, *2*, *12*).

Ковшики представлены немногочисленными фрагментами. Два из них, найденные в слоях конца XII — первой трети XIII в., выделаны из цветных глин, принадлежат невысоким сосудикам со сферическим туловом и загнутым внутрь, косо срезанным или округлым венчиком диаметром 7,5 и 12 *см* (рис. 1, *25*, *26*). Неравномерно окрашенная оливковая и зеленая полива толстым слоем покрывает внутреннюю поверхность одного из них и обе поверхности другого. Аналогичны им ковшики, сделанные не в поливной технике.

Кувшины представлены также незначительными фрагментами, по которым, однако, удается определить их внешний вид: это кувшины небольшого размера из серо-белой и розоватой глины, покрытые неравномерно окрашенной зелено-бурой и желто-коричневой поливой, с горлом-раструбом и валиком на месте перехода горла в плечики (у одного из фрагментов еще один валик проходит по максимальному расширению тулова) (рис. 1, *15*, *16*). Такая форма кувшинов появилась в домонгольское время под южнорусским влиянием во многих городах древней Руси, в том числе в северо-западных областях [9].

Представление о поливных блюдах дают фрагменты открытых сосудов из розово-серой глины диаметром 21 и 26 *см*, покрытые изнутри желто-коричневой и густой зеленой поливой; края сосудов утолщены в виде так называемого «манжета» и раздвоенного валика, внутренняя сторона верха сосудов украшена под поливу двухрядным линейным орнаментом и волной, проведенной трехзубой гребенкой (рис. 1, *20*, *23*). Нижнюю часть смоленских блюд установить из-за фрагментарности материала с полной достоверностью нельзя. По-видимому, им принадлежали донца с плитчатым поддоном (в Смоленске не найдено кольцевых поддонов), изгиб придонной части явно указывает на сосуды открытой формы (рис. 1, *21*). Эти донца покрыты поливой лишь изнутри. Наличие в Смоленске открытых блюд и применение в их орнаментации многозубых гребенок указывает на влияние приднепровских центров поливного дела, но у смоленских образцов иное оформление края сосудов и их дна.

В слоях XIV в. количество поливной посуды резко уменьшается, ее фрагменты насчитываются единицами. Один из них, покрытый изнутри бурой поливой, принадлежал кувшину с крутыми плечиками (рис. 1, *19*). Форму других сосудов восстановить не удается. На малом количестве фрагментов нельзя уловить и сколько-нибудь заметную эволюцию в технологии производства.

В XV в. количество поливной посуды возрастает, хотя все же не превышает число ее находок в домонгольских слоях. Белоглиняной керамики почти нет. Можно констатировать улучшение качества красножгущейся глиняной массы, из которой выделывалась поливная посуда: не более чем у десятой части найденных фрагментов глиняная структура грубая. Глина плотная, хорошо перемешанная, преобладает полностью прошедший обжиг, цвет в изломе однородный.

Из форм сосудов по-прежнему самыми многочисленными являются горшки малых и средних размеров (диаметры венчиков от 7 до 11 *см*). Встречено несколько вариантов оформления верхней части горшков: ото-

[9] *Макарова Т. И.* Поливная посуда..., с. 55, 56.

гнутый наружу невысокий закругленный венчик на хорошо выраженной дугообразной шейке (рис. 1, *8*); высокий венчик с рельефными валиками под ним (такие горшки встречены с ручками овальной формы — рис. 1, *13*); небольшой округлый венчик-валик на прямой высокой шейке (рис. 1, *14*). У всех перечисленных разновидностей горшков довольно крутые плечики, поэтому максимальный диаметр тулова у них приходится примерно на середину высоты сосуда. Почти не встречено венчиков с внутренними желобками.

К открытому блюду можно отнести фрагмент донца из розовой глины со светло-желтой поливой, на внутренней стороне покрывающей подглазурную роспись коричневого и белого цвета (рис. 1, *22*). К сожалению, этот один из немногих ранних образцов подглазурной росписи слишком незначителен, чтобы по нему можно было судить с достаточной полнотой о форме сосуда и характере росписи. Еще один фрагмент из розовой глины с подглазурной росписью зеленым и бордовым цветом по белому ангобу относится к уже знакомому типу кувшинов с рельефным валиком при переходе шейки в плечико (рис. 1, *17*). Он покрыт с обеих сторон светло-бурой, почти бесцветной поливой. Другой фрагмент кувшина из кирпично-красной глины позволяет реконструировать сосуд с изящным раструбом-горлом, по которому снаружи проходит едва заметный желобок (возможно, слабая имитация рельефных валиков), и овальной ручкой (рис. 1, *18*). Кувшинчик покрыт двусторонней зеленой поливой.

К миске со сферическим туловом, являющейся видоизменением обычного горшка, можно отнести небольшой фрагмент розовоглиняного слабопрофилированного сосуда с остатками двусторонней зеленой поливы (соотношение диаметра венчика и высоты сосуда позволяет сделать такое предположение) (рис. 1, *24*).

XVI—XVII вв. датируется самая многочисленная группа поливной посуды из рассмотренной коллекции. Она характеризуется не только резко возросшим количеством, но и значительно расширившимся ассортиментом изделий, насчитывающим в этот период около 10 форм посуды. На изготовление посуды, как и других видов керамических изделий, шли местные цветные глины средней запесченности, дающие после окислительного обжига различные оттенки красного цвета. Особенно характерен для периода XVI—XVII вв. кирпично-красный оттенок черепков посуды, что связано, видимо, с использованием новых месторождений глины. Тесто тщательно перемешано, из искусственных примесей встречены в небольшом количестве некрупный песок и дресва. Господствует полный обжиг, хотя в ряде случаев сосуды, особенно толстостенные, оказываются непрокаленными насквозь. Не ранее чем со второй половины XVII в. появляются донца, срезанные нитью,— признак ножного гончарного круга. В целом же нет основания говорить о широком внедрении этого технического достижения в смоленское керамическое производство: подавляющая масса смоленской посуды выделана в технике спирального налепа, а не вытягиванием сосуда из одного комка глины. Полива зеленого, желтого, коричневого цветов разнообразных оттенков ровным слоем покрывает преимущественно внутреннюю поверхность сосудов. В слое XVII в. найдена серия сосудов (главным образом горшков), у которых полива нанесена лишь на венчик. Глазурное покрытие позднего периода отличается плотностью и небольшой толщиной, так что оно плотно пристает к основе и с трудом отделяется при взятии навески для анализа. Ангобирование посуды под поливу встречено редко. Нанесение глазурей прямо на глиняный цветной черепок является характерной чертой также и для смоленских изразцов, что сближает их с белорусскими [10].

---

[10] *Юркина Т. В.* Ук. соч., с. 15.

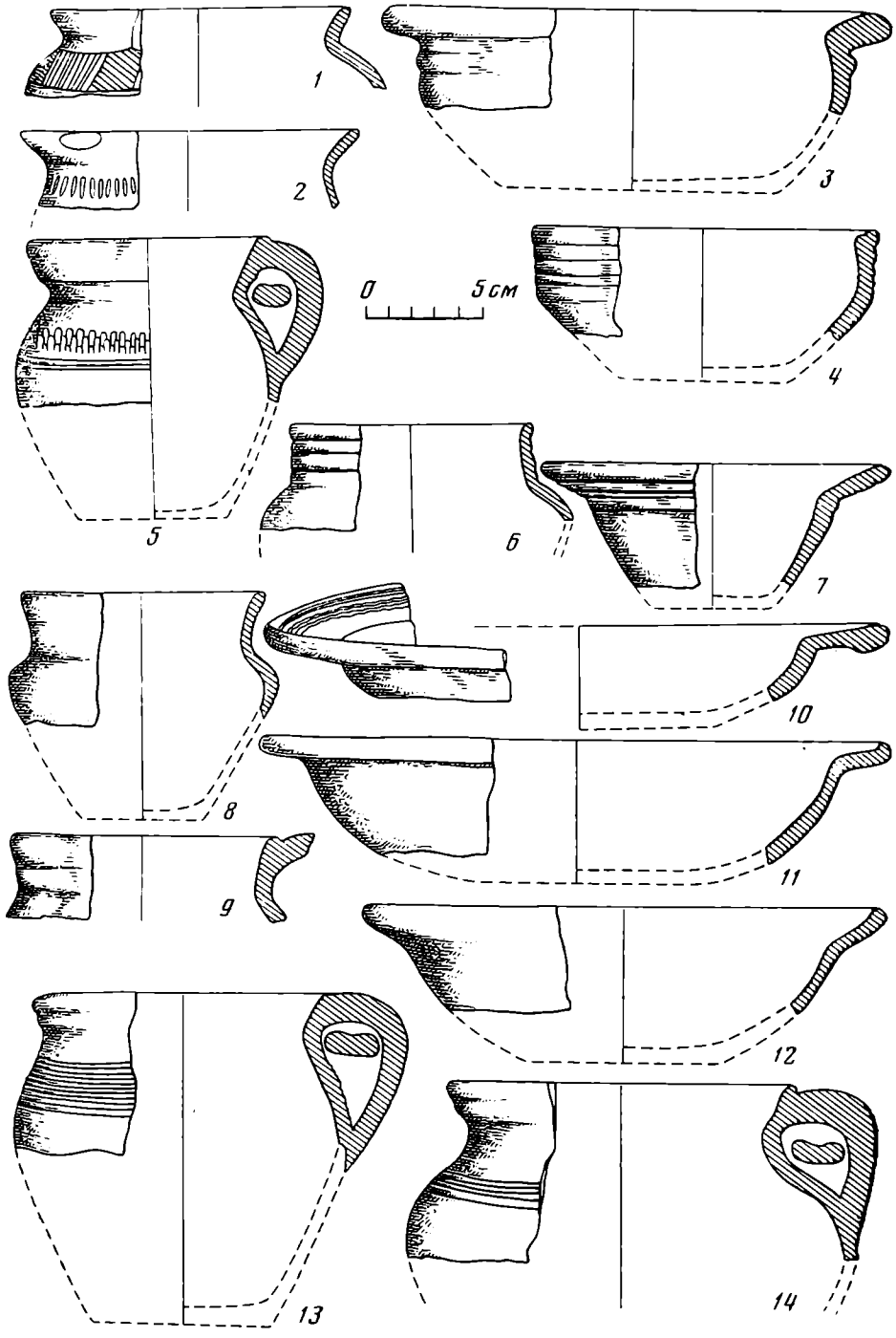


Рис. 2. Посуда XVI—XVII вв. *6*, *10* — раскоп 1; *4*, *13* — 2; *1*, *2*, *7*, *8*, *11*, *12* — 3; *3*, *5*, *14* — 8; *9* — раскоп 11

Рассмотрим формы поливных сосудов XVI—XVII вв. Лучше всех представлены горшки средних размеров (диаметры горла 12—18 *см*), часто с ручками. Максимальный диаметр тулова приходится на половину высоты сосуда или чуть выше. У большинства горшков крутые высокие плечики дугообразным плавным изгибом переходят в вытянутый, слабо отогнутый наружу закругленный венчик, украшенный по наружной стороне невысоким рельефным валиком (рис. 2, *9*, *13*, *14*; 3, *1*). В период XVI—XVII вв. эта деталь зачастую приобретает форму невысокого про-

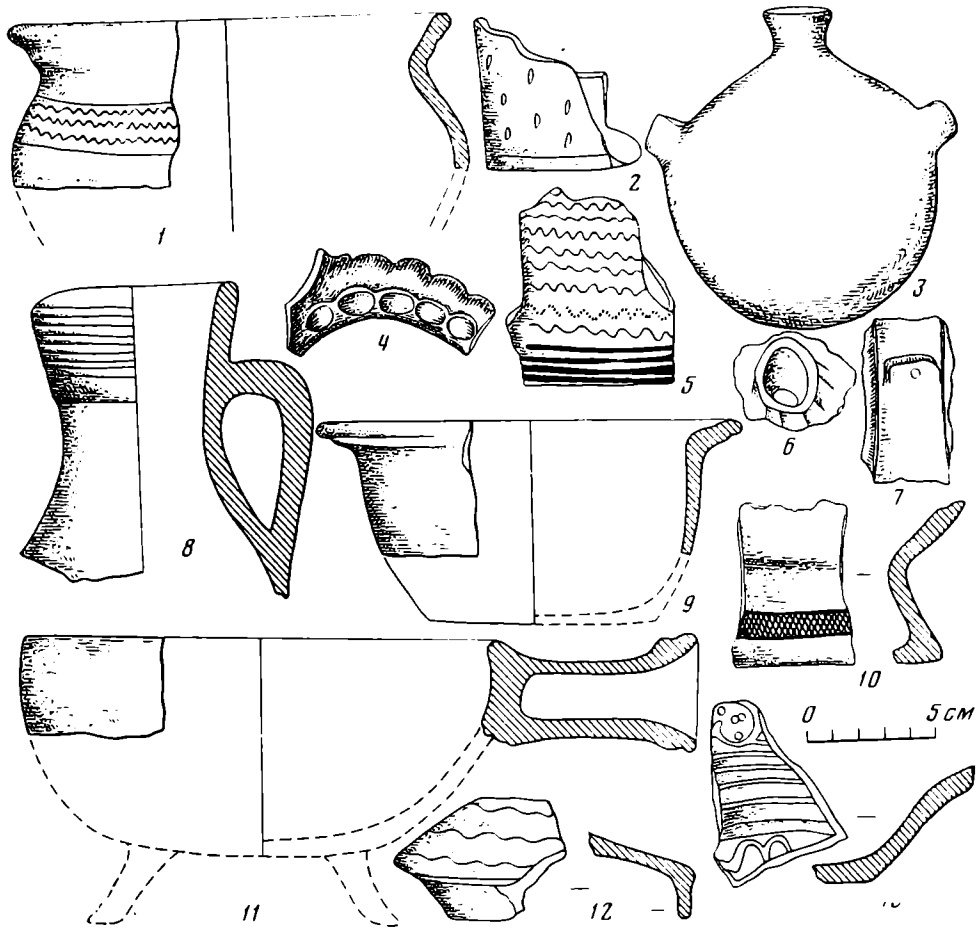


Рис. 3. Посуда XVI—XVII вв. *4*, *6*, *13* — раскоп 1; *7*, *8* — 2; *2*, *5*, *9*, *11*, *12* — 3; *1* — 5; *8* — 8; *10* — раскоп 9

филированного выступа под венчиком (рис. 2, *5*). Такой тип венчиков («с манжетом») часто использовался для оформления верха чернолощеных и мореных сосудов Смоленска с начала XVI в.[11] По данным исследователя варшавской позднесредневековой керамики И. Круппе, такой тип венчика широко бытовал в Польше (особенно южной), Германии, Чехии, известен он был в период позднего средневековья и в других районах Средней и Западной Европы[12]. Другой тип смоленских венчиков поливных горшков проще, без наружного усложнения профилировки, закругленный (рис. 2, *1*, *2*). Орнаменты на поливных горшках, украшавшие плечики сосудов, разнообразны. Преобладают варианты линейного орнамента (в том числе рифление) и штампы, наносившиеся колесиком (рис. 2, *2*, *5*, *13*, *14*). В ряде случаев орнаменты заключены в ограничительные пояски, как, например, орнамент из трех линий зигзагов (рис. 3, *1*) и орнамент из косо заштрихованных параллелограммов (рис. 2, *1*). Интересен горшкообразный сосуд из слоев середины XVI — начала XVIII в., покрытый с обеих сторон бурой поливой (рис. 2, *8*). У него высокий, чуть отогнутый наружу закругленный венчик, составляющий около трети высоты сосуда; короткие пологие плечики резко

[11] *Юркина Т. В.* О чернолощеной керамике Смоленска XIV—XVII вв.— В сб.: Проблемы истории СССР, вып. V, с. 63.

[12] *Kruppé J.* Garncarstwo warszawskie w Wiekach XIV i XV. Wroc'aw — Warszawa — Kraków, 1967, s. 111—128.

переходят в придонную часть. Сосуд подобной формы был найден в домонгольских слоях в Пинске [13].

Кувшины XVI—XVII вв. представлены половиной небольшого сосуда (диаметр венчика около 9 *см*), покрытого зеленой поливой, с горловиной в виде плавно расширяющегося раструба (рис. 3, *8*). По внешней стороне под венчиком кувшин украшен неглубоким рифлением, под ним на горле невысокий валик, к которому прикреплена ручка. Нижний конец ручки упирается в максимальный диаметр тулова, после которого сосуд резко сужается. По-видимому, верх сосуда был со сливом. Кувшины подобных пропорций известны в Москве в XV — начале XVI в.[14] Интересна ручка от крупного кувшина, украшенная пальцевыми вдавлениями (рис. 3, *4*).

Фрагменты поливных тарелок составляют значительную часть находок поливной керамики XVI—XVII вв. По виду они напоминают современные глубокие тарелки. Оформление отогнутого почти горизонтально бортика двояко: край его либо слегка приподнят (округлен или срезан — рис. 2, *11*, *12*), либо утолщен с наружной стороны (рис. 2, *10*). Бортики первого вида короче и, как правило, без орнаментации. Излюбленное украшение тарелок — ряды волн и линейного орнамента, проведенные по широким бортикам (рис. 2, *10*). Все тарелки покрыты поливой только с внутренней стороны. Найдена серия тарелок XVII в. с надглазурной росписью — как правило, это роспись желтого цвета в виде стилизованных растительных побегов по зеленой и зелено-бурой поливе фона (рис. 3, *13*). Роспись наносилась на всю внутреннюю поверхность тарелок, включая дно. Ангобирование тарелок под роспись не характерно для Смоленска, такие изделия можно считать привозными.

Поливные миски интересны и разнообразны. Они объемнее тарелок, меньше по диаметру, бортики у них короче и не так резко отогнуты. У одних мисок снаружи по бортику нанесено рифление (рис. 2, *7*), у других — рельефный невысокий валик, подобно горшкам (рис. 3, *9*), у третьих бортики пухлые, а валик перенесен на тулово (рис. 2, *3*). Миски редко украшались орнаментами. Полива покрывает преимущественно внутреннюю поверхность мисок, редко встречаются сосуды с двусторонней поливой, среди наиболее поздно датирующихся мисок встречены несколько фрагментов с поливой только по верху бортиков, как у горшков того же времени. Необычна миска двусторонней зеленой поливы с вертикально поднятым бортиком, по которому снаружи нанесено рифление (рис. 2, *4*). Сходен с ней по украшению рифлением высокого вертикального горла горшкообразный сосуд, покрытый изнутри светло-зеленой поливой (рис. 2, *6*). Его форма также необычна.

В слоях середины XVI — начала XVIII в. найдены фрагменты кастрюлек на трех ножках с полыми ручками, куда вставлялись деревянные рукоятки (рис. 3, *11*). На концах ручек двойной рельефный валик. Кастрюльки изнутри покрыты зеленой поливой. Это одна из немногочисленных форм поливной посуды не столового обихода. Такие сосуды встречены среди чернолощеной и обычной керамики.

В слоях XVI—XVII вв. найдена серия кружек с цилиндрическим узким туловом (диаметр дна 5—8 *см*) и овальными неширокими ручками. Они покрыты двусторонней поливой разных цветов, в том числе непрозрачной белой и изумрудной эмалью, и богато орнаментированы. На некоторых кружках орнаментация обычна для других форм сосудов, составлена из полос рифления (у дна) и зигзагов, проведенных острием и колесиком (рис. 3, *5*); на других по белому фону нанесены пятна изумрудного цвета, у самого дна они отсутствуют (рис. 3, *2*). Такая пят-

---

[13] *Макарова Т. И.* Поливная посуда..., с. 56, табл. XXV, *10*.

[14] *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII—XVIII вв.— САИ, вып. Е 1—39. М., 1968, с. 22, 23, 46, табл. 4, *19*, *23*.

нистая орнаментация напоминает красноглиняные ангобированные кувшины-кружки из Москвы конца XIV — середины XVI в.[15], которые ни разу не встречены в Смоленске, но могли оказаться прообразами для болеее поздних смоленских поливных кружек.

Кумганы относятся к одной из самых изящных форм столовой посуды. В Смоленске поливные кумганы найдены только во фрагментах. На одном из них — придонной части со специфическим изгибом — нанесен накаткой сетчатый ромбический орнамент, известный в чернолощеной и простой керамике города с середины XVI в.[16] (рис. 3, *10*). Как и чернолощеные, поливные кумганы имели граненые носики (рис. 3, *6*). Вероятно, эта деталь перешла на поливные изделия именно из чернолощеной техники. Кумгану принадлежала небольшая крышечка с «воротничком», украшенная несколькими рядами волнистого орнамента (рис. 3, *12*).

Поливные фляги представлены фрагментом дисковидной фляги с ребром по краю, на котором сохранилась одна из ручек-налепов со сквозным отверстием (рис. 3, *7*). Фляга покрыта зеленой поливой. Поддон для ее установки на горизонтальной поверхности не сохранился. Судя по московским аналогиям, ее можно датировать концом XV — началом XVI в.[17] Целая небольшая фляга (диаметр диска 10,5 *см*), покрытая яркой коричнево-желтой поливой, представляет иной тип фляг — без ребра по краю и ножек-выступов для установки сосуда на горизонтальной поверхности, с коротким горлом-раструбом, двумя ручками по бокам для подвешивания, несколько уплощенным дном (рис. 3, *3*). Для подвешивания сосуда предназначался и неглубокий желобок по краю между дисками. По стратиграфическим данным и аналогиям в чернолощеной керамике фляга датируется XVI в.

Подведем итоги. Рассмотренный материал вводит в научный оборот коллекцию поливной керамики Смоленска обширного отрезка времени. Изучение химического состава кроющих полив позволило выявить непрерывность использования в XII—XVII вв. традиционных рецептов стекловарения и традиционного смоленского сырья. Во второй половине XII в. под влиянием возросших запросов городского населения и благодаря достигнутому уровню поливного дела изготовление поливной посуды выделилось в Смоленске в самостоятельную отрасль керамического производства. Ассортимент изделий еще невелик — несколько форм посуды столового обихода, сходных с простой местной керамикой. Сервировка стола еще не широка, горшки являлись самой универсальной формой посуды. В некоторых формах и приемах орнаментации сказывается близость южнорусских центров поливного дела, оказавших большое влияние на все древнерусское стеклоделие. В XIV—XV вв. традиции и культура поливного дела в Смоленске не исчезли, хотя производство посуды резко сократилось и исчезло совсем производство архитектурных поливных деталей. Эти явления были вызваны последствиями монгольского завоевания — нарушением традиционных путей получения сырья, в том числе свинца, сокращением спроса на поливные изделия и т. п. Сокращение объема производства, однако, не было связано с ухудшением качества, напротив, отмечено некоторое улучшение состава приготовляемых глиняных масс. Доля столовой посуды среди керамики еще не велика, к тому же ее также составляла посуда из других материалов. Со второй половины XV — начала XVI в. обозначается новая ступень в развитии поливного дела Смоленска. Она характеризуется как увеличением количества выпускаемой продукции, так и значительным расширением ассортимента изделий. Развитие и совершенствование сервировки стола привело к

---

[15] *Розенфельдт Р. Л.* Ук. соч., с. 20, 21, табл. 3, *6*, *10*, *16*.
[16] *Юркина Т. В.* О чернолощеной керамике Смоленска..., с. 60, табл. III, *10*.
[17] *Розенфельдт Р. Л.* Ук. соч., с. 50.

внедрению в производство таких форм посуды, какие прежде не выпускались. Массовость изготовления поливной посуды сказывается в выработке излюбленных форм сосудов, применении штампов в орнаментации. Есть материалы, позволяющие говорить о стандартизации производства. Существование самостоятельного смоленского поливного дела ярко проявилось в ряде стилистических черт керамики — использовании местных цветных глин и почти полном отсутствии ангобирования, в то время как белоглиняные изделия и ангобирование под поливу красноглиняных изделий широко использовались в московском керамическом производстве и составляли его характерную черту XV—XVII вв. В период позднего средневековья Смоленск, как и ряд других западных русских городов, оказался в сфере более интенсивных связей с западными соседями. В деле изготовления поливной керамики это выразилось в освоении некоторых форм и орнаментов посуды, а также в более раннем знакомстве с европейским изразцовым производством. Но совершенно недостаточная изученность поливных изделий русских позднесредневековых городов не позволяет пока определить место смоленских материалов среди них.

T. V. Sergina

GLAZED POTTERY FROM SMOLENSK

Summary

The article analyses the 11th-17-th-century glazed pottery obtained in Smolensk by the Moscow University archaeological expedition led by D. A. Avdusin in 1950-1970. According to the quantity, quality and the range of objects the pottery can be divided into several chronological groups. In the pre-Mongol period ornaments typical for the southern, Dnieper regions prevailed. Then followed the period of a sharp decrease in the production of glazed pottery caused by the small demand on it and the severance of traditional links. The second half of the 15th century saw a new increase of production connected with the general upsurge of trades. The production of glazed pottery reached its peak in the 17th century. Chemical analysis of the glaze has testified to the fact that it remained unchanged throughout the centuries.

Заметки

А. Е. МАТЮХИН, Г. В. ГРИГОРЬЕВА

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ НАКОНЕЧНИКОВ ИЗ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КОРПАЧ

Как известно, двустороннеобработанные орудия в виде топоров, тесел, наконечников копий и т. п. занимают важное место в инвентаре памятников позднего палеолита. В ходе археологического анализа неизбежно возникает вопрос о том, какие приемы и способы использовали обитатели позднепалеолитических стоянок для изготовления данных орудий? С этой целью мы обратились к коллекции наконечников, происходящих из стоянки Корпач [1].

Стоянка Корпач расположена в 1—1,5 *км* севернее одноименного села Единецкого р-на Молдавской ССР, на мысу, образованном при впадении р. Раковец в р. Прут, на правом берегу р. Раковец. В 1975 и 1976 гг. произведено исследование памятника на площади 200 $м^2$. На стоянке обнаружено четыре культурных слоя: три палеолитических и один смешанный, содержащий трипольские и палеолитические материалы. Двустороннеобработанные изделия обнаружены в самом нижнем культурном слое.

Изучение двустороннеобработанных изделий из слоя 4 Корпача осуществлялось одновременно типологическим и экспериментально-трасологическим путем. Для более полного выявления приемов и способов их изготовления был проведен детальный визуальный и микроскопический анализ орудий, отщепов и пластинок, а также нуклеусов [2]. Изготовлено большое количество бифасов, и в том числе наконечников, с использованием костяных, роговых, деревянных и каменных отбойников, а также посредника и различных видов отжимной техники [3]. Причем направленность и содержание экспериментов были полностью обусловлены характером типологического и микроскопического изучения археологических предметов. Сопоставление с археологическими изделиями проводилось путем многократного целевого моделирования различных приемов и способов обработки, в частности ретуширования рабочих краев, скалывания отщепов, пластин и т. п. Аналогии признавались вероятными при достаточно полном сходстве соответствующих участков у экспериментальных и археологических изделий [4]. В опытах использовали кремень, близкий по своим структурным особенностям к тому, который служил сырьем у обитателей Корпача.

---

[1] *Григорьева Г. В., Павлова Е. В.* Раскопки многослойной стоянки Корпач на Пруте.— АО — 1975. М., 1976, с. 469, 470; *Григорьева Г. В., Кетрару Н. А.* Раскопки многослойной палеолитической стоянки Корпач.— АО — 1976. М., 1977, с. 453; *Борзияк И. А.* Поздний палеолит Северо-Запада Молдавии. Автореф. канд. дис. Л., 1978, с. 13, 14.

[2] Функции орудий на отщепах не определялись.

[3] Микроскопическое изучение наконечников Корпача и опыты по их моделированию проведены А. Е. Матюхиным.

[4] *Матюхин А. Е.* Экспериментальное изучение изготовления галечных орудий.— СА, 1976, № 3, с. 9.

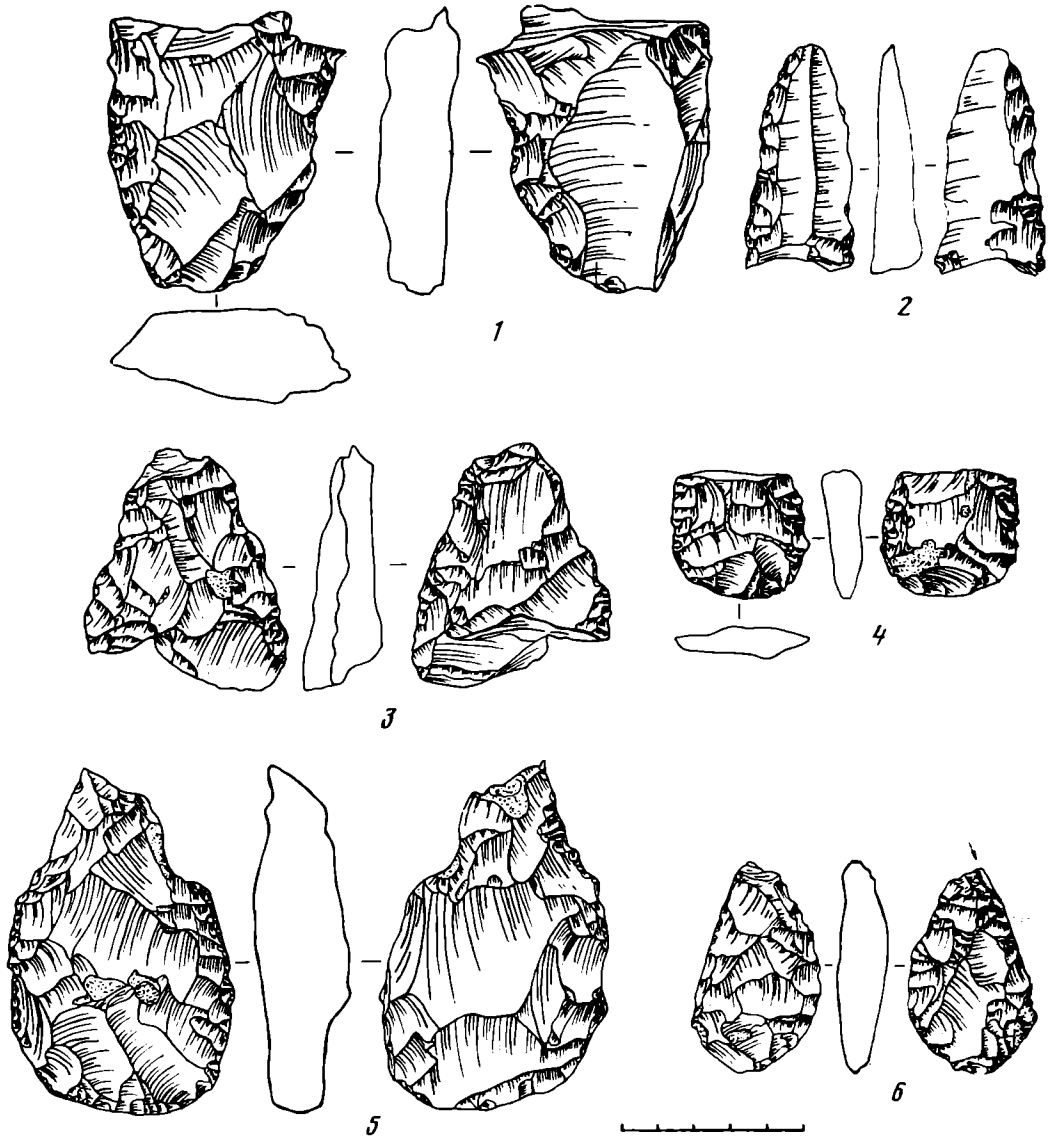


Рис. 1. *1*, *5* — стадия предварительного уплощения исходных заготовок; *2*, *4* — изделия, частично обработанные отжимной техникой; *3* — дополнительное уплощение изделия на стадии его чернового оформления; *6* — использование резцового скола в качестве ударной площадки при черновом оформлении изделия

Коллекция двустороннеобработанных орудий насчитывает 8 экземпляров. Все они в различной степени сломаны и с технолого-морфологической точки зрения 6 из них являются незаконченными изделиями. Последнее особенно существенно, поскольку имеется возможность проследить технологию изготовления орудий на разных стадиях. Все предметы слегка патинизированы. Исходное сырье — кремень черного и серого цвета. В целом, кремень невысокого качества — присутствуют пустоты, включения карбонатов и минералов, а также трещины. Заготовками для орудий служили отщепы, пластины и плоские куски.

Выделенные при изучении ашельских и мустьерских материалов одним из авторов стадии изготовления бифасов[5] прослеживаются в общих чертах и на изделиях из Корпача. Стадия предварительного уплоще-

[5] *Матюхин А. Е.* Технология изготовления и функции раннепалеолитических орудий. Автореф. канд. дис. Л., 1977, с. 9—11.

ния заготовки зафиксирована на двух предметах (рис. 1, *1, 5*). Необходимость такого уплощения была обусловлена массивным сечением отщепов-заготовок. Ударные площадки заранее подготовлены или же ими являются негативы снятий, полученные еще при раскалывании нуклеуса (рис. 1, *5*) или плоскости облома по трещине (рис. 1, *1*). Подготовку площадок производили чаще ретушью, реже мелкими сколами, как правило, с одной стороны по всей длине края, обработанного крупными сколами. После получения площадок происходило снятие одного или ряда крупных отщепов, что приводило к заметному уплощению заготовки. Интересно, что у одного из предметов подобным образом обработана плоская сторона, т. е. брюшковая поверхность (рис. 1, *5*). Это облегчало уплощение его тыльной (более выпуклой) поверхности. Судя по размерам негативов, прежде всего их ширине, а также рельефу волны и учитывая данные эксперимента, можно полагать, что скалывание крупных отщепов осуществляли каменным отбойником. Описанные приемы широко использовались еще ашельскими мастерами и отмечены, например, на многих бифасах из Сатани-Дара.

Второй пример предварительного уплощения исходной заготовки указывает на более сложный характер этой операции (рис. 1, *1*). Вначале с выпуклой стороны предмета было снято несколько крупных отщепов. Однако достаточного уплощения не произошло. Затем следовали подготовка ударной площадки на противоположной стороне по одному продольному краю и скалывание ряда мелких отщепов. После некоторого выравнивания обрабатываемой поверхности на конце изделия ретушью была оформлена ударная площадка. С нее, возможно, мягким отбойником снят крупный отщеп подтреугольной формы, что привело к заметному уплощению предмета. Об использовании мягкого отбойника (из кости, рога или дерева) свидетельствует и отсутствие четкой точки удара, и наличие в зоне удара узкой полоски, и рельеф негатива скола [6]. Судя по материалам ашельских стоянок Англии, Франции, Кавказа и других территорий, подобный леваллуазский прием широко применяли в раннем палеолите на всех стадиях изготовления именно бифасов [7].

На стадии чернового оформления бифасов из Корпача использовали самые различные приемы и способы обработки. Сразу же отметим, что выделение основных элементов у большинства предметов начиналось с первых же ударов. Обработка осуществлялась крупными и мелкими сколами, а также ретушью. Можно выделить следующие типы ретуши: чешуйчатая (главным образом), ступенчатая и субпараллельная. Важным технологическим моментом рассматриваемой стадии было дополнительное уплощение изделий. Технологические трудности этой операции особенно хорошо прослеживаются на четырех предметах (рис. 1, *1, 3, 5*; 2, *1*). Снятию удлиненных сколов мешали прежде всего частые заломы, что связано с наличием некоторой слоистости и карбонатным заполнением у местного кремня. Заламывание отщепов приводило к образованию на выпуклой поверхности орудия крутого края (рис. 1, *5*). Остальные изделия уплощены довольно удачно. При дополнительном уплощении весьма важную роль, как и на предшествующей стадии, играла подготовка ударных площадок. Ими редко служили негативы более ранних крупных снятий (рис. 1, *5*). Чаще всего площадки готовились специально. Так, по всей длине одного из продольных краев рассмотренного выше предмета с выпуклой стороны ударная площадка была оформлена мелкими сколами и ретушью. Снято несколько неудачных отщепов. После скалывания одного отщепа с дистального края произошел облом последнего, что связано с наличием на этом участке полости, заполненной инородным веществом.

---

[6] На брюшковой поверхности отщепов след от бороздки выражен обычно в виде небольшого карниза.

[7] *Матюхин А. Е.* Технология изготовления..., с. 10.

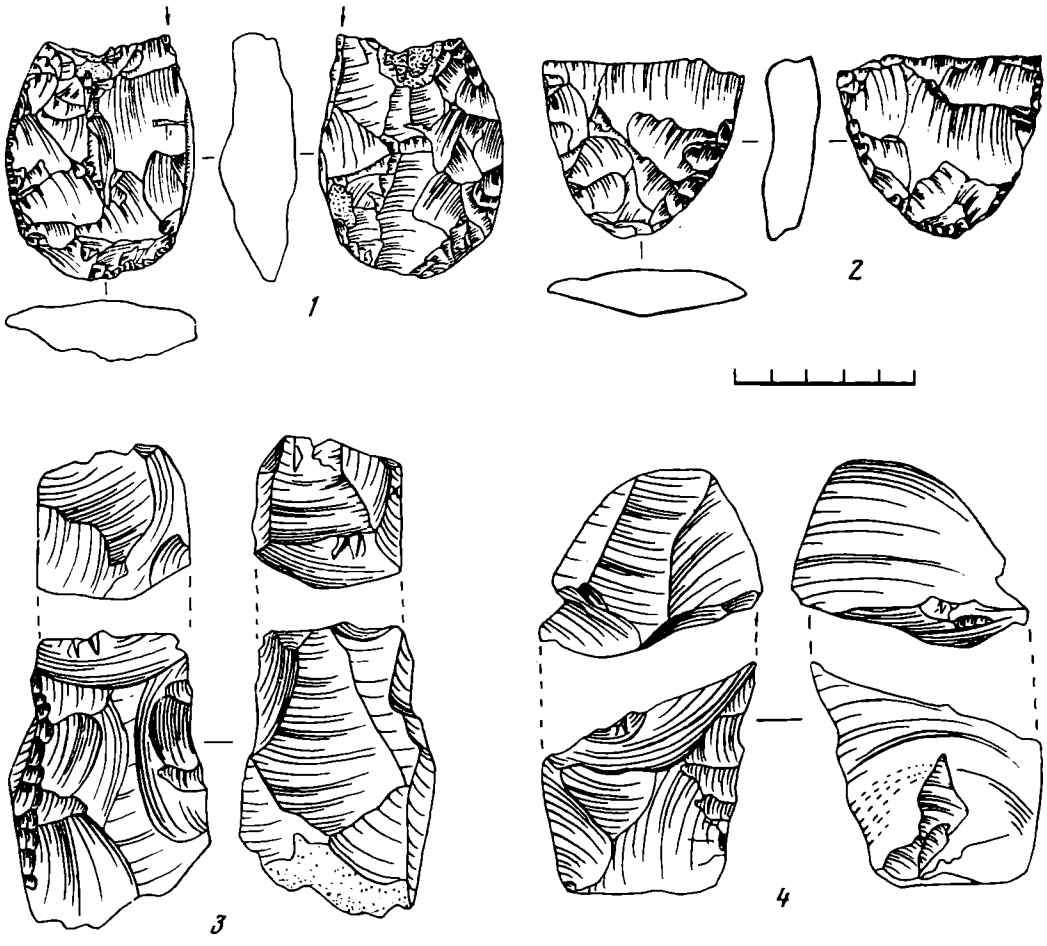


Рис. 2. *1* — получение резцового скола после облома изделия; *2* — черновое оформление изделия мягким отбойником; *3*, *4* — облом экспериментальных изделий в процессе вторичной обработки (*3* — использование рогового отбойника; *4* — использование каменного отбойника). Крестиком отмечено место удара

На противоположном продольном крае данного изделия площадкой послужили негативы сколов, оставшиеся от его предварительного уплощения. Обработка края проводилась крупными и мелкими сколами и, судя по всему, с помощью мягкого отбойника. Однако приострить весь край не удалось — на участке длиной 3 *см* он сильно забит. После облома конца этот предмет больше не обрабатывали.

На втором изделии, прошедшем стадию предварительного уплощения, ударная площадка готовилась еще более оригинальным образом (рис. 1, *1*). Вначале с одного продольного края было снято несколько мелких сколов. Приострившийся край дополнительно подправлен мелкой крутой ретушью. На участке длиной около 1 *см* край не ретуширован, а буквально забит отбойником. С этой площадки произведено несколько неудачных снятий. На втором продольном крае в качестве площадки использован негатив предшествующего скола. Подготовка ударных площадок крутой ретушью отмечена и на других изделиях (рис. 1, *3*, *5*; 2, *2*). Своеобразные ударные площадки имеются на орудии, изображенном на рис. 1, *6*. На одном участке они оформлены мелкой ретушью, на втором — узким пластинчатым сколом, а на третьем — сколом резцового типа. Причем последний заметно скошен, что было сделано, видимо, преднамеренно. С этой площадки было произведено несколько узких сколов, параллельных друг другу. Угол скошенности площадок двух последних типов —

80—85°. В плане они прямые. На поверхности площадок, оформленных резцовым и пластинчатым сколами, под микроскопом отчетливо видны тонко прочерченные концентрические линии в виде колец и нередко внутри них углубления — следы от ударов. Эксперименты показывают, что при скалывании отщепов мягкими или твердыми отбойниками с площадок, угол скошенности которых составляет 80—90°, на их поверхности возникают не одиночные, а двойные и тройные кольца, имеющие неровные очертания. К тому же неизбежно заламывание отщепов. На рассматриваемом предмете заломов, в том числе и слабых, практически нет. Поскольку угол скошенности площадок большой, то точка удара должна представлять собой довольно заметное углубление. Напротив, полукруглые углубления на площадках очень мелкие. Логично допустить, что при скалывании отщепов с ударных площадок обоих типов использовался посредник. Микроскопический анализ площадок археологических и экспериментальных нуклеусов убеждает нас в этом. Скалывание отщепов преимущественно с двух или трех ударных площадок, т. е. с нуклеусов,— характерный прием, использовавшийся на всех стадиях изготовления бифасов в ашельское и мустьерское время [8].

Черновое оформление изделий осуществлялось почти полностью мягкими отбойниками. На это указывает прежде всего наличие негативов сколов (обычно плоских) и фасеток ретуши со слабыми и очень характерными заломами (рис. 1, *2, 3, 6*; 2, *1, 2*). Отметим, что заломы гораздо реже встречаются на поверхности уплощенных изделий, у которых препятствия для прохождения ударного импульса минимальны. К числу надежных показателей применения мягких отбойников следует относить, наконец, и очень мелкую краевую ретушь в виде четко обозначенных фасеток. Такая ретушь наносится с целью выравнивания, т. е. подправки мелкозубчатых краев.

На стадии чернового оформления изделий частично применялась и отжимная техника. На двух предметах видно несколько плоских, со слабыми заломами фасеток ретуши, расположенных параллельно друг другу (рис. 1, *2, 4*). Подготовка ударных площадок происходила путем нанесения мельчайшей затупливающей ретуши. Из этнографии известен и другой способ подготовки площадок для отжима — притирание обрабатываемых краев камнем, обладающим абразивными свойствами. Но он, по-видимому, не использовался обитателями Корпача. Снятие относительно крупных сколов отжимной техникой скорее всего не производилось, на что указывает и характер рельефа негативов, и довольно четкие границы между ними.

Стадию отделки на изделиях из Корпача выделить с уверенностью не представляется возможным. Во-первых, она объективно не всегда четко отделяется от предшествующей стадии, а во-вторых, не всегда ясны формы и параметры законченных орудий, т. е. наконечников. Возможно, в какой-то мере отделке подвергнуты два предмета (рис. 1, *4*; 2, *2*). Она осуществлена некрупными плоскими сколами, чешуйчатой, субпараллельной и очень мелкой краевой ретушью.

Облом изделий происходил, по-видимому, в результате нерассчитанных ударов (рис. 1, *2, 4*), наличия пустот и включений карбонатов (рис. 1, *3, 5*; 2, *1*), а также трещиноватости сырья (рис. 1, *3, 6*; 2, *2*). У орудия, изображенного на рис. 1, *6*, кончик обломился по трещине, которая при последующей его обработке могла увеличиться в размерах. Дальнейшая обработка орудия, очевидно, была нецелесообразна еще и потому, что полностью не удалась операция уплощения. В процессе экспериментов установлено, что облом обрабатываемых предметов происходит в результате использования как каменных, так костяных и роговых

---

[8] *Матюхин А. Е.* Технология изготовления..., с. 10.

отбойников. Место облома может находиться на различном расстоянии от точки удара (рис. 2, *3, 4*). На поверхности облома отчетливо видна ударная волна. Поверхность эта неровная и в своей верхней части представлена в виде язычков (рис. 2, *3*).

По краю одного из сломанных орудий был нанесен резцовый скол (рис. 2, *1*). Его кромка имеет мелкую выкрошенность, возникшую скорее всего в результате работы. Четких линейных следов износа на изделиях из Корпача не обнаружено. Однако на угловых кромках продольных краев некоторых предметов отмечены мелкие фасетки выкрашивания (рис. 1, *4*; 2, *2*). Наблюдается также легкая заглаженность кромок и самих краев. Может быть, эти изделия использовали в качестве резцов для обработки таких материалов, как дерево, кость или рог. В литературе уже описаны случаи применения в верхнем палеолите пластин без ретуши [9], а в мезолите отщепов [10] как заменителей орудий с резцовым сколом.

Судя по форме и технологии обработки, можно допустить, что рассмотренные нами двустороннеобработанные изделия действительно являются в большинстве незаконченными наконечниками копий. В их изготовлении сохранилось немало технологических моментов, традиционно унаследованных от мустьерской и ашельской эпох. В то же время процесс изготовления позднепалеолитических орудий более разнообразен с точки зрения использования технических средств и технологических способов и приемов. Наконец, они свидетельствуют также и о возросшей функциональной мобильности позднепалеолитических орудий.

Остановившись подробно на технологии изготовления наконечников из 4-го культурного слоя Корпача, мы считаем необходимым хотя бы кратко охарактеризовать остальные орудия. Помимо уже описанных двусторонних изделий, здесь представлена серия сегментов (19 экз.), изготовленных из сечений пластинок разной величины, у 17 из них дуга ретуширована полностью, у 2 — только концы дуг. Среди сегментов имеются крупные и мелкие экземпляры. Значительную группу составляют скребла (16 экз.): одинарные и двойные, продольные и поперечные, с прямыми и выпуклыми рабочими краями. Некоторые скребла по технике оформления близки к мустьерским. Из других орудий выразительны скребки и резцы. Скребки концевые изготовлены главным образом из отщепов и пластинок, один из них двойной и один с круговой ретушью. Резцы на углу сломанной пластинки и боковые, они представлены поровну. Среди резцов имеются плоские, у которых значительная часть резцового скола расположена на брюшковой поверхности. У половины резцов отсутствуют отчетливо выраженные рабочие края, поэтому отнесение их к резцам в известной мере условно. Многочисленны ретушированные пластинки, разнообразны острия, выемчатые формы и ретушированные отщепы. Помимо орудий с вторичной обработкой, в слое 4 найдены гальки со следами использования. Гальки двух форм: округлые и удлиненные. У последних следы забитости обнаружены на концах, их могли использовать как отбойники; округлые гальки имеют следы заглаженности на плоской поверхности — их могли применять в качестве пестов-терочников.

Итак, набор орудий в слое 4 Корпача очень специфичен. Одной из наиболее своеобразных особенностей, которая сразу же бросается в глаза, является сочетание в одном слое таких орудий, как сегменты, наконечники, скребла. В Молдавии известны памятники, в которых, кроме обычных групп орудий, прежде всего скребков и резцов, представлены

---

[9] *Bordes F.* Observations typologiques et techniques sur le Périgordien supérieur de Corbiac (Dordogne).— BSPF, t. 67, 1970, № 4, p. 105—113.

[10] *Исламов У. И., Матюхин А. Е.* Галечные орудия из пещеры Мачай.— ИМКУ, № 11, 1974, с. 59.

скребла и наконечники,— это Брынзены I (3 слой) [11], Бобулешты VI [12], Гординешты [13] и др., относящиеся к ранней поре позднего палеолита; в Румынии — Четэцике I (нижний слой) [14] в долине Бистрицы, Рипичень-Извор в Молдове [15]. В Италии [16] стоянки с сочетанием сегментов и скребел относятся к культуре Улуццо. Орудия из нижнего слоя Корпача, при сравнении их с орудиями из других позднепалеолитических памятников, в которых есть сегменты (Тельманская стоянка [17] под Воронежем, Павлов [18] в Чехословакии), не находит пока аналогий. Вместе с тем наличие сегментов в 4-м слое Корпача весьма важно для решения вопроса о времени появления геометрических микролитов подобного типа на территории Русской равнины.

---

[11] *Кетрару Н. А.* Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 1. Кишинев, 1973, с. 69—73; *его же.* Памятники эпох палеолита и мезолита Молдавии (археологическая карта). Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 13; *Борзияк И. А.* Ук. соч., с. 5, 6.

[12] *Кетрару Н. А.* Памятники эпох палеолита и мезолита, с. 120.

[13] *Борзияк И. А.* Ук. соч., с. 7, 8.

[14] *Nicolăescu-Plopsor C., Păunescu Al., Mogosanu Fl.* Le paléolithique de Ceahlau.— Dacia, v. 8, 1966, p. 5—116.

[15] *Păunescu Al.* Sur le succession des habitats paléolithiques et postpaléolithiques de Ripiceni-Izvor.— Dacia, v. 9, 1965, p. 5—32.

[16] *Palma di Cesnola A.* La leptolithique archaique en Italie. IX Congès UISPP, colloque XV. Nice, 1976, p. 66—98.

[17] *Челидзе Л. М.* Тельманская стоянка и некоторые вопросы развития верхнепалеолитической культуры в Восточной Европе. Автореф. канд. дис. Л., 1968, с. 13.

[18] *Klima B.* Pavlov, Nové paleolitické sídliště na Jižní Moravě.— AR, roč. VI, № 6, 1954, p. 721—728.

В. И. ТИМОФЕЕВ, А. К. ФИЛИППОВ

ТРИ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РОГА СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ, НАЙДЕННЫЕ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ

Среди древностей каменного века Восточной Прибалтики особое место занимают орудия, изготовленные из рога северного оленя. Все они относятся к начальным периодам освоения этой территории человеком, позднему палеолиту или началу мезолита. Уже во второй половине раннего голоцена в бореальном климатическом периоде северный олень не встречается на территории Прибалтики [1]. На территории Восточной Прибалтики эти изделия представлены случайными находками, происходящими преимущественно с территории Польской Народной Республики и современной Калининградской обл. Далее к северо-востоку немногочисленные находки известны из Литвы и единичные предметы — из Латвии. Бóльшая часть находок из Юго-Восточной Прибалтики, обнаруженная преимущественно при мелиоративных работах XIX — 30-х годов XX в., была утрачена в годы второй мировой войны, и о них можно судить лишь по данным, опубликованным в литературе 1920—1930-х годов, обычно кратким и фрагментарным. Большой интерес в этой связи представляют несколько орудий, хранящихся ныне в фондах Калининградского областного историко-художественного музея (рис. 1). Они происходят из обширной коллекции бывшего Кенигсбергского музея, бóльшая часть которой пропала в годы войны. Эти орудия, первые среди подобных прибалтийских находок, были изучены трасологически.

---

[1] *Паавер К. Л.* Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. Тарту, 1965, с. 286—288.

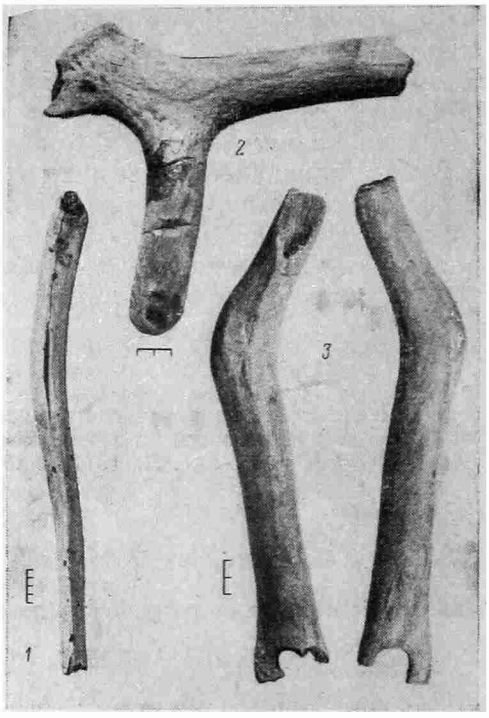


Рис. 1

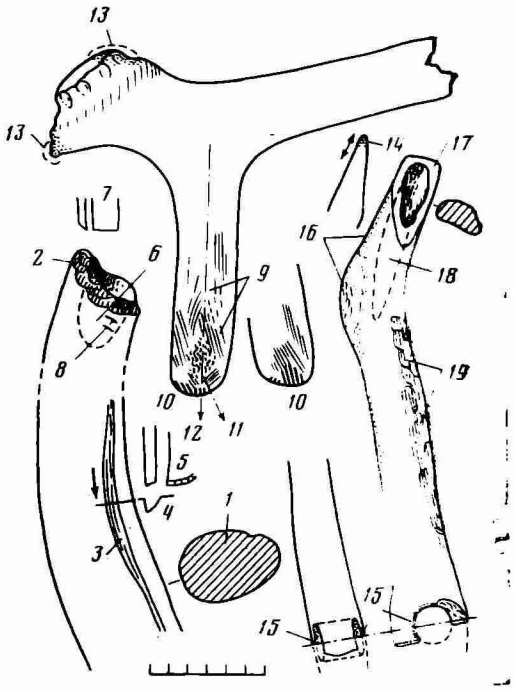


Рис. 2

Рис. 1. Изделия из рога северного оленя. *1* — обработанный рог, найденный близ с. Высокое; *2* — «мотыга» типа Лингбю (находка на р. Крутинна, ПНР); *3* — «выпрямитель» (находка близ г. Плуты, ПНР)

Рис. 2. Схематическое изображение следов обработки и утилизации на роговых орудиях и реконструированных форм обрабатывающих орудий: *1* — близкое к овалу сечение рога с выполаживающимся сечением паза; *2* — следы надрубания; *3* — продольный паз; *4* — сечение паза в наиболее углубленной части; *5* — предполагаемая форма рабочей части резца; *6* — искусственное углубление в торцовой части рога; *7* — общая форма рабочей части каменного орудия, которое употреблялось для выдалбливания; *8* — положение следов на внутренних стенах торцового углубления; *9* — следы обработки рабочей части «мотыги» Лингбю; *10* — следы линейной утилизации; *11* — направление ударов роговым орудием в функции топора; *12* — направление движения двуручного орудия; *13* — заполировка от рук (?); *14* — износ долотовидного конца полифункционального орудия о мягкий материал; *15* — износ по краю внутренней поверхности отверстия (уплотнение и залощение); *16* — сильное залощение от рук (?); *17* — затес; *18* — торцовое углубление; *19* — следы строгания, жирные стрелки указывают кинематику орудия, установленную по следам износа

Среди этих находок массивный кусок рога северного оленя (рис. 1, *1*), найденный в 1888 г. около современного населенного пункта Высокое в русле речки Мелавы (на глубине 2,35 *м*) [2], имеет четкие следы обработки. Длина его 58,5 *см*, близкое к овалу сечение достигает 5 *см* (рис. 2, *1*). Рог был надрублен ручным грубым орудием с узким долотовидным концом, а затем обломан (рис. 2, *2*).

Вдоль ствола рога имеется паз с признаками начальной стадии продольного расчленения при помощи каменных резцевидных орудий (рис. 2, *3*, *4*). Его длина около 14 *см*, наибольшая ширина 0,6 *см*. О способе изготовления и инструментах свидетельствуют как следы на стенках паза, так и характерность паза, углубленного по середине и выположенного по концам. Экспериментальные наблюдения показывают неравномерность усилий в процессе продольного расчленения твердого материала при помощи ручных резцов. Выполаживающиеся концевые участки пазов при-

[2] *La-Baume W.* Zur Kenntnis der frühesten Besiedlung Norddeutschlands. Elbinger Jahrbuch, 1925, Bd 4, S. 86; *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929, S. 9.

ходилось дополнительно дорезать по отдельности. Не исключено, что последним орудием, которое использовалось в разрезании описываемого нами рога, служил так называемый верхнепалеолитический боковой резец. Реконструкцию его общей геометрической формы мы даем по наиболее углубленной части сечения паза (рис. 2, *4*, *5*).

Продольное расчленение рогов оленя, а также и других твердо-волокнистых материалов с помощью резцов хорошо изучено. Оно осуществлялось тремя главными способами. Однопазовое одностороннее прорезание более характерно для материала с небольшой толщиной. Двухстороннее прорезание чаще всего производилось для получения масссивных заготовок. По третьему способу делались два параллельных продольных паза необходимой глубины. Эти пазы ограничивали ширину будущей заготовки. Поперечные пазы в виде надрубов, надпилов или резцовых прорезей могли ограничивать заготовку по длине. Затем заготовка выламывалась при помощи костяных и каменных клиньев. Клинья могли присутствовать на конечной стадии всех видов продольного членения твердо-волокнистых материалов [3]. В описываемом случае мы наблюдаем начальную стадию расчленения, которую с одинаковым основанием можно отнести к любому способу.

В торце после поперечного отчленения рога имеется искусственно сделанное углубление: на внутренних стенках углубления обнаружены следы выдалбливания и, возможно, выжигания (рис. 2, *6—8*; общая геометрическая форма орудия восстановлена по следам обработки). Назначение углубления неясно.

Цвет рога бледно-серый, на отдельных участках более темный. Глубина залегания рога и цвет его поверхности соответствует, по мнению, высказанному Х. Гроссом, условиям залегания в известняковой песчапоглинистой прослойке, в толще руслового галечника, относящейся, по Х. Гроссу, ко времени нижнего (древнего) дриаса [4]. По мнению Р. К. Римантене, данная находка является одной из древнейших в Юго-Восточной Прибалтике и может, как и некоторые изделия, найденные на севере ПНР, связываться с гамбургской культурой [5].

Другое орудие — фрагментированный экземпляр «мотыги» типа Лингбю (рис. 1, *2*), изготовленный из рога северного оленя, найденный в 1930-х годах в восточной части ПНР, на р. Крутинна. Цвет поверхности рога бледно-серый, длина сохранившейся части ствола рога 21,7 *см* (судя по характеру поверхности излома, изделие было сломано в древности), диаметр ствола 3,5 *см*, длина отростка, на котором был сформован рабочий край орудия,— 16,4 *см*, этот отросток располагался почти под прямым углом к длинной оси орудия.

Мотыгообразное орудие типа Лингбю несет на себе следы изготовления и употребления. Следы, показанные на рис. 2, *9*, свидетельствуют об искусственном заострении рабочей части. Их характер очень четкий, резкий. Такие следы возникают при обработке рога в «свежем» или распаренном состоянии каменными орудиями, причем в данном случае несомненно употреблялся топор с относительно гладкими фасами заострения рабочей части. Такая часть могла быть у привязанного к рукоятке тяжелого кремневого отщепа с лезвием, которое не было сформовано при помощи ретуши.

На рабочем конце мотыгообразного рогового орудия имеются следы утилизации. Это очень тонкий линейный износ с признаками слабой за-

---

[3] *Семенов С. А.* Техника обработки кости в палеолите.— Тр. КИЧП, № 13, 1957, с. 366—373; *Филиппов А. К.* Технология изготовления костяных наконечников в верхнем палеолите.— СА, 1978, № 2, с. 24; *Rust A.* Das Altsteinzeitliche Rentierjägerlager Meiendorf.— Neumünster, 1937, Taf. 34—38.

[4] *Gross H.* Auf dem ältesten Spuren das Menschen in Altpreussen. Prussia, Bd 32, 1938, S. 118—120.

[5] *Римантене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971, с. 13, 14.

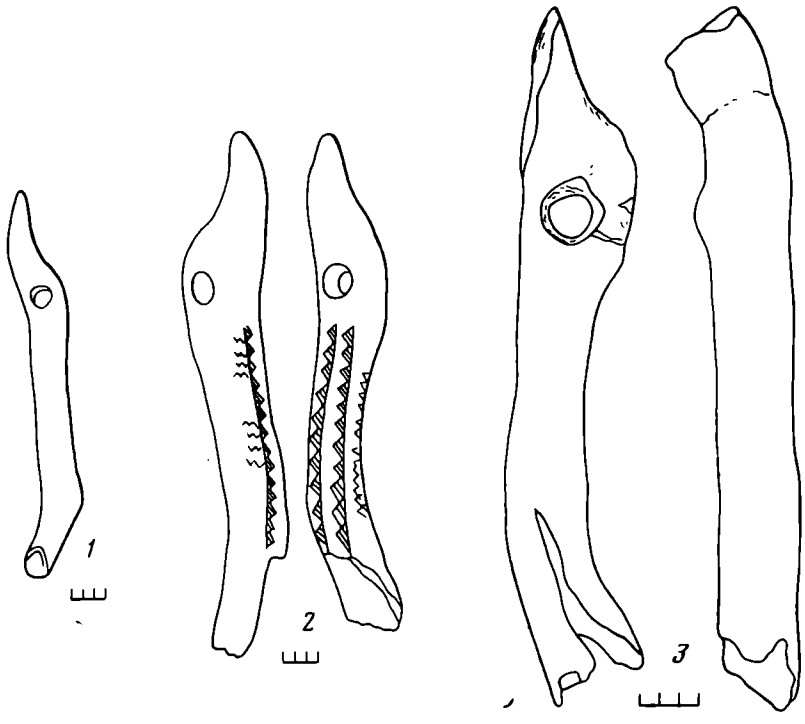


Рис. 3. «Выпрямители» из рога, найденные в Юго-Восточной Прибалтике. *1* — Плуты (ПНР), первоначальный вид изделия, по Е. Окуличу; *2* — Остролека (ПНР), по Г. Кларку; *3* — р. Ужава, Западная Латвия, по И. А. Лозе

полировки (рис. 2, *10*). Такой износ мог возникнуть в работе по твердоволокнистому материалу типа коры, луба и т. д.[6] По направленности линейных следов можно восстановить кинематику рогового орудия. Часть линейных следов, а также асимметрия лезвия свидетельствуют о направленности движения, характерного для топоров (рис. 2, *11*). Несколько бóльшая часть линейных следов, расположенная от края вдоль оси (рис. 2, *12*), может быть осторожно объяснена как утилизация, возникшая во время отчленения коры с деревьев. В этой операции роговое орудие превращалось в двуручное, некоторым подтверждением чему может служить мягкая затертость и залощенность комлевой части рога (рис. 2, *13*).

По данным спорово-пыльцевого анализа, проведенного Х. Гроссом, орудие залегало в отложениях, датирующихся концом позднеледникового времени (от аллереда до границы с голоценом) [7]. В культурном отношении, по-видимому, эту находку следует связывать с населением аренсбургской культуры, стоянки которой были изучены в последние десятилетия на близкой территории Литвы и в ПНР [8]. В связи с первым функциональным определением «мотыги» типа Лингбю следует отметить, что распространение «мотыг» типа Лингбю в аренсбургской культуре Прибалтики совпадает по времени с распространением здесь древесной растительности. В западной Прибалтике, в материалах стоянок более ран-

[6] Руст А. приводит любопытную находку из палеолитического комплекса поселения Штелльмор (см. *Rust A.* Die alt- und mittelsteinzeitlichen Funde von Stellmoor. Neumünster, 1943, Taf. 107). Мотыгообразное орудие типа Лингбю соотнесено с пробитым черепом оленя: поперечный профиль активной части орудия и форма пробитого отверстия в черепе совпадают. Износ у такого орудия, по нашему мнению, видимо, не будет отличаться от описанного нами.

[7] *Gross H.* Die ältesten Steinzeitfunde Altpreussens. Altpreussen, Bd 3, 1938, S. 84.

[8] *Римантене Р. К.* Ук. соч., с. 19—36; *Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977, с. 41—57.

ней гамбургской культуры, существовавшей в тундровых или лесотундровых условиях, при многочисленности находок костей северного оленя «мотыги» типа Лингбю отсутствуют.

Третье орудие (рис. 1, *3*), также изготовленное из рога северного оленя (по определению Н. М. Ермоловой), было найдено в 1930-х годах близ населенного пункта Плуты повята Бартожице (ПНР) [9]. Цвет поверхности рога бледно-серый, с отдельными более темными участками, длина сохранившейся части ствола рога 25,5 *см* (первоначально ствол имел более крупные размеры, излом недавний). Диаметр ствола рога около 3 *см*. На одном из концов предмета косым срезом сформован довольно прямой, ровный, относительно тонкий долотовидный рабочий край орудия неясного назначения, сохранивший следы износа о мягкий материал (рис. 2, *14*). Из торцовой части, образованной срезом (рис. 2, *17*), извлечена губчатая масса рога. Образовавшееся углубление показано на рисунке пунктиром (рис. 2, *18*). На другом конце — сквозное круглое отверстие, диаметром около 1,9 *см*. Внутренние стенки отверстия, состоящие из компактной массы рога, уплотнены и залощены (рис. 2, *15*). Сильная залощенность наблюдается также на удаленных от отверстия участках поверхности орудия (на его рукояточной части? — рис. 2, *16*). Характер износа, взаиморасположение износа на рукояточной части и внутри отверстия позволяют предположить использование орудия в качестве выпрямителя, для изгибания и выпрямления круглых в сечении стержней. Прилегающий к отверстию конец орудия (не сохранившийся к настоящему времени) был заострен и уплощен (рис. 3, *1*). Орудие полифункционально. Очень сходной формы «выпрямители» известны среди находок в ПНР в местечке Остролека [10] и в западной части Латвии, на р. Ужаве [11] (рис. 3, *2*, *3*), обе эти находки датируются мезолитическим временем. Судя по исходному материалу (рог северного оленя), рассматриваемая находка из г. Плуты может датироваться временем не позднее первой половины мезолита (не позднее конца бореального климатического периода).

[9] *Okulicz J.* Pradzieje ziem pruskich od poznego paleolitu do VII w. n. e. Wroclaw, 1973, s. 45, fig. 17*d*.

[10] *Clark J. G. D.* The mesolithic settlement of Northern Europe. Cambridge, 1936, p. 173, fig. 62, *5*.

[11] Как отмечает И. А. Лозе, прилегающий к отверстию суживающийся конец этого изделия был зашлифован и имел следы сработанности (*Лозе И. А.* Некоторые мезолитические находки на территории Латвии.— МИА, № 126, 1966, с. 112, 113, рис. 3, *1*).

М. Г. ЖИЛИН, А. С. ФРОЛОВ

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЛАДЫЖИНО III

(по материалам раскопок 1976 и 1977 гг.)

В последние годы в связи с расширением работ по изучению каменного века в Окском бассейне значительно возрос интерес к древнейшим памятникам в области верхнего течения р. Оки. Но до сих пор первобытная археология верховья Оки является одной из наименее изученных сторон каменного века в Волго-Окском междуречье.

В 1971—1973 гг. на левом берегу р. Оки, у дер. Ладыжино Тарусского р-на Калужской обл. был открыт ряд местонахождений с кремневым инвентарем. Три из них — Ладыжино I—III — дали четкий, типологически укладывающийся в рамки позднего мезолита, материал [1].

[1] *Фролов А. С.* Новые памятники мезолита на Верхней Оке.— АО — 1976. М., 1977, с. 77.

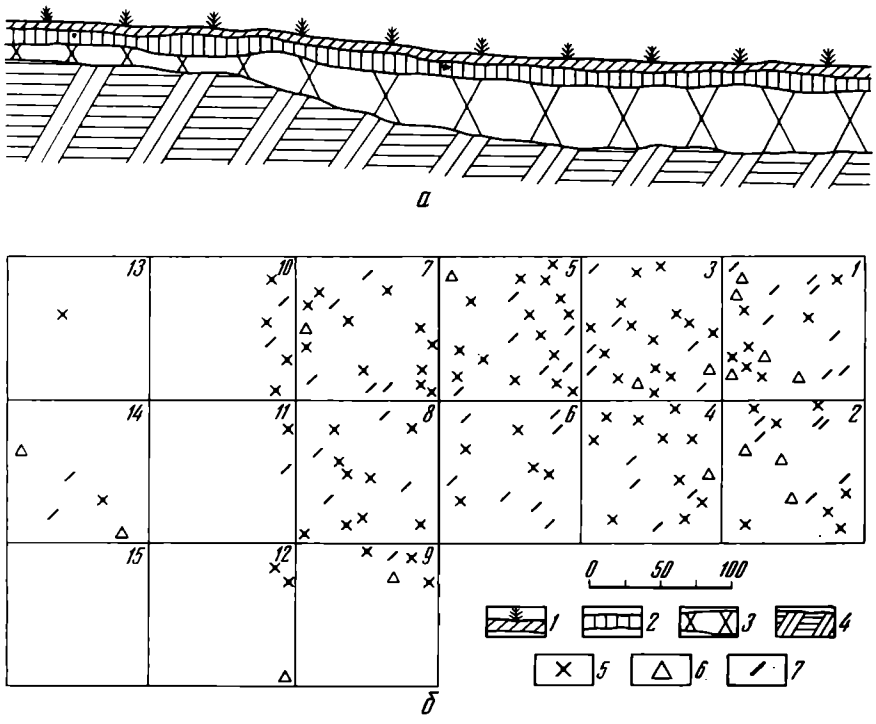


Рис. 1. *а* — профиль северной стенки раскопа 1. *б* — план раскопа № 1, условные обозначения: *1* — дерн, *2* — светло-серая супесь без находок, *3* — культурный слой, *4* — материк, *5* — орудия, *6* — нуклеусы, *7* — пластины

Наибольший интерес представляет стоянка Ладыжино III [2]. Центральная часть поселения, к сожалению, разрушена многолетней распашкой, а сохранившиеся участки культурного слоя находятся на периферии стоянки, по краю мыса, на территории, поросшей лесом. В 1976 и 1977 гг. Верхнеокским разведочным отрядом Окской археологической экспедиции на стоянке вскрыта площадь в 35 м² [3].

Раскопки памятника показали следующую стратиграфию: дерн — 0,05—0,08 *м*; светло-серая супесь — 0,08—0,12 *м*; светло-бурая, слабо гумусированная супесь с вкраплениями угольков (культурный слой), мощностью 0,1—0,15 *м*; материк — бурый суглинок с вкраплениями белесой глины. Такую стратиграфическую картину дали раскоп 2 и оба разведочных шурфа. В раскопе 1 на некоторых участках культурный слой также не превышает 0,15 *м*, однако на участках 1—9 и частично 10—12 мощность слоя значительно больше 0,3—0,4 *м*. В профиле северной стенки хорошо прослеживаются контуры неглубокой ямы с пологими стенками (рис. 1, *а*). Граница этой ямы может быть проведена и на основании распространения кремневых находок. Насыщенность слоя кремневыми предметами на участках 1—9 во много раз превышает насыщенность слоя на участках 10—15, т. е. за пределами ямы (рис. 1, *б*). Видимо, нами вскрыта часть площади кремнеобрабатывающей мастерской. За это предположение говорит и характер находок на этих участках. Здесь во множестве найдены первичные отщепы, нуклеусы, ребристые пластины, отбойники и ретушеры, мельчайшие чешуйки, образовавшиеся при скалывании отщепов и пластин и при вторичной обработке кремневых предметов.

[2] Там же; *Фролов А. С., Жилин М. Г.* Новый памятник мезолита на Верхней Оке.— СА, 1978, № 1, с. 228—233.

[3] *Фролов А. С.* Новые памятники..., с. 77; *его же.* Работы на верхней Оке.— АО — 1977. М., 1978, с. 92, 93; раскоп 1—15 *м*², раскоп 2—18 *м*² и два разведочных шурфа 1×1 *м*.

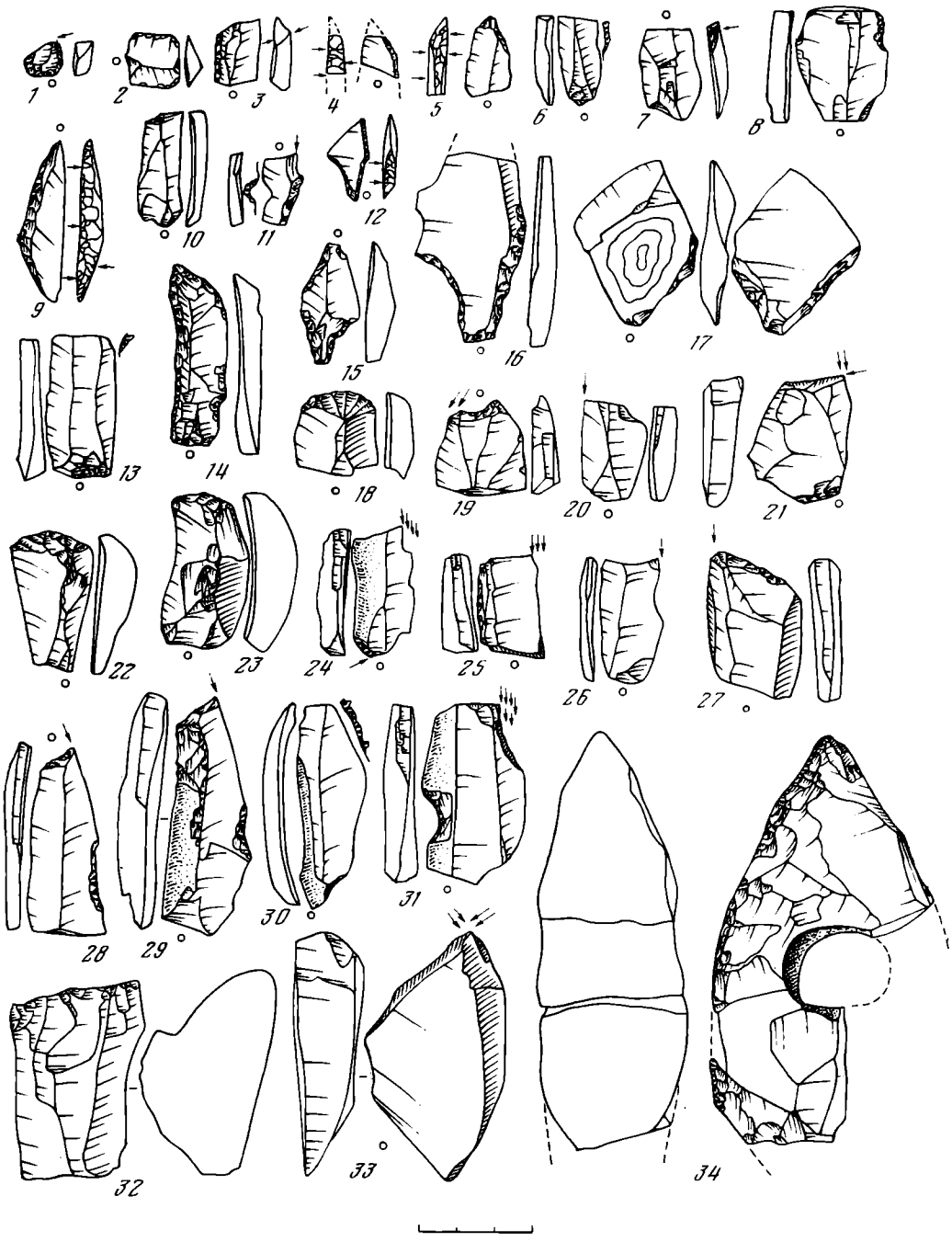


Рис. 2. Кремневые орудия стоянки Ладыжино III

Всего при раскопах Ладыжинской III стоянки найдено 2037 кремневых предметов. Из них в раскопе 1 — 2008, в раскопе 2 — 22, в первом шурфе — 3, а во втором шурфе — 4 предмета.

Для изготовления орудий использовался в основном меловой кремень высокого качества, преимущественно черного цвета. Найдено несколько отщепов и осколков кварцита, видимо, тоже употреблявшегося для изготовления орудий. Однако изделий из кварцита не найдено.

Нуклеусов в коллекции из раскопок — 11. Из них девять одноплощадочные: три служили для скалывания пластин и отщепов с торца, площадки их скошены (рис. 2, *32*), у двух подправлены; шесть — неопределенной формы, односторонние, от отщепов. У трех площадки горизонтальные, подправленная у одного, у остальных без подправки. У трех

других площадки скошены, у двух подправлены, у одного без подправки. Два нуклеуса двуплощадочные подпризматические, от отщепов и пластин. Обе площадки скошенные, причем у обоих одна подправлена, другая без подправки. Коллекцию дополняют восемь нуклевидных кусков кремня с начатой оббивкой.

Пластин — 46. Преобладают грубые экземпляры средней величины, встречаются крупные, изогнутые. Микропластинки отсутствуют вовсе.

Основной заготовкой был отщеп. На отщепах сделано 65% всех орудий. Изделий со вторичной обработкой — 106. Из них наибольшую группу составляют резцы — 13 экз. У трех площадка скола обработана крутой затупливающей ретушью на спинке: один косоретушный на отщепе (рис. 2, *27*), другие с вогнутой площадкой; один на отщепе, второй на пластине (рис. 2, *19*). Три боковых резца сделаны на отщепах, один из них двойной. Два угловых резца сделаны на сломанных пластинках (рис. 2, *20*, *26*) и один на осколке. Два резца на отщепах — срединные со смещением от центральной оси орудия (рис. 2, *21*, *33*). Поперечный резец на отщепе один. Последний резец — комбинированный: на одном конце ребристой пластины оформлен боковой косоретушный резец, на другом — боковой на сломе. Интересно одно комбинированное орудие: угловой резец на сломе пластины. Ударный бугорок снят микрорезцовым сколом, площадка которого подготовлена крутой ретушью (рис. 2, *24*). Микрорезцов два. Площадки скола подправлены ретушью (рис. 2, *1*). Судя по обработке, это остатки каких-то орудий, расчлененных при помощи микрорезцовой техники.

Скребков в коллекции вместе с микроформами 11 экз. Резко преобладают концевые. Два концевых скребка (рис. 2, *18*, *22*) и один концевой скошенный (рис. 2, *23*) сделаны на пластинах. На отщепе сделан скробач неопределенной формы. Два микроскребка концевые, один на пластине, другой на отщепе. Три микроскребка скошенные. Остальные микроскребки угловые на пластинах (рис. 2, *13*). Наибольший интерес представляет тупоугольный неравносторонний треугольник на отщепе (рис. 2, *9*). Боковые края обработаны очень крутой затупливающей ретушью. Такие треугольники распространены главным образом к западу от Волго-Окского бассейна, в памятниках Центральной Европы[4]. В Волго-Окском междуречье аналогичные треугольники найдены на стоянках Иенево II под Калинином[5] и Староконстантиновская IV[6]. Из других форм микролитов найдены обломки двух пластин с затупленными ретушью концами, две пластины с затупленным ретушью краем (рис. 2, *3*), пять пластин с ретушированными углами (рис. 2, *6—8*) и вкладыш из сечения пластины (рис. 2, *2*). Встречены три пластины со скошенным ретушью концом (рис. 2, *10*) и три отщепа, причем у одного скошен конец со стороны ударного бугорка. Найдено острие с одним выпуклым затупленным краем (ланцет) (рис. 2, *5*); видимо, к этому типу следует относить и два похожих обломка (рис. 2, *4*).

Наконечников стрел четыре. Все асимметричные. Два из них с боковой выемкой. Первый очень мелкий, сделан на отщепе (рис. 2, *12*), второй крупный, недоделан, кончик пера сломан (рис. 2, *16*). Третий наконечник с четко выделенным черешком и скошенным концом пера сделан на пластине (рис. 2, *15*). Последний наконечник на отщепе не доделан (рис. 2, *17*).

Ножей в коллекции шесть. Все изготовлены на отщепах, рабочий край у двух на брюшке, у третьего на спинке, обработаны мелкой приостряющей ретушью. Три аналогичные ножа сделаны на пластинах (рис. 2,

---

[4] *Kozlowski S. K.* Cultural differentiation of Europe from IXth to Vth millenium b. c. Warszawa, 1975.

[5] *Кольцов Л. В.* Раскопки стоянки Иенево II в 1976 г. См.: *Крайнов Д. А.* Отчеты ВВАЭ за 1976 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 5819.

[6] Сборы Ф. И. Иванова. Материал хранится в Калининском обл. музее.

30), из них два сломаны. Видимо, как ножи использовались 11 пластин, обработанных нерегулярной ретушью.

Скоблей семь. Шесть — одновыемчатые, седьмой двойной. У двух на пластине и на отщепе выемки широкие мелкие; у двух на пластинах — широкие и глубокие; у остальных — на отщепах, в том числе и у двойного,— узкие мелкие.

Найдены три асимметричных сверла на пластинах, конец не выделен, края их обработаны крутой ретушью (рис. 2, *14*).

Рубящие орудия представлены обломком двустороннеоббитого кайла или мотыги, сделанной из желвака кремня, причем естественное отверстие в камне оставлено в центре орудия, видимо, для насаживания на рукоятку. Сохранился обушок орудия, лезвие утрачено (рис. 2, *34*).

Орудий для обработки камня встречено 14 экз. Из них пять концевых отбойников, восемь отбойников комбинированных: концевые и боковые. Все сделаны из галек кварцита, песчаника, сланца и кварца. Дополняет коллекцию кварцитовая наковальня.

Значительна серия комбинированных орудий. Концевой скошенный скребок на пластине объединен с угловым резцом на сломе. На тыльном конце концевого скребка на пластине крутой затупливающей ретушью сделана выемка. Боковой край скребла на отщепе приострен чередующейся ретушью, как лезвие ножа. Концевой микроскребок комбинирован со скобелем на отщепе. Со скобелями комбинировано два угловых резца на сломанных пластинах (рис. 2, *31*). Два боковых косоретушных резца сделаны на пластинах с ретушью (рис. 2, *28*, *29*). Остальные изделия со вторичной обработкой — это различные отщепы с нерегулярной ретушью.

По характеру материала (учитывая и находки прошлых лет) стоянку Ладыжино III следует относить к кругу памятников выделенной Л. В. Кольцовым иеневской культуры. По составу каменного инвентаря (как качественному, так и количественному) и особенностям технологии обработки кремня описываемая стоянка находит ближайшие аналогии в таких памятниках этой культуры, как Староконстантиновская IV [7] и VI [8], Дмитровское I [9] на Верхней Волге. Много общих черт прослеживается и с такими памятниками, как Староконстантиновская II [10], Тростенская III северная [11], Журавец I [12], Богоявление [13], Пеньково I [14], Иенево II [15], Коприно [16]. С остальными памятниками иеневской культуры сходных черт значительно меньше, чем с перечисленными выше, однако все-таки больше, чем различий.

---

[7] *Иванов Ф. И.* Отчет за 1956 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 1474; *Кольцов Л. В., Бодунов Е. В., Жилин М. Г.* Работы Верхневолжской экспедиции в Калининской области.— АО — 1975. М., 1976, с. 66. Аналогии следуют по степени близости к стоянке Ладыжино III.

[8] *Бодунов Е. В., Воробьев В. М.* Мезолитическая стоянка Староконстантиновская VI.— СА, 1974, № 4, с. 162—169.

[9] *Бадер О. Н., Кольцов Л. В.* Мезолитические стоянки в окрестностях г. Калинина.— СА, 1974, № 1, с. 120—134.

[10] *Иванов Ф. И.* Ук. отчет за 1956 г.

[11] *Сидоров В. В.* Отчет о разведках в Московской области в 1968 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3723; *его же.* Отчет о раскопках и разведках в Московской области в 1969 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4003.

[12] *Крайнов Д. А., Будунов Е. В.* Раскопки стоянки-мастерской Журавец I. Отчеты ВВАЭ за 1973 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 5033.

[13] *Крайнов Д. А.* Отчеты ВВАЭ за 1959, 1962—1964, 1970 гг. Архив ИА АН СССР, р-1, № 1020, 2522, 2704, 2918, 4551.

[14] *Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* Раскопки Пеньковской мезолитической стоянки.— АО — 1976. М., 1977, с. 56.

[15] *Кольцов Л. В., Бодунов Е. В., Жилин М. Г.* Ук. соч., с. 66.

[16] *Кольцов Л. В.* Стоянка Коприно на Верхней Волге.— В сб.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1963, с. 7—17.

За пределами Волго-Окского междуречья сходные черты прослеживаются в инвентаре стоянок Песочный Ров на Десне[17], Печенеж[18] и Гренск[19] на Соже, Коромка[20] на Верхнем Днепре и некоторых других позднемезолитических памятниках этой территории. Однако здесь достаточно четко выражены и черты, отличающие их от подобных памятников Волго-Окского бассейна. Вероятно, что это две различных культуры, сложившиеся на основе единого раннемезолитического субстрата. Черты сходства между ними могут быть объяснены и одновременностью рассматриваемых памятников.

---

[17] *Воеводский М. В.* Памятники каменного века на Десне.— КСИИМК, вып. XXVI, 1949, с. 22—26; *Воеводский М. В., Формозов А. А.* Стоянка Песочный Ров на Десне.— КСИИМК, вып. XXXV, 1950, с. 42—54.

[18] *Копытин В. Ф.* Новые данные по мезолиту Юго-Восточной Белоруссии.— In: The Mesolithic in Europe. Warszawa, 1973, p. 299—314; *его же.* Мезолит Юго-Восточной Белоруссии.— КСИА АН СССР, № 149, 1977, с. 60—66.

[19] *Будько В. Д.* Памятники свидерско-гренской культуры на территории Белоруссии.— МИА, № 126, 1966, с. 35—46.

[20] *Копытин В. Ф.* Новые данные по мезолиту..., с. 299—314.

К. КУРБАНСАХАТОВ

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ПРЯСЛИЦЕ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

Алтын-депе — широко известный древнеземледельческий памятник Южного Туркменистана, изучаемый более 10 лет силами ЮТАКЭ АН ТуркмССР и Каракумской экспедицией ЛО ИА АН СССР под руководством В. М. Массона. Это раннегородское поселение эпохи бронзы, начавшее формироваться еще в энеолитическое время, на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. Естественно, что в этой связи особенно важно было изучение ранних напластований этого поселения. С этой целью на восточной окраине «холма ремесленников» был заложен стратиграфический раскоп № 1, в котором энеолитические слои были обнаружены в слоях Алтын 9—15[1]. Для определения площади заселения Алтын-депе в энеолитическое время в различных его частях было дополнительно заложено несколько шурфов, в том числе шурф в южной части поселения, у древних ворот[2]. Здесь в слоях, относящихся ко времени позднего энеолита, было найдено керамическое веретенное напрясло биконической формы, или, как его еще называют, пряслице (рис. 1, *1*). Находка представляет особый интерес, поскольку пряслице имеет на обоих сторонах выполненные краской изображения. Диаметр пряслица 3 *см*, диаметр сквозного отверстия — 0,5 *см*. На обеих сторонах пряслица черной краской на светло-розовом фоне нанесены изображения. На одной стороне помещены две человеческие фигуры. Они симметрично вписаны в окружность пряслица. На оборотной стороне пряслица изображена крестообразная геометрическая фигура, также вписанная в окружность.

Терракотовые пряслица, свидетельствующие о развитии ткачества, появляются у древних земледельцев Южного Туркменистана с позднеджейтунского времени[3]. В период раннего и развитого энеолита (время Намазга I, II) керамические пряслица встречаются в большом количестве

---

[1] *Массон В. М.* Изучение стратиграфии и топографии Алтын-депе.— АО — 1970. М., 1971, с. 428, 429; *его же.* Алтын-депе в эпоху энеолита.— СА, 1977, № 3, с. 165.

[2] Отчет начальника XIV отряда ЮТАКЭ В. М. Массона за 1976 г. Отчет хранится в ЮТАКЭ АН ТуркмССР.

[3] *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии.— МИА, № 158, 1969, с. 10.

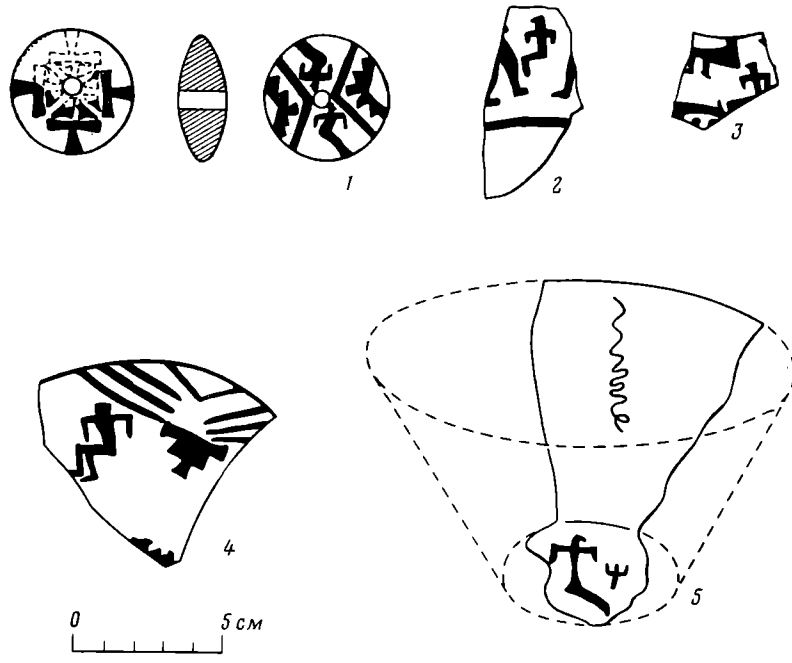


Рис. 1. Энеолитические антропоморфные изображения из Южной Туркмении. *1* — пряслице из Алтын-депе, *2—5* — фрагменты керамических сосудов из Кара-депе

и имеют конусовидную форму[4]. Рассматриваемое нами пряслице по своей форме относится к позднеэнеолитическому времени (время Намазга III)[5]. Терракотовые пряслица, находимые на памятниках энеолитического времени, обычно украшены насечками, нанесенными путем вдавления по сырой глине еще до обжига[6]. Что же касается росписи на пряслице, то подобный случай при раскопках энеолитических поселений Южного Туркменистана отмечен впервые. При этом геометрическая роспись повторяет традиционную роспись сосудов энеолитического времени Южного Туркменистана времени Намазга III. Так, крестообразная фигура составлена из четырех отдельных трехчетвертных крестов, симметрично расположенных по окружности и в совокупности образующих составной крест. В середину креста как раз попадает отверстие пряслица, вокруг которого небрежно нанесены восемь симметрично расположенных расплывчатых треугольников, которые напоминают насечки, часто наносимые на пряслица предшествующего времени. Часть изображения на этой стороне пряслица стерлась от времени и плохо сохранилась. В более упрощенной трактовке процарапанное изображение креста ранее встречалось в энеолитических слоях на пряслицах Анау[7], Кара-депе[8] и Геоксюра[9]. Геометрическая роспись оборотной стороны представляет собой ступенчатую пирамиду, заключенную между двумя радиусами, выполненными черной линией. Подобная роспись на сосудах встречается даже в слоях Намазга II (Кара-депе)[10] и на позднеэнеолитических со-

---

[4] *Хлопин И. Н.* Памятники развитого энеолита юго-восточной Туркмении.— САИ, вып. 53—8, ч. III. М.— Л., 1969, табл. XXVI, *27—34*.

[5] *Сарианиди В. И.* Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении.— САИ, вып. 53—8, ч. IV. М., 1965, табл. XXV, *39*, *41*.

[6] Там же, табл. XXV, *11*, *22*, *24*, *25*.

[7] *Pumpelly R., Schmidt H.* Explorations in Turkestan, vol. I. Washington, 1908, p. 165, fig. 380.

[8] *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка.— ТЮТАКЭ, X, 1961, табл. XIV, *10*, *12*.

[9] *Сарианиди В. И.* Энеолитическое поселение Геоксюр.— ТЮТАКЭ, X, табл. XIII, *8*.

[10] *Массон В. М.* Джейтун и Кара-депе.— СА, 1957, № 1, рис. XII, *6*.

судах с поселений Геоксюр I [11] и Алтын-депе [12]. Этот мотив также аналогичен изображениям на печати-амулете с Кара-депе [13]. Если мысленно соединить два геометирических изображения на пряслице так, чтобы получилось изображение пиловидного ромба, то мы получим традиционную композицию, часто встречаемую в росписи сосудов рассматриваемого времени [14]. Следует учесть, что в орнаменте энеолитической керамики середину подобного ромба часто занимает изображение креста, ромба и пирамиды и различных их вариаций.

На пряслице с Алтын-депе особенно интересны два антропоморфных изображения, помещенные между ступенчатых пирамид. Ряд деталей позволяет заключить, что они воспроизводят женские терракотовые статуэтки энеолитического времени с широкими подпрямоугольными плечами, часто находимые на поселениях Южного Туркменистана [15]. Оба изображения на пряслице идентичны. Фигуры представлены в сидячей позе, но концы ног не изображены. Плечи фигур прямые, руки опущены вниз и заканчиваются в локтях. Схематично нарисованные головы с клювовидными носами напоминают голову птицы. Торсы статуэток изображены в фас, а голова и ноги изображены в профиль, причем ноги соединены и показаны на рисунке слитно. Терракотовые статуэтки у древнеземледельческих племен Южного Туркменистана имели культовый характер и были прежде всего связаны с культом плодородия, воплощенном в образе женщины-матери, женщины-прародительницы [16]. Они нередко воспроизводят и другие образы — покровительницы флоры и астрального божества [17], богини-хранительницы источников воды [18]. Сами статуэтки иногда встречаются в погребениях, что отражает какие-то хтонические аспекты [19]. В анауской культуре антропоморфные изображения встречены в виде глиняного налепа на стене общинного дома яланчского времени (время Намазга II), одно процарапанное изображение известно на пряслице [20], близкая фигура изображена и на керамике времени развитого энеолита [21]. Изображения, в которых можно усмотреть воспроизведение терракотовых статуэток, довольно редки. Все они, за исключением рассматриваемого пряслица, выполнены на керамических сосудах, происходящих с Кара-депе и Алтын-депе. Интересно, что статуэтки воспроизведены обязательно в сочетании с каким-нибудь другим изображением, составляющим в совокупности определенную композицию. Так, на одном из фрагментов с Кара-депе воспроизведена культовая сцена: сама фигура помещена в центре, по обе стороны от нее изображены две другие человеческие фигуры, возможно, ей поклоняющиеся [22] (рис. 1, *2*). Фрагмент сосуда с Алтын-депе имеет еще более усложненный сюжет (рис. 1, *5*). На нем воспроизведена сцена, изображающая змею и две антропоморфные фигуры, одну из которых легко определить как скульптуру женского божества, по стилю и манере выполнения очень близ-

---

[11] *Сариниди В. И.* Энеолитическое поселение Геоксюр, табл. IV, *18*, табл. II, *3, 5*.

[12] *Массон В. М.* Алтын-депе в эпоху энеолита, рис. 11.

[13] *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка, табл. XIV, рис. 14.

[14] Там же, табл. VIII, *11*, *14*; табл. XXIII, *3*; табл. XXXV, *7*.

[15] *Массон В. М., Сариниди В. И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973, с. 9—18; *Массон В. М.* О культе женского божества у анауских племен.— КСИИМК, № 73, 1959, с. 15, 16.

[16] *Массон В. М., Сариниди В. И.* Ук. соч., с. 97.

[17] *Курбансахатов К.* Новый тип женской терракотовой статуэтки с Алтын-депе.— СА, 1976, № 3, с. 303, 304.

[18] *Лисицына Г. Н.* Изучение геоксюрской оросительной сети в Южном Туркменистане в 1964 г.— КСИА АН СССР, № 108, 1966, с. 99.

[19] *Массон В. М., Сариниди В. И.* Ук. соч., с. 84.

[20] *Сариниди В. И.* Памятники позднего энеолита..., табл. XXV, *18*; *Pumpelly R.* Op. cit., p. 165, fig. 379.

[21] *Хлопин И. Н.* Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.— Л., 1964, с. 161, 162.

[22] *Массон В. М.* О культе женского божества..., с. 15.

кую рассмотренным выше рисункам, другая очень схематична и напоминает человеческую фигуру с поднятыми вверх руками. Это изображение П. М. Кожин и В. И. Сарианиди трактуют как сцену поклонения человека богине-матери о ниспослании плодородия, дополненную изображением змеи. По их мнению, здесь воспроизводится моление человека о ниспослании обильных дождей, увеличении мощности водных потоков[23]. Наконец, третий экземпляр с Кара-депе изображает очень близкую нашему пряслицу сцену, где женская статуэтка нарисована рядом со ступенчатой пирамидой [24] (рис. 1, *4*).

Если перейти к стилистической оценке, то следует отметить, что подобные антропоморфные изображения (торс — в фас, голова — в профиль) часто встречаются в соседних ближневосточных древнеземледельческих поселениях — Сузах [25], Сиалке [26] и Тепе-Гавра [27].

Попытаемся рассмотреть семантику сюжета, объединяющего богиню-мать и ступенчатую пирамиду в одну композицию. Е. В. Антонова, прослеживая прототипы различных знаков в орнаменте энеолитической керамики анауской культуры, отмечает, что эта орнаментация может быть определена в целом как геометрическая и сведена до минимума комбинациями нескольких фигур, а именно крестов, треугольников и ромбов. По ее заключению, развитие орнамента идет на основе двух знаков — треугольников и ромбов с ресничками. В принципе кажется возможным заключить, что перед нами единый знак: ромб с ресничками, разделенный пополам, и дает нам треугольник с ресничками [28]. Исходя из этого, мы можем полагать, что изображенная на пряслице с Алтын-депе ступенчатая пирамида — прототип будущего знака «треугольник с ресничками», хорошо известного по статуэткам эпохи бронзы.

Таким образом, можно считать, что ступенчатая пирамида в зеркальном удвоении дает нам фигуру ступенчатого ромба, в который часто вписывался крест. И. Н. Хлопин на основании обзора эволюции изображения креста высказал мнение, что перед нами знак оберега, призванный сохранить предмет, на который он наносился, его содержание и, возможно, его владельца от опасностей [29]. Если учесть, что на рассматриваемом пряслице имеется также изображение креста, то мы имеем в целом символику того же характера. Изображение ступенчатой пирамиды на одной стороне и креста на другой стороне пряслица в целом усиливало функцию оберега. В. М. Массон и В. И. Сарианиди допускают возможность происхождения знака «треугольник с ресничками» от символа женского начала, изображаемого на статуэтках начиная с позднеялангачского времени [30]. Имеется даже одна статуэтка, на которой от подобного треугольника отходит схематично изображенная ветка. Это изображение объясняется как растение, произраставшее из лона женщины-богини, покровительницы плодородия [31]. Е. В. Антонова также считает, что изображение «мохнатого» треугольника, возможно, связывалось с идеей рождения, произрастания, появления. Подтверждение своего мнения она видит в сходстве этого знака с одним из знаков в пиктографической шу-

---

[23] *Кожин П. М., Сарианиди В. И.* Змея в культовой символике анауских племен.— В кн.: История, археологии и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 39.

[24] *Массон В. М.* Новые раскопки на Джейтуне и Кара-депе.— СА, 1962, № 3, рис. 10, *12*.

[25] *Herzfeld E.* Iran in the Ancient East. London, 1941, fig. 37.

[26] *Ghirhman R.* Fouillés de Sialk. Paris, 1938, vol. I, LXXV, fig. 1—7.

[27] *Tobler A.* Excavations at Tepe Gawra, vol. I. Philadelphia, 1935, LXXVI, fig. 9.

[28] *Антонова Е. В.* К вопросу о происхождении и смысловой нагрузке знаков на статуэтках анауской культуры.— СА, 1972, № 4, с. 9.

[29] *Хлопин И. Н.* Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении.— КСИА АН СССР, № 91, 1962, с. 18.

[30] *Массон В. М., Сарианиди В. И.* О знаках на среднеазиатских статуэтках эпохи бронзы.— ВДИ, 1969, № 1, с. 92.

[31] *Массон В. М., Сарианиди В. И.* О знаках..., с. 93.

мерской письменности, в которой он означал «делать», «творить», «строить» [32]. Все это позволет заключить, что рассматриваемое нами пряслице имело изображения одного семантического круга и скорее всего перед нами священные символы, нанесенные на объект женского труда. Возможно, наличие этих изображений должно было способствовать удлинению срока действия пряслица, улучшению качества продукции. Символика в целом отражает покровительство со стороны божественных сил ткачеству как одной из форм женского труда. Отметим еще одну немаловажную деталь: изображение божества со ступенчатой пирамидой на фрагменте сосуда с Кара-депе аналогично сюжету на пряслице с Алтын-депе, отстоящего от предыдущего памятника на 120 *км*. Это свидетельствует о существовании единого стиля антропоморфных изображений в среде энеолитических общин Южной Туркмении, что является отражением культурного и идеологического единства местных племен.

[32] *Антонова Е. В.* Ук. соч., с. 13.

Л. С. ИЛЬЮКОВ

БРОНЗОВЫЙ ТОПОР ИЗ ПРИКУБАНЬЯ

В 1975 г. в археологический кружок Дворца пионеров г. Ростова-на-Дону поступил металлический топор, найденный в Прикубанье у г. Усть-Лабинска во время земляных работ [1]. К сожалению, этим и ограничиваются все наши сведения о месте нахождения усть-лабинского орудия.

Публикуемое орудие по характеру расположения двух противолежащих лезвий относится к типу топоров-мотыг или топоров-тесел. Узкий клин топора заканчивается слегка скошенным и расширяющимся лезвием (длина лезвия 4,5 *см*). Клин мотыги немного скошен и тоже оканчивается расширенным скругленным лезвием (длина лезвия 3,8 *см*). Спинка топора выпуклая, брюшко ровное. Почти в средней части орудия расположена проушина круглой формы, диаметр ее 3,3 *см*. Общая длина орудия 23,8 *см* (рисунок).

В лаборатории структурного анализа кафедры археологии МГУ проведено всестороннее технологическое исследование топора, включавшее в себя его поверхностный осмотр в бинокулярный микроскоп МБС-2 и структурное изучение его металла. В результате установлено, «что топор был отлит в двусторонней литейной форме со вставным стержнем из древесного угля. После отливки изделие было подвергнуто тщательной проковке» [2]. В лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР проведен спектральный анализ усть-лабинского орудия. По результатам анализа он изготовлен из мышьяковой бронзы (1,5% As) с микропримесями: Zn — 0,001%, Ag — 0,007%, Fe — 0,002%, Co — 0,005%, Ni — 0,01 [3].

Типологически рассматриваемое изделие входит в большую группу металлических топоров с крестовидным сечением эпохи энеолита— бронзового века Евразии [4]. На Северном Кавказе топор-мотыга найден в

[1] Орудие было передано сотруднику Ростовского областного музея краеведения В. В. Чалому, которому приношу благодарность за разрешение опубликовать этот предмет.

[2] Из заключения № 642 о результатах структурного исследования усть-лабинского топора. Выражаю искреннюю признательность Н. В. Рындиной, осуществившей структурный анализ этой находки и позволившей автору опубликовать результаты анализа.

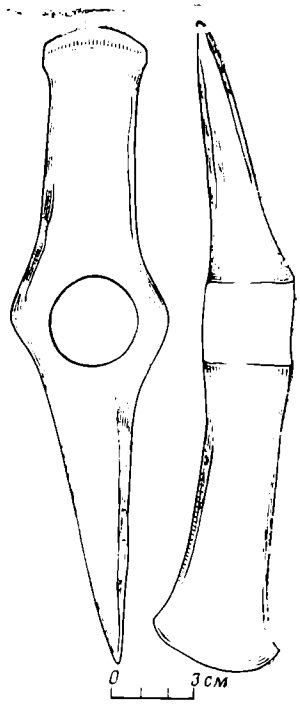
[3] Номер анализа 21986.

[4] *Миков В.* Медни брадви-копачи от България. Исследования в памет на Карел Шкорпил. София, 1961; *Deshayes J.* Les outils de bronze de L'indus au Danube (IV-e

Большом Майкопском кургане[5], однако он существенно отличается от усть-лабинского орудия. Такие предметы отсутствуют в древностях Северного Кавказа и Предкавказья[6]. Если сопоставить клин топора усть-лабинского изделия с клиньями майкопских втульчатых топоров[7], мы не обнаружим ничего общего между ними, тогда как вытянутые зауженные клинья втульчатых топоров-клевцов из Приереванского клада, относящегося к III тысячелетию до н. э.[8], близки усть-лабинскому.

В каталогах Ж. Дейе среди мотыг-топоров Древнего Востока нет прямых параллелей прикубанскому орудию[9]. Лишь один топор с крестовидным сечением из Месопотамии обнаруживает некоторое сходство с усть-лабинским, но у него имеется орнамент на втулке[10]. В большой коллекции европейских топоров-мотыг заслуживают внимания изделия, лишенные удлинительной втулки. Это орудия типа Ариушд[11], которые датируются временем Кукутени А; они близки усть-лабинскому орудию.

Суммируя наши сведения о времени распространения топоров с крестовидным сечением, предварительно можно датировать усть-лабинский топор широко — второй половиной IV—III тысячелетием до н. э.



Топор из г. Усть-Лабинска

au II-e millenaire). Paris, 1960; *Schubert F.* Zu den südosteuropäischen Kupferäxten.— Germania, N 2, 1965; *Збенович В. Г.* Древнейшие медные топоры в Восточной Европе.— СА, 1969, № 3, с. 135—142.

[5] ОАК за 1897 г. СПб., 1900, с. 9, рис. 35; *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы.— МИА, № 132, 1966, с. 39.

[6] *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.).— МИА, № 93, 1960; *Йессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, № 23, 1951.

[7] *Кореневский С. Н.* О металлических топорах майкопской культуры.— СА, 1974, № 3.

[8] *Мартиросян А. А., Мнацаканян А. О.* Приереванский клад древней бронзы.— КСИА АН СССР, № 134, 1973, рис. 47, *5—11*; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, рис. 83, *3—5, 7*.

[9] *Deshayes J.* Op. cit.; *Schaeffer C.* Stratigraphie Comparée et Chronologie de L'Asie Occidental. London, 1948.

[10] *Deshayes J.* Op. cit., pl. XXXIX, *11*; LXI, *6*.

[11] *Vulpe A.* Cu privire la cronologia toporelor de armà cu bratele «in cruce».— SCIV, t. 15, N 4, 1964, fig. 3, 4.

С. Ю. МОНАХОВ

О ШТАМПАХ ДЛЯ КЛЕЙМЕНИЯ ХЕРСОНЕССКИХ АМФОР

До настоящего времени неизвестно, из какого материала и как изготавливались штампы для нанесения клейм на массовую керамическую продукцию (амфоры и черепицы) в Херсонесе Таврическом. Вообще же вопрос о материале, из которого изготавливались штампы, и о технике клеймения вызывает большой интерес и обсуждался неоднократно.

Первой была попытка А. Дюмона доказать, что штампы для клеймения античных амфор набирались как матрицы с применением подвиж-

ных букв по тому же принципу, что и в современных типографиях [1]. М. Нильсон, указывая на полное отсутствие штампов среди археологических находок, высказал мнение, что они изготавливались из непрочного материала, скорее всего из дерева [2]. Первые доказательства в подтверждение этой гипотезы представил А. Вэйс, опубликовавший в издании черепичных клейм Спарты фотографии, на которых хорошо видны следы древесины на оттисках. Позднее, В. Ф. Гайдукевич издал боспорские клейма с надписью βασιλική, оттиснутые несомненно деревянным штампом. По мнению В. Ф. Гайдукевича, наибольшее распространение на Боспоре имели штампы, сделанные из дерева. Вместе с тем он допускает вероятность их изготовления из других твердых материалов [3].

Точку зрения В. Ф. Гайдукевича о преобладании на Боспоре деревянных штампов поддержал Б. Н. Граков [4]. Им же было высказано предположение, что синопские клейма ставились штампами, вырезанными из камня или металла [5].

Некоторый итог обсуждению вопроса о штампах был подведен в статье В. Грейс, считавшей, что штампы могли изготавливаться из различных материалов, в том числе и из глины [6]. Последнее предположение оставалось гипотетичным до тех пор, пока в 1946 г. в Керчи не был найден штамп, вырезанный на поперечном срезе круглой ручки родосской амфоры (рис. 1, *1*). Монограмма довольно небрежно процарапана по глине острым инструментом. Л. А. Ельницкий по аналогии с монетными монограммами отнес этот штамп ко II в. до н. э.[7]

Вместе с тем оставалось неясным, какой материал использовался для штампов, имеющих эмблему и полную надпись в несколько строк. В отношении эмблем и отдельных анэпиграфных клейм на некоторых видах керамической продукции Д. Б. Шелов [8] и М. И. Максимова [9] высказались в пользу того, что они ставились не грубыми штампами, а высокохудожественными геммами, игравшими роль личного или государственного клейма. Это мнение поддержал В. И. Цехмистренко, опубликовавший синопское амфорное клеймо с эмблемой «орел с колосом», оттиснутое скорее всего геммой, вырезанной на камне [10].

Окончательное решение вопрос об использовании керамических штампов получил в 1961 г. благодаря находке на Фасосе глиняного штампа, в центре которого изображена амфора, а по периметру четырехугольной рамки обычный этникон и редкое имя Астюкреонта (рис. 1, *3*) [11]. Надпись и эмблема нанесены на сырую глину, впоследствии обожженную в гончарной печи. Так же, как и в случае с монограммным штампом из Керчи, клейма, оттиснутые фасосским штампом, пока неизвестны [12].

---

[1] *Dumont A.* Inscriptions céramiques de Grèce. Paris, 1872, p. 45 ff.

[2] *Nilsson M.* Timbres amphoriques trouvées à Lindos. Copenhague, 1909, p. 56.

[3] *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы Боспора.— ИГАИМК, 104, 1935, с. 257 сл., рис. 72.

[4] *Граков Б. Н.* Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее.— ИГАИМК, 104, 1935, с. 204.

[5] *Граков Б. Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, с. 70.

[6] *Grace V.* The Die Used for the Amphora Stamps.— Hesperia, IV, 1935, p. 422 ff.

[7] *Ельницкий Л. А.* Эпиграфические новинки из Керчи.— ВДИ, № 3, 1947, с. 207.

[8] *Шелов Д. Б.* Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг.— МИА, № 56, 1957, с. 212, табл. III, *6*.

[9] *Максимова М. И.* Античные геммы и их оттиски на фрагментах глиняных сосудов.— МИА, № 103, 1962, с. 192, 193, рис. 3, *4*, *5*.

[10] *Цехмистренко В. И.* Заметки о синопских клеймах.— СА, 1971, № 3, с. 72.

[11] *Grace V., Salviat F.* Sceau thasion à marquer les amphores.— BCH, 86, 1962, p. 511 ff, f. 1, 2.

[12] Известны клейма Астюкреонта от двух других штампов. Первое хранилось в ИИМК и списано Е. М. Придиком. Вместо амфоры на нем в качестве эмблемы изо-

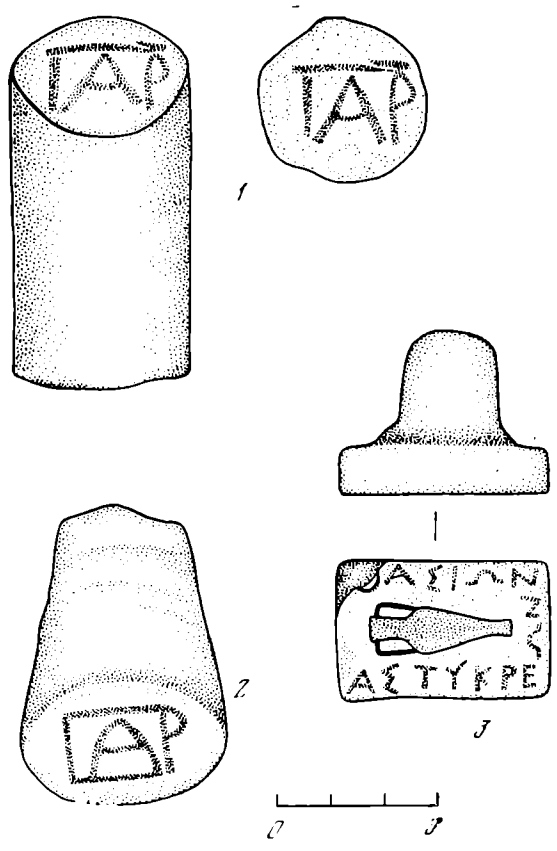


Рис. 1. Керамические штампы из различных центров. *1* — штамп из ручки амфоры, Керчь; *2* — штамп из ножки амфоры, коллекция Бенаки; *3* — специально изготовленный глиняный штамп, о. Фасос

В. Грейс и Ф. Сальвья, кроме описанного специально изготовленного штампа с о. Фасос, публикуют также штамп с монограммой ΓΑΡ сделанной из ножки амфоры (рис. 1, *2*) [13]. В своей работе они склоняются к мнению, что глиняные штампы были наиболее распространенными в античном мире. В подтверждение они указывают на многообразие клейм и их широкое распространение. Кроме того, в этом случае, на их взгляд, понятны особенности в палеографии клейм, в частности наличие в ранних керамических надписях курсивных омеги и сигмы, частые случаи ретроградного чтения надписей. Практическое отсутствие штампов среди археологических находок они объясняют тем, что после окончания срока действия магистратуры или с приходом в негодность штампы уничтожали во избежание риска незаконного использования [14].

В. И. Цехмистренко, анализируя синопское клеймо, у которого третья строка значительно возвышается над остальными, пришел к выводу, что в Синопе существовала практика изготовления штампов из глины. Он справедливо отмечает, что такой оттиск, где одна строка находится выше других, мог образоваться только в результате исправления ошибки, обнаруженной резчиком во время изготовления штампа. По мнению

бражена восьмилучевая звезда и шапка Диоскуров. Второе клеймо стоит на целой амфоре из Елисаветовского городища и содержит эмблему в виде чаши (см. *Зеест И. Б.* К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией.— МИА, 19, 1951, с. 114, рис. 6, с. 122).

[13] *Grace V., Salviat F.* Op. cit., p. 515, f. 8.

[14] Ibid., p. 515 ff.

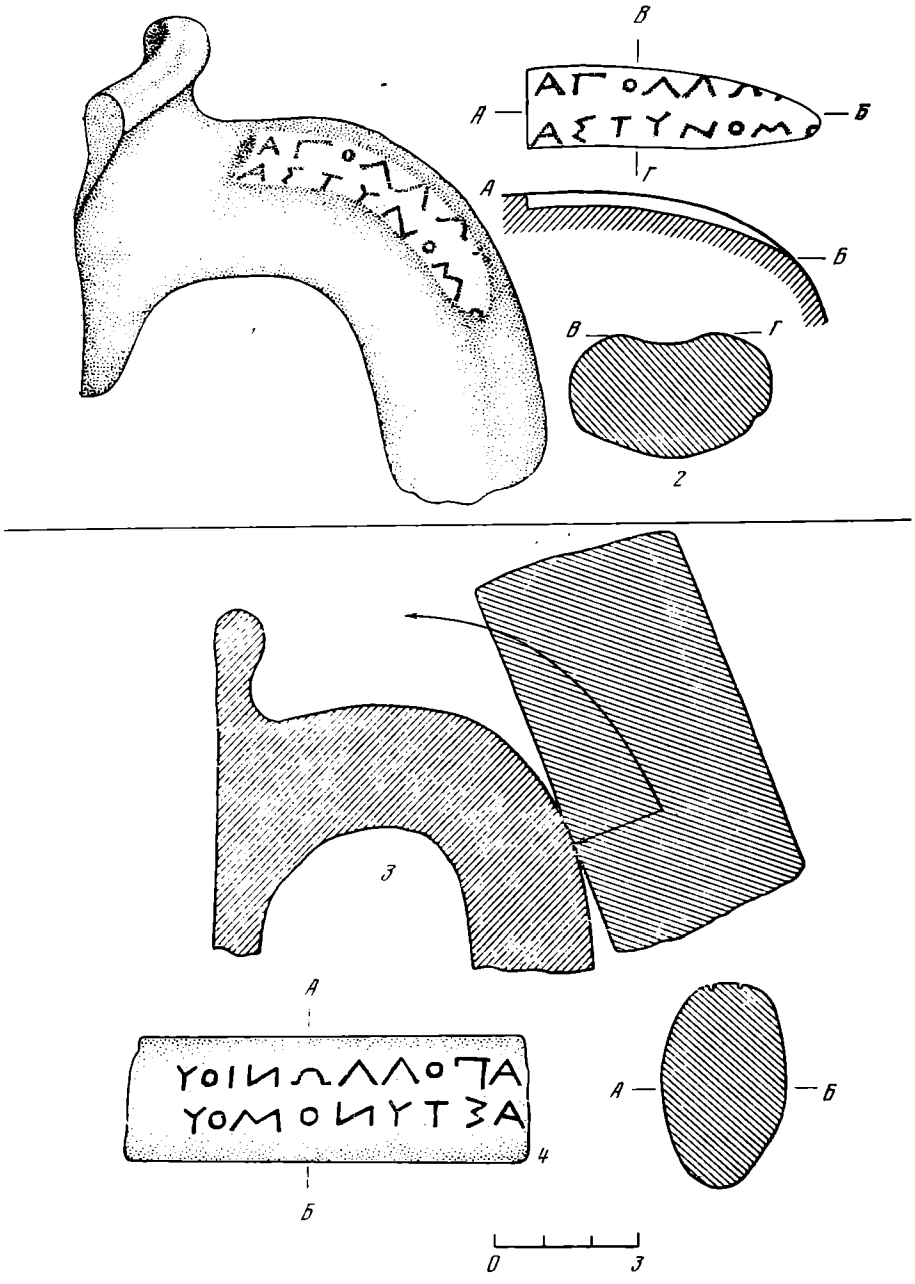


Рис. 2. Херсонесские клейма и экспериментальный штамп. *1*, *2* — типичное херсонесское клеймо, *3* — схема эксперимента, *4* — экспериментальный штамп

В. И. Цехмистренко, мастер просто стер написанное, углубив в этом месте поверхность заготовки штампа прямо по сырой глине [15]. Однако гораздо проще было бы сырую заготовку переформовать, тем более что надпись по необожженной глине наносится очень быстро. Скорее всего штамп вырезался из твердого материала, и мастер исправлял ошибку точно так же, как это встречается в лапидарных надписях, углубив поверхность штампа на месте ошибки и вырезав по этому месту другую. Трудно сказать, какой твердый материал использовался. На мой взгляд, скорее всего штамп вырезался на каком-то обломке керамического изделия с плоской поверхностью, как например, фрагменте черепицы, амфорной ручке со стесанной боковой гранью и т. п.

[15] *Цехмистренко В. И.* Ук. соч., с. 67.

Рис. 3. *1* — херсонесское клеймо, *2* — экспериментальный штамп, *3* — оттиск экспериментального штампа

Хорошим свидетельством того, что штампы из глины имели широкое распространение в античности и применялись не только для клеймения тары и черепицы, могут служить неоднократно зафиксированные случаи употребления многообразных глиняных штампиков для нанесения орнамента, различного рода розеток, других изображений на античную керамику, ритуальные хлебцы и лепешки [16].

В литературе отмечается существование в наше время обычая употреблять керамические штампы на о. Эгина [17].

Все эти данные свидетельствуют о широком распространении в античном мире обычая пользоваться глиняными штампами. По-видимому, штампы были двух видов: изготовленные из сырой глины и затем обожженные и вырезанные на обломках глиняных изделий — амфорных ручках, ножках и др. Второй вид штампов археологически пока зафиксирован только для монограмм.

---

[16] *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Раскопки в Херсонесе в 1900 г.— ИАК, вып. 2, 1902, с. 19, 20; *Шелов Д. Б.* Глиняные штампы из Танаиса.— Сб.: Новое в археологии. М., 1965, с. 229—234; *Цехмистренко В. И.* Глиняный штамп из Пантикапея.— СА, 1962, № 1, с. 279—282; *Кругликова И. Т.* Глиняный штамп из Киммерика.— КСИИМК, XLIII, 1952, с. 119 сл.

[17] *Sadurska A.* Stemplowane imadla amfor, dachówki i inne zabytki epigrafiki ceramiczneý.— In: Michalowski K. Mirmeki, I. Warszawa, 1958, S. 115; *Sztetyllo Z.* Grecka epigrafika ceramiczna. Warszawa, 1971, S. 32.

Некоторая часть херсонесских клейм на амфорных ручках и черепицах имеет одну особенность, выделяющую их из всей массы клейм других центров. Имеются в виду клейма желобчатой формы. По списку херсонесских астиномов, составленному В. В. Борисовой [18], 70 магистратов ставили на керамическую продукцию только желобчатые клейма, 14 — как желобчатые, так и плоские и только 56 астиномов пользовались исключительно плоскими штампами. Среди клейм на ручках преобладание желобчатой формы прослеживается еще более определенно. Та же картина выясняется при анализе херсонесских клейм на горлах амфор. Из 10 астиномов, ставивших клейма на горлах, 9 пользовались или только желобчатыми, или желобчатыми и плоскими штампами одновременно.

Херсонесские желобчатые клейма, как правило, наносились на место перегиба амфорной ручки, причем чаще всего край клейма, ближний к венцу, глубже вдавлен в глину и резко обрывается, а противоположный имеет плавный переход от желобка к поверхности ручки (см. рис. 2, *1*, *2*; 3, *1*). Кривизна изгиба амфорной ручки индивидуальна, в связи с чем нельзя допустить, что штамп имел зафиксированную вогнутую форму. Такая форма оттиска могла получиться только в том случае, если вытянутый с овальной в поперечном сечении рабочей частью штамп накладывался не всей поверхностью сразу, а как бы прокатывался по изгибу ручки, чаще всего снизу вверх по направлению к горлу. При этом, естественно, тот край штампа, на который приходилось последнее усилие, врезался в глину глубже и рамка клейма оттискивалась четче [19].

На черепицах и горлах амфор клейма желобчатой формы, видимо, ставились иначе. В этих случаях штамп или оттискивался в глине так же, как и плоский, или прокатывался, но не вдоль надписи, как это делалось при клеймении ручек, а поперек. В любом случае оба края оттиска резко углублены в глину [20].

Иногда легенды желобчатых клейм оттиснуты неполностью, чаще всего отсутствуют последние буквы правой части клейма. В большинстве же случаев от нижней и верхней строк надписи сохраняются соответственно верхняя и нижняя части букв (см. рис. 2, *1*, *2*; 3, *1*). Совершенно отсутствуют в желобчатых клеймах эмблемы.

Все перечисленные особенности позволяют заключить, что для штампов желобчатых клейм использовались заготовки вытянутой формы с округлой гранью, по которой вырезалась надпись в зеркальном отражении. Отсутствие эмблем, видимо, связано с тем, что по овальной поверхности неудобно резать изображение, если оно не буквенное. Кроме того, сама форма заготовки настолько своеобразна, что скорее нужно предполагать использование в этом качестве каких-то стандартных материалов, имевших широкое распространение. По предположению В. И. Каца, всеми необходимыми признаками обладает обломок обыкновенной амфорной ручки. Это предположение тем более вероятно, что обломки ручек, как было отмечено, использовались в качестве заготовок для монограммных штампов [21]. Вероятно, такая практика была общегреческой традицией.

---

[18] *Борисова В. В.* Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор.— НЭ, XI, 1974, с. 112—122.

[19] *Борисова В. В.* Ук. соч., табл. II, *7*, *9*; III, *8*, *10*; V, *5*, *10*.

[20] Характерно, например, клеймо Агатона, сына Гнатона, на черепице, найденной на поселении «Чайка» в 1965 г. (№ 682). Так же показательны два желобчатых клейма на горлах амфор, одно из которых происходит с пос. «Чайка» (1965, № 1), другое — с усадьбы № 6 поселения Панское 1 в северо-западном Крыму (№ 18). На обоих клеймах стоит имя Притания сына Аристона.

[21] Кроме того, обломки ручек, как известно, использовались для различного рода поделок, в том числе для изготовления литейных форм. Примером может служить вырезанная на эллинистической амфорной ручке литейная форма для серьги, обнаруженная в 1950 г. при раскопках на северном берегу Херсонеса. См. *Стржелецкий С. Ф.* Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г.— ВДИ, 1951, № 2, с. 141, рис. 4; *Белов Г. Д.* Эллинистический квартал в Херсонесе.— ВДИ, 1956, № 3, с. 145.

В археологическом материале магистратные штампы отсутствуют совершенно. Однако высказанное предположение может быть проверено экспериментально. Суть такого эксперимента сводится к максимально точному моделированию из обломка амфорной ручки штампа для клеймения керамической продукции и затем сравнительному изучению полученного с помощью этого штампа оттиска и подлинного херсонесского клейма.

Изучение желобчатых клейм под бинокуляром показало, что зеркальная надпись на штампе вырезалась тонким резцом, имевшим плоско срезанный рабочий конец шириной 1 *мм*, отчего выступающие части букв имеют в разрезе не заостренную, а прямоугольную форму. При некоторой тренировке на изготовление модели штампа уходит 30—50 *мин* (см. рис. 2, *4*). Оттискивание клейма на глиняной заготовке в той последовательности и технике, как описано выше (см. рис. 2, *3*), дает отпечаток точно такой же желобчатой формы, как и подлинные херсонесские клейма (рис. 3, *1*, *3*). Присутствуют все прочие характерные признаки этих клейм: большая углубленность и четкая рамка той части клейма, на которую приходится последнее усилие, прямоугольная форма букв в разрезе, неполное оттискивание легенды при слабом нажиме на штамп.

Все сказанное позволяет довольно уверенно говорить о вероятном существовании в эллинистическом Херсонесе практики изготовления штампов астиномных клейм из обломков амфорных ручек.

Б. Ф. ЖЕЛЕЗЧИКОВ, Г. Г. ПЯТЫХ

СРЕДНЕСАРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ I СОРОЧИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

(Оренбургская область)

Среднесарматский период является пока наиболее слабо изученным в истории раннего железного века Южного Приуралья. Если всех погребений раннего железного века в регионе насчитывается 1233 (на 1977 г.), то к среднесарматскому этапу относится всего 113, или 9,2%. Но и те редко выходят за рамки рубежа нашей эры. По-видимому, есть основания говорить об относительной малозаселенности южноприуральских степей в этот период по сравнению с Поволжьем и Подоньем. При относительной безлюдности Южного Приуралья в целом чуть более заселенными представляются два района его: степная часть Башкирии и бассейн р. Самары, где располагаются около 70% всех среднесарматских погребений региона. В настоящее время каждая новая находка погребений среднесарматского времени представляет большой интерес для исследователей памятников раннего железного века Южного Приуралья.

I Сорочинский курганный могильник располагается на левом берегу р. Самары, на западной окраине центральной усадьбы совхоза Сорочинский, Сорочинского р-на Оренбургской обл. Всего в могильнике насчитывалось 7 курганов диаметром от 8 до 30 *м*, высотой от 0,2 до 0,6 *м*. В 1976 г. отрядом Куйбышевского университета были исследованы три кургана. Курган 3 оказался полностью разграбленным, и датировать его невозможно. Два других (№ 4 и 6) представляют значительный интерес.

В кург. 4 диаметром 8 *м* и высотой 0,2 *м* (рис. 1, *1*) было обнаружено два погребения. Погребение 1 находилось в юго-западном секторе, в насыпи кургана. Костяк ребенка был полностью разрушен грызунами. Рядом с ним лежало несколько фрагментов стенок и плоского дна лепного сосуда серого цвета. В тесте заметна примесь шамота. Восстановить форму сосуда не удалось.

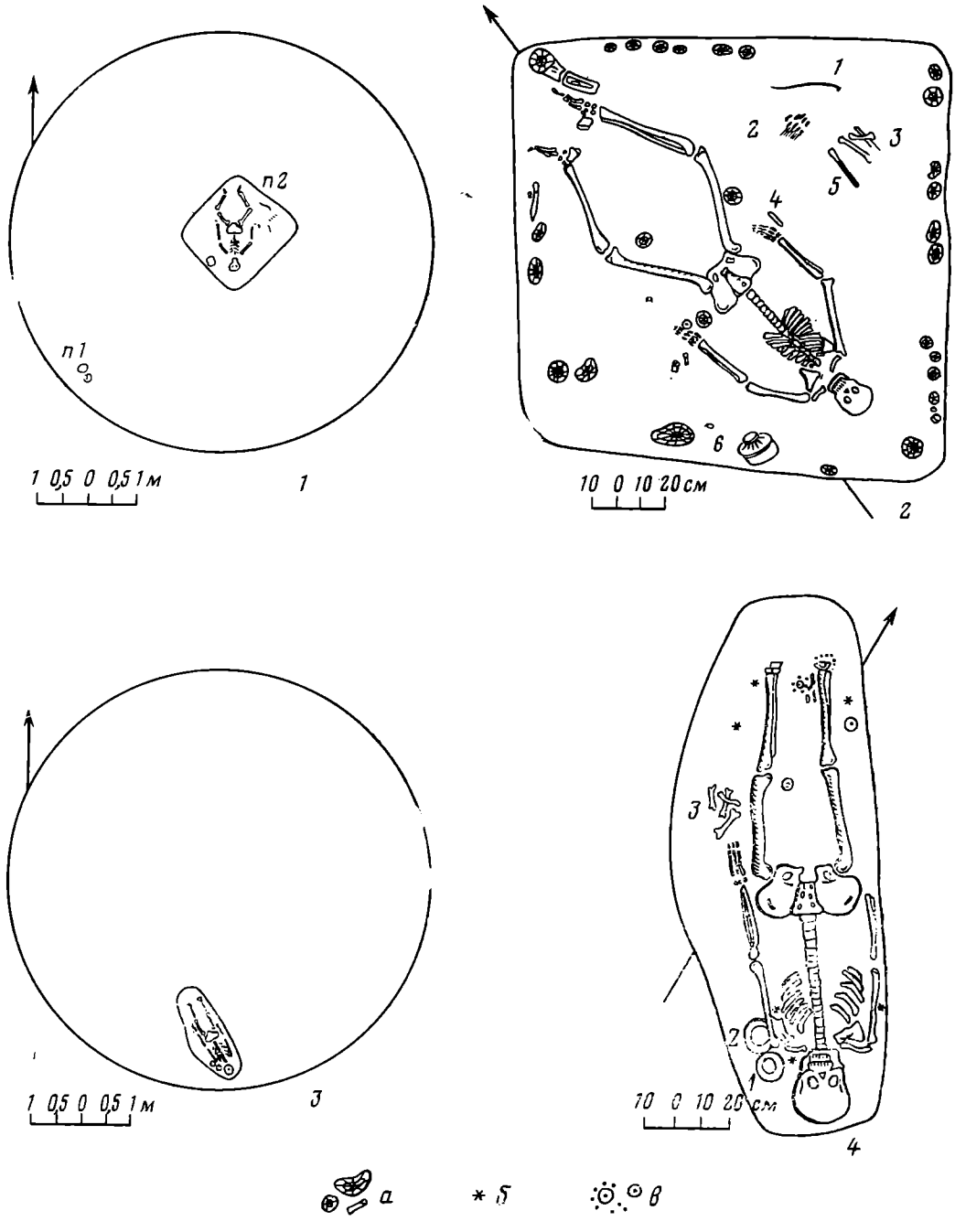


Рис. 1. Кург. 4 и 6 I Сорочинского могильника. *1* — кург. 4; *2* — погр. 2, кург. 4 (1 — лук (?), 2 — стрелы, 3 — кости овцы, 4 — оселок, 5 — нож, 6 — сосуд); *3* — кург. 6; *4* — погребение кург. 6 (1 — сосуд № 1, 2 — сосуд № 2, 3 — кости овцы). Условные обозначения: *а* — дерево, *б* — скарабеи, *в* — бусы

Погребение 2 располагалось в центре кургана, в могильной яме квадратной формы, ориентированной углами по странам света (рис. 1, *2*). Размеры ее: 1,7×1,7 *м*, глубина 1,3 *м*. Она имела довольно сложное перекрытие. По краям ямы стояли вертикальные столбы, особенно вдоль северо- и юго-восточных стенок. Ряд столбов стоял по диагонали от западного угла к восточному. Они были чуть вкопаны в грунт. На бревна, стоящие вдоль стенок могильной ямы, а также на стоящие по диагонали, опиралось несколько досок, поверх которых, вероятно, был положено перекрытие из какого-то органического вещества, может быть, войлока.

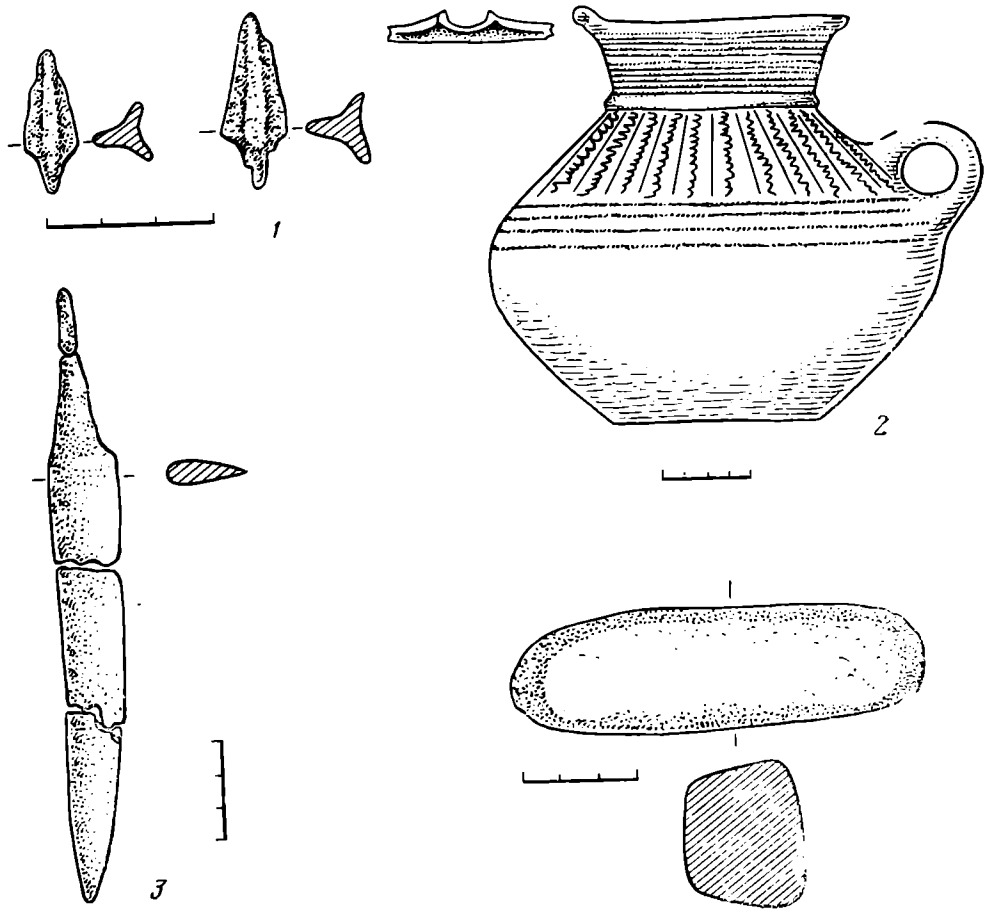


Рис. 2. Инвентарь погр. 2 кург. 4: *1* — железные стрелы, *2* — гончарный кувшин, *3* — железный нож, *4* — оселок

В засыпи, у столбов, стоящих по диагонали ямы, встречена меловая посыпка, обломок раковины и осколок минерала, напоминающего мрамор.

На дне ямы по ее диагонали лежал костяк взрослого человека на спине, головой на юг. Кости рук согнуты в локтях, а кисти чуть отставлены от туловища. Кости ног согнуты в коленях и образовывали ромб — «позу всадника». В восточном углу могильной ямы лежали кости ног овцы, а рядом с ними железный нож с деревянной ручкой, прямой спинкой и скошенным к краю лезвием, длина его 18 *см*, наибольшая ширина 2,1 *см* (рис. 2, *3*). Поблизости обнаружена изогнутая деревянная пластинка, видимо, остатки лука и железные черешковые трехлопастные наконечники стрел. Длина их 2,8—3,4 *см*, черешки обломаны (рис. 2, *1*). У правой кисти лежал точильный камень удлиненно-подпрямоугольной формы. Длина его 10,5, ширина 3,4, толщина 3 *см* (рис. 2, *4*). У левого предплечья стоял гончарный тонкостенный серолощеный кувшин. Он имеет биконическое тулово, плоское дно, воронкообразную горловину с носиком-сливом и небольшую петлевидную ручку. По горлу нанесено 10 горизонтальных бороздок, 4 бороздки имеются на средней части тулова. Между ними по плечикам спускаются вертикальные линии, чередующиеся со «змейками» — волнистыми линиями. Высота кувшина 18, диаметр венчика 11, тулова — 19,7, дна — 9 *см* (рис. 2, *2*).

В кург. 6 диаметром 8 *м*, высотой 0,3 *м* (рис. 1, *3*) могильная яма располагалась под южной полой насыпи. Она имела прямоугольную форму со слегка округлой западной стенкой и была ориентирована по линии СЗ—ЮВ. Длина ее 1,95, ширина 0,6, глубина 0,8 *м*. В северо-западной части ямы на глубине 0,3 *м* встречены небольшие кусочки де-

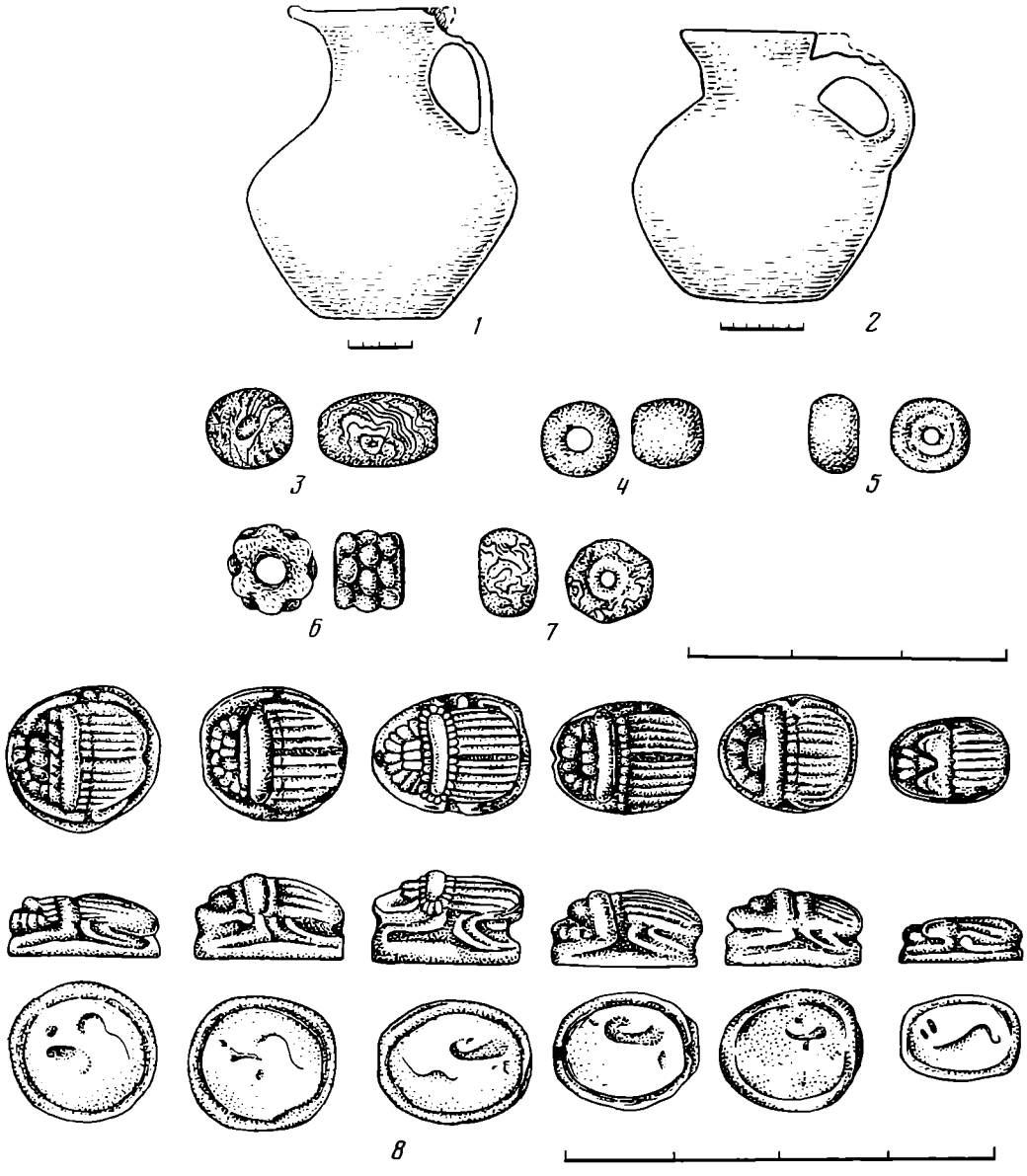


Рис. 3. Инвентарь кург. 6: *1* — гончарный кувшин, *2* — лепной кувшин, *3—7* — бусы (*3* — каменная, *4—7* — стеклянные), *8* — скарабеи

рева. На дне ямы лежал костяк женщины на спине, вытянуто головой к ЮВ (рис. 1, *4*). Чуть севернее левой кисти находились кости ног овцы. У левого плеча стояло два кувшина. Один из них гончарный серолощеный с округло-биконическим туловом, довольно высоким горлом и носиком-сливом. Высота его 19,5, диаметр венчика 9,5, тулова — 17, дна — 7,5 *см* (рис. 3, *1*). Второй кувшин лепной толстостенный, с шаровидным туловом, плоским дном и сравнительно высоким, расширенным к краю горлом. Ручка массивная, в сечении круглая. Поверхность сосуда серая, шероховатая. Тесто в изломе черного цвета, с примесью шамота. Высота кувшина 18,5, диаметр венчика 11,3, тулова — 17, дна 9 *см* (рис. 3, *2*).

В погребении было обнаружено 42 стеклянных и каменных бусин, 6 из них из синего египетского фаянса в виде жуков-скарабеев (рис. 3, *8*) лежали рядом с кувшинами и в ногах погребенной. Остальные бусины лежали в ногах и, вероятно, украшали либо обувь, либо низ одежды. Одна из них округло-продолговатой формы, изготовленная из полупрозрачного с прожилками минерала (рис. 3, *3*). 4 круглые стеклянные бу-

Распространение типов могильных ям в памятниках раннего железного века Южного Приуралья (в абсолютных числах и процентах)

Период раннего железного века	Форма могильных ям					
	прямоугольные	квадратные	круглые	камерные	захоронения в насыпи	Общее число
Позднесарматский	94 62,5%	7 4,5%	– –	42 27,6%	8 5,3%	151 100%
Среднесарматский	63 55,7%	20 17,7%	1 0,9%	12 10,7%	17 15%	113 100%
Раннесарматский	334 47,6%	27 3,9%	3 0,5%	167 24,2%	166 23,8%	697 100%
Савроматский	150 55,1%	18 6,7%	4 1,5%	23 8,4%	77 28,3%	272 100%

Примечание. В раздел «камерные могильные ямы» объединены подбойные, катакомбные могилы и ямы с заплечиками вдоль двух — четырех сторон.

сины с внутренней позолотой (рис. 3, *4*, *5*, *7*), поверхность двух покрыта выпуклинами (рис. 3, *6*). 30 бусин — стеклянный бисер голубого цвета, цилиндрической формы.

Форма могильных ям в сочетании с целым рядом других компонентов погребального обряда является одним из важнейших этнических и хронологических признаков. В публикуемых курганах встречены квадратная и прямоугольная грунтовые ямы. Обе они характерны для всех периодов раннего железного века Южного Приуралья, но квадратные могилы чаще встречаются в среднесарматское время (таблица) и наиболее характерны для погребений Уральской обл. (Левобережье) и бассейна р. Самары, а также для Нижнего Поволжья, главным образом Саратовского Заволжья.

В сочетании с квадратной формой могильной ямы интересно диагональное положение костяка в кург. 4. Наиболее ранние диагональные захоронения встречаются в Южном Приуралье. В савроматское время из 272 погребений (на 1977 г.) в 7,2% встречено диагональное положение костяка, в раннесарматское время из 697 погребений в 2%, в среднесарматское из 113 в 18,4%.

К числу ранних относятся и диагональные погребения савроматского времени, обнаруженные в Средней Азии (Тагискен, кург. 54, погр. 28, Чирик-Рабад, кург. 1) [1]. В Нижнем Поволжье диагональные погребения ранее IV—III вв. до н. э. пока не обнаружены.

Среди районов Южного Приуралья наибольший процент диагональных захоронений среднесарматского времени встречен в погребениях бассейна р. Самары. Довольно широко этот вид обряда был распространен до I в. н. э., в погребениях позднесарматского времени он встречается несколько реже, всего в 4,7% из 151 погребений. При этом все они датируются не позднее II в. н. э. и имеют северную ориентировку костяков.

Можно согласиться с исследователями, которые считают, что в диагональных захоронениях необходимо видеть какую-то социально-религиозную основу обряда [2]. Но думается, нельзя утверждать, что оставлены они представителями какой-то аристократической группы. На примере обоих сорочинских погребений хорошо видно, что умершие, судя по инвентарю, находились на одной ступени имущественной дифференциации. Заметные отличия в обряде, вероятно, могут свидетельствовать о том,

[1] *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 186; *его же.* Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних дельтах Сыр-Дарьи.— СА, 1962, № 4, с. 139, 140.

[2] *Мошкова М. Г.* Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска.— В сб.: Памятники Южного Урала и Западной Сибири сарматского времени.— МИА, № 153, 1972, с. 70, 71.

что погребенный в квадратной могиле по ее диагонали, может быть, относился к группе, выделяющейся в социальном отношении.

Меловая посыпка дна и в засыпи, как в кург. 4, более характерна для погребений рубежа и первых веков нашей эры. В савроматское и раннесарматское время в могилах чаще встречается уголь и мел в кусках. Погребальный инвентарь также свидетельствует в пользу датировки публикуемых погребений I в. до н. э. — I в. н. э. Железные черешковые наконечники стрел типа описанных нами, как правило, не встречаются позже I в. н. э.[3]

Керамика двух видов: круговая и лепная. Причем кувшины из кург. 4 и 6 (рис. 2, *2*; 3, *1*), вероятно, импортные и свидетельствуют о связях племен бассейна р. Самары с Нижним Поволжьем, а через него с Северным Кавказом и Прикубаньем. Подобные гончарные кувшины были обнаружены В. П. Шиловым в Калиновском могильнике. Он их датирует I в. до н. э.— I в. н. э. и считает кавказского происхождения[4].

Бусы, найденные в кург. 6, имеют множество аналогий в материалах Танаисского некрополя. Подобные бусы из погребения 69 Д. Б. Шелов датирует II—I вв. до н. э.[5]

Особенно ярко о связях племен бассейна р. Самары с Нижним Поволжьем и далее с Северным Причерноморьем в среднесарматское время свидетельствуют находки жуков-скарабеев. А. С. Скрипкин учел 10 находок изделий из египетского фаянса в Нижнем Поволжье, которые датируются средне- и позднесарматским временем[6]. Скарабеи пока встречались дважды: в кург. 20 II Бережновского могильника I в. до н. э.— II в. н. э.[7] и в кург. 35 этого же времени Калиновского могильника[8].

Данная находка скарабеев является пока единственной в погребениях Южного Приуралья. Е. М. Алексеева считает, что приток изделий из египетского фаянса происходит со второй половины I в. до н. э., а самый интенсивный период приходится на I в. н. э. Вещи из фаянса этого времени отличает плотная мелкозернистая структура[9]. Именно такую структуру имеют сорочинские скарабеи. Эти вещи попадали на сарматскую территорию из Северного Причерноморья[10].

Все изложенное выше позволяет датировать погребения из кург. 4 и 6 I Сорочинского могильника — I в. до н. э. — I в. н. э., скорее всего второй половиной этого периода: рубежом н. э. — I в. н. э.

---

[3] *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971, табл. XIX.

[4] *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, № 60, 1959, с. 454, рис. 54, *2*; 55, *6—8*.

[5] *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса.— МИА, № 98, 1961, с. 79, табл. XLIV, *5*, *12*.

[6] *Скрипкин А. С.* Изделия из египетского фаянса у сарматов Поволжья.— В сб.: Историко-краеведческие записки, вып. III. Волгоград, 1975, рис. 1.

[7] *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.).— МИА, № 78, 1960, с. 36, 159, рис. 12.

[8] *Шилов В. П.* Ук. соч., с. 390.

[9] *Алексеева Е. М.* Предметы из египетского фаянса IV в. до н. э.— IV в. н. э. в Северном Причерноморье.— КСИА АН СССР, № 130, 1972, с. 10.

[10] Там же, с. 11.

М. С. ГАДЖИЕВ

ГЛИНЯНЫЕ КОТЛЫ IV — VI ВВ. ИЗ ДЕРБЕНТА

Одной из самых значительных категорий керамической посуды древнего Дербента являются кухонные сосуды, предназначенные для приготовления пищи, которые в научной литературе получили название котлов[1].

---

[1] Автор приносит благодарность начальнику Дербентской археологической экспедиции А. А. Кудрявцеву за разрешение использовать неопубликованные материалы раскопок.

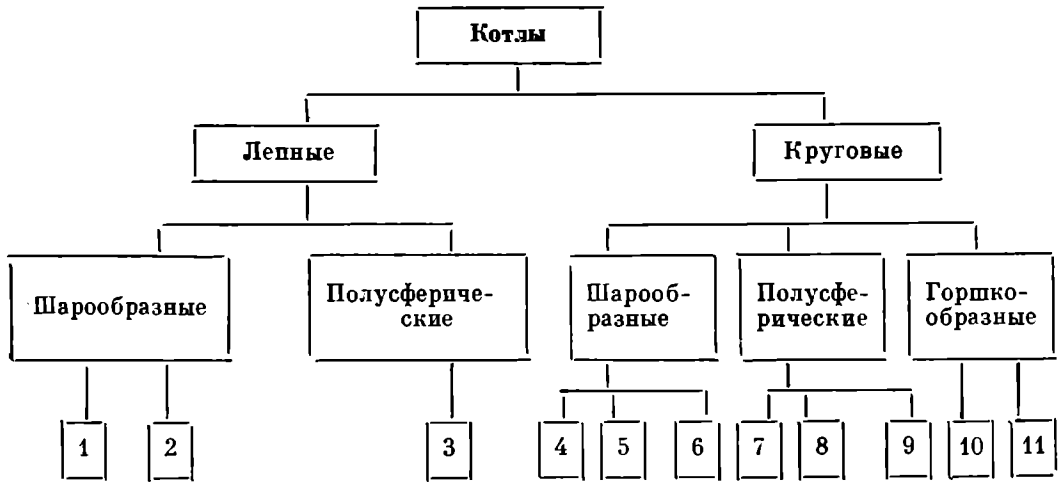


Рис. 1. Классификация котлов IV—VI вв. из Дербента по группам, видам и типам. Цифровые обозначения соответствуют типам венчиков на рис. 2

Очевидно, подавляющее большинство этих сосудов изготовлялось специально для подвешивания над очагом и этим объясняется их специфическая округлая форма (для максимального охвата сосуда пламенем). Следует подчеркнуть, что в отличие от типичных металлических кочевнических котлов (казанов) с круглым дном у керамических котлов дно часто было плоским[2]. Большинство дербентских котлов, судя по многочисленным находкам донец от них, также были плоскодонными, хотя иногда встречаются круглодонные экземпляры.

Размеры котлов различны: от малых, с диаметром тулова в широкой его части 16—19 *см*, до больших экземпляров, диаметр которых доходил до 38—40 *см*. Однако основная масса котлов имеет диаметр тулова 24—28 *см*. Толщина стенок колеблется от 0,5 до 1,2 *см*, утолщаясь к венчику и дну.

Котлы из раннесредневековых слоев Дербента делятся на две группы: I — лепные и II — сделанные на гончарном круге. Лепные представлены примерно четвертой частью всех фрагментов котлов и подразделяются на два вида: шарообразные и полусферические.

Шарообразные котлы по форме венчика делятся на два типа (рис. 1): котлы с чуть утолщенным, загнутым внутрь венчиком (рис. 2, *1*) и со слегка отклоненным наружу венчиком (рис. 2, *2*). Полусферические котлы имеют прямой венчик (рис. 2, *3*).

Следует отметить характерные черты, присущие почти всем лепным котлам из сасанидских слоев города. Изготовлялись они, как правило, из грубого теста серого, бурого, иногда почти черного цвета с обильной примесью отощителей: шамота, кварца, толченой морской ракушки. Обжиг их неравномерный, серовато-черный; некоторые экземпляры имеют слаболощенную поверхность. Ручки двух типов: вертикальные (рис. 3, *7*, *8*) или плоские, так называемые ручки-держалки (рис. 3, *2*, *3*).

Характер использования котлов в быту объясняет их в целом бедную орнаментацию. Основным украшением их является линейный орнамент, реже — косые штрихи. Орнамент наносился по нижней части венчика или на плечиках.

Во вторую группу дербентских котлов включены котлы, изготовленные на быстро вращающемся гончарном круге. Они составляют основную массу котлов и отличаются от лепных не только способом изготовления, но и более широким разнообразием форм тулова, особенно форм венчика, цветом и качеством теста. Круговые котлы имеют красный и коричне-

[2] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— МИА, № 142, 1967, с. 109.

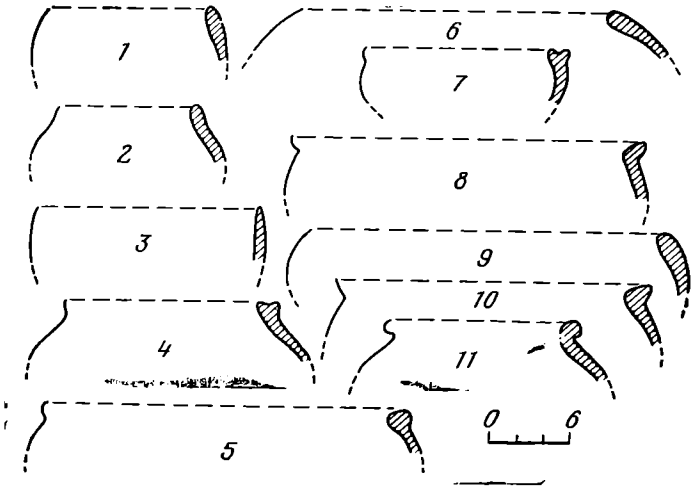


Рис. 2. Типы венчиков котлов

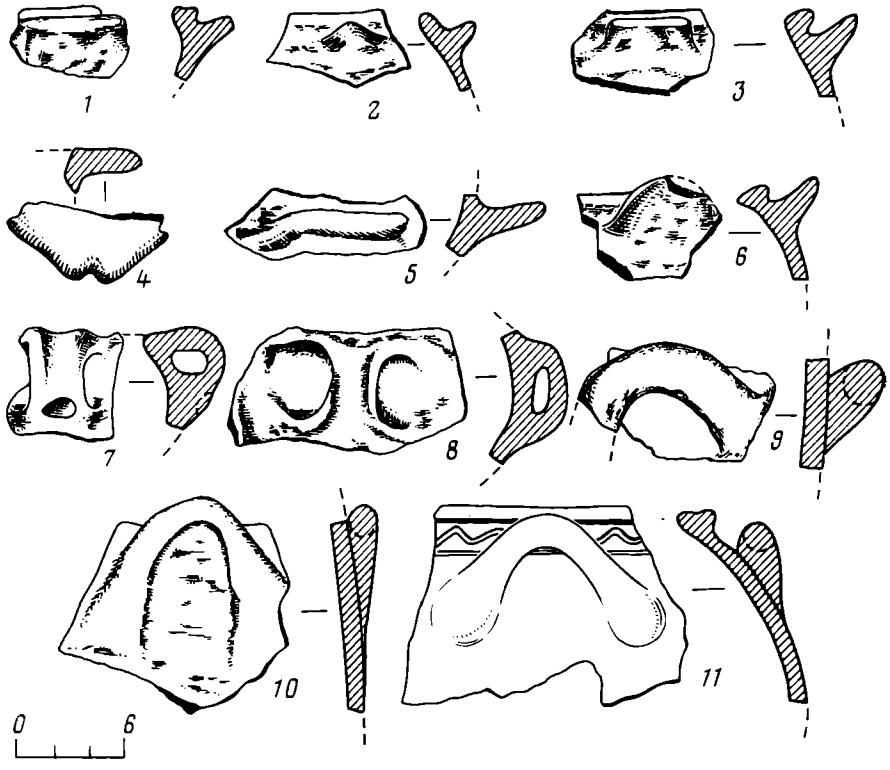


Рис. 3. Типы ручек котлов

вый обжиг, лишь изредка встречаются котлы серого обжига с примесью мелкотолченой ракушки и морского песка в тесте.

Котлы этой группы представлены тремя видами: шарообразными, полусферическими и горшкообразными (рис. 1). К горшкообразным котлам отнесены сосуды, предназначенные для приготовления пищи на огне, имеющие вытянутую форму тулова, плоское дно и резко отогнутый наружу венчик, характерный более для горшков и хумов.

Шарообразные котлы самые многочисленные, они разделены нами на три типа (рис. 1). Первый тип — котлы с широким венчиком, по которому проведен круговой желобок, иногда довольно глубокий (до 1,5 *см*), что придает венчику в разрезе «раздвоенный» вид (рис. 2, *4*). Желобок служил для более плотного прикрытия котла крышкой. Второй тип — котлы с расширенным и приплюснутым венчиком, имеющим плоский

горизонтальный или чуть наклоненный внутрь сосуда край (рис. 2, *5*). Третий тип — котлы с утолщенным венчиком (рис. 2, *6*). Они близки к лепным шаровидным котлам с подобным же венчиком и являются по существу гончарным вариантом того же типа.

Полусферические круговые котлы также представлены тремя типами (рис. 1). Первый характеризуется, как и первый тип шаровидных котлов, широким венчиком, имеющим круговой желобок для крышки (рис. 2, *7*). Второй тип — котлы с резко отогнутым наружу венчиком (рис. 2, *8*). Некоторые из этих котлов имеют сливы. Особый интерес представляет полусферический котел с удлиненным носиком-сливом (4,5 *см*) в виде открытого желобка. Внешняя поверхность его лощеная, что более распространено среди лепных котлов и в целом характерно для керамики албано-сарматского времени. Котлы с подобными удлиненными носиками найдены в слоях IV—VII вв. Кабалы [3]. Они напоминают также сосуды ялойлутепинского типа [4] и несут в себе, видимо, более древние керамические и декоративные традиции мастеров Передней Азии и Закавказья [5]. Третий тип полусферических котлов характеризуется утолщенным венчиком (рис. 2, *9*).

Горшкообразные котлы немногочисленны и по форме венчика делятся на два типа. Первый тип составляют котлы с отогнутым наружу и почти прямоугольным в разрезе венчиком (рис. 2, *10*). Подобные венчики, как мы видели, имеют и полусферические котлы (второй тип). У второго типа горшкообразных котлов венчики также отогнуты, но форма их закругленная (рис. 2, *11*).

Гончарные котлы всех типов, как правило, снабжены ручками, которые можно разделить на два основных типа: удлиненные плоские ручки-держалки овальной, прямоугольной или треугольной формы (рис. 3, *1*, *4—6*), характерные и для лепных котлов, и дугообразные, круглые в разрезе (рис. 3, *9—11*). Те и другие обычно крепились к котлам на уровне плечиков или чуть выше.

Декоративное убранство котлов, сделанных на гончарном круге, очень однообразно. Самый распространенный орнамент — многорядный линейно-волнистый, нанесенный многозубым гребнем. Часто встречаются налепные тонкие валики с пальцевыми вдавлениями и защипами. Подобные орнаментальные приемы широко известны в раннесредневековой керамике Закавказья и Средней Азии.

III—VII вв.— время, которое характеризуется упадком ряда ремесел, и в частности гончарного производства на территории Кавказской Албании [6]. Это отразилось на конструкции печей, технологии изготовления и качестве изделий. Потребность в гончарных изделиях удовлетворялась по преимуществу домашним производством. Исследователи связывают этот упадок с рядом неблагоприятных внешних и внутренних причин: с почти непрерывными войнами, грабительскими набегами, усилением гнета местных и иранских феодалов.

В отличие от других памятников Кавказской Албании находки из раннесредневековых слоев Дербента, как это ни парадоксально, свидетельствуют о подъеме экономической жизни города в V—VI вв., в частности керамического ремесла.

---

[3] *Геюшев Р. Б.* Керамика города Кабалы (I—X вв.). Автореф. канд. дис. Баку, 1962, с. 16.

[4] *Рзаев Н. И.* Искусство Кавказской Албании IV в. до н. э.— VII в. н. э., Баку, 1976, с. 216, рис. 46.

[5] *Vanden Berghe L.* Archeologie de l'Iran ancien.— DMOA, vol. 6, Leiden, 1959, p. 279, pl. 144, 145; *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972, рис. 16, 17; *Луконин В. Г.* Искусство Древнего Ирана. М., 1977, с. 37.

[6] *Ионе Г. И.* Керамическое производство древнего и средневекового Азербайджана (по данным раскопок Мингечаура). Автореф. канд. дис. Л., 1958, с. 16; *Ваидов Р. М.* Мингечаур в III—VIII вв. (по материалам археологических раскопок). Баку, 1961, с. 153; *Рзаев Н. И.* Ук. соч., с. 11.

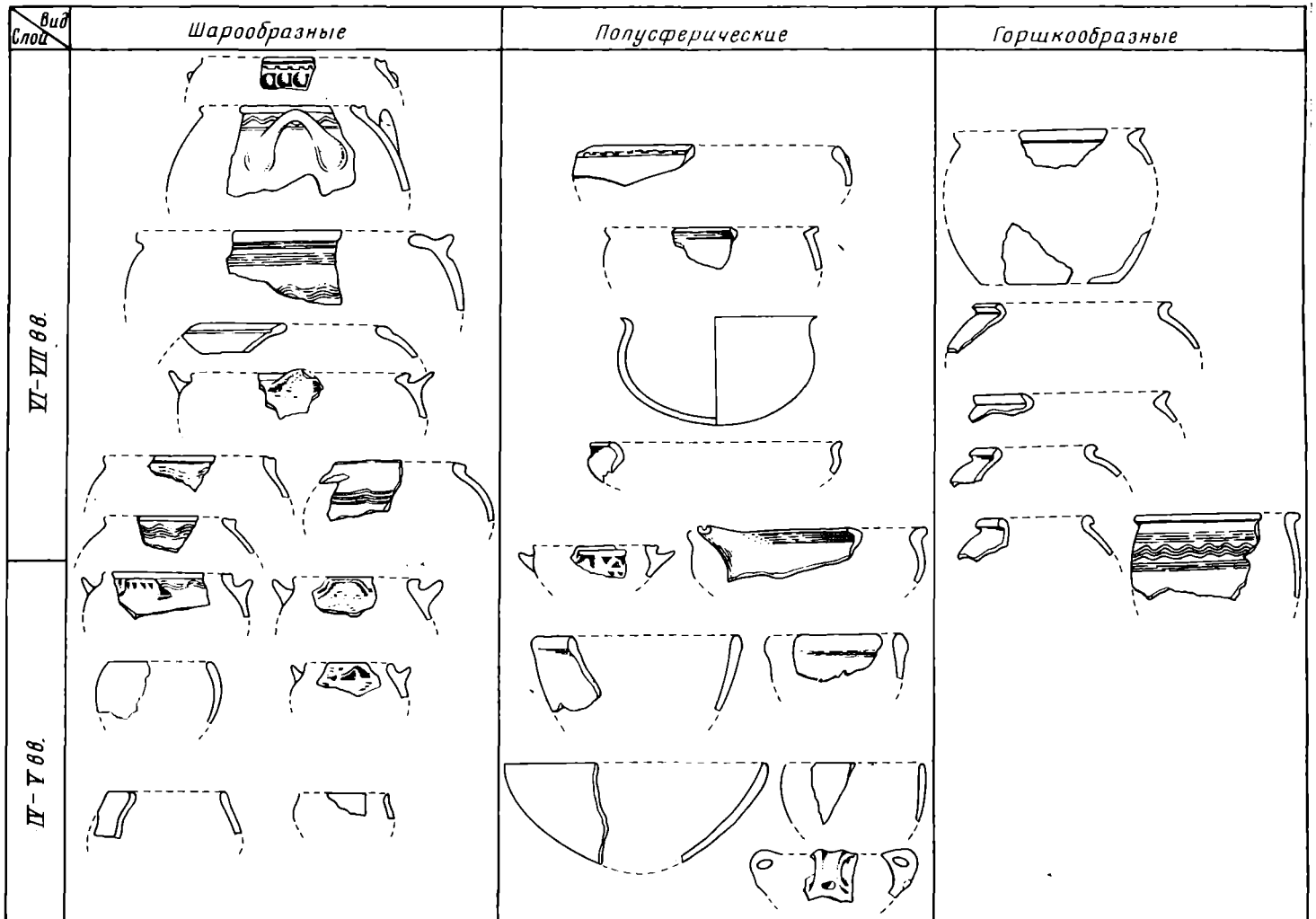


Рис. 4. Распространение различных видов котлов в слоях IV—VII вв. Дербента

Очевидно, это произошло потому, что Сасанидский Иран, утвердившись в конце IV в. в Дербенте, оказывал непосредственное воздействие на экономическую, политическую и социальную жизнь народов всего Южного Дагестана. Дербент стал не только важным военно-политическим, но и значительным торгово-ремесленным центром.

Как уже отмечалось, лепные дербентские котлы резко отличаются от котлов, изготовленных на гончарном круге. По составу теста, качеству и цвету обжига, технологии изготовления к ним близки лепные котлы из слоев IV—VI вв. Андрейаульского городища (Северный Дагестан) [7], а также котлы с Урцекского городища (Южный Дагестан), датирующиеся позднеалбанским — раннесредневековым временем. На нем известны котлы с ручками-держалками, слегка загнутым внутрь бортиком и лощеной поверхностью [8]. Соответственно этому мы можем лепные котлы в Дербенте датировать IV—V вв. Подавляющее большинство фрагментов этих сосудов попадается в слое, относимом по другим находкам к этому же времени, т. е. к IV—V вв.

Интересно, что именно в это время в приморской части Южного Дагестана значительно увеличилось количество кочевого, оседающего на землю населения, принесшего с собой характерную форму очага с «открытым» огнем, над которым сосуд обычно подвешивался. Появление новых очагов повлекло за собой и появление новой формы посуды — лепных котлов, заменивших у оседающего населения металлические сосуды аналогичного назначения [9].

Котлы, сделанные на гончарном круге, свидетельствуют о подъеме гончарного дела города во второй половине V—VI вв. Особенное распространение они получают в сасанидских слоях Дербента VI—VII вв. (рис. 4).

Круговые котлы, с одной стороны, сохраняют некоторую преемственность от более ранних лепных котлов (форма тулова, утолщенный венчик), с другой — формы их становятся значительно разнообразнее, а выполнение качественнее. Переднеазиатские ремесленники, в их числе и гончары, появившиеся в Дербенте в числе переселенцев, принесли с собой традиции и навыки своего ремесла, более высокую технологию производства. Местные гончары, освоившие новую технологию (быстро вращающийся гончарный круг, возможно, ножной; хорошая отмучка теста и равномерный обжиг), вместе с восприятием некоторых новых форм сохранили и традиционные черты керамических изделий.

К сожалению, глиняные котлы IV—VI вв. в отличие от более поздних (IX—XII вв.) в археологической литературе не нашли освещения, и аналогии этого времени вне пределов Дагестана нам не известны, за исключением котла IV—V в. из Южного Согда [10].

В Дербенте и Дагестане глиняные котлы получают дальнейшее развитие в VIII—XII вв. Интересно, что котлы этого времени находят себе аналогии в памятниках Закавказья и Средней Азии [11].

---

[7] *Гмыря Л. Б.* Глиняные котлы Андрейаульского городища I тысячелетия н. э.— СА, 1979, № 3, с. 271—274.

[8] *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени. Канд. дис. М., 1971. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2065, рис. 16, *3—5*, рис. 17, *2*.

[9] *Плетнева С. А.* Ук. соч., с. 109.

[10] *Кабанов С. К.* Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI веках.— СА, 1963, № 1, с. 221, рис. 2, *24*.

[11] *Калантарян А. А.* Двин. Раскопки центрального квартала (1964—1970 гг.).— АРА, № 13, 1976, с. 61, рис. 20, *1*, *3*, табл. XXIV, *3*, *6*; табл. XXVI, *1*, *3*; *Ионе Г. И.* О гончарных обжигательных печах из Мингечаура.— МКА, т. II, 1951, с. 166, табл. IV, *2*; *Ахмедов Г. М.* Неполивная керамика Орен-кала IX—XIII вв. (по материалам раскопок 1953—1955 гг.).— МИА, № 67, 1959, с. 189, табл. I; *Казиев С. М.* Историко-археологическое обследование городища Кабалы.— МКА, т. V, 1964, с. 56, табл. VI; *Вяткин В. Л.* Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент, 1926, с. 37, рис. 44; *Бентович И. В.* Керамика Пянджикента.— МИА, № 37, 1953, с. 134, рис. 1.

К. И. КРАСИЛЬНИКОВ, А. А. РУЖЕНКО

ПОГРЕБЕНИЕ ХИРУРГА НА ДРЕВНЕБОЛГАРСКОМ МОГИЛЬНИКЕ У с. ЖЕЛТОЕ

Весной 1977 г. на второй надпойменной террасе правого берега р. Северский Донец в глиняном карьере, расположенном примерно в 1 *км* западней села Желтое, было замечено несколько полуобвалившихся могил [1]. На незатронутой карьером небольшой мысообразной площадке (40×20 *м*) в том же году раскопками обнаружено и расчищено 25 ямных захоронений (рис. 1). Еще 5 могил раскопано позднее. В настоящее время трудно сказать, какую площадь занимал могильник первоначально и сколько погребений помещалось на ней. Какая-то часть в настоящее время находится под лесопосадкой.

Поверхность могильника представляет собой площадку с наклоном в сторону реки, без внешних признаков могил. Толщина почвенного слоя не превышает 0,5 *м*. Ниже 0,6 *м* чернозем резко переходит в глину. Благодаря этому светло-серые пятна могил хорошо просматриваются на светло-желтой глине. Никаких выкидов грунта из могил не замечено, видимо, вся земля из выкопанной ямы вновь помещалась в нее и плотно утрамбовывалась. Могильные ямы расположены без особо выраженной системы, но почти на равном удалении одна от другой, что заставляет предполагать наличие в древности каких-то внешних обозначений могил.

Большинство могильных ям прямоугольные, с закруглениями по углам. Размеры их различные и зависят от возраста (длины) погребенного. Вместе с тем обращают на себя внимание различия в конструкции могил. Здесь встречаются простые ямы с ровными стенами, ямы с одним заплечиком — ступенькой или с двумя заплечиками, ямы с подбоем у ног или головы; наконец, раскопаны две катакомбы. При сооружении могил иногда применяли деревянные плахи и камень (плиты мергеля). Плахи служили материалом для перекрытия могил. Их укладывали на заплечики поперек могилы в среднем от 3 до 10—12 штук. Что касается камня, то, к сожалению, из 8 могил, в которых он обнаружен, только 3 не разрушены. В погр. 1 каменными плитами, поставленными на ребро, оконтуривали стены ямы, в погр. 13 двумя плитами придавливали покойника, а в погр. 27 плиты закрывали вход в катакомбу.

Ориентировка основной части могильных ям по длинной оси запад-восток с сезонными отклонениями от 5 до 15° на юг или на север. Однако есть захоронения, явно выпадающие из установленной закономерности. Разнонаправленная ориентировка захоронений наблюдается прежде всего в могилах, конструкция которых отличается от общеизвестных так называемых классических древнеболгарских IX в. Например, ямы, в которых обнаружены камни, характеризуются в основном западной, юго-западной ориентировкой, а ямы с подбоем или катакомбой — южной, юго-восточной направленностью.

По-разному в захоронения клали инвентарь и жертвенную пищу. Например, даже в детских могилах, составляющих около 20% от общего количества, в одних (погр. 16, 22, 27) вещей много (посуда, украшения), в других (погр. 8, 12) — инвентарь почти отсутствует. Примерно такая же картина наблюдается в погребениях подростков и взрослых. Особенно разнообразный набор вещей, прежде всего оружия, имелся в погр. 15. Фактически каждое четвертое взрослое захоронение через некоторое время вскрывалось грабителями, костяк выбрасывался, вещи забирались.

На данном этапе изучения салтовской культуры Среднедонечья мы пока не можем делать выводы об общественных процессах, протекавших

[1] Первые находки в карьере, сделанные учениками с. Долгое, отражены в отчете Северско-Донецкой экспедиции ИА АН УССР за 1975 г.

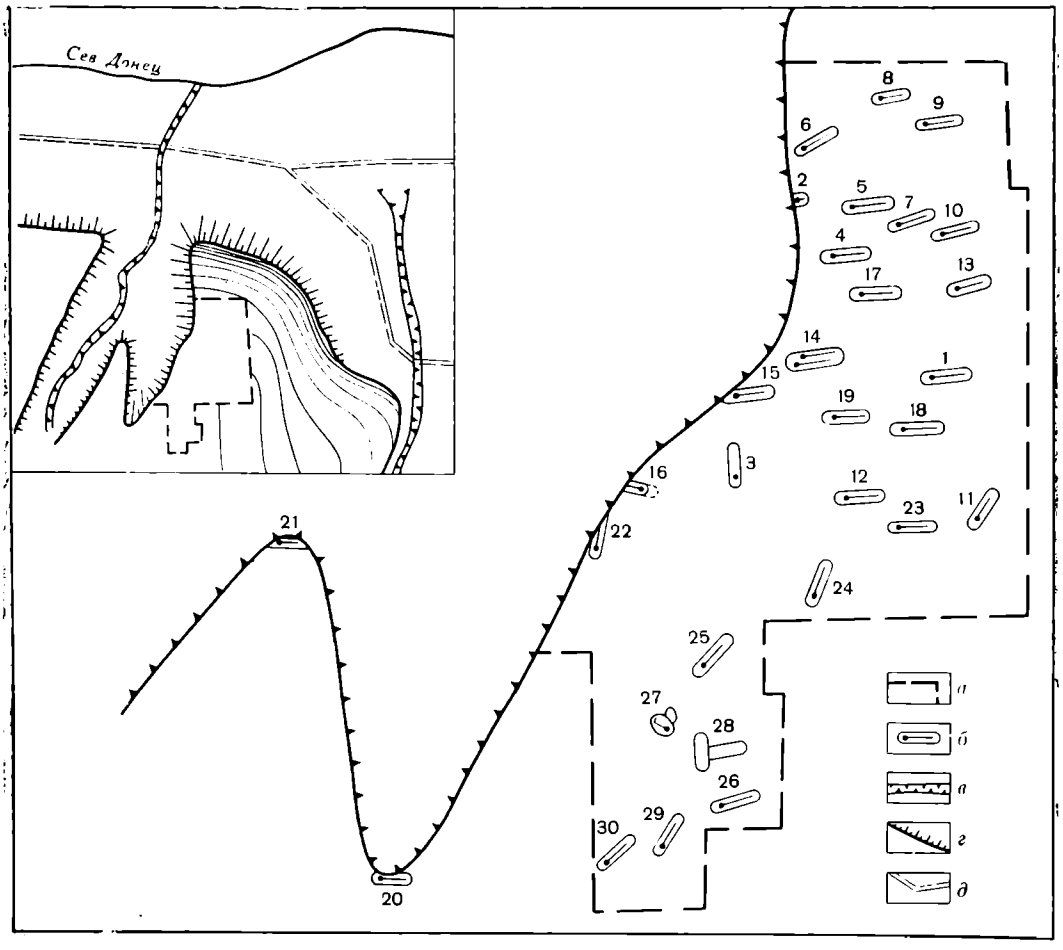


Рис. 1. План могильника у с. Желтое: *а* — изученная площадь могильника; *б* — погребения и их ориентировка; *в* — овраги; *г* — карьер; *д* — дорога (проселок)

у населения, оставившего нам захоронения, но элементы имущественного и социального разделения здесь налицо. Об этом свидетельствует не только разнообразный набор вещей, прежде всего оружия, но и более усложненная конструкция могил, большее количество жертвенной пищи.

Характерно, что люди, погребенные в более сложных и «богатых» могилах, при тяжелых недугах и травмах головы подвергались лечению путем хирургического вмешательства. С двумя случаями такой операции мы столкнулись на данном могильнике.

Трепанация черепов осуществлялась в различные периоды древней истории начиная с эпохи бронзы [2]. Однако в памятниках раннего средневековья находки черепов со следами прижизненной трепанации явление все-таки редкое. Возвращаясь к этому вопросу, мы начнем с инструментов, применявшихся при трепанации, которые удалось обнаружить в захоронении 3.

---

[2] *Анучин Д. И.* О черепах из курганов и могильников Изюмского уезда Харьковской губернии.— Тр. XII АС, т. I, 1906, с. 506; *Пирпилашвили П. М.* Палеантропологические материалы по изучению болезней, повреждений и лечебных манипуляций в древней Грузии. Грузмедгиз, 1956; *Боев П.* К вопросу об исторических трепанациях.— Известия института морфологии, № 3. София, 1956, с. 197—231; *Боев П., Исмагулов О.* Трепанированный череп из Казахской ССР.— СЭ, 1962, № 2; *Рохлин Д. Г.* Болезни древних людей. Л., 1965, и др.

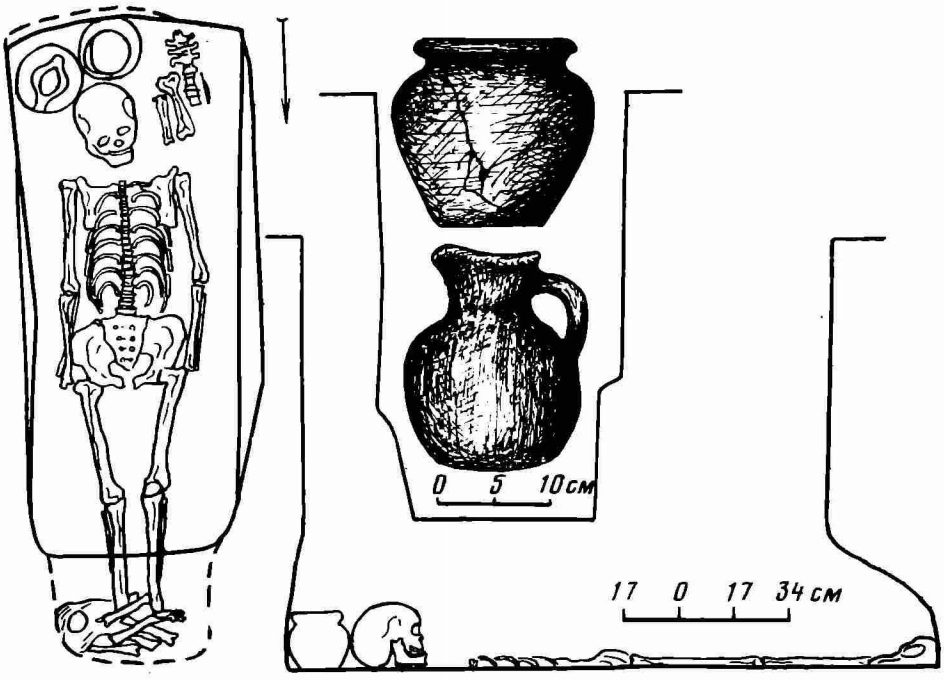


Рис. 2. Погребение 3

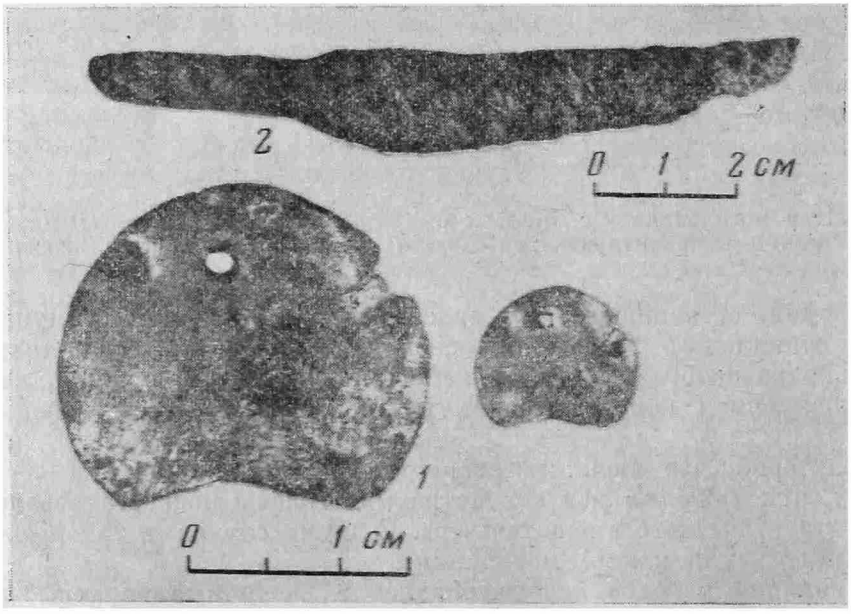


Рис. 3. Предметы из погр. 3. *1* — пластинка; *2* — нож

Погребение 3 (рис. 2) находилось в 2,5 *м* южнее погр. 15, в котором был обнаружен воин с трепанированным черепом. Яма погр. 3 неправильной прямоугольной формы — 1,60×0,75 *м*, глубиной 1,4 *м*, с подбоем 0,4 *м* у ног. Костяк лежал на спине, ориентирован почти строго на юг. За головой стояли два сосуда — лепной кухонный горшок и кувшин, возле головы обнаружены остатки жертвенной пищи и металлический нож. Жертвенная пища в этой могиле (голова и конечности овцы) лежала и у ног, в нише. Погр. 3 пока единственное в могильнике, где жертвенную пищу положили в двух местах — у ног и у головы.

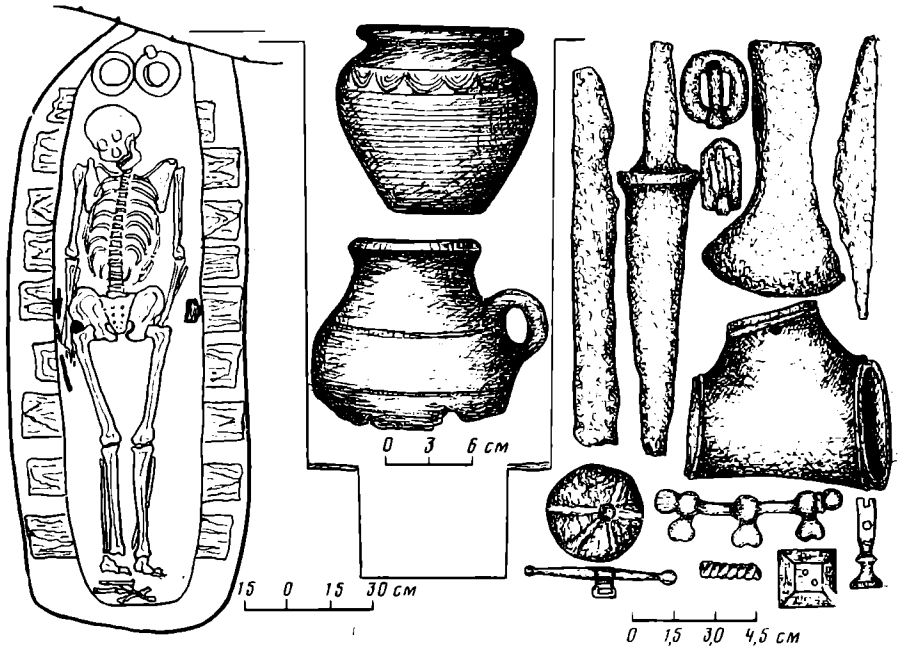


Рис. 4. Погребение 15

Возле скелета, на уровне тазовых костей, обнаружена круглая пластина из серебра, совершенно идентичная по форме и размеру отверстию на черепе из погр. 15 (см. характер совмещения — рис. 5, *3*). Диаметр пластины 23,5 мм, толщина 0,4 мм (рис. 3, *1*). Пластина сделана техникой ковки, скорее всего из серебряного дирхема. Косвенным подтверждением этого может служить почти одинаковый вес дирхема и пластины [3]. После первичной обработки (ковки) пластину шлифовали на мелкозернистом абразиве. На металле сохранились следы продольных едва заметных линий — царапин. Третий этап в изготовлении пластины заключался в двух операциях; керном сделали насечки — вмятины и пробили отверстие (диаметр 1,5 *мм*), вероятно, для подвешивания ее на шнурке.

Рядом с пластиной лежал железный нож. Форма лезвия клиновидная (рис. 3, *2*). У нас нет абсолютной уверенности в том, что именно этим инструментом резали кость черепной коробки, но конфигурация ножа, заостренность его конца все-таки выделяют его из обычных ножей бытового назначения, обнаруженных в захоронениях могильника или на поселениях.

В процессе расчистки скелета наше внимание привлекли две, пока что трудно объяснимые детали. Первая деталь касается расположения черепа. Он находился в 10 *см* от костей туловища и лежал не на затылочной части, как это обычно бывает, а на основании. Создается впечатление преднамеренного отделения головы от туловища. Вторая деталь касается рук. При вполне хорошей сохранности скелета не найдено ни одной косточки от кистей рук. Это в свою очередь создает впечатление ампутации кистей.

Мы не можем с полной уверенностью утверждать, что погребенный в этой могиле человек занимался врачеванием, однако найденная пластина несомненно была хирургическим инструментом — серебряным шаблоном. Древние хирурги, видимо, знали и учитывали антисептические свойства серебра.

Черепа со следами хирургического вмешательства обнаружены в погр. 15 и 28. Погр. 15 (рис. 4) находилось непосредственно у карьера.

[3] Небольшая часть пластины отломана еще в древности.

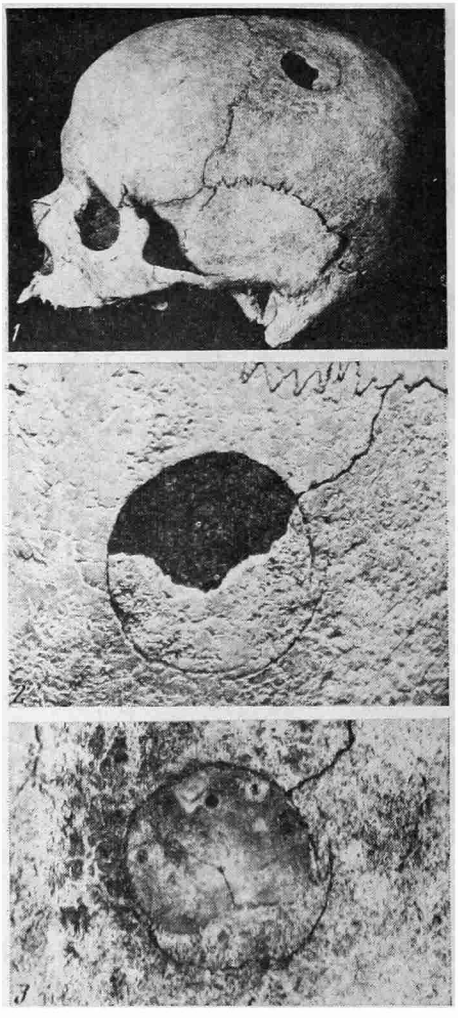


Рис. 5

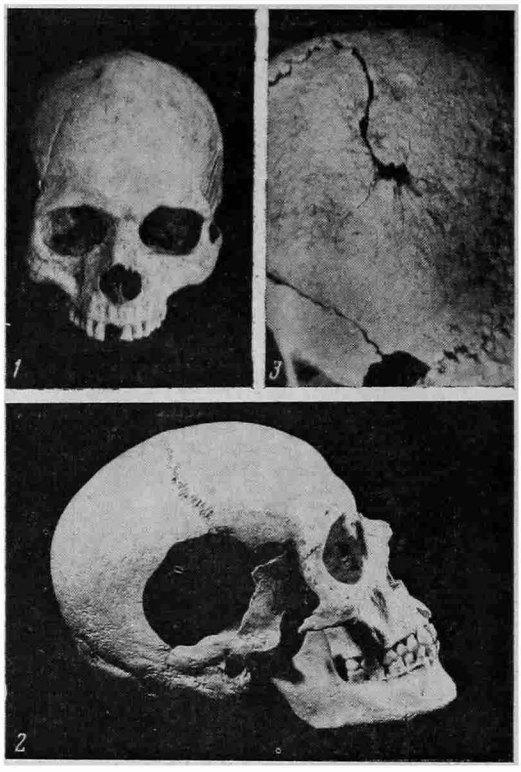


Рис. 6

Рис. 5. Череп из погр. 15. *1* — общий вид; *2* — трепанированное отверстие (увел. в 2 раза); *3* — совмещение пластины и отверстия на черепе (увел. в 2 раза)

Рис. 6. Черепа с повреждениями. *1* — следы травм на черепе из погр. 5; *2* — трепанация черепа из погр. 28; *3* — метастаза в черепной коробке, погр. 18

Яма с заплечиками по периметру создавала впечатление как бы двух ям, широкой и узкой, опущенных в глину на глубину 1,4 и 1,78 *м* от современной поверхности. Форма их прямоугольная, с закругленными углами, ориентировка строго по линии запад — восток. Углубление ниже заплечиков являлось собственно погребальной частью ямы, его глубина 0,38 *м*. На заплечики были уложены 9 отесанных плах почти одинаковой ширины и толщины. Погребенный лежал на спине, головой на запад. Руки были вытянуты вдоль туловища, кисти заходили под таз. За головой встречены круговой горшок и кувшин, основной же инвентарь лежал сбоку, у пояса. Слева — костяная горловина бурдюка, справа — железный кистень, кинжал, нож, кресало и два кремня, две пряжки, топорик и другие сильно корродированные предметы. Часть из них, видимо, висела на поясе, остатки которого прослеживаются под позвоночником скелета. На поясе также висели копоушка, распределитель и другие предметы из бронзы. Жертвенная пища лежала у ног.

Особый интерес вызвал череп со следами прижизненного повреждения и последующего хирургического вмешательства (рис. 5, *1*). В левой теменной кости, на расстоянии 9 *мм* от венечного и 40 *мм* от сагиттального шва, имеются следы резания кости по круглому шаблону диаметром около 23—24 мм. В результате в черепе образовалось отверстие. Край этого отверстия, обращенный в сторону венечного шва, отвесный, почти ровный, противоположный же край неровный, обломленный. К затылку ровный край продолжается до трещины, далее по черепу прорезана бо-

розда, почти замыкающая окружность. Над несомкнутыми ее концами располагается второе дугообразное резанное повреждение наружной костной пластинки (рис. 5, *2*).

На основании данных медицинского исследования можно прийти к следующему заключению. 1. Состояние швов на черепе, количество и степень стертости зубов соответствуют возрасту человека 26—30 лет. 2. Заметно выступающие в горизонтальной плоскости лицевая часть и кости носа, скошенная поверхность скуловых костей, углубленные клыковые ямки, а также размеры и соотношение отдельных частей лицевого отдела черепа указывают на то, что последний принадлежит европеоидному типу. Хорошо выраженные места прикрепления мышц на затылочной, височной кости и нижней челюсти, размеры, вес черепа и его частей, форма таза и его размеры, величина других костей, а также результаты сравнения их с известными абсолютными и относительными показателями отдельных костей европеоидных типов разного пола дают основания утверждать, что исследуемые кости принадлежали лицу мужского пола. 3. Отверстие в теменной кости по форме дефекта и особенностям нарушения целости наружной и внутренней пластинок костей со всей определенностью указывает на прижизненность обнаруженных повреждений. Дефект в теменной части может рассматриваться как результат желания обеспечить оперативный доступ к головному мозгу.

Такое заключение ставит нас перед необходимостью ответить на ряд вопросов: 1) как производилась трепанация черепа; 2) что явилось причиной оперативного доступа к головному мозгу; 3) чем закончилось это оперативное вмешательство?

Трепанация производилась острорежущим предметом, возможно, ножом по серебряному шаблону, форма которого полностью соответствует обнаруженному дефекту кости (рис. 5, *3*). Чтобы шаблон удерживался над поверхностью кости, в трех местах он был накернен (рис. 3, *1*) и фиксировался пальцем левой руки, что подтверждает конфигурация и глубина образованной при прорезывании кости борозды.

Отвечая на второй вопрос, можно предположить, что поводом к оперативному вмешательству явилось внутричерепное кровоизлияние, возникшее как результат террасовидного перелома теменной кости при действии тупым предметом (возможно, кистенем).

Вначале, вероятно, предусматривалась декомпрессионная трепанация черепа. Но после создания отверстия оперирующий, сменив положение пальца, фиксирующего шаблон, решил расширить трепанационное отверстие, на что указывает несовпадающая с ранее намеченной окружностью дугообразная борозда. Это действие могло быть связано с необходимостью расширить оперативный простор, чтобы удалить острые обломки стекловидной пластины, вызывающие повреждение сосудов, и таким образом произвести окончательную остановку кровотечения. Незаконченность операции может свидетельствовать о смерти пострадавшего во время ее производства.

Косвенным подтверждением тому, что причиной смерти послужила травма черепа, может являться факт отсутствия повреждений на других костях.

Повреждения головы, и в частности черепной коробки, оружием имели место и в других захоронениях этого могильника. Например, в погр. 5 обнаружен череп с тремя травмами (рис. 6, *1*). Одна из травм — на чешуе лобной кости вблизи надбровной дуги. Повреждение кости (длина разреза 66 *мм*) могло быть нанесено режущим предметом при скользящем ударе, вероятнее всего, саблей.

На чешуе лобной кости у венечного шва видна вторая травма: вдавленный перелом от удара тупым тяжелым предметом, возможно, кистенем. Третье повреждение обнаружено под глазницей в области клыковой ямки. Здесь сохранились следы от прямого удара сравнительно тупым

предметом, приведшего к заметной деформации и даже разрушению кости. Признаков хирургического вмешательства в области травм не наблюдается.

Второй случай трепанации черепа связан с заболеванием (опухолью), возникшей вблизи пирамидки височной кости. Этот череп обнаружен в захоронении 28. К сожалению, погребение оказалось ограбленным, поэтому многие стороны обряда остались неясными. Погребение представляло собой сочетание типичной прямоугольной ямы, в западной стороне которой была катакомба. Дно катакомбы на 0,3 *м* ниже дна ямы. Катакомба имела длину 1,7 *м*, ширину — 0,85 *м* и была спущена в плотную глину на глубину 1,9 *м* от современной поверхности. Заполнена катакомба рыхлым естественно заплывшим грунтом, в ней в беспорядочном состоянии находились остатки скелета человека, обломки дерева, металла.

Упомянутый череп принадлежал женщине в возрасте 25—30 лет. Справа, в области чешуи височной части черепа, вырезано большое неправильной формы отверстие диаметром 45×65 *мм* (рис. 6, *2*). Сам факт заболевания в области головного мозга и приемы лечения путем хирургического вмешательства достойны специальных исследований, но уже сейчас у нас есть все основания считать, что и это отверстие прорезали аналогичным приемом, т. е. по шаблону.

Заболевания головы, возникновение опухолей, травматические повреждения и другие патологические изменения у салтовцев в антропологической литературе описаны довольно подробно. Например, тяжелые травмы и заболевания (метастазы) прослежены на черепах из могильника Саркела [4]. Аналогичные случаи патологии обнаружены в погребениях салтовских могильников Среднедонечья (погр. 18, могильника у с. Новолимаревка — рис. 6, *3*; погр. 5 могильника у с. Желтое и др.). Однако следов хирургического вмешательства там не наблюдалось.

Небогатый, но все же разнообразный материал из пяти могил (22,7%), содержавший по 10—20 предметов на фоне сравнительно бедных 11 могил (47,9%) и совершенно безинвентарных 7 захоронений (29,4%) могильника у с. Желтое является показателем наметившейся социальной дифференциации, причем общественное положение людей носит уже наследственный характер. Об этом особенно красноречиво говорят захоронения детей и подростков. Некоторые из них (погр. 8, 12) безинвентарные, другие (погр. 22, 27) содержат до 20 предметов. К числу «богатых» могил мы относим три ограбленных в древности захоронения — 5, 7, 28. Сохранившиеся в них обломки вещей позволяют судить о разнообразии инвентаря. Не исключено, что погребенные с разнообразным инвентарем составляли привилегированную часть населения. Особый интерес в этом вопросе представляет погр. 15.

Совершенно очевидно, что в сложное время раннего средневековья в силу постоянных военных столкновений травмы и заболевания не являлись случайностью. Однако далеко не каждому пострадавшему оказывали хирургическую помощь. Воин из погр. 15, очевидно, занимал такое положение, которое давало ему право пользоваться услугами врачевателя.

Второй аспект касается социального положения древнего хирурга. Мы не можем сказать, какими привилегиями пользовался при жизни этот человек. Похоронен он не совсем обычно. Это касается формы могилы, не характерной для праболгар ориентировки, сопровождения двойной жертвенной пищей. Во всем этом своеобразии заложен какой-то смысл, выделяющий погребенного хирурга из общей массы захороненных на данном могильнике. В этой связи хотелось бы еще раз указать на то, что

---

[4] *Рохлин Д. Г.* Патологические изменения на костях людей в X—XI и начале XII столетий по материалам могильника Саркела — Белой Вежи.— МИА, № 109, 1963, с. 451—461, 501—514.

его голова и кисти рук оказались отсеченными. Отделение их, видимо, также не случайность. Вполне допустимо, что голову и руки хирурга отрубили за неудачно проведенную операцию. Возможны, конечно, и другие объяснения этого явления: руки умершего могли быть оставлены на земле за их способность лечить и спасать больных людей.

Учитывая общую планировку могил, у нас есть также основание считать, что захоронение воина из погр. 15 и древнего хирурга из погр. 3 произошло почти одновременно.

А. А. ЧАРИКОВ

СТАТУЯ МУЗЫКАНТА XII в.

Усилиями работников Джамбулского областного краеведческого музея в последние годы собрана большая коллекция средневековых каменных изваяний [1]. В их числе имеется одна скульптура, привлекающая особое внимание: в опущенных к поясу руках изображен не сосуд — обычный атрибут для данных памятников (половецкий тип), а непонятный на первый взгляд сегментообразный предмет, напоминающий небольшой лук (рис. 1; 2).

Изваяние найдено на территории совхоза Чокпар Чуйского р-на Джамбулской обл. Для его изготовления использована прямоугольная в поперечном сечении глыба крупнозернистого желтовато-серого гранита. Высота изваяния 98, ширина 25—28, толщина 22—23 *см*. Обработана главным образом его лицевая сторона, боковые отделаны в самой незначительной степени, задняя не обработана вовсе.

Голова скульптуры почти не выделена, лицо отделено узкой выемкой, намечающей линию заостренного подбородка. Слегка изогнутые брови и прямой (брусковидный) нос даны в едином рельефе. Глаза обозначены выпуклыми (формы миндалин) овалами. Рот выделен в виде невысокого выступа. В выгнутом контуре широкой верхней губы угадываются очертания коротких скобообразных усов. Ноги не изображены, но, судя по пропорциям фигуры, следует предполагать стоячую позу.

Принадлежность данного памятника к кругу кипчакско-половецкой скульптуры не вызывает сомнения. На это указывает и стиль (восточный вариант), и характерное положение рук. Что касается необычного предмета в руках, то в данном случае, по всей вероятности, изображен музыкальный лук — монохорд. Это не единственный пример отхода от канонического сюжета в кипчакской скульптуре. Достаточно упомянуть изображения птицы вместо обязательного сосуда на изваяниях Казахстана и Киргизии [2]. Известно также изображение двухструнного музыкального инструмента на мужской половецкой статуе, в котором Н. И. Веселовский усматривал типично кочевнический струнный инструмент комс [3]. Полустершиеся линии многострунной угловой арфы (?) прослеживаются на одной скульптуре из Краснодарского края [4]. Следует подчеркнуть, однако, что в обоих случаях эти музыкальные инструменты изображены не в руках, а подвешенными к поясу.

---

[1] В 1977 г. в музее экспонировалось около 50 статуй.

[2] *Шер Я. А.* Каменные изваяния Семиречья. М.— Л., 1966, с. 14, рис. 5; табл. XXIII, *105—109*.

[3] *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, № 62, с. 210, рис. 37; *ее же*. Половецкие каменные изваяния.— САИ, вып. Е4-2. М., 1974, с. 32, 33, рис. 10, *45*; табл. 65, № 1156.

[4] *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния, с. 32, рис. 10, *46*.

Рис. 1. Джамбулское изваяние. Фотография

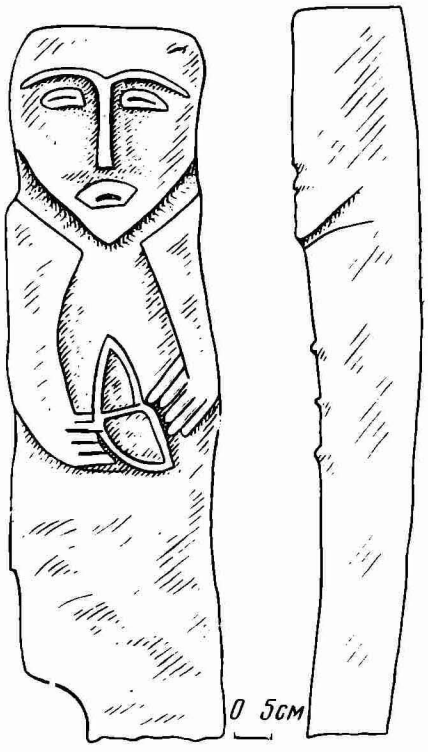


Рис. 2. Джамбулское изваяние. Рисунок

По мнению специалистов, музыкальный лук — монохорд принадлежит к разновидности лукообразных (дуговых) арф [5]. Своим происхождением он обязан охотничьему луку с натянутой тетивой и представляет собой наиболее древний вид дуговой арфы. Р. Л. Садоков считал, что дуговая арфа — явление чисто местное, национальное и меньше всего подверженное каким-либо изменениям [6]. Видимо, поэтому именно монохорд пережил многие века и просуществовал в культуре некоторых народов (сохраняя каждый раз свои местные особенности) чуть ли не до наших дней. Так, например, Э. Тэйлор описал музыкальный лук с резонатором, бытовавший у зулусов и в XIX в. (рис. 3, *2*) [7]. Варианты однострунной дуговой арфы сравнительно недавно были известны в Марийской АССР, а также в Удмуртии [8].

К сожалению, изображения музыкального лука на каменных изваяниях ранее не отмечены. Однако в произведениях других видов искусств этот инструмент можно встретить чаще [9]. Наиболее близкой аналогией является великолепный образец на одной из пенджикентских фресок VII—VIII вв.[10] Конечно, в живописном варианте воспроизведены все, даже мельчайшие, детали музыкального лука, такие, как украшения из золотых колец, муфты и концевой бляхи в виде головки орла на резонаторе (рис. 3, *1*). Арфа на джамбулском изваянии исполнена, естественно, грубее. Но и здесь отчетливо различаются основные конструктивные элементы, присущие данному инструменту: дуговидный резонатор, слегка

[5] *Садоков Р. Л.* Тайна сладкозвучной арфы.— СЭ, 1970, № 2, с. 150.
[6] *Садоков Р. Л.* Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970, с. 62, 63.
[7] *Тэйлор Э.* Первобытная культура. М., 1939, с. 167, рис. 69.
[8] Первая Всесоюзная выставка музыкальных инструментов народов СССР. Путеводитель. М., 1938, с. 31, 35.
[9] *Беленицкий А. М.* Новые памятники искусства древнего Пенджикента. М., 1959, с. 14, 19, 43, 44, рис. 7; табл. XI—XII, XLVIII—XLIX.
[10] Там же, табл. XLIX.

изогнутая в середине единственная струна, палочка (смычок), одним концом упирающаяся в оттянутую струну. Любопытно отметить, что древний ваятель пытался, очевидно, воплотить образ играющего музыканта, как бы в момент извлечения звука. Об этом свидетельствует характерный изгиб «задетой» струны, положение пальцев рук и смычка (рис. 1; 3, *3*). Способ игры достаточно сложен: пальцами левой руки (по-видимому, большим и указательным) музыкант перебирает натянутую струну, одновременно ударяя ее палочкой, зажатой в правой руке. Аналогичный способ игры на музыкальном луке тхомо отмечен у бушменов [11].

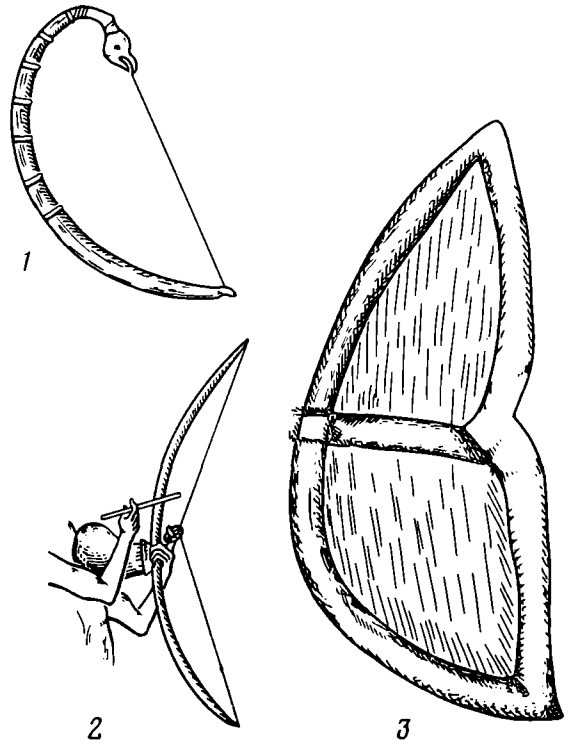


Рис. 3. Изображения музыкальных луков: *1* — пенджикентская лукообразная арфа; *2* — зулусский монохорд с резонатором (по Э. Тэйлору); *3* — музыкальный лук, обозначенный на джамбулском изваянии

Отсутствие традиционных датирующих признаков на джамбулском изваянии затрудняет более или менее точное определение времени его создания. Все же, учитывая некоторые стилистические черты, присущие поздним памятникам (четко выраженная стеловидность статуи, своеобразная манера исполнения глаз с продольно прочерченным зрачком, схематизация в изображении рук, особенно пальцев), можно предположить, что статуя музыканта была выполнена не ранее конца XII или в первой половинеXIII в. н. э.

Находка скульптурного изображения человека с арфой в руках расширяет наши представления о сюжетных рамках каменных изваяний средневековья. Она позволяет надеяться на повторение подобных открытий в будущем, что в свою очередь должно способствовать более глубокому проникновению в духовный мир кимаков и кипчаков, оставивших скульптуры, которые еще не один раз будут объектом всесторонних научных исследований.

[11] *Садоков Р. Л.* Тайна сладкозвучной арфы, с. 156.

П. М. АЛЕШКОВСКИЙ, С. З. ЧЕРНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К БЕРЕСТЯНЫМ ГРАМОТАМ № 550 И 568

В 1977 г. на Троицком IV раскопе в слое XII в. была найдена берестяная грамота № 550 [1]. В этом документе, явно связанном с землевладением, упоминалось поселение «Дараганец». В следующий сезон раскопок (1978 г.), при исследовании усадьбы, смежной с усадьбой берестяной грамоты № 550 и также прилегающей с севера к Черницыной улице

[1] Пласт XIV, квадрат 167 А, ярус XIV (1169 г.) — XV (1155 г.).

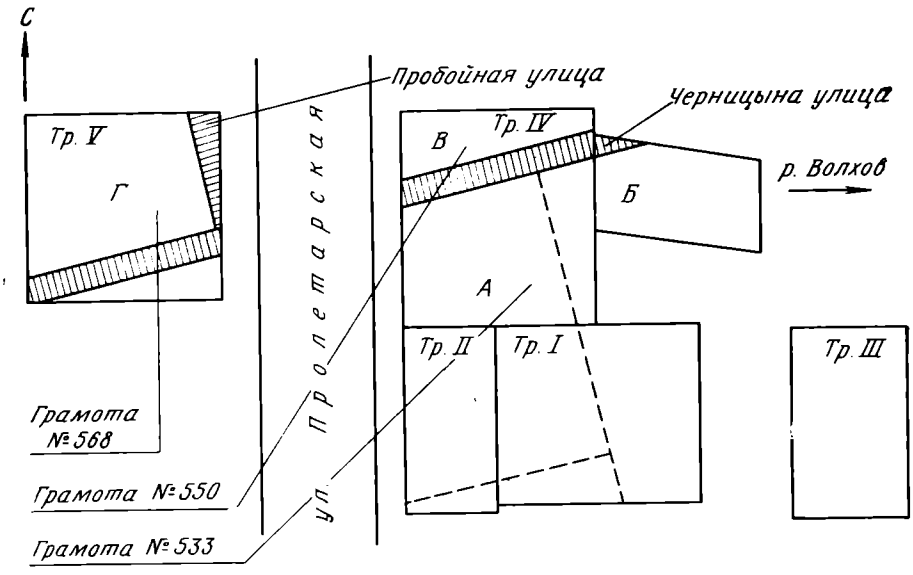


Рис. 1. Ситуационный план Троицких раскопов. *А, Б, В, Г* — обозначения усадеб

(Троицкий V раскоп), в слое XIV в. обнаружена грамота № 568 (рис. 1) [2]. В ней назван ряд поселений и лиц, за которыми числилось определенное количество коробей соли [3].

Текст грамоты:

... ьканаостровѣкороь А солиудо́манавъмикулин ...
... коробьисолиуголѣдѣвъслав-ицах. коробьАсоли.у ...
... накшетахъ. поторыкоробисолиустаростѣнакшета ...
... ужиною. г. коробьисоли. волисѣА накшетахъ. полторы ...
... исоли. укузмѣур Ад А тинапокоробьсоли. уродиванас ...
... ъ. коробь А соли. у кн АзА вбольсинѣселѣполторы короб ...
... жытанасопшахъвъз А гомъкоробь А соли: у ива ...

Упоминание в обоих документах поселений дает надежду определить, располагались ли владения жителей соседних усадеб в разных концах Новгородской земли или в непосредственной близости друг от друга. Ответ на этот вопрос представляется небезынтересным в плане изучения боярской патронимии Новгорода, которая была прослежена В. Л. Яниным в трудах, посвященных усадьбам Онцыфоровичей [4].

Обратимся к берестяной грамоте № 568. Перечислим названные в ней поселения: Остров, Микулино, Славницы [5], Кшеты, Болсино село, Сопша. Три из них («Остров», «Славница» и «Шкота») упоминаются писцовой книгой 1576 г. в Карачунском погосте Порховского уезда Шелонской пя-

---

[2] Пласт 2, квадрат 337, ярус IV-А (1380—1390-е годы).

[3] Упоминание коробей соли содержится и в обрывке берестяного документа XIV в., найденного на усадьбе, прилегающей к Черницыной улице с юга (1976 г., Троицкий IV раскоп, квадрат 252, грамота № 533, ярус 7 (первая четверть XIV в.). Текст грамоты: «коробей соли ти» — См. *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 годов). М., 1978, с. 135 (далее — НГБ).

[4] *Янин В. Л.* Заметки о новгородских берестяных грамотах.— СА, 1965, № 4; *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии.— В сб.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 37. Пользуемся случаем высказать благодарность В. Л. Янину, предоставившему нам возможность работать с неопубликованным документом.

[5] В тексте грамоты читается: «въслав.ицахъ».

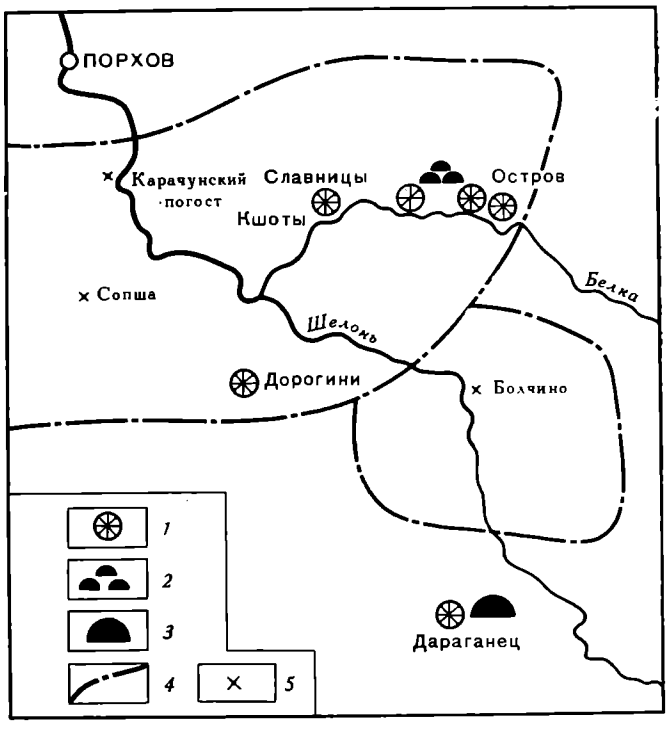


Рис. 2. Схема поселений по берестяным грамотам № 550 и 568. *1* — селище; *2* — курганная группа; *3* — сопка; *4* — границы погостов; *5* — древнее поселение

тины[6] (рис. 2). Деревни эти сохранились до нашего времени и расположены на правом берегу р. Белки, в 10 *км* на восток от г. Порхова. Расстояние между ними — 2—3 *км*. Археологические обследования, которые велись по заданию Новгородской археологической экспедиции, показали, что на территории этих деревень находятся селища, которые занимают холмы около р. Белки, полого спускающиеся в долину.

Селище в дер. Остров расположено на мысу при впадении р. Вешня в р. Белку. Мысовую часть селища местные жители называют старым кладбищем. Здесь, в 80 *м* на восток от действующей деревянной часовни, при земляных работах конца 1950-х годов находили человеческие черепа. Поселение датируется XIV—XV вв. (красноглиняная, белоглиняная и чернолощеная керамика). Более раннего материала не встречено, однако в 280 *м* на юго-восток от деревни, на останце у р. Белки, на котором, по преданию, стояла церковь, найдено селище XII—XVIII вв. (курганная с волнистым и линейным орнаментом, красноглиняная и белоглиняная керамика).

Селище в дер. Славницы по топографии напоминает Остров. Но р. Славенка, впадающая западнее деревни в р. Белку, не образует здесь столь же выраженного мыса. В центральной части селища еще заметны развалины недавно сгоревшей каменной часовни Св. Анастасии. Поселение датируется XII—XVII вв. (курганная, красноглиняная, белоглиняная и чернолощеная керамика). В 110 *м* на восток от селища, в урочище «Могильник», на наиболее возвышенной части террасы коренного берега

[6] Новгородские писцовые книги, изданные императорской археографической комиссией, т. V. Книги Шелонской пятины. СПб., 1905, с. 591, 593 (далее — НПК). Менее вероятна локализация дер. Остров в Окологородном стане Порховского уезда, так как эта деревня значительно удалена от Кшет и Славниц (НПК, т. V, с. 574).

р. Белки, находится курганная группа из 20 курганов с обкладками и 4 жальника [7].

Селище, обнаруженное на территории дер. Кшоты, датируется XIV—XVII вв. (красноглиняная, белоглиняная и чернолощеная керамика). Здесь, так же как и в Славницах, есть урочище «Могильник». Но находится оно внутри границ селища (в 100 *м* к ССЗ от того места, где до 1930-х годов стояла деревянная часовня Успения) [8] и представляет собой холмик овальной формы, ориентированный по линии ССЗ — ЮЮВ, размерами 35×15 *м* и высотой 2 *м*. Холмик изрыт ямами и покрыт валунами. По словам местных жителей, в старину здесь было кладбище. Несколько лет назад на «Могильнике» вырыли крест из известняка высотой 1 *м* и толщиной 0,15 *см*, с расширяющимися концами [9]. Видимо, «Могильник» — кладбище, синхронное селищу.

«Сопша» берестяной грамоты локализуется по писцовой книге 1539 г. в том же Карачунском погосте [10], но в его южной части (10 *км* на юг от г. Порхова и в 11 *км* от Острова, Славниц и Кшет). Видимо, в Карачунском погосте надо искать и Микулино, названное в тексте грамоты между Островом и Славницами. Однако все деревни с названием Микулино упоминаются писцовыми книгами в значительном удалении от Карачунского погоста [11].

Локализация «Болсина села» не вызывает сомнений. Это центр Болчинского погоста, смежного с Карачунским и располагавшегося выше по течению р. Шелони.

Итак, из шести поселений, названных в берестяной грамоте № 568, Остров, Славницы, Кшеты и Сопша локализуются в Карачунском погосте, а Болсино село составляет центр соседнего погоста.

В этих поселениях грамота упоминает людей, за каждым из которых числится определенное количество коробей соли [12]: Доман, Голедь, Волисей, Кузьма Редятин, Родивон, Князь [13]. Помимо названных имен в грамоте читаем: «У старосты на Кшетах ...ужиною.г. коробьи соли». Документы подобного рода обычно интерпретируются как запись феодальных повинностей [14]. Поэтому фразу: «у старосты на Кшетах /с др/ужи-

---

[7] *Окулич-Казарин Н. Ф.* Материалы для археологической карты Псковской губернии.— Тр. Псковского археологического общества. Псков, 1914, с. 223. В 1972 г. памятники были обследованы Л. А. Царьковой, которой насчитано 14 насыпей (*Царькова Л. А.* Отчет за 1972 г. Архив ИА АН СССР, р. 1, № 4933).

[8] Границы селищ определялись по распространению красноглиняной керамики.

[9] Крест утерян местными жителями.

[10] НПК, т. IV. с. 442. Деревни сохранились до нашего времени.

[11] НПК, т. IV. СПб., 1886. с. 384, 465, 240, 506; т. V, с. 473.

[12] Опрос населения в деревнях Кшоты, Славницы и Остров показал, что соль в этих местах никогда не добывалась. Издавна существовал копаческий промысел: за солью отправлялись в г. Остров Псковской обл., что указывает на отходничество, практиковавшееся здесь издревле.

[13] Писцовые книги нового письма (1498 г.) упоминают в Болчинском погосте князя Ивана, сына князя Федора Белосельского. В конце XV в. князю Ивану принадлежала здесь «волостка Остафьевская», в которую кроме Болчинского погоста (11 дворов) входило 9 деревень и 5 пустошей (НПК, т. IV, с. 160). Название же волостка получила от своего прежнего владельца («а старого дохода с тое волостки шло Остафью и сыну его Василью денего три рубли новгородцкие...» — НПК, т. IV, с. 161). По писцовой книге 1539 г. земли эти принадлежали жене князя Ивана Катерине (там же, с. 408), а в 1576 г. числились уже как дворцовые (там же, т. V, с. 600). В. Л. Янин считает — «Князя» берестяной грамоты № 568 именем собственным (см. мнение С. Б. Веселовского об употреблении слова «Князь» как прозвища крестьян в Новгороде — *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. с. 144). Князья XV в.— явление московское, никоим образом не наложимое на историческую ситуацию Новгорода XIV в. Поэтому параллели между князьями Белосельскими (новоиспомещенный московский род, родственный Белозерским князьям,— *Долгоруков П.* Российский родословный сборник, кн. 3. СПб., 1841, с. 15) и «Князем» берестяной грамоты невозможны.

[14] Ср. с берестяными грамотами № 161, 162, 179, 215, 218, 220, 254, 278 — НГБ (из раскопок 1955 г.). М., 1958, с. 45, 48, 65; НГБ (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, с. 36, 38, 42, 81, 104.

ною 3 коробьи соли» — следует понимать не как указание на военный отряд, а как роспись оброка с крестьян-общинников [15].

Упоминание «старосты.../с др/ужиною» интересно сопоставить с текстом грамоты № 254, в котором также фигурирует «дружина» [16]. Приведем этот документ построчно, поскольку сведения текста в одно целое мешает нашему прочтению грамоты:

.....аѦече.....
.....оровицки.в.коробипшеници.в.короби
.....шиколачицкиивожиивопшенициасве
.....еипшенициавоскоирожиивожи.....
скинидружиниаком.....
мо...елиесиθерубеле.....
.....емливереше.....

Грамота датируется также XIV в. А. В. Арциховский писал, что из-за фрагментарности грамота не подлежит прочтению, и идентифицировал слова «рубеле» с рублем и «вереше» с рыболовными вершами или всходами хлеба. «/Б/оровицки» и «Колачицки» связаны были им с названиями деревень [17].

Позднее к грамоте № 254 обратился Л. В. Черепнин [18]. Слово «дружина» им рассматривалось поочередно в контексте со словами «рубеле» и «вожи». Отсюда два возможных предположения. Глагол «рубеле» трактуется Л. В. Черепниным как розруб — раскладка повинностей. Приводя цитату из «Пространной Русской Правды», согласно которой член верви, вносящей виру, должен «заплатити и с дружины свою часть», исследователь предполагает, что слово «дружина» в грамоте № 254 подчеркивает участие каждого жителя села в податной разверстке.

Иное значение слова «дружина», связанное со словом «вожи», указывает на повозную повинность, обязанность крестьян предоставлять феодалу довольствие на «подъезд», т. е. в случае его приезда в вотчину в сопровождении дружины.

Обе эти трактовки термина «дружина» для XIV в., применительно к разбираемым грамотам, требуют уточнения. Несмотря на фрагментарность, текст грамоты № 254 все же дает возможность сравнивать ее с грамотой № 568.

В обоих документах речь идет о сборе оброка с деревень (Кшеты, Славницы, Остров...— (Б)оровицкое, Колачицкое), только различен его характер: в одном случае — соль (отходничество), а в другом — пшеница, рожь, воск. Поэтому Есифа грамоты № 254 можно считать старостой при деревенской дружине-общине, с которого собирают дань в рублях (см. «Есифе рубеле»). Во всяком случае ему, видимо, не вменяется в обязанность «емли вереше» — собирать саму повинность, как считает Л. В. Черепнин, тогда бы, по смыслу текста, его имя стояло в начале письма и уже не повторялось бы как имя адресата. Связывать имя Есифа с «емли вереше» не кажется возможным, между этими словами слишком много пропущенного текста (см. грамоту № 254). Скорее даже, что смысл фразы или фраз не связывал их так прямо, как считает Л. В. Черепнин.

Слово же «вожи» дважды встречено в грамоте № 254 и связано оба раза со словами «рожи, пшеници и воско», но никак не с «дружини», что не дает возможности говорить о повозной повинности.

Таким образом, сравнение берестяных грамот № 254 и 568 подтверждает, как нам представляется, что их наиболее вероятная интерпретация — списки феодальных повинностей.

---

[15] Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 4. М., 1977, с. 363.
[16] НГБ (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, с. 81.
[17] Там же.
[18] *Черепнин Л. В.* Новгородские грамоты как исторический источник. М., 1968, с. 230.

Перейдем к грамоте № 550, найденной в слое XII в., на усадьбе, смежной с усадьбой берестяной грамоты № 568 (Троицкий IV раскоп, 1977 г.). Напомним, что в этом документе, явно связанном с землевладением, упоминается поселение Дараганец. В писцовых книгах значатся деревни, названия которых близки, но не идентичны названию, упомянутому в грамоте [19]. Полное соответствие мы находим лишь на картах XIX в., на которых в 25 *км* к юго-востоку от г. Порхова вверх по течению р. Шелони показана деревня Дараганец, не названная в писцовых книгах. Обследование территории деревни показало, что она стоит на месте селища XII—XVII вв. (курганная, красноглиняная, белоглиняная, чернолощеная керамика). Селище занимает край террасы левого берега ручья — притока р. Шелони. Его площадь 25 тыс. *м*^{2}. На противоположном берегу ручья, в 150 *м* на ЮЮВ, находится сопка диаметром 30 и высотой 5 *м* [20]. По-видимому, именно здесь следует локализовать Дараганец берестяной грамоты № 550 [21].

Если это предположение справедливо, то документы (грамоты № 550 и 568), между которыми пролегли два столетия, оказываются неожиданно связанными территориально и свидетельствуют о традиционности связей жителей древней Черницыной улицы с Порховским краем. Подобную традиционность связей трудно объяснить иначе как следствием родственных уз владельцев соседних усадеб. Таким образом, мы можем констатировать на Людине конце явление, близкое «комплексу усадеб единой принадлежности», изученному на Неревском конце Новгорода [22].

---

[19] Озеро Дорогани в Вотской пятине (НПК, т. III. СПб., 1868, с. 282, 348, 358); дер. Дороганица в Курском уезде Деревенской пятины (НПК, т. I. СПб., 1859, с. 610, 612); дер. Дорогань в Косицком погосте на р. Лузе в Шелонской пятине (НПК, т. V, с. 353).

[20] Сопка обнаружена в 1972 г. Л. А. Царьковой (*Царькова Л. А.* Отчет за 1972 г. Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 4933).

[21] Менее вероятная локализация Дараганца – селище X–XII вв. на останце «Дорогини» в 15 км на юго-восток от г. Порхова (рис. 2). Останец возвышается над болотистой равниной левобережья р. Шелони. В 0,5 км на юг от него протекает ручей, впадающий в 2 *км* к востоку в р. Тишинку — левый приток р. Шелони. В 100 *м* на СЗ от селища в XIX в. Строгоновыми был построен конный двор, существующий и в наше время (1 *км* от усадьбы Волышево).

[22] *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Ук. соч., с. 37.

Е. Н. АБЫЗОВА

КАШИННЫЙ СОСУД ИЗ СТАРОГО ОРХЕЯ

В 1972 г. археологические исследования в Старом Орхее проводились в северо-восточной части городища, где был выявлен комплекс построек ремесленников XIV в.[1] В одном из сооружений (жилище-мастерская № 24), которое датируется медными монетами 50—60 гг. XIV в., среди огромной массы керамического материала были обнаружены многочисленные фрагменты кашинного сосуда, который удалось полностью реставрировать (рис. 1). Сосуд представляет великолепный образец средневекового гончарного ремесла и заслуживает особого внимания.

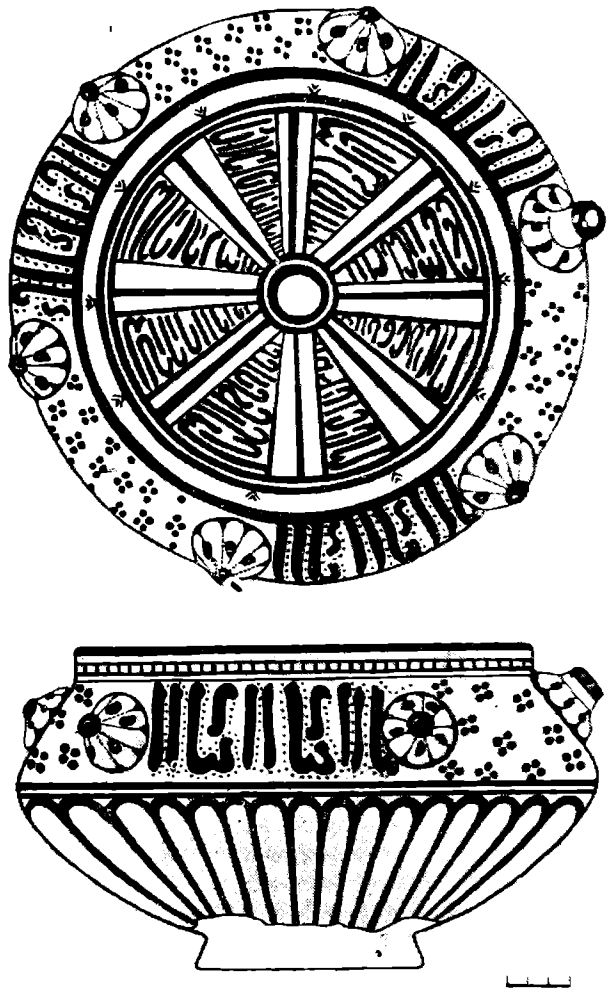
Кашинная масса сосуда чистого состава, имеет белую однородную окраску по всей толще черепка. Изготовлен сосуд в алебастровой форме [2], причем налепные украшения в виде конусовидных шишечек отливались отдельно [3]. Сосуд широкогорлый, с прямым невысоким бортиком,

---

[1] *Бырня П. П.* Усадьбы ремесленников XIV в. в Старом Орхее.— АИМ — 1972. Кишинев, 1974, с. 183—204.

[2] *Булатов Н. М.* Алебастровые формы из керамической мастерской Селитренного городища.— СА, 1972, № 1, с. 272.

[3] Там же, с. 273.



плавно переходящим в биконическое тулово. Дно округлое, заканчивается кольцевым поддоном. Основную нагрузку в декоре несут плечи сосуда, они украшены пятью конусовидными шишечками с радиально рифленой поверхностью. Вместо шестого налепа имеется выполненный в той же технике небольшой усеченно-конический слив, композиционно завершающий рельефное украшение сосуда. Размеры (в *см*): диаметр сосуда по венчику — 20,7, наибольший диаметр сосуда — 26, высота бортика — 1,5, высота поддона — 1,8, диаметр поддона — 10.

Сосуд покрыт бирюзовой прозрачной поливой с черной подглазурной росписью. Орнаментация сосуда строго подчинена его форме. Снаружи всю нижнюю часть тулова занимает ряд удлиненных арочек (всего 38). Место перегиба подчеркнуто двумя концентрическими линиями. Плечики орнаментированы по секторам, границами которых являются конусовидные шишечки. Арабская стилизованная надпись, каждый знак которой оконтурен мелкими точками, чередуется с более крупным орнаментом; черные точки расположены по четыре, образуя тем самым миниатюрные ромбики. Конусовидные шишечки и слив также украшены точками, а у основания оконтурены черным кругом. По венчику идут две концентрические полосы, пространство между которыми заполнено вертикальными линиями. Край венчика покрыт черной полосой.

Внутри орнаментирована лишь часть, доступная для обозрения. Дно подчеркнуто двойной линией, которая обрамлена рядом радиально поставленных «стрелок». Поле круга разделено на восемь секторов, внутри

каждого имеется арабский эпиграфический орнамент, содержащий слово «успех».

Украшение сосудов надписями благопожелательного содержания восходит к мусульманской традиции [4] и было широко распространено в керамике Средней Азии [5] и Поволжья [6].

По форме и характеру росписи сосуд из Старого Орхея находит себе аналогии среди посуды Дубовки [7], Шемаха-Калы [8], Куня-Ургенча [9], Маджара [10]. Согласно Г. А. Пугаченковой, подобная посуда могла быть лишь в обиходе зажиточных слоев общества и предназначалась для розовой воды, в которой гости после трапезы смачивали пальцы [11].

Принимая во внимание форму, а также художественное оформление сосуда, можно предположить, что он не местного производства, а, видимо, был привезен на территорию Днестровско-Прутского междуречья из керамических центров либо золотоордынских городов Нижнего Поволжья, либо с территории средневекового Хорезма.

---

[4] *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976, с. 126.

[5] *Вактурская Н. Н.* Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Керамика Хорезма.— Тр. ХЭ, IV, 1959, с. 322, рис. 35, *3—5*.

[6] *Булатов Н. М.* Классификация кашинной керамики золотоордынских городов.— СА, 1968, № 4, с. 99—101.

[7] *Баллод Ф. В.* Приволжские Помпеи. М.— Пг., 1923, с. 39, 40, табл. 7, *6*.

[8] *Вактурская Н. Н.* Ук. соч., с. 324.

[9] *Пугаченкова Г. А.* Орнаментированный сосуд из Куня-Ургенча.— Тр. ТГУ, вып. 172, 1960, с. 197—200.

[10] *Гражданкина Н. С., Ртвеладзе Э. В.* Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара.— СА, 1971, № 1, с. 128, рис. 1—4.

[11] *Пугаченкова Г. А.* Ук. соч., с. 200.

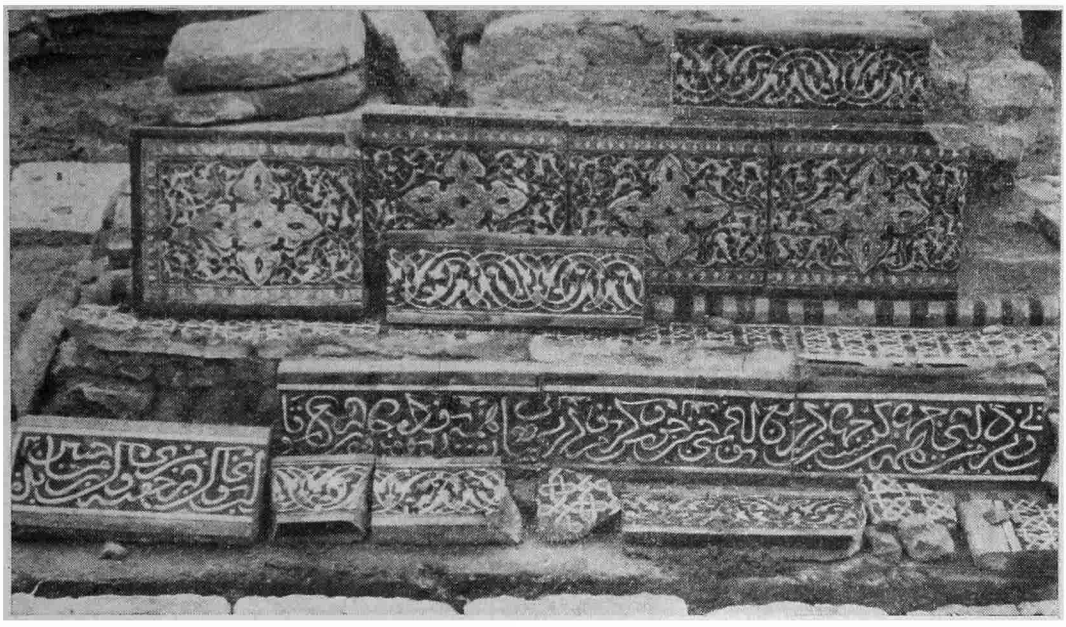
Н. Б. ХАЛИМОВ

НАДГРОБИЕ XIV ВЕКА ИЗ КУНЯ-УРГЕНЧА

При поиске эпиграфических материалов в районе Куня-Ургенча старожилы города Х. Абдуррахманов и К. Курбанов обратили мое внимание на неизвестное надгробие (рисунок), расположенное на участке «Кызыл Аскар» колхоза «Кызыл Юлдуз», находящееся под угрозой разрушения. Над этим надгробием одним из жителей города была сооружена каркасная пристройка, которая оберегала надгробие от атмосферных осадков.

Чтобы произвести обмеры, фотофиксацию и консервацию надгробия, пристройку пришлось снести. Это было произведено при участии архитекторов и работников куняургенческого отделения Специальной научно-производственной реставрационной мастерской Министерства культуры Туркменской ССР.

Надгробие (сагана) сложено из высококачественного кирпича с изразцовой облицовкой всей наземной части и напоминает два поставленных друг на друга прямоугольных параллелепипеда, нижний из которых имеет размеры 160×85×17 *см*, а верхний — 140×(40)×36 *см*. Этот тип надгробий широко распространен в Хорезме и других местах, но на территории Туркменской ССР — это второе надгробие после надгробия известного суфийского шейха Наджм ад-дина Кубра, убитого в 1221 г. Однако от последнего новое надгробие отличается тем, что имеет эпитафию на языке дари. Эпитафия расположена по всему периметру вертикальных плит нижнего параллелепипеда и занимала некогда 14 плит, из которых сохранились только 12. Верхний параллелепипед также был сплошь украшен изразцовыми плитами, но большая часть их не сохранилась.



Высокие художественно-эстетические достоинства этого надгробия проявляются в его декоративном решении, где мастер умело сочетает вязь эпитафии с изящным и утонченным орнаментом ислими, воспроизводящим тонкие растительные побеги, среди которых ритмически повторяются несколько крестообразных медальонов, напоминающих орнамент на женских серебряных украшениях, инкрустированных сердоликом. Изящество орнамента сочетается с изысканным цветовым решением надгробия, где варьируются четыре цвета — голубой, синий, иссиня-черный и белый.

Обычно надписи на подобных надгробиях содержат у изголовья имя и дату смерти погребенного. И на этом надгробии на обломке майоликовой плиты сохранилась часть надписи на арабском языке: «Дата: год...». Другие обломки этой плиты пока не обнаружены. Однако по всем признакам надгробие можно датировать XIV в.

По сообщениям колхозников, рядом с этим находилось подобное же надгробие, ныне засыпанное землей, а также другие захоронения.

Как памятник, облицовка которого является подлинным шедевром архитектурной керамики XIV в., обнаруженное надгробие предполагает всестороннее изучение прилегающей к нему территории.

В. А. ПОСРЕДНИКОВ

БОЛЬШЕЛАРЬЯКСКОЕ ГОРОДИЩЕ

По рассказам жителей дер. Большой Ларьяк (Нижневартовский р-н Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской обл.), местность, прилегающая к нынешней дер. Большой Ларьяк, несколько столетий тому назад принадлежала не хантам, а ненцам. Ханты же прикочевали сюда с Оби, и одна из их групп — группа Гоголя — заложила свое поселение на восточном берегу оз. Эллепугол-Эмтор [1].

[1] О том, что именно здесь возникло самое первое поселение хантов среднего течения Ваха, писал тобольский исследователь Г. С. Дмитриев-Садовников (*Дмитриев-Садовников Г. С.* На Вахе.— Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XXVI. Тобольск, 1916, с. 12).

Рис. 1. Схема местонахождения памятников позднего средневековья в окрестностях дер. Большой Ларьяк. *1* — старинное хантыйское поселение, *2* — ямы-хранилища, *3* — поселение Большеларьякское I, *4* — Большеларьякское городище

Отношения пришельцев с местными жителями были враждебными. Ненцы возвели на Пасоле — Большой Ларьякской протоке р. Вах — городище, а на противоположном берегу Пасола построили тайно от людей Гоголя хранилище и заполнили его запасом пищи. Предание гласит, что они некоторое время пользовались припасами зимой. Сообщение между городищем и хранилищем осуществлялось скрытно, подснежным переходом. Но переход и хранилище обнаружили лазутчики из группы Гоголя, и все запасы продовольствия были реквизированы.

Состоявшаяся летом решающая схватка закончилась победой хантов, которые сразу же поспешили в крепость и разрушили ее. Они повергли и стоявшее там идолище, «чтобы не помогало ненцам». Остатки последних бежали на север, в верховье р. Таз, и никогда больше не возвращались [2].

С целью проверки преданий были организованы поездки по окрестностям деревни и раскопки обнаруженных здесь памятников. В 13 *км* от деревни на восточном берегу оз. Эллепугол-Эмтор в сухом сосновом бору имеются многочисленные следы жилищ (рис. 1, *1*). Одни впадины старые, они заплыли, задернovались и поросли могучими соснами. Другие, с полуистлевшими остатками бревен — от жилищ, обитатели которых переселились в новую деревню Большой Ларьяк в 1937—1938 гг.

В 400 *м* севернее современной деревни на противоположном, правом берегу Пасола, на небольшой узкой гриве, протянувшейся вдоль левого берега ручья, впадающего в Пасол, находятся три подпрямоугольные ямы глубиной до 1,2 *м* (рис. 1, *2*). Они хорошо задернованы. В них растут старые березы. По словам местных жителей, ямы являются остатками хранилищ, принадлежавших обитателям городища, когда те вели «войну» с хантами группы Гоголя. В литературе по поводу данной детали большеларьякской округи никаких упоминаний нет. Заложенные в ямах шурфы не дали ни одного предмета.

[2] Упоминание об этом предании имеется у томского этнографа М. Б. Шатилова, посетившего Большой Ларьяк в 1926 г. (*Шатилов М. Б.* Ваховские остяки.— Труды Томского краевого музея. Т. IV. Томск, 1931, с. 78—80).

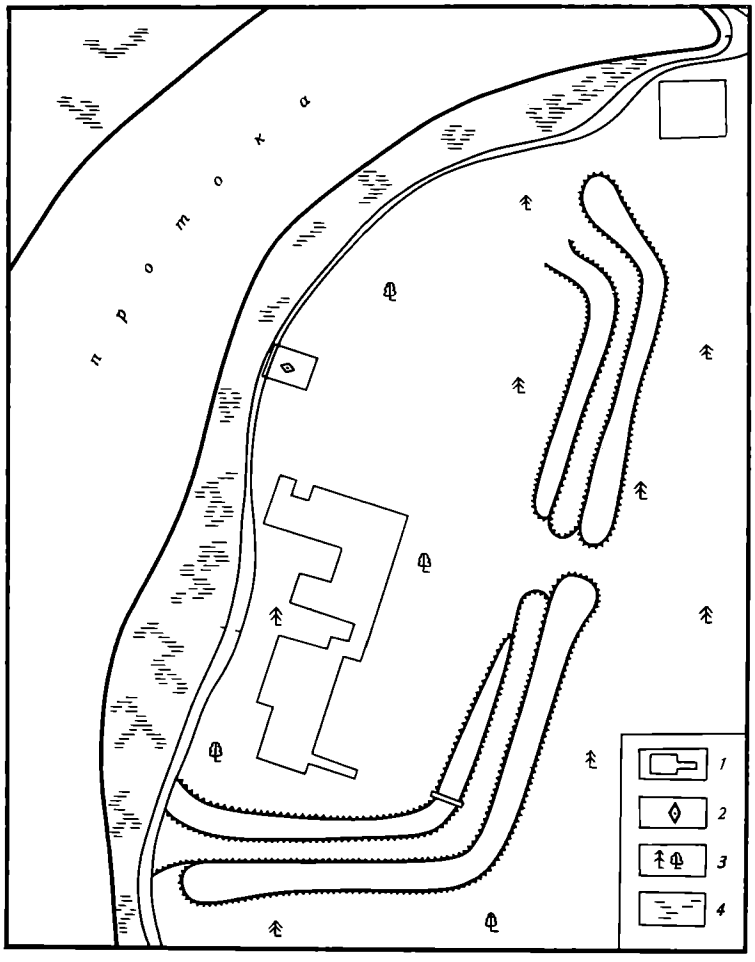


Рис. 2. Большеларьякское городище. *1* — раскоп, *2* — камень, *3* — лес, *4* — пойма

Примерно в 300 м от северо-восточной окраины Большого Ларьяка, на левобережном подпойменном затаеженном берегу Пасола, находится поселение, названное Большеларьякское I [3] (рис. 1, *3*). Оно включает 17 ясно различимых округлых и овальных в плане жилищных углублений диаметром 6—10 м и глубиной 0,2—0,4 м, раскинувшихся вдоль берега с ССЗ на ЮЮВ. Строгого порядка в расположении землянок относительно друг друга не наблюдается. В литературе и в дошедшем до нас предании это поселение не упоминается. У большеларьякских хантов по поводу него есть разноречивые мнения. Одни полагают, что ямы остались от какого-то старинного кладбища, другие считают, что это следы поселения. Но никто не связывает данный объект с конкретной историей своих предков. Более того, поселение считают «нечистым». Шурфовка двух жилищных впадин дала черепки от позднесредневековых сосудов, орнаментированных налепными валиками [4], кусочки железного шлака и мелкие обломки камня.

В полукилометре юго-западнее от деревни, в лесу, на левобережной надпойменной террасе Пасола, находится городище (рис. 1, *4*; 2). Памятник расположен на мысу, образованном протокой и небольшим заливом. Высота мыса над уровнем воды в реке 3 *м*. Под террасой, между ней

[3] *Посредников В. А.* Археологические работы на р. Вах.— В сб.: Из истории Сибири. Вып. 2. Томск, 1969, с. 82, 83.

[4] Там же, табл. 31, *15*.

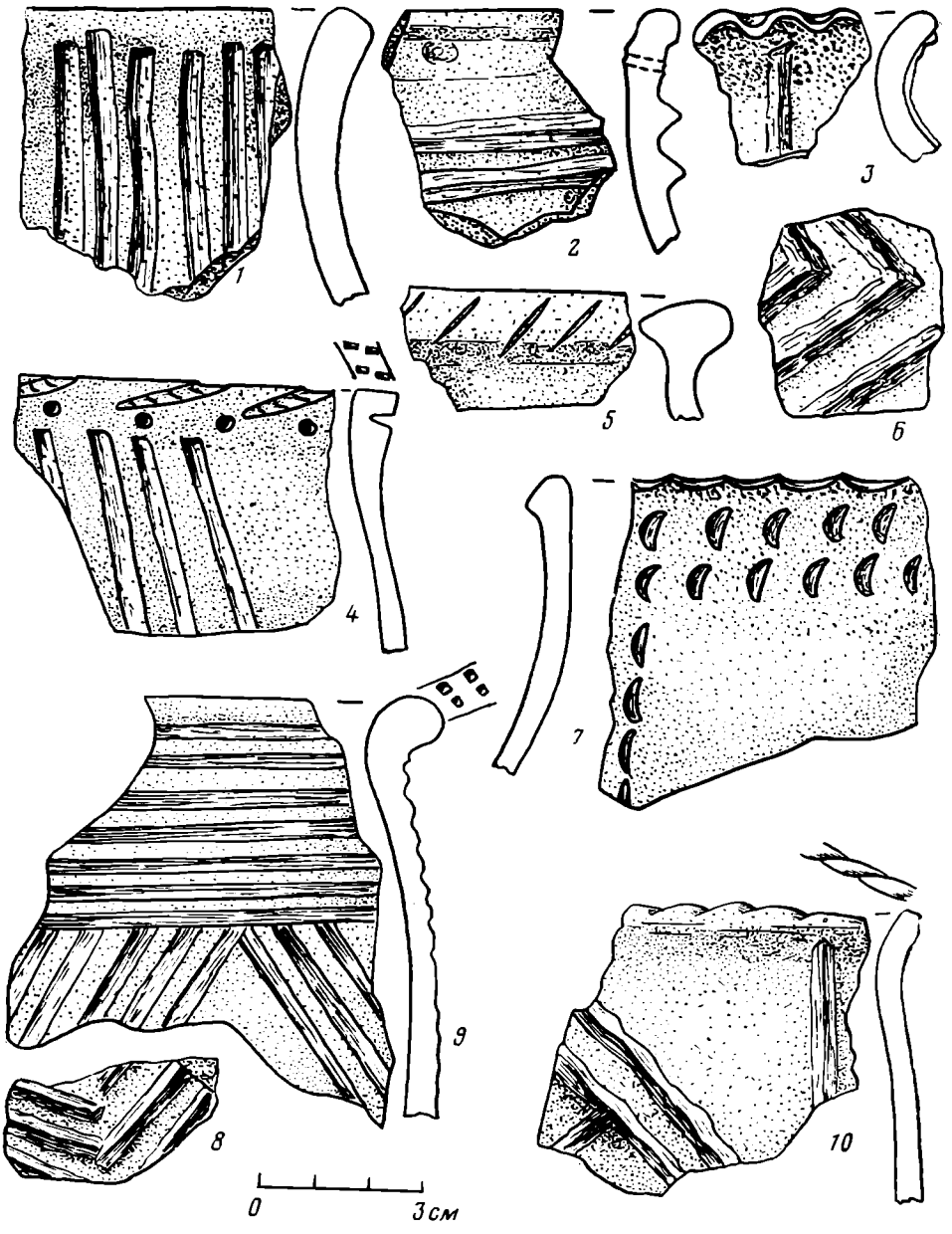


Рис. 3. Керамика из Большеларьякского городища

и руслом, лежит неширокая болотистая пойма. В старину русло подступало непосредственно к террасе.

Городище занимает на мысу участок длиной вдоль берега 70 м и шириной 30 м, вытянутый с ССВ на ЮЮЗ. С трех сторон — с ССВ, ЮЮВ и ЮЮЗ — участок защищен двойной линией валов, между которыми пролегает ров. С четвертой, речной стороны остатков фортификационных сооружений не отмечается. Здесь преградой служил обрыв. Система укреплений вместе с линией берега придает городищу четырехугольную, трапециевидную форму. С ВЮВ стороны валы прерываются. Очевидно, здесь был вход. Другой вход оставлен с северной стороны городища, между кромкой берега и валами. Высота валов доходит до 0,8 м над окружающей поверхностью, а от дна рва до 1,3 *м*. Ширина каждого вала в среднем 3 *м*, рва — 2—2,5 м.

В 1972—1975 гг., на городище были заложены раскопы (рис. 2). Один в южной половине, площадью 274 *м*^{2}, второй — 24 *м*^{2} у кромки

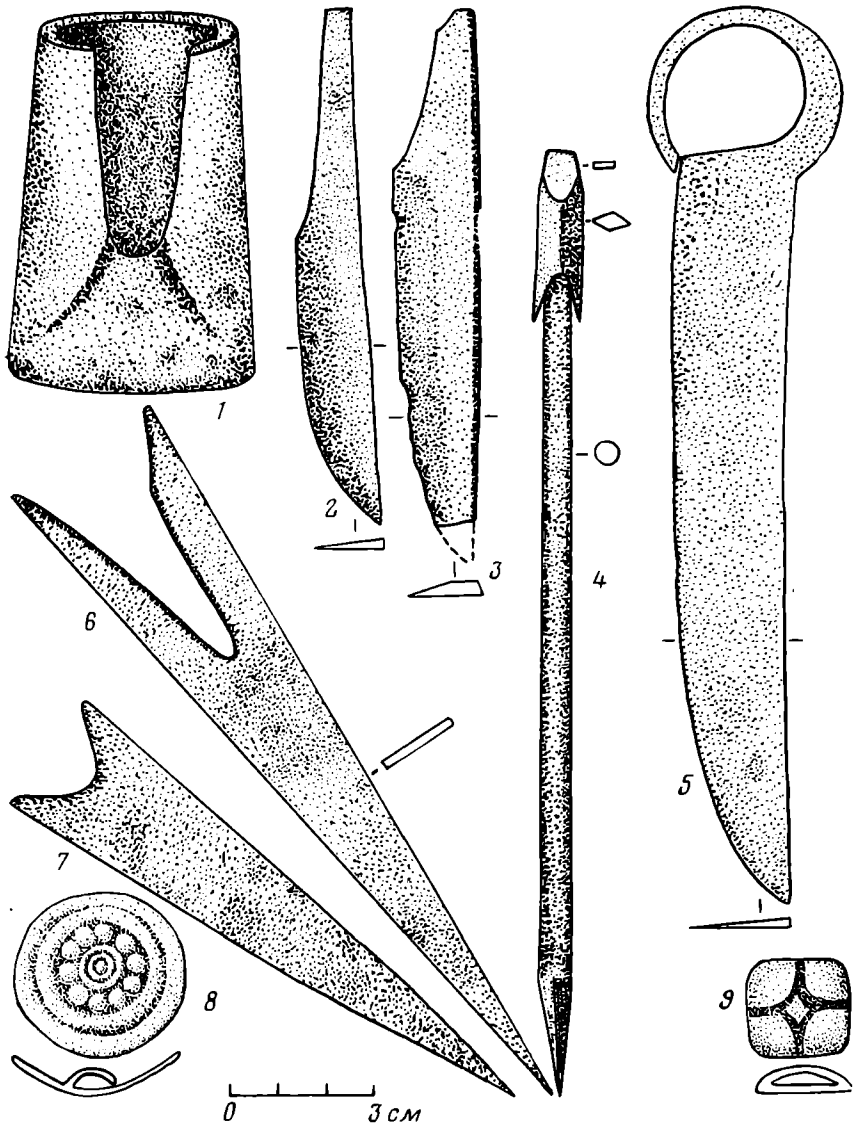


Рис. 4. Вещи из Большеларьякского городища

берега. Третий раскоп, площадью 56 $м^2$, располагался за пределами городища с северной стороны. Кроме того, через вал была проложена траншея. Раскопки показали, что городище было основано на месте, заселявшемся в предшествующее время. Об этом свидетельствует керамика, каменные и металлические изделия энеолита, бронзы, раннего железа и раннего средневековья [5].

Культурный слой городища очень тонок. Для него характерны достаточно большие по площади бесформенные углисто-золистые пятна. Следов углубленных жилищ, соотносящихся со временем существования городища, не обнаружено. По-видимому, жилые сооружения были наземные, легкой конструкции. Впоследствии они, возможно, частью сгорели.

В раскопе у кромки берега лежал наполовину вросший в дерн подпрямоугольный камень размером около 80×30×30 см. Камень был обработан, стороны подправлены, верхний конец стесан под углом. В рыхлых отложениях городищенской террасы таких сравнительно больших кам-

[5] *Посредников В. А.* Отчеты о полевых исследованиях Ваховского отряда Среднеобской археологической экспедиции в 1971—1975 гг. Архив Института археологии АН СССР, р-1, № 4408, 4764, 5010, 5277, 5671.

ней нет. Он явно принесен откуда-то со стороны. Раскопки показали, что камень ранее стоял вертикально, вкопанный в неглубокую яму. Обломки обколотого края лежали тут же, рассеянные под тонким слоем дерна. Рядом с камнем сохранились остатки двух кострищ и яма от столба. Не исключено, что камень имел культовое назначение, возможно, являясь тем «идолищем», о котором упоминалось выше. В этой связи примечательно, что камень располагался на кромке берега, т. е. с той стороны, откуда жителям городища грозила наибольшая опасность.

Добытая при раскопках керамика [6] представлена обломками круглодонных сосудов с различной степенью профилировки венчика. Край последнего утолщен и часто несколько отогнут наружу. Срезы венчиков у одних сосудов закругленные, у других плоские. Орнамент однообразен. В одних случаях сосуды украшены желобками, прочерченными торцом дощечки (рис. 3, *1*, *4*, *9*), в других — прямыми и слегка волнистыми налепными валиками (рис. 3, *2*, *3*, *6*, *8*, *10*). Валики и желобки расположены горизонтально, вертикально, наклонно. Реже орнамент выполнен ногтем (рис. 3, *7*).

Рис. 5. Медная пластина из Большеларьякского городища

Из других предметов встречены фрагменты от двух майоликовых чашечек-светильников (?) на поддоне и три грузила для рыболовной сети. Они представляют собой овальные гальки, зашитые в бересту.

Железные предметы представлены теслом, ножами и наконечниками стрел. Тесло трапециевидных очертаний. Лезвие шире втулки. Длина тесла 7,5 см, диаметр втулки 4 см, ширина лезвия 5 см (рис. 4, *1*). Два ножа черешковые, с прямой спинкой и выгнутым лезвием. У одного ножа конец лезвия отломан. Заточка ножей односторонняя, на клин. Длина ножей с черенком около 11 см (рис. 4, *2*, *3*). Третий нож с прямой спинкой, выгнутым лезвием и кольцом на месте черенка. Длина ножа вместе с кольцом 18,5 см (рис. 4, *5*). Наконечники стрел представлены двумя типами. К первому относится одна боевая бронебойная стрела с длинным круглым черешком, ромбической в сечении головкой с жальцами и долотовидным острием (рис. 4, *4*). Наличие бронебойной стрелы свидетельствует о применении кольчуг. Второй тип наконечников стрел (6 экз.) — удлиненно-треугольные, имеющие на широком рабочем конце развилку (рис. 4, *6*, *7*). Длина имеющихся экземпляров от 11,5 до 18,5 см. Глубина выемки, образующей развилку, также различна — от 1 до 5,5 см.

По крайней мере часть необходимых металлических орудий изготовлялась непосредственно в крепости. Об этом свидетельствуют многочисленные железные шлаки и куски болотной руды. Все железные орудия сделаны с помощью ковки.

На городище найдены также две литые бляшки из белой серебристой бронзы. Одна круглая, выпуклая, с петелькой на внутренней стороне. На лицевой части орнамент в виде концентрических кругов, в середине кольцо из выпуклых жемчужин (рис. 4, *8*). Вторая бляшка подквадратная, с закругленными углами, выпуклая, с петелькой на внутрен-

[6] Вещевой материал хранится в Нижневартовском краеведческом музее, а дневники раскопок — в архиве Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета.

ней стороне. Лицевая часть орнаментирована ромбом, от углов которого отходят желобки, образуя крестовидный знак (рис. 4, *9*).

Одной из интереснейших находок является пластина, вырезанная ножом из медного листа толщиной 0,6—0,8 мм (рис. 5). Пластина имеет четырехугольную форму. Длина ее 7,5 см, ширина по низу 3,6 см, по верху — 4,2 см. По углам вверху сделаны закругленные выступы (один из них обломан). Нижняя сторона пластины обломана, здесь сохранилась часть специально пробитого круглого отверстия.

На пластине ножом вырезано изображение остроголового существа. Голова образована четырьмя линиями. Она не имеет шеи и сливается с туловищем. Глаза и рот нанесены точечными ямками. Нос не отмечен. Туловище четырехугольной формы. От головы к середине туловища проведена «линия жизни», представляющая собой вертикальную прямую, оканчивающуюся внизу ромбом. Ниже, по животу, нанесены ребра в виде линий, спускающихся наклонно с боков к середине. Верхние конечности изображены в виде длинных треугольных крыльев, опущенных вершинами вниз. В их верхней части выбито по одной точечной ямке. Между головой и плечами чуть выше уровня рта также нанесено по одной точечной ямке.

Судя по расположению отверстия на пластине, она подвешивалась таким образом, что остроголовое существо с крылоподобными конечностями было обращено головой вниз. Это существо не выходит из ряда хорошо известных культовых остроголовых изображений народов Сибири, выполненных в металле и дереве. Пластина, видимо, являлась подвеской в костюме шамана Большеларьякского городища.

Примечательной находкой на городище явился череп взрослого человека, имевший, правда, плохую сохранность [7].

Результаты археологических изысканий в окрестностях дер. Большой Ларьяк хорошо согласуются с устной исторической традицией местных хантов, по которой их предки пришли на Средний Вах со стороны Оби, по таежному междуречью Ваха и Тыма [8], по-видимому, незадолго до прибытия сюда русских казаков. Последнее же случилось вскоре после постройки Сургутского острога в 1594 г. Во всяком случае, в 1597—1599 гг. была проведена первая перепись ваховских хантов и создана Ваховская волость Сургутского уезда, охватывавшая нижнее и среднее течение Ваха, включая и земли Большой Ларьякской протоки. Следовательно, ханты обосновались на Среднем Вахе до 1597 г.

Конкретная причина миграции хантов по таежной полосе Западной Сибири с запада на восток остается пока неясной. Скорее всего она была обусловлена общеисторической обстановкой в Западной Сибири в XVI в. В 1563 г. к власти в Сибирском юрте пришел Кучум. Он предпринял ряд завоевательных походов против нижнеиртышских угров и тюркоязычного населения Барабинской степи вплоть до верховьев Васюгана, населенного хантами. Кучум обложил ясаком покоренные группы хантов и манси, ранее подчиненные местным князькам. После 1573 г. резко обострились взаимоотношения Сибирского юрта с Русским государством, вследствие чего Кучум обязал хантов и манси выполнять воинскую повинность.

Если исходить из этой исторической ситуации, то наиболее вероятно, что основной импульс переселения отдельных групп хантов в XVI в. в восточном направлении — на недосягаемые для Сибирского ханства земли среднего течения Ваха — приходится как раз на период после 1563 г. (или после 1573 г.). Если это так, то можно предположить, что Больше-

---

[7] Хранится в кабинете антропологии Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета, инв. № 1448.

[8] *Дмитриев-Садовников Г. С.* Ук. соч., с. 12.

ларьякское городище было построено самодийской группой в период 1563—1597 гг.

До прихода хантов обитатели городища проживали, видимо, на поселении Большеларьякское I, керамический материал которого аналогичен городищенскому. Это тем более вероятно, что сами ханты, как указывалось, не связывают место поселения со своими предками и, более того, издавна считают его «нечистым», т. е. враждебным.

Судя по незначительной толщине культурного слоя Большеларьякского городища, оно существовало очень недолго, максимум в пределах нескольких лет, предположительно в период между 1563 (1573) — 1597 гг. А следы пожарища, повернутый и частью разбитый культовый камень и некоторые другие признаки свидетельствуют о драматическом его конце.

Памятники большеларьякской старины при дальнейшем археолого-этнографическом исследовании могут оказаться весьма полезными для изучения взаимоотношений хантов и самодийцев Ваховского полесья и их культуры в XVI в.

Критика и библиография

Tarrête J. Le Montmorencien. X-e supplement à «Gallia Préhistoire». Editions du Centre National de la Recherche Scientifique. Paris, 1977, 216 p.

Рецензируемая работа Жака Таррета посвящена малопонятному культурному явлению в мезолите Франции — монморансийской культурной группе. Памятники, относящиеся к ней, расположены в самом центре Иль-де-Франс, иначе говоря, в окрестностях Парижа, как на левом, так и на правом берегу Сены, как раз там, где давно была установлена коренная территория широко известного французского тарденуазa. Своеобразие же монморансийской группы состоит прежде всего в характерном используемом для изготовления орудий материале — песчанике, а также в некоторых типах орудий, которые не встречаются или, вернее, почти не встречаются в тарденуазе. Естественно, что это культурное явление давно привлекало внимание французских археологов, о чем свидетельствует богатая библиография, приведенная в конце книги.

Композиционно книга делится на введение, три части и заключение. Во введении приводится очерк истории постановки проблемы и состояния источников, а также ставятся цели работы и излагается ее план.

Первая часть носит название «Состояние проблем и попытка определения». В ней автор делит монморансийскую группу на две подгруппы — А и В. При этом Ж. Таррет сразу же оговаривается, что в настоящей работе он не будет рассматривать тип В, поскольку считает его особым культурным явлением, отличающимся от типа А (основного). Отличия он видит в стратиграфии поселений, характере основных заготовок и техники обработки (с. 18). Кроме того, основные памятники типа В, по мнению автора, лежат несколько в стороне от памятников типа А. Тут следует упрекнуть Ж. Таррета в противоречии: при дальнейшем изложении выясняется, что в зоне распространения основных памятников монморансийской группы типа А есть и стоянки типа В. Поэтому решение автора не рассматривать подробно памятники типа В кажется не ясным, как, впрочем, и основные различия между этими двумя подгруппами.

Монморансийская группа типа А разбирается автором очень подробно. Следует отметить приведенные петрографические анализы песчаника, из которого сделаны орудия на разных стоянках, подчеркивающие даже самые мелкие различия между разными сортами этого материала. Широко и разнообразно описана техника раскалывания, при этом обращается внимание на незначительное число нуклеусов (высказывается гипотеза, что при раскалывании иногда обходились без нуклеусов — откалывали заготовки прямо от плит коренного залегания песчаника). Следует обратить внимание на один существенный недостаток этого раздела. Автор достаточно четко излагает классификацию нуклеусов. Характер же их подготовки к скалыванию, да и самый процесс скалывания практически остаются вне его рассмотрения. Между тем у Ж. Таррета проскальзывает мысль о сходстве некоторых типов нуклеусов монморансийской группы с тарденуазскими. И сравнительный анализ характера скалывания с тех и других ядрищ мог бы облегчить автору дальнейшие рассуждения.

Значительное место посвящено в этом разделе всестороннему описанию основной группы орудий монморансийской группы: орудиям на призматических в сечении заготовках. Автор изучает способ их получения, ретушь, их поперечные сечения и размеры, рабочие части этих орудий, функции. Однако надо сказать, что именно функции остаются Ж. Таррету во многом неясными. Здесь, наверное, мог бы помочь трасологический анализ, широко применяющийся сейчас во всем мире. Правда, он не всегда дает результаты при исследовании песчаника. Тем не менее попытку сле-

довало бы сделать, и благоприятный результат облегчил бы автору решение еще одной задачи.

И наконец, в этом же разделе приводится типология изделий, характерных для монморансийской группы. Судя по тексту, эта типология оригинальна, составлена самим автором. Основное внимание уделяется в ней орудиям на призматических заготовках, что вполне оправдано, с нашей точки зрения, так как они составляют, как правило, большинство орудий. Всего в типологический список автором включено 48 типов орудий, что практически полностью охватывает все разнообразие изделий монморансийской культурной группы.

Вторая часть, самая большая в книге, носит название «Анализ поселений». В ее начале была бы уместна карта распространения основных стоянок монморансийской группы. Такая карта в книге есть, но она помещена в третьей части, где делается попытка обзора всех проблем, связанных с этой группой. Поэтому чтение второй части книги затруднено, если не знать, что карта помещена в другом месте. Эта часть делится на несколько разделов. Первый из них освещает материалы стоянки Ля Виньет, одного из самых южных памятников группы, расположенного к югу от леса Фонтенбло. Вообще, изложение материалов второй части строится по географическому принципу. Приведены местоположение, история исследования, геологические данные и стратиграфия стоянки Ля Виньет, состав ее инвентаря; помещен кумулятивный график, иллюстрирующий соотношение типов орудий в комплексе. Свыше 70% коллекции составляют орудия на призматических заготовках, а среди них резко преобладают орудия с рабочим концом в виде поперечного долота. К сожалению, коллекции раскопок стоянки Ля Виньет разбросаны по разным музейным хранилищам, что видно из суммарной таблицы инвентаря, приведенной автором. По-видимому, это обстоятельство затруднило Ж. Таррету детальное описание инвентаря, хотя все статистические выкладки сделаны им точно. Приведенные иллюстрации отражают материал памятника тоже далеко не исчерпывающим образом.

Самый большой раздел этой части касается поселений леса Монморанси (откуда, собственно, и название культурной группы). В той или иной мере с ней здесь связываются 32 стоянки. Особенно много их в районе Писко, где есть и широко известные тарденуазские памятники. Степень исследования поселений, как это хорошо показывает автор, различна: одни известны по многократным раскопкам (не всегда, правда, систематическим), другие — по сборам с поверхности (иногда очень незначительным). Тем не менее их материал однороден, что позволяет Ж. Таррету оценить его с достаточной полнотой. Среди этих памятников есть стоянки с четкой стратиграфией, которая помогает определить залегание монморансийских остатков под неолитическими, подтверждая тем самым мезолитический возраст этой культурной группы. Вместе с тем необходимо отметить, что тарденуазские остатки залегали местами в одном литологическом слое с монморансийскими.

Особого внимания среди памятников леса Монморанси заслуживают стоянки 1, 3, 7, 15, 17, 18, 23, 28, на которых Ж. Таррет и останавливается подробнее. Для каждой из них автором приведены суммарные таблицы инвентаря, для большинства сделаны кумулятивные графики. К сожалению, описание инвентаря и его иллюстрации тоже страдают излишним обобщением.

Особенность стоянки 1 в лесу Монморанси в том, что она дала как раз ту стратиграфию, о которой мы говорили выше (монморансийский слой под неолитом). Кроме того, при раскопках обнаружено несколько бытовых объектов. Среди них 4 очага. По мнению исследователей, проводивших раскопки, один из них, самый большой, увязывается с тарденуазским комплексом; прямо над ним были обнаружены монморансийские изделия. Второй очаг, по-видимому монморансийский, был рядом с первым, в тех же литологических условиях. Третий и четвертый обнаружены в ямах, которые интерпретировались как остатки жилищ. Эти ямы были округлой формы с диаметром вверху до 3 *м* и суживались книзу до 1,50 *м* (площадь этих сооружений около 5 *м*²). Приведенные чертежи не дают практически никаких сведений об этих конструкциях. Но это не вина автора книги. Дело в том, что раскопки, судя по словам Ж. Таррета, проводились без достаточной документации. Всего было обнаружено три ямы, интерпретированные как жилища. Из них две, по-видимому, связываются с тарденуазским комплексом и только одна — с монморансийским.

Еще одной особенностью этого памятника является изготовление ряда микролитов явно тарденуазского облика (в том числе острий типа Тарденуа) из того же песчаника, что и основной монморансийский комплекс. Правда, Ж. Таррет, следуя за исследователем стоянки Р. Даниелем, считает все же тарденуазские предметы обособленными от монморансийских. Однако, с нашей точки зрения, совсем не исключена и тарденуазская принадлежность этих микролитов, как не исключено и изготовление их носителями монморансийской технической традиции. Этот вопрос находится в прямой связи с проблемой взаимоотношений тарденуаза и монморансийской группы.

Стоянка 3, расположенная, как и стоянка 1, в районе Писко, дала обычный монморансийский инвентарь, в котором есть несколько кремневых изделий, исполненных в монморансийской технике.

Своими конструкциями и стратиграфией интересна стоянка 7. Здесь были найдены два монморансийских культурных слоя. Это, как кажется, давало бы возможность после детального анализа инвентаря этих слоев попытаться построить периодизацию монморансийской группы. Однако ни авторами раскопок, ни Ж. Тарретом этого не было сделано. В культурных слоях стоянки были найдены очаги, а также, по-видимому, углубленное жилище. Однако документация, содержащаяся о них в книге, не дает возможности хорошо ознакомиться с особенностями их конструкции. Огромная коллекция орудий памятника (свыше 1000 экз.) разбросана по разным музейным хранилищам. Тем не менее Ж. Таррету удалось ее обработать, составив кумулятивный график материала поселения, правда, без разделения его на культурные слои.

Стратиграфия стоянки 15 еще раз показывает, что монморансийский материал залегает под неолитическим. Кроме того, при ее раскопках найдены остатки ям-мастерских по обработке каменных орудий. Такие же ямы обнаружены на стоянке 16. На стоянке 17 раскопаны ямы, где добывался песчаник; на стоянке 18 — очаги. Однако ни одного чертежа этих бытовых объектов Ж. Таррет не приводит. Особенностью инвентаря стоянки 18 является небольшое число орудий на призматических заготовках и гораздо большее, чем в других памятниках, количество скребел.

Следующий раздел второй части посвящен стоянкам леса Верьер и долины Бьевры (к юго-юго-западу от Парижа). Эти памятники (а здесь найдено 10 монморансийских поселений) носят обычный для этой культурной группы характер.

Затем целый раздел касается стоянок долины Шеврёзы и массива Рамбуйе (к западо-юго-западу от Парижа). Здесь обнаружено семь поселений. Особого внимания заслуживает небольшая стоянка Гамбезёй, раскопанная почти полностью. Ее особенности: высокий процент одного из видов орудий на призматических заготовках — трехгранного острия.

Стоянка, обнаруженная в районе Мелана, на правом берегу Сены, заполняет своим материалом следующий раздел. Она известна по сборам с поверхности.

Еще в нескольких местах найдены отдельные монморансийские стоянки, материалов которых Ж. Таррет касается в следующем разделе. Здесь интересна стоянка Монтобер к югу от Парижа. Она дала почти 90% орудий, изготовленных на призматических заготовках.

В этой же части помещены два важных раздела, имеющих общее значение для проблемы монморансийской культурной группы. Это, во-первых, раздел о наличии орудий с монморансийской техникой обработки, изготовленных из песчаника, в тарденуазских поселениях. Ж. Таррет, перечисляя эти памятники, приходит к важному выводу: по крайней мере в Парижском бассейне тарденуазские поселения почти всегда содержат макролитические изделия, часто из песчаника, монморансийского облика. Однако интерпретация этого явления в книге отсутствует. От вывода же, сделанного в книге, казалось бы, один шаг до еще одного: монморансийская группа — это фация тарденуаза, связанная с обработкой песчаника и изготовлением орудий из него, предназначенных для какой-то специальной работы.

Второй общий раздел этой части касается находок монморансийских орудий в неолитических комплексах. Автор приводит список таких памятников. Но при этом он подчеркивает мысль, что на неолитических стоянках можно найти орудия из

разных материалов и поэтому нельзя только на основании материала, из которого сделаны орудия, относить монморансийскую группу к неолиту.

Третья часть работы называется «Опыт синтеза». Первый ее раздел посвящен геологическому и стратиграфическому положению монморансийских памятников. Здесь говорится о специфическом расположении поселений в песчаных отложениях. Ж. Таррет указывает, что стратиграфические данные нескольких стоянок показывают более раннее положение монморансийских материалов относительно неолита. В то же время их соотношение с тарденуазом стратиграфически остается неясным.

Затем в этой части помещен раздел, обобщающий данные о монморансийской каменной индустрии. Здесь еще раз приводятся данные о составе индустрии основных памятников монморансийской группы. Важно подчеркнуть, что для сравнений Ж. Таррет выбирает поселения, давшие только значительный количественно инвентарь. Это стоянки Ля Виньет, Монтобер, Гамбазёй и ряд поселений леса Монморанси (стоянки 1, 7, 15, 17, 18). Кроме того, здесь учитывается старая коллекция Франше из леса Монморанси. Сопоставление кумулятивных графиков коллекций материалов этих стоянок позволяет автору разделить их на группы. В первую входят стоянки 7 и 17 леса Монморанси, а также коллекция Франше. Во вторую — стоянки 15 леса Монморанси и Монтобер. Стоянки 1 леса Монморанси и Гамбазёй занимают промежуточное между ними положение. Стоянки же Ля Виньет и 18 леса Монморанси выделяются своими кумулятивными кривыми. Однако автор ограничивается здесь только констатацией фактов, не пытаясь сколько-нибудь их интерпретировать, не пытаясь показать, какие причины лежат в основе этих различий: хронологические, локальные и т. д.

Следующий раздел этой части посвящен бытовым объектам, встреченным на монморансийских стоянках во время раскопок. Он делится на несколько подразделов. В первом из них исследуются очаги. Автор подробно их перечисляет, указывает размеры (правда, не всегда упоминается их мощность). Однако их место на поселении и роль для людей, оставивших то или иное поселение, остается для него, по-видимому, не ясной. Дальше описываются ямы, найденные в процессе раскопок. Ж. Таррет делит их на две категории: ямы для добычи песчаника и остатки жилищ. Надо сказать, что все бытовые объекты исследовались авторами раскопок, вероятно, без достаточной документации. Поэтому Ж. Таррету порой трудно согласиться или не согласиться с интерпретацией той или иной конструктивной детали.

Далее Ж. Таррет рассматривает в целом монморансийские поселения и приходит к правильному, очевидно, выводу, что большинство их представляет собой стоянки-мастерские, предназначенные для добычи и первичной обработки песчаника. При этом он касается и способов добычи песчаника.

Особый раздел посвящен хронологии монморансийской группы. К сожалению, как это часто случается с археологическими памятниками, расположенными в песчаных отложениях, у автора нет никаких данных по абсолютной хронологии монморансийских стоянок. Тем не менее он считает, что, учитывая находки монморансийских элементов в тарденуазе и неолите, можно говорить об относительной хронологии этой культурной группы. Ж. Таррет приходит к выводу, что она занимает промежуточное положение между тарденуазом и неолитом. Однако приведенные выше стратиграфические данные не дают полной уверенности в правоте этого вывода в той его части, которая относится к взаимоположению тарденуаза и монморансийской группы, ведь в нескольких случаях остатки этих двух индустрий найдены в одном литологическом слое.

Заключение подводит итог всему сказанному в работе.

Кроме отмеченных выше недочетов книги следовало бы указать на какую-то неуверенность автора в решении основных проблем монморансийской группы, незавершенность их рассмотрения. Однако несмотря на все недостатки, книга Ж. Таррета очень полезна. Благодаря этой основательной сводке материалов специалисты по первобытной археологии смогут полнее ознакомиться с особым культурным явлением в мезолитической истории Франции.

Л. В. Кольцов

Андреева Ж. В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век (I тысячелетие до н. э.— VIII в. н. э.). М, Наука, 1977

Рецензируемая книга представляет собой второе, расширенное и дополненное издание работы, опубликованной в 1970 г.[1] Подзаголовок, хронологические рамки, структура, основной круг источников, подбор иллюстраций, таблиц, карт не претерпели изменений либо повторены с дополнениями. В работу включены новые главы и иллюстрации. Объем ее возрос вдвое. Число рассмотренных памятников увеличилось с 9 до 15, но вновь добавленные памятники либо исследованы другими археологами (Олений, о. Петрова, Булочка, Осиновка, Круглая сопка), либо не исследовались вовсе (Известковая). Число памятников, изученных автором, прежнее: поселение Малая Подушечка с могильником и Синие Скалы. В работе также повторены краткие описания раскопок в Валентине, Сокольчах, Киевке. Описание вновь открытого могильника у колхоза им. Чапаева не сопровождается публикацией ни одной вещи. В основном книга построена на материалах Малой Подушечки и Синих Скал, глава «Кроуновская культура» написана почти полностью по материалам кратких сообщений о раскопках, выполненных А. П. Окладниковым и мною.

Описание вещей в тексте и иллюстрации никак не связаны — случай, редчайший в археологии. Планы раскопов не сопровождаются разрезами, хотя речь идет о многослойных памятниках со сложнейшей стратиграфией. Вещи опубликованы обобщенно, указания на место находки редки.

Во второе издание Ж. В. Андреевой внесен ряд изменений. В первую очередь это переход к изучению археологических культур. В работу введены понятия: «кроуновская культура», «ольгинская культура», им посвящены, как и янковской, отдельные главы. Но при этом сохраняется прежнее членение на этапы: начальный этап раннего железа — янковская культура (южноприморская в издании 1970 г.); конечный этап раннего железа — кроуновская культура; развитое (?) железо (в предыдущем варианте позднее) — ольгинская культура. Вместо «чжурчжэни» в таблицу I введен термин «раннее средневековье», оно же — второй этап развитого железа. Таким образом, периодизация принципиальных изменений не претерпела. Концепция, согласно которой до VIII в. Приморье оставалось зоной первобытного общества, подчеркнута в заглавии книги.

В главе I, ч. I «Задачи исследования, методика» содержатся общеметодические замечания. Сообщается, что спектральный анализ помог доказать существование местной металлургии (с. 6), а петрография — определить местную сырьевую базу. В дальнейшем изложении эти сообщения не подтверждаются. Делается оговорка о необходимой осторожности при использовании этнографических материалов для реконструкции прошлого (с. 6), далее встречаем аналогии с банту, Индией и т. п. Определяется круг вопросов, которым посвящена книга, среди них реконструкция этногенетических процессов на юге Дальнего Востока СССР и как средство — картографирование элементов материальной культуры, несущих этногенетическую информацию. Далее вопрос даже не поставлен. В целом присутствие главы не обусловлено дальнейшим текстом.

Глава II первой части «Историография и источники» являет собой скорее библиографическую справку. Сложный характер источников, сущность нерешенных проблем обойдены молчанием.

Работы 60—70-х годов в Приморье являются прямым продолжением и развитием работ, начатых А. П. Окладниковым еще в 1935 г. и продолженных им и Г. И. Андреевым в 50-е годы. Уже в конце 50-х годов А. П. Окладников открыл все те культуры и периоды, которыми оперирует Ж. В. Андреева, изменились только названия, что может создать у читателя иллюзию новизны.

Глава III «Этапы исторического развития древних племен Приморья в железном веке» посвящена периодизации, относительной и абсолютной хронологии, но в отношении периодизации и хронологии ничего нового по сравнению с работами А. П. Окладникова глава не содержит.

---

[1] *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье. Железный век. М., 1970.

Вторую часть «Ранний железный век» открывает глава о янковской культуре. Карта на с. 38 сообщает о трех вариантах памятников: собственно янковских, валентиновской группе и поселениях северо-восточного Приморья. Последние, как показали работы В. И. Дьякова, принадлежат лидовской культуре, в книге о них ничего не сообщается. В тексте упоминаются еще два варианта янковской культуры: континентальный (Крауновка) и майхинский [2]. Вещи из нижнего слоя Малой Подушечки принадлежат как раз майхинскому ее варианту и заметно отличаются от вещей типа Песчаного. Горизонтальная стратиграфия памятников в зверосовхозе Олений, где между двумя майхинскими поселениями на мысах расположено на низкой террасе поселение типа Песчаного, указывает на то, что варианты — суть хронологические этапы культуры, при этом типология орудий и оружия указывает на ранний возраст майхинского варианта. Радиуглеродная дата нижнего слоя Малой Подушечки — V в. до н. э.— согласуется с нашим членением янковской культуры на этапы: ранний — VII—V вв. до н. э. и поздний — V—III вв. до н. э.

На плане нижнего слоя Малой Подушечки (с. 39) обозначены два полностью и три частично раскопанных жилища, 18 погребений. Жилища обозначены буквами (в тексте ссылок на эти буквы нет), погребения — номерами 1—13. В тексте (с. 70) сообщается о 20 погребениях, из которых 14 — трупоположения. Остальные, как можно понять впоследствии, вторичные. На с. 71 упоминается 14 погребений, в ранее опубликованной работе [3] — более 20. Сколько их на самом деле — не ясно. Из текста трудно установить, о каких погребениях идет речь, так как номера жилищ и могил не указаны. Стратиграфия могильника не выяснена. Как и при всех других планах, отсутствуют разрезы.

Много внимания уделено расположению жилищ Песчаного и Подушечки по кругу. Предоставим читателю самому судить по планам на с. 39 и 44, есть ли в действительности круговая планировка поселений. В дальнейшем Ж. В. Андреева неоднократно пишет о линейном, на ступенях-террасах, расположении домов на поселениях других периодов. Именно такое расположение жилищ наблюдается на всех раскопанных в Приморье поселениях — от неолита до XII в.

При описании жилищ Песчаного, Оленьего I, II Ж. В. Андреева много внимания уделяет размерам домов. Нужно заметить, что вариабельность размеров одновременных объектов на одном поселении в Приморье очень велика — от неолита до средневековья. Попытки на ограниченном материале трактовать разную площадь домов как свидетельство определенного развития семьи неубедительны. Сравнительный материал по странам Восточной Азии подается настолько кратко и обобщенно, что едва ли не все конструкции дома от Хуанхэ до Японии выглядят совершенно одинаково. В то же время Ж. В. Андреева в приамурском регионе легко бы нашла очевидные этнографические аналогии разным типам янковских жилищ.

В одном из жилищ обнаружены «следы выплеска металла». Это сообщение в дальнейшем изложении превращается в бесспорное доказательство существования янковской металлургии (с. 49). На основании «следов выплеска» предпринимается экскурс в историю появления в Приморье металлургии; к сожалению, в нем нет достоверных сведений. Глиняные тигли из бухты Валентин, опубликованные Г. И. Андреевым [4], содержали следы железа, а не бронзы, сопровождались средневековой станковой керамикой, железным наконечником и стеклянными бусами, т. е. вещами, как и сами тигли, не имеющими никакого отношения к бронзовому веку [5]. Другой аргумент Ж. В. Андреевой — литейные формы Синих Скал опубликованы [6]. В этих формах отливались вещи, датируемые не ранее рубежа нашей эры, подобные формы и вещи хорошо известны в Корее и Маньчжурии [7]. Ближайшая же аналогия одному из клинков хранится во Владивостоке [8] и помещена Ж. В. Андреевой в таблицу крауновских вещей. При чем же здесь Сейма, Турбино

---

[2] *Бродянский Д. Л.* Майхинский вариант культуры сидеми (по результатам раскопок 1963—1965 гг.).— В сб.: Народы Советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР.— Тр. ДВФ СО АН СССР. Сер. истор., т. 6. Владивосток, 1968, с. 172—178.

[3] *Андреева Ж. В.* Раскопки на поселении Малая Подушечка в Приморье.— АО — 1971. М., 1972, с. 283.

и Бородинский клад? Можно ли на таких «основаниях» писать о металлургии и даже добыче руды во II или, более того, в конце III—II тысячелетии до н. э.?

На с. 55 Ж. В. Андреева отмечает смешанный характер верхнего слоя Малой Подушечки, но безоговорочно относит к нему вещи совершенно такие же, как в нижнем слое: кельты, насады, каменные топоры, долота, ножи, пряслица, украшения. Много внимания уделено сравнению Малой Подушечки и Песчаного с целью аргументировать сезонный характер поселения на Песчаном. Переселяясь к морю из речных долин на лето, как думает Ж. В. Андреева, обитатели Песчаного, вероятно, меняли типы едва ли не всех своих орудий и керамики. Умозрительно выглядит утверждение об особом расцвете костяной индустрии в янковской культуре (с. 61). Просто слой раковин хорошо сохраняет кость. В Приморье, там, где в слое кость сохраняется, она в изобилии и с большим разнообразием форм представлена в неолите (Синий Гай I, Чертовы Ворота), в бронзовом веке (Синий Гай III), в раннем средневековье (Николаевка II).

При описании янковской керамики Ж. В. Андреева выделила всего три типа сосудов (с. 61, 62): горшки, миски, чаши на поддонах. В действительности типов много больше, на рисунках на с. 63, 64, 68 читатель без труда различит 10—12 типов сосудов. К горшкам Ж. В. Андреевой отнесены узкогорлые амфоры, предназначенные для хранения продуктов. Фотография такого сосуда украшает обложку книги.

Вместо анализа происхождения этой керамики приводится краткое замечание А. П. Окладникова о ее связи с неолитической зайсановской посудой. Замечание действительно верное, особенно по отношению к позднезайсановскому слою середины II тысячелетия до н. э., но ни хронологический разрыв, ни большинство новых форм и деталей в книге объяснения не получили.

На с. 72 Ж. В. Андреева, ссылаясь на И. И. Гохмана, пишет: «Анализ материалов из могильника на Малой Подушечке показал, что обитатели поселения янковской культуры принадлежали к байкальскому антропологическому типу». Но ведь И. И. Гохман обработал только один(!) череп из могильника — почему об этом не сообщается читателю? Замечу, что в чисто археологическом плане принадлежность носителей янковской культуры (разумеется, большинства из них) к континентальному байкальскому типу представляется маловероятной.

Автор признает факт появления земледелия задолго до железного века (с. 82), но ничего не сообщает о системе земледелия янковцев. Процентный состав янковского стада приводится по работе Н. М. Ермоловой для Песчаного, на материалах Малой Подушечки подсчеты не сделаны. Автор оперирует процентами видов животных, нигде не оговаривая большую степень условности таких подсчетов.

Интересна мысль о высокой плотности населения как стимуле развития прибрежных промыслов.

На уровне культуры рассматривается небольшая валентиновская группа памятников. Никаких оснований для ее выделения автор не приводит. В лучшем случае это локальный вариант янковской культуры, судя по появлению кроуновских топоров (рис. на с. 90, *12*), довольно поздний. Континентальный вариант янковской культуры Ж. В. Андреева не рассматривает, хотя возглавляемый ею сектор располагает коллекциями с одного такого памятника[9]. Попытка на с. 99 конструировать две группы населения в янковское время бездоказательна, так как сравниваются памятники с невыясненной автором хронологией. Столь же голословны замечания о

---

[4] *Андреев Г. И.* Исследования в бухте Валентин.— КСИА АН СССР, № 97, 1964, с. 99, 100.

[5] *Гарковик А. В.* Работы на поселении Валентин-перешеек.— АО — 1974. М., 1975, с. 196.

[6] *Андреева Ж. В.* Следы местного металлургического производства в Приморье в памятниках II тыс. до н. э.— В сб.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975, с. 104, 105.

[7] *Ким Дзён Хак.* Археология Кореи. Токио, 1972 (на японск. яз.), табл. 33, 55, рис. 69; 92, *3*, *4*.

[8] *Окладников А. П., Шавкунов Э. В.* Погребение с бронзовыми кинжалами на р. Майхэ.— СА, 1960, № 3, рис. 3.

[9] *Гарковик А. В.* Поселение на сопке «Мустанг».— В сб.: История, социология и филология Дальнего Востока.— Тр. ДВНЦ АН СССР. Сер. истор., т. 8. Владивосток, 1971, с. 72, 73.

связи зайсановской и янковской культур (минуя эпоху бронзы). В целом удовлетворительного очерка янковской культуры не получилось.

Крауновская культура — связующее звено в хронологической шкале Ж. В. Андреевой между янковским и фактически раннесредневековым периодами. Ж. В. Андреева, не имея собственных материалов по этой культуре, вынуждена пользоваться краткими сообщениями, неизбежное следствие чего — цепь ошибок и общая неверная оценка стадиального положения крауновцев. Карта на с. 102 в северной части края не показывает, да и не может показать в настоящее время ни одного крауновского памятника. Подлинное расположение и концентрация памятников на карте искажены (только в районе Крауновки шесть поселений). В легенде карты отмечены несуществующие поселения Петровка, Штыково, Фроловка. Площадь жилищ в Оленьем не до 16 $м^2$, а до 32 $м^2$ (с. 102). Бронзовые зеркало, кинжалы, долото (рис. на с. 105, *4*, *10—12*) из погребения в каменном ящике у сопки Известковой отнесены к крауновской культуре априори, без какой-либо аргументации, совершенно необходимой и крайне важной, так как вещи эти датирующие, а связь их с крауновским временем доказывается сложным типологическим построением. Каменные шлифованные ножи в крауновских жилищах мне не известны, и ссылка на мою работу неправомерна (с. 107, сноска 33). Путано и неверно по сути излагает Ж. В. Андреева (с. 108, 109) мою рабочую гипотезу (а не категоричное утверждение) о членении культуры на три этапа. Во всяком случае, три крауновских поселения с канами, несомненно, существовали позднее, чем поселения, где канов еще нет. Конструкцию очага я и предложил в качестве критерия выделения этапов.

Главу, посвященную теоретическому осмыслению периода раннего железа, открывает бесспорное замечание о необходимости рассматривать материал комплексами. Как обстоит дело с таким подходом у Ж. В. Андреевой, мы уже видели в источниковедческих главах. Но автор идет дальше. То, что при описании материала говорилось с долей осторожности, здесь превращается в утверждение доказанных истин: постоянное и сезонное поселения янковцев, поселения родовых общин (откуда известно, что они именно родовые?), количественный анализ предметов, имитирующих бронзовые карасукские и тагарские наконечники копий и кинжалы (с. 131),— нет в книге такого анализа, как нет и имитаций карасукских ножей. Перечень недоуменных вопросов к Ж. В. Андреевой не вмещается в тесные рамки рецензии, но об одном из них следует сказать подробнее. Сноска 26 на с. 123 отсылает читателя к моей работе, где якобы сообщается об общественном хранилище в поселении Олений II. Далее на этом «хранилище» построена «реконструкция» общественных форм производства и распределения — далеко идущие социологические выводы, обильно оснащенные ссылками на авторитет зачинателей палеоэкономических исследований. Но круговой планировки янковских поселений нет, не обнаружены в них «общественные хранилища». Описанная мною кладовая имела 14 емкостей по 12—15 л, входила в комплекс из трех помещений общей площадью 83 $м^2$ и общественным хранилищем может быть названа с меньшим основанием, чем кладовка в современной квартире. Индивидуальные дворики и ямы в домах на янковских поселениях встречаются, но не укладываются в «реконструкцию» янковского общества и потому замалчиваются.

Никаких позитивных решений проблем генезиса, хронологии, взаимосвязи культур Ж. В. Андреева не предлагает. Краткий очерк памятников Маньчжурии и Кореи служит скорее для украшения работы. Ж. В. Андреева, очевидно, не зная, что слои Чходо, Одона, Хуншаньхоу (Чифэна) получили новые стратиграфические описания, пользуется старыми работами, да и из них информация подается обобщенно и неверно (см., например, табл. на с. 138). В целом ни одна из поставленных в начале книги задач по периоду раннего железа автором не решена.

Приступая к чтению третьей части книги, читатель вправе ожидать многого. Ж. В. Андреева с 1958 г. изучает крупнейшее в Приморье раннесредневековое городище. Выразительный снимок на с. 146 не требует комментариев: Синие Скалы — природой созданное укрепление. 70—100-метровые скалы защищают его лучше любых валов. Площадь городища более 30 тыс. $м^2$. На с. 148 помещен генеральный план: 16 раскопов охватывают восточный, южный и юго-западный края памятника. На с. 150 показаны (очень мелко) примерно 20 раскопанных объектов, в тексте

упомянуты 30, из них раскопано полностью всего 5—6. Определить на плане, о каких объектах идет речь в тексте, невозможно. Не дано ни одного разреза, хотя Ж. В. Андреева считает памятник двухслойным, что следовало обосновать.

В первом издании книги на рис. 41, 44 показаны разрезы двух раскопов. По ним можно сделать заключение о возможных причинах смешения и переотложения вещей в культурном слое: 1) крутое падение склона (рис. 41); 2) перекрывание одного котлована другим (рис. 44). Ж. В. Андреева отметила до пяти последовательных наслоений! Многослойность памятника отмечена и во втором издании (с. 145), но в тексте говорится лишь о двух периодах заселения: в эпоху поздней бронзы (конец II тысячелетия до н. э.) и на позднем этапе «ольгинской» культуры (V—VIII вв.).

В работах Ж. В. Андреевой неоднократно упоминается период поздней бронзы. Возможно, неопубликованные керамика и вещи действительно принадлежат лидовской культуре, но литейные формы никакого отношения к бронзовому веку не имеют, а датируются кроуновским временем, как и керамика с «пеньками» (с. 179), железные кельты (рис. на с. 166, *9*; с. 167, *6*) и насады (с. 166, *3*, *4*, *6—8*; с. 167, *1—7*), каменные плечиковые топоры (с. 172, *9*, *10*). Не исключено, что между лидовским и кроуновским периодами заселения памятника был и янковский. К нему может быть отнесена бóльшая часть сосудов, показанных на с. 177, жатвенные ножи и каменные рубящие орудия (с. 172). Сходство части лепной керамики с янковской заметила и Ж. В. Андреева (с. 173), но весь этот материал она относит к V—VIII вв. Часть керамики, бесспорно, принадлежит польцевской культуре, памятники которой в Приморье раскопаны А. П. Окладниковым. Типы вещей, показанные на с. 158, 160, 168, 170, серп и заступ на с. 167 известны из городищ, поселений и могильников Приморья и Приамурья, датируемых в пределах от VII—VIII вв. до XII — начала XIII в.

Много лет применявшаяся на Синих Скалах методика раскопок «штыками» привела в тупик: стратиграфия памятника остается невыясненной. Можно предположить, что городище заселялось неоднократно, начиная с I тысячелетия до н. э. и вплоть до IX—XI вв. н. э. Механическое отнесение к верхнему слою разнообразных и разновозрастных вещей искажает подлинную картину памятника. Весьма показательно, что в бохайских городищах Круглая Сопка, Николаевка II, где есть слой VIII—IX вв. с «вафельной» лепной керамикой, бубенчиками и другими аналогиями Синим Скалам, нет массовых находок каменных орудий, нет и польцевской керамики. Утверждение Ж. В. Андреевой, что Синие Скалы — двухслойный памятник, не может быть принято.

Тенденция смешивать совершенно разный материал во втором издании возобладала. Это видно при сравнении карт. В первом издании (рис. 26) различаются два типа памятников позднего железа: тип Синие Скалы и тип Серафимовка — Осиновка (верхний слой). Во втором издании (с. 145) все упомянутые памятники отнесены к «ольгинской» культуре; никаких обоснований, описания материала из верхнего слоя Осиновки (мохэская культура, по А. П. Окладникову) не приводится. Как и на других картах, есть очевидные ошибки: в Синем Гае нет никаких «ольгинских» памятников, нет их и на сопке Известковой. Сконструированная Ж. В. Андреевой «ольгинская» культура не существовала, на Малой Подушечке и Синих Скалах механически смешаны коллекции польцевские (II—III вв.), бохайские (VIII—X вв.) и некоторые другие, что и выдается за вновь открытую культуру. Остальные памятники, причисляемые к «ольгинским»,— это либо польцевские, либо мохэские, либо вовсе не существующие объекты.

Слабая источниковедческая база, смешанный характер коллекций обесценили попытки реконструкции экономической и социальной жизни древних обществ. Трудно представить, чтобы исследователь, например Среднего Приднепровья, создал такого масштаба реконструкцию от скифского времени до роменско-боршевской культуры на материалах двух памятников. Подобный подход на Дальнем Востоке искажает подлинный уровень развития и зрелости археологии этого региона.

Позитивная часть — публикация новых материалов — выполнена некорректно: «байкальский антропологический тип», «янковская металлургия», лепная и гончарная посуда на единых таблицах, противоречия при опубликовании одних и тех же ве-

щей (рис. 11, *2*, *3* в первом издании и рис. 7, 8 на с. 164 во втором издании: те же вещи перекочевали без объяснений из нижнего слоя в верхний, вообще сравнение предметов из двух слоев Малой Подушечки часто ведет к выводу об их идентичности).

При внимательном чтении книги поражает поверхностность и декларативность попыток типологического анализа: как такового его фактически у Ж. В. Андреевой нет. Нет и обоснованной стратиграфии.

В целом неудачи автора можно подразделить на две категории: общеметодические и региональные. Первые очевидны и предопределили происхождение вторых. Для союзного читателя собранная воедино Ж. В. Андреевой информация может показаться новой, но фактически все позитивные моменты заимствованы из работ А. П. Окладникова и других авторов. Авторские же положения либо с фактами не в ладу, либо просто декларируются, например все, что связано с происхождением культур.

К чему приводит подобный метод, видно уже из заглавия книги: Ж. В. Андреева вступает в противоречие со всеми советскими авторами, писавшими на темы археологии Дальнего Востока и рассматривавшими мохэскую культуру, начиная с IV—V вв., как раннесредневековую. Ни постановки проблемы о нижней границе средневековья, ни аргументации в пользу продления на 500 лет первобытной эпохи, ни объяснения, почему мохэская культура обойдена молчанием, читатель в книге не найдет.

Обилие ошибок, неточностей, необоснованных гипотез и просто элементарной путаницы исключают возможность рассматривать книгу Ж. В. Андреевой как позитивное исследование или публикацию нового материала или хотя бы в качестве полезной компилятивной сводки, адекватно отражающей современное состояние археологии юга Советского Дальнего Востока.

Д. Л. Бродянский

ПАМЯТИ ВАРВАРЫ АНДРЕЕВНЫ ИЛЬИНСКОЙ

Советская археологическая наука понесла большую утрату: 11 декабря 1979 г. в расцвете творческих сил скончалась Варвара Андреевна Ильинская, старший научный сотрудник Института археологии АН УССР, лауреат Государственной премии УССР, известный исследователь скифского общества, доктор исторических наук.

В. А. Ильинская родилась в 1920 г. в Ижевске в семье инженера. В 1937 г. она поступила на археологическое отделение Исторического факультета ЛГУ и окончила его в 1941 г. в самом начале Великой Отечественной войны. В. А. Ильинская в осажденном Ленинграде работала инструктором Василеостровского РК ВЛКСМ, затем пионервожатой в детском доме. Летом 1942 г. вместе с детдомом В. А. Ильинская была эвакуирована в Горьковскую область и до конца войны оставалась на комсомольской работе, была секретарем райкома ВЛКСМ, сначала в г. Варнавино, потом в Киеве. В 1944 г. В. А. Ильинская вступила в ряды КПСС.

В послевоенные годы развертывается научная деятельность В. А. Ильинской. В 1945 г. она становится младшим научным сотрудником, а затем аспиранткой Института археологии АН УССР. С самого начала работы в ИА АН УССР В. А. Ильинская увлекается скифской проблематикой. Именно этой области археологической науки и была в дальнейшем посвящена вся ее научная деятельность. В 1949 г. Варвара Андреевна защищает кандидатскую диссертацию на тему «Памятники скифского времени Посулья». Дальнейшее углубленное изучение культуры скифского времени в Днепровском лесостепном Левобережье завершается изданием в 1968 г. фундаментальной монографии «Скифы Днепровского лесостепного Левобережья», которая была в 1971 г. защищена в качестве докторской диссертации. В 1975 г. опубликована монография «Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин», внесшая значительный вклад в освещение проблемы переходного периода — конца предскифского времени-раннескифской эпохи в культуре Днепровского лесостепного Правобережья.

В. А. Ильинская регулярно принимала участие в работе экспедиций, проводивших исследования на Суле, Псле, Тясмине, Роси, Переяславщине, причем сделала важный вклад в исследование степных скифских курганов. Для нее всегда были характерны широкий научный кругозор и интерес к нерешенным вопросам археологии и истории скифов. Так, В. А. Ильинской была надежно обоснована гипотеза иранской, собственно скифской, принадлежности населения Посулья и бассейна Северского Донца, принятая ныне большинством скифологов. Немало внимания было уделено и изучению отдельных категорий скифской материальной культуры (топорам, уздечкам, культовым навершиям, головным уборам, наконечникам стрел, жертвенным чашам и т. д.). Ряд работ был посвящен скифскому звериному стилю. В. А. Ильинской введена в науку бондарихинская культура позднего бронзового века в левобережной Лесостепи, что позволило вместе с тем поставить проблему генезиса юхновской культуры раннего железного века.

Еще в 50-х годах В. А. Ильинская обратилась к решению общих историко-археологических проблем скифологии. Ее работа в этом направлении получила наиболее полное отражение в коллективных обобщающих трудах Института археологии АН УССР («Нариси стародавньої історії Української РСР». Київ, 1957; «Археологія Української РСР» Тт. 1—3. Т. 2 Київ, 1971; «Історія Української РСР». (Тт. 1—12). Т. 1, кн. 1. Київ, 1977), в создании которых она принимала активное участие. В 1977 г. за написание ряда разделов трехтомной «Археологии Украинской ССР» В. А. Ильинской вместе с другими украинскими археологами было присвоено звание лауреата Государственной премии УССР. В последний год жизни В. А. Ильинская осуществила свою заветную мечту — при ее участии в качестве одного из основных авторов было завершено фундаментальное исследование «Скифия VII—III вв. до н. э.», в котором подведены итоги современных представлений о Скифии, ее памятниках истории и культуры.

Память о В. А. Ильинской, выдающемся ученом и неутомимом исследователе, навсегда останется в сердцах тех, кому довелось жить и работать рядом с нею.

Группа товарищей

ПАМЯТИ ЮРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА КУХАРЕНКО

6 января 1980 г., на 61-м году жизни, скончался Юрий Владимирович Кухаренко, доктор исторических наук, выдающийся исследователь культур железного века на территории Полесья.

Юрий Владимирович родился 2 апреля 1919 г. в с. Чапли Летичевского района Хмельницкой области, в крестьянской семье. В 1936 г. он поступил на Высшие музейные курсы Наркомпроса РСФСР. В 1938 г. вступил в ряды Красной армии и до 1947 г. служил на Тихоокеанском флоте. За эти годы Юрий Владимирович экстерном окончил исторический факультет Хабаровского педагогического института. В 1941 г. Ю. В. Кухаренко вступил в члены КПСС.

После окончания аспирантуры при Государственном Историческом музее в Москве и защиты кандидатской диссертации в 1951 г. Юрий Владимирович до 1980 г. являлся научным сотрудником Института археологии АН СССР.

С самого начала научной деятельности определился круг интересов Юрия Владимировича. Он изучал памятники полей погребений на территории Украинского Поднепровья и в основном Припятского Полесья. Благодаря многолетним экспедициям, неустанным поискам, прекрасному знанию природы, этнографии и литературы о Полесье ему удалось открыть и исследовать здесь многочисленные памятники различных эпох — от неолита до позднего средневековья. Результатом этих работ явились три выпуска Сводов археологических источников, выход которых положил начало этому серийному изданию Института археологии («Первобытные памятники Полесья», 1962; «Памятники железного века на территории Полесья», 1961; «Средневековые памятники Полесья», 1961). Своды Ю. В. Кухаренко опровергли существовавшее ранее мнение о том, что болотистые земли Полесья были в течение длительного времени почти не заселенными пустынными территориями.

В Полесье Юрий Владимирович открыл и раскопал ставшие классическими могильники зарубинецкой культуры (Велемичи I и II, Воронино, Отвержичи). В его обобщающей работе «Зарубинецкая культура» (САИ, М., 1964) впервые дана детальная характеристика этой культуры, очерчена территория распространения, разработана типология находок, хронология памятников. Эта работа является основополагающей для дальнейшего изучения зарубинецкой культуры.

В 1965 г. Ю. В. Кухаренко была защищена докторская диссертация «Древнее Полесье».

Прекрасное знание материалов соседней с Полесьем территории Польской Народной Республики позволило Юрию Владимировичу написать книгу «Археология Польши» (1969), которая служит справочным пособием для всех интересующихся археологией и историей этих земель.

Юрий Владимирович обладал редкой интуицией и способностью обобщать археологические данные, определять значение разрозненных и случайных находок, вписывать их в систему известных культур. Так, он первым обратил внимание на славянскую лепную керамику из старых находок около г. Житомира и сопоставил ее с находками пражского типа в Средней Европе. Это открытие положило начало изучению ранних славян VI—VII вв. на территории СССР. Юрий Владимирович раскопал широко известное теперь и ставшее эталонным городище Хотомель VII—X вв.

В 60-х годах Ю. В. Кухаренко начал исследование могильника Брест-Тришин и, сопоставив его материалы с памятниками Нижней Вислы, проследил проникновение на территорию Восточной Европы гото-гепидских памятников. Его обобщающая работа об этом могильнике вышла из печати.

Работы Юрия Владимировича отличаются тщательностью публикации материалов, широкими сопоставлениями с культурами Средней Европы, и многие из них вплоть до небольших статей будут жить еще многие годы. Всем занимающимся археологией рубежа нашей эры и начала I тысячелетия предстоит разрабатывать темы, исследование которых было начато Юрием Владимировичем, и им долго будет не хватать его помощи и советов.

И. П. Русанова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ — Археологические исследования в Молдавии
АИУ — Археологические исследования на Украине
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АРА — Археологические раскопки в Армении. Ереван
АРТ — Археологические работы в Таджикистане
АС — Археологический сборник
АСб.ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭС — Археолого-этнографический сборник. Грозный
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВВ — Византийский временник
ВВАЭ — Верхневолжская археологическая экспедиция
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси
ВГО — Всесоюзное географическое общество
ВДИ — Вестник древней истории
ВОКМ — Волгоградский областной краеведческий музей
ВУАК — Всеукраинский археологический комитет
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ГИМ — Государственный Исторический музей. Москва
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИАИ БАН — Известия на Археологически институт на Българска Академия на науките
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИКЗ — Историко-краеведческие записки. Волгоград
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИИС — Из истории Сибири. Томск
КБН — Корпус боспорских надписей
ККФАН — Каракалпакский филиал АН УзССР
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КСИЭ АН СССР — Краткие сообщения института этнографии АН СССР
КСОГАМ — Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея. Одесса.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭ — Музей антропологии и этнографии. Ленинград
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКА — Материальная культура Азербайджана. Баку
МХЭ — Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
МЭН — Музей этнографии народов СССР
НПК — Новгородские писцовые книги
НС — Нумизматика и сфрагистика
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОА ККФАН УзССР — Отдел Археологии Каракалпакского филиала АНУзССР. Нукус
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПИСПАЭ — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГУ — Саратовский государственный университет
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СНВ — Страны и народы Востока. Москва
СЭ — Советская этнография
ТИИАЭ АН ТуркмССР — Труды института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Ашхабад
ТОНГЭ — Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр...АС — Труды ...Археологического съезда

Тр. ОЕКУ – Труды Общества Естествоиспытателей Казанского университета. Казань.
Тр. Тадж ФАН СССР — Труды Таджикского филиала Академии наук СССР
Тр. ТГУ — Труды Ташкентского государственного университета
Тр. РУАК — Труды Рязанской Ученой архивной комиссии
Тр. ХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
Уч. зап.ПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета
AAC — Acta Archaeologica Carpatica. Kracow.
AAH — Acta Archaeolgica. Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
AArch — Acta arhaeologica. Budapest.
AASOR — Annual of the American Schools of Oriental Research
ADAJ — Annual of the Department of Antiquities of Jordan. Amman
AM — Archeologia Moldovei. Bucureşti
AP — Archeologia Polski. Wroclaw-Warszawa-Kraków-Gdańsk
AR — Archeologiche Rorhledy. Praha.
BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research
BCH — Bulletin de Correspondance Hellenique. Paris.
BRGK — Bericht der Romisch-Germanischen Komission. Berlin
BSPF — Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise. Paris
DMOA — Dokumentaet Monumenta Orientis Antiqui
FM — Finskt museum. Helsinki
GZM — Glasnik Zemuljskog Museja Bosne i Hercegovine u Sarajevu. Sarajevo
IOSPE — Inscriptionnes Orae antiquae orae Septenrianalis Ponti Euxini. Graecae et Latinae
JfMV — Jahrasschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte Berlin
MCA — Materiale şi cercetari arheologice. Bucureşti
MDAFA — Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. Paris
OIP — Oriental Institute Publications. Chicago
Spr. Arch.— Sprawozdania archeologiczne. Wroclaw — Warszawa — Krakow — Gdańsk,
SlA — Slovenská archeológia. Bratislava
SCIV(A) — Studii şi cercetări de istorie veche (şi archeologie)
SM — Suomen museo. Helsinki.
SMYA — Suomen muinaismuistoyhdistyksen aika kauskirja Helsinki
UISPP — Union Internationale des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Nice.
VAMZ — Vjesnik Archeološkog Muzeja u Zagrebu. Zagreb
WA — Wiadomosci archeologichne. Warszawa
ZDPV — Zeitschrift des deutschen Palestina Vereins

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.07.80 Подписано к печати 02.04.81 Т-04075 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 28,0 Усл.кр.-отт. 101,9 тыс. Уч.-изд. л. 29,3 Бум. л. 10,0
Тираж 3615 экз. Зак. 58

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10